МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ДОНЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

МУЗЕЙНЫЙ

ВЕСТНИК

РЕСПУБЛИКИ

№ 1

2017

Донецк, 2017

УДК 908
ББК 79
М90(Дон)

М90(Дон) Музейный вестник Республики. № 1. Донецк: Типография «РА ДОН», 2017. – 495 с.

Вниманию читателя предлагается первый выпуск Музейного вестника, издаваемого Донецким республиканским краеведческим музеем. Основную часть сборника составляет коллективный труд «Очерки истории Донецкого края с древнейших времён до 1917 года». В научно-популярной форме изложена история нашего края в общем русле мировой истории, а также отмечается его региональная историческая специфика. При написании книги был использован большой корпус источников, широко привлекались данные археологических исследований и нумизматики, специальная научная литература. В сборник также включены статьи краеведов, победившие в открытом конкурсе Музейного вестника на лучшую краеведческую статью, проводившемся в рамках Гуманитарной программы по воссоединению народа Донбасса.

Издание хорошо иллюстрировано.

Книга адресована краеведам, учащимся и студентам, широкому кругу читателей.

Редакционная коллегия:

Кузнецов Д.А., ген. директор ГУК «ДРКМ»
Дедкова Е.Н., зам. ген. директора по научной работе ГУК «ДРКМ»
Кузин В.И., с.н.с., ГУК «ДРКМ»
Усачук А.Н., с.н.с., ГУК «ДРКМ»
Морозов П.Л., зав. отделом общественных дисциплин ДонИППО
Пилипенко Д.В., с.н.с., ГУК «ДРКМ»
Шепко Л.Г., д.и.н., ДонНУ

Утверждён к печати Учёным советом Донецкого республиканского краеведческого музея

© ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей», 2017
© Бахмутский С.Ф., Кравченко Э.Е., Кузин В.И., Ляшенко В.Г., Чепига Г.Г., LV, 2017

Содержание

Предисловие редакционной коллегии 7

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ДОНЕЦКОГО КРАЯ
(с древнейших времён до 1917 года)

Предисловие 10

Введение 11

Глава 1. Первые люди и заселение Донецкого края *(В.И. Кузин)* 17
Первые люди 17
Мезолит и новая геологическая эпоха 24
Неолит 26

Глава 2. Эпоха меди-бронзы *(В.И. Кузин)* 33
Начальный период истории Восточной Европы 33
Индоевропеистика 35
Открытие санскрита и рождение индоевропеистики 36
Индоевропейская языковая семья 37
Индоевропейская прародина 40
Языковый союз или группа диалектов? 41
Распад индоевропейской общности 44
Археологические культуры Донбасса эпохи раннего металла и бронзы 46
Ямная культура 46
Катакомбная культура 53
Бабинская культура 60
Срубная культура 63

Глава 3. Исторические народы: киммерийцы, скифы, сарматы, греки *(В.И. Кузин)* 72
Киммерийцы 72
Скифы 75
История скифов 75
Скифы-царские 77
Институт царской власти у скифов 82
Воинская культура скифов 87
Религиозные воззрения скифов 91
Сарматы 93
Завоевания сарматов 94

Сарматы на территории Донбасса 98
Нравы и быт сарматов 102
Религия и искусство сарматов 106
Греки в Приазовье. 108

Глава 4. Донецкий край в эпоху Великого переселения народов *(Э.Е. Кравченко)* 111
На рубеже эпох (II-IV вв.) 111
Среднее течение Северского Донца в первые века нашей эры 113
Эпоха Великого переселения народов. 119
Среднее течение Северского Донца в эпоху Великого переселения народов. 128
Донецкие степи в V-VII вв. 131

Глава 5. Донецкий край в составе Хазарского каганата *(Э.Е. Кравченко)* 139
Становление Хазарского каганата 140
Салтово-маяцкая археологическая культура 145
Ослабление и гибель Хазарского каганата 162

Глава 6. Степи Донецкого края в XI-XIII вв.: печенеги, торки, половцы *(Э.Е. Кравченко)* 168
Печенеги. 168
Торки 171
Половцы в Донецких степях. 176
Среднее течение Северского Донца в XI-XIII вв. 194

Глава 7. Монголо-татарское нашествие и Золотая Орда *(Э.Е. Кравченко)* 204
Битва на Калке 204
Донецкие степи в эпоху Золотой Орды 220

Глава 8. Распад Золотой Орды. Донецкие Степи под властью Крымского ханства *(Э.Е. Кравченко)* 252
Последние годы Золотой Орды: борьба потомков Токтамыша и Едигея. 252
Донецкие степи в XV в. 264
Возвышение Крымского ханства 269

Глава 9. Степь и Русь. Великий перелом *(Э.Е. Кравченко, В.И. Кузин)* 277
Обретение политической независимости Российским государством 278
Борьба Руси со Степью 280
Крымское ханство в конце XV-XVI вв. 282

Борьба Руси с Крымским ханством 293
Итоги противостояния Руси и Степи 297

Глава 10. На южной окраине Российского государства. Донбасс в XVI-XVII вв. *(Г.Г. Чепига)* 299
Поле в XVI в. Экономический и социальный аспекты 299
Южные соседи России и пограничная служба в XVI в. 303
Первая крепость Среднего Подонцовья: город Царёв-Борисов. 308
XVII в. в истории Подонцовья: татарский фактор и ответные меры 314
Миграция черкас и их обустройство в Российском государстве 318
Правила строительства городов в России и первые города Донбасса 323
Вторая половина XVII в. «Бунташный» век на южной окраине . . . 328
Изюмская черта и Торские укрепления 332
Жизнь на границе 336

Глава 11. От «Поля» к Новороссии. Донбасс в XVIII в. *(Г.Г. Чепига)* 342
Однодворцы 342
Черкасы 346
Донское казачество в истории Донбасса 350
Донецкий край в первой половине XVIII в. 355
Славяносербия 362
Запорожские вольности на земле Донбасса. 1743-1775 гг. 364
Греки Приазовья 372
Донецкий край во второй половине XVIII в. Обретение Родины 377

Глава 12. Донецкий край в XIX в. Начало эпохи индустриализации *(В.Г. Ляшенко)* 384
Этнический состав и заселение Донецкого края 384
Экономика Донецкого края в дореформенный период 387
Воинская слава Донбасса, добытая в войнах по защите Отечества в XIX в. 393
Индустриальная революция и Донбасс: 60-е гг. XIX – первая четверть XX вв. 398
Урбанизация края и формирование городской субкультуры 404
Земские органы самоуправления Донбасса (1866-1917 гг.) 410
Общественное и революционное движение в Донбассе 412

Заключение 420

Словарь имён 423

Словарь географических и этнографических названий 440

Словарь понятий и терминов 447

Рекомендуемые источники и литература 465

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Двухвековое противостояние: татарско-казацкие времена на нижнем Кальмиусе *(LV)*. . . . 478

Вопрос гуманизации в исторической науке на примере древней истории Донбасса *(Бахмутский С.Ф.)* . . 492

Сведения об авторах 495

Предисловие редакционной коллегии

Донецкий республиканский краеведческий музей основан в 1924 году. Он является многопрофильным краеведческо-культурным комплексом. Фондовое собрание музея насчитывает свыше 150 тыс. музейных предметов.

В августе 2014 года в результате артиллерийских обстрелов музей был частично разрушен. Сегодня 10 экспозиционных и 3 выставочных зала музея восстановлены и работают для посетителей.

Экспозиция музея представляет природу, историю и культуру Донецкого края. Одной из форм научной деятельности музея является проведение археологических экспедиций. Успешно реализуются научно-познавательные проекты.

В течении 19 лет музей издавал краеведческий сборник «Летопись Донбасса». За это время вышло 20 выпусков. На протяжении 20 лет музей также издавал специализированное периодическое издание «Археологический альманах». Последний № 30 увидел свет в 2013 году.

В этом году музей приступает к изданию «Музейного вестника». Первый выпуск этого издания открывает серия статей, посвящённых описанию прошлого с древнейших времён до 1917 года, освещены основные проблемные моменты, связанные с историей Донецкого края. Это первый опыт описания истории края в реалиях сегодняшнего дня. Каждый из авторов «Очерков» является профессиональным историком и работает в области своих научных интересов. Многие темы, нашедшие отражение в сборнике, являются объектами авторских научных изысканий.

При написания сборника использован большой корпус источников, широко привлекались данные археологических исследований и нумизматики, специальная научная литература.

Задачей данного сборника является публикация научных работ сотрудников музея и других авторов, которые работают в краеведческой проблематике. В Вестнике публикуются статьи как учёных-исследователей, так и начинающих авторов. Предполагаемая проблематика охватывает специфику нашего края, изучение его природных богатств, истории заселения, промышленного освоения, социального развития общества, вопросы образования и культуры.

В данный сборник под рубрикой «Краеведческие заметки» вошли статьи, победившие в открытом конкурсе «Музейного вестника» на лучшую краеведческую статью, который проводился в рамках Гуманитарной программы по воссоединению народа Донбасса.

Надеемся, что издание сумеет закрепиться в обширном перечне научных изданий, послужит благородному делу сохранения памяти, делу формирования личности с чувством гражданственности и патриотизма.

Сборник может быть использован в научных, учебных, познавательных целях. Адресован специалистам в области археологии, этнографии, истории, природоведения, краеведения, музеологии, а также студентам, учителям школ и преподавателям вузов, работникам и научным сотрудникам музеев всех профилей. Материалы сборника будут интересны также широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края.

Редакционная коллегия

Кравченко Э.Е., Кузин В.И.,
Ляшенко В.Г., Чепига Г.Г.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ДОНЕЦКОГО КРАЯ

(с древнейших времён до 1917 года)

Предисловие

События в Донбассе, начиная с весны 2014 года, пробудили интерес к истории региона самой широкой общественности. Предлагаемые «Очерки истории Донецкого края» посвящены описанию прошлого с древнейших времён до 1917 г. В «Очерках» в доступной форме изложена история края заявленного хронологического периода. Также освещены основные проблемные моменты, связанные с его историей. Это первый опыт описания истории края в реалиях сегодняшнего дня. Каждый из авторов является профессиональным историком и работает в области своих научных интересов, многие темы, нашедшие отражение в книге, являются объектами его научных изысканий.

При написании книги был использован большой корпус источников, широко привлекались данные археологических исследований и нумизматики, специальная научная литература. Авторы благодарны своим коллегам-историкам и археологам, взявшим на себя труд прорецензировать и внести правки в отдельные главы книги. Книга адресована, в первую очередь, краеведам, учащимся и студентам, а также всем, кому небезразлично прошлое нашего края.

Введение

Обширная территория степей между Доном и Днепром долгое время носила наименование «Дикое поле» и ассоциировалась с малолюдной местностью, по которой кочевали отдельные орды татар и рыскали казачьи отряды. Колонизация степных просторов славянским населением, начиная со времен Алексея Михайловича, привела в эти места переселенцев из разных уголков Российской империи. У переселенцев, видевших степные курганы с каменными изваяниями, остатки защитных валов исчезнувших городов и городищ, возникало смутное ощущение, что до колонизации здесь обитали народы, ранее неизвестные или легендарные.

Одним из важных моментов в изучении истории Донбасса является понимание, что начиная с древнейших времён, регион находился в общем русле исторических процессов, которые проходили в Старом Свете. Это и появление первых людей на территории Донбасса во времена палеолита, и древнейшая история индоевропейских народов, и пребывание древних и средневековых народов Подонцовья и Приазовья в зоне влияния цивилизаций Восточного Средиземноморья и Востока.

Необходимо особо оговориться, что под Донецким краем подразумевается Донецкая область, образованная во времена СССР и затем существовавшая в период Украины. Донецкий край является составной и неотъемлемой частью Большого Донбасса с единой исторической судьбой. В этом плане основные вехи истории края полностью совпадают с историей Луганщины и западной части Донбасса, находящейся в данный момент в составе Днепропетровской области.

В истории Донбасса чётко выделяется несколько цивилизационных периодов, каждый из которых обладает своеобразием и окрашен своим колоритом. Ключевым для Донбасса является время, начиная с XVI-XVII вв. Именно в позднем средневековье происходит цивилизационный слом в истории Донбасса, связанный с приходом в донецкие степи славянского православного мира под эгидой Российской государственности. Упрочение в донецких степях Российской империи привело к вытеснению тюркских кочевников с занимаемой ими ранее территории. Колонизационные волны миграций из пределов Российской империи, Крыма, Балкан повлекли за собой полную смену населения региона.

Выстраивается общая периодизация истории Донбасса:

Первый период. Нахождение Донбасса в системе культурно-исторических связей с миром СТЕПИ и ВОСТОКА (охватывает древность и средневековье).

Второй период. Донбасс в составе России.

Русская православная экспансия на юг Восточной Европы, где XVII в. принадлежит исключительное место в закреплении русских на территории Донбасса. Колонизация XVII-XX вв. и обретение колонистами новой Родины.

Каждый из двух периодов самостоятелен до такой степени, что исторические судьбы народов, проживавших в прошлом на территории Донбасса и вновь пришедшего населения, между собой не пересекались в некой преемственности. Относительно Донбасса два указанных периода во многом совпадают с классическим делением истории на Древность, Средневековье, Новую историю, где XVII в. является рубежом между Средневековьем и Новой историей. Каждый из периодов имеет несколько подпериодов, тем самым образуется дробная и развёрнутая классификация истории Донбасса по хронологическому принципу.

Первый период, охватывающий собой Древность и Средневековье, разбивается на несколько подпериодов:

– эпоха палеолита, появление первых людей в Донбассе;

– эпоха неолита и раннего металла, первые производящие типы хозяйства;

– история индоевропейских народов на территории Донбасса (эпоха бронзы и раннего железного века);

– проникновение тюркских народов (раннее средневековье);

– вхождение территории Донбасса в степные государственные образования Хазарии, Болгарии, Золотой Орды, Крымского ханства, упадок Степи после разгрома Тамерланом Орды.

Второй период связан с формированием Российской империи и её закреплением в степной части Восточной Европы и славянизацией региона:

– проникновение русских в бассейн реки Северский Донец в XVI в. и первые русские поселения; русско-турецкие войны XVII-XVIII вв. и отвоевание земель Приазовья и Причерноморья у Османской империи; первая волна переселенцев из России, Балкан, Крыма на территорию Донбасса;

– XVIII в. как начало формирования многонационального состава края благодаря российской военной и народной колонизации, начало преемственности поколений в Донбассе;

– формирование региональной целостности в период индустриального развития Донбасса в XIX – начале XX вв.

Следует особо выделить советский период, который обладает всеми признаками самостоятельности. Советская цивилизация является неординарным и ярким явлением в истории человечества. Несмотря на краткость её существования по меркам истории, значимость советской социалистической цивилизации трудно переоценить. Именно в советский период произошло бурное развитие Донбасса, и регион приобрёл тот облик, который нам сейчас хорошо известен. Для Донбасса период существования в составе СССР – ключевой в его исторической судьбе, и он вполне выделяется в самостоятельный **Третий период**.

Современная текущая история делится на два очевидных подпериода:

– Донбасс в составе Украины (1991-2014 гг.);

– борьба народа Донбасса за независимость с 2014 г.

«Очерки истории Донецкого края» описывают историю региона, относящуюся к Первому и Второму периодам, охватывая собой Древность, Средневековье и Новое время. Повествование начинается с появления первых людей на территории нашего края и заканчивается предреволюционными события 1917 г. Изложение советского периода требует отдельной книги, и в будущем, надеемся, появится вторая часть «Очерков истории Донецкого края».

Древняя и средневековая история края во многом связана со спецификой географических и климатических условий Донбасса. Регион относится к обширной зоне степей и лесостепей, которые протянулись с Запада на Восток от реки Дунай до бассейна реки Амур. Историческая судьба народов, проживавших на территории современного Донбасса, на протяжении тысячелетий определялась подобным географическим и экологическим факторами степной зоны Евразии.

Донбасс относится к той части степной Евразии, которая отличается умеренно континентальным климатом, наиболее благоприятным для производящих форм хозяйства, где скотоводству в разных его формах в древние времена принадлежало исключительное место. Достаточная норма осадков и относительно мягкие зимы в сравнении с остальной частью степной Евразии способствовали произрастанию обильных трав в восточноевропейских степях. Именно данное обстоятельство стало решающим в утверждении здесь на долгое историческое время скотоводческого типа хозяйствования, иногда параллельно сосуществовавшего с

локальными очагами земледелия. Только с развитием механизированных средств обработки земли и внедрением мелиорации в XX в. стало возможным массовое освоение земель под земледелие, в том числе с частичным искусственным орошением.

В отличие от земледелия, скотоводство не предполагало со стороны людей чрезмерных усилий для удовлетворения основных потребностей в питании и сырье. А при обильных сочных пастбищах для скота обеспечение своих минимальных потребностей достигалось наиболее просто и эффективно. Данное своеобразие экологической ниши восточноевропейских степей способствовало тому, что в эпоху раннего металла и бронзы выработались устойчивые формы социально-общественной организации общества, просуществовавшей тысячелетия. Климат Восточной Европы неизбежно претерпевал изменения. Периоды, отмеченные влажным и нежарким климатом, и потому благоприятные для проживания людей, сменялись засухами и иссушением земель. Подобные климатические колебания влияли на исторические судьбы народов Восточной Европы в эпоху бронзы. Изменения климата приводили в одних случаях к миграциям народов, в других – люди меняли виды хозяйственной деятельности, как было в предскифский период, когда возникло кочевое скотоводство. Кочевнический уклад со времён скифов на долгое время стал неотъемлемой частью жизни народов, проживавших в Донбассе.

В достаточной степени на средневековую историю Донецкого края повлияла его природно-климатическая трёхчленная зональность: Приазовье, Донецкий кряж, пойма Северского Донца. Каждый пояс имеет свои особенности, влиявшие на занятия проживавшего здесь населения и обусловившие характер археологических и культурно-исторических памятников, расположенных в его пределах. Особенно это сказалось во времена Средневековья.

Южная часть региона представляет собой побережье Азовского моря и прилегающую к нему Приазовскую низменность. Этот участок степи, пересечённый глубокими балками, практически полностью лишён леса. Он изначально являлся местом обитания кочевников Средневековья, что и обусловило характер значительной части расположенных здесь древних памятников, представленных курганными захоронениями и небольшими мысовыми поселениями-кочевьями. Здесь пролегал один из основных степных путей, соединявший низовья Днепра и Крым с устьем Дона и Северным Кавказом, и имеются следы немногочисленных памятников оседлого населения.

Центральная часть региона – Донецкий Кряж – неровная, холмистая местность, изрезанная многочисленными степными речками, которые образуют разветвлённые балочные системы. Местами в степи имеются мощные каменные выходы – остатки некогда существовавших здесь полностью разрушенных древних горных массивов. Эти степи также

являлись исконным местом обитания скотоводов древности и кочевого населения средневековья, что сказалось на характере археологических памятников. Основная их часть группируется в южной части Кряжа, где в некоторых балках встречаются десятки кочевий, что свидетельствует о том, что эти балки в течение длительного периода являлись местами, где останавливались на зимовку кочевники. Северная часть Кряжа (от Донецка до Дружковки) практически полностью лишена зимовников. Находки здесь представлены курганными захоронениями и небольшими скоплениями тарной керамики, маркирующими маршруты перекочёвок. Поселения, связанные с оседлым населением, на этой территории единичны и находятся вдоль крупных торговых путей.

Участок территории, прилегающий к среднему течению Северского Донца, отличается от окружающей его степи. Несмотря на значительную удалённость от границы степи и лесостепи, проходящей на севере, данная территория по своим природным условиям приближается к лесостепной зоне. Она представляет собой довольно широкую (не менее 10-20 км) полосу лесов, перемежающихся со свободными от леса участками, которая тянется вдоль обоих берегов реки. Документы XVII-XVIII вв. свидетельствуют, что в эпоху средневековья природно-географическая ситуация в среднем течении Северского Донца мало отличалась от нынешней. Обследование приречных лесов в 1699-1700 гг., которое производилось от места впадения Северского Донца в Дон до городка Маяки, показало, что уже в это время общая их длина составляла 243 версты при ширине от 0,5 до 2 вёрст. Ближе к среднему течению Северского Донца лес состоял из дуба, осокоря и липы. На левом берегу, между Маяцким и Боровским городками упоминается большой сосновый бор, который был сильно вырублен. На правом берегу Северского Донца находился Теплинский лес, о котором упоминают документы XVI-XVII вв. Его остатками являются нынешнее Краснопольское (Чёрный лес), Маяцкое и Теплинское лесничества.

Соседство леса и степи обусловило обилие природных ресурсов бассейна Северского Донца. Очень богатым был животный мир. До XVIII в. здесь в лесах встречался бурый медведь. О его проживании, наряду с письменными источниками, свидетельствуют данные археологии и топонимики. В XVII в. в степи обитали зубры и дикая лошадь. В лесах и степи жили лоси, олени, дикие кабаны, волки, лисы, зайцы. Среди промысловых животных, обитающих в реках и озерах, следует упомянуть бобров и выдр. Реки были богаты рыбой. В этом плане показателен сброс мусора XVII в. на осыпи под меловой скалой Святогорского монастыря. В осыпи было встречено большое количество костей и позвонков крупных сомов, а также бляшки рыб осетровых пород. Также бляшки осетровых пород были обнаружены при раскопках в 1991 г. на городище у села Маяки. Согласно сообщениям старожилов сёл Маяки и Сидорово (Сла-

вянский район) в Северском Донце, до сооружения плотин в середине XX в., ловилась рыба осетровых пород.

Благодаря своим природным ресурсам, а также наличию лёгких супесчаных грунтов, пригодных для обработки несовершенными пахотными орудиями, северная часть Донецкого края искони являлась местом проживания оседлого земледельческого населения. Посещали её и кочевники. Ярким примером такого кочевья является археологический памятник Казачья Пристань, расположенный посреди обширных заливных лугов и близ брода. Северная часть региона, прилегающая к Северскому Донцу, представляла собой буферную область между двумя природными зонами – степью и лесостепью, в которой происходили контакты между различными группами кочевого и оседлого населения.

Наличие на территории Донецкого края богатых природных ресурсов и крупных торговых путей послужило причиной того, что эта территория практически во все периоды истории была заселена, начиная с глубокой древности. Новый период наступает с промышленным освоением Донбасса царской Россией. Залежи богатых ископаемых превратили регион в индустриальное сердце России, сломав традиционный сельский уклад жизни и придав краю вектор развития к прогрессу и процветанию.

Глава 1. Первые люди и заселение Донецкого края

Первые люди

В истории человечества традиционно выделяется особый этап, получивший название «доисторический период». Он связан с появлением на Земле первых приматов, дальнейшая эволюция которых завершилась появлением человека современного физического облика, выделенного учёными в особый вид **Homo sapiens** (Человек разумный). Антропологи, опираясь на данные генетических исследований, предполагают, что приблизительно 6 миллионов лет назад в среде древних приматов произошло разделение на **гоминид** (эволюционная линия, ведущая к человеку современного вида) и **понгид** (группа современных человекообразных обезьян).

Внешний облик древнейших гоминид.

К древнейшим гоминидам принадлежат австралопитеки, архантропы, палеоантропы и ряд иных видов, количество которых благодаря постоянным исследованиям постепенно увеличивается.

Эволюция, охватившая несколько миллионов лет, привела не только к изменению внешнего облика гоминид, но и их умственных способностей. В течение времени, генетически несовместимые между собой и столь сильно внешне отличные друг от друга виды сосуществовали вместе, нередко в одной и той же экологической нише. Постепенно более развитые виды вытесняли из привычных экологических ниш своих древних предшественников, что привело к их вымиранию.

Антропологические находки (ископаемые останки гоминид) случаются нечасто и являются большой удачей для учёных. Поэтому присутствие тех или иных видов древнего человека на конкретной территории в большинстве случаев устанавливается по наличию специфических форм древних орудий.

На территории Донбасса первые гоминиды появились около 134-110 тыс. лет назад, в эпоху **среднего палеолита (мустье)**. К ним относились **неандертальцы**, класс палеоантропов (Homo

neandertalensis). По внешнему облику неандертальцы отличались от человека современного облика. Что их сближало с людьми, так это умение пользоваться огнём и способностью сооружать примитивные убежища в виде навесов или заслонов от ветра. Но самое главное – они уже умели изготовлять орудия труда простейшего облика. Изготовление орудий труда, как и овладение огнём, резко отличает неандертальцев от животных. Приёмы изготовления орудий труда передавались от поколения к поколению путём обучения, а не на генетическом уровне. Подобная способность предполагала достаточную степень развития мозга и овладения простейшими навыками по передаче информации в виде некоего языка, при том, что первые гоминиды ещё не знали членораздельной речи. Главными занятиями неандертальцев была охота и собирательство. Массивные орудия труда, например, рубила и наконечники копий, свидетельствуют о том, что охота велась на крупных животных.

В Донецком крае археологические памятники, относящиеся к начальному периоду среднего палеолита, единичны и известны по случайным находкам рубил, найденным в Макеевке, Амвросиевском и Артёмовском районах. Речь идёт всего лишь о нескольких стойбищах древнейших гоминид. Располагались такие стойбища в речных долинах небольших рек, недалеко от источников воды. Одна из причин единичных находок древнейших стоянок первых гоминид связана с небольшим количеством неандертальцев, обитавших на территории Донбасса. Другая сложность в обнаружении следов их пребывания заключается в глубине залегания мест стоянок, иногда перекрытых многометровыми слоями глины.

В нашем регионе известно несколько десятков стоянок, которые датируются начиная со времени 100-40 тыс. лет назад. Неандертальцы были хорошо приспособлены к суровым условиям ледникового периода и успешно охотились на бизонов, мамонтов, сайгу, пещерных медведей, оленей и других животных. Основным охотничьим оружием у них были метательные копья с кремнёвыми наконечниками. Одной из исследованных археологами является стоянка, обнаруженная и частично раскопанная в 1962-1965 гг. у села Антоновка Марьинского района В.Н. Гладилиным. Здесь на берегу реки Сухие Ялы были найдены орудия труда и остаточные следы их изготовления в виде кремнёвых отщепов и сколов, а также кости бизонов и зубы лошадей, на которых охотились неандертальцы. В 1960-х годах большая работа по обнаружению памятников, относящихся к каменному веку, была проделана донецким археологом, преподавателем Донецкого государственного университета Д.С. Цвейбель. Одним из наиболее известных памятников палеолита времён мустье является стоянка около села Белокузьминовка Константиновского района, открытая Д.С. Цвейбель и впоследствии исследованная А.В. Колесником. Им же был раскопан палеолитический памятник у посёлка Курдюмовка (южнее города Артёмовска) и доиссле-

Охотники-неандертальцы возле туши шерстистого носорога (по Z. Burian).

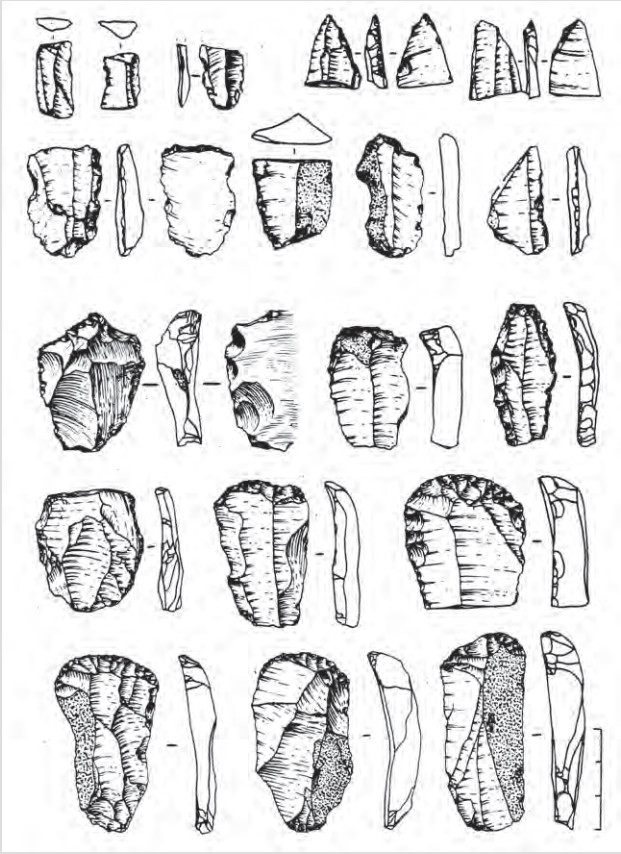
дована стоянка возле села Антоновка Марьинского района. Возле села Черкасское Славянского района проводили раскопки А.В. Колесник и А.П. Весельский. Мустьерские памятники группируются в Донецком краем по трём районам: возле городов Славянск-Краматорск-Артёмовск, на реке Крынке Амвросиевского района и в Приазовье по линии сёл Безыменное-Обрыв.

Эра человека современного облика, неоантропа, начинается около 45 тыс. лет назад, эпоха **верхнего палеолита.** Родиной появления современных людей считается Африка и Ближний Восток, откуда произошло их расселение по всей планете. Неоантроп уже полностью овладел речью и сделал первые шаги в искусстве, которое не перестаёт нас удивлять своим высоким уровнем исполнения и выразительностью, он же научился строить жилища и лодки, достиг совершенства в изготовлении орудий труда, изобрёл лук, начал производить ткани.

Приход первых людей современного облика в Донбасс сложно датировать. Было несколько волн миграций с юга, со стороны Кавказа, и с запада – из Центральной Европы. Наиболее известным археологическим памятником верхнего палеолита на территории Донецкого края, мирового уровня, является так называемый «Амвросиевский позднепалеолитический комплекс», состоящий из стоянки и костища животных.

Охотники верхнего палеолита (по Т. Придо).

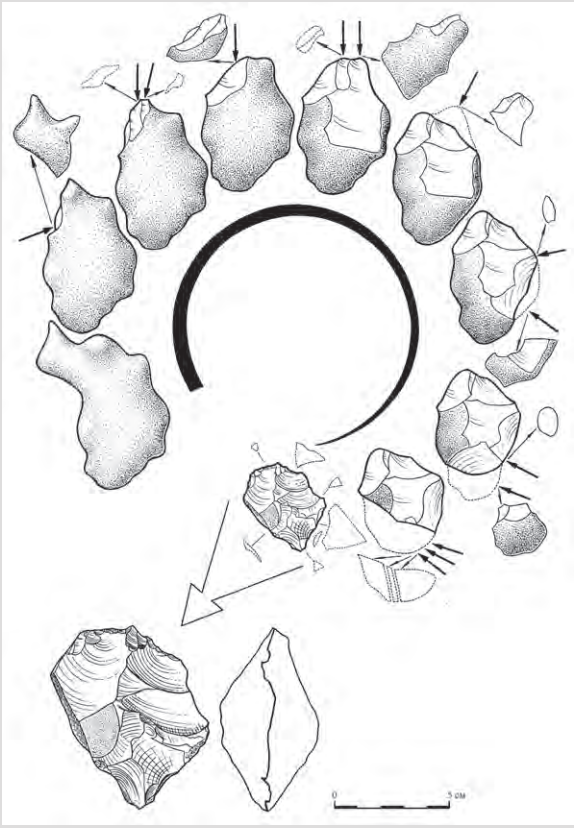
Костище представляет собой огромное скопление костей бизонов, обнаруженное в балке Казённой, недалеко от города Амвросиевки. Большое количество костей образовалось вследствие долговременной охоты людей на бизонов, в одном из мест сезонной миграции животных. Недалеко от костища обнаружены следы пребывания и проживания древних людей. На берегу реки Крынка были найдены следы мастерской по изготовлению орудий труда – напротив села Новоклиновка Амвросиевского района. Данная кремнеобрабатывающая мастерская, открытая в конце 40-х гг. XX в. и первоначально изученная П.И. Борисковским, дополнительно доисследовалась в 90-е гг. прошлого столетия сотрудником Донецкого краеведческого музея Ю.Г. Ковалем. Материалы мастерской интересны тем, что указывают на возможные связи местного населения с так называемой **свидерской культурой** (охотниками на северного оленя приледниковой Европы). Непосредственно на Амвросиевском костище раскопки проводили В.М. Евсеев, П.И. Борисковский, А.А. Кротова.



Каменные изделия из Амвросиевской стоянки (по А.А. Кротовой).

Благодаря археологическим разведкам П.И. Борисковского, на карте Приазовья появилось 15 новых археологических памятников верхнего палеолита.

Археологические памятники позднего палеолита широко распространены в Донецком крае. Следует назвать те, где проводились археологические исследования: Антоновка III Марьинский район, село Успенка Амвросийский район, село Татьяновка Славянского района (раскопки Ю.Г. Коваля), Выдылыха Славянского района (раскопки А.В. Колесника), Вислая Балка возле села Сидорово и мастерская возле села Черкасское Славянского района (раскопки А.В. Колесника, А.П. Весельского, Ю.Г. Коваля), Шарукань Теплинское лесничество Славянского района.



Модель расщепления кремнёвым желваком для получения заготовок орудий труда (по А.В. Колеснику).

Региональным своеобразием Донбасса является изобилие и доступность высококачественного мелового кремня – наиболее популярного минерального сырья в каменном веке. Начиная с палеолита, территория современного Донбасса стала тем местом, где проводилась добыча кремня и его первичная обработка для изготовления орудий труда, охоты. Помимо упомянутой реки Крынка, где была мастерская, месторождения кремня известны на большой территории от Славянска (правого берега реки Северский Донец) и далее на юго-восток вплоть до Горловки, отдельные выходы кремня фиксируются в бассейне реки Сухие Ялы. Залегающий в мелу кремень образует многочисленные месторождения

вдоль правого высокого мелового берега Северского Донца. Известны выходы кремня на поверхность по долинам рек Бахмутки, Казённого Торца и Сухого Торца. В древности люди могли поднимать с поверхности земли кремнёвые желваки или добывать их в меловых отложениях. Вокруг месторождений открыты скопления **кремнеобрабатывающих мастерских**, которые массово проявляются у сёл Красное Артёмовского района и Белая Гора Константиновского района, а также в окрестностях Краматорска. Ведущим специалистом в изучении кремнеобрабатывающих мастерских нашего края является донецкий археолог А.В. Колесник.

В основном мастерские представляли собой места, где производилась первичная обработка кремня. Чтобы не перемещать на дальние расстояния большие и тяжёлые по весу желваки, древние люди на месте выхода кремня формировали заготовки в виде нуклеусов. И далее уже нуклеусы транспортировали на свои стойбища. Распространение донецкого кремня фиксируется на значительные для того времени расстояниях – от Воронежа до Приднепровья. Необходимо отметить, что увеличение кремнеобрабатывающих мастерских происходит во времена позднего палеолита. В это время люди научились так колоть кремень, что из него получались длинные и тонкие пластины. Далее из кремнёвых пластин изготавливали ножи, вкладыши и наконечники копий, дротиков, скребки, резцы, другие инструменты. Кремень использовали на протяжении тысячелетий. Затухание донецкого сырьевого района по добыче кремня происходит в эпоху поздней бронзы, когда освоение меди, а затем и железа (в раннем железном веке) позволило полностью вытеснить камень из практики изготовления орудий труда.

С помощью техники отжима (использование посредников и рычага) удавалось получить довольно длинные пластины. Такая техника широко распространилась в последующий период каменного века – неолите.

Из-за специфики сохранности вещей из органики в грунте, изготовленные из кремня орудия остаются самым массовым и основным источником информации о каменном веке. Эволюция приёмов обработки кремня превратилась в диагностический признак изменчивости культурных форм во времени. Благодаря выделению нескольких независимых технологий изготовления орудий труда, каждая со своим набором операций по раскалыванию кремня, в том числе обработке краёв заготовок орудий труда с помощью **ретуши** (серии мелких сколов, наносимыми специальными ретушёрами или роговыми отжимниками), удалось проследить, как одна технология приходит на смену другой. Более того, сопоставление техник изготовления орудий на большом пространстве Евразии позволило выделить территории появления новых технологических приёмов и их распространения. Таким способом выстраивается теория миграций палеоантропов и неоантропов. К настоящему времени удалось проследить связи населения, проживавшего на территории современного Донбасса,

с людьми из Крыма в период палеолита. Это позволило археологам говорить о путях передвижений населения в ту эпоху в наши места именно из Крыма. В свою очередь археологические памятники Крыма близки европейским. В позднем палеолите связи различных регионов становятся более обширными, что обусловлено общим увеличением населения на планете, усовершенствованием способов охоты и технического уровня оснащения. К верхнему палеолиту возрастает количество обнаруженных стоянок и стойбищ в Донбассе.

В период верхнего палеолита окончательно формируется родовая организация общества. Можно себе представить её организацию: родовой посёлок в позднем палеолите состоял из нескольких семей и насчитывал 30-40 человек. Каждый род имел свою территорию для охоты и сезонных перекочёвок вслед за животными – мамонтами, бизонами, северными лошадьми. Что это были за люди, на каком языке они разговаривали, каким богам поклонялись и какие сочиняли мифы – остаётся загадкой.

Мезолит и новая геологическая эпоха

Эпоха верхнего палеолита (плейстоцен) заканчивается резким потеплением и наступлением новой геологической эры, в который мы сейчас и живём – **голоцен**. Начало голоцена относится приблизительно к 12-11 тыс. до н.э. В период голоцена происходят глобальные изменения климата, полностью преобразившие природный ландшафт и окружающий мир Земли. Резкое потепление в этот период привело к таянию огромных ледников, покрывавших большую часть Европы – в палеолите граница ледника в Восточной Европе проходила немного севернее линии Киев-Воронеж. Из-за таяния ледников произошло повышение уровня мирового океана и поднятие земли, которая ранее была продавлена ледниками. Освобождались ото льда новые земли, появились реки, которые текут и сейчас, климат стал тёплым и влажным. Появление Гольфстрима – океанического тёплого течения в Атлантическом океане – сделала зиму в Европе менее суровой, а лето обильное дождями. Во всей Европе повсеместно произошла смена фауны: исчезали мамонты, шерстистые носороги и лошади, огромные хищники. Земля покрылась лесами. В новых климатических зонах появились олени и лошади современного вида, реки и озера наполнились рыбой, берега водоёмов заполнились водоплавающими птицами.

Древним людям пришлось приспосабливаться к новым условиям. Так, часть из них уходила вслед за отступающим ледником на север, часть оставалась и смешивалась с новым населением, пришедшим с юга, из-за отрогов Кавказа. В археологии переходной период между двумя геологическими эпохами получил название **мезолита** (средний каменный век). Начальный период голоцена является рубежом, разделяющим человечество на два больших периода его истории.

На смену стадным огромным по размеру животным пришли животные намного меньшие, отдельные из которых жили небольшими группами или по одиночке. Это были тур, тарпан, благородный олень, лось, кабан. В таких условиях для охоты резко возросла роль лука, известного ранее в палеолите, и небольших метательных копий – дротиков. Необходимо отметить, что следом за исчезновением крупных стадных животных теряет своё значение на открытых ландшафтах холодных степей загонная охота. Более мелкие и подвижные виды животных заставили человека изменить традиционный для палеолита способ охоты и перейти к новым приёмам. Люди стали выходить на промысел небольшими группами или индивидуально, вооружённые луком и стрелами. О распространении лука говорят многочисленные находки наконечников стрел, разнообразных по форме и сделанных из различных материалов. Особо следует выделить находку лука в мезолитических погребениях Сибири, дающую представление о его облике: длина лука составляла около 1 м. Вероятно, на охоте использовали и первое одомашненное животное – собаку. По крайней мере, кости собак найдены на мезолитических стоянках Крыма и Сибири.

Для мезолита характерно возрастание доли рыбы и морепродуктов в рационе питания людей. Благодаря потеплению, с увеличением количества и размеров рек и озёр, появилась возможность специализироваться на добыче обитателей водных бассейнов. О роли рыболовства свидетельствуют находки многочисленных орудий для рыбной ловли: крючков, гарпунов. Широкое распространение получили наконечники для острог, которые представляли собой плоские костяные изделия с мелкими зубцами на одной стороне, тонкие, хорошо заострённые. Остроги делали не только из кости — в ход шли дерево и камень, известны и составные остроги, где зубцы были вкладышами из кремня.

Особо следует упомянуть изобретение сетей для ловли рыбы. Ни гарпун, ни удочка не могли обеспечить людей достаточным количеством пищи, с данной задачей справлялись сети. На прибалтийских мезолитических стоянках нередки находки остатков рыболовных сетей с поплавками из сосновой и берёзовой коры и каменными грузилами. В торфяниках Скандинавии найдены фрагменты рыболовных сетей длиной более 25 м. Именно такие находки дают представление о рыболовстве. В Донбассе к настоящему времени неизвестны находки такого рода предметов.

Функциональные изменения орудий труда сказывались на технологических приёмах обработки каменного сырья. Техника обработки кремня в эпоху мезолита была нацелена на производство менее массивных наконечников копий и небольших по размеру наконечников стрел, микролитических по облику. Возросла роль отжимной техники, ретуши, которая позволяла добиваться производства небольших по размеру орудий труда. Нашли продолжение отдельные традиции палеолита – развивалась призматическая техника раскалывания кремня. Наконечники стрел,

дротиков, ножи и другое оружие оснащалось лезвиями, состоящими из пластинок-вкладышей, получаемых при раскалывании тщательно приготовленного призматического нуклеуса. Заготовками для таких вкладышей и наконечников стрел были «карандашевидные» нуклеусы, правильные пластины, чаще всего длинные и узкие, и отщепы.

Из-за возросшей подвижности охотников, следов пребывания древних людей времени мезолита в Донецком крае не так много. Известные археологические памятники представляют собой небольшие по своим размерам стоянки. Это свидетельствуют о небольшом числе людей в пределах общины. Новые способы добычи дичи, когда не было необходимости в координации усилий большого количества мужчин, приводило к тому, что состав общин был невелик. Складывался новый уклад жизни, обусловленный спецификой хозяйственной деятельностью. Что касается домостроительства, то значительное потепление климата отразилось и в этой области человеческой деятельности. На различных мезолитических стоянках обнаружены как следы довольно больших, иногда углублённых в землю построек из дерева, так и временные сооружения типа шалашей.

Мезолитическое население оставило в Донецком крае кратковременные стойбища. Они известны у города Моспино, села Александровка под Донецком, у сёл Сидорово (Средний Яр), Пришиб, Дробышево, Ильичёвка, Дроновка в бассейне реки Северский Донец (Краснолиманский район), есть отдельные находки кремнёвых изделий в технике мезолита в ряде иных мест. В Приазовье известны стоянки Пищевик I и Орловское на берегах реки Кальмиус, Ольгинка на реке Сухая Волноваха. Только на отдельных из них проводились предварительные археологические раскопки, а потому информация о эпохе мезолита для Донецкого края скудна.

Неолит

Заключительный период каменного века называется **неолит** (новый каменный век), время существования которого для Донбасса определяется IX-VI тыс. лет до н.э. В традиционной системе периодизации неолит делится на два периода: ранний **докерамический неолит**, время, когда люди не использовали керамическую посуду, и более поздний **керамический неолит**, использование глины и изготовление разного вида изделий из неё, начиная с VII тыс. до н.э.

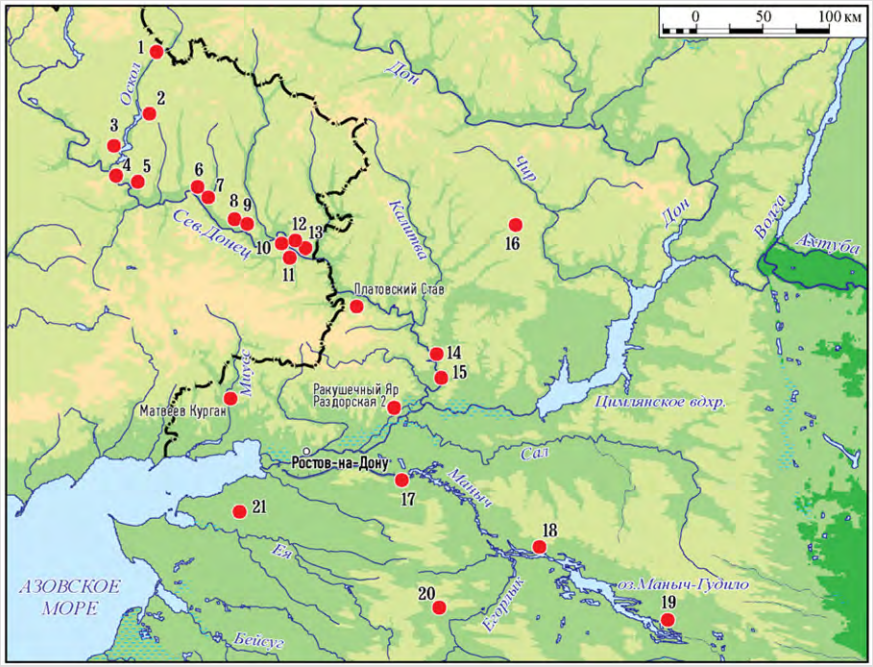
С новым историческим периодом связана «неолитическая революция» – термин, введённый в научный оборот английским археологом В.Г. Чайлдом. Понятие «революция» подразумевает под собой эпохальные изменения в жизни людей. «Неолитическая революция» связана с переходом людей от охоты и собирательства, т.е. присваивающего способа производства, к новым формам хозяйства. Люди начали сами выращивать растения и животных для удовлетворения своих потребностей в пище. В

условиях, когда человек не зависел полностью и во всём от природы – от той же удачи на охоте – он смог обеспечить себе стабильное пропитание и резко увеличивал свою выживаемость в неблагоприятных условиях. В обстановке производящего хозяйства менялся весь образ жизни человека. На смену передвижениям за добычей пришла осёдлость. Теперь люди оставались возле своих посевов на полях, или совершали размеренные,

Типичное поселение эпохи неолита для Восточной и Центральной Европы (по Н.С. Котовой).

в большей части сезонные, перекочёвки вслед за своими стадами. Происходит глубокая перестройка всей жизни людей. Развиваются домостроительство, появляются новые формы зданий и технические навыки их возведения, формируются новые культы и мифы, перестраивается социальная структура общества, люди обогащаются новыми знаниями.

Начиная со времён неолита, у людей стали появляться излишки еды и как следствие, часть людей освобождалась от необходимости вести сельское хозяйство. Подобные обстоятельства создавали условия для использования освободившихся сил человеческого сообщества для занятий по совершенствованию технологий, обеспечив в будущем технологические прорывы. Так возникли самостоятельные ремёсла. Увеличение запасов питания привело к тому, что человечество столкнулось с демографическим взрывом. Отмечается не только увеличение жителей посёлков, но и вынужденная миграция людей для освоения новых территорий под земледелие и скотоводство. Люди начинают не просто широко рассе-



Неолитические памятники бассейна Нижнего Дона и Северского Донца. 1 – Пришиб; 2 – Александрия; 3 – Яремовка; 4 – Устье Оскола; 5 – Дробышево; 6 – Зеленая Горница; 7 – стоянки у с. Боровское; 8 – Ольховая 2, 5; 9 – Орехово-Донецкое; 10 – Должик; 11 – Мурзина Балка; 12 – Зеленополье; 13 – Зимовники; 14 – Нижнесеребряковская; 15 – Усть-Быстрая; 16 – Кременная 2; 17 – Красный Октябрь; 18 – Курганный; 19 – Цыганица; 20 – Рассыпная 1-6; 21 – Красная Балка (по А.Ф. Горелику, А.В. Цыбрию и В.В. Цыбрию).

ляться, но и плотно заполнять экологические ниши, приспособленные для производящих форм хозяйствования. В неолите формируются крупные сообщества людей в виде племенных объединений. Формируются предпосылки для эксплуатации одних людей другими – условия для возникновения государства.

Кардинальные перемены в жизни людей во времена неолита привели к трансформациям в области мировоззрения. Наблюдая за тем, как прорастало посеянное в земле зерно, как скот приносил приплод и давал молоко, люди выделяли такой важный момент, как «акт рождения». Таинство рождения новой жизни воспринималось древними людьми своеобразно – возникали причудливые представления о богах и формы поклонения им. Видимо, тогда появился миф о Великой Матери-праро-

дительнице, которая ответственна и за жизнь, и за смерть людей. Характер сельскохозяйственного труда доказывал, что ничего нельзя было получить, не отдав чего-то взамен. Осуществлялся своего рода договор обмена между богами и людьми. Начиная с неолита и в последующие века, резко возрастает роль и масштабы жертвоприношений, принимая иногда кровавый характер и мистическую окраску. Возникли мифы и легенды, повествующие о появлении новых технологий, в первую очередь мифы о «творцах», **демиургах**. Образы гончара, плотника, затем кузнеца и металлурга, приобретали священный характер и сакрализировались. Гончары и кузнецы считались хозяевами огня, т.е. теми существами, которые были способны с помощью огня преобразовывать материю.

Понятие «неолитическая революция» в полной мере приложимо к Ближнему Востоку, где и зародились первичные формы производящего типа хозяйства в районе «плодородного Полумесяца» – территории современной Сирии, Ирака и турецкого Курдистана. Именно здесь впервые был одомашнен скот и люди научились выращивать сельскохозяйственные культуры. Отсюда подобные навыки передавались соседним народам и растекались по Евразии.

Вектор импульса «неолитической революции» на наши территории шёл с Ближнего Востока. Именно это доказывают луганский археолог А.Ф. Горелик и его российские коллеги А.В. Цыбрий и В.В. Цыбрий на основе анализа старых и новых материалов, полученных в ходе археологических раскопок в Подонцовье и на Нижнем Доне. В качестве «прародины» неолитической миграции на Нижний Дон и в Подонцовье ими рассматривается район Загроса (Иран). Время проникновения новых форм ведения хозяйства, возможно, вместе с людьми, фиксируется между 8500-7000 годами до н.э. Данный промежуток времени полностью относится к периоду докерамического неолита. Тесные контакты обитателей первых неолитических поселений Нижнего Подонья, Подонцовья и населения районов «плодородного Полумесяца» находят подтверждение в общности техники шлифовки камня и ручного отжима кремнёвых пластин. Особо следует указать на прямые аналогии изделий: тёсел/топоров из мягкого камня, «утюжков», медальонов, костяных подвесок, украшенных изображениями змей, каменных сосудов и глиняных шариков, геометрических микролитов. Движение людей с Ближнего Востока на север можно объяснить изменением климата – в этот период происходит иссушение климата, наступает период засухи.

Наглядную картину распространения археологических памятников докерамического неолита на реке Северский Донец и бассейна реки Дон даёт карта упомянутых археологов.

В отличие от Ближнего Востока, в Донбассе начальный период неолита (докерамический) обладал своеобразием: люди полностью не отказались от охоты и собирательства, сочетая их с земледелием и скотоводством.

Помимо появления новых форм хозяйства, произошли кардинальные изменения условий проживания. Люди начинают возводить стационарные посёлки и строить жилища, углублённые в грунт. Фактически, только с неолита в Донбассе известны постоянные круглогодичные искусственные постройки для проживания в них. Постройки представляли собой прямоугольные дома: возводился каркас из небольших брёвен, обнесённый стеной из плетёного ивняка и перекрытый камышовой крышей; внутри здания находился очаг для обогрева и приготовления пищи. Археологические памятники данного времени по берегам реки Северский Донец получили название **донецкой культуры**, поскольку были сосредоточены в бассейне междуречья Днепра и Дона. Раньше данные памятники специалисты относили к днепро-донецкой культуре. Помимо памятников донецкой культуры, в Подонцовье иногда встречаются признаки ямочно-гребенчатой культуры лесных охотников.

Период керамического неолита в Донбассе начинается примерно с VII тыс. до н.э. и характеризуется увеличением населения региона и множеством археологических памятников. С этого времени впервые в Донецком крае появляется посуда, изготовленная из глины. Для того времени освоение технологии изготовления и обжига посуды было революционным событием. Необходимо отметить, что первые опыты обращения с глиной относятся ещё к верхнему палеолиту – в Западной Европе обнаружены керамические фрагменты, похожие на сосуды. Со времён неолита керамическая посуда становится неизменным элементов быта и культуры людей Старого Света. Сосуды из глины просты в изготовлении, благодаря чему появилась возможность полностью удовлетворить потребность в получении дешёвой и многочисленной посуды. Керамическая посуда использовалась как для приготовления пищи, так и для хранения продуктов питания. За историю человечества возникло множество форм и типов посуды, разнообразие

Реконструкция предполагаемого облика надмогильного сооружения в Мариуполе (по Д.Я. Телегину).

которых с трудом поддаётся учёту и классификации.

Следует выделить целую группу поселений и стойбищ керамического неолита в районе Подонцовья. Большой вклад в изучение неолитических памятников Донецкого края внёс донецкий археолог С.М. Дегерменджи. Им исследованы и раскопаны, в том или ином объёме, поселения Москвино, Круглое Озеро, Ильичёвка II, Лиманское Озеро, которые расположены в Краснолиманском районе, Рассоховатая возле города Енакиево. Совместно с А.Ф. Гореликом С.М. Дегермеджи работал на раскопках неолитических памятников около села Яровая Краснолиманского района и Старица возле села Богородичное Славянского района. Памятники керамического неолита раскапывались киевским археологом Н.С. Котовой: Чернецкое Озеро в Краснолиманском районе, Раздольное в Старобешевском районе (ранее на нём работали киевские археологи О.Г. Шапошникова и В.И. Неприна). Помимо перечисленных исследованных памятников, известно большое количество стоянок времени неолита, которые выявлены во время археологических разведок, но не подвергались раскопкам.

Пластины в виде быка из Мариупольского могильника.

Среди археологических памятников особо следует выделить могильник в районе современного Мариуполя, получивший всемирную известность.

Мариупольский могильник случайно обнаружили на левом берегу реки Кальмиус при строительстве в 1930 г. завода «Азовсталь», во время рытья фундамента под доменную печь. Археологические исследования могильника проводил известный археолог Н.Е. Макаренко. Мариупольский могильник представлял собой длинную прямоугольную яму, в которой находились 124 костяка, уложенных один на другой в четыре ряда. Погребённых сопровождали многочисленные находки. Удалось реконструировать внешний облик надмогильного сооружения.

Наиболее яркими находками в могильнике являются изделия из клыков дикого кабана, которых найдено около 440 штук. Тут же располагались бусы из костей и зубов животных, раковин моллюсков. Также были найдены кремнёвые ножи и булавы. Сверху умерших засыпали охрой. Отсутствие керамической посуды в качестве сопроводительного инвентаря является особенностью могильника. По набору сопроводительного инвентаря Мариупольский могильник относится к **нижнедонской археологической культуре**.

Могильник являлся родовой усыпальницей одного из племён, обитавших в низовьях Кальмиуса. По набору находок можно сделать определённые заключения о верованиях людей, оставивших после себя могильник. Обилие предметов из клыков кабана свидетельствует, что данное животное занимало особое место в мире людей, обитавших возле современного Мариуполя. Можно даже говорить, что у них существовал своего рода «культ вепря». Мощное, свирепое животное, которое тяжело одолеть в открытой схватке, почиталось людьми. Пластины из клыков нашивались на одежду. Помещая на себе предметы из клыков вепря, древние люди думали, что тем самым они сами приобретали качества животного – становились такими же сильными, свирепыми и мужественными. Своеобразный первобытный символизм играл огромную роль в представлениях древних людей.

Среди находок выявлены также две вырезанные фигурки быка. Данное животное считалось важным в картине мира людей того времени.

Напротив могильника, на высоком правом берегу реки Кальмиус, в центральной части города Мариуполя донецким археологом В.Н. Горбовым было обнаружено и исследовано в 2011-2015 гг. поселение. Данный памятник получил название «Кальмиус» и относится ко времени неолита. Есть основания рассматривать неолитическую стоянку и Марипольский могильник в качестве единого культурно-хронологического комплекса. Керамический комплекс стоянки Кальмиус отражает непростой процесс появления данного археологического памятника. По археологическим материалам удаётся проследить, что помимо доминирующего нижнедонского культурного фона, в его сложении участвовали азово-днепровский и сурский компоненты. Сопоставление предметов с поселения и могильника (прежде всего, наборов кремнёвых изделий) позволяет говорить о культурной и временной близости поселения и погребального памятника. Вполне возможно, что люди, которые проживали на данном поселении, хоронили своих сородичей в Мариупольском могильнике.

С окончанием эпохи неолита в степях Донбасса начинается совершенно новый этап его истории.

Глава 2. Эпоха меди-бронзы

Начальный период истории Восточной Европы

Принципиальное отличие неолита и последовавшего за ним периода раннего металла от предшествующих времён палеолита, как уже отмечалось, состоит в переходе к производящему типу хозяйства. **Производящий тип хозяйства** кардинально изменил жизнь и быт людей. Переход к земледелию и скотоводству позволил человеку в меньшей мере зависеть от природы, улучшить своё питание и условия проживания. Достигалось такое благосостояние систематическим трудом с сезонными циклами работ, что требовало от людей особых качеств: трудолюбия, упорства, интеллектуальных усилий. Параллельно с возникновением производящего типа хозяйства возросла роль технологических инноваций. Начиная с неолита, люди осваивают новые ремёсла, широкое распространение получило гончарство и строительство, постепенно происходило освоение технологии получения металлов из руд и обработки металлов.

Особенностью перехода к производящему типу хозяйства явилось освоение металла. Первоначально люди научились выплавлять медь и золото, свинец и серебро. Несколько позже мастера-металлурги начали вносить в расплавленную медь добавки в виде мышьяка, олова, что улучшило свойства изделий, и подобная новация позволила перейти к производству бронзы. Предметы из бронзы обладали большей твёрдостью, чем медные, и потому были более качественными. Бронза шла в первую очередь на производство оружия, орудий труда и уже затем – на изготовление украшений. Довольно рано в ювелирном деле начали использовать драгоценные металлы – золото и серебро. Овладение технологиями по получению из руды металла стало одним из революционных событий в истории человечества, открыв собой эру *технологического прогресса*. Не случайно периодизация древней истории человечества связана с названиями металлов – медный век, бронзовый век, ранний железный век.

Эра раннего металла, называемого **энеолитом**, иногда халколитом (медно-каменным веком), восходит к IX-VIII тыс. до н.э. и связывается с Ближним Востоком, где впервые появляется достаточно большая серия металлических вещей. Группа ближневосточных археологических памятников, на которых обнаружены первые металлические вещи, относится ко времени докерамического неолита. Количество металла в тот период было мизерным. Металл на протяжении долгого времени не вытеснял собой полностью камень, рог, кость в качестве технологического сырья, поскольку доступных для древних людей залежей меди было немного, а сама добыча металла требовала огромных общественных затрат. Ограни-

ченная доступность в древности месторождений меди – основного сырья для производства орудий труда и вооружения – приводила к тому, что получить медь было возможно для многих племён только через обмен с соседями. Ещё меньше имеется залежей олова и мышьяка. В степной зоне Восточной Европы расположено несколько месторождений меди. К ним относятся медносодержащие песчаники в Донбассе и Поволжье. Однако запасы здесь ограничены. Куда более ёмкие залежи меди имеются в Карпатском регионе и на Балканах, Южном Урале и Кавказе. Данные регионы превратились на долгое время в центры металлургических провинций и в основных поставщиков меди и бронзы для степных скотоводческих культур Восточной Европы.

Резкий рывок в развитии металлургии и технологии производства предметов из металлов произошёл в V тыс. до н.э. в Балкано-Карпатском регионе. Именно с этого периода можно говорить о появлении первичной металлургической провинции в пределах Евразии и начале эпохи раннего металла. Основные горно-металлургические центры первичной металлургической провинции опирались на богатые меднорудные залежи Северных Балкан и Карпат, а навыки в обработке металла отсюда широко распространяются в соседние регионы. Период существования Балкано-Карпатской металлургической провинции был краток по историческим меркам. Уже с IV тыс. до н.э. люди производят бронзу – добавляя в медь мышьяк или олово. Центр металлургии переместился на Ближний Восток, в район Восточной Анатолии. Период энеолита оказался недолгим по времени, но достаточно важным в выработке и освоении навыков работы с простейшими видами металла. Металлургия, являясь революционным событием в истории человечества, превратилась в маркер культурно-исторического развития древнейших народов.

Степень развития металлургии и металлообработки положена в основу периодизации древней истории Восточной Европы. С IV тыс. до н.э. по I тыс. н.э. выделяется несколько периодов в истории евразийских степей: **ранний бронзовый век, средний бронзовый век и поздний бронзовый век**, вслед за которым наступил **ранний железный век**. Каждому из перечисленных периодов соответствует свой блок (или свита) археологических культур и появление новых народов.

В начале XX в. выдающийся русский археолог В.А. Городцов выделил три базовые археологические культуры эпохи раннего металла и бронзы степей Восточной Европы. Самой древней является ямная культура, которая относится к эпохе ранней бронзы, за ней следует катакомбная культура времени средней бронзы, а завершающей была срубная культура, соотносившаяся с эпохой поздней бронзы. Советские учёные выделили несколько новых археологических культур: сабатиновскую, белозерскую, бабинскую (второе её название «культура многоваликовой керамики», сокращённо, КМК). Бабинская культура заняла в хронологии

Восточной Европы место между катакомбной и срубной культурами, а сабатиновскую выделили в качестве самостоятельной культуры из первоначальной срубной. Белозерская культура и синхронные ей археологически степные памятники ознаменовывают окончание эпохи бронзы. Расположенные в хронологической последовательности перечисленные культуры дают представление об истории нашего края и соседних регионов времён раннего металла и эпохи бронзы с точки зрения смены археологических культур.

Помимо названных археологических культур эпохи бронзы в настоящее время выделяется целая группа археологических памятников времён энеолита. Данные памятники представляют собой мозаику различных самостоятельных культурно-археологических образований на широком пространстве степи и лесостепи от Волги до Дуная.

Видимое качественное единообразие археологических культур эпохи раннего металла и бронзы и отсутствие письменных источников, в которых упоминалось бы или рассказывалось о проживавших в степях Восточной Европы степных народах, затрудняет восстановление древней истории Донбасса. До недавнего времени археология оставалась чуть ли не единственной научной дисциплиной, позволявшей восстановить в той или иной мере далёкое прошлое нашего края.

Вся сложность в изучении далёкого прошлого состоит в том, чтобы наполнить археологические источники историческими событиями, что называется, вдохнуть жизнь в оставленный древними людьми мир вещей. До тех пор, пока мир вещей из прошлого «не заговорит», он – обыкновенная груда предметов из минувшего. Как раз с трудностями восстановления исторической канвы степной и лесостепной части Восточной Европы сталкиваются специалисты, изучающие древность. При всей стройности и завершённости археологической картины Восточной Европы, которая сложилась к настоящему времени, во многом остаётся открытым вопрос – кем, какими народами оставлены археологические памятники на территории Донецкого края во времена раннего металла и в эпоху бронзы, на каком языке говорили эти люди, каким был их духовный мир, их история. И здесь мы подходим к научной проблематике достаточно интересной и захватывающей в изученности доисторического периода Европы.

Индоевропеистика

Проблематика бесписьменного периода в истории Европы времён эпохи меди и бронзы потребовала от представителей разных научных дисциплин объединить свои усилия для реконструкции основных её вех. Совместная работа лингвистов, филологов, археологов, историков, этнологов, антропологов, геологов, археозоологов, палеоботаников, генетиков

позволила в достаточно полной мере представить себе те исторические процессы, которые протекали на широком пространстве Евразии до появления первых письменных источников времён античности. Благодаря усилиям нескольких поколений учёных удалось многое прояснить относительно прошлого Европы и степной Евразии. И первыми в этом ряду стоят лингвисты и филологи.

Открытие санскрита и рождение индоевропеистики

В период до системных научных археологических раскопок в Западной Европе и на юге России историей древнейших времён восточноевропейских степей активно занимались лингвисты и филологи.

Эра Великих географических открытий XVI в. и европейская колонизация Азии привели к тому, что европейцы столкнулись с малоизвестными или вообще неизвестными им ранее народами. Проникновение европейцев в Индию и Персию, знакомство с культурой азиатских народов, способствовало появлению в Западной Европе священных текстов на санскрите и фарси – языков индусов и иранцев. XVIII в. ознаменовался эпохальными открытиями в области языкознания, полностью перевернувшими представления о древнейшей истории европейских народов. В 1771 г. французский учёный А.Г. Анкетиль-Дюперрон опубликовал первый перевод Авесты (священный текст зороастрийцев). Параллельно с изучением необычных текстов из Азии ряд европейцев, занимавшихся научными изысканиями, обратили внимание на сходство санскрита с рядом языков Европы. Одним из них был англичанин Уильям Джонс.

У. Джонс основал в 1784 г. в городе Калькутте (Индия) первое объединение востоковедов – «Бенгальское Азиатское общество». По замыслу У. Джонса, данное общество должно было стать главным культурным посредником между Европой и Индией, а своей главной задачей он полагал рассказать Европе о богатстве индийского культурного наследия. Именно У. Джонс один из первых высказал гипотезу о родстве санскрита с древними европейскими языками. Ему удалось установить, что в грамматических структурах и глагольных корнях санскрита, латыни, греческого, готского (германского) языка, наблюдается строгое, систематическое сходство, причём количество сходных форм слишком велико, чтобы его можно было объяснить простым заимствованием. Таким образом, доказывалось, что санскрит, древний священный язык Индии, был родственен древнегреческому, латыни и другим европейским языкам. Работы У. Джонса вызвали большой резонанс среди образованной публики. Речь У. Джонса в Калькутте, посвящённая сравнению санскрита с греческим и латинским языками, часто считают началом **сравнительно-исторического языкознания**.

Огромное влияние, которое оказали на первых исследователей санскритские и древнеперсидские тексты, отразилось и на осмыслении древнейшей истории. Неожиданно оказалось, что многие народы Европы и Азии родственны между собой по языку и имеют общего прародителя. У. Джонс полагал, что прародина праиндоевропейцев находится в Иране. Другие учёные начала XIX в. размещали её в Гималаях или непосредственно на Индийском субконтиненте. Так зародилось новое направление истории, получившее название **индоевропеистика**. Сам термин «**индоевропейские языки**» был впервые введён английским учёным Томасом Юнгом в 1813 г., в немецкоязычной литературе чаще использовался термин «индогерманские языки». Прежде чем обратиться к вопросам локализации тех или иных народов на евразийском континенте и попытаться проследить основные этапы в истории индоевропейцев, следует завершить изложение изучения индоевропейских языков, без чего невозможно разобраться в первоначальной истории древних народов Евразии.

Индоевропейская языковая семья

Европейские учёные, поражённые открытиями в области индоевропейских языков, начали поиски надёжных методологических принципов для выявленных связей между языками индоевропейской группы. Принято считать, что научное исследование языков в Европе зародилось лишь в начале XIX в. Действительно, только в это время языковые факты превратились в предмет внимательного и объективного рассмотрения, и научные гипотезы начали строиться на основе тщательно отобранных фактов. Тогда же сформировался подход к языку, благодаря которому в языкознании возникло сравнительно-историческое направление.

В 1822 г. Якоб Гримм (один из известных сказочников братьев Гримм) указал на ряд звуковых соответствий в индоевропейских языках. В частности, он заметил, что в германских языках звуку «f» обычно соответствует «p» других индоевропейских языков (например, «p» в греческом и латинском), а звуку «p» соответствует «b», звуку «th» соответствует «t»; звуку «t» соответствует «d» и т.п. Приведём таблицу, в которой представлены (упрощённо и неполно) некоторые звуковые соответствия между готским (самым ранним из германских языков), латынью, греческим и санскритом:

Таблица соответствий:

Готский	f	B	ƀ	t	d	h	K	g	
Латинский	p	b	f	t	d	th-	k	G	kh
Греческий	p	b	Ph	t	d	th-	k	G	kh
Санскрит	p	b	Bh	t	d	dh	s	j	h

Для объяснения этих соответствий Я. Гримм постулировал закон передвижения согласных в доисторический период. Данные наблюдения закономерностей передают суть того, что впоследствии получило название «закона Гримма», самого известного из звуковых законов сравнительно-исторического языкознания. Необходимо отметить, что Я. Гримм и его современники видели, что соответствия выполняются далеко не для всех слов.

Новой вехой в изучении сравнительного языкознания стали работы Августа Шлейхера.

А. Шлейхер во второй половине XIX в. разработал методику реконструкции индоевропейского языка – самого древнего языка всех индоевропейских народов, или как его называют **«праязыка»**. По А. Шлейхеру, задача состояла в том, чтобы восстанавливать праформы индоевропейского праязыка на основе сохранившихся остатков в древних индоевропейских языках. Форму, которая в действительности не встречается, а предполагается, А. Шлейхер обозначал звёздочкой «*». К примеру, возьмём слово «отец». Слово со значением «отец» засвидетельствовано в таких языковых формах: санскр. pita, лат. pater, готск. fadar, др.-исл. factir. Исходя из этого набора, восстанавливалась форма, которая могла бы быть в индоевропейском праязыке: *pate или *pater. Но такой результат немецкого лингвиста не удовлетворил, и он восстановил идеальную праформу. Поскольку в индоевропейском языке предполагалось только три гласных (a, i, u), а именительный падеж имени имел показатель -s, поэтому идеальная праформа должна быть представлена как *patars, хотя это и противоречит реальным фактам индоевропейских языков. Успешность реконструкций и создание обширного словаря языковых праформ позволило А. Шлейхеру даже написать шутливую басню на праиндоевропейском языке «Овца и кони».

Август Шлейхер.

С именем А. Шлейхера связывается создание первого родословного древа индоевропейских языков. Его схема строилась по аналогии системе родства у людей: от отца к детям, и последующим потомкам. Схема

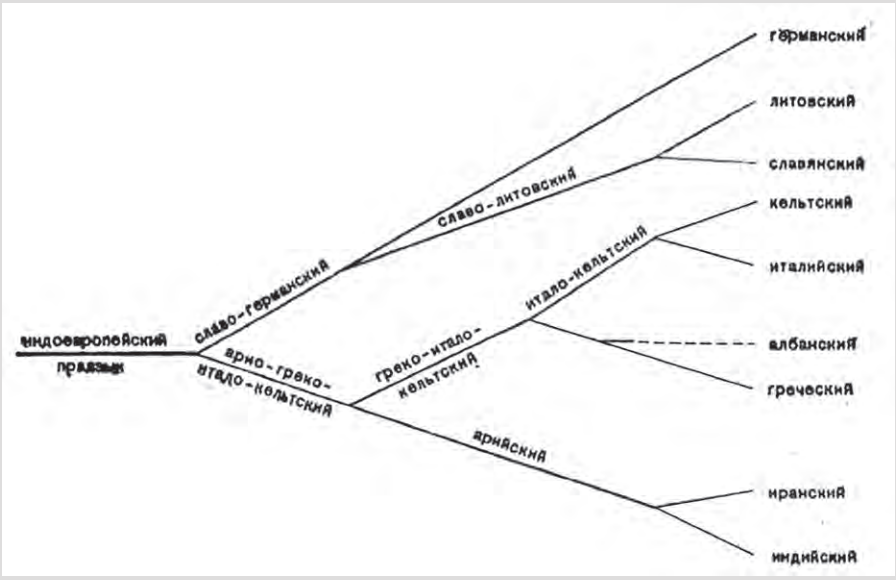


Схема родословного древа индоевропейских языков (по А. Шлейхеру).

А. Шлейхера представляет состав индоевропейской языковой семьи, и одновременно с этим даёт представление о разрастании языков во времени после распада индоевропейского праязыка на отдельные группы языков. Сама схема обладает чертами эволюции, что подразумевает изменчивость языков во времени и позволяет в общем понять, когда возникал в некой исторической перспективе тот или иной язык, а вслед за этим и его носитель – народ.

К тому времени, когда появилась данная схема, не было известно о существовании исчезнувших в древности хеттского, микенского и тохарского языков и особого диалекта индоарийского языка, обнаруженного на Ближнем Востоке. Поэтому данная схема не полная, и к настоящему времени известны куда более развёрнутые и сложные древа индоевропейских языков, но именно А. Шлейхер был тем учёным, который первым разработал сам подход и основные принципы иерархии языков.

Француз А. Мейе отказался от упрощённого шлейхеровского понимания праязыка как единого целого, указав, что и древнейший индоевропейский праязык имел диалекты. Теории «родословного древа» была противопоставлена «теория волн». Суть её состояла в том, что после распада первоначального индоевропейского единства у разошедшихся диалектов или даже близкородственных языков возможны

общие и вторичные изменения. Как один из случаев, новое сближение диалектов приводило к возможному образованию вторичных языковых объединений и групп. К настоящему времени «теория волн» не заменила собой «родословное древо», но стала основой для развития отдельного направления в языкознании.

Необходимо отметить появление идеи о «языковых союзах», высказанной русским учёным Н.С. Трубецким. На основе изучения языковых ситуаций на Кавказе Н.С. Трубецкой высказал мнение, что в пределах замкнутого региона различные языки отмечены схожими признаками.

Значительное влияние на развитие индоевропейского языкознания оказала расшифровка клинописных табличек II тыс. до н.э. с надписями на хеттском языке. Открытие нового древнейшего индоевропейского языка, а также изучение тохарского языка и крито-микенской письменности, привело к пересмотру многих вопросов индоевропеистики. Стали актуальными проблемы древнейшего состояния индоевропейских языков и взаимоотношения отдельных групп индоевропейских языков. Начиная с 1920-х гг. в оборот индоевропеистики активно вводятся сведения из анатолийских языков. Некоторые данные получены благодаря изучению среднеиранских языков и плохо сохранившихся остатков мёртвых языков: мидийского, иллирийского, венетского, фракийского, дакского, фригийского, македонского, скифского.

К середине XX в. возникла эпическая картина исторического развития индоевропейских языков. За каждым из них стоял отдельный народ, со своей исторической судьбой. Учёные, имея перед собой общую схему развития языков, постоянно задавались вопросом о реконструкции непосредственно самой истории индоевропейских народов, и здесь на передний план вышла археология. Возникла проблема наложения на археологическую карту Евразии схемы развития индоевропейских языков.

Индоевропейская прародина

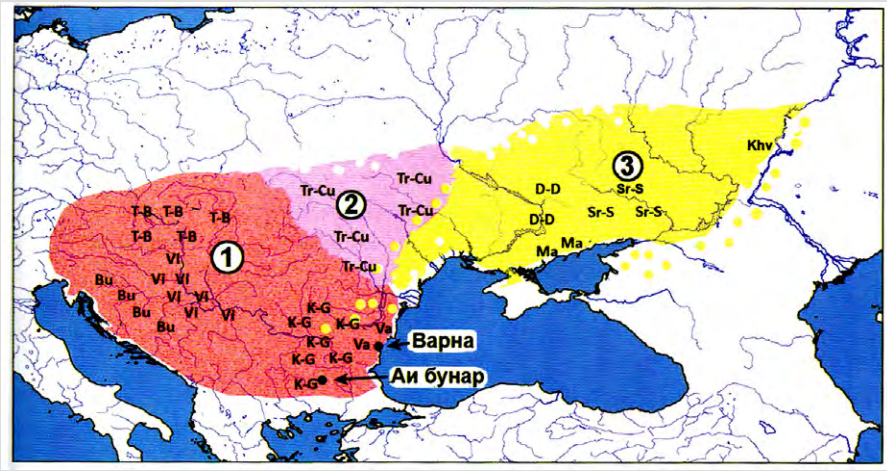
С самого начала развития сравнительно-исторического языкознания предпринимались попытки поиска прародины индоевропейцев и восстановления их истории. В настоящее время существует признанная в своих основных моментах реконструкция индоевропейского языкового родословного древа. Имеются определённые разногласия по частным вопросам, но в целом есть общее понимание того, в какой последовательности происходило появление новых языков, а вслед за этим и новых народов, носителей тех или иных языков. Успехи в области изучения истории индоевропейцев позволяют с большой долей вероятности предполагать, что время существования индоевропейского праязыка относится к V тыс. до н.э., или немного ранее, в переводе на привычные исторические понятия: период конца неолита и начало энеолита.

Неизбежно возникал вопрос – где, собственно, находилось то место, где первоначально проживали праиндоевропейцы, и откуда началось их расселение по всей Евразии. По этому поводу высказывались различные гипотезы, но сейчас исследователи всё больше склоняются к тому мнению, что именно степи Восточной Европы являются праиндоевропейской родиной. В качестве альтернативной существует гипотеза о Балканах и Среднем Подунавье как первичной родине индоевропейских народов.

В индоевропейском праязыке традиционно выделяются заимствования из ряда древних языков – кавказского и семито-хамитского. Подобное единовременное проникновение слов из нескольких языков в праиндоевропейский можно объяснить, если принять условие, что индоевропейцы соседствовали с носителями перечисленных языков. В индоевропейском праязыке также сохранились названия растений и животных определённой климатической зоны и набор слов, связанный с хозяйственной деятельностью, в частности, относящейся к металлам и металлургии. Территория, очерчиваемая в широтном направлении междуречьем Волги и Днепра, а в меридианном – отрогами Кавказа и таёжной зоной Европы, определяет ту географическую область, которая отвечает требованиям контактов с народами кавказской и семито-хамитской языковых семей, а также ареалом обитания отдельных видов животных и распространения растений. Особо необходимо отметить наличие заимствований из семитского языка. В свете новых археологических данных становится понятным, что во времена энеолита на Северный Кавказ переселился с Ближнего Востока какой-то народ, осевший в бассейне реки Кубань и положивший начало майкопской археологической культуре. Данный народ мог быть носителем или семитского языка, или западнокавказского, что и способствовало языковым заимствованиям индоевропейцами. Ещё одна зона контактов индоевропейцев находилась на западе – с раннетрипольскими племенами. Носители культуры Кукутени-Триполье, являясь отдалёнными потомками неолитических мигрантов с Ближнего Востока, осевших первоначально на Балканах, могли быть носителями семитского языка.

Языковый союз или группа диалектов?

Если исходить из представлений о языковом союзе как основе индоевропейского праязыка, то складывается следующая картина. Первичным условием сложения языкового союза и единства разнообразных племён послужило обитание носителей ряда археологических культур позднего неолита-энеолита Восточной Европы в общей природно-географической зоне. Именно природно-климатический фактор был той основой, которая позволяла сформировать общий тип хозяйственной деятельности на основе скотоводства, с небольшой долей земледелия.



Карта Европейской металлургической провинции в энеолите (по Е.Н. Черныху).
Условные обозначения: 1 – центральная группа оседло-земледельческих культур: Bu – Бутмир, T-B – Тисаполгар-Бодрогкерестур, Vi – Винча, K-G – Караново VI-Гумельница, Va – Варна; 2 – периферийная группа оседло-земледельческих культур: Tr-Cu – Триполье-Кукутени; 3 – степные скотоводческие общности: D-D – Днепро-Донецкая, Ma – Мариупольская (Азово-Днепровская), Sr-S – Средний Стог, Khv – Хвалынская.

Катализатором сближения в эпоху энеолита разных племён юга Восточной Европы послужило появление и распространение металла у степных народов, и их вхождение в пределы единой **Балкано-Карпатской металлургической провинции**. Когда речь заходит о металлургической провинции, необходимо понимать, что разговор идёт не только о импорте металла и металлических изделий с Балкан. Благодаря контактам между людьми происходила передача знаний технологического характера, а вслед за этим и неких пластов духовной культуры. Технология в древности сопровождалась ритуальными действиями и комплексом мифологических представлений. Поэтому в культуры проникали помимо технологических навыков целые мифо-ритуальные пласты, элементы социальной системы. Более того, вслед за этим в культуры прорывались некие информационные потоки самого различного формата от важных сведений и навыков практического плана до языковых заимствований.

Аналогичные процессы охватывали собой не только сферу распространения металлических изделий и область технологии изготовления металлических предметов. Освоение производства керамической посуды

неизбежно приводило к передаче и взаимному обмену технологиями и в этой области культуры. Параллельно вырабатывались мировоззренческие представления о посуде и гончарах, некие общие термины и узко профессиональный словарный запас, вырабатывались стандарты производства тех или иных типов изделий, в регионе возникала своеобразная «мода» на декорирование посуды.

В процессе контактов различные языки сближались между собой, и даже формировался общий словарный запас, относившийся к наиболее важным областям жизнедеятельности: металлургии, гончарству. Относительно обмена знаниями в области сельского хозяйства в столь древний период очень сложно что-то говорить, во многом из-за слабой изученности процессов доместикации животных и селекции новых сортов сельскохозяйственных культур. Можно предположить, что и их коснулись транскультурные информационные обмены.

В социальной сфере периода энеолита имеется ряд признаков единства в пределах Восточной Европы унифицированных социально значимых знаков (символов) в виде каменных скипетров и каменных антропоморфных изваяний. Интенсификация связей неизбежно приводила к появлению близких или вообще единообразных социально-общественных систем. Данная область относилась к институту семьи, системе брачных отношений, социальной структуре общества.

Энеолит отмечен появлением одного очень важного культурного явления – у степных народов возникает курганный погребальный обряд, постепенно получивший распространение в восточноевропейских степях. В энеолите захоронения в небольших курганах практиковалось наравне с грунтовыми могильниками. Только со временем курганный погребальный обряд превратился в повсеместный ритуал. Несомненно, что за погребальной обрядностью стояла область мифологии. Общность ритуальной обрядности способствовала общности в мифологии.

Таким образом, подоснова языкового союза начала формироваться в пределах близости отдельных областей человеческой культуры. Далее появлялись общие единицы языка, общий грамматический строй, синтаксис. Можно констатировать, что в степной и лесостепной зоне Восточной Европы в период позднего неолита-энеолита возникла целая система интенсивных информационных каналов, на основе которых произошла консолидация разрозненных племён в некий культурный союз, возможно, в языковый союз. Некая часть словарного запаса у разнородных племён и общность в грамматике языков могли послужить основой для сложения индоевропейского праязыка.

Описанная ситуация позволяет объяснить наличие заимствований из кавказского и семитско-хамитского языков. Подобные заимствования могут свидетельствовать об остаточных следах, сохранившихся от неких семитских и кавказских племён, которые входили в состав восточноев-

ропейского языкового союза во времена позднего неолита-энеолита. Так называемые заимствования в индоевропейском праязыке, следовательно, представляли собой остаточные реликты языкового союза. Распад языкового союза привёл к тому, что на основе уже сложившегося общего языка начали формироваться самостоятельные языки индоевропейского круга. Нельзя исключать и иной вариант: интенсификация контактов привела к формированию сразу нескольких отличных языковых образований на уровне диалектов. В последующем диалекты послужили основой, на которой оформлялись самостоятельные языки.

Распад индоевропейской общности

Необходимо отметить, что достаточно рано удалось выделить у индоевропейцев две группы языков по изменчивости звуков в неких ситуациях. Было замечено, что ряд согласных (*к, г*) перед гласными переходят в шипящие или свистящие звуки, например: ру**к**а – ру**ч**ка, ли**к** – ли**ц**о. Дальнейшее сопоставление языков показало, что выделенные группы объединяются по ещё одному признаку. Французский лингвист А. Мейе, занимаясь сравнительным анализом индоевропейских языков, заметил, что языки северо-западной группы, в которую входят *италийские, кельтские, германские, балтийские и славянские*, совпадают по целым пластам лексики – совпадения относились к сельскохозяйственной терминологии, государству и праву. Иная лексика для аналогичных терминов присутствует в языках юго-востока: *греческом, армянском, арийских и иранских языках* – эти народы явно формировали своё хозяйство и государственные образования вне северо-западной общности. Причём, разделение на две крупные группы фиксируется для самого раннего периода индоевропейского праязыка.

В системе развития индоевропейского праязыка намечается картина, реконструированная выдающимися советскими учёными Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым. На схеме Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова описанная языковая ситуация разделения на две группы относится к самому раннему периоду индоевропейской общности. Выделение из общего индоевропейского ядра анатолийской языковой группы маркирует собой уже начало распада индоевропейского праязыка. Приведённое родословное дерево Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова позволяет проследить появление индоевропейских языков и народов во временной последовательности, и остаётся только привязать данную последовательность к археологической карте Восточной Европы исторического периода, начиная с энеолита и заканчивая ранним железным веком. Так будет реконструироваться история возникновения отдельных индоевропейских народов, в том числе проживавших на территории Донецкого края.

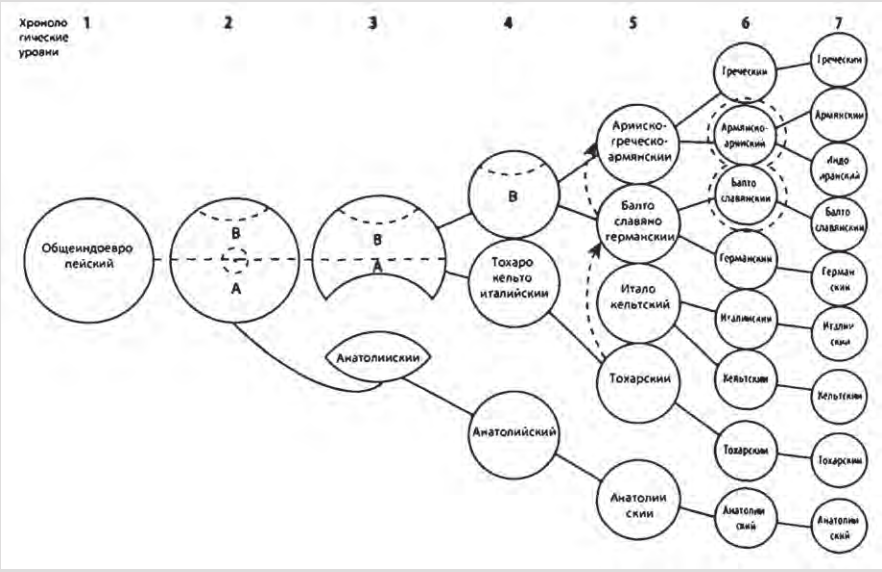


Схема древа индоевропейских языков в хронологической изменчивости (по Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванову).

С учётом хронологии распада индоевропейского праязыка, именно энеолитические археологические памятники степей Восточной Европы (или поздненеолитического периода) следует соотносить с праиндоевропейцами – теми племенами, которые стали прародителями всех индоевропейских народов в будущем.

Для этого периода на степных просторах Восточной Европы известно несколько отдельных групп археологических памятников: памятники суворовского типа (Северо-Западное Причерноморье) и новоданиловского облика, среднестоговская культура (Днепр), хвалынская культура (Волга), несколько позже появляется репинская культура (Дон) и памятники Нижней Михайловки (Днепр). Разбросанные на большом пространстве от Днепра до Волги, каждая из названных групп археологических памятников обладала видимым своеобразием, формируя локальные самостоятельные культурно-археологические образования. Скорее всего, археологическое своеобразие Восточной Европы в рассматриваемый период отражало ситуацию существования на широком степном пространстве отдельных племён, которые все вместе входили в единый языковый союз. Языковый союз, как отмечалось, предполагал наличие не одного безусловного

языка, а нескольких совершенно различных языков, или как вариант, группы диалектов.

Ключевым моментом в истории индоевропейцев явилось начало бронзового века. С этого времени начинается интенсивный процесс возникновение новых индоевропейских языков и народов и образуется ветвистая иерархия языков.

Археологические культуры Донбасса эпохи раннего металла и бронзы

Начальный период истории индоевропейцев степной Евразии проходит под знаком появлением в самом начале эпохи бронзы в бассейне Волги ямной культуры, а на Нижнем Доне и Маныче небольшого количества памятников с катакомбным погребальным обрядом. Далеко в Сибири, в предгорьях Алтая, неожиданно появляется афанасьевская культура, обладающая очевидным сходством с ямной. Исходной подосновой для ямной и афанасьевской культур признаётся репинская археологическая культура – в ней много черт будущей ямной культуры.

Репинская культура (по новой хронологии возникает около 3800 г. до н.э.) первоначально известна в Подонье и в дальнейшем распространяется далее до Поднепровья. До недавнего времени погребения репинской культуры трактовались как относящиеся к раннеямному периоду. Неудивительно, что у неё множество признаков, близких ямной культуре. Отличительной чертой репинской культуры было большое содержание костей коня в ритуальной пище – около 80% от всех костей животных. Репинская культура интересна тем, что из неё легко можно вывести происхождение ямной и афанасьевской культур. Афанасьевская культура в индоевропеистике занимает особое место, поскольку её связывают с **тохарами** – одним из древнейших индоевропейских народов. Сравнительное языкознание установило, что выделение тохарской языковой группы из общеиндоевропейской произошло очень рано – сразу после того, как появилась **анатолийская (хетто-лувийская) языковая группа**. Следовательно, у нас появляется несколько реперных точек в истории степной Евразии, с которыми можно соотнести наиболее древние индоевропейские языки. Необходимо найти степные археологические памятники, которые можно будет привязать к анатолийской языковой группе и с которых начинается распад индоевропейской семьи. Но сначала остановимся на ямной культуре.

Ямная культура

Ранний бронзовый век Восточной Европы отмечен распространением на всей территории восточноевропейских степей ямной (иногда

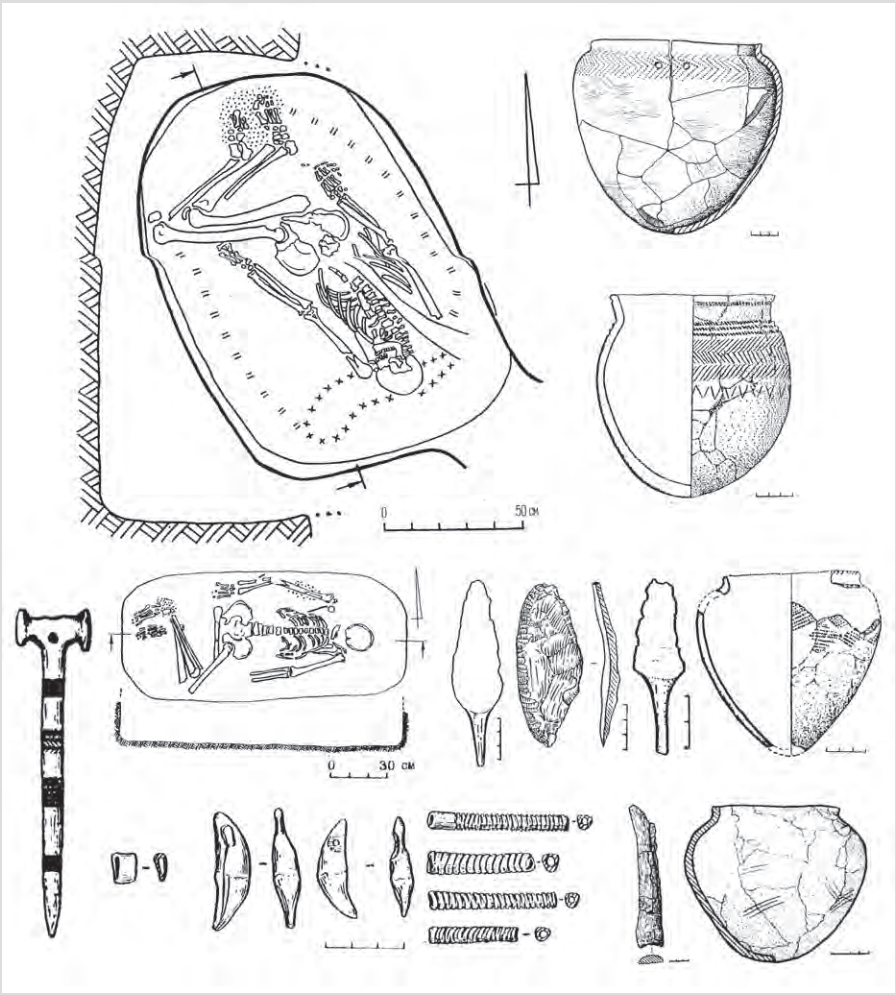
называемой древнеямной) археологической культуры, получившей своё название из-за формы погребений в виде ям. С учётом достижений сравнительной лингвистики, можно констатировать, что язык, на котором говорили племена ямной культуры, относился к одному из самых древних индоевропейских языков.

Ямная культура возникла в Поволжье в IV тыс. до н.э. Отдельные носители ямной культуры проникли далеко на запад, достигнув Паннонии (Средний Дунай) и отрогов Родопских гор на Балканах. Постепенность продвижения носителей ямной культурной традиции с востока на запад заняло время, поэтому для отдельных регионов имеются свои схемы периодизации ямной культуры. Для Донбасса существование ямной культуры определяется в пределах второй половины IV – середины III тыс. до н.э.

Племена ямной культуры оставили после себя, фактически, первые курганы в наших степях. До времён ямной культуры отдельные энеолитические погребения встречаются в пределах небольших по размерам насыпей, но именно, начиная с ямной культуры, появляются курганы в их традиционном облике – больших по размеру высоких насыпей. Энеолитические погребения обнаружены, например, при раскопках кургана возле города Дружковка, в посёлке Авиловка у города Енакиево, у села Стыла Старобешевского района, села Новоандреевка Волновахского района, села Орловское Тельмановского района. Последнее погребение представляло собой прямоугольную яму, в которой не сохранились до наших дней кости умершего. На дне могилы лежала осыпанная охрой кремнёвая пластина длиной 14,3 см, на одном конце которой были следы подработки ретушью. Могилу окружало кольцо из кусков гранита диаметром около 4-х м. Перечисленные энеолитические насыпи стали основой для возведения в будущем курганов.

В Донбассе ямная культура представлена курганными погребальными памятниками. Количество их достаточно велико, они найдены буквально на всей территории нашего края. Начиная с ямной культуры, появляются родовые курганные могильники – захоронение родственников в одном или нескольких близстоящих курганах. Подобные могильники известны у села Октябрьское Славянского района, села Огородное Першотравневого района, села Шевченко Володарского района, у города Шахтёрска (группа «Рясные могилы»). Погребения представляли собой простые прямоугольные или овальные ямы, перекрытые деревянным настилом. Возле умерших ставили глиняные сосуды, иногда встречаются металлические ножи, кремнёвые наконечники копий, крупные костяные булавки, украшения.

Первые ямные погребения зафиксировал В.А. Городцов, выделивший среди археологических памятников региона непосредственно ямные археологические комплексы. В последующем археологи открывали в Донбассе всё новые погребальные памятники ямной культуры. Со второй



Погребения и предметы ямной культуры (по Н.П. Зарайской, В.К. Кульбаке, А.М. Смирнову, Ю.Б. Полидовичу, В.А Посредникову).

половины 60-х гг. XX в. в СССР разворачиваются масштабные археологические исследования и начинают массово возникать новостроечные археологические экспедиции, основной задачей которых было проведение спасательных археологических исследований. Подобные экспедиции существовали и в довоенный период, но с интенсивным развитием Советского Союза возникла необходимость в формировании археоло-

Остатки повозки ямной культуры, обнаруженной в погребении (Областной музей краеведения, г. Ростов-на-Дону).

гических экспедиций, целенаправленно занимавшихся спасательными исследованиями на объектах народного хозяйства. Первоначально на территории Донбасса работали археологи из столичных центров России и Института археологии УССР. В 1978 г. на историческом факультете Донецкого государственного университета, а в Донецком краеведческом музее в 1988 г., были созданы на постоянной основе новостроечные археологические экспедиции. Огромная заслуга в организации самостоятельного археологического научного центра в Донецке принадлежит декану исторического факультета, в последующем заведующей кафедрой археологии, этнографии, древнего мира и средних веков А.А. Моруженко. С этого времени начался новый этап в истории археологии Донбасса. Помимо увеличения объёма археологических исследований, в Донецке была воспитана целая плеяда археологов, а сам город превратился в один из крупных научных археологических центров на территории бывшего Советского Союза. Благодаря донецким археологам было открыто и изучено огромное количество археологических памятников на территории нашего края, в том числе и ямной культуры.

Племена ямной культуры были скотоводами-пастухами, которые перегоняли на новые пастбища стада в основном крупного рогатого скота, хотя они разводили лошадей и мелкий рогатый скот. Необходимость двигаться вслед за стадами животных привела к тому, что степные народы изобрели достаточно простое и удобное жильё – колёсные

Изображение скотовода степной Евразии в ритуальной раскраске (по книге «Эволюция образа культурного героя»).

повозки. Довольно просторное по размерам, с цельными колёсами из дерева и крытым тентом, такое жилище было рациональным решением проблемы обеспечения себя кровом в условиях постоянного перемещения по степи. Насколько рациональным оказалось использование крытых повозок в условиях степных перекочёвок, свидетельствует сохранение данного типа жилища на протяжении многих тысячелетий, вплоть до позднего средневековья. Со временем изменение претерпевали только формы повозок и их размеры. Проживание в повозках, и возможно в утеплённых шатрах в зимний период, привело к тому, что нам почти не известны поселения ямной культуры. Иногда встречаются места скопления остатков артефактов ямной культуры, но они очень редки. Представления о повозках племён ямной культуры дают находки частей таких повозок в погребениях данной культуры.

Быт пастухов был непритязателен, они обходились ограниченным набором предметов. Количество металлических и каменных орудий труда было невелико. Ткани и кожаные изделия не сохранились до наших дней из-за специфики грунтов и климата Восточной Европы, и представления о таких материалах дают случайные отпечатки тканей на керамической посуде, следы подстилок в погребениях. Наиболее массовой категорией вещей, сохранившейся от представителей ямной культуры, является керамика. Сосуды изготовлялись из глины ручным способом, без использования гончарного круга, обжиг производился на костре, из-за чего качество посуды оставляло желать лучшего. Часто сосудам придавалась яйцевидная форма, без плоского дна. Для украшения посуды использовался незамысловатый орнамент в виде оттиска шнура, орнаментальные мотивы представляли собой часто ряды параллельных линий, реже зигзаги, треугольники, волны.

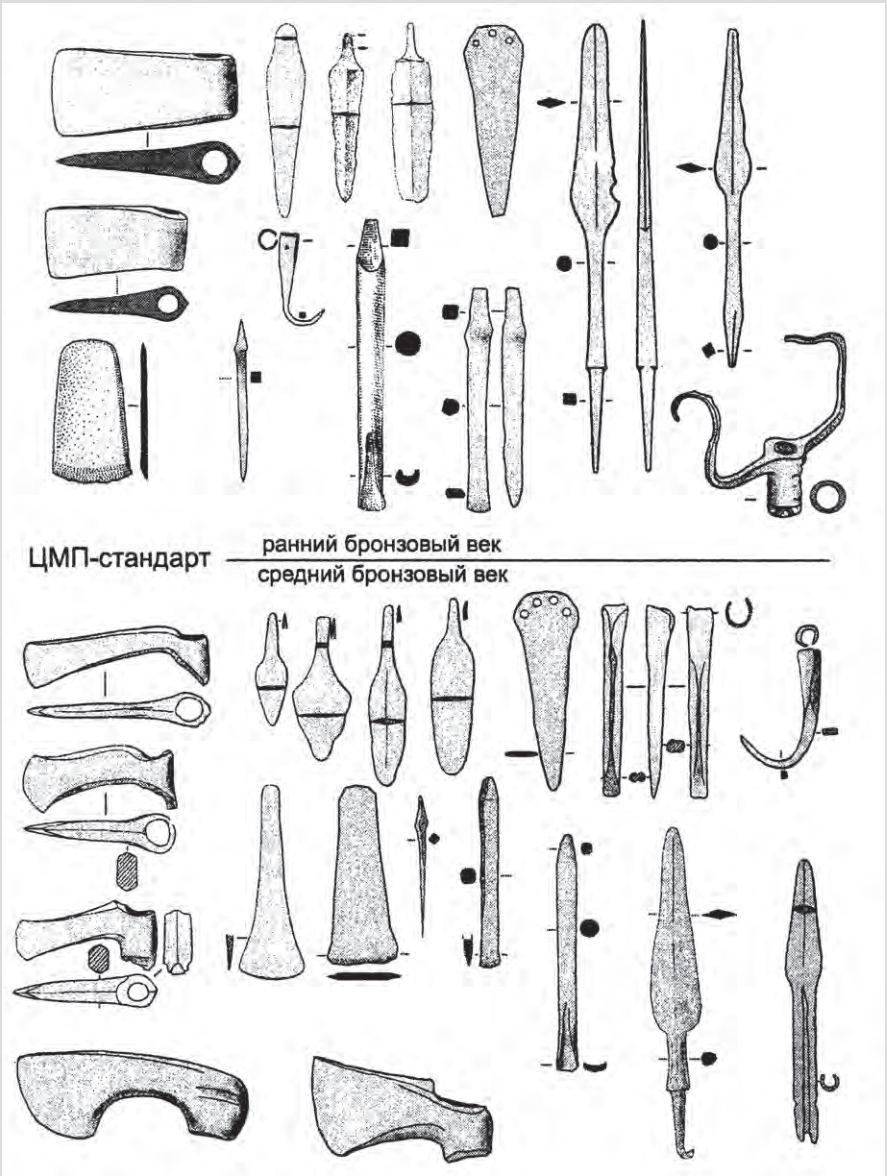
Внешний облик представителей ямной культуры восстанавливается по останкам людей, обнаруживаемых в погребениях. Это были по меркам древности и средневековья высокие, крепкие люди европеоидного облика.

Наибольший интерес представляет набор оружия племён ямной культуры. Оружие было необходимо для защиты стад домашних животных от диких зверей и набегов соседей, совершавшихся с целью угона скота. Скот был главной ценностью и требовал защиты, и бронзовое оружие в этом отношении было наиболее эффективным средством вооружения. Носители ямной культуры использовали характерные топоры – наиболее представительный вид оружия того времени. Наконечники копий из бронзы редки среди находок. Имеется уникальный случай нахождения в ямном погребении в Поволжье меча. Также известны наконечники стрел и дротиков из кремня.

Благодаря изучению металлических предметов было установлено, что ямная культура входила в зону **Циркумпонтийской металлургической провинции**, формирование которой относится к IV тыс. до н.э. С исчезновением Балкано-Карпатского металлургического очага V тыс. до н.э. новый центр металлургии и металлообработки переместился на Ближний Восток, в пределы восточных областей Малой Азии. Именно данный район явился тем ядром, вокруг которого сформировалась новая металлургическая провинция, охватившая собой обширный район вокруг Чёрного моря (отсюда и название провинции).

Новый крупнейший производящий центр металла Циркумпонтийской провинции сложился при тесных контактах с ближневосточными цивилизациями. Технологическим прорывом в IV тыс. до н.э. стало использование мышьяка в качестве добавок к меди, вследствие чего удалось получить бронзу, превосходящей по своим качествам чистую медь. Вместе с новым материалом возникли совершенно новые типы орудий труда, оружия, украшений. Новые технологии получили широкое распространение среди народов Европы, охватив собой всё Причерноморье и соседние с ним области Балкан и Кавказа. Расцвет Циркумпонтийской металлургической провинции пришёлся на III тыс. до н.э. (средний бронзовый век).

Циркумпонтийская провинция даёт яркий пример существования обширных локальных образований в Евразии в столь древнюю эпоху. Попадание в пределы металлургической провинции той или иной культуры означало не только использование различными народами общих видов изделий и типов предметов. В пределах провинции происходило формирование транскультурных связей и информационных каналов. По таким каналам перетекала и распространялась информация на довольно широком пространстве Евразии. Древние народы благодаря транскультурным связям были менее изолированы, чем может показаться на первый взгляд, и были больше вовлечены в коммуникационные каналы обмена теми или иными сведениями. Широкие миграционные волны, которые начинают растекаться по Евразии со времён эпохи раннего бронзового века, во многом были связаны с информацией об отдалённых пригодных



Стандартный набор основных категорий металлических предметов Циркумпонтийской провинции (по Е.Н. Черныху).

для проживания уголках человеческой ойкумены. Ямные племена были первыми в череде степных народов, которые осуществили широкую миграционную экспансию в степном поясе Евразии с востока на запад. На западе следы их проникновения находят в Центральной Европе (район Подунавья) и на Балканах, на востоке – в пределах Южного Урала.

Представители ямной культуры говорили на языке, на основе которого в дальнейшем возникли индоарийский, древнегреческий, армянский, фракийский и фригийский языки. Таким образом, носители ямной археологической традиции являются родоначальниками хорошо нам известных будущих греков, арийцев, иранцев, армян и группы исчезнувших исторических народов, к каким относятся фракийцы. На основе погребальных сооружений и предметного мира ямной культуры в некоторой мере восстанавливаются общие представления о социальной структуре общества и духовном мире её носителей. Близость по времени к древнейшим индоевропейцам позволяет предположить, что в среде носителей ямной культуры сохранилось многое от индоевропейской мифологии. Данные представления уточняются и в будущем ещё потребуются усилия по достаточно полной реконструкции духовного мира «ямников».

Катакомбная культура

Долгое время считалось, что на смену ямной культуре приходит катакомбная археологическая культура, и потому она была в плане хронологии более поздней в сравнении с ямной. К настоящему времени археологи пришли к выводу, что катакомбная культура представляет собой не единую целостность, а группу отдельных самостоятельных археологических культур, объединяемых в **катакомбную культурно-историческую общность**. В пределах общности выделяется несколько отдельных археологических культур. Становится всё более очевидным, что катакомбная культура достаточно древняя и долгое время сосуществовала одновременно с ямной культурой. Район её формирования расположен на Нижнем Дону и немного восточнее, простираясь до Калмыкии. Как доказывает луганский археолог А.М. Смирнов, ещё в эпоху энеолита появляются погребения с подбоями – с одного края ямы делалась как бы небольшая ниша, – которые явились прототипами последующих катакомб. Самые первые обнаруженные катакомбные захоронения очень древние и относятся ко времени энеолита, как например, погребение в Калмыкии Чограй I, 4/3. Катакомбные погребения энеолита известны на другом конце восточноевропейских степей – в Северо-Западном Причерноморье. В грунтовом могильнике в Джурджулештах (Молдова) были обнаружены катакомбные погребения суворовского типа (погребения 3-5), сам могильник выделяется своим богатством металлических вещей.

Долгое время катакомбное население жило небольшими группами в районе Дона-Калмыкии, но начиная с эпохи средней бронзы, оно начало широко распространяться по всей степной зоне Восточной Европы. Причины смены ямной культуры катакомбной остаются до конца непонятными. Одна из них находит объяснение в климатических изменениях середины III тыс. до н.э., когда из-за иссушения климата племена ямной культуры мигрировали далеко на запад, а на полуопустевшие территории пришли катакомбные племена, поглотив немногочисленное оставшееся ямное население. Другая причина увязывается с общей культурологической проблематикой – смена археологических культур во многом объясняется трансформацией общекультурной «модели мира» у племён степной зоны Восточной Европы.

В Донбассе ранние погребальные комплексы катакомбной культуры появляются где-то в середине III тыс. до н.э., может немного ранее, приходя на смену ямной культуре. В Донецком крае наиболее ранние катакомбные памятники происходят из северных районов: Артёмовского, Славянского, Константиновского – тяготея к бассейну реки Северский Донец. Они относятся к донецкой катакомбной культуре. Со временем в Приазовье проникают с юга-запада носители ингульской катакомбной культуры, оставившие после себя яркие курганные захоронения, с северо-востока Донбасса – среднедонская катакомбная культура, с юга – манычская. Катакомбные культуры в Донбассе просуществовала до конца III тыс. до н.э, когда на их основе формируется совершенно новая археологическая культура, получившая название «бабинская».

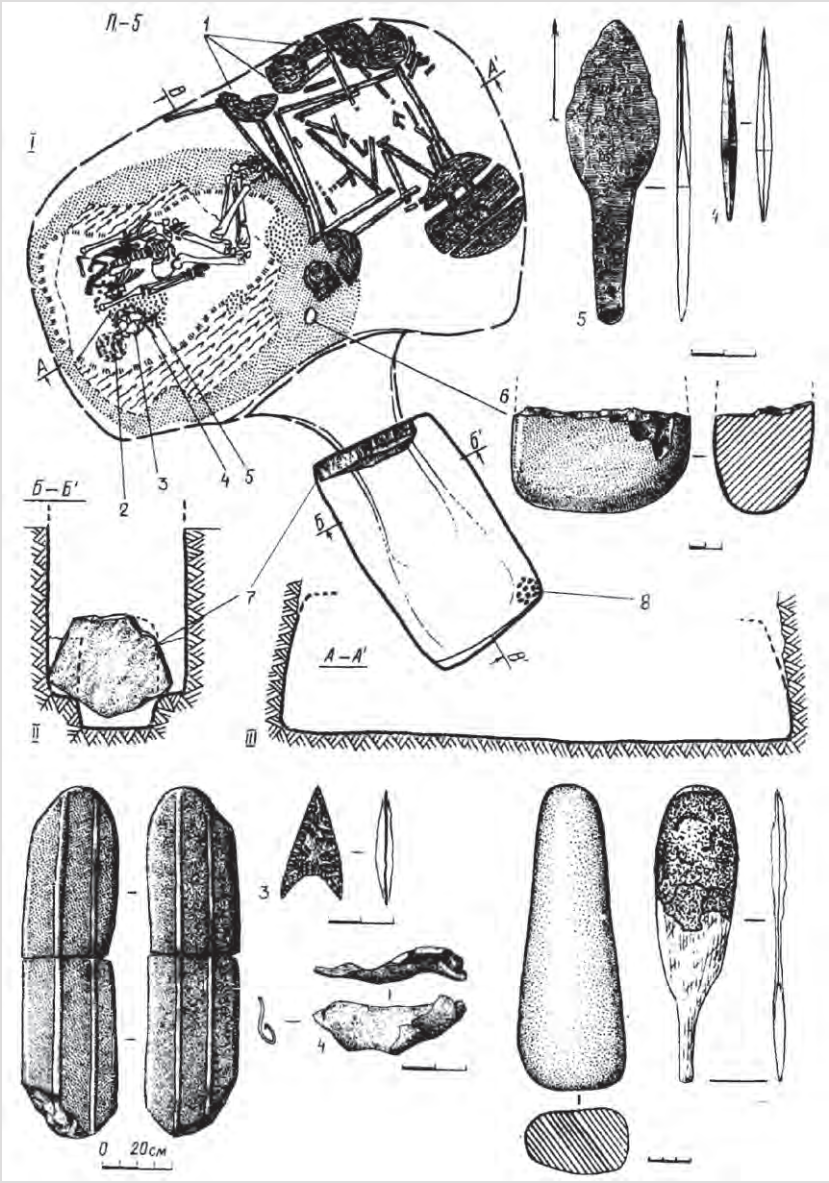
По своему типу хозяйства племена «катакомбников» мало чем отличались от представителей ямной культуры. Носители катакомбной культурной традиции были такими же пастухами, перегонявшими стада крупного и мелкого рогатого скота по степным просторам Восточной Европы и проживавшими в крытых повозках. Только в самом конце существования катакомбной культуры наметился переход к устройству стационарных посёлков с постройкой жилищ в виде полуземлянок. Первые достоверные факты обнаружения подобных посёлков относятся к бассейну реки Северский Донец в Донбассе. Видимо, благоприятная экологическая ниша достаточно большой по меркам степи реки позволяла обеспечить прокорм скота без дальних передвижений, оставаясь в радиусе ближайшей округи.

Катакомбную археологическую культуру отличают от ямной погребальный ритуал и предметы материальной культуры. Своих умерших представители катакомбной культуры хоронили в существовавших или во вновь возводимых курганах глубоко под землёй в специальных нишах или камерах, напоминающих катакомбу. Предметы катакомбной культуры отличаются видимым качеством выделки и мастерством исполнения, особенно, богатством декора. В керамическом комплексе

Катакомбная посуда и ножи (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

выделяются парадные кубки, богато орнаментированные шнуровым орнаментом и оттисками тесьмы. Кубки являются своего рода визитной карточкой катакомбной культуры. На стенки кубков тщательно наносили сложные композиции, состоявшие из вписанных друг в друга кругов или спиралей. По краю венчика шли пояски оттиском шнура или тесьмы, ряды углового орнамента, горизонтально расположенной «ёлочки». Иногда элементы декора затирались охрой, приобретая яркий цвет. Кухонная посуда была проще в исполнении и декоре, но всё равно она довольно часто украшалась орнаментом. Популярностью пользовались украшения из бронзы и кости в виде всякого рода медальонов и подвесок. Особый колорит эстетики катакомбной культуры резко выделяет её среди остальных археологических культур эпохи бронзы степной Евразии.

Отличительная черта погребальной практики катакомбной культуры, столь сильно контрастирующей с ямной – помещение в погребения разнообразных по своему составу вещей и случаи манипуляция с телом умерших. Известны захоронения с посмертными масками, с пробками из охры, вставленными в глазницы черепа, встречаются расчленённые костяки. Отдельные представители катакомбной культуры имели удлинённые черепа, сформированные особым способом в детстве.



Катакомбное погребение и сопроводительный инвентарь могил из раскопок В.К. Кульбаки под Мариуполем, «Виноградники» (по В. Кульбаке, В. Качуру).

Видимая иррациональность погребального обряда и самой культуры не раз отмечалась археологами. За подобным явлением стоят мировоззренческие установки и своеобразная мифология. В плане понимания специфики мировоззрения катакомбной культуры особое место принадлежит изучению ритуальной практики её носителей.

В катакомбных погребениях находят самый разнообразный инвентарь: посуду и фрагменты сосудов, керамические жаровни и курильницы, оружие, металлические ножи, крюки, шилья, каменные стрелы и топоры. Одновременно с перечисленными предметами в погребальные комплексы помещались орудия труда для производства стрел, литейные формы и сопла для выплавки металлических предметов, наковальни для обработки металлических изделий, пряслица, шилья, кремнёвые отщепы, модельки люлек, игральные кубики. Редко, но встречаются катакомбные погребальные комплексы, в которых наблюдается максимальная концентрация вещей, что позволяет реконструировать мифологические представления носителей катакомбной культурной традиции.

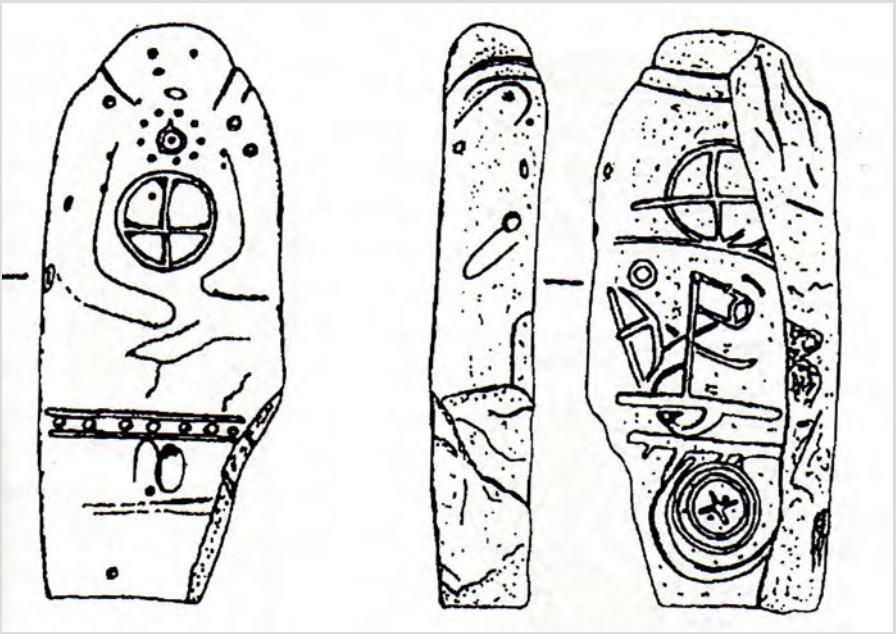
Так, в кургане возле Мариуполя, в местности под названием «Виноградники», мариупольский археолог В.К. Кульбака при раскопках кургана обнаружил несколько катакомбных погребений с каменным закладом. Внутри катакомбы № 5 с каменным закладом находилась деревянная повозка, бронзовые нож и шило, деревянная чаша, каменная галька. В соседнем погребении № 8 найдены: деревянная повозка, каменная стела, кремнёвый наконечник стрелы, остатки умершего с признаками расчленения, жаровня в виде фрагмента керамического сосуда, обнаружены следы посыпки охрой стоп ног, кистей рук и черепа, видимо, были ещё и остатки погребальной маски.

Как видим, в пределы двух погребений попадает несколько значимых категорий погребального инвентаря, и в такой замкнутой целостности, как погребальный ритуал, отмечается нагромождение целой группы элементов культуры, передающих некие смыслы. Наличие повозки (дома) указывает, что умерший был главой рода или племени, жаровня в катакомбном погребальном обряде явно актуализирует представления об углях (жаре) в мире мёртвых, например, «огне у подземного существа»; сосуды с содержимым – об устройстве пиров, а деревянная чаша, редчайший случай помещения в погребение посуды из дерева, об особом социальном статусе человека; шило и нож – это инструменты для изготовления кожаных изделий, галька выступает символом реки. Все перечисленные предметы так или иначе характеризуют человека. Вполне явственно выделяются отдельные характеристики и качества героя: он глава рода или племени, через вещи прослеживается его связь с «мёртвым» огнём и с водным миром, шило как орудие для кожевенного производства актуализирует его качество «творца». Последнее значение требует уточнения.

Яркая особенность катакомбной культуры заключается в существовании погребений с производственными наборами для изготовления кремнёвых орудий, а также металлургических наборов для литья и обработки металла, шильев для производства кожаных изделий. Перечисленные наборы катакомбной культуры передают разными способами одно общее свойство: способность предметов к порождению культурных форм, другими словами, с помощью производственных наборов рождались вещи. Показательно, что в катакомбных погребениях попадаются предметы прямо несущие смысловую идею «рождения», подтверждая важность данного смысла для представителей катакомбной культуры. К таким предметам следует отнести модельки колыбелек. Принимая во внимание, что колыбель является особым местом существования человека сразу после родов, местом для вновь рождённого – тем самым, она воплощала собой идею «рождения». Модели колыбелек катакомбной культуры имеют особую форму. У них в изголовье приподнятый верх, закрывающий голову младенца так, чтобы лицо ребёнка пребывало в тени и на него не падали прямые лучи света. В данном случае повторяется ситуация с правилами по отношению к покойнику, известными во многих культурах мира: требовалось, чтобы на лицо мёртвого не попадали прямые лучи солнца. Лицо младенца, как и умершего, должно быть сокрыто от солнца, «солнечного взгляда», т.е. «невидимое». Неслучайно поэтому в катакомбных погребениях находят посмертные маски – они скрывали лицо человека после его смерти подобно тому, как в люльке скрывалось лицо новорождённого. Смысловые мотивы «сокрытости лица», «невидимости» объединяют между собой совершенно различные явления катакомбной культуры.

Вещи в качестве мифологических образов выполняли знаковую функцию и характеризовали человека. Понятие атрибутивности как нельзя лучше соответствует истинному положению в системе смыслов и образов катакомбной культуры. Атрибутивность подразумевает неразделённость человека и вещи. Если человек обладал предметами, способствующими рождению вещей, значит, и он сам обладал способностью к творению, рождению. В системе архаической мифологии таких людей часто приравнивали к богам и называли **демиургами** (существо, сотворившее первый мир, первых животных, растения, вещи). Сам мир передавался в образе Творения из природной материи. Захороненный в катакомбе человек с производственным набором, если можно так выразиться, является творцом, наделённым даром демиурга, и в этом он близок богам.

В древности описание мироздания происходило в форме мифов и легенд. На основе выявленной системы образов и смыслов вполне реконструируются отдельные мифологические тексты прошлого. Известно, что тема Героя-демиурга и его «рождения» получила реализацию во многих мифах и легендах у самых различных народов мира. В контек-



Стела эпохи раннекатакомбного времени, найденная возле Лисичанска (по С.Н. Санжарову).

сте индоевропейских и северокавказских мифов и эпосов, преданий и сказаний сюжет о «рождении/смерти» человека обладает целой серией примечательных образов, в частности, при рождении героя присутствует кузнец. Тесная связь кузнецов и металла с рождением и смертью людей, с собаками и волками выводит на широкий круг легенд и мифов Европы, Малой Азии, Северного Кавказа. К ним принадлежат легенды о том, как герои, рождённые из камня и ведущие своё происхождение от водных жителей, играли в кости и убивали, или наоборот, не убивали волков и собак.

Столь яркий облик катакомбной культуры, её колоритный язык культуры, заставляет с особым вниманием относиться к поиску индоевропейского субстрата, который бы соотносился с данной археологической культурой.

С учётом древности возникновения катакомбной культуры, её носителей можно соотнести с анатолийской (хетто-лувийской) языковой группой. Данная группа языков отделилась от индоевропейского праязыка самой первой, а уже затем появилась тохарская и другие. Первые сведения о

хеттах относятся к XVIII в. до н.э.; лувийцы, паллийцы известны позже, чем хетты. Появление этой группы народов в Малой Азии из степей Восточной Европы возможно было двумя путями: 1) или через Кавказ, 2) или вдоль Северного Причерноморья с последующим выходом на Балканы и далее через Босфор в пределы Малой Азии. Как бы ни казался протяжённым северный путь, он может рассматриваться в качестве наиболее предпочтительного в исторической реконструкции – показательно, что катакомбные погребения известны вплоть до Молдовы. Продвигаясь вслед за ямными племенами по уже известным путям, представители катакомбной культуры вполне могли достичь Балкан, а отдельные мужские воинские отряды проникать в пределы Малой Азии. Характерно, что хетты, сохранив свой индоевропейский язык, полностью переняли материальную культуру местного населения, а смешанные браки лишили их первоначального облика. В итоге они стали похожими на местное население армяноидного типа. Аналогичные процессы видоизменения первоначального внешнего облика индоевропейцев хорошо известны в истории индоарийцев, греков.

Поэтому с большой долей уверенности можно предположить, что катакомбные племена были носителями языка анатолийской группы, который не сохранился до нашего времени и принадлежит к мёртвым языкам индоевропейской семьи.

Бабинская культура

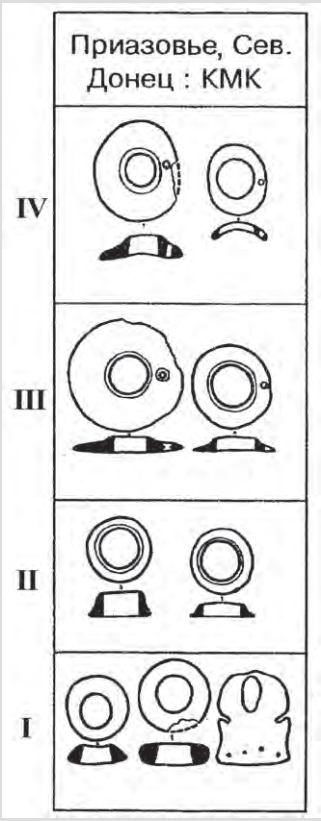
Переходной период от эпохи средней бронзы к поздней привёл к культурной мозаичности в пределах степной Евразии. На смену катакомбному культурному миру в степях от Урала до Днепра/Днестра приходит несколько культурных образований со своими своеобразными чертами в материальной культуре и погребальной обрядности. В донецких степях катакомбная культура в конце III тыс. до н.э. трансформируется в бабинскую культуру, восточнее неё появляется целый спектр отдельных локальных культур, где ярким своеобразием выделяется синташтинская культура Южного Приуралья. В данный переходной период происходят значительные исторические события в Северной Евразии. Археология не позволяет восстановить ход событий столь далёкого прошлого, и пока понятны лишь отдельные процессы, происходившие в степях Восточной Европы.

За множеством археологических культур периода перехода от средней бронзы к поздней видится существование нескольких отдельных племенных образований, отношения между которыми были достаточно непростыми и нередко носившими конфронтационный характер. В таких условиях резко возрастала роль воинов. В этот период формируется воинское сословие со своими специфическими признаками. Одним из

признаков принадлежности к воинской элите общества в рассматриваемый период становятся колесницы. Колесницы, или узда от конской упряжи в качестве её заменителя, помещалась наравне с оружием в могилы наиболее знатных и выдающихся членов общества. Достаточно большое количество погребений с колесницами или колесничной уздой, рассеянных от Дона до Урала, дают представление о широте распространения «культуры воинства» среди степных племён. В степи сформировалась особая тактика использования большого количества колесниц в бою. Лёгкие и стремительные, они позволяли неожиданно появляться перед врагом, осыпая его градом стрел, и рассеивать вражеские войска, затем преследуя его и добивая во время бегства. Степные открытые пространства позволяли активно использовать такое боевое оружие как колесница. Существует мнение, что именно степи Евразии явились родиной колесниц и колесничего боя.

В этот сложный исторический период в Донбассе обитали, как отмечалось, наследники катакомбной культуры – племена **бабинской археологической культуры**. Первоначально культура, как указывалось выше, имела название КМК (культура многоваликовой керамики). Название произошло от глиняной посуды, украшенной большим количеством налепных валиков. Орнамент посуды богатый, разнообразный, нередко изысканный произвёл впечатление на археологов, и они решили называть археологические памятники по одному из ярких признаков культуры. Однако со временем стало очевидно, что сосуды с многоваликовой орнаментацией характерны не только для памятников КМК, но и для позднекатакомбных культур, особенно среднедонской. Более того, анализ керамической посуды на поселениях КМК показал, что многоваликовая керамика не является ведущей или преобладающей в культуре. Поэтому археолог С.Н. Братченко предложил вместо недостаточно точного названия КМК использовать новое название: «бабинская культура» по эпонимному памятнику Бабино-III на Нижнем Днепре. Данное название приняло большинство археологов.

В Донецком крае известно множество погребальных памятников бабинской культуры. На Северском Донце обнаружены и частично исследованы стационарные посёлки бабинской культуры. Раскопки на многослойных поселениях со следами бабинской культуры проводили Т.А. Шаповалов возле села Ильичёвка Краснолиманского района, С.С. Березанская на поселениях Рубцы. Особо выделяется поселение, исследованное В.В. Цимидановым возле Райгородка Славянского района, которое оказалось не потревоженным более поздними напластованиями других культур. В Приазовье также известно поселение Раздольное в Старобешевском районе (раскопки О.Г. Шапошниковой в 60-х гг. и раскопки В.Н. Горбова, А.Н. Усачука в конце 90-х гг. XX в.). Отличительная черта бабинской культуры состоит в том, что умерших помещали



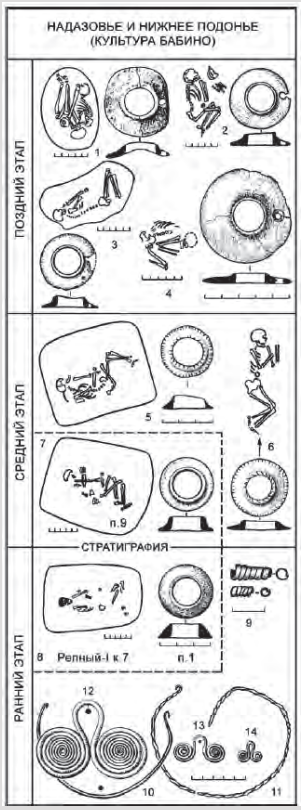
Видоизменение пряжек бабинской культуры по этапам во времени (по Р.А. Литвиненко).

уже не в катакомбы, как было ранее, а в ямы. Другой особенностью является редкое размещение предметов в могиле, чаще это была посуда. Среди погребённых выделяется группа захороненных, обладавших ременными (или плащевыми) пряжками, иногда такие погребения сопровождались наборами стрел. Подобное погребение обнаружено возле пгт Пантелеймоновка Ясиноватского района, раскопанное сотрудниками Донецкого краеведческого музея и представленное в его экспозиции. Такие погребения археологи относят к элите общества. Показательно, что виды пряжек меняются во времени – за короткий период по меркам эпохи бронзы сменилось четыре вида пряжек.

Высокая степень изменчивости пряжек во времени позволяет говорить о кардинальных трансформациях в сознании степных обществ, начиная с периода конца средней и начала поздней бронзы. В данном случае является показательным, что элита общества бабинской культуры не следовала раз принятым культурным нормам в обществе. Аналогичные процессы заметны при анализе упряжи для колесниц – псалиев – у племён, обитавших восточнее бабинской культуры. Здесь фиксируется большое видовое разнообразие псалиев, связанное с их довольно быстрой, по меркам эпохи бронзы, эволюцией во времени. Бронзовые ножи и кинжалы также испытывали на себе изменчивость вкусов элиты общества в рассматриваемый период. Данные видоизменениям во времени в перечисленных категориях изделий, которым вполне подходит определение «моды», контрастируют с консерватизмов в изготовлении керамической посуды – посуда почти не меняется в пределах культур, оставаясь устойчивой категорией материальной культуры. Подобные закономерности в мире вещей позволяют говорить не только о существовании особой социальной группы в обществе (явно элиты общества), но и о её особой «субкультуре» и специфической ментальности, отличной от большинства людей. Действительно, вкус к изменчивости

формы вещей отличается от стремления следовать традиционности и консерватизму. Общество на определённом этапе исторического развития перестаёт быть консолидированным, из него выделяется и формируется в отдельную социальную группу некая элита. В период перехода от средней бронзы к поздней и в самом начале поздней бронзы такая элита общества имела выраженный воинский статус, со временем подобная выделенность воинской страты в обществе начинает исчезать.

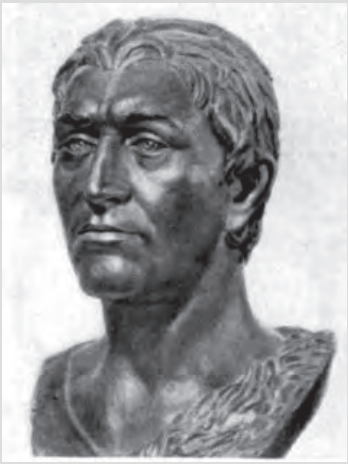
Как и их предшественники, племена бабинской культуры были скотоводами, при этом они занимались в ограниченном объёме и придомным земледелием. Генетическая преемственность с катакомбной культурой позволяет расценивать представителей бабинской культуры как носителей одного из анатолийских языков, который не сохранился и относится к группе мёртвых языков. Более того, огромность территории, занимаемой бабинской культурой и членение её на варианты, позволяет говорить о существовании нескольких диалектов этого мёртвого языка.



Видоизменение пряжек и материальной культуры бабинской культуры (по Р.А. Литвиненко).

Срубная культура

Когда в 1901 и 1902 гг. В.А. Городцов проводил раскопки курганов в бывших Изюмском и Бахмутском уездах (нынешних частично Артёмовском и Славянском районах), ему часто попадались погребения со скорченными костяками, иногда посыпанными охрой. Отдельные из таких захоронений представляли собой ямы, в которых размещались деревянные конструкции, напоминающие срубы с одним-двумя венцами. Таким погребения В.А. Городцов дал наименование **срубная культура**. С лёгкой руки выдающегося российского археолога за огромным пластом памятников эпохи поздней бронзы закрепилось название «срубная культура». Со временем, после масштабных археологических раскопок в советский период, стало понятно, что количество погребений, совершённых в срубах, невелико и более типичными являются погребения в



Реконструкция внешнего облика мужчины из срубного погребения 20, кургана 5 у села Бережновки (Поволжье).

обычных ямах, но название культуры так и сохранилось за этими степными и лесостепными археологическими памятниками.

Археологические памятники срубной культуры самые многочисленные среди остальных культур эпохи бронзы Восточной Европы. К настоящему времени только на территории Донецкого края исследовано более 1000 погребений и десяток поселений срубной культуры, раскопанных в той или иной степени. Общее число, изученных погребений срубной культуры во всём ареале её распространения от Урала до Днепра, превышает десять тысяч. Столь большое количество археологических памятников срубной культуры в сравнении с иными степными культурами находит объяснение в росте населения и плотности заселения степного и лесостепного пространства Восточной Европы. Следует говорить о том, что во времена поздней бронзы в степной и лесостепной зоне от Урала до Дуная произошёл демографический взрыв. Сочетание двух видов хозяйственной деятельности: скотоводства и земледелия – обеспечило людям приемлемый уровень питания, что и сказалось на росте численности населения. Рост населения имел и побочное действие – недостаток мясной белковой пищи у населения срубной культуры привёл к уменьшению среднего роста людей, что особенно наглядно видно при сравнении их с представителями ямной культуры.

Срубная культура возникла на территории Поволжья и Среднего Дона. Из района Среднего Дона и Нижнего Поволжья представители срубной культуры постепенно продвигались на запад, достигнув берегов Днепра, отдельные погребальные комплексы срубной культуры известны вплоть до Молдовы и Карпат. Племена срубной культуры продолжили известный ещё со времён ранней бронзы путь миграции степных скотоводов с востока на запад.

Обширная территория, включавшая в себя множество племён, рассеянных от Урала и Приаралья до Днепра, привела к тому, что для срубной культуры археологами употребляется понятие **срубная культурно-историческая общность** (иногда – **область**). Помимо пришлых племён (носителей срубной культурной традиции) в её формировании

принимало участие и местное население, проживавшее на своей исконной территории до прихода «срубников». Речь может идти о том, что в степях Восточной Европы сложилась некая «культурная модель», которая получила распространение в пределах огромного географического региона и охватившая собой различные племена, в том числе, генетически не связанных со «срубным» населением региона Волго-Дона. Локальные археологические различия, прежде всего, лесостепной и степной частей срубной культуры, позволяют говорить о существовании нескольких племенных объединений в рамках единой общности.

При всей внешней монотонности культурных форм и слабой эволюции срубной культуры во времени, выделяется несколько периодов в её истории: **покровский этап** XVII-XVI вв. до н.э., **развитой этап** культуры XV-XIII вв. до н.э. (иногда называемый бережновско-маёвский) и **поздний этап**, финальный, который начинается с XIII в. до н.э. Аридизация (иссушение) климата в конце эпохи бронзы, начавшаяся где-то около XII в. до н.э. и продлившаяся до VIII века до н.э., привела к исчезновению срубной культуры. Относительно финального периода срубной культуры используется термин «памятники белозерского времени». Изменение климатических условий способствовало миграции срубных племён и резкому сокращению численности населения в восточноевропейских степях. Прослеживается путь движения срубного населения на юг в пределы Передней Азии – известны следы пребывания носителей срубной культурной традиции вдоль восточного побережья Каспийского моря и в районе Копетдага (Туркмения и Иран). Оставшаяся часть населения в степях Восточной Европы вынуждена была адаптироваться к новым условиям, перейдя к кочевому образу жизни, отказавшись от стационарных посёлков и примитивных форм земледелия.

Срубная культура, включая самые ранние периоды, существовала в Донбассе в XVII-XII вв. до н.э. Археологические памятники срубной культуры на территории нашего края представлены поселениями, курганными и грунтовыми могильниками, медными рудниками, случайными находками. Обилие и разнообразие археологических источников позволяет в полной мере обрисовать особенности их жизни, духовный мир срубного общества, социальную структуру общества, условия существования людей, их занятия.

Наиболее многочисленную категорию археологических памятников срубной культуры составляют погребения. Курганные могильники срубной культуры размещаются преимущественно на возвышенностях водоразделом между берегами крупных балочных систем рек и ручьев, грунтовые – на террасах рек, иногда на поселениях. Курганные могильники могли в себя включать как довольно большое количество насыпей, так и единичные курганы, затерянные в степи. Количество погребений в курганах варьируется от одного до нескольких десятков.

1

2

Металлические предметы срубной культурно-исторической общности. 1 – ножи; 2 – топор-кельт и наконечник копья (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Как например, в небольшом кургане высотой всего 0,3 м возле станции Желанная Ясиноватского района (раскопки О.Р. Дубовской) находилось 11 срубных захоронений, не считая катакомбных. Чаще погребения совершались в уже существовавшие курганы более раннего времени. Погребальный обряд предусматривал захоронение умершего в ямах, деревянных срубах, каменных ящиках в скорченном положении, на левом боку, с ориентацией головой на северо-восток или север, кисти рук располагались перед лицом, сам костяк иногда посыпался охрой. Известны также случаи кремации. В качестве погребального инвентаря, сопровождавшего умершего, использовались сосуды, реже изделия из металла, камня, рога и кости. Необходимо отметить, что более половина всех погребений вообще не имела сопроводительного инвентаря.

Керамический комплекс срубной культуры отличается своеобразными стилистическими чертами. Посуда – остроёберные горшки и сосуды баночной формы, украшены нередко геометрическим орнаментом. Орнамент выполнялся в виде горизонтальных и наклонных линий, зигзагов, «ёлочки», расчёсов. Иногда на сосудах, преимущественно в их верхней части, встречаются разнообразные знаки в виде крестов, солярных знаков, прямоугольников, схематических антропоморфных и зооморфных изображений; высок процент иррегулярных орнаментальных композиций.

Орудия труда и оружие изготовлялись из камня и металла, ассортимент их был аналогичный предшествующему времени. Из новых видов

Посуда срубной культурно-исторической общности (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

орудий можно упомянуть топоры-кельты и серпы-секачи. Орудия, необходимые для металлообработки – это молоты и молотки, рудотёрки. Относительным своеобразием отличались украшения. Это были фаянсовые бусы, бронзовые и медные браслеты, бляшки, накосники, подвески, отдельные из которых обкладывались золотой фольгой, также известны подвески из сурьмы.

Срубное население проживало в стационарных поселениях, но археологии находят и следы временных стойбищ. Поселения срубной культуры известны на всей территории Донбасса. На отдельных из них проводились раскопки: в Краснолиманском районе урочище Усово Озеро (раскопки С.С. Березанской), у села Ильичёвка (раскопки Т.А. Шаповалова), в урочищах Глубокое Озеро и Диброва (раскопки Я.П. Гершковича), Лиманское Озеро (раскопки С.И. Татаринова), у сёл Новоселовка и Яровая (раскопки В.В. Цимиданова, Ю.Б. Полидовича, В.И. Кузина), Рай-Стародубовка (раскопки В.Ф. Клименко). В Славянском районе раскопки проводились в урочище Выдылыха у села Богородичное (раскопки В.И. Кузина), в городах Донецк и Мариуполь, урочище Ляпинская балка (раскопки В.В. Цимиданова, Ю.Б. Полидовича, В.И. Кузина), на поселении Веровка, что на окраине Енакиево (С.Н. Постников). В Волновахском районе О.Я. Привалова и А.И. Привалов исследовали поселения Лидино I и Николаевка, а также Макри-хая в Старобешевском районе. В Новоазовском районе у сёл Гущельщиково О.А. Кривцова-Гракова произвела на поселении шурфовки. Особо следует выделить масштабные археологические работы на поселениях Безыменное-I и Безыменное-II, проведённые В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком, ими же велись раскопки поселения Широкая Балка-II на окраине г. Новоазовска.

Реконструкция посёлка срубной культуры Усово Озеро, расположенного возле села Ямполь Краснолиманского района (по С.С. Березанской).

В ходе раскопок удалось установить, что жилища срубной культуры представляли собой землянки или полуземлянки каркасно-столбовой конструкции с двускатной или шатровидной крышей. Стены жилищ изготовлялись из плитняка и дёрна, в Приазовье стены облицовывались камнем. В ранний период жилища обладали большими размерами, настолько, что в них могла размещаться большая патриархальная семья. Внутри жилищ располагались один или несколько очагов, хозяйственные ямы. В поздние периоды размеры жилищ уменьшились. Жилые дома были обособлены от хозяйственных построек.

Тип хозяйства носителей срубной культурно-исторической общности базировался преимущественно на стойловом и отгонном скотоводстве, которое дополнялось земледелием. О земледелии свидетельствуют находки на поселениях зёрен культурных злаков. В приазовских степях, скорее всего, практиковалось полукочевое скотоводство и специализация на выделке кож – так, на поселении Безыменное-II было найдено множество орудий для выделки кожи. Анализ остатков костей животных на поселениях позволяет прийти к выводу, что в составе стада доминировал крупный рогатый скот, меньший процент в стаде составляли лошади и мелкий рогатый скот. Крупный рогатый скот использовался для производства кисломолочной продукции, составлявшей основу рациона питания населения.

Одна из ярких особенностей срубной культуры заключается в существовании специализированных поселений. Рост населения приводил к необходимости специализации отдельных посёлков на производстве металла. Хорошо изучен посёлок металлургов на Среднем Дону – Мосоловское поселение. Множество литейных форм, найденных на территории поселения, свидетельствует о специализации населения по изготовлению бронзовых и медных предметов самой широкой номенклатуры. Относительно Донецкого края только поселение Усово Озеро отличается набором

предметов, пусть и в небольшом количестве, свидетельствующих о проживании на нём металлургов-литейщиков. Особенностью нашего края является наличие разработок месторождений меди во времена срубной культуры в районе Артёмовска. Присутствие медистых песчаников в районе Бахмутского месторождения позволяло добывать медь на месте и из неё производить бронзовые орудия труда.

Специфической особенностью эпохи поздней бронзы является убыстрение хода истории. Рост населения и большая его плотность расселения, интенсивность контактов, миграции и перемещения населения, неизбежные при этом военные столкновения и браки – всё это увеличивало число самым разнообразных событий в жизни общества. Нарастание исторических событий ломало привычные устои и традиционный уклад жизни и создавало условия для формирования совершенно нового типа мышления у степных народов Евразии. Новые вызовы требовали выработки иных, чем ранее, форм осмысления действительности, способствуя отходу от традиций. В эпоху поздней бронзы возникает особая мифологема «непрямого пути», задававшая общий смысловой строй культуры.

Идею «непрямого пути» Героя довольно легко себе представить по таким древним произведениям, как «Одиссея» Гомера или «Энеида» Вергилия. В мифологии Греции это путь таких героев, как Тесей, чей жизненный путь напрямую спроецирован на движение в лабиринте (пространстве смерти); Геракл в движении к бессмертию путешествует по миру и проходит путь испытаний, ошибок, подвигов; жизнь Эдипа, полная внутренних нравственных перипетий, завершается его уходом из Фив и ужасной гибелью. Герой, сумевший пройти тяжёлый, зигзагообразный путь, подтверждал свою успешность теми или иными знаками-символами: полученными или добытыми предметами, плодами, животными, отметинами на теле. С помощью культурных знаков выделялся человек, наделённый способностью к движению по специфическому жизненному пути, который «не-прямой», зигзагообразный, меандроподобный.

Для дописьменных культур степной Евразии, у которых не сохранились мифо-легендарные тексты, восстановление подобных смыслов возможно, если проанализировать изобразительное искусство срубной культуры. Ряд предметов срубной культуры украшался орнаментальными мотивами в виде зигзагов, меандров. Зигзаг как некий образ – ни что иное, как зримое воплощение сложного, полного изломов пути. Достаточно давно учёные истолковали символику меандра и зигзага в регионе Восточного Средиземноморья в качестве видимого образа «священной дороги», наподобие Кносского дворца с его лабиринтами. Как пишет московский учёный Д.Ю. Молок: *«Процессия была в древности преобладающей формой ритуала, а священная дорога … выступает семантическим коррелятом пути жизни, с её порогами».* Мифологема «трудного пути», жизненного «лабиринта» многообразна в образном и текстовом

воплощении в срубной культуре. Подтверждением актуальности мифологемы «пути» служат немногочисленные иконические изображения в срубной культуре, передающие смыслы «движения»: шагающий человек на сосуде из Волчанки, изображение колесницы, запряжённой лошадьми, на сосуде из Сухой Саратовки (Поволжье). Петроглифы времён эпохи поздней бронзы степной Евразии пестрят образами колесниц. Относительно срубной культуры следует говорить о широком распространении представлений о «пути» и «испытании» героев.

В срубной культуре имеется небольшое количество изобразительных текстов, отсылающих к смыслам кружения, круга, как одного из воплощений Космоса, когда само круговое движение расценивалось первичным актом творения. Движение по кругу в ритуальной сфере наравне с зигзагом и лабиринтом актуализирует достаточно известную мифологему *«движение по священной дороге»*. При этом круг предстаёт образом, для которого ключевым являются представления о замкнутой «священной дороге» – круг оказывается в одном смысловом поле с шествием вокруг алтаря, города, посёлка, своей земли. Возникает смысл замкнутого, очерчиваемого пространства, ограниченного от внешнего. Само действие «кружения» направленно на передачу структурности космоса. Человек, несущий на себе подобные знаки, являлся установителем Порядка. Традиционно такие функции в индоевропейском мире нёс «священный царь», чей путь был «прямым».

Благодаря анализу изобразительных текстов срубной культуры восстанавливается два типа социальных личностей в срубном обществе: **священного царя**, человека «порядка», чьим знаковым выражением является круг, и **героя**, преодолевавшего «лабиринты» жизни, чьими изобразительными знаками выступали зигзаг и меандр. С учётом двух типов личности становится понятным небольшое количество в срубной культуре знаков «священного царя» и множества изобразительных мотивов, соотносимых с героями, людьми, поставленными в условия постоянного выбора в жизненном пространстве. В сложный период поздней бронзы огромная масса членов социума находилась в условиях испытаний и преодоления жизненных трудностей – из этой массы любой мог обрести статус героя. Общая готовность членов социума к героике представляет собой реакцию на запросы своего времени, когда общество было расположено к проявлениям героической сути своих членов. В традициях древних обществ, каждая из двух социальных групп была носительницей тех или иных космологических мифов и легенд. Сами космологические принципы воплощались в божественные сущности, так что каждая группа людей имела своего бога-покровителя. Имена богов у представителей срубной культуры не сохранились, и здесь любопытно сопоставить срубную традицию с индоиранской, для которой известно, что носителем порядка был Митра, а преодоления жизненных проблем

увязывалась в зависимости от ситуации с достаточно большой группой богов: Индрой, Ашвинами, Агни.

Относительно этнической принадлежности племён срубной культуры с большой долей достоверности можно говорить, что носители срубной культуры принадлежали к иранской группе индоевропейской языковой семьи. В эпоху поздней бронзы сформировались две большие культурно-исторические общности: срубная и андроновская. Срубная культура, скорее всего, относилась к западноиранской группе, а андроновская – к восточноиранской группе языков. Обе культуры зачастую рассматриваются как археологический аналог первых иранских диалектов Северного Причерноморья, предшественников скифов и сарматских племён.

* * *

Значение степных археологических памятников Восточной Европы эпохи раннего металла и эпохи бронзы заключается в решении проблематики нахождения и локализации индоевропейской прародины. Евразийский степной и лесостепной пояс был Малой Родиной для довольно большой группы индоевропейских народов. Данный степной пояс был территорией, с которой пошло расселение индоевропейских народов по всей Евразии и обретение каждым отдельным индоевропейским народа новой родины. В этом плане показательно сохранение понятий «Малой Родины» у славян: у поляков есть первоначальная территория формирования государственности Малая Польша, аналогичная ситуация была у восточных славян – Малороссия (Малая Русь).

Исторические дисциплины, связанные с эпохой раннего металла и эпохи бронзы Евразии, в настоящем интенсивно развиваются. Каждые двадцать-тридцать лет происходит пересмотр тех или иных научных дефиниций, происходит уточнение устоявшихся научных представлений. Поэтому описанная история периода раннего металла и эпохи бронзы Донбасса будет неизбежно претерпевать те или иные изменения. Это следует учитывать в будущем.

Глава 3. Исторические народы: киммерийцы, скифы, сарматы, греки

Ранний железный век в степях Восточной Европы ознаменован появлением упоминаний древними авторами о народах, проживавших на территории современного Донбасса. Одним из первых исторических народов, который известен со времён древности, являются киммерийцы, затем им на смену приходят скифы и немного позже сарматы.

Киммерийцы

На рубеже финала эпохи бронзы и начала раннего железного века происходят эпохальные события в степях Восточной Европы. Во многом они связаны с переход к кочевому образу жизни населения евразийских степей. Переход к кочевничеству совершился во многом под воздействием климатических изменений, обусловленных аридизацией степей и засушливым климатом. Кочевники стали активно использовать лошадь для верховой езды и создали на основе отрядов всадников мобильные воинские отряды. На вопрос, когда люди перешли к верховой езде – ответить трудно. Но достижением степных народов раннего железного века был не просто массовый переход к всадничеству, а выработка тактики боя на лошадях. До киммерийцев и скифов у степных народов ударным скоростным средством ведения боя была колесница. Скифо-сарматские народы применяли для быстрого и мощного удара конницу и главное своё оружие – виртуозное владение луком в стрельбе с лошади. Новации в военном деле позволили степным кочевникам совершать дальние военные походы с целью обогащения. Регион цивилизаций Передней Азии и Ближнего Востока превратился для них в желанную цель походов. Столкновение кочевников Евразии с миром цивилизаций древнего Востока имело огромные последствия для степных племён. Во многом под воздействием древневосточных цивилизаций у народов степной Евразии ускорился процесс трансформаций в области общественных отношений и социальных институтов, произошло формирование первых государственных образований в Восточной Европе.

Благодаря древним письменным источникам известно имя одного из кочевых народов Восточной Европы – **киммерийцы**. Они были первым народом, населявшим наш край в древности, о котором дошли достоверные сведения. Наиболее ранние упоминания о них относятся к библейским текстам, поэме Геродота «Одиссей» и ассирийским текстам. На ассирийских глиняных табличках имеются сведения о разгроме киммерийцами под именем «гамирра» в 714 г. до н.э. урартского царя

Русы I. В письмах к ассирийскому царю Саргону II от наследного принца Синаххериба, в которых сообщается о походе урартского царя в страну Гамир(ра) и о его жестоком разгроме, содержатся личные имена киммерийских вождей. Упомянут Дугдамми, отождествляемый обычно с вождём киммерийцев Лигдамисом, фигурирующим в рассказе Страбона о взятии киммерийцами Сард (столицы Лидийского царства), также известны вожди Теушпа и Сандакшатру. Анализ имён киммерийцев позволил предположить, что они относились к индоевропейским народам. Походы киммерийцев в пределы Малой Азии привели к тому, что они обосновались в этом регионе, подчинив себе Фригию и разгромив Лидию.

1

2

Изображения киммерийцев:
1 – на саркофаге из Малой Азии;
2 – на этрусской вазе VI в. до н. э.

О киммерийцах известно очень мало. Об их внешнем виде можно судить по отдельным рисункам прошлого. На ряде предметов из Этрурии и Малой Азии киммерийцы предстают в облике всадников, вооружённых луками и мечами. Благодаря рисункам на саркофаге из города Клазомены мы можем видеть воинов с длинными мечами. Что характерно – на обоих рисунках воинов сопровождают собачьи своры. Отдельные специалисты высказывали мнение, что воины-киммерийцы представлялись в древности воинам-псами.

Относительно Восточной Европы у древнегреческого историка Геродота упоминается местность, связанная с киммерийцами: *«И теперь в Скифии есть Киммерийские стены, есть и Киммерийские переправы, есть и страна с названием Киммерия, есть и Боспор, именуемый Киммерийским»* (Herod., IV, 12). У Геродота также сохранился рассказ о взаимоотношениях скифов и киммерийцев, что является самым первым исторических фактом из истории юга Восточной Европе в передаче древнего историка. Это уже не реконструирование прошлого по материалам сравнительного языкознания и археологическим источникам, а непосредственно первая историческая традиция о событиях далёкого прошлого.

Киммерийцы, будучи кочевым народом, вели подвижный образ жизни. По этой причине следы их пребывания в степях Восточной Европы

обнаруживаются с большим трудом. Существует известный археологический аспект киммерийской проблемы, который до настоящего времени остаётся дискуссионным. С киммерийцами связывают археологические памятники, предшествующие появлению непосредственно самих скифов. Исследование подкурганных захоронений и кладов привело к тому, что относительно предскифского периода, датируемого в целом IX-VII вв. до н. э., выделяется две группы археологических памятников: черногоровские и новочеркасские. Наиболее ранней группой памятников является черногоровская, по этой причине именно её увязывают с киммерийцами. Относительно памятников новочеркасского типа среди специалистов нет единодушного мнения – одни относятся данные памятники к скифам, другие же расценивают их в качестве киммерийских. Новочеркаские памятники интересны во многом тем, что они увязываются с проблематикой генезиса скифов.

Киммерийцы хоронили умерших в курганах бронзового века, иногда они возводили свои собственные насыпи и ставили на них каменные стелы. Именно в погребениях и кладах находят наборы для верховой езды: детали конской сбруи и уздечного набора, а также посуду, украшения, оружие, которые отличаются между собой по периодам. Конская узда послужила основой для первоначального выделения погребальных памятников предскифского периода и в его пределах ещё двух периодов. Каждый из периодов отмечен своим археологическим своеобразием. Для черногоровских памятников характерны могилы со скорченными погребениями, ориентированными в своём большинстве на восток, что является продолжением традиций эпохи поздней бронзы. Рядом с умершими помещали конскую узду и иной сопроводительный инвентарь. Удила имели на окончаниях петли в виде стремени, поэтому они получили в археологической литературе наименование «стремячковидные удила», тут же находились псалии в виде стержня с тремя сквозными отверстиями. Новочеркасские погребения имели иной облик – они вытянутые на спине с западной ориентировкой. Удила в таких погребениях были с двумя кольцами на окончаниях – так называемые «двукольчатые», на псалиях имелись отдельно расположенные три петли-кольца («трёхпетельчатые»). Отличалась и посуда для каждого периода, отдельные категории сопроводительного инвентаря. В могилах оставляли стрелы с бронзовыми и костяными наконечниками, представлявшие собой главное оружие кочевников. В погребениях также иногда находят мечи, сверлёные каменные молоты, бляшки и костяные застёжки, имеется один случай обнаружения биметалического кинжала, шилья, ножи, оселки и т.д. Очень редко встречаются украшения из золота.

Впервые захоронения киммерийцев были обнаружены возле населённого пункта Черногоровка Артёмовского района, поэтому археологическая культура киммерийцев получила название **черногоровская**

культура. Донецкий археолог О.Р. Дубовская выделила четыре локальные зоны черногоровской культуры – памятники Донецкого края входят в Северо-Восточную зону, насчитывающую порядка 54 погребальных комплексов. Наиболее известные памятники черногоровской культуры в Донецком крае найдены у сёл Луганское и Весёлая Долина Артёмовского района: у черепа лежали обломки керамики, остатки деревянной чаши с медными скобками, набор конской упряжи, состоявшей из двух псалиев, трёх больших блях, пуговицы и бляшки из клыков дикого кабана с резным геометрическим орнаментом. В насыпи кургана у села Новолуганское Артёмовского района открыто разрушенное погребение с аналогичным набором блях конской упряжи из клыков дикого кабана. Также имеются погребения черногоровской культуры в Приазовье: Огородное курган 2 погребение 2, Кременёвка курган 2 погребения 2 и 4, Приморское-I, курган 2 погребение 5 (Сартана).

Недалеко от посёлка Мангуш, севернее посёлка Юрьевка, В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком исследованы стойбища предскифского периода, получившие название Камышеватая-V и Камышеватая-XIX, которые, скорее всего, относятся к киммерийскому времени.

Скифы

У Геродота сохранилась легенда о том, как исчезли киммерийцы. По его сведениям они были изгнаны скифами. Археологические источники свидетельствуют, что в VII в. до. н.э. черногоровская (киммерийская) культура Приазовья и Северного Причерноморья сменяется скифской.

Исторических сведений о **скифах** намного больше, чем о киммерийцах. Скифские походы в Переднюю Азию, война с персидским царём Дарием, победа скифов над персами произвели на современников большое впечатление. По этой причине в древности было сделано множество записей, посвящённых скифам. В первую очередь следует упомянуть обширные сведения о скифах, оставленные «отцом истории» Геродотом. Свидетельства Геродота остаются для нас бесценным источником по истории и географии степной части Восточной Европы в древности. Сохранились сведения о них в письменных источниках народов Передней Азии.

История скифов

Первые сведения о скифах относятся к ассирийским клинописным документам VII в. до н.э., где они упоминаются под именем «ишкуза». Первоначально скифы под предводительством своего царя Ишпакая воевали с Ассирией, но затем ассирийцам удалось привлечь скифов на свою сторону и сделать своими союзниками. Наибольшего могущества

скифы достигли на Ближнем Востоке при царе Мадии. При нём совершались походы в Сирию, Палестину, Египет. На долгое время скифы превратились для государств и народов Ближнего Востока в огромную проблему. Скифские стрелы находят в Месопотамии, Сирии, Египте на археологических памятниках VII- начала VI в. до н.э. Что особенно показательно, скифские наконечники стрел обнаруживают застрявшими в глиняных стенах – они, таким образом, являются свидетельством осады городов степняками. Египетский фараон Псамметих I, чтобы спасти от разрушений и ограбления свою страну, вышел навстречу к скифам и *«… дарами и просьбами убедил далее не придвигаться»* (Геродот, I, 105). Вторжение и опустошительные набеги скифов нашли отражение в книгах библейских пророков (книга пророка Иеремии, 5, 15-18). Чтобы избавиться от скифов, мидийский царь Киаксар пригласил к себе на пир знатных скифов, во время которого они были перебиты. Скифское владычество в Азии прекратилось в начале VI в. до н.э., после чего часть из них вернулась обратно в восточноевропейские степи. Следы пребывания скифов после переднеазиатских походов фиксируются по археологическим находкам на Северном Кавказе. Затем скифы появились в Причерноморье, где создали своё новое царство.

Персидский царь Дарий I попытался подчинить себе скифов, совершив военный поход в их земли в 512 г. до н.э., по другим данным, в промежутке между 520 и 507 гг. до н.э. (исходя из сообщения Геродота о походе персов на скифов после взятия Вавилона, т.е. после 521 г. до н.э.). Он перешёл Дунай и направился вглубь Скифии. Не имея сил разгромить персидское войско, скифы предприняли тактику изматывания противника в стычках, постепенно заманивая врага вглубь страны. Подробно эти события описаны Геродотом. После разгрома персов скифы пытались преследовать врага за Дунаем. С этого времени наступает время активного проникновения скифов на север Балкан.

При царе Атее в IV в. до н.э. Скифия достигла зенита своего могущества. Война с македонским царём Филиппом II на берегах Дуная оказалась неудачной для Атея. В 339 г. до н.э. во время одного из столкновений с македонцами скифы были разбиты, а их царь погиб. В конце IV в. до н.э. скифы потерпели военную неудачу на своих западных рубежах, в этот раз от фракийских и кельтских племён.

Ослабление скифов привело в итоге к тому, что с востока на скифские земли стали проникать сарматы. Скифы были вытеснены сарматами в Крым, и с III в. до н.э. их государство постепенно клонится к своему угасанию. Под ударами более могущественных соседей земли скифов сокращаются, и им удаётся удержать небольшое пространство степной зоны в Нижнем Поднепровье и Степном Крыму. Здесь появляется Малая Скифия со столицей в Неаполе Скифском (находится в черте современного города Симферополь). В том или ином виде Малая Скифия сохра-

няется на протяжении нескольких веков, пока не прекращает своё существование где-то в Ш в. н.э.

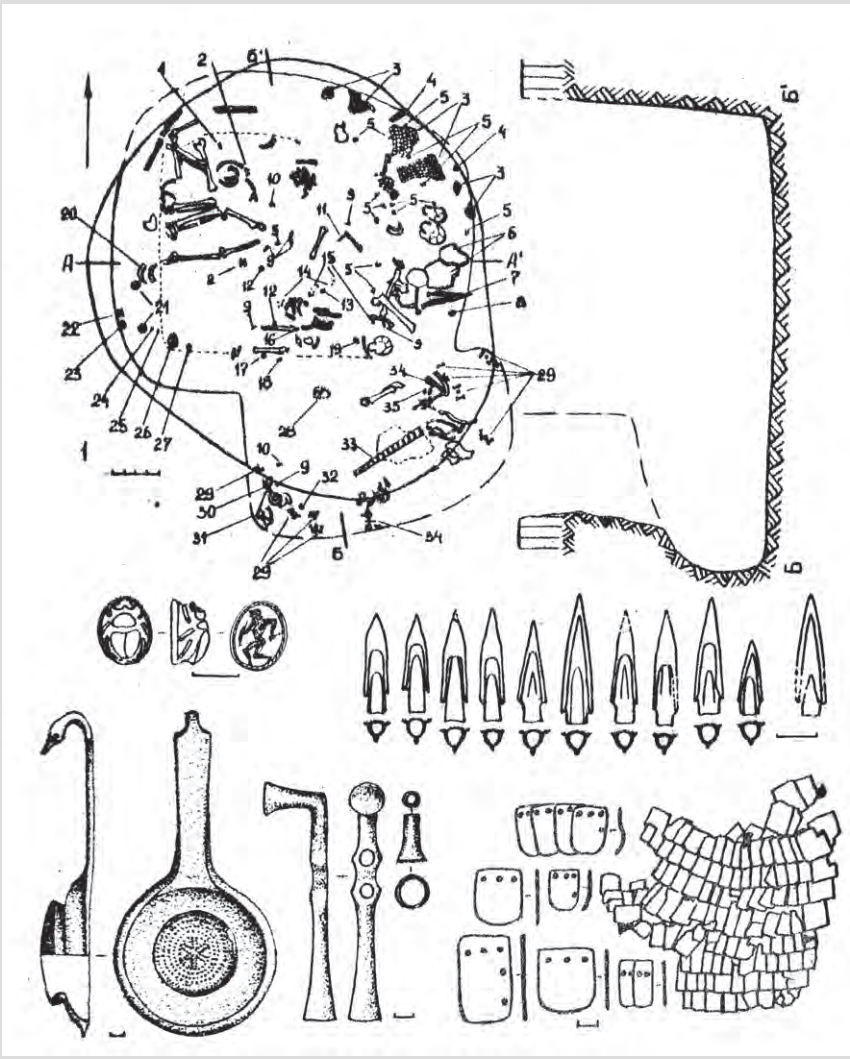
В истории скифов IV вв. до н.э. является временем наивысшего расцвета. Знакомство с переднеазиатской культурой и высокоразвитыми цивилизациями оказало большое влияние на скифское общество, способствовало формированию государственности, расцвету искусства. Скифские вожди научились ценить роскошь и стремились подражать восточным владыкам, переняв часть их обычаев.

Атей во главе скифского войска (гравюра донецкого художника В.С. Шенделя).

Скифы-царские

Современником скифов Геродотом оставлены обширные сведения о этом степном народе. Согласно Геродоту, Скифия представляла собой большое объединение племён, над которыми господствовали скифы-царские. В степях к востоку от Борисфена (река Днепр) до Герроса (реки Молочная или Конка) жили скифы-кочевники, а дальше вдоль Меотиды (Азовское море) до Танаиса (река Дон) находились земли царских скифов, которые называли всех остальных своими рабами. Следовательно, территория современного Донецкого края входила непосредственно во владения скифов царских. По сведению того же Геродота, могилы скифских царей находились в области Герры (современная Запорожская область) – намного западнее, чем жили непосредственно царские скифы. Не случайно, именно в Приднепровье археологии находили самые богатые скифские захоронения, а в Приазовье подобных «царских курганов» не обнаружено.

Скифы представляли собой кочевой народ, говоривший на иранском языке с большой примесью арийского, что даже позволило отдельным учёным поставить вопрос о принадлежности скифов к индоарийцам.



Скифское погребение и вещи из кургана 1 у села Шевченко Володарского района (по Н.П. Зарайской и А.И. Привалову).

Самоназвание скифов – сколоты. Скифы-царские были тем племенем, вокруг которого произошло формирование государства. В него входили помимо кочевников также и оседлые земледельцы, об этнической принадлежности которых ничего не известно.

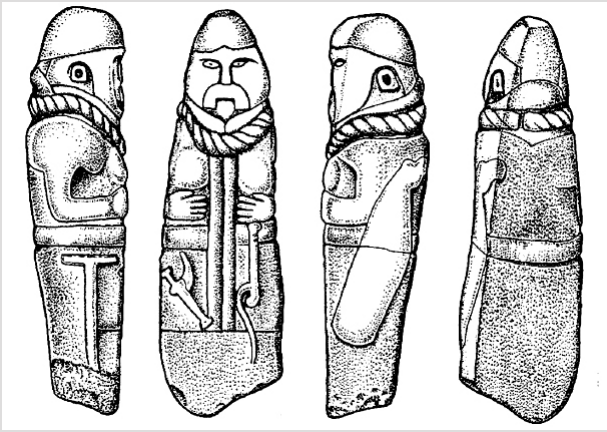
Геродот достаточно красочно описывает обычаи и нравы скифов. Скифы кочевали по бескрайним степям со своими стадами. Во время постоянных перекочёвок семьи скифов и их имущество находились в больших телегах, покрытых сверху шатром. Телеги имели от четырёх до шести колёс и запрягались безрогими быками. Скифские мужчины проводили целые дни верхом на лошадях, а женщины и дети перемещались вслед за стадами домашних животных в повозках. Главным богатством для скифов, как и у всех кочевых народов, были стада домашнего скота. Подвижный образ жизни не оставлял после себя следов. По этой причине в Донецком крае найдено только нескольких кратковременных скифских стоянок. Одна из них находилась у пгт Райгородок Славянского района: на распаханной поверхности стойбища исследователи поднимали фрагменты керамики, бронзовые наконечники стрел. В донецком Приазовье также сохранились археологические памятники раннескифского периода. Они зафиксированы у сёл Кременёвка и Куйбышево Володарского района, у посёлка Сартана и села Безыменное Новоазовского района, у сёл Огородное Першотравневого и Раздольное Старобешевского района.

Скифские погребения в Донбассе находили ещё со времён В.А. Городцова, к примеру, недалеко от устья реки Кудрявка было выявлено скифское захоронение. В 1927 г. на территории Мариуполя сотрудники Мариупольского краеведческого музея во главе с П.М. Пиневичем провели раскопки нескольких курганов. В скифских погребениях покойные лежали на спине в вытянутом положении, головой на восток. Погребальный инвентарь состоял из железного панциря, остатков шлема, мечей, пояса, наконечников копий и стрел, остатков лука, обломка бронзового зеркала, украшений, украшение горита в виде головы лося.

К настоящему времени наиболее известные скифские погребения нашего края открыты у сёл Шевченко Володарского района, у посёлка Новоамвросиевка Амвросиевского района, у села Стыла Старобешевского района, курган Хомуш-Оба (село Старогнатовка) в Тельмановском районе. В перечисленных погребениях обнаружены мужские и женские захоронения, предметы вооружения, остатки железного панциря, детали конской упряжи, бронзовой импортной посуды, бляшки и кольца.

В 1990 г. в кургане у села Васюковка возле города Часов Яр раскопано скифское погребение, в котором обнаружили скелет женщины, а на ступеньке перед погребальной камерой находился детский скелет. В погребальной камере археологи нашли бронзовое зеркальце, сплющенный бронзовый котёл.

Случайные находки скифского времени происходят из окрестностей села Обрыв Новоазовского района и городов Новоазовск, Часов Яр, Святогорск. К таким находкам относятся бронзовые втульчатые наконечники стрел, железные мечи-акинаки. В селе Красное возле Артёмовска на ого-



Каменная статуя из посёлка Ольховчик (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

родах найден железный кинжал скифского облика, относимый к VI-V вв. до н.э., из районе города Северска происходят два наконечника бронзовых стрел с шипами VII-VI вв. до н.э.

Особо следует упомянуть находку скифской каменной статуи у села Ольховчик Шахтёрского района, относящуюся к VI в. до н.э. и ставшей одним из символов Донбасса. Статуя из Ольховчика изображает скифского воина. На его голове виден шлем, вокруг шеи – витая гривна. Доспех скифа дополняют плеть, меч-акинак, горит с луком.

Помимо статуи из Ольховчика известно ещё несколько примечательных скифских стел. Возле города Ясиноватая найдена стела менее эффектная, чем изваяние из Ольховчика, но на ней всё же просматриваются прочерченные изображения горита и лука. Скифские изваяния известны в Старобешевском и Волновахском районах. В 1969 г. у села Звановка на берегу реки Бахмут нашли каменное изваяние, датируемое VI в. до н.э. Его отличает круглая уплощённая голова, глаза изображены точками, видны дуговидные брови, прямой нос, усы и бородка, на шее имеется витая гривна.

Подавляющее большинство обнаруженных археологами скифских погребений в Причерноморье и Приазовье относятся к сравнительно краткому отрезку скифской истории, а именно: к IV в. до н.э. Погребения раннескифского периода насчитывают небольшое количество. Согласно опубликованному в 1986 г. своду, из 2300 известных на тот момент скифских погребений Северного Причерноморья – 2042 относятся к IV-III вв. до н.э., причём абсолютное большинство датируется именно IV в. до н.э. Тем же столетием датируются и почти все скифские «царские курганы» и богатые погребения скифской аристократии. Складывается впечатление, что в Причерноморской Скифии в IV в. до н.э. внезапно произошёл резкий рост населения, возможно, демографический всплеск. В сравнении с Поднепровьем в Донецком крае общее количество скиф-

ских памятников IV в. до н.э. невелико. Данной проблематике посвящена специальная работа донецкого археолога Л.Г. Шепко. По её подсчётам на территории Северо-Восточного Приазовья (регион, ограниченный на западе рекой Берда, а на востоке правыми притоками реки Миус, на севере рекой Северский Донец, на юге Азовским морем) зафиксировано около 70 местонахождений вещей и погребений скифского времени, тогда как только скифских захоронений в Поднепровье выявлено около 640.

В Донбассе известно ограниченное количество скифских захоронений, в которых были погребены люди с высоким социальным статусом. Из кургана Хомуш-Оба у села Староигнатьевка Тельмановского района происходит гривна из электра (сплав золота и серебра). На территории города Макеевки, в районе реки Грузской, местные жители случайно нашли грунтовый могильник, в одном из погребений которого покоились останки скифянки. Её сопровождал ряд предметов: бронзовое зеркало, железный нож, сосуды, украшение в виде серебряной с позолотой гривны, бронзовые поделки. Перечисленные погребения были разграблены и разрушены в древности. Особо следует выделить широко известные скифские захоронения в Двугорбой Могиле близ Мариуполя (севернее посёлка Сартана) и Передериевой Могиле, находившейся около города Шахтёрска.

Курган под названием «Двугорбая Могила» исследовали в 1977 г. сотрудники Донецкого краеведческого музея. В нём находилось погребение знатного скифа IV в. до н.э. Захоронение оказалось разграбленным в древности. Возведённый курган скифы укрепили по периметру каменным поясом шириной до 3 м и высотой до 2 м. Скифского вельможу сопровождал слуга со стрелами, ещё один был уложен возле бронзового котла с костями ягнёнка. Среди немногих оставшихся от грабежа находок обнаружены: бронзовый котёл на ножке, 19 амфор, в которых, скорее всего, было греческое вино (остатки тризны). Интересно, что удалось установить имя мастера, изготовившего амфоры: Архелай из Гераклеи Понтийской – греческой колонии на черноморском побережье Малой Азии.

Курган Передериева Могила располагался около села Зрубное. Раскопки проводились экспедицией Донецкого государственного университета в 1988 г. под руководством А.А. Моруженко. Скифская могила имела размеры 4 на 5 м, была полностью разграблена в древности, о чём свидетельствуют обнаруженные археологами следы хода грабителей в погребальную камеру. В заполнении погребения сохранилось несколько мелких предметов, а рядом, немного в стороне от могилы, археологи нашли так называемый «золотой шлем». На самом деле, предмет представляет собой не шлем, а некий конус, скорее всего, деталь головного убора. Форма предмета яйцевидная и потому напоминает шлем, что и послужило основанием для названия

предмета. Вес его около 600 г, размеры изделия: высота – 16,7 см, длина окружности в основании – 56 см. Поверхность золотого конуса искусно покрыта изображениями, выполненными античным мастером в технике тиснения и чеканки.

Находка у скифов золотого конуса, серебряных гривен, предметов из сплавов драгоценных металлов ставит вопрос о происхождении золота и серебра для таких изделий. Загадка скифского золота занимает умы исследователей. По одной из версий скифы получали золото из местных месторождений. Так, Нагольный кряж на Луганщине обладает залежами золота. Известны попытки разработки золотоносных руд здесь в XVIII в. Тогда на территории нынешнего Донбасса золотоискатели наткнулись на древние горные выработки, после чего была проведена разведка местности и впоследствии построены несколько шахт. Следующая попытка золотодобычи предпринималась в конце XIX в. горным инженером Н.А. Глебовым, создавшим акционерное общество. За время его деятельности на Остробугорском месторождении на глубинах около 60 м было добыто 7,4 кг золота и 16 кг серебра. Правда, добыча оказалась в итоге нерентабельной. С учётом наличия золотонесущих пород, вполне возможно, что в скифское время какое-то количество золота добывалось в Донбассе.

Институт царской власти у скифов

Социальная структура скифского общества реконструируется по письменным сообщениям античных авторов и археологическим материалам. Во главе скифского общества стоял царь, которого Геродот именует *«басилевсом»*. Царь у скифов был облечён правами судьи и жреца, он же исполнял функции военачальника. Царская власть передавалась по наследству от отца к сыну. Ближайшие родственники царя составляли его ближайшую свиту, а члены царского рода представляли собой единую общность, основанную на связях по крови.

Одним из знаков-символов принадлежности к царскому роду может расцениваться гривна. Если в погребениях царей находят такие шедевры искусства, как золотая пектораль из кургана Толстая Могила, украшенная множеством фигурок людей, животных, фантастических существ, то в большинстве погребений знати присутствуют простые по внешнему виду гривны в виде изогнутых прутов из драгоценных металлов. Отличия гривен свидетельствует о том, что не каждый представитель царского рода обладал средствами для заказа дорогих изделий у греческих мастеров.

Золотой конус из Передериевой Могилы, найденный на территории обитания царских скифов, даёт представление о скифской легенде, относящейся непосредственно к царскому роду. Поскольку предмет был найден в кургане, расположенном на территории скифов царских, то

логично предположить, что на нём изображены эпизоды легенды или мифа о царях скифов.

На конусе из Передериевой Могилы представлена композиция, состоящая из шести мужских фигур. Все фигуры условно разбиваются на две смысловые группы, расположенные симметрично друг другу. В каждую группу входит три персонажа – двое сражающихся бородатых мужчин и юноша. В одном случае юноша стоит во весь рост, во втором он располагается на коленях. В первой группе изображений юноша пытается оказывать сопротивление: стоя на коленях, он вынимает из ножен свой меч; во второй группе один из персонажей схватил жертву за волосы и занёс над ней меч.

Благодаря сообщению Геродота в нашем распоряжении имеется несколько сохранившихся скифских легенд, в том числе, относящихся к царям. Легенда о первом царе в передаче Геродота выглядит следующим образом. От союза небесного бога и дочери реки Борисфена (Днепр) родился первый человек, имя которого было Таргитай. У него родилось три сына: Арпоксай, Липоксай и Колаксай. Последний стал царём. Иная легенда гласит, что Геракл после ряда подвигов и странствий дошёл до пустынной страны, которой в будущем суждено было стать Скифией. В этой пустынной земле Геракл засыпает. Когда он просыпается, то обнаруживает, что у него пропали кони. Геракл идёт на их поиски и обнаруживает пещеру, в которой обитает полуженщина-полузмея. Это существо признаётся, что кони у неё, и соглашается вернуть их, но при условии, что Таргитай вступит с нею в брачную связь. От их союза рождаются сыновья Агафирс, Гелон и Скиф, которым мать передаёт дары, оставленные Гераклам для сыновей. От Скифа произошли цари скифов.

Поразительно, что очень схожий сюжет находит аналогии в персидском эпосе «Шахнаме» о браке Ростема и Техмине:

«Ростем отправляется на охоту. Удачно поохотившись, Ростем уснул. Пока он спал, туранские наездники поймали его коня и увели в свой город. Проснувшийся Ростем начинает поиски и, идя по следу коня Рехша, вскоре прибывает в город Семенган, где находится конь. Ростем является к правителю города и, угрожая, требует вернуть Рехша. Царь испуган, всячески ублажает героя, предлагает ему кров и обещает найти коня. Ростем успокаивается и отправляется спать. И тут появляется дочь семенганского царя Техниме, которая сама ночью приходит к Ростему, старается соблазнить его, и на следующий день она становится женой Ростема. Уезжая, Ростем передаёт Техниме амулет для их будущего ребёнка» (Фирдоуси. Шахнаме, Т.II, 40-260).

С учётом того, что скифы и персы были иранскими народами, такое совпадение эпосов находит объяснение в генетической близости двух народов – их принадлежности к иранской группе индоевропейцев. Видимо, первоначально у предков иранцев была легенда о неком первом браке,

Золотой конус («шлем») из Передериевой Могилы (по: Jahrbuch des Römisch-Germanischen..., 1995).

давшем в будущем род царей. С распадом иранской общности на несколько отдельных групп, каждый из народов сохранил свой вариант легенды.

История о трёх братьях, сыновьях Таргитая, имеет продолжение у Геродота. Однажды на землю упали с неба священные дары в виде секиры, чаши, плуга и ярма. Каждый из троих братьев пытался поднять их с земли и ими овладеть, но это удалось только одному из братьев – Колаксаю. После чего старшие братья добровольно уступили ему всё царство. Царское предание находило продолжение в существовании особого праздника почитания даров, упавших с неба, о чём сообщает Геродот:

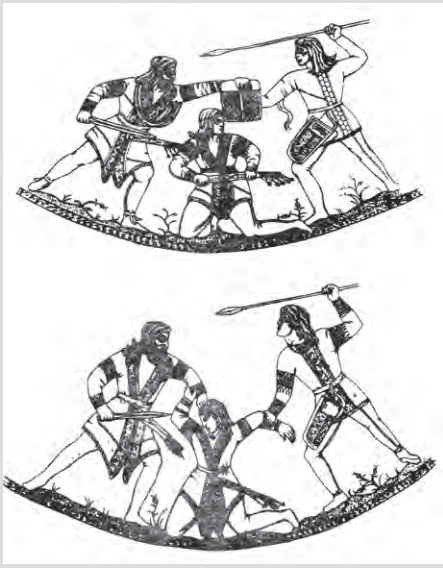
«... священное золото цари берегут больше всего и каждый год умилостивляют его большими жертвоприношениями. Кто на этом празднике, охраняя священное золото, уснёт под открытым небом, тот – как считают у скифов – не проживёт и года. Поэтому ему дают столько земли, сколько он может объехать на коне за один день.» (Herod., IV, 7).

Усилиями учёных-скифологов удалось восстановить часть скифской мифологии, относящейся к царской теме, которая касается обстоятельств смерти Колаксая. Эпизод смерти Колаксая от рук братьев реконструируется на основе приведённого отрывка Геродота о празднике «священных даров», во время которого засыпáл человек. Данный мотив является отражением широко распространённых представлений о ритуальном убийстве человека, замещавшего собой царя. Сходные ритуалы известны у многих народов мира.

Таким образом, изображение на золотом конусе из Передериевой Могилы представляют собой отражение царской легенды о первом царе скифов Колаксае.

Легенда о Колаксае, повествуя о происхождении скифов, обосновывала в скифском обществе тему божественного обретения царственности, царской власти, освящённой традицией. Добровольное подчинение скифов божественному проведению видно в одном эпизоде. Когда с неба упало священное золото, которыми смог завладеть только Колаксай, старшие

братья уступили ему первенство и всё царство. Как раз легенда о Колаксае обосновывает, что положение скифского царя освящено неоспоримым правом, восходившим к легендарным временам появления первых скифов. Представления скифов о божественном происхождении власти сказывалось на формировании социальных отношений в обществе. Царские скифы считали всех прочих скифов своими рабами, где понятие «рабство» отвечало форме выражения подчинённого положения племён по отношению к отмеченному божественным провидением роду. Подобно тому, как люди полностью зависели от богов, так и в обычной жизни остальные скифские племена безоговорочно подчинялись царям. В реальности, как видно по событиям скифо-персидской войны, скифский царь не обладал абсолютной властью над всеми племенами.



Сцены на золотом конусе из Передериевой Могилы (прорисовка по А.А. Моруженко).

Божественное происхождение царей и их внешняя полудеспотическая власть у скифов приводила к существованию особых ритуалов и нравов, отличавшихся исключительной роскошью и обилием человеческих жертвоприношений во время погребения царей. Практика пышных жертвоприношений хорошо известна в древности, и в этом отношении скифы не отличаются от других народов. Популярность золота в скифской культуре объясняется сакральным значением металла, а не тягой к богатству. Сакральность распространялась на скифских царей – они были носителями строгих правил и запретов, и отступление скифских царей от общепринятых норм приводило к их убийству, как было с царями Анахарсисом и Скилом. Особенности царского института власти у скифов: выражение подчинения через термины «рабства», видимая для нас жестокость с умерщвлением подданных, пышность погребального обряда, строгое соблюдение царём норм и обычаев, строгая регламентация поведения царя – являются признаками архаичности общества скифов.

В иерархии скифского общества за царским родом следовала племенная аристократия. Как показывают события скифо-персидской войны, каждое племя имело своего главу. Ближайшие родственники глав племён составляли слой племенной аристократии, которая по своему богатству и привилегированному положению выделялась среди соплеменников и противостояла общей массе простых общинников. Роль племенной аристократии в определённый период истории скифов была очень велика, о чем свидетельствует история низложения царя Скила.

Общественный строй скифов до конца V в. до н.э. сохранял сильные пережиточные черты родовых отношений. В IV в. до н.э. виден перелом в истории Скифии, что нашло отражение в материальной культуре и искусстве скифов. Со времён царя Атея можно говорить о государстве скифов как державе, обладавшей сильной властью царя и избавлявшейся от архаизмов в общественной жизни. По мнению многих исследователей, скифское общество в этот период приобрело сильную имущественную дифференциацию. В результате социально-экономического развития общества определённая часть обнищавших соплеменников попадала в зависимое положение от знати, что отчётливее всего отслеживается в захоронениях IV-III вв. до н.э.

Анализ скифских погребений рисует картину большого имущественного неравенства среди скифов в IV в. до н.э. С этого времени в подземных камерах погребённых мужчин-воинов и женщин находят роскошный инвентарь: золотые украшения, золотые и серебряные чаши и предметы, украшенное оружие, умершего хозяина сопровождают большим количеством коней, в отдельных могилах при входе в главную камеру были погребены слуги. В IV вв. до н.э. возводятся грандиозные курганы в окрестностях города Никополя (предположительное местонахождение легендарных Герр): курганы Острая Могила, Баба, Чертомлык, Солоха, Краснокутский, Мелитопольский и другие, достигавшие в высоту 15-20 метров.

Социальные порядки после смерти представлялись скифам аналогичными тем, которые существовали в реальном мире – такими, какими были в земной жизни. Один из ведущих специалистов по скифской культуре московский археолог Д.С. Раевский отмечает, что скифы воображали себе потустороннюю жизнь как некое повторение действительной жизни. Умершего обеспечивали вещами, слугами, животными настолько, чтобы он оставался тем же, кем был в мире живых – царём, вельможей, воином. Поэтому признаки имущественной и социальной дифференциации, существовавшие в реальном мире, переносились в мир мёртвых, и потому различия между царскими и рядовыми воинскими захоронениями прослеживаются на материале погребений. Необходимо отметить, что сама структура погребального обряда – как царя скифов, так и сословия воинов – была схожей.

Воинская культура скифов

Социальная градация в обществе сказывалась на организации войска. Костяк скифского воинства составляли конные всадники. Скифская аристократия во главе с царём, обладавшая средствами для солидной военной экипировки, представляла собой ударную силу скифской конницы. Беднота, не имевшая возможности сражаться в конном строю, становилась пехотой.

Скифское общество было организовано по военному образцу. Военизированное общество позволяло скифам господствовать над многими племенами и народами, собирать с них более или менее регулярную дань. Частые войны служили источником пополнения рабов, вероятно, они продавались на невольничьих рынках и служили источником обогащения. Внутри скифского общества рабы использовались в домашнем хозяйстве, о чём упоминает Геродот. Из отдельных свидетельств становится понятно, что кроме военного рабства, у скифов существовала и разновидность различных форм зависимости, которая могла перерастать в рабство – аналогичное явление хорошо известно у многих народов в прошлом. В скифском обществе были освоены отдельные ремёсла, следовательно, какая-то часть скифов специализировалась на производстве, ориентированном на обмен и торговлю.

Несмотря на традиции родового общества, у скифов имелись сильные социальные связи, выходившие за рамки родственных уз. Воинский уклад общества откладывал свой отпечаток на социальные отношения. В скифской среде бытовали обычаи, основанные на воинской культуре, героике и героизации мужчины-воина. Поэтому, когда речь заходит о скифах, невозможно пройти мимо такого культурного феномена, как «воинская культура» в скифском обществе.

Воинская культура начинает формироваться в особые периоды истории человечества. Например, она хорошо известна в средневековое время в Западной Европе по рыцарству, менее – для древностей Европы, но, несомненно, что воинские культы имели место у целого ряда индоевропейских народов с древнейших времён. Для скифов черты воинской культуры восстанавливаются благодаря рассказам Геродота и изобразительному искусству.

Весь быт и общественный строй скифов пронизывался военным делом, так что у мужского населения была привычка к войне. Оружие постоянно сопровождало скифа в жизни и после его смерти, что видно по изображениям скифов на предметах искусства и по погребальной обрядности. Широкая практика на протяжении долгой истории скифов помещения в могилу возле умершего оружия, прежде всего стрел, является свидетельством массового характера статуса воина-мужчины в скифском обществе.

1

2

Сцены со скифами на предметах из курганов Куль-Оба (1) и Гайманова Могила (2).

Комплектация войск происходила в виде объединения мужчин-воинов по схеме: «глава рода является главой военного отряда мужчин своего рода». Сумма таких отрядов, возглавляемых главами рода, составляла войско племени, союз племён формировал скифскую армию. С усилением царской власти, подобная структура перетерпела трансформацию. Вокруг царя начинали формироваться отряды профессиональных воинов из знати. Дань и награбленная добыча позволяли содержать в окружении царя постоянный воинский контингент. Однако наличие профессиональных воинов у царя не исключало пополнения войска при необходимости свободными общинниками.

Некая социальная свобода в скифском обществе приводила к тому, что в пределах родов и племён могли образовываться временные воинские отряды. У античных авторов сохранилось повествование о том, как скифы собирались в поход: когда кто-нибудь замысливал военный поход, он расстилал шкуру быка и любой желающий мог присоединиться к походу, сев на бычью шкуру. Столь необычным образом формировался воинский отряд и узы побратимства между скифами. Геродот довольно красочно описывает обряд клятвенного договора у скифов:

«… они наливают в большой глиняный килик вино, смешивают его с кровью тех, кто произносит взаимные клятвы, и, уколов шилом или сделав небольшой надрез на теле ножом, затем погружают в килик акинак, стрелы, двойную секиру и дротик. Сделав это, они долго молятся и затем выпивают вино и – сами, те, кто приносит клятвы, и самые достойные из сопровождающих» (Herod., IV, 70).

Вполне возможно, что данный ритуал проводился и между побратимами. Следы побратимства угадываются на отдельных предметах

скифского искусства – к ним относятся изображения двух обнявшихся мужчин, пьющих из одного сосуда.

Первый убитый враг был знаковым для скифа: скиф-воин должен был выпить кровь убитого врага и отрезать ему голову. *«Один раз в год каждый начальник округа в своём округе наполняет вином кратер, из которого пьют лишь скифы, убившие врагов. А те, кто этого не совершат, не вкушают этого вина, но, презираемые, сидят отдельно. Это у них величайшее бесчестие»* (Herod., IV, 66).

Одно из ярких проявлений воинского культа у скифов – почитание божества в образе акинака (меча). Сохранилось лишь упоминание Геродота о том, что бог войны у скифов почитался в виде акинака. О поклонении скифов мечу пишет целая группа античных авторов: Лукиан Помпоний Мела, Климент Александрийский (со ссылкой на Эвдокса), Арнобий, Гай Юлий Солин. Бог в образе меча – единственное божество, которому скифы воздвигали святилища. До нас дошло описание Геродотом такого сооружения. В округах всех областей скифов устраивается святилище Аресу в виде гор связок хвороста.

«Наверху сделана ровная четырёхугольная площадка, три её стороны обрывистые, с одной же стороны она имеет доступ. Каждый год они наваливают сто пятьдесят повозок хвороста… Поверх этой кучи во всех округах водружён древний железный акинак; он и является изображением. Этому акинаку ежегодно приносят в жертву мелкий скот и лошадей; и вообще ему, в отличие от других богов, приносят сверх того ещё и такие жертвы. Сколько бы они не захватили в плен врагов, одного мужа из каждой сотни они приносят в жертву, но не так, как скот, а иначе. Полив голову пленных вином, они закалывают людей над сосудом и затем, подняв его вверх на кучу хвороста, выливают кровь на акинак. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища делают следующее. Отрубая у всех убитых людей правое плечо вместе с рукой, бросают их в воздух, и затем, совершив остальные жертвоприношения, они удаляются. Рука лежит в том месте, куда упадёт, а труп отдельно» (Herod., IV, 62).

Бляшка из кургана Куль-Оба.

Скифские статуи на погребальных курганах также прославляют героя-воина. Неизменный атрибут статуй – изображение оружия. Оружие обладало магическим свойством. Оно фигурирует и в легенде о Колаксае, который получил в качестве одного из да-

Украшение в виде головы лося из Донецкого Приазовья (из собрания Мариупольского краеведческого музея).

ров золотую секиру. Оружие, ножны, гориты у скифов покрывались изображениями зверей, сценами из жизни легендарных античных героев. В декоре проявлялся не только эстетический идеал скифов. Красота – не самоцель и не абсолют для древних. Красивое – это прежде всего, то, что «быстрое», «сильное», «стремительное», и потому способствующее выживанию и победе. Как правило, изображались дикие животные, наделённые перечисленными качествами. Архаическое мышление выстраивало чёткую и устойчивую цепочку ассоциаций от явления к образу, поэтому животное воплощало собой серию устойчивых признаков, ценных для человека и переносимых непосредственно на человека. Популярность в изобразительном искусстве изображений зверей была столь всеобъемлющей, что само скифское искусство получило название «скифский звериный стиль».

Начиная с ранних этапов истории скифов, отчётливо заметна связь звериного стиля с воинской средой и военным сословием. Ведущая роль в формировании оригинальных сюжетов и образов «звериного стиля» принадлежала аристократии, способной заказывать и оплачивать высокохудожественную работу мастеров. Наиболее яркие образцы искусства относятся к царскому предметному миру, чаще всего это оружие, посуда, украшавшие одежду и вещи бляшки. На протяжении своего существования скифское искусство претерпевало изменения. С IV в. до н.э. в скифском искусстве прослеживается значительное внешнее влияние, особенно греков, до такой степени, что формируется «искусство эллинизма».

Наиболее распространёнными образами в искусстве скифского звериного стиля в раннее время были: схематизированная голова птицы, лежащий или свернувшийся в кольцо хищник в виде пантеры, лежащий или стоящий олень. Из травоядных чаще всего изображались: олень, лось, дикий козёл, – кроме них ещё кабан, очень редко заяц. Наиболее популярными в Скифии были образы оленя, реже – барана или лося. Фигурки оленей являются, фактически, символом скифского искусства. Яркий образец «скифского звериного стиля» на территории Донецкого края известен из находки в Мариуполе. В одном из погребений обнаружено украшение горита в виде морды лося.

Случайная находка бляшки в виде оленя из Донецкого Приазовья хранится в настоящее время в Таганрогском краеведческом музее. Необходимо так же упомянуть скифские антропоморфные изваяния, составляющую особую категорию предметов искусства. Они немногочисленны и примитивны по форме. Изваяниям придавалось подобие форм человеческого тела путём обозначения шеи гривной, а талии поясом. Лицо, как правило, выполнялось очень схематично. На изваяния наносились изображения акинака, гривны, ритона, горита, топора, оселка и нагайки, причём одновременное наличие всех этих предметов на статуе не обязательно. Два скифских изваяния хранятся в Донецком краеведческом музее.

Религиозные воззрения скифов

Религиозные представления скифов благодаря Геродоту известны довольно хорошо, намного полнее и лучше, чем у целого ряда восточноевропейских народов древности и даже средневековья. Религиозная система скифов достаточно сложная и имеет разветвлённый пантеон богов. Геродот упоминает семь божеств, которым поклонялись скифы. Это Папай, Апи, Таргитай, Табити, Гойтосир, Аргимпаса; отдельно стоит божество, имени которого отец истории не упоминает, но которое связано с культом меча и сравнивается с греческим Аресом. Одному божеству – Тагимасаду – поклонялись лишь царские скифы. Именно этот бог представляет интерес для нас, поскольку по Геродоту, царские скифы обитали на территории Донбасса.

Краткость сведений о Тагимасаде затрудняет интерпретацию его функций. Сравнение скифского бога с греческим Посейдоном – богом моря – может показаться странным, поскольку скифы были не морским народом, а степным. Но Посейдон у греков являлся и богом коней, коневодства. Однако в греческом пантеоне многие боги, а не только Посейдон, связаны с конями. Из этого можно сделать вывод, что Геродот подбирал греческих богов для сравнения со скифскими не только по признаку близости к коням, но и по принадлежности к водной стихии. Логично предположить, что скифское божество связано помимо коней, ещё и с водной стихией, «нижним миром». Дальнейшие реконструкции мифологии приводят к версии о воде в представлении скифов как о месте обитания женщины в облике богини, владевшей конями. Конкретным местом нахождения богини мыслился водный источник, протекающий в местности, где развивалось действие легенды. Таким образом, с большой долей уверенности можно предполагать, что Тагимасад выступает племенным богом царских скифов, и он связан с водой, женщиной и коневодством.

Высшей клятвой скифов являлась клятва «царскими Гестиями». Гестия традиционно расценивается хранительницей царского домашнего огня. По-скифски она называется «Табити». Эта богиня занимает главенствующее место в скифском пантеоне, она тесно связана с кругом представлений о царской власти. Табити-Гестия по верованиям скифов имела непосредственное влияние на благополучие царского дома. Если клятва царскими Гестиями не исполнялась, то нарушалось благополучие царя. Нарушение клятвы – это нарушение охранительных функций царя, что могло привести к нарушению благополучия всего Мира. В данном случае сохранились патриархальные преставления в скифском обществе о царе как «отце», заступнике, хранителе высшей справедливости.

Очень трудно выделить среди скифских памятников погребения жречества. Можно говорить только о том, что погребения жрецов не содержат или почти не содержат предметов вооружения и этим отличаются от могил остальных членов сообщества. Вместе с тем, хорошо известно, что у древних и традиционных народов жреческие функции могли исполнять главы родов и даже сам царь.

У скифов бытовал один примечательный обычай, имевший отношение к жречеству. Геродот, а вслед за ним Псевдо-Гиппократ, повествуют об одном необычном явлении в скифском обществе. Речь идёт об энареях (с иранского «анарья» — немужественный), слово, обозначающее «немуж», «обезмужественный». У скифов имелась группа мужчин, близкая в социальном плане женщинам – они переодевались в женскую одежду и брались за женские работы. Для разъяснения такой «скифской болезни» Геродот рассказывает мифическую историю о том, как Афродита прокляла скифов, разграбивших её святилище в городе Аскалоне (Ближний Восток), и всех их потомков. В следующем повествовании в своём труде Геродот заявляет, что энареи имели связь с религиозной практикой богини Аргимпасы. Сам травестизм как культурное явление известен с давних пор у многих народностей Азии и не связан исключительно с личностью жреца. Энареи не были «больны». Они были жреческой кастой, поклонявшейся богине Афродите-Аргимпасе и обладавшей способностями к гаданиям. Как пишет Геродот: *«…искусство прорицания дала Афродита. Так вот, они прорицают по коре липы. [Прорицатель], разрезав кусок коры на три части, переплетая и расплетая их вокруг своих пальцев, пророчествует»* (Herod., IV, 67).

Помимо ворожбы, энареи врачевали, давали советы вождям, от них всегда ожидали помощи в любых сложных обстоятельствах. Когда же их предсказания не осуществлялись, то участь ворожей была чрезвычайно скорбной: ясновидцев связывали по рукам и ногам, помещали в кучу дров, которая была нагружена на воз, впряжённый быками. Затем дрова поджигали, и испуганные быки уносились в степь. Подобной казни предавали не только самого энарея, но и его детей мужского пола, дочерей же не трогали.

Сарматы

Сарматы ещё один степной народ, достаточно хорошо известный по античным письменным источникам. Существует два названия одного и того же народа. Начиная с Геродота и заканчивая Плинием Младшим, множество авторов писало о **савроматах** применительно к степным народам, соседствовавших рядом со скифами. Начиная с Клавдия Птолемея, александрийского географа и математика, греческие и римские авторы употребляют название «сарматы». Постепенно старое имя «савроматы» забывалось, и уже со II в. н.э. именно **сарматы** устойчиво связываются в произведениях античных авторов с причерноморскими племенами. У Эфора встречается название «сирматы». Что касается самого названия «савроматы» (или «саорманы»), то оно происходит от авестийского «саормани», что значит, «опоясанные мечом». В древней священной книге зороастрийцев «Авесте» встречается имя «сайрами», которое относится к кочевникам, не знающим власти верховных правителей[1].

Первоначальная территория расселения сарматских племён охватывала степи Заволжья и Южного Приуралья. Некоторые различия между ранними и более поздними археологическими памятниками, соотносимыми с сарматами, позволили выделить как бы два народа: собственно сарматов и савроматов. Однако дальнейшие археологические исследования в Поволжье и Приуралье показали полную преемственность между савроматами и более поздними сарматами. К настоящему времени ранняя история сарматов остаётся предметом научных дискуссий. Пока удалось установить, что сарматы накатывали в Северное Причерноморье несколькими волнами миграций из глубин азиатских степей. Первая волна пришла на Дон в IV в. до н.э. из Зауралья-Приуралья, вторая сарматская волна накатывает на Приазовье во II в. до н.э.

В контексте истории Донецкого края интерес представляет сарматский период со II в. до н.э., когда первые сарматские племена надолго поселяются в Донбассе.

Согласно Геродоту, сарматы являлись соседями скифов и проживали за рекой Танаис и далее на север от Меотиды. Геродот во время своего пребывания в Причерноморье записал помимо скифских преданий несколько отдельных сюжетов, связанных с сарматами и имеющих отношение к нашему краю. Один из них относится к происхождению сарматов. Вот как об этом рассказывает Геродот:

«О савроматах же рассказывают следующее… эллины, победив в битве при Фермодонте, отплыли, везя на трёх кораблях столько амазонок, сколько могли взять в плен, а те перебили мужей, напав в море… после того, как они, напав в море, перебили мужей, их носило

[1] В своём изложении материала используем термин «сарматы». При упоминании античных авторов будем следовать оригиналу источника.

волнами и ветром. И прибывают они к берегам Меотийского озера – к Кремнам. А Кремны находятся на земле свободных скифов. Здесь, сойдя с кораблей, амазонки достигли обитаемой земли. Встретив первый же табун лошадей, они похитили его и верхом на лошадях начали грабить страну скифов» (Herod., IV, 110).

Скифы недоумевали, откуда явились грабители, и вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов врагов попало в руки скифов, и таким образом они поняли, что это были женщины. Тогда скифы решили на совете больше не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было разбить стан поблизости от амазонок. Молодые скифы стали следовать указаниям старших: если амазонки начинали их преследовать, то они не вступали с ними в бой, а бежали. Когда же преследование кончалось, то юноши опять приближались к девушкам и вновь разбивали свой лагерь. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок. Со дня на день оба стана всё больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем. Через некоторое времени молодёжь познакомилась и соединила оба лагеря. Перейдя Танаис, они ушли в степи, где заселили свободные земли. Вот такой удивительный легендарный рассказ о появлении сарматов поведал Геродот.

Завоевания сарматов

Сарматы представляли собой отдельные союзы иранских племён, которые формировались в евразийских степях. Плиний Младший и Помпоний Мела утверждали, что сарматы – это единый народ, разделённый на несколько родственных племён. Состав племён и их расселение на территории Евразии со временем менялись.

Конец III в. до н.э. во многом является рубежом в истории сарматов. С этого времени произошли изменения в их вооружении. На смену короткому мечу, близкому по типу скифскому акинаку, приходят длинные мечи, достигавшие длины более 1 м. В ближнем бою сарматы выработали приёмы боя в конном строю с использованием меча – именно поэтому появились длинные мечи, способные достать врага, сидя на лошади. Широкое распространение получили очень длинные копья, заметно сокращается в военном деле роль лука и стрел. Всё это свидетельствует о выработке новой тактики боя у сарматов. Изменения в вооружении привели к использованию в сражениях тяжеловооружённой конницы – **катафрактариев** – с длинными копьями. Тяжёлое удлинённое копье, требующее использования обеих рук, позволяло добиться максимального эффекта в бою. Строй катафрактариев

превращался в железную стену, сносившую силой своего удара построения врага. *«Вот очень свирепая сарматская молодёжь собирает отряды и вот полуживотный рёв этих мужей; их оковывают узы гибкого панциря, это покрытие также на конях; а твёрдая ель несёт от колена огромную, увеличенную плечами и головой коня, тень на вражеские поля...»* (Flac. Argon., VI, 231-238).

Сарматский всадник, поражающий врага. Изображение на сосуде из Косики (I в. н.э.).

Сарматские воины носили панцири из пластин железа или рога, нашитых наподобие перьев на льняные одежды, как пишет Павсаний. По информации Страбона, сарматские шлемы и панцири делались из сырой бычьей кожи, а щиты плелись из лозы. Тацит сообщает, что сваленный на землю такой всадник без посторонней помощи подняться уже не мог, другие античные авторы сообщают, что пешие сарматские воины представляли собой жалкое зрелище. Сарматы редко появлялись перед врагами пешими. Они всегда были на конях. Стрельба из лука отходит на второй план в сражениях. Как пишет Тацит: *«... сами себя они побуждают, чтобы не допустить бой посредством стрел, а предвосхитить его натиском и рукопашной»* (Tac. An., VI, 35, 1-2).

Примером эффективности катафрактариев в бою служит один из эпизодов Первой Митридатовой войны: в 88 г. до н.э. 100 сарматских воинов разбили 800 вифинских конников. Сарматская конница представляла собою грозную боевую силу. Постепенно подобная конница получила распространение на Востоке, а затем в Европе, не зря её считают предшественницей средневекового рыцарства. С новым, более эффективным в бою железным оружием сарматы смогли не только вытеснить скифов с земель, где они проживали ранее, но и совершать успешные военные походы в Центральную Европу.

Во время военных походов сарматы покрывали огромные пространства. Такая мобильность достигалась во многом благодаря тому, что всадник вёл вслед за собой одну или две лошади. Когда лошадь под всадником уставала, он пересаживался на другую, давая тем самым уставшему животному отдохнуть.

Некоторое время сарматы были в дружеских отношениях со скифами. Геродот сообщает, что савроматы вместе со скифскими воинами активно участвовали в отражении нашествия персидского царя Дария I. Мирные отношения скифов и сарматов способствовали

Сражение боспорских всадников и сарматов. Фреска из склепа, открытого А.Б. Ашиком в Керчи (I-II вв. н.э.).

тому, что через Азиатскую Сарматию проходил восточный торговый путь, начинавшийся в Скифии и заканчивавшийся в глубинах Азии. Как отмечалось, продвижение сарматов на Запад из глубин Азии относится к III в. до н.э. В это время на Нижнем и Среднем Дону почти единовременно прекращается жизнь в стационарных посёлках местного населения. В этот же период происходит строительство цитадели Танаиса, фиксируются следы разрушений и пожаров на поселениях европейского Боспора, возведение укреплений на позднескифских городищах.

Проникновение сарматов западнее Дона во многом связано с ослаблением скифов. Скифские захоронения в пограничной с сарматами области свидетельствуют, что в IV в. до н.э. скифы обитали на землях современного Донбасса. Диодор Сицилийский так описал вторжение сарматов в Скифию во II в. до н.э.: *«сарматы, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и превратили её в пустыню...»* (Diod., II, 43,7). С этого времени сарматы почти 600 лет господствовали в степях Причерноморья.

Сарматы в своём продвижении на Запад не ограничились только территорией Скифии, а продвинулись далее, пока не достигли берегов Дуная. История сарматов ранних завоеваний известна плохо. По смутным свидетельствам известны имена отдельных царей. Благодаря сохранившемуся мирному договору понтийского властителя 179 г. до н.э. сохранилось имя сарматского царя Гатала. О царице Амаги, супруге Медосакка, мы узнаём из новеллы греческого автора Полиена. В новелле повествуется о стремительном походе Амаги с воинами ко дворцу Скифа, притеснявшего херсонеситов (жителей города Херсонеса). Сарматы убили Скифа, а вместо него посадили править его сына. Более достоверные сведения имеются относительно Сайтафарна, царя сайи. Ещё один источник о сарматской экспансии относится к декрету Протогена из Ольвии. В нём речь идёт о событиях между 270-240 гг. до н.э., когда сарматский царь потребовал дары от города.

Начиная со II в. до н.э., в истории сарматов наступает новый этап – они выходят на широкую историческую арену. В это время складываются военно-племенные союзы, наиболее значительными среди них были объединения языгов, роксоланов, аорсов и сираков. Мощные воинские союзы вели постоянные войны на берегах Дуная и на Боспоре. Благодаря Страбону, который жил в I в. н.э., мы знаем не только названия сарматских племён, но и места их расселения. Племена роксоланов и языгов занимали степи Северного Причерноморья. Сираки и аорсы проживали восточнее Дона. Подобное разграничение между племенами позволило Клавдию Птолемею выделить Европейскую Сарматию и Азиатскую Сарматию, граница между которыми проходила по реке Дон.

Около 125 г. до н.э. роксоланы и языги создали мощный союз, который вёл войны в Подунавье. Но уже с середины I в. до н.э. они действовали как два самостоятельных образования. Эти племена принимали активное участие в войнах даков с Римом. В ходе войн в первой половине I в. уже новой эры, языги продвинулись достаточно далеко на запад, где заняли междуречье Дуная и Тисы (часть нынешней территории Венгрии). Вслед за языгами к границе Римской империи переместились роксоланы, бóльшая часть которых поселилась в нижнем течении Дуная (на территории современной Румынии). Отдельные отряды переходили на службу римлян – известно, что восьмитысячный отряд языгов был отправлен служить в Британию. Мирный договор II в. н.э. римлян с сарматским царём Распараганом интересен тем, что там упоминается сразу два титула: «царь роксоланов» и «царь сарматов». Возможно, это говорит о том, что в тот период языги и роксоланы формально сохраняли единую верховную власть.

В Азиатской Сарматии сираки занимали приазовские степи и северокавказскую равнину к северу от реки Кубань, аорсы кочевали в степях от Дона до Южного Приуралья и степей Средней Азии. В отличие от роксоланов и языгов, воевавших с Римской империей, сираки были вовлечены в сферу интересов Боспорского царства. Сираки отличались высоким уровнем общественного развития, подчинив себе на Северо-Западном Кавказе земледельцев-меотов и создав своё государство с резиденцией в городе Успа, находившемся недалеко от восточного побережья Азовского моря. В середине I в. до н.э. сираки и аорсы были союзниками и совместно оказывали военную помощь боспорскому царю Фарнаку. В середине I в. н.э., во время борьбы за престол между боспорским царём Митридатом VIII и его братом Котисом, аорсы и сираки выступали как враги.

В I и II вв. н.э. сираки понесли значительные людские потери в войнах с аорсами, боспорянами и римлянами. В это же время в Приазовских степях появляется новая волна сарматов, известных как аланы (самоназвание «асы»). Аланы принадлежали к восточному сарматскому союзу, который возглавляли аорсы. Античные источники упоминают о

«неукротимых», «храбрых», «вечно воинственных» аланах, которые проникли на широкое пространство от Предкавказья до Северного Причерноморья, вплоть до низовий Дуная. Во II в. н.э. упоминаются уже не просто аланы, а **«Алания»** – страна, заселённая аланами. Одновременно с этим исчезают упоминания об иных сарматских племенах. В степях происходят процессы, о которых упоминает Аммиан Марцеллин: аланы *«мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них своё имя»* (Amm., XXXI, 2, 13). Аланы являлись последней волной сарматской миграции. Им удалось захватить владения сираков и роксоланов и дольше всех проживать в степной части Восточной Европы вплоть до позднего средневековья: название «ланы» упоминается в источниках вплоть до XIV в.

Сарматы на территории Донбасса

К письменным свидетельствам о сарматах в наших краях следует отнести одно упоминание Страбона о расселении племени роксолан между Доном и Днепром. В дополнение можно упомянуть древнейшую карту Клавдия Птоломея с обозначением «Аланские горы» (по латыни: Montes Alanienses), которые соответствуют Донецкому кряжу. На долгое время степи Восточной Европы получили название Sarmatia. В представлении древнегреческих географов Клавдия Птолемея и Страбона сразу за Танаисом начиналась Азия, так что земли роксоланов относились к Европейской Сарматии. Следует упомянуть ближайший к Донбассу античный полис с греческим и местным населением – город Танаис, который являлся центром притяжения для всех соседних племён, в том числе роксоланов, и который играл важную роль в торговле и во взаимоотношениях роксолан с понтийскими греками.

О следах пребывания сарматов в донецких степях свидетельствуют немногочисленные археологические памятники. Известно небольшое количество сарматских памятников, относящихся к могилам кочевых сарматов. Благодаря археологическим материалам выделяется две волны передвижения сарматов на территорию современного Донбасса. Первая группа ранних сарматов появляется в степях Донбасса примерно в III-II вв. до н.э. После себя они оставили малочисленные погребения в Подонцовье, прежде всего, на Луганщине: курганы у городов Александровск и Старобельск, возле посёлка Беловодск. В ранних захоронениях встречаются характерные бронзовые зеркала, железные удила и псалии конской упряжи, украшения, стрелы, котлы. Скорее всего, перечисленные археологические памятники связаны с аорсами. В Донецком крае к рубежу IV-III вв. до н.э. можно отнести культовый комплекс у села Кременёвка, датируемый на основании керамики IV-III вв. до н.э. Вторая сарматская волна увязывается непосредственно с появлением и оседанием в Донбассе

роксоланов. Со II в. до н.э. количество сарматских захоронений на территории Донецкого края увеличивается.

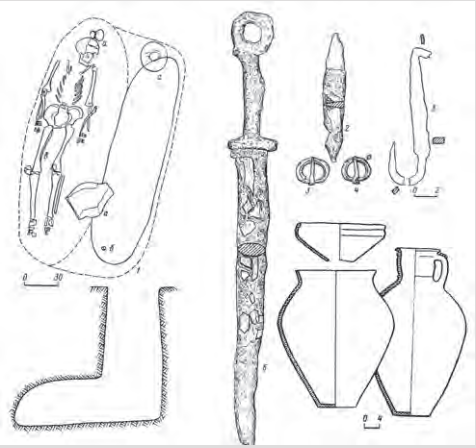
Особенностью сарматских захоронений является их выраженный родовой характер. Курганы представляли собой большие родовые усыпальницы, которые располагались группами, иногда до сотни и более курганов вместе. Именно такие могильники обнаружены в Поволжье и Приуралье. Курганные кладбища, как правило, формировались вокруг раннего захоронения знатной женщины, скорее родоначальницы рода или жрицы, которую почитали родичи.

Знатная сарматка. Реконструкция по археологическому комплексу (по А.М. Ждановскому).

Умерших хоронили под курганами в узких прямоугольных ямах в вытянутом положении. Погребение укрепляли деревом, дно устилали подстилкой, в могилу помещали сопроводительный инвентарь в виде керамики, предметов обихода, оружия. В большинстве савроматских могил археологи находят кости овец, лошадей и значительно меньше костей крупного рогатого скота. Помимо земляных насыпей, встречаются курганы, сложенные из камня. Сарматские курганные могильники имеются в Донбассе, правда, в отличие от Поволжья, они небольшие по размерам. К ним следует отнести сарматские могилы в курганах под Мариуполем (посёлок Сартана), а также в Володарском и Амвросиевском районах.

Севернее посёлка Сартана (Приморское) возле Мариуполя было 4 кургана, в которых обнаружено 15 сарматских захоронений первой половины I в. н.э. Среди захоронений присутствовали мужские, женские, детские и парные погребения (мужчина и женщина). В двух мужских могилах обнаружено характерное оружие сарматов: меч и кинжал. Следует отметить богатое захоронение знатной сарматки: рядом с ней в могиле находилось два кувшина, два мраморных сосудика, бронзовое зеркало, две курильницы, пряслице. Одежда, обувь и головной убор женщины расшиты разноцветными бусинами из стекла и гагата, шею знатной сарматки украшало богатое ожерелье из бусин.

В Володарском районе у села Шевченко сарматские погребения открыты в шести курганах, в них находилось 7 захоронений, которые



Сарматские древности. Находки из кургана у села Шевченко Володарского района (по Л.Г. Шепко).

относятся ко второй половине II в. н.э.-началу III в. н.э. Часть захоронений была ограблена ещё в древности. В мужских могилах традиционно найдено оружие: длинные ножи, дротики, типичный сарматский меч, посуда. Среди прочих находок следует отметить удила, пряжки, точильные бруски. В женских могилах найдено много бусин из стекла, пасты, фаянса, кораллов, янтаря, зеркало, фибулы. Бусины были нашиты на одежду и обувь, из них состояли когда-то нарядные ожерелья покойных.

В Амвросиевском районе сарматская культура представлена материалами из погребения богатой сарматки в кургане у села Ново-Ивановка. В нём обнаружены серебряные с позолотой шейные гривны, золотые подвески и кольца, серебряные и стеклянные браслеты, бронзовое зеркало, железный нож, бронзовый котёл, конская сбруя. В том же районе у посёлка Квашино раскопано сарматское погребение, в котором сохранились железный меч и тяжёлые железные наконечники копий, конская сбруя. Этим оружием были оснащены тяжеловооружённые всадники катафрактарии.

Помимо приведённых могильников сарматские погребения известны в других районах Донецкого края. Наиболее многочисленные находки в донецких степях сарматских племён относятся ко второй волне II в. до н.э.-II в. н.э. В.А. Городцовым в 1903 г. были выявлены погребения сарматов в бахмутских курганах возле села Переездное. В одном из них у черепа ребёнка лежало ожерелье из мелких бусинок, возле правой руки располагался небольшой сосудик, а в левой руке он держал меловую статуэтку.

Неординарные сарматские погребения исследованы в кургане возле посёлка Новолуганское Артёмовского района в 1967 г. Т.А. Шаповаловым. Здесь было открыто два отдельных погребения. Мужское захоронение сопровождали железный нож и кинжал, лук и колчан со стрелами (более 80 штук). Рядом с погребённым в небольшом тайнике находился бронзовый котёл. На внешней стороне котла греческими буквами выбиты надписи, одна из них гласила: *«пей, жри, Смордз, сын Париадра».*

Следующее захоронение относится к женскому, датируемому I в. н.э. Правая рука у женщины ниже локтя была отрублена, а на костях таза видны следы от ударов каким-то оружием. Среди украшений найдены стеклянные, позолоченные изнутри, бусы на золотой нитке, бронзовая застёжка-фибула, бронзовое зеркало, у головы лежали два одноручных красноглиняных кувшина, а в ногах остатки деревянного блюда с костями лошади.

К сарматскому времени относится разрушенное погребение в селе Благодатное Артёмовского района, датируемое II в. до н.э. Среди находок из погребения происходят: бронзовый браслет со змеиными головками, бронзовая пряжка с язычком, серьги-лунницы, стеклянные трубчатые бусины, обломки железного ножа.

Сарматское погребение известно возле Святогорска (памятник Артёму) Славянского района. Имеются случайные находки в районе города Часов Яр: глиняный одноручный кувшин из села Переездное, серебряная монета-тетрадрахма Митридата Евпатора. Обломки двуручных амфор I-II вв. н.э. найдены южнее села Миньковка на ровной площадке, видимо, это была стоянка-кочевье сарматов.

К сарматскому времени также относится разрушенный курган у посёлка Острый Марьинского района – в нём обнаружены железный меч, нагрудник, фрагменты амфор.

Женское сарматское захоронение раскопано у села Васильевка Старобешевского района. Среди находок следует выделить круглое серебряное зеркало и золотые украшения.

Следы пребывания сарматов имеются в окрестностях Мариуполя. Одна из первых ярких находок, относящихся к сарматам, представлена бронзовым котлом, найденным в 1896 г. при грабительских раскопках кургана севернее Мариуполя. Котёл затем был продан Одесскому археологическому музею вместе с другими находками из этого погребения. Этот клёпаный сосуд из листового металла датируется I-II вв. н.э. Он необычной формы и во многом уникален. Шаровидный по форме, котёл на ножке украшен фигурками, ручка его изготовлена в виде стилизованного оленя, носик сосуда представляет собой голову быка, на корпусе две фигурки орлов, сидящих на дельфинах. Крышку котла венчает композиция из двух человеческих фигур, одетых в круглые шапки. В Старобельске на Луганщине был также найден бронзовый котёл округлой формы, напоминающий шар, разрезанный пополам, с высокой подставкой, наверху у него сохранились две вертикальные дуговидные ручки. В отличие от мариупольского, котёл из Старобельска не имеет декоративных элементов.

Следует упомянуть уникальный клад сарматских изделий, случайно обнаруженный в 1892 г. детьми у села Подгоровка на Луганщине. Из разрушенного в ходе оплыва грунта склона оврага было извлечено 193 высокохудожественных изделия: бляшки, лунницы, большой фа-

Бронзовый котёл из окрестностей города Мариуполя (из собрания Одесского археологического музея).

лар-бляха из серебра с позолотой (нагрудное украшение для лошадей). На фаларе в виде полушария изображены четыре животных попарно: барс, бык, собака и кабан. Такого вида искусство является образцом позднеэллинистического времени I в. до н.э.

По богатству подгоровский клад может сравниться только с сарматским погребением у села Чугунно-Крепинка Шахтёрского района. Это наиболее выдающееся погребение сарматского времени в Донбассе. Оно было исследовано экспедицией Донецкого государственного университета в 1984 г. Погребение принадлежало знатной женщине, одетой в роскошные одежды, расшитых сотнями золотых бляшек. Её украшения состояли из различных изделий из золота, геммы, а рядом находилась серебряная и бронзовая с позолотой посуда римского производства. О прижизненном статусе сарматки свидетельствовал массивный железный топор, обух которого имел внушительные шипы. Выделяется магический набор предметов, состоящий из различных каменных и янтарных изделий и трёх небольших бронзовых масок.

Относительно поселений сарматов следует констатировать, что их следы единичны и не всегда удаётся их идентифицировать. Возможно, с позднескифским и раннесарматским временем связано одно из городищ на Северском Донце – Святогорское. Исследования городища не проводились в должном объёме и потому невозможно сделать окончательные выводы о его принадлежности к той или иной эпохе.

Нравы и быт сарматов

Как и скифы, сарматы были кочевниками. Вот что пишет о жизни сарматов римский географ I в. н.э. Помпоний Мела: *«У них нет городов и даже постоянных мест жительства. В зависимости от пастбищ, а также от наступлений и отступлений врага, они передвигаются, живя постоянно в своих лагерях и перевозя с собой всё своё имущество»* (Mela, III, 34). Во время перекочёвок сарматы перевозили своих детей, стариков, женщин и имущество в кибитках. Страбон сообщает, что кибитки кочевников были сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, в которых жили люди.

Азиатские сарматы частично кочевали, частично занимались земледелием, о чём пишет тот же Страбон.

Воинственность сарматов превращала войну и набеги в источник обогащения. У античных авторов (Страбона, Лукиана и ряда других) упоминается, что сарматы во время войны уводили с собой своих врагов, а затем требовали за них выкуп. Есть у Исигона Никейского сообщение о таком обычае касательно врагов: если кто из врагов прибежит к очагу и замарает лицо угольями, то его уже не обижают и воспринимают как домочадца. Другими словами, приобщение врага к домашнему очагу рассматривалось в качестве своеобразной формы усыновления и включения в состав рода.

Модель сарматской кибитки, найденной в погребении (Керчь).

Видимо, в больших войнах принимало участие всё взрослое население, включая отдельные группы женщин. Геродот отмечал, что сарматские женщины ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду, и ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьёт врага. Псевдо-Гиппократ специально упоминает, что девушки упражнялись в военном деле и выходили замуж после того, как убьют трёх врагов. Он также сообщал, что сарматки ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики. Он приводит и такую удивительную деталь: у девушек нередко удаляли правую грудь, чтобы вся сила и жизненные соки перешли в правое плечо и руку и сделали бы женщину сильной наравне с мужчиной. После замужества сарматская женщина переставала ездить верхом, пока не появлялась необходимость поголовно выступить в поход. Античные авторы сообщают нам также интересные подробности о повседневной жизни степных воительниц. Так, согласно их рассказам, сарматки на полевые работы выходили в полном вооружении и обязательно опоясанные мечом. Они не употребляли в пищу хлеб, при этом, по сообщениям этих же античных авторов, предпочитали кушать черепах, змей, ящериц.

Археологический материал подтверждает свидетельства древних авторов о необычном положении женщин в сарматском обществе – в большом количестве захоронений женщин археологи находят оружие. Подобные погребения известны у скифов и среднеазиатских саков, но в сравнении с сарматами процент их невелик. Скорее всего, воинственность относилась к узкому кругу женщин, отдельных аристократических родов и не носила массовый характер. Обращает на себя внимание, что в войнах с Римом, о которых осталось множество сведений, нет упоминаний участия в боях сарматских женщин. Зато ко временам Александра

Македонского относится информация о женщинах-воинах в пределах Передней Азии. Античных историк Арриан упоминает о женском отряде, который сатрап Мидии подарил Александру Македонскому, и которых он называл амазонками.

Сарматские захоронения женщин во многом уникальны для европейских степей своим богатством. Роскошь отдельных женских сарматских захоронений сопоставима только с царскими погребениями скифских царей. Древние авторы часто называли сарматов *«женоуправляемым народом»*. Характеризуя общественный строй сарматов, можно согласиться с мнением тех учёных, которые утверждают, что роль женщин в сарматском обществе была весьма велика. Здесь следует вспомнить легендарных сарматских цариц Амагу и Тиргатао (по одной из версий, она меотка), возглавлявших военные отряды. Так, после смерти своего отца та же Тиргатао вступила в брак с его преемником и возглавила воинский союз яксаматов против Боспора. Согласно Диодору Сицилийскому, царская власть у амазонок передавалась по наследству по женской линии. Правда, есть свидетельство Псевдо-Плутарха о том, что население, проживавшее возле Танаиса (аорсы), после смерти царя выбирало нового у реки, где предпочтение отдавалось лицам из аристократических родов.

Столь необычное положение женщин в сарматском обществе привело к появлению у античных авторов необычных рассказов об истоках власти женщин. Тот же Диодор Сицилийский рассказывает о том, как одна царица возгордилась своими военными успехами и провозгласила себя дочерью бога войны, а мужчинам оставила занятия прядением и домашними заботами. Затем она учредила законы, поощрявшие женщин к военному делу, а за мужчинами оставила покорность и рабство, детям мужского пола она калечила руки и ноги, чтобы сделать их непригодными для войны. Скорее всего, данное сообщение имеет во многом легендарный характер.

Касаясь социальной системы сарматов, уместно вспомнить о достаточно экзотическом обычае у сарматов, восходившем к определённым социальным правилам в обществе: в сарматских погребениях встречаются останки людей с прижизненно деформированными черепами. Сарматы считали вытянутость черепа признаком благородства, поэтому они стремились искусственно удлинять головы. Возможно, подобная форма черепа являлась показателем социального статуса человека. Данный обычай известен со времён эпохи бронзы у племён катакомбной культуры.

На протяжении своей истории сарматская культура, жизнь и быт сарматов периода завоеваний несколько меняют свой облик. Завоёвывая новые земли, расселяясь возле городских центров, сарматы неизбежно попадали под влияние античной цивилизации. Данный процесс заме-

тен на примере сарматов, проживавших возле греческого государства Боспор. Часть сарматской верхушки даже осела в городах Боспора – среди правителей Боспорского царства I-IV в. н.э. известны четыре царя по имени Савромат. Тесные контакты греческого и местного населения приводили к появлению культурного феномена, получившего название «эллинизация». Он характеризуется взаимопроникновением варварских культур и греческой цивилизации через заимствования и влияния. Яркий пример такого симбиоза виден в Танаисе: при раскопках города была найдена мраморная плита II-III вв. н.э. с рельефным изображением сарматского воина-всадника, а надпись на ней гласит, что это Трифон, сын Андромена, т.е. воин носил греческое имя.

В подобной ситуации взаимного проникновения сам быт и виды хозяйственной деятельности сарматов претерпевали изменения. При сохранении у значительной части сарматов кочевого образа жизни, отдельные семьи и роды переходили к земледелию. В районах Подонья и Прикубанья возникают постоянные ремесленно-земледельческие поселения с оборонительными сооружениями в виде забутованного землёй плитняка и рва. Несколько таких поселений известно в Приазовье, например, на Дону около Танаиса. В этих местах сарматы смешивались с меотским населением. Обитатели посёлков жили в глинобитных домах. На полях вокруг таких поселений выращивали пшеницу и просо. Для хранения запасов зерна устраивались большие конусообразные ямы.

Сарматы вступали в торговые отношения с греческими городами, особенно с городами Боспора, откуда они, по словам Страбона, получали вино, одежду, посуду и предметы роскоши. Курганы сарматской знати этого времени поражают своей роскошью и дают яркий пример развития имущественного неравенства. Например, в кургане Хохлач около города Новочеркасска Ростовской области найдено богатейшее погребение знатной сарматской женщины. Покрывало и её одежду украшали 700 золотых бляшек. Рядом лежали предметы из серебра и золота: ожерелья, браслеты, великолепная золотая диадема, фалары, флаконы для душистых масел и благовоний. На высокое положение умершей указывает поставленный в могилу трон, от которого сохранились остатки деревянной основы и серебряные обкладки ножек. В Донбассе ранее упоминавшееся погребение сарматской женщины у села Чугуно-Крепинка, уступая по обилию богатств из кургана Хохлач, попадает в ряд богатейших сарматских захоронений. На Луганщине клад у села Подгоровка также относится к свидетельствам социального расслоения сарматского общества.

В сравнении со знатью рядовые кочевники пользовались обыкновенной лепной посудой, сделанной без гончарного круга, дешёвыми украшениями и обычным оружием.

Религия и искусство сарматов

Религия сарматов реконструируется очень фрагментарно – по скудным историческим источникам, археологическим материалам и произведениям сарматского искусства. Первые упоминания о религии народов, проживавших восточнее скифов, встречаются у Геродота, который пишет о массагетах (соседях сармат), что они почитали солнце. Нимфодор Сиракузский (III в. до н.э.) писал о том, что *«савроматы почитали огонь».* В древних представлениях Солнце и огонь часто не разделялись, пребывая в тесной смысловой связи между собой. Поэтому вполне допустимо, что у сарматов существовал помимо культа огня и культ солнца, а солнце играло особую роль в религиозной практике сарматов. Солярная символика передавалась амулетами в виде крестов, дисковидных предметов. Свидетельства использования огня в ритуальной практике фиксируются археологически при раскопках сарматских погребений. К культу огня могут относиться каменные и бронзовые жертвенники с причудливыми изображениями зверей. На жертвенниках возжигались пряные и благовонные травы с опьяняющим запахом.

Параллельно с культом огня существовало почитание воды. Как упоминает Ямвлих Драматик, река Танаис получила своё название от одноименного божества, в честь которого устраивались мистерии. Псевдо-Плутарх пишет, что Танаис был сыном Бероса и амазонки Лисиппы, само божество связывается с рекой и местными жителями. И далее он сообщает, что нового царя избирали у реки, причём выбор падал на того, кто найдёт в реке увенчанный короной камень, похожий на хрусталь. Нахождение такого камня подтверждало, что человек был «богоизбранным» – выбран богом на царствование, а сам царь ассоциировался с богом реки.

Относительно сарматских богов сведений намного меньше, чем о скифских. Есть упоминание о божестве Фарсирис, имя которого в переводе с иранского означает «с блестящим ликом», о Утофарне, опекуне домашнего очага. У аланов реконструируется культ семи богов, или иначе «семибожия». Анонимный источник V в. н.э. сообщает, что город Феодосия в Крыму называется на аланском или таврском языке Ардавда, что значит Семибожий, т.е. как *«(город) семи богов».* Аммиан Марцеллин упоминает, что воинственные сарматы (аланы) поклонялись мечу, вонзённому в землю. О почитании меча у сарматов писал и Климент Александрийский. В этом сарматы похожи на скифов. Сведения о культе меча у сарматов очень ограниченные. Косвенные свидетельства особого статуса меча можно проследить по изображениям ритуальных сцен в сарматском искусстве. На гривне из Кобяковского кургана на Дону имеется изображение бородатого мужчины в сидящей позе с сосудом в руках, возле которого лежит меч. Данный изобразительный мотив сидящего мужчины с мечом

и чашей отражает некие легендарные представления, в которых мечу придавалось особое значение в ритуальной практике.

Диадема из кургана Хохлач (по И.П. Засецкой).

Религиозные представления реконструируются благодаря сарматскому искусству. Диадема из кургана Хохлач выделяется среди многих предметов сарматского искусства своим разнообразием изобразительных образов. Диадема украшена гранатами, жемчугом, цветным стеклом. Центром всей композиции является священное дерево, ниже которого находится портретный барельеф с ликом женщины. По краям от дерева располагаются фигурки козлов, оленей, растений. Трактовка всей композиции отсылает к женскому божеству, Великой Богине-Матери, которая являлась воплощением силы природы и «хозяйкой зверей», хорошо известной на Ближнем Востоке. Очевидно, что диадема принадлежала знатной сарматской жрице плодородия, она была связана с циклами жизни/смерти.

В эпоху тесных контактов сарматов с античными колониями Причерноморья, прежде всего с Боспорским царством, сложились синкретические верования о богах. К ним можно отнести культ богини Афродиты-Апатуры («обманщицы»). Страбон описывает святилище, располагавшееся на Тамани в местечке Апатуры – в тех местах, где обитало племя сираков. Сооружение имело форму круга и было своего рода центром, объединяющим кочевников. В культе Афродиты-Апатуры много близкого с азиатским культом Астарты (Иштар). На Востоке с богиней Астартой соотносятся устойчивые представления о любви и смерти, в первую, очередь смерти мужчин. В индоевропейской традиции также имеется множество легенд о встрече богини или женского существа с мужчиной, охотившимся на оленя или козлов. После встречи с богиней следовал брак, или мужчина отказывался от богини, что заканчивалось его смертью. Следы подобных легенд хорошо сохранились в отдельных сказаниях осетинского эпоса, истоки которого уходят в скифо-сарматское время. Если вспомнить множество свидетельств античных авторов о женщинах-воительницах у сарматов, а также захоронения женщин с

оружием, то вполне восстанавливается миф или легенда сарматского царского цикла. Ключевым эпизодом в царской истории была встреча женского божества с мужчиной на охоте, затем последовавший брак или борьба между ними, после чего следовала смерть мужского персонажа. Именно на основе мифологической системы выстраивались общественные и социальные отношения сарматского общества. Поэтому неудивительно, что ведущая роль женщины у сарматов обусловлена мифами, которые в той или иной форме переносилась на социальные отношения в обществе.

Археологические находки предметов сарматского искусства позволяют прояснить отдельные религиозные культы. Образы животных, как и у скифов, занимали видное место в религиозно-культовых представлениях сарматов. За исключением стилистики изображений и популярности у сарматов вставок из драгоценных и полудрагоценных камней, сарматское искусство близко по своему характеру скифскому. В «зверином стиле» сарматов распространение получили образы льва, быка, оленя, пантеры (гепарда), коня, зайца. Особенно выделяется у сарматов образ барана – он часто изображался на ручках сосудов, мечей. На сарматских вещах нередко встречаются изображения верблюдов, реже – рыб, драконов, грифонов, полулюдей-полузверей, разных фантастических чудовищ. Излюбленными мотивами сарматского искусства были охота и борьба зверей. Что стоит за множеством изображений животных, какую символическую роль они несли – во многом остаётся загадкой. К примеру, в античном мире заяц расценивался символом плодородия и времён года, а у скифов заяц был символом удачи, на персидских миниатюрах заяц присутствует в изображениях любовных сцен. Редко удаётся реконструировать смысловое наполнение образов сарматского искусства. Одним из исключений является понимание смыслов, группирующихся возле фигуры «барана». Традиционно у иранских народов фарн, являясь символом «небесной благодати», счастья, удачи, имел своё визуальное воплощение в виде барана и связывался с царским родом. Неудивительно, что отдельные сарматские имена имеют основу «фарн».

Греки в Приазовье

Помимо степных народов, проживавших на территории Донецкого края, берега Азовского моря осваивали древние греки. Появление греков в Приазовье относится примерно к VII в. до н.э. Находки фрагментов греческих амфор из Милета на Таганрогском поселении датируются именно этим временем. Колонизация Северного Причерноморья греками привела к активному проникновению греков в Приазовье. На берегах Керченского пролива, Азовского и Чёрного морей появляется Боспорское царство.

Греческая посуда (из собрания Донецкого художественного музея).

Хорошо известный с III в. до н.э. город Танаис возле устья реки Дон, основан выходцами из Боспорского царства. Гораздо меньше сведений о городе Кремны (Кручи).

Кремны, как место торжища, упоминаются Геродотом в повествовании о происхождении савроматов, следовательно, по античной традиции город-гавань существовал очень давно. Об этом городе помимо Геродота писал Клавдий Птолемей. Вместе с тем, местонахождение Кремн до настоящего времени остаётся загадкой. Находки фрагментов греческих амфор известны по всему азовскому побережью от Таганрога до Приморска возле Бердянска. Такое множество мест с находками фрагментов греческих предметов может свидетельствовать о существовании сети торжищ по берегам Приазовья, но следов самого города пока не обнаружено, хотя поиски города-гавани предпринимались постоянно.

В 1928 г. мариупольский археолог и краевед П.М. Пиневич, исследовавший побережье Азовского моря относительно месторасположения Кремн в окрестностях Мариуполя, писал: *«Возможно, что удобные известковые скалы у устья р. Кальмиус или же, расположенные террасообразно побережья между городом и портом, и послужили местом одного из этих торжищ; возможно также, что это – место геродотовских Кремн …».*

Версию П.М. Пиневича повторил донецкий археолог Б.Ю. Михлин, который также полагал, что Кремны находились где-то на территории нынешнего Мариуполя. Киевские археологии Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко предположили, что легендарный город-гавань расположен у впадения реки Корсак в Азовское море, южнее современного села Ботиево Приазовского района Запорожской области. В.П. Копылов же Кремнами называет Таганрогское поселение.

В 1949-1951 гг. археологическая экспедиция МГУ под руководством Б.Н. Гракова безуспешно пыталась найти следы Кремн. В 1966 г. поиск сотрудником Запорожского краеведческого музея Ю.К. Волочаем в пределах Бердянска и Приморского также завершился безрезультатно. В.К. Шишкин в 1977 г. по заданию академика Б.А. Рыбакова провёл археологические разведки, которые не принесли результатов.

Наиболее правдоподобную версию местонахождения Кремн обосновывает Е.Н. Тарасенко. Он обратил внимание на климатические изменения в I тыс. до н.э., связанные с фанагорийской регрессией. Е.Н. Тарасенко справедливо указывает, что если Кремны стояли в это время непосред-

ственно на морском берегу (а не на высоком прибрежном обрыве), то следы города надо искать в море на глубине нескольких метров и на солидном расстоянии от современной береговой линии. Уровень Азовского моря сильно изменился с античных времён, и потому город мог уйти под воду. Вопрос о местонахождении греческой Кремны до настоящего времени остаётся открытым, и его поиски будут продолжаться.

Глава 4. Донецкий край в эпоху Великого переселения народов

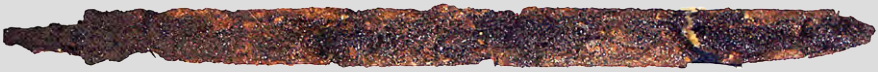
На рубеже эпох (II-IV вв.)

На рубеже новой эры в жизни населения Донецких степей произошли серьёзные изменения, вызванные приходом из Азии мощного союза ираноязычных племён, известных в источниках под именем **аланов**. Именно с этого времени начинается яркий исторический путь народа, принявшего участие в формировании многих современных этносов и в течение столетий игравшего видную роль в истории Восточной Европы и Северного Кавказа. Ветры эпохи Великого переселения народов занесли аланов даже в Северную Африку, куда они попали вместе с германским племенем вандалов.

Аланы относились к иранской группе племён и были родственны сарматам, которые уже несколько столетий проживали в южнорусских степях. Пришли они с востока, из далёкой Центральной Азии, где процесс их формирования шёл многие столетия. Его исторические корни теряются во мгле веков.

В Европе мы видим аланов уже сложившимся народом. Аммиан Марцеллин, римский историк IV в., так описывал представителей этого племени: *«Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; все они очень подвижны вследствие лёгкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни..... все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами»* (Аммиан Марцеллин, 2005, с. 541). Центр аланского объединения, перекочевавшего на территорию южнорусских степей, по всей видимости, располагался в низовьях Дона. В пользу этого свидетельствуют захоронения элиты, обнаруженные в курганах под Ростовом-на-Дону и Азовом. Содержавшееся в них большое количество импортных предметов и высокохудожественных изделий из драгметаллов свидетельствуют о силе, и богатстве аланской верхушки, претендовавшей на абсолютное господство на степных территориях.

Приход аланов мало изменил общую этническую картину в степях Восточной Европы, частью которых являлись Донецкие степи. По свидетельству Аммиана Марцеллина: *«Аланы, разделённые по двум частям света, раздроблены на множество племён. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве, на далёком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и оди-*



Позднеримская спафа (меч) из курганного погребения IV в. у посёлка Моспино (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

наковости вооружения» (Аммиан Марцеллин, 2005, с. 541). Аланы вели кочевой образ жизни, который был не понятен оседлым соседям, даже такому просвещённому их современнику, каковым являлся Аммиан Марцеллин: *«Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город …и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же родятся и воспитываются их дети, это – их постоянные жилища, и, куда бы они ни зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со всеми стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек»* (Аммиан Марцеллин, 2005, с. 541).

Оружие и военное дело играло важнейшую роль в жизни степного населения, которое находилось на стадии военной демократии. *«Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодёжь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком.… Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых….. О рабстве они не имеют понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах»* (Аммиан Марцеллин, 2005, с. 541-542). В целом же, несмотря на то, что римские историки дают аланам стандартную характеристику, они всё же несколько выделяют их из числа прочих варваров.

С перемещением аланского племенного союза в южнорусские степи, в материальной культуре проживающего здесь населения наблюдаются новые восточные влияния. Особенно отчётливо они чувствуются в искусстве, где вновь появляются сцены терзания зверей. Входит в моду украше-

ние ювелирных изделий бирюзой, столь любимой на Востоке. Увеличивается и количество восточных импортных изделий, проникающих в степи. В это время у кочевых народов наблюдается распространение оружия, произведённого в Китае. Достаточно часты находки скоб и наверший мечей, выполненных из полупрозрачного голубоватого халцедона, месторождения которого находятся в Северном Китае. Активные торговые и культурные связи были установлены и с греко-римским миром, с которым издревле контактировали кочевники восточноевропейских степей. Благодаря этому, у степняков вещи из греческих городов Северного Причерноморья не являлись редкостью. Ярким свидетельством этого культурного взаимодействия может служить курганное захоронение IV в., обнаруженное у посёлка Моспино под Донецком. В нём были выявлены: позднеримские спафа (меч) и фибулы, а также лощёный кувшин **черняховской** культуры. Само же погребальное сооружение – катакомба, по своему типу, находит аналоги на далёкой азиатской прародине аланских племён.

1

2

Кувшин (1), пряжки и фибула (2) из погребения IV в. у посёлка Моспино (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Среднее течение Северского Донца в первые века нашей эры

В северной части рассматриваемого нами региона также произошли изменения, связанные с событиями конца II-начала III вв. В это время Восточная Европа была потрясена мощным передвижением народов – перемещением племён германской группы, которые распространили своё влияние на лесостепь и степные пространства, вплоть до Северо-Западного Причерноморья и Крыма. Этот процесс явился своеобразной прелюдией эпохи Великого переселения народов. Смутные упоминания о нём сохранились у готского историка Иордана. Приход в Восточную Европу готского племенного союза, покорение и частичная ассимиляция ранее проживавшего здесь населения, дали толчок к активизации серьёзных этнических и культурных процессов. В Крыму они выразились

в формировании новых этнических групп и создании на территории Юго-Западного Крыма так называемой «Крымской Готии», историческая память о которой была жива вплоть до XV в. На территории лесостепи (и частично в степи), при активном участии готов формируется яркая полиэтничная черняховская культура. Процесс её появления был достаточно сложным. Часть проживавшего здесь ранее населения, среди которого были ираноязычные потомки скифов и сарматов, а также, предки славян, была уничтожена, часть покорилась и вошла в состав вновь возникшего готского союза.

В то время, когда в лесостепи происходят описанные выше события, на степном пограничье, в среднем течении Северского Донца, возникает группа поселений. Материальная культура проживающего на них населения была родственна лесостепным древностям, что даёт возможность предположить, что эти поселения были основаны представителями лесостепных культур, отступившими на далёкую степную границу под давлением германских племён.

Указанная группа поселений была открыта относительно недавно, и потому изучена слабо. Археологические исследования на них носили ограниченный характер, тем не менее, имеющиеся в распоряжении материалы позволяют датировать время их существования III-IV вв. Бóльшая часть поселений не имела укреплений и представляла собой небольшие посёлки, которые располагались на террасах Северского Донца или у пойменных озёр. Показательным является тот факт, что большинство этих памятников (Богородичное, Святогорск X, Явир) находилось на левом берегу реки, где имеются лёгкие для возделывания супесчаные грунты. На правом, высоком берегу такие поселения немногочисленны. Как правило, и здесь они расположены на участках, где присутствуют песчанистые косы, образовавшиеся в процессе перемещения русла реки (Выдылыха, Казачья Пристань). В целом, характер размещения этих археологических памятников свидетельствует об основных занятиях их жителей, каковыми являлись рыболовство, примитивное земледелие и домашнее скотоводство, дополняемое охотой, роль которой, по всей видимости, была очень велика. Население жило в полуземлянках, углублённых в грунт, иногда, более чем на 1 м, которые отапливались открытыми очагами, расположенными у одной из стен жилища. От стен каких-либо следов не сохранилось, но наличие столбовых ям небольшого диаметра свидетельствует о том, что стены строений сооружались из дерева или были сплетены из прутьев. На поселении Маяки зафиксированы остатки небольшой жилой постройки, которая была углублена в грунт на 0,5 м и отапливалась очагом, находившимся в небольшой нише, вырезанной в стене котлована. От прочих сооружений она отличалась тем, что это строение сгорело во время сильного пожара, благодаря чему сохранились остатки обожжённой глиняной обмазки, покрывавших сплетённые из

прутьев стены жилища. Судя по её фрагментам, внешняя поверхность сооружения была побелена. Таким образом, указанная постройка представляла собой вариант мазанки – жилого сооружения, характерного для степных регионов и в более позднее время, вплоть до XX в.

В первые века нашей эры политическая обстановка на степном пограничье, вероятно, была слишком напряжённой, чтобы население могло спокойно жить на неукреплённых селищах. Благодаря этому, именно в это время в среднем течении Северского Донца появляются первые укреплённые поселения – городища. Ныне выявлено три таких памятника, хотя их было намного больше. Так, керамика первых веков нашей эры встречена на крупных городищах хазарского времени у сёл Маяки и Сидорово Славянского района. Кроме этого, на Сидоровском городище была найдена медная монета боспорского царя Рескупорида V, что наряду с находками керамики может свидетельствовать о том, что в IV в. какой-то участок этого огромного памятника мог быть обжитым.

Одним из наиболее известных и хорошо сохранившихся укреплённых поселений этого времени является городище, которое располагается на территории древнего Теплинского леса, неподалёку от нынешнего села Богородичное. Оно занимает верхушку холма коренного правого берега Северского Донца, вытянутого длинной осью вдоль течения реки. С восточной стороны холм отрезан древней глубокой балкой. Здесь его достаточно крутой склон был дополнительно эскарпирован в древности, что сделало городище неприступным с этой стороны. С южной стороны площадка городища также завершалась труднодоступным крутым склоном в древнюю глубокую балку. С юго-восточной стороны, где склон был менее крут, он был дополнительно эскарпирован, при этом площадка была укреплена рвами и валами. Эти же рвы и валы отрезали укреплённую часть памятника с западной стороны. Здесь по центру укреплений располагался въезд, оформленный в виде перемычки, пересекающей ров и вал. С севера холм также имел обрывистые склоны, крутизна которых была усилена эскарпом. Они и в настоящее время труднодоступны, т.к. крутизна здесь превышает 45°. Здесь к центральной части городища прилегал небольшой холм, практически нависающий над долиной реки, с которого открывался прекрасный обзор на пойму Северского Донца. От основной площадки городища этот холм был отделен лощиной, отрезанной от плато дополнительным рвом. В центральной части рва также была оставлена перемычка въезда. От лощины вниз к реке спускается узкая крутая тропа, которую все исследователи памятника (Н.В. Сибилёв, В.К. Михеев, В.В. Давыденко) считали потайной.

Раскопки валов и рвов показали, что в древности на них располагались стены, представляющие собой обычный частокол. Он был сделан из вбитых в тело вала брёвен, толщина которых превышала 20 см. Скорее всего, валом была ограждена вся площадка городища, даже те его участки,

Вид с реки на холм, на котором расположено Святогорское городище (Славянский район).

где рвов и валов не было. Раскопки, производимые В.К. Михеевым на памятнике в 1972 г., позволили установить, что на площадке городища имелись постройки. Здесь была раскопана полуземлянка со столбовой конструкцией стен, которая отапливалась открытым очагом. Несмотря на то, что жилища такой конструкции более характерны для стационарных поселений, очень тонкий с относительно небольшим количеством находок культурный слой на городище свидетельствовал в пользу того, что указанный памятник представлял собой городище-убежище, где постоянно люди не жили, а использовали это укрепление только в случае военной опасности. Ближайшее поселение, где население проживало постоянно, располагалось на расстоянии 400-500 м от городища, на берегу Северского Донца.

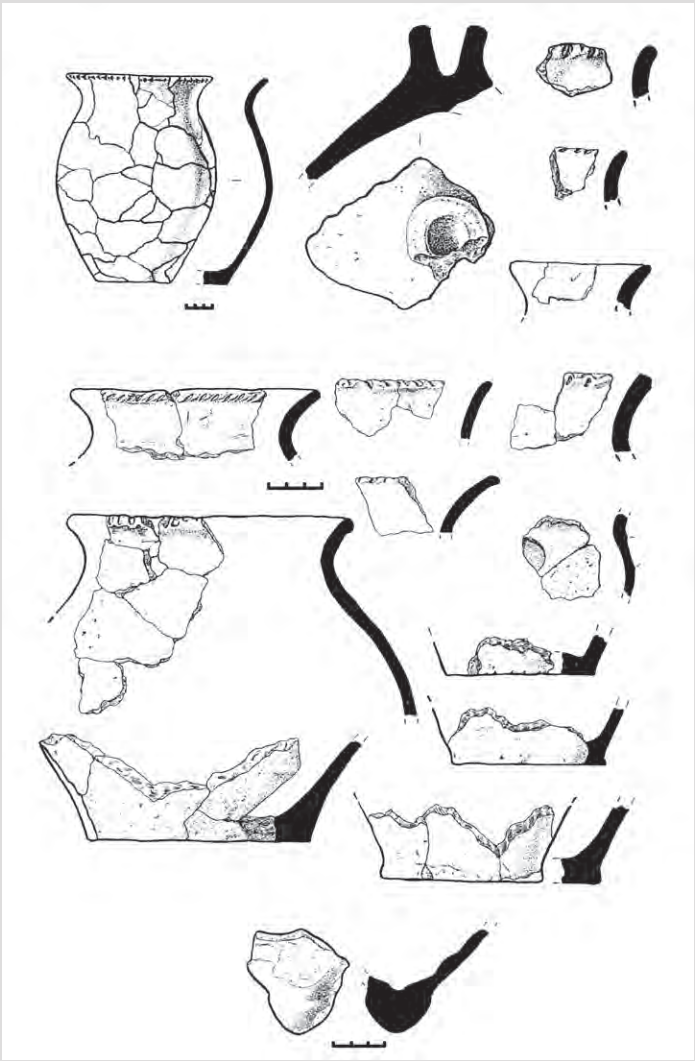
Второе городище подобного типа было выявлено близ скита Святогорского монастыря. Укрепление находилось на одной из вершин Святых Гор, отчего памятник получил своё наименование. Городище расположено в лесном массиве и хорошо сохранилось. Оно занимало площадку высокого холма, господствовавшего над окружающей местностью.

С северной стороны холм имеет склоны, круто обрывающиеся к реке. С этого края подняться на городище и сейчас практически невозможно. С западной стороны холм был отрезан от плато глубокой древней балкой, по которой шла узкая крутая тропа, выходящая прямо ко въезду на го-

родище. С восточной стороны также располагалась глубокая лощина, в которой в XVII-начале XX вв. находился скит Святогорского монастыря. Эта лощина была укрыта со всех сторон и имела узкий выход к реке. От въезда на городище в лощину полого спускался природный останец, который был эскарпирован и превращён в удобный спуск. По этому спуску пролегала древняя дорога, ведущая прямо к воде. Внутри лощины также имеются рвы и валы, которые могли относиться как к монастырскому скиту, так и к городищу. С напольной стороны площадка городища отрезана от плато мощным рвом, за которым находился вал с деревянной стеной. Глубина рва и ныне достигает 5 м. В центральной части во рву была оставлена узкая перемычка, по которой пролегала дорога, идущая на городище. Кроме этого, чуть далее имелась ещё одна небольшая перемычка, которую исследователи памятника обычно называли «калиткой». Рвы и валы ограждали площадку городища с западной и восточной сторон. С северной стороны также находился ров со въездом, отрезающий от городища его северную, нависающую над рекой часть. Здесь каких-то дополнительных линий укреплений не было, так как попасть снизу на эту площадку было невозможно из-за крутизны склонов.

Раскопки, производимые на городище, показали, что стена представляла собой обыкновенный частокол, сделанный из крупных брёвен. Вероятно, им была ограждена вся площадка городища, даже те его участки, где рвы и валы отсутствовали. Раскопы, заложенные на площадке, показали, что здесь имелись, как жилые, так и хозяйственные сооружения. Из жилых построек было расчищено наземное помещение. Нижняя его часть была слегка углублена в грунт. Отапливалась постройка открытым очагом, который представлял собой обыкновенное кострище, углублённое в земляной пол. Как и на Теплинском городище, культурный слой имел малую мощность и был слабо насыщен находками. Основная часть находок представлена фрагментами лепных горшков. В единичных экземплярах найдены: фрагмент миски с загнутым внутрь краем и крышка, близкая крышкам **зарубинецкой** культуры. В керамическом комплексе присутствовала импортная посуда, которая привозилась из греческих городов Северного Причерноморья. Основная её часть представлена обломками амфор III в. н.э. В заполнении очага постройки также был выявлен обломок римского красноглиняного сосудика.

Все описанные выше городища расположены на высоком правом берегу Северского Донца, и занимают труднодоступные возвышенности, с которых, на много километров прекрасно обозревается окрестная местность. Практически все они имели достаточно мощные линии укреплений, намного превосходящие укрепления городищ более позднего, хазарского, времени. На их территории не было источников воды, и потому за водой приходилось спускаться вниз, к реке. Слабонасыщенный находками культурный слой, свидетельствует, что на этих укреплённых поселениях



Керамика (III-IV вв.), найденная во время исследований Святогорского городища.

постоянно не жили, а использовали их только в случае военной угрозы. При сигнале тревоги, который, наиболее вероятно, подавался дымом или огнём с дальних вышек, расположенных на путях, ведущих к обжитому региону, жители окрестных поселений, прихватив всё самое необходимое

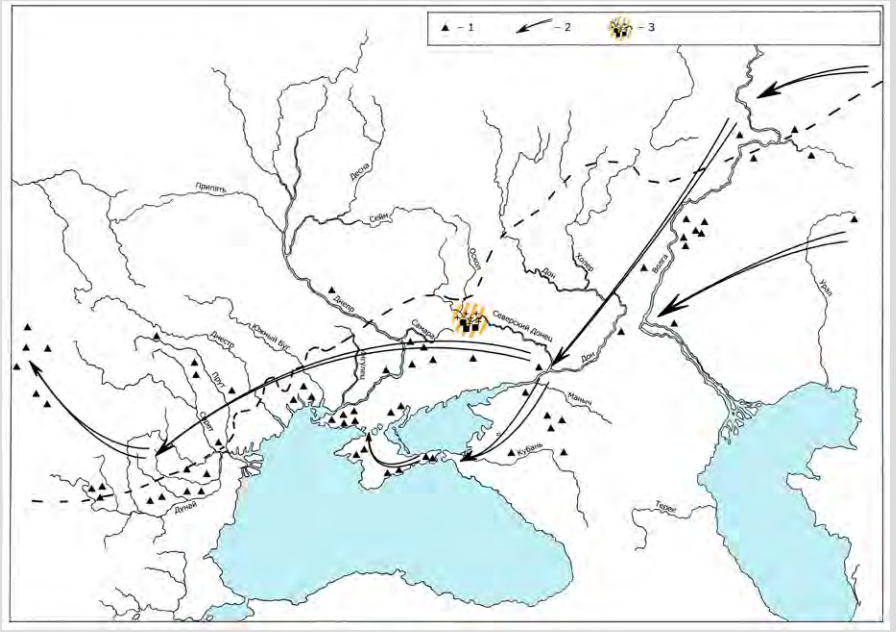
и наиболее ценное, укрывались за деревянными стенами городищ, под защитой которых пытались пережить лихое время.

Таким образом, в III в. в среднее течение реки Северский Донец приходят группы лесостепного населения. Поток переселенцев останавливается на южной границе лесостепи со степью. Здесь они сооружают серию селищ и городищ, мощные укрепления которых свидетельствуют о сложной политической обстановке, царившей в это время на рассматриваемой нами территории. Показательно присутствие на поселениях импортной посуды и монет, которые поступали через степь с юга. Последнее может свидетельствовать в пользу того, что отношения со степным населением были не столь враждебными, и торговые связи продолжались в течение всего времени существования этого анклава. Не совсем понятно, каковы были отношения с народами лесостепи. По крайней мере, нынешняя степень исследованности этих памятников не даёт на это ответа.

Наиболее сложным является вопрос о том, кем было в этническом плане население, пришедшее в III в. в среднее течение Северского Донца. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, представленные в основном керамикой, позволяют сделать лишь самые общие выводы. Близкие по виду сосуды можно видеть на памятниках лесостепного Подонья и Самарского лесостепного Поволжья. Кроме того, среди керамики присутствуют формы, находящие параллели в зарубинецкой культуре и в прочих лесостепных древностях. Исследователи указывали на некоторое сходство этих древностей с материалами **киевской** археологической культуры. Так или иначе, все перечисленные выше культуры принимали участие в формировании славянского этноса. Таким образом, мы можем рассматривать процесс проникновения описанной выше группы населения в среднее течение Северского Донца, как первую волну праславянского населения, которая приходит на территорию Донецких степей. Основанные ими поселения просуществовали здесь недолго. Они вполне могли быть уничтожены во время бурных событий IV в. Тем не менее, вполне вероятно, что какая-то часть этого населения пережила гуннское нашествие. В пользу этого может свидетельствовать то, что в эпоху Великого переселения народов поселения на этой территории часто строились на местах прежних селищ, что подтверждает определённую преемственность населения.

Эпоха Великого переселения народов

В IV в. в Евразийской степи произошли события, изменившие весь ход истории народов Европы. Их последствия ещё несколько столетий ощущались на обширных европейских просторах и привели к коренному слому государственности, основанной на мощи и незыблемости Римской



Карта продвижения гуннских племён на запад (по: Плетнёва С.А., 2003):
1 – находки комплексов и предметов гуннского времени;
2 – направления походов гуннов;
3 – зона распространения поселений III-IV вв. в среднем течении Северского Донца.

империи. В результате невиданного ранее перемещения племён, за небольшой промежуток времени этническое лицо населения восточноевропейских степей претерпело существенные изменения, и на много столетий приобрело тюркский облик, а вся Европа превратилась в гигантский этнический котёл, продуктом деятельности которого явилось появление практически всех современных европейских народов. Начало этим событиям положило гуннское нашествие.

Предыстория **гуннов** связана с Центральной Азией. Их далёкие предки были известны на этой территории под именем сюнну. В 93 г. сюнну, постоянно докучавшие Поднебесной своими набегами, были разгромлены китайцами, вступившими в союз с племенами группы «дун-ху» – предками современных монголов. Разгромленные сюнну вынуждены были откочевать в Семиречье и степи Южного Казахстана, где их следы на длительное время теряются. Находясь на новой родине, сюнну приняли в свой состав представителей тюркских и угорских племён, что положило начало формированию практически нового народа.

Со временем, усилившись, они начали постепенное продвижение на запад. Путь их хорошо прослеживается по находкам захоронений этого времени и отдельных предметов, в частности, характерных бронзовых котлов. На территории Донецкого края таких находок пока нет, однако они известны в непосредственной близости от рассматриваемой нами территории, в низовьях Дона.

От своих далёких степных предков, гунны переняли многие достижения в военном деле, которые помогли им выжить в новых условиях. Войско кочевников отличалось манёвренностью и железной дисциплиной. Основой его тактики были действия в рассыпном конном строю, представляющие собой необычную для европейских народов манеру ведения боя. Именно в связи с этим, в находках гуннского времени наконечники копий – оружие, характерное для народов, основой тактики которых являлся ближний бой, – встречаются достаточно редко. Войско гуннов, осыпая противника стрелами, то нападало, то обращалось в притворное бегство, затем разворачивалось, вновь бросалось на него и заново отступало. Об этих особенностях тактики гуннов Аммиан Марцеллин писал следующее: *«…в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстроившись в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. …Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому, что издали ведут бой стрелами…, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком»* (Аммиан Марцеллин, 2005, с. 539).

Гунны были отличными стрелками, поскольку каждый кочевник искусству стрельбы из лука обучался с детства. В Европу они принесли дальнобойный лук, который был их изобретением и в своё время позволил их предкам – сюнну, занять господствующее место среди народов Центральной Азии. Гуннский лук был сложносоставным. Его основа (деревянная кибить) состояла из нескольких, склеенных между собой деталей. Значительная часть лука была обклеена костяными или роговыми пластинами, усиливающими его мощность. На концах находились концевые накладки, сделанными из кости или рога, которые имели вырезы для крепления тетивы. В средней части кибити присутствовали срединные накладки (костяные или роговые пластины со скошенными концами), увеличивавшие прочность его центральной части. Кроме того, в этом месте находилась и фронтальная накладка (костяная пластина с расширенными концами). В результате наличия этих накладок, лук имел три зоны жёсткости, расположенные в средине и на концах кибити, а также – упругие плечи. При натяжении тетивы, именно энергия его изогнутых плечей посылала стрелу к цели. В целом же, лук имел доста-

точно большие размеры. Его длина достигала 1,2-1,5 м, причём нижнее плечо было чуть короче верхнего, чтобы не препятствовать стрельбе с коня. В целом, это было мощное и совершенное дальнобойное оружие. Максимальная дальность стрельбы достигала 165-230 м, а эффективная – 50-150 м. С расстояния 100 м стрела, выпущенная из гуннского лука, пробивала доспехи. По дальности стрельбы гуннский лук намного превосходил скифский, что позволяло гуннам расстреливать противника издалека, оставаясь неуязвимыми для вражеских стрел. Благодаря этому, в китайских источниках сюнну фигурируют, как народ лучников. Таковыми их потомков воспринимали и народы Европы. Учитывая, что хороший лучник прицельно выпускал до 25 стрел в минуту, можно представить, сколь опасными для войск противников были обстрелы, производимые гуннскими всадниками.

Кроме мощного лука, у гуннов появляются и достаточно совершенные и разнообразные стрелы. Выявленные в археологических комплексах находки стрел с сохранившейся деревянной частью, свидетельствуют о том, что длина древков достигала 75 см. Стрелы имели железные наконечники, обычно, с тремя лопастями, что добавляло им устойчивости при полете. Иногда эти наконечники были ярусными, благодаря чему увеличивалась их проникающая способность. На ряде стрел присутствовали костяные свистки, в виде полого шарика с отверстиями, которые крепились на древке стрелы у самого наконечника. Они выполняли несколько функций, служа и муфтой, предотвращавшей раскалывание древка при ударе, и свистком, который при полете стрелы создавал звук, действующий на психику противника. Кроме этого, такие стрелы были и сигнальными, о чем прямо говорится в китайских источниках, повествующих о сюнну.

Ещё одним великим изобретением кочевников было стремя. Изначально всадники пользовались лошадью без стремян, просто зажимая её бока ногами. Это создавало массу неудобств, особенно во время конного боя, когда всадник не мог выполнять многие боевые приёмы из-за того, что недостаточно прочно держался в седле. Именно появление стремян дало возможность применять таранный удар конницы сомкнутым строем с копьями наперевес, а в дальнейшем привело к изобретению и широкому внедрению сабли, ставшей основным оружием конного воина. Фактически, это был переворот в военном деле. Металлических стремян гуннского времени, как будто, не известно. Тем не менее, изображения кочевников, показывают, что именно в этот период появляются деревянные или ременные петли, которые выполняют функции более поздних бронзовых и железных стремян и являются их прообразом.

Параллельно стремени, на восток распространяется длинный однолезвийный меч – палаш, эволюция которого привела к появлению сабли. Показательно, что уже в это время у некоторых палашей рукоять по отно-

шению к лезвию находится под небольшим углом, что давало возможность произвести тянутый, режущий удар, характерный для сабель – оружия более позднего времени. Эти длинные палаши, известные в аварских древностях, появляются в Европе, в основном, уже после гуннов. Что же касается собственно гуннов, то основным оружием ближнего боя у них был двулезвийный меч, наряду с которым применялся и короткий однолезвийный палаш. В одной из древнегерманских песен, входящих в цикл эпоса о Нибелунгах, говорится, что принц Вальтер, готовясь к побегу из гуннской ставки, опоясывается *«по обычаю паннонцев (гуннов)»* двумя мечами – длинным двулезвийным с левого бока и коротким однолезвийным – с правого. Меч, наряду с луком и стрелами являлся у гуннов объектом почитания. Готский историк Иордан повествует о так называемом «Марсовом мече» Аттилы, который, якобы, давал ему победу и власть над всеми врагами: *«Хотя он (Аттила) по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем ещё от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. ...меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух...заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины её ранения; озабоченный он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принёс его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах»* (Иордан, 1997, с. 96).

По всей видимости, здесь мы наблюдаем отголоски культа оружия, в частности, поклонение мечу, столь характерное для степных, да и не только степных народов, находящихся на стадии военной демократии.

К середине IV в. гунны перешли Волгу, и вступили в борьбу с аланами, которые являлись очень серьёзным противником. Основную силу аланов составляла тяжёлая бронированная конница, которой гунны, при «правильном» ведении боя, противостоять не могли. Но здесь народы восточноевропейских степей впервые ощутили на себе коварство нового противника и превосходство его тактики. Не вступая в сражение развёрнутым строем, где аланы могли бы показать всю свою мощь, гунны постоянными стычками изматывали противника до такой степени, что вынуждали сдаться. Покоривши алан и пополнивши свои войска аланскими воинами, гуннская орда продолжила движение на запад, где столкнулась с племенами готского союза. В это время готы представляли собой мощное племенное образование, во главе которого стоял талантливый вождь Германарих. Тем не менее, к моменту нашествия он был уже дряхлым старцем. Кроме этого, на него недавно было произведено покушение представителем племени **росомонов**, после которого старый вождь ещё не успел прийти в себя. Соответственно, полноценно руководить

войсками он не мог. Не чувствуя сил возглавить достойное сопротивление, Германарих покончил с собой, что и решило судьбу готов. Часть вождей племенного союза приняла главенство гуннов, часть же в поисках новой родины отправилась на запад, в пределы Римской империи.

Появление гуннов вызвало панику в Европе. Уже сам вид этих кочевников, которые относились к тюркской группе народов и имели монголоидный облик, внушал европейцам ужас. Готский историк Иордан, пытаясь объяснить их появление, приводил абсолютно фантастическую легенду о том, что гунны возникли от связи злых колдуний, которых он называл «галиуруннами» с нечистыми духами. Он описывал их, как: *«свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное, как некий род людей, только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи»* (Иордан, 1997, с. 84-85). Не отставал от него и современник нашествия, Аммиан Марцеллин: *«Племя гуннов…обитает за Меотийским болотом … и превосходит своей дикостью всякую меру. Так как, при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос…то они доживают до старости без бороды... Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отёсанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней, под свои бедра, и дают ему немного попреть. …Тело своё они прикрывают льняной одеждой или сшитой из шкурок лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз надетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползается в лохмотья от долговременного ношения»* (Аммиан Марцеллин, 2005, с. 538-539). Вполне понятно, что ведущую роль в подобных описаниях играл страх перед новыми опасными врагами, воевать с которыми римляне тогда ещё не научились.

Кроме подобных фантастических описаний в свидетельствах современников присутствует и реальная информация, которая даёт представление о хозяйстве, быте и общественном строе этого народа. *«Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приученные переносить холод, голод и жажду… День и ночь проводят они на коне, занимаясь куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьёзных делах, то и совещание они ведут сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводитель-*

Предметы (наконечник гривны в виде дракона, колт, бляшка, браслет) из гуннских захоронений кон. IV – нач. V века.

ством кого-либо из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути» (Аммиан Марцеллин, 2005, с. 538-539). В отличие от цивилизованных римлян, у гуннов не было рабства. Ранневизантийский автор Приск Панийский повествует, что в 448 г. во время визита византийских послов в лагерь гуннского вождя Аттилы, он встретил там своего соотечественника, который ранее попал в плен к гуннам, а потом, получил от них свободу и стал полноценным членом гуннского общества. Этот человек критически относился к римским порядкам и превозносил образ жизни гуннов, указывая, что у них свободы намного больше, чем у римлян. Согласно сообщению Приска, по своему виду и поведению этот человек уже был «варваром», от которых его отличало только знание греческого языка.

Как и аланы, гунны были кочевниками. *«Никто из них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определённого места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рождён вдали оттуда, вырос – ещё дальше»* (Аммиан Марцеллин, 2005, с. 539).

Покорив готов, гунны недолго задержались в южнорусских степях. Уже в 379 г. они вторглись во владения Восточно-Римской Империи, для которой с той поры стали постоянным бедствием. В Западно-Римской Империи гунны какое-то время выступали в качестве союзников-федератов, составляя значительную часть римской армии.

Все изменилось, когда в 433 г. ими в Паннонии был основан мощный союз племён, во главе которого стал талантливый вождь Аттила. Здесь у гуннов появляются и первые селения с постройками, характерными для оседлого населения. Приск Панийский так описывает одно из них, бывшее центральной ставкой Аттилы: *«Переехав через некоторые реки,*

Изображение Аттилы в виде сатира на итальянской памятной медали нач. XVI века. Вероятно, таким образом изготовитель медали пытался подчеркнуть «сатанинское» происхождение гуннского вождя.

мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Он был, как уверяли нас, великолепнее всех дворцов, которые Аттила имел в других местах. Он был построен из брёвен и досок, искусно вытесанных, и обнесён деревянною оградою, более служащею к украшению – нежели к защите. После дома царского, самый отличный был дом Онигисиев, также с деревянною оградою; но ограда эта не была украшена башнями, как Аттилина. Недалеко от ограды была небольшая баня, построенная Онигисием, имевшим после Аттилы величайшую силу между Скифами (по этим этнонимом Приском подразумеваются гунны – Э.К.).... Архитектор, строивший баню, был житель Сирмия, взятый в плен Скифами» (Приск Панийский, 1861, с. 50-51).

Таким образом, ведущую роль в строительстве подобных поселений, в которых гунны размещали свои ставки, были попавшие в плен жители римской провинции. Тем не менее, это был первый шаг к оседлости кочевников.

Появление гуннского союза, руководимого талантливым вождём, представляло серьёзную угрозу благополучию обеих Империй. Вначале гунны опустошили Балканский полуостров, и император Феодосий II, дабы избежать более серьёзных последствий, был вынужден заплатить огромную сумму (6000 **либр** золота) и пообещал выплачивать дань в дальнейшем. Чуть позже Аттила направился в Галлию, где в 451 г., в кровавой битве при Каталаунских полях, объединённое войско, руководимое римским полководцем Аэцием, которого за его приверженность старым римским традициям называли «последним римлянином», сумело остановить продвижение гуннов. Показательно, что в составе этого войска было больше варваров, чем римлян.

Несмотря на это, армия гуннского союза была ещё достаточно сильной. В 452 г., войско Аттилы перевалило через Альпы и вторглось в Италию. Не встретив серьёзного сопротивления, оно разорило Северную Италию и уже собиралось двинуться на Рим. Но тут Аттила узнал, что армия Восточной Империи направилась на Дунай. Этот факт, а также эпидемия чумы, которая свирепствовала на полуострове, заставили его отложить поход и повернуть обратно. Это был последний поход человека, которого в Европе боялись все и который получил там прозвище «бич Божий» – его появление воспринимали не иначе, как кару Господню.

Золотая византийская монета (солид) императора Анастасия, найденная близ города Новоазовск (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Вскоре после этого похода Аттила умер (453 г.) и созданный им союз распался. В битве при реке Недао, протекающей на территории Паннонии, объединённое варварское войско, руководимое вождём германского племени **гепидов** – Ардарихом, нанесло поражение сыновьям Аттилы. По сообщению готского историка Иордана: *«там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида] ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна – стрелой, и алана, строящего ряды с тяжёлым, а герула – с лёгким оружием. Итак, после многочисленных и тяжёлых схваток, победа неожиданно оказалась благосклонна к гепидам: почти тридцать тысяч, как гуннов, так и других племён, которые помогали гуннам, умертвил меч Ардариха… В этой битве был убит старший сын Аттилы по имени Эллак… Остальных братьев, когда этот был убит, погнали вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы»* (Иордан, 1997, с. 111).

Итак, осиротевшие кочевники, после смерти своего предводителя, чьё имя Аттила звучало для них ласково «Батюшка», вернулись в родные степи. Для европейцев остались только страшные воспоминания о его славных походах, увековеченные в гренландской «Песне об Атли» и прочих эпических произведениях германских народов.

Земля Донецкого края сохранила мало свидетельств этой великой эпохи, что вполне понятно, так как данный период истории края был связан с постоянными перемещениями племён, которые долго не задерживались на одном месте. Время от времени встречаются единичные находки утерянных предметов, датированных временем гуннского владычества в южнорусских степях. Уникальнейшей находкой является упоминавшееся выше аланское захоронение, выявленное под курганом у посёлка Моспино, которое относится к тому времени, когда гунны пришли в южнорусские степи. Собственно гуннские захоронения немногочисленны и разбросаны по огромным просторам степей Восточной Европы. Большинство их содержит богатый инвентарь, в том числе вещи, выполненные в так называемом «гуннском» стиле. В основном – это предметы из золота или плакированные золотым листом, богато орнаментированные зернью и украшенные полудрагоценными камнями зелёного или красного цвета. Большинство их изготавливалось специально для варваров в мастерских

Боспора. Они повествуют о той эпохе, когда первая орда тюркоязычных кочевников проделала долгий и трудный путь с Востока на Запад. Именно она проложила дорогу номадам более позднего времени, которая начиналась в Центральной Азии, а завершалась в Дунайском регионе. Последствиями гуннского нашествия явилось широкое распространение в южнорусских степях народов тюркской языковой семьи. Отныне и в течение всей эпохи средневековья именно эти народы будут играть на рассматриваемой нами территории ведущую роль.

Среднее течение Северского Донца в эпоху Великого переселения народов

С началом эпохи Великого переселения народов на реке Северский Донец вновь проходят группы населения из лесостепи. Эти движения были не столь мощными, как степные, и потому они остались за рамками сообщений исторических источников. Для нашей темы наиболее интересной представляется миграция на восток носителей **пеньковской археологической культуры**. Регионом, куда было направлено движение этого миграционного потока, снова стало среднее течение Северского Донца.

Вопрос о том, кем в этническом плане были носители пеньковской культуры, не является простым. Некоторые отечественные и болгарские исследователи связывали эти памятники с протобулгарами. Указанная точка зрения не нашла широкого распространения уже хотя бы потому, что **протобулгары** и Великая Булгария Кубрат-хана, о которых писали византийские авторы, как мы покажем ниже, локализуется в совершенно другом регионе. Ряд учёных считал пеньковскую культуру полиэтничной, не отрицая присутствия в её составе славянского компонента. Основная же часть специалистов придерживаются точки зрения о принадлежности носителей пеньковской культуры к праславянам. Некоторые авторы (П.Я. Третьяков, В.В. Седов, И.П. Русанова, О.М. Приходнюк) считали, что она была оставлена племенами антов, которые упоминаются в византийских исторических сочинениях.

Современники сообщали противоречивые сведения о территории расселения антского союза племён. Вполне вероятно, что эти противоречия отражали процесс их расселения. Так, готский историк Иордан повествовал, что анты проживают от Днестра до Днепра. Византийский автор VI в. Прокопий Кесарийский даёт уже иные границы расселения этого народа. Он повествует, что анты находятся между Дунаем и племенами утигуров, которые проживают на берегах Меотиды. Так или иначе, появление в среднем течении Северского Донца поселений, оставленных носителями пеньковской археологической культуры, отражает продвижение на эти земли ещё одной волны населения, имевшего отношение

Поселение у Осиянской горы (Славянский район), где были выявлены материалы III-IV вв. и эпохи Великого переселения народов.

к славянам. Судьба этого населения по историческим источникам не прослеживается. Данные же археологических исследований, позволяют предположить, что с вхождением среднего течения Северского Донца в состав Хазарского каганата, проживавшее здесь славянское население приняло участие в формировании полиэтничной **салтово-маяцкой культуры**.

Приход в среднее течение реки Северский Донец пеньковских племён нашёл отражение в появлении серии неукреплённых поселений, которые существовали в V-VII вв. Такие поселения известны в урочищах Выла, Выдыльиха, Старица близ села Богородичного, Дубовая Роща, Красноярское озеро, Маяки, Казачья Пристань и других местах. Указанные поселения впервые были зафиксированы на этих землях в 20-30-х гг. XX в., когда здесь проводил разведки известный исследователь Донецкого края – Н.В. Сибилёв. В своих дневниках, а в дальнейшем, в нескольких выпусках «Древностей Изюмщины» он неоднократно упоминал о находках на этой территории славянской керамики. Тем не менее, после Великой Отечественной войны об этих материалах надолго забыли и лишь в 80-х гг. XX в. вопрос о наличии на Северском Донце раннеславянских поселений был поднят снова.

Памятники пеньковской культуры, располагающиеся в среднем течении Северского Донца, являлись самыми юго-восточными поселениями в ареале её распространения. Они представлены небольшими неукреплёнными селищами, размещёнными на террасах вдоль старых русел реки или старичных озёр. В степной части региона они, как и поселения предшествующей эпохи, не известны. Памятники пеньковской культуры на рассматриваемой нами территории довольно многочисленны. На некоторых из них (Панский Луг, Выдылыха) присутствуют материалы IV в., что свидетельствует либо о преемственности между этими двумя потоками населения, либо о том, что описанные выше миграционные потоки просто останавливались на крайней южной границе буферной зоны между лесостепью и степью. Наиболее южными из пеньковских поселений являются небольшие селища на Казачьей Пристани и у Красноярского озера, расположенные друг напротив друга, на противоположных берегах реки. Материалы, близкие по виду пеньковским, были встречены и ниже по течению Северского Донца. Тем не менее, здесь они крайне немногочисленны и представлены единичными находками. Таким образом, юго-восточная граница ареала памятников пеньковской культуры совпадает с границей распространения группы поселений предшествующего периода. Находки на поселениях в среднем течении реки Северский Донец говорят о занятии населения земледелием. Так, на поселениях у сёл Богородичное и Маяки, при раскопках построек были встречены жернова от ручных мельниц. Иногда разбитые камни от таких жерновов использовали при строительстве печей-каменок. Характерная форма этих предметов отличает их от более совершенных жерновов более позднего времени, которые были обнаружены на поселениях салтово-маяцкой культуры. Находки многочисленных грузил свидетельствуют о занятии населения рыболовецким промыслом. Последнее вполне объяснимо расположением пеньковских поселений по берегам рек и глубоких старичных озёр, богатых рыбой. Наряду с костями домашних животных, на поселениях встречается значительное количество костей животных диких, в том числе таких крупных, как медведь, лось и кабан, что свидетельствовало о том, что охота в жизни населения играла важную роль. Находки многочисленных пряслиц свидетельствуют о развитии ткачества.

Основную часть строений на поселениях представляют жилые полуземлянки. Этот тип постройки, углублённой в землю до 1 м, представлял собой оптимальный вариант жилища для территории с континентальным степным климатом. Они имели деревянные стены, изготовленные из прутьев или брёвен и односкатную, либо двухскатную крышу. Наиболее характерным видом отопительного сооружения была печь-каменка. Иногда встречались открытые очаги. Жилища этого типа топились по-чёрному, т.е. дым выходил через окна и дверь, обогревая при этом помещение.

О мировоззрении населения пеньковской культуры, тем более на территории, столь удалённой от центральных регионов её распространения, имеется мало данных. На одном из селищ – Панский Луг (у села Богородичное) – зафиксировано культовое место. Здесь, на территории посёлка, стояла древняя курганная насыпь с каменными выкладками над погребениями. Выступающая на её поверхности каменная выкладка была использована в V-VII вв. в качестве алтаря. Вокруг насыпи был вырыт ров с перемычкой – входом. На каменных выкладках в центре древнего кургана горело четыре крестообразно расположенных кострища. Вокруг на площадке между рвом и каменными конструкциями была вырыта группа ям, часть которых служила для ссыпания золы из культовых огнищ, часть же – для установки деревянных идолов.

Как указывалось выше, укреплённых поселений этого времени на территории края не известно. Это является характерной чертой пеньковской культуры. В ареале её распространения найдено всего несколько городищ, причём материальная культура наибольшего из них – Пастырского, которое представляло собой крупный межплеменной ремесленный центр, имеет существенные отличия от всех прочих памятников. Площадки городищ предшествовавшей эпохи пеньковцами также не использовались, о чем свидетельствует полное отсутствие на них археологического материала этого времени. Это представляется тем более странным, если учесть, что эпоха, когда в среднем течении Северского Донца существовала небольшая группа неукреплённых относительно небольших поселений пеньковской культуры, окружённых со всех сторон степными просторами, изобиловала войнами, многочисленными перемещениями воинственных степных народов, и считается одним из самых кровавых периодов в истории Евразии. Остаётся предположить, что либо у пеньковцев со степным населением поддерживались мирные отношения, либо прилегающий к этим поселениям участок степи просто не был заселён. Указанные предположения выглядят достаточно фантастичными, и чтобы разобраться с ними, необходимо рассмотреть, что же происходило в этот период на обширных степных просторах, расположенных к югу от зоны расселения антов.

Донецкие степи в V-VII вв.

После возвращения гуннов в южнорусские степи римские историки на какое-то время потеряли к ним интерес. Собственно, им было уже не до этого. В Западной Римской Империи шёл процесс стремительной варваризации и распада государства. На престоле находился бездарный император Валентиниан III (425-455), вместо которого практически всё время правили регенты. Население было разорено постоянными войнами и поборами. При дворе процветали интриги. Длительное время ведущую

Монеты византийских императоров VI-VII веков.

роль в государстве играл талантливый полководец Аэций, который достаточно прочно держал в своих руках власть. В 454 г. Аэций по приказу Валентиниана III был убит, что привело к полному развалу государства. В армии на основных постах находились не римляне, а готы, свевы и представители прочих варварских племён, которые слушали только своих полководцев. Именно эти люди играли виднейшую роль в выборе императора, постоянно находились при нем и, зачастую, решали, жить или не жить этому властителю. Их ничего не интересовало, кроме золота и власти, а потому, сильный император, способный вытащить Рим из пропасти, в которую он погружался всё глубже и глубже, им не был нужен. Императоры сменяли друг друга на престоле с калейдоскопической быстротой. Уже в марте 455 г. в отместку за смерть Аэция, его воинами был убит Валентиниан III, что положило начало событиям, полностью разрушившим Западную Римскую Империю.

Тяжёлая ситуация наблюдалась и в Восточной Римской империи, которая едва успевала отбиваться от натиска соседей – тюркских и германских варваров на севере и западе, и персов – на востоке. Чуть позже к ним присоединились и славяне.

Южнорусские и Предкавказские степи в этот период пестрят многочисленными наименованиями кочевых племён. Здесь один за другим возникают племенные союзы (акациры, сарагуры, савиры), которые столь же быстро и исчезали, уступая место более сильным соперникам. Наиболее крупные из них сложились в VI в. и известны нам под наименованием утигуров и кутригуров. И те, и другие представляли собой союзы племён, объединённые тем, что все они относились к народам тюркской языковой семьи. Утигуры обитали в восточной части побережья Азовского моря, к востоку от Дона. Кутригуры располагались за Доном, к западу от них. Византийский историк Прокопий Кесарийский и тех, и других называет гуннами, что однозначно свидетельствует об их происхождении. Более того, он указывал, что некогда утигуры и кутригуры были одним народом.

Близкое соседство с крымскими владениями Византийской империи привело к установлению тесных контактов между вождями кочевников и византийцами. Особо сильному влиянию подверглись **утигуры**, которые

непосредственно граничили с византийскими владениями. Один из гуннских князей – Грод[1] настолько сблизился с византийцами, что прибыл в Константинополь, где принял христианство, а затем сделал неудачную попытку насадить новую религию среди своих подчинённых. Византийский автор Феофан Исповедник сообщает об этом следующее: *«Царь гуннов, став христианином и отправившись в свою страну, нашёл своего брата и рассказал ему о расположении и щедрости императора и о том, что он стал христианином. Взяв статуи, которые гунны почитали, он переплавил их, а были они из серебра и электрона. Гунны разъярившись, сговорились с его братом и убили Горду, царём же сделали его брата Муагериса»* (Феофан Исповедник, 1980, с. 51).

Изображение раннесредневекового всадника-победителя на сосуде из Надь-Сент-Миклошского клада, найденного на территории Венгрии.

Близкие контакты с византийцами привели к тому, что проживающие в Приазовье гуннские племена попали в паутину византийской дипломатии, которую абсолютно не устраивало наличие мощных союзов кочевников рядом с границами Империи. Используя противоречия между утигурами и **кутригурами**, византийцы натравили их друг на друга и вызвали долгую и беспощадную войну. Эта война измотала и ослабила племенные союзы настолько, что они в скором времени исчезли со страниц истории.

В этот же период в южнорусских степях появляются первые упоминания о протоболгарских племенах. Вопрос о времени их появления в степях Восточной Европы изучен плохо. Существовала точка зрения, что они представляли группу тюркоязычных племён, проникших на эту территорию ещё в догуннскую эпоху. Другие исследователи считают, что болгарские племена появились в южнорусских степях вместе с гуннами. Так или иначе, влияние гуннского компонента на формирование протобулгар, по всей видимости, было весьма значительным. В IV в. исторические источники фиксируют их в степях Предкавказья. В V-VI вв. они уже совершают периодические набеги на владения Византии, после чего византийские историки всё чаще упоминают о болгарах, как сильном и воинственном народе.

[1] В источниках встречаются разночтения этого имени: Грод, Горд, Гордий, Горда.

Золотые пряжка и браслет из клада, найденного у села Малая Перещепина Полтавской области. VII век.

В середине VI в. в южнорусские степи пришла очередная крупная кочевая орда из Центральной Азии. Начало этому нашествию положил разгром тюрками племенного союза, известного в китайских источниках под именем жуань-жуаней (или жужжаней), которые бежали на запад. На землях, где они прежде проживали формируется кочевая империя – Тюркский каганат. Перемещение жужжаней сопровождалось покорением и присоединением других народов, благодаря чему в степи Восточной Европы пришла крупная орда, состоящая из тюркских, угро-финских и иранских кочевых племён, известных под общим именем **авары**. Племена южнорусских степей были покорены аварами, которые сами надолго не задержались на этой территории. Они переместились в Подунавье и основали в Паннонии своё государство – Аварский каганат.

Вслед за аварами в степях Предкавказья появились орды их недругов тюрков, которые в 576 г. захватили Тамань и Боспор. Проживающие на этих землях протобулгарские племена попали под контроль новых хозяев, владычество которых было для них нелёгким. Через некоторое время булгары восстали, и это восстание было со страшной жестокостью подавлено тюрками. Византийский историк Феофилакт Симокатта, описывая огромное количество погибших, указывает, что трупы убитых были рассеяны по степи на протяжении четырёх дней пути. Тюркский каганат не являлся прочным образованием, и через несколько десятилетий в нём началась мощная междоусобица. В процессе междоусобицы государство сильно ослабело, его боспорские и таманские владения были утрачены и вновь отошли к Византии. Распад I Тюркского каганата позволил протобулгарским племенам освободиться из-под власти тюрок и дал толчок к их консолидации. Именно в борьбе с тюрками и аварами у протобулгар начинается формирование крупного племенного объединения, известного в византийских источниках под наименованием – **Великая Булгария**. В появлении этого дружественного ей образования была заинтересована и Византия, которой требовался надёжный союзник как против тюрок на востоке, так и против авар на западе.

1

2

Амулеты эпохи Великого переселения народов:
1 – Белосарайская коса (из собрания Мариупольского краеведческого музея);
2 – село Приморское Новоазовского района (из собрания «Музей Г.Я. Седова» пгт Седово).

Согласно сообщению византийского автора Никифора, в 619 г. в Византий прибыл государь гуннов *«прося императора посвятить его в таинства христиан»*. Во время этого визита был крещён как владыка гуннов, так и все его окружение. После обряда крещения император посвятил гуннского предводителя в сан патрикия и с богатыми дарами отпустил обратно. Указанным предводителем гуннов был булгарский вождь Органа (Ураган), который уже тогда руководил мощным союзом протоболгарских племён. Скупые сообщения средневековых хроник не упоминают о прочих подробностях этого визита, который, вне всяких сомнений, состоялся не из-за того, что булгарский хан вдруг задумал стать христианином. Именно в этом году над недавно освободившимися от тюрок булгарами, да и над собственно византийцами нависла серьёзная угроза. Смута в Тюркском каганате окончилась, и начался новый период его возрождения, сопровождавшийся экспансией этого государства на запад. Заложником в Константинополе был оставлен малолетний племянник Органы – Кубрат. Он вырос в Константинополе, при византийском дворе, где был крещён и воспитан в византийских традициях. Кубрат был в настолько хороших отношениях с византийским императором Ираклием, что, будучи булгарским ханом, помогал его сыну Ираклиону в борьбе за престол Империи. Таким образом, после смерти Органы на престол булгарского союза был поставлен достойный преемник и друг византийцев, чего Империя давно желала.

О местоположении Великой Булгарии Кубрат-хана византийский историк Феофан Исповедник сообщает следующее. *«В северных проти-*

1

2

Средневековые предметы времён Великой Болгарии:
1 – серьга пастырского типа и фибула из разрушенного погребения у города Ясиноватая (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея);
2 – фибулы из разрушенного погребения у села Новопавловка (из собрания Мариупольского краеведческого музея).

воположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от Океана по земле сарматов, и называемая Ателъ, в которую впадает река, называемая Танаис,…а от слияния Танаиса и Ателя, выше уже названного Меотидского озера…течёт река, называемая Куфис и впадает в край Понтийского моря поблизости от Некропил у мыса, называемого Баранья морда. …в землях, прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис, где ловится булгарская рыба ксистон, простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменные булгарам котраги» (Феофан Исповедник, 1980, с. 60-61). Судя по этому длинному и достаточно путаному описанию, основная часть Великой Булгарии располагалась в Восточном Приазовье и в Верхнем Прикубанье. Вполне вероятно, в неё могла входить и какая-то часть степей Северо-Восточного Приазовья. Насколько велика была эта территория, по имеющимся в распоряжении материалам сказать трудно.

Археологические находки этого сложного периода, насыщенного событиями и перемещениями народов, в пределах Донецких степей достаточно немногочисленны. Большая часть их представлена византийскими монетами, найденными на территории Северо-Восточного Приазовья, в районе населённых пунктов Новоазовск, Безыменное, Кальчик. Показательно, что среди этих монет присутствуют не только золотые солиды, столь любимые варварами, но и обыкновенные медные фоллисы, предназначенные для

внутреннего обращения в Империи. Встречаются подобного рода находки и севернее. Так, у села Лимаревка Беловодского района была найдена серебряная сасанидская ваза, а также золотая монета византийского императора Юстина I (518-527). Несколько золотых монет Юстиниана I (527-565) было выявлено на территории Луганска. Из-под села Нижняя Дуванка происходит медная монета Константина IV с братьями Ираклием и Тиберием (668-669). Особый же интерес представляет находка у села Белояровка Амвросиевского района, где в 1913 г. был обнаружен клад из 50 золотых монет византийского императора Юстиниана I (527-565). Все эти монеты отличались от обычных солидов, обращавшихся на территории Византии, тем, что они имели меньший вес. Кроме этого, на них присутствовала характерная деталь: на реверсе, в нижней части монеты, вместо места чеканки стояло обозначение ОВХХ. Монеты этого типа известны и в других комплексах и кладах эпохи Великого переселения народов, выявленных в различных областях варварского мира. По мнению специалистов, этот тип монет, уменьшенного веса выпускался в Византии специально для выплат варварам.

На песках Белосарайской косы был подобран амулет в виде небольшой человеческой фигурки, аналоги которому имеются среди древностей этого неспокойного времени. Ещё один подобный амулет был выявлен близ села Приморское Новоазовского района.

Отдельную группу находок составляют два женских захоронения, найденные в степной части региона. Несмотря на то, что оба погребения дошли в разрушенном виде, подобного рода материалы свидетельствуют об обширных связях населения Донецких степей в VII в. Одно из захоронений было обнаружено у села Новопавловка Волновахского района. С погребённой были положены две парные фибулы и серьги с многогранником, близкие аналоги которым имеются в древностях крымских готов.

Не менее интересным представляется комплекс из разрушенного захоронения, выявленного близ города Ясиноватая. Из инвентаря сохранились серьга пастырского типа и фибула, характерная для древностей Среднего Поднепровья. По всей видимости, в обоих случаях это были захоронения женщин, происходящих из иных регионов, которые попали в степь в результате межплеменных контактов и были погребены в одежде и с украшениями, характерными для их народов.

Великая Булгария была достаточно рыхлым образованием, власть в котором целиком держалась на авторитете её создателя. Вне всяких сомнений, Кубрат-хан был выдающейся личностью. Такие люди рождаются раз в несколько столетий, и не у каждого народа. Это он сам прекрасно понимал, и перед смертью завещал сыновьям своим жить в мире и взаимопонимании. О последующих событиях византийский автор Феофан Исповедник повествует. *«Он оставил пять сыновей, завещав им, ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы*

они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу. Но спустя недолгое время после его смерти, разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом. Первый же сын [Кровата – Кубрата] по имени Батбаян, храня завет отца своего, оставался на земле предков доныне. А второй его брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис, поселился напротив первого брата. Четвертый же и пятый, переправившись через реку Истр, также именуемую Дунай, один оставался в подчинении, вместе со своим войском, у хагана аваров в Паннонии Аварской, а другой, достигнув Пентаполя, что у Равенны, попал под власть империи христиан.

Наконец, третий из них, по имени Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла – реки, севернее Дуная, поселился между первым и последним, рассудив, что место это отовсюду укреплённое и неприступное: спереди болотистое, с других же сторон окружённое, как венцом, реками, оно позволяло народу, ослабленному разделом, отдохнуть от нападений врагов» (Феофан Исповедник, 1980, с. 61).

Рассказ, повествующий о распаде Великой Булгарии, предваряет описание событий последующего времени, которые привели к новым перемещениям народов в Южнорусских степях. Их следствием стало возникновение крупнейшего государства эпохи раннего средневековья – Хазарского каганата, в течение двух столетий державшего под своим контролем значительную часть степей Восточной Европы и Северного Кавказа.

Глава 5. Донецкий край в составе Хазарского каганата

Отступление хана Аспаруха из родных степей на Дунай было связано с конкретными историческими обстоятельствами. Ослаблением булгарского союза племён не замедлили воспользоваться их соседи на востоке – **хазары**. Происхождение этого народа окутано мраком. В его формировании принимали участие племена тюркской, возможно, иранской и угорской групп народов. Так или иначе, внешний вид и язык хазар позволял соседям относить их к «гуннам», что свидетельствовало о том, что хазары были тюркоязычным народом. Изначально хазары выступали вместе с тюрками, являясь их авангардом. Распад Западно-Тюркского каганата, сопровождаемый междоусобицами, стал причиной того, что к хазарам перебрался кто-то из потомков тюркских каганов, происходивших из правящего рода Ашина (Волк). Этот, как будто незначительный факт, сыграл важную роль в дальнейшей истории.

В формировании степных империй, возглавляемых тюрко-монгольскими кочевниками, огромное значение имели люди, происходившие из родов, обладавших потомственным правом на **каганскую власть** (императорскую, в европейском понимании этого слова). Это было связано с сакрализацией личности кагана, который воспринимался, как священный правитель. Приход к власти представителя иного рода считался святотатством и нарушением установленного богами порядка. Подобное ничего хорошего не сулило не только человеку, посягнувшему на священный престол, но и всему населению подчинённого ему государства. В том случае, если каган был слабым правителем, рядом с ним мог находиться человек не из каганского рода, который реально управлял империей. Но объявить правителем себя он не имел права, так как в этом случае его убили бы собственные подданные. Так было у древних тюрок, во главе которых стояли каганы из рода Ашина. Так же было и у монголов, где право на управление империей, а в дальнейшем, и государствами, возникшими на её руинах, имели только потомки «золотого» рода Чингис-хана. Именно чингизиды, согласно Ясе (своду законов) являлись безраздельными хозяевами огромного государства, созданного Чингис-ханом, всех его богатств, а также людей, проживающих в его пределах. Представители иных родов не допускались к власти. Согласно Ясе, если человек, посягнувший на каганскую власть, не принадлежал к золотому роду, его необходимо было сразу же убить. Показательно, что даже такой сильный правитель и всемирно известный завоеватель, каковым являлся среднеазиатский эмир Тимур, не осмелился объявить себя ханом, поскольку он не являлся потомком Чингис-хана. Стремясь

решить проблему власти, он отнял у одного из своих противников жену-чингизидку, и женился на ней. После этого, во время всего своего длительного и славного правления, он именовал себя скромным титулом «гурган», т.е. «зять». Зато его потомство от этой женщины, не столь богатое талантами, имело больше права на власть, чем их славный отец.

Таким образом, приход к хазарам человека из рода Ашина, который имел право на каганскую власть, позволил хазарам не только закрепить свою самостоятельность, но и дал им возможность на создание собственного Каганата (степной кочевой империи). Именно с этого времени начинается эпоха хазарских завоеваний.

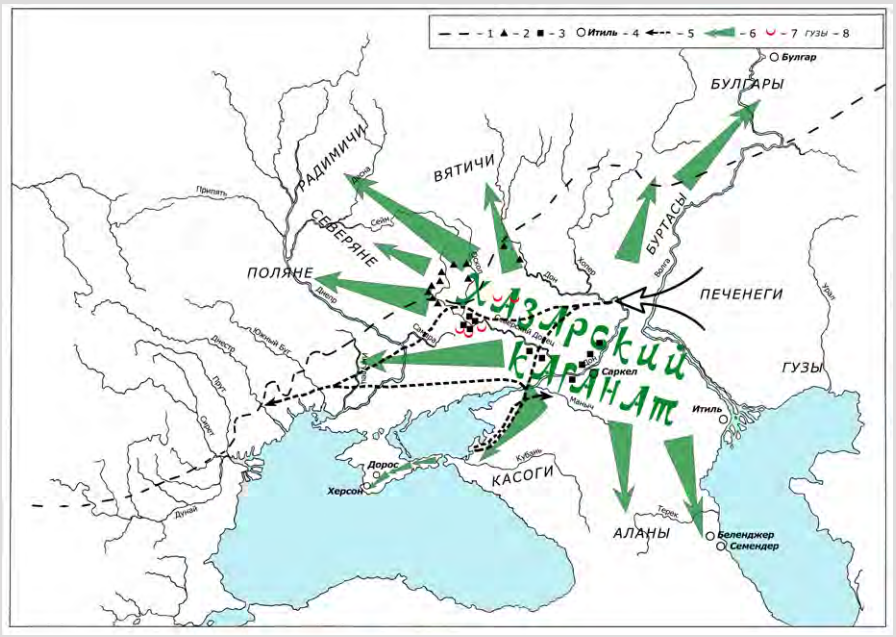
К середине VII в. хазары превращаются в могущественную политическую силу. Отправной точкой в этом процессе стало подчинение родственных им сильных и многочисленных булгарских племён. Феофан Исповедник, византийский автор, живший и писавший в начале IX в., так повествует о событиях, которые произошли после распада Великой Булгарии. *«Так, после того, как они (булгары) разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону, вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне»* (Феофан Исповедник, 1980, с. 61).

Именно завоевание значительной части булгар заставило хана Аспаруха, не желавшего признать власть хазар, покинуть родную землю. Его путь был далёк и труден, но он имел совершенно неожиданное завершение. Прибыв на север Балканского полуострова, булгары подчинили своей власти проживавшие там славянские племена. На процесс консолидации тюрок со славянами ушло несколько столетий, которые прошли в постоянной борьбе с внешними врагами. К X в. на этой территории уже проживал народ, говоривший на языке славянской группы, историческая память которого сохранила имя и деяния далёких тюркских предков, пришедших на Балканы из южнорусских степей.

Становление Хазарского каганата

Возникновение и становление хазарского государства проходило на фоне непрекращающихся войн. Грузинские и армянские источники этого времени пестрят сообщениями о многочисленных военных походах хазар в Закавказье и на Северный Кавказ, приводя «красочные» подробности, от которых кровь стынет в жилах. Современники событий сообщают ряд интересных сведений о новом народе, его нравах, религии, обычаях.

Как уже отмечалось, хазары относились к народам тюркской языковой семьи и представляли собой союз племён, каждое из которых сохраняло достаточную степень самостоятельности. Изначально они вели кочевой



Хазария в VIII-IX вв. (по С.А. Плетёнвой): 1 – границы леса с лесостепью; 2 – хазарские городища с каменными стенами VIII-IX вв.; 3 – городища с земляными укреплениями; 4 – города, упоминаемые в письменных источниках; 5 – путь печенегов по южнорусским степям в конце IX в.; 6 – направление экспансии Хазарского каганата в VIII-IX вв.; 7 – мусульманские некрополи; 8 – названия народов.

образ жизни, хотя в условиях Приморского Дагестана, граничащего с территориями, имевшими давние оседлые традиции, часть кочевников, достаточно рано начала оседать на землю. На этой территории упоминаются многочисленные населённые пункты, в том числе и города Семендер, Беленджер, Варачан. Вполне вероятно, они первоначально относились к Кавказской Албании, так как в них проживало население с давними традициями осёдлости. Так или иначе, точное место нахождения этих городов пока не локализовано. Столицей каганата стал г. Итиль, расположенный где-то в низовьях Волги.

В настоящее время выдвинуто несколько предположений о том, где конкретно находилась хазарская столица. Несколько раз на страницах научных и, особенно популярных изданий появлялись сообщения о том, что остатки Итиля найдены. Л.Н. Гумилёвым даже была издана книга, в которой сообщалось о том, что согласно его расчётам, древний город был смыт рекой. Производимые в недавнее время раскопки Са-

1

2

3

1 – языческая тризна на городище у села Маяки; 2 – амулет из хазарского погребения на территории города Тореза, шахта № 19; 3 – копоушка в виде дракончика с городища у села Сидорово (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

мосдельского городища, расположенного в низовьях Волги, прибавили учёным энтузиазма и надежды, что остатки великого хазарского города наконец, обнаружены. Но этот энтузиазм быстро иссяк. Ныне ясно, что Самосдельское городище, в крайнем случае, может быть остатками средневекового города Саксин, но никак не Итилём, если, конечно, не учитывать версию, что Саксин мог быть построен на том месте, где ранее располагалась столица Хазарии. Таким образом, вопрос о местонахождении остатков хазарской столицы пока что остаётся открытым. Раскопки этого населённого пункта могли бы пролить свет на многие вопросы хазарской истории, которые ныне представляются слабо изученными либо неизученными вовсе.

Хазары были язычниками и, как большинство родственных им народов, поклонялись богам тюркского пантеона, верховным божеством в котором был Тенгрихан (Вечное Синее Небо). Источники упоминают о священных рощах и расположенных в них капищах и идолах.

Уже в VII в. производились попытки распространить среди хазар христианство, что увенчалось кратковременным успехом. Так или иначе, какая-то часть хазар стала христианами. Распространение этой религии в основном происходит на тех территориях, которые были близки к землям Византийской империи или имели с ней обширные культурные и торговые связи. К таковым землям, в первую очередь, относились хазарские владения на Северном Кавказе и в Крыму.

Об общественном строе ранних хазар известно мало. Тем не менее, уже в это время есть упоминания о **тарханах** – наследственной знати,

не облагаемой какими-либо повинностями. Главой государства являлся каган. Согласно древнему обряду, когда его выбирали, будущего владыку душили шёлковым шнуром, до состояния беспамятства, после чего спрашивали, сколько лет он намерен править. Если каган правил большее число лет, чем указал ранее, его убивали и выбирали нового. При кагане находился гарем из дочерей правителей подвластных ему племён, которые, фактически являлись заложницами.

Хазарское завоевание ознаменовалось мощными перемещениями степного населения. К 80-м гг. VII в. власть хазар распространилась на всё Северное Причерноморье и Крым. В это же время хазары появляются и в Поднепровье. Вполне вероятно, памятником их пребывания на этой территории служит знаменитый Вознесенский комплекс, который был раскопан в пределах нынешнего города Запорожье. Он представлял собой ровную прямоугольную площадку с одной закруглённой стороной, внутренние размеры которой составляли 62 м в длину и 31 м в ширину, которая была ограждена валом из земли и камней. Сооружение располагалось на верхушке плато, с которой просматривалась окружающая местность на большое расстояние. В восточной части площадки находилось выложенное из камней кольцо диаметром около 9 м. Внутри него раскопаны две ямы, меньшая из которых была заполнена предметами. На дне её лежали три стремени, богато украшенные портупеи, ножны трёх палашей, обложенные золотом. Здесь же были части конской сбруи, украшенной узорчатыми бляшками, количество которых достигало 1400 экземпляров. Кроме них, в яме находились массивные серебряные навершия византийских штандартов (военных знамён) в виде фигуры льва и орла. О богатстве содержимого этой ямы свидетельствует тот факт, что общий вес только золотых изделий составлял 1,2 кг. Кроме того, в яме находились многочисленные железные предметы: удила, стремена и несколько наконечников стрел. Сверху в наполненную вещами яму были воткнуты три однолезвийных меча-палаша с такой силой, что они сломались. Вторая яма имела бóльшие размеры, чем первая, и была полностью завалена камнями. В ней находились наконечники стрел и отдельные кости лошадей, часть которых несла на себе следы воздействия огня. Изначально учёными была выдвинута точка зрения, что указанный комплекс представляет собой место захоронения какого-то хазарского военачальника или отряда воинов, погибших во время похода. Тем не менее, никаких следов кремации в пределах площадки обнаружено не было. Скорее всего, комплекс представлял собой поминальный храм с жертвенной ямой, близкий сооружениям, которые были раскопаны на территории Монголии в Кошо-Цайдаме, и на территории Тувы в Сарыг-Булуне. Этот храм, вероятно, был посвящён памяти какого-то безвестного хазарского кагана, умершего в далёком походе на Запад.

Штурм города. Изображение на серебряном блюде VIII-IX вв. (по В.П. Даркевичу).

Уже в первый период своей истории молодое Хазарское государство столкнулось с очень серьёзным противником, каковым являлись арабы, пытавшиеся продвинуться на Северный Кавказ с целью распространения ислама на территорию Восточной Европы. Вся вторая половина VII в. прошла в кровопролитной борьбе против Халифата, которая привела к разорению Закавказья и кавказских владений Хазарии. Столкновение завершилось арабо-хазарскими войнами 30-х гг. VIII в. В 737 г. противостояние вошло в решающую стадию. В пределы Хазарии вторглась огромная армия, руководимая известным арабским полководцем Масламой ибн-Марваном. Были взяты все основные хазарские города. Каган во главе своей армии начал отступление вверх по Волге. В состоявшейся здесь битве войско кагана потерпело сокрушительное поражение. Побеждённый хазарский владыка согласился принять ислам. Реально же это была попытка выиграть время, чтобы затем выровнять ситуацию. Уже в середине VIII в. вновь начинаются военные столкновения между хазарами и арабами, а более или менее широкое распространение ислама в хазарских городах наблюдается не ранее второй половины IX столетия.

Тем не менее, авторитет кагана был подорван. Вполне вероятно, именно после этих событий начинается возвышение бека-царя, который в дальнейшем стал обладать огромными полномочиями. Каган же остался священным правителем, олицетворением государства, лицом, лишённым реальной власти. Согласно данным источников IX-X вв. именно бек обладал верховной властью и управлял войсками. По сообщению арабского автора Ибн Русте: *«Царь у них называется Иша (Шад, бек – Э.К.); верховный же государь у них – Хазар-Хакан. Но этот последний только по имени государь, действительная же власть принадлежит Иша, так как он относительно дел управления и распоряжения войсками, занимает положение такого рода, что не даёт отчёта никому, кто стоял бы выше него»* (Хвольсон, 1869, с. 16). Бек всячески показывал своё почтение к кагану, при этом поступая в решении всех важных государственных вопросов так, как ему заблагорассудится. В дальнейшем это двоевластие сыграло для государства роковую роль.

Салтово-маяцкая археологическая культура

Арабо-хазарские войны, продолжавшиеся много лет, истощили северокавказские владения Хазарии и вызвали перемещение населения на её западные территории, не разорённые военными действиями. В это время на реках Дон, Северский Донец, Оскол, появляется огромное количество поселений. Здесь формируется яркая **салтово-маяцкая археологическая культура**, являющаяся материальной культурой населения Хазарского каганата. Она получила своё наименование от двух эталонных памятников, один из которых представляет собой крупное городище, сопровождаемое многочисленными могильниками у села Верхний Салтов под Харьковом. Второй памятник, расположенный на реке Тихая Сосна в Воронежской области, является городищем с каменными стенами. Оба они находятся в лесостепной зоне, к северу от Донецких степей. Городища сопровождаются некрополями с катакомбным обрядом погребения. Могилы на таких кладбищах сооружались следующим образом: перпендикулярно склону рылся узкий вход – дромос, завершающийся пещеркой (катакомбой), в которую укладывали покойника вместе с сопровождающим его инвентарём. Подобного рода погребения были широко распространены на Северном Кавказе, в областях компактного проживания аланского населения. Судя по всем признакам, значительная часть алан пришла в лесостепь из областей Пятигорья и Чечни. Здесь они смешались с местным праславянским населением, пришлыми булгарами и группами тюркских племён. Чуть позже к ним добавился и венгерский (угорский) этнический компонент. Таким образом, в лесостепи, в верхнем течении Оскола, Северского Донца, на правых притоках Дона шло формирование нового населения, которое оставило огромное количество поселков, каменные крепости, крупные городища. Площадь одного из самых больших и известных памятников, расположенного у села Верхний Салтов, превышает 300 га, что, наряду с многочисленными яркими материалами, происходящими с этого городища, давало исследователям достаточно обоснованный повод называть этот пункт городом. По масштабам того времени, таких поселений было немного, даже в развитой Передней Азии, не говоря уже о варварской Европе. Расцвет данных поселений наступил несколько столетий спустя. В связи с тем, что значительная часть лесостепного населения являлась потомками аланов, эти памятники характеризуются, как аланский вариант салтово-маяцкой культуры.

Южнее области проживания аланов простирались степи, занятые протобулгарскими племенами. Перемещение их из степной зоны в среднее течение Северского Донца также привело к появлению здесь своеобразного варианта салтово-маяцкой культуры, именуемого булгарским. Булгары, как и аланы, пришли не на пустующие земли. Ими было асси-

милировано немногочисленное славянское население, проживавшее на Северском Донце и Осколе. По всей видимости, с влиянием славянского компонента связано широкое распространение в салтовских жилищах печей-каменок, которые встречаются наряду с иными типами отопительных сооружений (открытые очаги в центре помещения или у одной из стен), характерными для недавно осевших кочевников. Особенно часто печи-каменки присутствуют на крупных населённых пунктах. Так, на археологическом комплексе у с. Сидорово они составляют до 40% от общего количества выявленных на памятнике отопительных сооружений. Обращает внимание и то, что в некоторых полуземлянках такие печи расположены у входа и развёрнуты устьем поперёк него, что сближает их с жилищами широко распространёнными в рассматриваемое время в ареале расселения славянских племён. Кроме славян в процессе формирования нового населения приняли различные группы тюрок и венгры. Так, на булгарских могильниках фиксируется до пяти вариантов погребального обряда, что свидетельствует о том, что и здесь шёл активный процесс смешения разных племён в единый народ. На этих могильниках следует остановиться особо.

В 1903 г. известный российский исследователь В.А. Городцов, во время раскопок в среднем течении Северского Донца, обнаружил средневековое кладбище. Оно прилегало к маленькому поселению, одному из сотен подобных поселений, разбросанных по берегам Северского Донца и его притоков. Погребения были произведены в простых грунтовых ямах и содержали небогатый инвентарь, что свидетельствовало о том, что некрополь был языческим. Как правило, с покойником находился один или два сосуда, в которых ранее была пища или питье, необходимые для дальней дороги, каковой являлась дорога на тот свет. Присутствовала и мясная пища, от которой обычно сохранялись кости овцы или барана. Остальные предметы были представлены бляшками от наборных поясов, бусами, перстнями, колечками и прочими предметами обихода или деталями костюма. Сопоставление этого могильника с аналогичными кладбищами, расположенными на территории Дунайской Болгарии и в Среднем Поволжье показало, что все эти некрополи принадлежали булгарскому оседлому населению. Так как могильник, описанный нами, располагался у хутора Зливки (находится близ нынешнего села Ильичёвка Краснолиманского района), то все такие кладбища были названы могильниками «зливкинского» типа. В настоящее время в среднем течении Северского Донца известно более 40 подобных некрополей. Все они вытянуты вдоль течения реки, или находятся к востоку от него.

К западу и югу от Северского Донца, вплоть до Азовского побережья, ситуация резко меняется. Здесь расположены многочисленные сезонные поселения, связанные с кочевым населением. С кочевниками соотносятся и курганные захоронения, которых выявлено немного. Одно из них было

Протоболгарское погребение «зливкинского» типа. Сидоровский археологический комплекс.

найдено при разработке карьера кирпичного завода в городе Славянск. При покойнике находился лепной горшок и керамическая фляга крымского производства. Близкого вида фляги происходят из разрушенных курганных захоронений у хутора Бурлацкий в Великоновоселковском районе и возле шахты № 19 в городе Торез. В последнем захоронении присутствовали амфора крымского производства и половинка византийской золотой монеты – солида императора Льва III (717-741). Среди прочих находок в захоронении находились: амулет, железный подвес от кистеня и воинский пояс, украшенный бляшками. Указанные пояса, выполнявшие у средневекового населения степи роль своеобразных знаков отличия, встречаются у кавказских народов вплоть до наших дней. Количество и качество бляшек показывали ранг воина и его положение в обществе.

Ещё одно курганное погребение этого времени, разрушенное при строительных работах на территории посёлка Артёма в городе Славянск, содержало слабо изогнутую саблю. Сабли этого времени крайне интересны. Эти самые ранние сабли появились сначала у кочевого населения степей Восточной Европы. Именно отсюда они широко распространились на другие территории, постепенно вытесняя такой древний вид оружия, как меч. Свидетельством этого является знаменитый меч Карла Великого, представляющий не что иное, как обыкновенную, богато украшенную степную саблю. Распространение сабли происходило очень быстро, и в дальнейшем сабля внесла существенные коррективы в приёмы ведения конного боя.

Особый интерес представляет курганное захоронение, раскопанное у села Новониколаевка в Славянском районе. Под невысокой насыпью находилась площадка, ограждённая квадратным ровиком, в центре которой располагался бревенчатый настил. К востоку от него находилось 13 конских черепов, развёрнутых мордой к деревянной конструкции. Погребение в кургане обнаружено не было. Скорее всего, указанный комплекс представлял собой языческое святилище, однако, не исключено, что это было все-таки захоронение, близкое могилам хазарского времени, обнаруженным в Поволжье.

Многочисленные сезонные кочевья, разбросанные по берегам степных рек, имеют достаточно характерный облик. Для них использовались мысовидные площадки, у места слияния двух балок. Таким образом, поселение располагалось близ воды и одновременно было ограничено естественными преградами, что имело значение как в обороне собственно стойбища, так и в охране скота, который являлся основным богатством кочевника. Раскопки поселений такого типа производились в Приазовье. На них были выявлены не только остатки наземных сооружений, но и котлованы углублённых в грунт стационарных построек. Наличие их было связано с тем, что такого рода поселения представляли собой остатки зимовий, на которых постоянно находилась какая-то часть населения (обедневшие кочевники и старики).

Гораздо реже встречаются стойбища с иным топографическим расположением. Одно из таких сезонных (весенне-летних) кочевий было выявлено при раскопках поселения Казачья Пристань у посёлка Райгородок Славянского района. Оно располагалось у места слияния двух крупных рек (Северский Донец и Казённый Торец) близ древнего брода, на небольшой площадке, возвышающейся посреди обширных пойменных лугов. Эта площадка была единственным местом, на котором можно было поставить жилища на сильно обводнённой территории. Раскопки показали, что данное место в течение многих веков использовалась кочевым населением. Сюда пастухи пригоняли скот уже в эпоху бронзы. Здесь выпасали свои стада скифы, сарматы, протобулгары. Жилых построек на площадке выявлено не было, что свидетельствует в пользу того, что строения, скорее всего, представляли собой лёгкие наземные сооружения, остатки которых были размыты в результате ежегодных разливов рек, во время которых эта площадка полностью скрывалась под водой.

Уникальным является сезонное стойбище, выявленное неподалёку от села Грузское Добропольского района, расположенное на дне широкой балки. На памятнике также не было мощного культурного слоя и обычных для средневековых поселений углублённых в землю построек. Находки представляли собой скопления керамики и колотых костей животных, по которым чётко читалась поверхность земли того времени, когда в балке остановилась группа людей. Судя по всему, этот коллектив был неве-

Привозная керамика на памятниках салтово-маяцкой культуры Донецкого края: 1 – фрагмент кружки крымского производства из помещения 19 на Сидоровском археологическом комплексе; 2 – амфора крымского производства 2-я половина IX – 1 половина X вв., село Сидорово Славянского района; 3 – пифос крымского производства из села Ленинское Володарского района (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

лик, так как на плоском дне балки могли поставить жилища только несколько семей, насчитывающих не более 30-40 человек. Постройки, в которых они жили, представляли собой лёгкие наземные шалашевидные сооружения, в центральной части которых располагался очаг. Кочевники использовали балку в течение ряда лет. Жилища старались ставить на одном и том же участке, благодаря чему, места их расположения читаются в виде ровных площадок, заполненных втоптанными в землю обломками керамических сосудов, костями животных и, иногда, сломанными или утерянными предметами. В центральной части каждой такой площадки, как правило, располагалось несколько разновременных кострищ, одно из которых (самое последнее) читалось хорошо, а остальные были слабо различимы. Среди многочисленных костей, встреченных на поселении, абсолютно преобладают кости лошади, что свидетельствует о том, что основой хозяйственной деятельности проживающего на памятнике населения было коневодство. Скорее всего, зимнее время года кочевники проводили в Приазовье, а в балку возвращались, когда напоенные весенними водами степи покрывались высокой, сочной травой. На старых обжитых площадках вновь ставились жилища и зажигались костры. Скот выгоняли на пастбища, расположенные в балочных и речных долинах. Жизнь шла своим чередом. Мужчины пасли скот. Женщины в керамических лепных котлах готовили пищу. Собственно, место, где располагался лагерь, позволяло мужчинам отдаляться от него на значительные расстояния, так как балка хорошо скрывала своих обитателей не только от сильных степных ветров, но и от чужих глаз. С неё же открывался прекрасный обзор на

1

2

Предметы хазарского времени с территории Донецкого края
1 – кувшины, кубышка и горшок салтово-маяцкой культуры; 2 – детали поясных наборов с городища Маяки (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

вершины соседних холмов. Благодаря этому в случае опасности у жителей кочевья было время, чтобы подать сигнал мужчинам, или попытаться скрыться.

При передвижении по бескрайним степным просторам было важно, чтобы лагерь был в достаточной мере обеспечен водой. В связи с этим маршруты перекочёвок обычно пролегали близ колодцев, родников, речных русел и прочих водоёмов, где можно было пополнить её запасы. В лагерях же кочевников для хранения воды использовались кожаные бурдюки и амфоры, которые представляли собой уникальное изобретение древних. Прочные, удобные для транспортировки двуручные сосуды из красной глины, которые в огромном количестве производились в Крыму и на Тамани, пользовались большой популярностью у кочевого населения степи.

Амфоры, наполненные вином и маслом, привозили из далёкого Крыма. Значительную часть их степняки могли получать в качестве оплаты за охрану караванов, проходящих через степные земли. Когда содержимое было использовано, сами сосуды, наряду с изготовлявшимися на месте кожаными бурдюками, ещё долго служили для хранения воды.

Осколками амфор, своеобразных бутылок древности, усеяны стойбища кочевников, разбросанных по бескрайним степям Северного Причерноморья. Кочевье у села Грузское, где обломки крымских амфор составляли более 80% посуды, не являлось исключением. Кроме них, на кочевьях частой находкой являются фрагменты лепных керамических котлов с внутренними петлями – ушками, через которые пропускались

верёвки, крепившие котёл на треноге над огнём и фрагменты лепных горшков.

Кроме керамики, среди находок было обнаружено небольшое количество костяных предметов. Один из них представлял собой вырезанную из обломка кости животного продолговатую пластину, с зазубриной на одном конце. В этом предмете угадывается заготовка концевой накладки для лука, в вырезе которой должна была крепиться тетива. От ещё одной находки веет языческими верованиями средневекового кочевого населения степей. Это тонкая медная пластинка, имеющая антропоморфные очертания. Подобные вещи, известные на памятниках более позднего времени (XIII-XIV вв.), представляют собой онгоны – детали шаманского костюма, изображающие духов, являвшихся помощниками шаманов в их камланиях. Ещё один амулет – передний зуб лошади с вырезами для подвешивания. Заполированность поверхности свидетельствует, что его носили длительное время. Подобные обереги встречаются и на поселениях оседлого населения, которое продолжало придерживаться древней веры своих прадедов.

Костяное горлышко от бурдюка начала X в. Село Сидорово Славянской район. Украшено изображением трилистника, характерного для древностей хазарского времени (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Мы, наверное, никогда не узнаем, что заставило кочевников покинуть насиженное место в уютной балке, которая давала им пристанище в течение многих лет. Нормализация ли обстановки в степи, или напротив, её ухудшение? Ясно только одно – они покинул её сами, поскольку никаких следов погрома на кочевье обнаружено не было.

Таким образом, кочевое население продолжало занимать ту часть степи, которая им искони принадлежала и была отлично приспособлена для ведения кочевого скотоводческого хозяйства. Маршруты перекочёвок были направлены с юга на север, с последующим возвращением на юг, где в глубоких балках в южной скалистой части Донецкого Кряжа располагались зимовища. В то же время, в областях с давними традициями осёдлости (каковыми являлись земли, прилегающие к Северскому Донцу) расцветала оседлая культура. Здесь располагались административные центры, руководившие не только жизнью оседлого населения, но и регулировавшие жизнь кочевых степняков.

В хазарское время в среднем течении Северского Донца, а также к северу и востоку от него вырастает большое количество крупных посе-

Городище Осиянская гора. Славянский район. В хазарское время представляло небольшое укрепление, охраняющее подступы к Маякам.

лений, которые сопровождаются грунтовыми могильниками. Некоторые из них имеют укрепления.

В настоящее время в среднем течении Северского Донца известно шесть городищ, которые существовали в хазарское время. Два из них (Осиянская Гора возле посёлка Донецкое и городище у села Татьяновка Славянского района) представляют собой небольшие укрепления, которые охраняли подходы к более крупным населённым пунктам. Ещё четыре городища: у сёл Маяки и Сидорово Славянского района и у посёлка Кировское и села Новосёловка Краснолиманского района – являлись остатками крупных центров.

Наиболее изученными являются городища у сёл Маяки и Сидорово Славянского района. Огромная площадь этих памятников (Маяки – 70 га, Сидорово – более 120 га), густая их застройка, крупные некрополи, прилегающие к жилой территории и богатый археологический материал, однозначно, свидетельствуют о высоком статусе этих поселений.

Крупный населённый пункт у с. Маяки представлял собой укрепление, расположенное на высоком холме, вокруг которого находились неукреплённые селища. Прилегающие к ним склоны холма и яров использовались в качестве кладбищ. Для строительства поселения было выбран удобный участок, у места впадения в р. Северский Донец крупной балки – Ложникова Яра, являвшегося руслом небольшой степной речушки.

Маяки. Восточный угол городища: виден эскарпированный склон. Славянский район.

До возникновения городища, на этом месте люди жили в течение многих сотен лет. Вначале возникло поселение на берегу реки, на месте ранее существовавшего здесь селища пеньковской культуры. В середине VIII в. жители этого поселения начинают постепенно заселять площадку на высоком холме, который прилегал к посёлку с западной стороны. В середине IX в. верхушка холма обносится укреплениями, склоны делаются более крутыми, при помощи эскарпов поселение на холме превращается в крепость. Собственно, рвы были не очень глубоки, а валы не имели большой высоты. Очевидно, что основной упор в защите населённого пункта делался не на неприступные укрепления, а на храбрость и мужество его защитников.

С самого начала населённый пункт становится крупным центром, жители которого занимались разнообразными ремёслами и торговлей. Свидетельством торговой деятельности населения являются находки весов, гирек, а также обрезки серебряных монет Арабского Халифата, драхм, выпущенных в Сасанидском Иране и **Табаристане** – регионе, расположенном на южном берегу Каспия. Многочисленные находки говорят о развитии разнообразных ремёсел. Так, среди материалов на территории памятника встречаются как матрицы и разнообразные формочки, служащие для отливки украшений, так и значительное количество готовых предметов: перстней, орнаментальных бляшек, подвесок и т.д. Частой находкой являются медные оковки чаш и детали сундучков.

Особенно много находок вещей из железа, ассортимент которых чрезвычайно разнообразен. Это орудия труда, бытовые вещи, посуда, предметы вооружения. На памятнике и в его окрестностях выявлен ряд кладов железных изделий. Судя по тому, что некоторые из них содержат сломанные предметы, эти клады могли быть зарыты кузнецами. В целом, коллекция железных предметов хазарского времени, происходящих из Маяков, является одной из самых крупных на памятниках салтово-маяцкой культуры. По всей видимости, на памятнике функционировал крупный центр, который обеспечивал своей продукцией все окрестные поселения.

На могильниках у села Маяки присутствуют погребения, произведённые по разным обрядам, что свидетельствует в пользу того, что на поселении проживали представители различных общин, объединённых по конфессиональному признаку. Наряду с погребениями язычников, не отличающихся от захоронений Зливкинского могильника, здесь присутствуют погребения без инвентаря, которые составляют абсолютное большинство. Появление таких кладбищ отражает процесс распространения мировых религий среди жителей крупных населённых пунктов. Исторические источники повествуют об этом применительно к центральным районам Хазарии – Северному Кавказу и Нижнему Поволжью. Там уже в IX в., проживали крупные общины, объединённые по принадлежности к определённой религии, и обладавшие достаточно широкими правами. Наряду с язычниками в городах Хазарии присутствовали христиане и мусульмане. По всей видимости, близкие процессы происходили и на западных окраинах этого государства.

Так, на некоторых кладбищах Маяков представлены захоронения близкие христианским, а на жилой части городища была найдена литейная форма, предназначавшаяся для отливки змеевика и крестовидной подвески. Присутствие среди населения Маяков христиан вполне объясняется широкими торговыми связями населения среднего течения Северского Донца с жителями византийского Крыма. В пользу их свидетельствует поистине огромное количество обломков амфорной тары крымского производства и присутствие на крупных поселениях фрагментов византийских стеклянных сосудов. На одном из некрополей Маяков имеются и захоронения, произведённые по мусульманскому обряду, что свидетельствовало и о наличии на поселении мусульман.

Ещё ярче следы присутствия мусульман читаются на археологическом комплексе у с. Сидорово, который является наиболее крупным памятником в рассматриваемом нами регионе. Поселение занимает высокий холм, на правом берегу Северского Донца, полого понижающийся к северу. Местность, выбранная для строительства населённого пункта, в нескольких местах пересекается глубокими балками, часть которых в древности была обводнена. Все эти естественные барьеры были успешно

приспособлены для нужд обороны строителями укреплений городища.

Как и Маяки, населённый пункт первоначально представлял собой несколько расположенных рядом небольших селищ, одно из которых находилось на площадке холма. Возник он, вероятно, в конце VIII в., о чём свидетельствуют находки монет.

Клад железных вещей, найденный на городище у села Сидорово Славянского района (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Самую многочисленную группу составляют восточные монеты, представленные, как и на Маяках дирхемами Халифата. Наиболее ранние из них выпущены Омеййадскими халифами и арабскими правителями Табаристана. Более поздние чеканены Аббасидами в конце VIII-начале IX вв. Все монеты носят следы длительного нахождения в обращении, что говорит о том, что использовались они и в IX в. и, возможно, в начале X века. Показательно практически полное отсутствие на донецких городищах более поздних, монет, выпускаемых в IX в. правителями Саманидской династии, правившей на территории Средней Азии. Это представляется тем более странным, что к северу, в лесостепной зоне, находки этих монет, поступавших по Волжскому торговому пути, весьма многочисленны. Вероятно, это отражает изменение направления торговых путей, возможно, как-то связанное с внутренними конфликтами, потрясшими каганат в IX в.

Немногочисленные находки византийских монет хазарского времени представлены, в основном, солидами VIII в. Присутствие на поселениях салтово-маяцкой культуры золотых монет императоров-иконоборцев является вполне нормальным явлением. Показательно, что из трёх известных находок – одна монета фрагментирована (около ½ целого экземпляра), а вторая обрезана по кругу. Монеты в подобном состоянии часто встречаются на территории Крыма, где обрезка монеты являлась не порчей, а была сознательной и, возможно, даже санкционированной властями акцией. Значительное количество подобным образом «испорченных» солидов содержал клад из села Анастасиевка на Кубани, монеты которого попали в этот регион с территории Крыма. Вполне возможно, что в Северное Приазовье и среднее течение Северского Донца солиды также шли из крымских владений Византии. Единичная находка медной

1

2

Археологический комплекс у с. Сидорово Славянского района. 1 – вид с воздуха на городище; 2 – вид из поймы реки. На восточном склоне холма отчётливо видны эскарпы.

византийской монеты императора Льва V пока является исключением. Тем не менее, присутствие таких находок (пусть и единичных) в закрытых комплексах IX-X вв. вместе со стеклом и тарой византийского и крымского производства, свидетельствуют о существовании в этот период активных связей населения региона с Византией, которые осуществлялись через степи Приазовья и Донецкого Кряжа.

В середине IX в. Сидоровское городище резко увеличивается в размерах, поглощает окрестные поселения и превращается в крупный центр. Тогда же возводятся валы и рвы, опоясывающие двумя линиями его укреплённую часть, и эскарпируются склоны холма. Собственно, с

этого периода по своим размерам (да и по значению) это поселение доминирует над всеми прочими населёнными пунктами региона. Раскопки показали, что его территория была густо застроена жилыми и хозяйственными сооружениями. Если ранее строения возводились на ровных участках, то теперь используются даже склоны, в которые полуземлянки врезались одной из сторон. Сами постройки отличались существенным разнообразием.

Зафиксированы как остатки наземных жилищ, так и углублённые в грунт полуземлянки, которые отапливались разнообразными отопительными сооружениями: очагами, расположенные в центре жилища или у одной из его стен, печами-каменками, глинобитными печами, камельками и даже тандырами. Такое разнообразие свидетельствует о том, что население Сидоровского городища использовало различные строительные традиции, и соответственно, имело пёстрый этнический состав. Пёстрым это население было и в конфессиональном плане. Как и на Маяках, на Сидоровском комплексе проживало несколько религиозных общин, среди которых присутствовали христиане и язычники.

О наличии на поселении христиан свидетельствуют находки крестов, близких находкам на территории ранневизантийского Крыма и присутствие на кладбищах безынвентарных погребений, идентичных захоронениям Маяков. О присутствии языческой общины говорят находки амулетов, а также следы исполнения обрядов, которые были зафиксированы при раскопках некоторых жилищ.

Так, в одной из построек очаг был перекрыт нижней частью крупного сосуда, на днище которого была навалена куча камней. Подобный обряд, связанный с оставлением жилища, находит аналоги в язычестве и абсолютно чужд как христианской, так и мусульманской обрядовой практике.

На памятнике известны захоронения, произведённые в хозяйственных ямах и в заброшенных постройках. В одной из ям был выявлен обрезок рога с нанесённой на нём короткой рунической надписью, выполненной так называемым кубанским руническим письмом, распространённым в среде протоболгарского населения. Вполне возможно, что данная надпись могла быть нанесена с обрядовой целью (проклятие или наведение порчи). В пользу этого свидетельствует место, где была сделана находка (яма, заполненная золой и пережжённым мусором, т.е. продуктами деятельности огня). Кроме этого, при въезде на городище был выявлен языческий могильник, близкий протоболгарским некрополям зливкинского типа

Но абсолютно преобладала мусульманская община, представители которой доминировали на этом поселении. Мусульманские кладбища археологического комплекса у села Сидорово начинают формироваться в IX в. Они представляют собой два крупных могильника, один из которых прилегает к городищу. Обряд на них довольно однообразен. Практически

Котлован жилой постройки IX в. Городище у села Сидорово Славянского района.

все погребения были произведены в ямах с уступами вдоль длинных сторон. Покойника укладывали в узкую яму, между этими ступеньками на правом боку или на спине; голову его лицевой частью разворачивали в южную сторону. Положение костей свидетельствует в пользу того, что погребённых пеленали. Изредка встречаются гробовища – деревянные рамы без дна. Погребальная яма перекрывалась досками, лежащими на уступах. В захоронениях полностью отсутствовали вещи и детали одежды.

Строгое соблюдение обряда наблюдается в 90% случаев, что свидетельствует о том, что ислам указанной группой населения был принят давно. Остальные 10% погребений внешне схожи с захоронениями протоболгарских кладбищ, отличаясь от них лишь полным отсутствием вещей в могилах. Показательно, что единичные вещи были встречены лишь в трёх захоронениях (из 214 раскопанных), что свидетельствует о том, что мусульманская община городища была очень ортодоксальной. Кроме описанной выше ситуации на некрополях следует указать на то, что обработка костей животных, обнаруженных в хозяйственных ямах памятника, показала полное отсутствие на поселении костей свиньи.

Каким образом появились мусульмане, в столь раннее время и так далеко от границ исламского мира, пока остаётся загадкой. Известно, что

Мусульманское захоронение из некрополя археологического комплекса у села Сидорово Славянского района.

все населённые пункты, заселённые ранними мусульманами, располагались вдоль торгового пути, который шёл с Нижнего Дона, а далее – на Тамань и Северный Кавказ. Указанные трассы всегда были путями культурного диалога. По торговым путям вместе с купеческими караванами обычно шли проповедники, которые стремились совершить богоугодное дело – распространить свою веру среди язычников. Мусульмане неоднократно упоминаются в описаниях хазарских городов на Северном Кавказе и в рассказах о столице каганата – городе Итиль. Известно, что в IX в. у царя Хазарии было наёмное войско (10000-12000 человек), большинство которого (до 7000) составляли выходцы из Хорезма. Все они исповедовали ислам и относились к народу, который восточные источники называют «ал-арсиййа». Возможно, это были далёкие потомки оставшихся на своей прародине азиатских аланов-ассов, часть которых в начале нашей эры пришла в южнорусские степи.

Кроме них в хазарских городах находилось значительное количество ремесленников и торговцев, которые также были мусульманами. Именно в это время здесь фиксируются крупные мусульманские общины с элементами самоуправления, мечети, школы для изучения Корана и арабского языка. О том, что происходило в этот период на огромных просторах

Восточной Европы, в письменных источниках сведений нет. Таким образом, некрополи, выявленные в среднем течении р. Северский Донец представляют исключительный интерес, ведь, они, пока что, являются единственными археологически зафиксированными раннемусульманскими кладбищами хазарского времени в Восточной Европе (не считая ранних захоронений могильника Дербента на Северном Кавказе).

В IX в. в Хазарском каганате произошло событие, давшее начало его постепенному ослаблению и распаду. Верхушка хазарского общества приняла иудаизм. Вопрос об иудейских хазарах давно является предметом полемики. Сообщения современников об огромном количестве иудеев в Хазарии наталкиваются на полное отсутствие иудейских древностей в археологических памятниках каганата. Не найдены не только захоронения или предметы, связанные с иудейским культом, практически нет даже изображений священных символов. Исключение составляют изображения меноры на надмогильных плитах с Тамани, где издревле, ещё с античности упоминается еврейское население. Подавляющее же большинство некрополей, расположенных на территории салтово-маяцкой культуры – языческие.

С территории Донецких степей происходит интересный предмет, свидетельствующий о том, как воспринималась новая религия степным языческим населением. В городе Мариуполь при строительстве «Стана 3000» было разрушено курганное захоронение хазарского времени. Среди прочих предметов в нём содержался сосуд – обыкновенный кухонный горшок, на стенках которого до обжига гончар процарапал два знака. Один из них представлял обыкновенный равноконечный крест. Второй же сложную фигуру на двуногой подставке, имеющую в верхней своей части площадку с семью отростками. В целом, эта фигура имеет отдалённое сходство с изображениями меноры.

Судя по всему, эти рисунки были нанесены на сосуд с охранительной целью (для предотвращения воздействия на его содержимое злых духов), что язычниками делалось достаточно часто. В пользу языческого мировоззрения гончара свидетельствует и тот факт, что рядом были помещены два священных, но абсолютно несовместимых, символа. Таким образом, в то время, как в столице Хазарии мудрецы ломали копья, доказывая приоритет той или иной веры, гончар в далёком Приазовье вырезал на сосуде священные знаки, руководствуясь своим, языческим, взглядом на мир.

В целом же, археологические материалы свидетельствуют, что иудейские хазары, вне всяких сомнений, существовали. Может, даже, их было и немало. Но все они концентрировались в столице государства – городе Итиле и на Тамани, крупнейшем центре перевалочной торговли, где «жиды хазарские» упоминаются русскими летописями через много лет после развала и гибели каганата.

Какими мотивами руководствовался хазарский правитель, принявши иудейство в качестве государственной религии – неизвестно. Одни учёные предполагают, что таким образом он пытался противостоять влиянию как Халифата, так и Византии. Другие считают, что расположенное на перекрёстке торговых путей Хазарское государство находилось в зависимости от еврейского торгового капитала. Вполне вероятно, речь шла о смене династии хазарских царей-беков, где к власти пришёл иудей, полностью подчинивший своей воле кагана. Так или иначе, но принятие иудаизма в качестве государственной религии вызвало сильное недовольство, завершившееся восстанием, которое было со страшной жестокостью подавлено.

Значительное количество недовольного властью населения (в том числе и мусульманского) переселилось на западные окраины каганата, где очень долго было неспокойно. Вполне вероятно, именно с этими событиями было связано появление стен вокруг ранее неукреплённых поселений, таких, как Маяки и Сидорово, приток сюда населения, а, возможно, и появление здесь мусульманских общин. В этот же период появляется немногочисленная серия монет, содержащих арабоязычные надписи и надписи, выполненные рунами кубанского рунического письма, распространение которого связывают с булгарами. При этом, наличие на монетах именно булгарской рунической письменности свидетельствует о том, что территория, выпускавшая эти монеты стремилась противопоставить себя кагану Хазарии, чеканившему монеты с тамгой иного типа, а иногда и с надписью на арабском языке «Ард-ал-хазар» («Земля хазар»). Очень характерной представляется находка такого рунического дирхема на Новоселовском городище в Краснолиманском районе. Показательно, что эта монета уже не несла на себе надписей, выполненных арабской графикой, зато на её лицевой стороне гордо красовалось крупное изображение тамги – двойного двузубца, который являлся символом власти какого-то булгарского правителя.

Несмотря на то, что к моменту принятия иудаизма в качестве государственной религии Хазарское государство ещё было сильным, процесс его постепенного распада был запущен. Хазарский каганат, как и прочие раннесредневековые государственные образования, по сути своей был очень непрочным. Его войско состояло из гвардии кагана и ополчения, подчинённых ему областей. Так как это ополчение поставлялось местной верхушкой, зависимость правителя он неё была несомненной. Наличие в столице каганата заложников, каковыми являлись жены кагана – дочери подчинённых ему правителей, а также иные члены их семей, по всей видимости, не всегда помогало. Не доверяя своему окружению, каган всё чаще обращается к помощи наёмных воинов, которые служили ему за деньги. В конце концов, наёмная гвардия, среди которой большинство составляли мусульмане хорезмийского происхождения, начинает играть

1

2

Памятники рунической письменности с территории Донецкого края. 1 – роговое остриё с процарапанными рунами из села Сидорово Славянского района (собрание Донецкого республиканского краеведческого музея); 2 – дирхем с руническим знаком, найденный на городище у села Новосёловка Краснолиманского района, фото и прорисовка предмета (частное собрание).

при дворе столь активную роль, что хазарский правитель был вынужден считаться с их мнением до такой степени, что сам попал под их влияние.

К X в. Хазария сильно ослабела, в чём немалую роль сыграли центробежные устремления местных владык. Константин Багрянородный в своём знаменитом трактате «Об управлении империей» перечисляет ряд народов, которые ранее были подчинены хазарскому кагану, указывая, что все они (при определённых условиях) могут с ним воевать. Придворному Кордовского халифа, еврею Хасдаи-ибн-Шапруту, желавшему получить сведения об истории Хазарского государства, пришлось отправлять письмо царю Иосифу несколько раз. Через византийские владения его отправить не удалось, так как на территории между ними и столицей каганата Итилем было небезопасно. Поэтому корреспонденция была передана через страны Болгар, Венгров, Руссов, то есть вокруг территории, на которую ранее распространялось влияние Хазарии.

Ослабление и гибель Хазарского каганата

В IX в. на окружающих каганат землях начала обостряться политическая обстановка. К северо-западу от Хазарии постепенно усиливается молодое Древнерусское государство. Пока каганат был силён, походы **русов** успешно отражались. Собственно и русы в этот период основное внимание уделяли собиранию славянских земель и походам на Византию.

Но в начале X в. ситуация коренным образом изменилась. Где-то между 909 и 914 гг. произошёл крупнейший поход дружин русов на Каспий, о котором сообщают восточные авторы ал-Масуди, Ибн Исфендияр и ряд других. В походе приняло участие около 500 судов, в которых могло находиться не менее 20000 человек. Показательно, что эти суда пропустили на Каспий сами хазары по той причине, что русы являлись их союзниками в борьбе с мусульманскими правителями Закавказья. На обратном пути русские дружины были перебиты, якобы, по требованию мусульман Итиля. Реально в этом был заинтересован сам каган, который хотел избавиться от опасного союзника, который был потенциальным врагом. Около 925 г. происходит набег русов во главе с Хельгу (Олегом) на Тамань, к которому их подтолкнул византийский император Роман I (920-944). Этот набег был успешно отражён хазарским полководцем Песахом. Согласно сообщению Кембриджского документа, который представляет собой письмо одного их подданных хазарского царя Иосифа: *«…Роман [злодей послал] большие дары Х-л-гу, царю Руси, и подстрекнул его на собственную беду. И пришёл он ночью к городу С-м-к-раю (Самкерц – Тмутаракань) и взял его воровским способом, потому, что не было там начальника, раб-Хашмоная. И стало это известно Бул-ш-ци, то есть досточтимому Песаху, и пошёл он в гневе на города Романа и избил всех мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов. …И спас…. [от] рук Русов и поразил всех оказавшихся из них там [и умертвил ме]чом. И оттуда пошёл войной на Х-л-гу и воевал … месяцев, и Бог подчинил его Песаху. И нашёл он…..добычу, которую тот захватил из С-м-к-рая. И говорит он [Х-л-гу]: «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «если так, то иди на Романа и воюй с ним…И пошёл тот против воли и воевал против Кустантины (Константинополя – Э.К.) на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому, что македоняне осилили (его) огнём. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошёл морем в Персию и пал там он и весь его стан»* (Коковцов, 1932, с. 120).

Это была, по-видимому, последняя крупная победа хазар над русами, выступившими вместе со своим конунгом-князем Хелгу – Олегом. Возможно, это был именно тот Олег, которого русские летописи называли «Вещим».

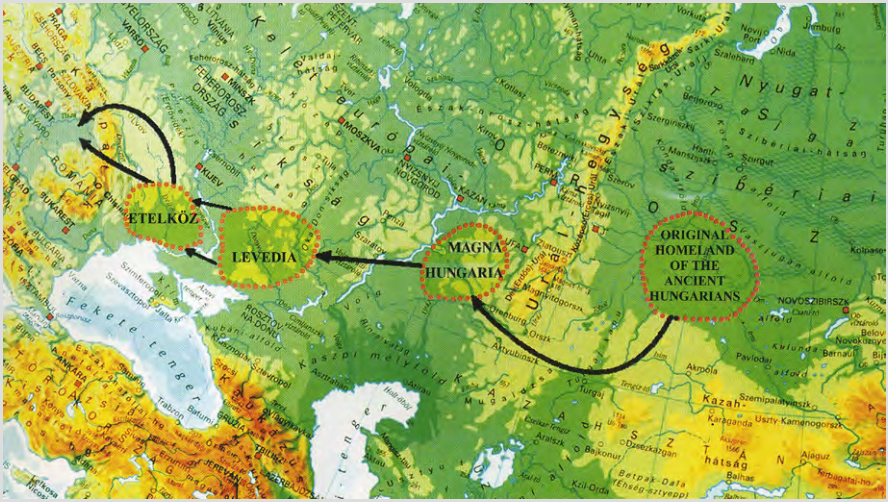
Хазарский воин. Реконструкция О.В. Фёдорова (по С.А. Плетневой)

Поясная накладка. Село Сидорово Славянского района (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

В 943 г. огромная дружина русов вновь появляется на Каспии. Несмотря на то, что их удалось вытеснить оттуда, на этот раз русы ушли безнаказанно.

В 964 г. во главе Древнерусского государства встал молодой князь Святослав, который с первых дней своего правления приступает к активной завоевательной политике. Продолжая традиции объединения славянских земель, Святослав в том же году идёт на вятичей, которые были данниками хазар. В 965 г., согласно сообщению Повести временных лет *«Иде Святослав на козары. Слышавше же козари, изидоша противу с князем своим каганом, и съступишася битися: и бывши брани, одоле Святослав козаром и город их и Белу Вежу взя. И ясы победи и касогы»* (ПВЛ, с. 33). Таким образом, здесь упоминается не менее двух событий: поход Святослава и разгром им Белой Вежи (Саркела), которая располагалась на Дону, а также поход его на Тамань, где князь воевал с проживавшими там ясами и касогами. Таким образом, западные районы Хазарии подверглись серьёзному разгрому. Святослав не стал продолжать свои походы на восток. В 966 г. он снова воюет против вятичей, а в 968 г. мы уже видим его на Дунае. В это же время, в 968-969 гг., арабский географ Ибн Хаукаль повествует об ограблении какими-то русами Булгара и Хазарана, который являлся восточной частью Итиля. По всей видимости, это была одна из крупных дружин викингов, к Святославу не имевшая никакого отношения.

Сгущались тучи и к востоку от Хазарии. Ещё в 30-х гг. IX в. к хазарам обратились за помощью их соседи – кочевники-венгры, которые проживали в степях Южного Приуралья, где создали сильный союз, состоящий из угорских, тюркских и иранских кочевых племён, во главе которого встало племя мадьяров. Они сообщили, что на кочевья их напали печенеги, из-за чего венгры вынуждены были переселиться за Волгу – на территорию, принадлежавшую кагану. Для каганата это было очень опасно. Мало того, что соседствующие с его владениями земли занял столь мощный и воинственный союз племён, каковыми были печенеги, да ещё он получил и достаточно опасных соседей, фактически, у себя под столицей. Чтобы избавиться от такого соседства, он предложил мадьярам переселиться в местность Лебедию, которая располагалась к западу от Дона, у границ каганата.



Карта передвижения венгерских племён от места их первоначального проживания к территории Паннонии, где они обрели свою новую родину (по: The ancient Hungarians, 1996).

Где находилась страна Лебедия до сих пор точно неизвестно и вопрос о её локализации до сих пор остаётся предметом дискуссии. Константин Багрянородный повествует, что через её территорию протекала река Хидмас или Хунгулус. Так как источники свидетельствуют, что впоследствии из Лебедии венгры переселились за Днепр, вполне возможно, что она находилась между Днепром и Доном. Согласно одной из точек зрения, Лебедия располагалась близ Северского Донца. Если это так, то вполне объяснимо присутствие на протоболгарских могильниках многочисленных захоронений, имеющих влияние венгерского погребального обряда, и находки на поселениях вещей, находящих аналоги среди венгерских древностей.

К этому следует добавить, что между Днепром и Доном скопление кочевий хазарского времени наблюдается только в пределах степей Донецкого края и в южной части Ростовской области. Кочевья начинаются прямо за Донцом и тянутся к югу, вплоть до самого Азовского моря. Далее к западу от реки Берда их нет. Венграм, которые являлись союзниками хазар, не удалось надолго задержаться в Лебедии. Уже во второй половине IX в. они были вынуждены её покинуть и отправиться дальше на запад. Следом за ними двигались их давние недруги – печенеги. Вначале венгры остановились в Ателькузе (Северо-Западное Причерноморье), где продержались почти до конца IX века. Далее, под давлением печенегов

Серебряный арабский дирхем, найденный на археологическом комплексе у с. Сидорово (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

они пересекли Карпаты и обосновались в Паннонии, где обрели свою новую родину.

Решив венгерский вопрос, каган Хазарии, обеспокоенный тем, что на его восточных границах расположился сильный печенежский союз, подговорил племена узов (торков), чтобы они напали на печенегов. Эти события были описаны Константином Багрянородным следующим образом. *«Да будет известно, что пачинакиты (печенеги) сначала имели место своего обитания на реке Атил (Волга) а также на реке Геих (Яик-Урал), будучи соседями и хазар и так называемых узов (торков). Однако, пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войной на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею, вплоть до нынешних времён так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок (венгров), победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной… до сего дня…»* (Константин Багрянородный, 1991, с. 155).

Хазары, ставившие перед собой цель вызвать войну между соседними племенами, чтобы они обессилили друг друга, получили неожиданный результат. Избавившись от одного противника, они приобрели себе сразу двух врагов, так как **гузы** (торки), которые в данный момент являлись союзниками, также были потенциальными противниками. Более того, разгромленные гузами печенеги, разрушая всё на своём пути, двинулись не куда-либо, а прошли прямо через территорию Хазарии. Они двигались двумя потоками, один из которых шёл через владения каганата с севера на юг. Эта печенежская орда ставила своей конечной целью овладение Боспором и Херсонесом. Вторая орда в это время заняла степи между Донцом и Доном, отрезав хазар от Крыма. В середине X в. хазарский царь Иосиф сообщал, что печенеги, якобы, платили ему дань. Реально же в конце существования хазарского каганата ни о какой дани не могло быть и речи. В последние годы существования Хазарии владения, контролируемые печенегами, плотно окружали немногочисленные территории, которые остались у кагана, отрезав их от всего окружающего мира. С гибелью каганата большая часть этих земель тоже оказалась под печенежской властью.

Все описанные события имели тяжелейшие последствия для Хазарии. Значительная часть её земель была полностью разорена. Восточные владения каганата, не разграбленные печенегами и русами, были разрушены торками-узами, которые, согласно сообщению арабского автора Ибн-Мискавейха, напали на Хазарию в 965 г. Вполне возможно, что торков на это вторжение подговорил Святослав, громивший в это же время западные владения каганата. Именно в это время погибли городища и большинство поселений на Северском Донце. Трудно определить, кто нанёс Хазарскому каганату окончательный удар: печенеги, торки, викинги или Древняя Русь. Так или иначе в 60-х годах X в. государство хазар пало, что дало начало новому периоду в истории южнорусских степей.

Глава 6. Степи Донецкого края в XI-XIII вв.: печенеги, торки, половцы

Печенеги

Гибель Хазарии, сдерживавшей напор кочевых народов, привела к серьёзным изменениям в жизни населения, проживавшего в южнорусских степях. После её падения в степи одна за другой вновь начали перемещаться орды. Первым и достаточно мощным потоком кочевых племён, пришедших в Причерноморские степи из Заволжья, были **печенеги**. Они достаточно долго продержались здесь, и практически всё время играли видную роль в международной политике.

Основную роль в хозяйстве печенегов играло кочевое скотоводство. Разводили они крупный рогатый скот и овец. Практиковалось и разведение коней, которые играли большую роль в жизни кочевника. Судя по всему, их кочевья не должны были отличаться от булгарских стойбищ. Тем не менее, на территории Северного Приазовья кочевий, чётко определяемых, как печенежские, пока не выявлено, что связано со слабой изученностью памятников этого типа. Находки на кочевьях амфорной тары этого периода свидетельствуют о том, что часть известных ныне кочевий вполне могла существовать и в печенежское время.

Появление крупного и мощного в военном отношении союза племён изменило всю систему международных отношений в регионе. С 889 по 896 гг. кочевники занимались покорением Причерноморских степей. На Нижнем Дунае печенеги появляются в 896 г., и сразу же заключают союз с болгарским царём Симеоном против венгров, вытесненных ими же на соседствующие с Болгарией земли Паннонии. С русскими князьями новые хозяева степи вначале старались поддерживать мирные отношения.

В 915 г. печенеги впервые появляются на Руси, где *«сотвориша мир с Игорем и идоша к Дунаю»*. В 917 г. печенеги в союзе с болгарами и венграми уже воюют с греками, с которыми недавно у них был мир. В 920 г. они вновь появляются на Руси, где снова всё обходится благополучно. В 934 г. печенеги с венграми и русскими воюют против Византии. В 944 г. Игорь нанимает печенегов, для похода на Византию, а в 965 г. они участвуют в походе Святослава против хазар. В дальнейшем, начинаются набеги печенегов на русские земли.

Столь активное поведение кочевников сразу же обратило внимание византийских дипломатов, которые стали отводить печенегам важное место в международной политике империи. В пользу этого предположения свидетельствует то, сколько внимания северным соседям Византии уделяет в своём трактате «Об управлении империей» Константин Ба-

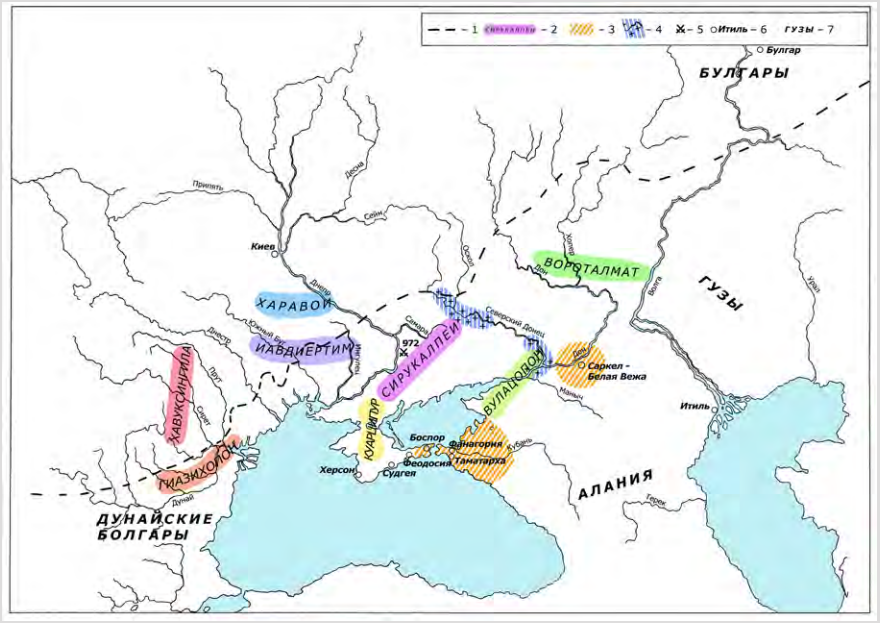
грянородный. Этот автор сообщает важные подробности о количестве печенежских племён и их размещении на степных просторах Северного Причерноморья. Он указывает, что страна печенегов разделяется на восемь фем (под этим византийским понятием, вероятно, имелись в виду орды или племена). Четыре из них располагались к западу, а ещё четыре – к востоку от Днепра. Восточные фемы (Цур, Кулпеи, Талмат и Цопон)[1] находились между Днепром и Волгой, т.е. на тех территориях, в которые входили Донецкие степи. Западные фемы, находились за Днепром, вплоть до Венгрии, Булгарии и Руси. Они именовались Хопон, Гила, Харавои и Иртим[2]. Орды имели относительную самостоятельность, но в период совместных походов могли объединяться под общим руководством. Каждая орда (или племя) состояла из ряда родов. В целом же их количество достигало сорока. Родами руководили *«лучшие мужи»*, которые возглавляли совет старейшин, решающий основные вопросы жизни племени. Показательно, что наряду с советом старейшин у печенегов сохранился и такой архаичный институт, как сходка воинов, которая в отдельных случаях играла бóльшую роль, противопоставляя своё решение действиям аристократии.

Во главе орд стояли ханы, которых Константин Багрянородный называет архонтами, а русская летопись – князьями. Ряд племён обладал большей властью, что, по-видимому, было связано с их особым происхождением и положением в печенежском союзе. По сообщению Константина Багрянородного *«пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трёх фем: Иавдиирти, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие: ибо это и обозначает прозвище кангар»* (Константин Багрянородный, 1991, с. 159). Власть передавалась двоюродным братьям или их детям, *«чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом»* (Константин Багрянородный, 1991, с. 155).

Военная тактика печенегов была близка тактике многих кочевых народов. Основой её была конная атака рассыпным строем. Основным оружием конного воина были сабля и лук со стрелами. Если нападе-

[1] В данном случае приведены наименования печенежских фем (племен), которые даются у Константина Багрянородного. Они представляют собой искаженную передачу названий тюркских племен византийцем. У Константина Багрянородного имеются и расширенные их наименования: Куарцицур, Сирукалпеи, Вороталмат и Вулацопон, которые имеют тюркские соответствия: Куэрчи Чур; Суру Кулбэй; Боро Толмач и Булла Чопон.

[2] Расширенные названия: Гиазихопон, Хавуксингила, Харавои и Иавдиертим. Тюркские соответствия: – Йазы Копон, Кабукшин Йула, Кара Бэй, Йабды Эрдим.



Карта размещения печенежских объединений в описании Константина Багрянородного (по С.А. Плетнёвой): 1 – граница степи и лесостепи; 2 – наименования печенежских объединений; 3 – территории, находящиеся под номинальным контролем древнерусских князей; 4 – зона распространения поселений с «древнерусской» керамикой на Северском Донце; 5 – место гибели князя Святослава; 6 – упоминаемые в источниках города; 7 – названия народов.

ние встречало серьёзное сопротивление, печенеги, не принимая бой, отступали. Всё это было связано со стремлением избежать крупного столкновения, сопровождавшегося большим количеством жертв среди своих воинов. Иногда битва могла решиться единоборством, как это произошло в 993 г. в сражении на реке Трубеж. В целом, кочевники старались выбирать того противника, который был слабее их. Ярким примером может стать засада, организованная печенегами у Днепровских порогов, в результате которых было разгромлена русская дружина и погиб князь Святослав. Но даже в этом случае, печенеги организовали засаду только после того, когда узнали, что Святослав идёт с большой добычей, небольшой дружиной и достаточно обессилен, после трудной зимовки в Белобережье. Собственно, здесь играло роль и отношение к Святославу, которого кочевники хорошо знали, уважали и боялись. После его гибели печенежский хан – Куря сделал из черепа Святослава чашу,

из которой пил: «*И взяша голову его и во лбе его зделаша чашю, оковаше лоб его золотом, и пияху в нем*» (ПСРЛ. т. 2, 1871, с. 48). Это не было надругательством над павшим противником. Хан, таким образом, хотел подчеркнуть величие своей победы над таким серьёзным соперником, каковым был покойный русский князь.

Брать города печенеги не умели или не считали нужным, так как штурм укреплённого населённого пункта требовал настолько больших затрат, что добыча могла не оправдать потерь. Ярким примером может служить попытка взять Киев в 969 г., когда при приближении войск воеводы Претича кочевники просто сняли осаду и бежали. Ещё более интересная картина наблюдалась при осаде Белограда в 997 г., когда печенеги, продержавши длительное время город в кольце, оставили его, когда жители населённого пункта сумели их убедить, что у них всего имеется в достатке и голодом город взять не удастся.

В конце X – начале XI вв. князь Владимир Святославич, дабы уберечь русские земли от постоянных набегов, начинает сооружение мощной линии крепостей на южных рубежах Руси. В 1036 г. печенеги пришли к Киеву – это был их последний набег на Русь. Ярослав Мудрый «*выступи из града, исполчи дружину и постави Варягы посреде, а на правей стране Кыяны, а на левем крыле Новгородце. И сташа пред городом, а Печенези приступати начаша, и соступишася на месте, идеже есть ныне святая Софья, митрополья Русская; бе бо тогда поле вне града. И бе сеча зла, и одва одолев к вечеру Ярославь. И побегоша Печенези раздно, и не ведахуся камо бежаче, и овии бегающе тоняху в Ситомли, инеи же во инех реках, и тако погибоша, а прок их пробегоша и до сего дне*» (ПСРЛ, т. 2. с. 106). Так видел эти события летописец, констатирующий факт исчезновения давних врагов Руси после их поражения под Киевом. Реально же всё было несколько иначе. Разгром печенегов под Киевом совпал с усилением натиска на них с востока. Прежние недруги печенегов – **торки**, постепенно занимали печенежские земли и вытесняли прежних хозяев причерноморских степей к Дунаю. Часть печенегов покорилась и влилась в торческие орды. Они продолжали кочевать вместе с торками, приняв новое имя. Этому способствовало то, что по внешнему своему облику, языку и образу жизни эти два народа мало отличались друг от друга.

Торки

Торки (в восточных источниках они именуются по-разному – гузы, огузы, узы) представляли собой северную ветвь турок-сельджуков, и их движение на запад было связано с общим потоком сельджукских племён, которые сокрушили на юге могучие мусульманские государства и вступили в противоборство с Византийской империей. Вполне вероятно, именно этим объясняется первоначальное стремление торков не усложнять

свои отношения с русскими князьями, которые могли быть их потенциальными союзниками. Отношения с соседями начали формироваться у торков ещё до окончательного овладения южнорусской степью. В 985 г. они заключили договор с Владимиром Святославовичем и его дядей Добрыней для похода на Волжских булгар. Чуть позже летописи сообщают о торках, находящихся на службе у русских князей. Однако, постепенно эти отношения всё же осложняются, чему вероятно, способствовало влияние византийской дипломатии. Так, первым князем, который выступил в поход против торков (1055 г.) был Всеволод Ярославич, женатый на византийской царевне.

О торках, в период их нахождения в степях Северного Причерноморья, сохранилось мало известий. Наши сведения о них существенно дополняются сообщениями современников об этом народе в период его проживания в степях Заволжья. В 921 г. придворный багдадского халифа ал-Муктадира, Ахмед ибн-Фадлан, был послан в далёкую Волжскую Болгарию. Его путь на Волгу лежал через Среднюю Азию и заволжские степи, где он, находясь у гузов, оставил описание некоторых их обычаев. Ибн Фадлан описывал турок (имеются в виду торки) «аль Гузаййа» так: *«… они кочевники; у них дома волосяные (из кошмы)… они не поклоняются Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих наибольших старцев господами. …и управляет ими совет между ними»* (Ибн-Фадлан, 1939, с. 60).

Через территорию кочевой степи пролегали крупнейшие торговые пути, в успешном функционировании которых было заинтересовано и кочевое население степей и оседлые жители, граничащих со степью государств. Ибн-Фадлан описывает достаточно сложную систему общения между кочевниками-гузами и проезжими купцами, несколько напоминающую права «гостя» в традиционном обществе. Купец, проезжающий по торговому пути, находился под покровительством кого-либо из кочевников, который должен был его защищать и ему помогать, пока он находился на этой территории. В дальнейшем, кочевник мог требовать от этого купца богатых подарков или прочих услуг. Если же к тому времени купец умер и не мог отплатить взаимностью, то кочевник имел полное право взыскать издержки с любого другого купца, проезжавшего через его территорию. Отказать в данном случае было невозможно, иначе ставилась под удар вся торговля на этих землях. Указанная система взаимоотношений выглядит достаточно примитивно, тем не менее, она успешно функционировала в течение длительного времени, поскольку обе стороны были заинтересованы в развитии торговых отношений.

К моменту приезда Ибн-Фадлана гузы были язычниками и исповедовали веру, близкую верованиям кочевников-тюрок. *«И я слышал – писал Ибн Фадлан – как они говорили «Нет бога кроме Аллаха Мухаммад пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам,*

которые проезжают у них, но не веря в это. А если постигнет одного из них несправедливость или случится с ним какое-либо дело неприятное ему, он подымает свою голову к небу и говорит «Бир Тенгри», а это по-турецки (значит) «богом одним»» (Ибн-Фадлан, 1939, с. 60). Часть описаний явно тенденциозна. Это вполне понятно, учитывая отношение «просвещённого» багдадского сановника к «неверным» кочевникам, которых он считал не иначе, как дикарями. Особое неприятие вызвало у него достаточно свободное положение женщин в кочевом обществе *«Женщины их не закрываются от их мужчин и ни от кого из них, и также женщина не закрывает ничего из своего тела от кого-либо из людей»* (Ибн-Фадлан, 1939, с. 60). При этом он указывал, сколь строги были законы, преследующие супружескую неверность. *«…Они не знают блуда, но если относительно кого-либо они узнают какое-либо дело, то они разрывают его на две половины, а именно: они соединяют вместе промежуток веток двух деревьев, потом привязывают его к веткам и отпускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их (деревьев) разрывается»* (Ибн-Фадлан, 1939, с. 61). Серьёзным наказаниям подвергались лица, уличённые в гомосексуализме. В этом случае могли убить обоих партнёров.

Многие обычаи были традиционными для кочевых народов. Брак совершался только после уплаты калыма. Если умирал человек, его сын забирал себе его жену (в том случае, если она не была его матерью). Этот обычай вполне объяснялся чисто практическими соображениями – не надо было делить имущество рода и женщина, лишившаяся мужа, не оставалась одна.

Классовое расслоение в среде кочевников было достаточно сильным, и отношение к людям, находящимся на разных ступенях социальной лестницы, существенно отличалось. Глава племенного союза носил старый тюркский титул «**Ябгу**», заместителя его Ибн-Фадлан именует титулом «Кударкин». У знати была челядь, большие юрты, огромное количество скота. На нижней ступени общественной лестницы Ибн-Фадлан упоминает рабов. Согласно его сообщению *«…если заболевает из них человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему и никто из домочадцев не приближается к нему. Для него ставят палатку в стороне от домов, и он остаётся в ней, пока не умрёт или не выздоровеет. Если он был рабом или бедняком, они бросают его в пустыне и отъезжают от него»* (Ибн Фадлан, 1939, с. 63).

Особый интерес представляет детальное описание погребального обряда гузов, оставленное Ибн-Фадланом: *«А если умер человек из их (числа), то для него роют большую могилу, наподобие дома, берут его, одевают на него его куртку, его пояс, его лук, кладут в его руку чашу из дерева с набидом (хмельной напиток), оставляют перед ним сосуд из дерева с набидом, приносят все его имущество и кладут с ним в этом*

доме. Потом сажают его в нем и покрывают настилом дом над ним, накладывают над ним купол из глины, берут лошадей его в зависимости от их численности и убивают из них сто голов или двести голов или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И действительно, они растягивают это все на деревяшках и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет верхом в рай». Если же он убил человека и был храбр, то вырезают изображения из дерева по числу тех, кого он убил, и помещают их на его могиле и говорят: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю». Иногда же они упускают (не заботятся) убивать лошадей день или два. Тогда приходит к ним какой-нибудь старик и говорит: «Я видел такого-то, то есть умершего, во сне и он сказал мне: «Вот ты видишь, меня уже перегнали мои товарищи и потрескались мои ноги от следования за ними, и я не могу их догнать и остался один». При этих обстоятельствах берут они его лошадей и убивают их и растягивают на его могиле. И когда пройдёт день или два, приходит к ним этот старик и говорит: «Я видел такого-то, и он говорит: «Сообщи моим домочадцам и моим товарищам, что я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашёл успокоение от усталости»» (Ибн Фадлан, 1939, с. 63-64).

Указанный обряд находит прямое соответствие в материалах археологических раскопок курганов на территории Донецких степей. В этом отношении классическим является погребение, которое было раскопано в 1903 г. В.А. Городцовым на левом берегу реки Песчаная, у хутора Марченки (неподалёку от посёлка Пески под Донецком). В достаточно высоком кургане эпохи меди-бронзы (высота его составляла до 3 м) было произведено впускное погребение воина-торка. На перекрытии могильной ямы лежали скелеты шести телят, двух овец и грудная часть скелета коровы. *«В средней части настилки (перекрытия – Э.К.) полулежали две деревянных грубо вырезанных статуэтки высотою в 12 вершков, и толщиною в основании – 6 вершков. Обе статуэтки имели одинаковую форму; снаружи они были слегка и ровно обуглены; никаких подробностей лица и тела не выражено, только у обеих фигур имелись руки, сделанные из дубовых брусков, вставленных в глубокие гнезда, выдолбленные в груди. Судя по положению этих статуэток, можно предполагать, что первоначально они обе стояли…»* – писал В.А. Городцов (Городцов, 1907, с. 346-347). В яме находился гроб из тонких дощечек, в котором лежал скелет мужчины на спине головой на запад. При покойнике были сабля и колчан со стрелами. Вероятно, здесь был и деревянный лук, остатки которого не сохранились. Вне гроба стоял глиняный горшочек. Захоронение более бедного торка было выявлено тем же археологом у села Торское Краснолиманского района. На деревянном перекрытии курганного этого захоронения находились кости лошади, представленные головой и четырьмя ногами, лежавшими в анатомическом порядке. Судя по всему,

лошадь, кроме упомянутых её частей, была съедена во время тризны, а из её шкуры с ногами и головой сделали чучело, которое должно было заменить покойнику коня. Показательно, что и чучело коня, и покойник были ориентированы головой на запад. Последнее связано с верованиями тюркоязычных кочевников в то, что именно на западе находится страна предков, в которую на коне должен был отправиться умерший.

Торческий племенной союз недолго продержался в южнорусских степях, как самостоятельная сила. В 1060 г. русскими князьями был организован поход на торков, которые, не принявши боя, отступили в степи. По сообщению летописи *«Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав, совокупивше вои бещислены, и поидоша на коних и в лодьях, бещисленое множьство на Торкы. И се слышавше Торци, убоявьшеся побегоша и до сего дни, и помроша бегающе, Божиим гневом гонимы, овии от зимы, друзии же гладом инии же мором (и) судом Божиим; и так Бог избави крестьяны от поганых»* (ПСРЛ, т. 2., с. 114-115).

После этого русская летопись теряет интерес к торкам, так как в степи появляется новый мощный союз кочевых племён. Уже в 1055 г. летопись сообщает о том, что *«приходи Блушь с Половци и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася (Половци) вьсвояси»* (ПСРЛ, т. 2, с. 114). Как всегда, первая встреча с новыми кочевниками окончилась для русских княжеств мирно. Для степи же начиналась новая страница истории. Во второй половине XI в. **половцы** вытесняют печенежско-торческий союз и полностью занимают южнорусские степи. Часть разбитых торков и печенегов ушла на Балканы, часть же перешла в подданство к русским князьям, которые поселили их на южных границах Руси – в Поросье. Здесь вчерашние кочевники основали новое объединение, заселили ряд поселений и городков, в которых несли пограничную службу, обороняя русские земли от набегов половцев. Отныне они выступали верными союзниками Руси, которых летописи именуют «чёрными клобуками» (по характерным головным уборам) или «своими погаными». Вплоть до монгольского нашествия черные клобуки составляли существенную часть войск русских князей и играли большую роль в охране русского степного пограничья.

Когда пришли монголы, маленькие приграничные крепости Поросья, заселённые чёрными клобуками и русскими воинами, попытались остановить завоевателей. Об осаде этих небольших крепостей русские летописи не сообщили ничего. И только археологические исследования позволили восстановить картину происшедшей здесь трагедии. При раскопках были выявлены следы страшных пожаров и брошенные не погребённые останки, как защитников, так и завоевателей. Судя по всему, воины не сдали свои городки монголам и приняли неравный бой. Крепости держались до последнего и пали, защищая границы той земли, которая стала для чёрных клобуков новой родиной. Их потомки, оставшиеся в живых, были в дальнейшем включены монголами в свои войска.

Печенеги и торки на территории Донецкого края оставили после себя след не только в виде многочисленных курганных захоронений, которые обычно рассматривают суммарно, как печенежско-торческие. Сходство погребального обряда было связано не только с близостью обоих народов, и общностью их обычаев, а ещё и с тем, что часть покорённых печенегов была включена торками в свои орды. Оставили кочевники память о себе и в названиях на этой территории. В Харьковской области имеется населённый пункт Печенеги. Торки сохранили своё имя в целом ряде топонимов и гидронимов. В северной части Донбасса протекает река Тор (нынешнее название Казённый Торец). Её притоки – реки Кривой и Сухой Торец. В Краснолиманском районе есть посёлок Торское, расположенный на реке Чёрный Жеребец. Нынешний город Славянск ранее также носил имя Тор, полученное от одноименной реки, на которой он был построен, и Торских соляных озёр.

Половцы в Донецких степях

В отличие от своих предшественников – печенегов и торков – половцы («кипчаки» или «кыпчаки» восточных источников, «куманы» или «команы» западных) обосновались в южнорусских степях на длительное время. Несколько столетий они являлись их безраздельными хозяевами. После прихода монголов половцы составили значительную часть населения Золотой Орды, а затем именно на половецкой основе формировалось золотоордынское население степи, в том числе и степные татары Крыма. В целом же, роль этого народа в истории южнорусских степей была столь велика, что у восточных авторов южнорусские степи получили название **Дешт-и-Кыпчак** (Половецкая степь), которое, по иронии судьбы, оказалось более долговечным, чем сами кыпчаки-половцы. Под этим именем южнорусские степи фигурируют в документах половецкого и золотоордынского периода, а иногда, и более позднего времени.

Приход половцев совпал с распадом Древней Руси на ряд княжеств, которые постоянно враждовали между собой. Этим фактором не замедлили воспользоваться кочевники. За время с середины XI до начала XIII вв. они организовали около 50 крупных походов и огромное количество мелких набегов на русские княжества. В дальнейшем, некоторые из ханов породнились с князьями порубежных русских владений, благодаря чему половцы принимали постоянное участие в междоусобных столкновениях между русскими удельными князьями. Особенно прославились своими контактами с кочевниками черниговские Ольговичи, неоднократно приводившие половцев на Русь. Всё это серьёзно отразилось на положении Руси и её влиянии на степь.

Количество кочевников в степи было достаточно велико. Как и их предшественники, половцы состояли из ряда орд. Согласно подсчётам

Карта расположения половецких объединений и орд в XII в. (по С.А. Плетнёвой): 1 – граница степи и лесостепи; 2 – наименования половецких объединений и орд; 3 – территории, находящиеся под номинальным контролем древнерусских князей; 4 – зона распространения поселений с «древнерусской» керамикой на Северском Донце; 5 – места сражений; 6 – упоминаемые в источниках города; 7 – названия народов; 8 – предполагаемое место нахождения половецких городов, упоминаемых в летописях.

С.А. Плетневой, в середине XII в. в степях Восточной Европы было не менее 12-15 орд, в составе которых находилось 500-600 тысяч человек. Реально, это количество представляется не очень большим. Однако при условии занятия этого населения кочевым скотоводством, оно было оптимальным. Большее количество степь просто не смогла бы прокормить. В ордах выделялись семьи со своей челядью, которые именовались «кошами». Во главе их находились кошевые, которых русская традиция именует «кощеями». Орды объединялись в союзы, часть которых известна по средневековым источникам, часть же определяется по археологическим данным.

Для нас особо интересными представляются два союза. Одним из них был Днепровский союз, который, в силу своего нахождения у границ Руси, уже во 2-й половине XI в. вступил в борьбу с древнерусскими княжествами. Во главе его орд, расположенных на Среднем Днепре стояли

ханы Боняк, Тугоркан, а на Нижнем – хан Урусоба, которые являлись злейшими врагами Руси. Эти ханы даже вошли в древнерусский эпос, под именами «Боняки Шелудивого» и «Тугарина Змеевича».

В 1096 г. в битве на реке Трубеж половцы были наголову разгромлены. Погибли многие представители знати, в том числе и хан Тугоркан. Так как он был тестем киевского великого князя Святополка (тот женился на его дочери в 1094 г.), то киевский князь посчитал необходимым отдать своему родственнику, хоть и врагу, последние почести. Тело Тугоркана было отправлено в Киев, где его похоронили *«на Берестовом на могыле, межи путем грядущим на Берестовое, а другым идущим в монастырь»* (ПСРЛ, т. 2, с. 162). За гибель своего соратника Боняк отплатил многочисленными страшными набегами на русские земли. До конца своей жизни он оставался злейшим врагом Руси, и даже старался не участвовать в междоусобиях русских князей. В дальнейшем Приднепровским объединением руководили потомки Боняка.

Второе крупное объединение половцев – Донское, располагалось в среднем течении Северского Донца и на Дону. Для нас оно представляет особый интерес, так как именно это объединение занимало территорию Донецких степей. Здесь находился центр Половецкой степи, где располагались старейшие кочевья. По мнению С.А. Плетневой, размеры территории, занятой Донским половецким союзом составляли не менее 300 км в поперечнике.

Наиболее густо были заселены притоки Донца – Казенный, Кривой и Сухой Торец, Бахмут, а также степи близ Северского Донца и берега этой реки. Здесь располагалась группа поселений, на характеристике которых мы остановимся ниже. Вполне вероятно, что выше по течению, на Северском Донце или на Дону древнерусские летописи размещали так называемые «половецкие города»: Сугров, Балин, Шарукань, Чешуев, Асенев. Локализация их местонахождения представляется достаточно сложной. Согласно летописным сообщениям, «города» находились где-то на Дону. При этом, необходимо учитывать, что Дон и Донец русская летопись иногда определяла, как одну реку.

Так, известный краевед и исследователь древностей Северского Донца Н.В. Сибилёв, считал, что половецкие города находились в среднем течении этой реки, определяя их остатками донецкие городища (Маяки, Сидоровское и Теплинское), расположенные на территории нынешнего Славянского района. В своей статье, посвящённой походу князя Игоря против половцев в 1185 г., он сопоставлял город Шарукань с Теплинским городищем у села Богородичное, а города Сугров и Балин с Сидоровским и Маяцким городищами соответственно. Близкой точки зрения придерживался профессор К.В. Кудряшов, в своей книге «Половецкая степь». Ныне эта версия полностью опровергнута, так как раскопки, производимые на всех трёх городищах, дали материалы половецкого времени

только на одном из них – городище у села Маяки. Более того, исследования позволили чётко определить, что на археологическом комплексе у села Маяки существовало небольшое поселение, которое под определение «город» не подходит. Собственно, не совсем понятно, какие населённые пункты определялись русскими летописями как «половецкие города». Вполне возможно, что здесь шла речь об относительно небольших, но, скорее всего, укреплённых поселениях, которые на фоне окружающей их степи могли представляться более или менее крупными центрами. Возможно, что у этих поселений в весенне-летний период времени останавливались кочевники, благодаря чему, подобный населённый пункт, в самом деле, мог иметь вид небольшого городка.

Костяные пластины и накладка с луки седла из половецкого погребения (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Исследовательница средневековых степных памятников С.А. Плетнева выдвинула предположение, что половецкие города располагались выше по течению Северского Донца, в пределах нынешней Харьковской области. Подобная точка зрения представляется более приемлемой. Именно на этой территории известен ряд городищ, существовавших, как в хазарское, так и в более позднее время. Здесь же размешен нынешний город Чугуев, наименование которого имеет сходство с летописным Чешуевым. Возле него также имеется городище, где, как будто, присутствуют культурные напластования половецкого времени. Как видим, определение точного местонахождения «половецких городов» возможно только после детального изучения городищ, расположенных на Северском Донце. В целом же, их остатки могут находиться, как на берегах Северского Донца, так и на Дону. Если это так, то известные версии о походах русских князей в степь могли иметь совершенно иной маршрут, чем тот, который просчитывался большинством исследователей.

О ранней истории Донского половецкого союза имеется мало сведений, так как основным источником о половцах являются русские летописи, а донской союз длительное время находился в стороне от активных действий против русских княжеств. Под 1082 г. в летописи сообщается о смерти хана Осеня, о котором более никаких данных нет. Вполне вероятно, что Осень (или Асень) был отцом Шарукана. Так или

иначе, этот степной владыка обладал большим влиянием, т.к. русская летопись почтила его особым вниманием. Показательно, что под этим годом в летописи имеется только одно сообщение: *«В лето 6590 (1082) Осень умре, Половецкий князь»* (ПСРЛ т. 2., с. 143). На рубеже XI-XII вв. во главе Донского союза стал хан Шарукан. В дальнейшем, этим объединением правили его потомки.

К началу XII в. русские князья начинают продвижение в степь, с целью обезопасить свои земли от половецких набегов. Немалую роль в этом сыграло появление на политическом горизонте Древней Руси такой яркой фигуры, как Владимир Мономах, сумевшей объединить русских князей в борьбе против степи. Весной 1103 г. состоялся знаменитый Долобский съезд, на котором князьями было принято решение о необходимости совместного похода в степь. Этот поход, (против лукоморских половцев, проживающих в низовьях Днепра, близ побережья Чёрного и Азовского морей), был успешным. На реке Сутин, которая впадала в Азовское море (вероятно, река Молочная), половцы были наголову разгромлены. Погибли все участвовавшие в битве половецкие владыки, в том числе ханы Урусоба, Алтунопа и другие известные предводители половецких орд. Таким образом, русские князья непосредственно продвинулись к владениям Донского половецкого союза. Эти действия вызвали ответную реакцию у половцев. Уже в 1107 г. приднепровские и донские кочевники объединились и пошли на Русь вместе. Во главе их находились ханы Боняк и Шарукан. Несмотря на то, что этот поход был благополучно отбит русскими князьями, союз двух крупных половецких объединений не на шутку встревожил Владимира Мономаха, который отныне поставил основной своей целью уничтожение Донского половецкого союза.

В 1109 г. состоялся поход на Дон, во время которого были взяты 1000 веж (кибиток) половецких. Поход русских князей 1110 г. был неудачным: *«Идоша весне не Половце Святополк, и Володимер Давыд; и дошедше Воиня воротишася»*. Половцы ответили несколькими набегами в том же 1110 г., один из которых серьёзно разорил земли пограничного Переяславского княжества. Ответом на активизацию кочевников были наиболее крупные походы Владимира Мономаха, которые состоялись в 1111 и 1116 гг.

В 1111 г. *«Вложи Бог Владимиру в сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну»*. Полки отправились в степь в конце зимы. В начале марта они уже были на границе поля половецкого, на реке Суле. К 19 марта войско вышло к Дону и направилось к городу Шаруканю, где *«…князь Володимер приставы попы своя, едучи пред полком, пети тропари и коньдакы христа честнаго в канун святой Богородици. Поехаша ко граду вечеру сущу, и в неделю выидоша из города, и поклонишася князем Рускым, и вынесоша рыбы и вино; и перележаша нощь ту»* (ПСРЛ т. 2, с. 192).

Таким образом, христианское население Шаруканя не оказало сопротивления и без боя сдало город. Вполне вероятно, для полиэтничного христианского населения этого города русские воины не были чужими. Иная картина наблюдалась в Сугрове, расположенном неподалёку от Шаруканя. Город оказал сопротивление, в результате чего был сожжён. Уже к 24 марта произошла встреча с половцами на *«потоке Дегея»* – какой-то речке, которая являлась притоком Дона/Донца. Где она располагалась не совсем ясно, но, вполне вероятно, битва произошла где-то в степи близ Донца или Дона. Согласно сообщению летописи *«…а в четверг поидоша с Дона, а в пятницу, завътра, месяца марта в 24 день, собрашася Половци, израдиша Половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наша възложиша надежю свою на Бога… и бывшю же соступу и брани крепце. Бог вышний возре на иноплеменникы со гневом, падаху пред хрестьяны; и тако побежены быша иноплеменьници, и падоша мнози вразе наши супостати пред Рускыми князи и вои на потоце Дегея, и поможе Бог Рускым князем»* (ПСРЛ, т. 2, с. 192).

Через два дня половцы, собрав силы, вновь выступили против русских князей. Встреча двух войск состоялась на р. Салнице, которая, по мнению ряда исследователей, находилась возле современного города Изюм Харьковской области. По крайней мере, в источнике XVII в. имеется упоминание о такой реке (Сальница), которая располагалась чуть выше реки Изюмец. Здесь 27 марта 1111 г., согласно сообщению летописца *«…избьени быша иноплеменнице многое множество на реке Салнице, и спасе Бог люди своя»* (ПСРЛ, т. 2, с. 193). Таким образом, половцы были разгромлены, но далее Салницы в этом году русское войско не пошло. Донской союз был ещё очень силен, о чем свидетельствовало то, что в 1113 г. кочевники попытались взять расположенный близ границы город Вырь.

Чтобы окончательно подавить сопротивление половцев был организован ещё один поход, который состоялся в 1116 г. *«В се же лето посла Володимер сына своего Ярополка, и Давыд сына своего Всеволода, на Дон, и взяша три грады: Сугров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк приведе собе жену, красну велми, Ясьского князя дщерь, полонив»* (ПСРЛ, т. 2, с. 204). О втором походе летопись сообщает весьма буднично, как об обычном событии. Во время его русское войско шло по своему прежнему маршруту. Вновь были взяты половецкие города Шарукань и Сугров. Кроме них был захвачен ещё один город – Балин. Особый интерес представляет упоминание, что Ярополк пленил в одном из этих городов дочь ясского (аланского) князя, которую взял себе в жены. Для нас это сообщение представляет существенный интерес, как свидетельство письменных источников о том, что в половецких городах проживало население этнически чуждое половцам, значительная часть которого была христианами греческого обряда. По всей видимости, это население было

Половчанка-воительница. Реконструкция О.В. Фёдорова (по С.А. Плетнёвой).

близко по своему происхождению и вероисповеданию жителям поселений, расположенных ниже по течению Северского Донца.

Походы Владимира Мономаха сильно подорвали силы Донского союза. Половцы были изгнаны с давно освоенных ими земель, расположенных близ границ Русского государства в лесостепи. Согласно сообщениям летописи Мономах не только разгромил их, но и принял под свою руку всю половецкую землю. Под всей землёй, вероятно, имелась в виду часть территорий, занимаемых Донским союзом. Тем не менее, имелись и отрицательные последствия этих походов. Именно после них половецкие орды переместились к югу, что вызвало падение Белой Вежи и полную потерю для Руси связи с Тмутараканью.

После разгрома основных территорий, на которых проживали донские половцы, значительная их часть была вынуждена убраться с этих земель. Где-то в степях остался, упоминаемый летописями, хан Сырчан со своей ордой. Несколько орд уже в 1118 г. разместились на Нижнем Дону. Близ русских земель кочевали так называемые «дикие половцы», которые вероятно, представляли остатки от орд, объединившихся в воинские союзы, не подчиняющиеся никаким правителям. Фактически, половецкие ханы прекратили в это время самостоятельные походы на Русь, а выступали, обычно в качестве союзников тех или иных князей, которые боролись против своих соперников.

Крупная орда под предводительством хана Атрака откочевала с Дона в степи Предкавказья. До 40 тыс. кочевников поступили на службу к грузинскому царю Давиду, где им и их семьям были выделены земли для кочевания. Сам хан Атрак вёл светскую жизнь при грузинском дворе, выдав свою дочь Гурандухт замуж за грузинского царя. Благодаря всему этому, на новых землях половцы чувствовали себя вполне хорошо. Спустя много лет орда Атрака возвращается назад, в родные степи. В Ипатьевской летописи под 1201 г. сохранилось сообщение об этом собы-

тии, которое произошло намного раньше этой даты. Стиль повествования свидетельствует, что это не обычная летописная запись, а искусно включённое в летопись половецкое сказание. В нём говориться, что после того, как Владимир Мономах испил шеломом из Дона и принял всю землю половецкую, он прогнал половцев с их земли «в Обезы», за Железные ворота (Дербентский проход). Оставшийся на родной земле хан Сырчан едва выжил, занимаясь рыбной ловлей. Когда же Владимир умер, Сырчан послал к своему брату – Атраку посла – степного певца-сказителя, которому дал указание, чтобы он сообщил хану о смерти Владимира и о том, что он может возвращаться домой, в родную степь. *«По смерти же Володимере, оставъшу у Сырчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы река: «Володимер умерл есть, а воротися, брате, пойди в землю свою; молвиша ему моя словеса, пой же ему песни Половецкия; оже ти не восхочет, дай ему поухати зелья, именем евшан»* (ПСРЛ, т. 2; с. 480). Так певец и поступил. Когда увещевания и половецкие песни не подействовали, он дал понюхать хану пучок степной травы под названием «евшан». Что это была за трава и ныне остаётся загадкой. Вполне вероятно, что евшаном называли полынь, или чабрец, траву с сильным запахом, который является запахом весенней степи. Понюхав его, Атрак заплакал и сказал: *«лучше на своей земле лечь костьми, чем на чужой жить во славе»*. После чего, собрал своих людей и вернулся на родину.

Прошли столетия, и на реке Ингулец, протекающей в глубине Херсонских степей, археологами было раскопано необычное половецкое захоронение. Как и большинство погребений половцев, оно было впущено в насыпь кургана, сооружённого в эпоху бронзы. В погребении находилось оригинальное гробовище, представляющее собой решетчатый ящик из деревянных планок, в нижней части которого были полозья, т.е. своеобразные сани, на которые был уложен покойник. С ним находились обычные для мужского половецкого захоронения вещи – лук, стрелы, нож, деревянные блюдо и чаша. Но наиболее интересным предметом являлся деревянный музыкальный инструмент – **кобыз**. Судя по вещам, погребение было произведено уже в XIII в. Кто знает, уж не сам ли посол Сырчана – Орев нашёл последнее пристанище в херсонских степях? Ряд деталей (покойник был положен в центре высокого кургана, на достаточно большой глубине) свидетельствуют о том, что погребённый – певец-кобызчи занимал особое место в обществе и пользовался почётом. Последнее не удивляет, кобызу приписывались чудесные свойства, и умение играть на нем считалось волшебным даром. Степные музыканты-кобызчи вплоть до недавнего времени почитались, как особые люди, и зачастую выполняли функции шаманов и знахарей. Учитывая это, абсолютно не удивляет тот факт, что именно такого человека и послал Сырчан к своему брату, приглашая его вернуться на землю своих отцов.

Осмотр сотрудниками Донецкого краеведческого музея кургана, близ города Дебальцево, на котором располагалось половецкое святилище (2009 г.).

Во второй половине XII в. половецкая степь восстанавливается после разгрома, произведённого полками русских князей. Во главе донских половцев становится сын Атрака, хан Кончак. О нём летописец писал: *«иже снесе Сулу, пешь ходя, котел нося на плечеву»* (ПСРЛ, т. 2, с. 480). Таким образом, он хотел подчеркнуть богатство и влияние Кончака, имевшего большой «котёл», являющийся символом знатности и влиятельности его рода. Этот половецкий хан впервые упоминается в русской летописи под 1172 годом. Кончак постепенно начинает восстанавливать силу половецкой земли. Вначале это были небольшие набеги, производимые с целью грабежа. Так, в 1174 г. он совместно с лукоморскими половцами хана Кобяка разграбил территорию Переяславского княжества. В дальнейшем Кончак не только возглавлял походы половцев вместе с русскими князьями, но и пытался делать набеги на русские земли самостоятельно. Эти походы были не очень успешными. Более того, в 1183 г. русскими князьями вновь были разгромлены лукоморские половцы, а их хан Кобяк, взятый в плен, казнён. Желая отомстить за него, Кончак в 1184 г. идёт на русские земли. Отличительной чертой этого похода было то, что к нему половцы хорошо подготовились и даже имели осадную технику. *«Пошел бяше оканьный и безбожный Кончак, со множеством Половець, на Русь, похупся яко пленити хотя грады Рускые и пожещи огньмь: бяше бо обрел мужа такового бесурменина (мусульманина – Э.К.), иже стреляше живым огньмь, бяху же у них луци тузи самострелнии, одва 50 мужь можашет напрящи»* (ПСРЛ т. 2, с. 428-429).

Поход не удался. Объединёнными силами русских князей половцы Кончака были разбиты, а «муж бесурменин» со своими хитроумными

приспособлениями взят в плен. *«Коньчак же то видев, за не утече черес дорогу, и меньшицю его яша, и оного бесурменина яша, у него же бяшет живый огнь, то и того к Святославу приведоша со устроенным (огнем); прочая же воя их оних избиша (а инех изоймаша), а коне и оружье многое множество ополониша»* (ПСРЛ т. 2, с. 429). После этой битвы в 1185 г. киевский князь Святослав вновь совершил поход в степь. Войско разорило половецкие кочевья, а князь отправился в землю вятичей, чтобы заняться подготовкой нового крупного похода.

Многочисленные победы над половцами ослабили бдительность некоторых князей, и в 1185 г. Новгород-Северский князь Игорь Святославич организовал самостоятельный рейд в степь. Войско выступило во время подготовки к крупному походу на донских половцев, который затеял Святослав Всеволодович киевский. Незадолго перед этим черниговские князья заключили с половцами мир, отказавшись принять участие в этом мероприятии. Войско Игоря было плохо организовано. В поход отправилось малое количество князей, представлявших небольшие удельные княжества. Войска выступили 23 апреля из Новгород-Северского и направились к Дону/Донцу, куда пришли 1 мая. В начале похода произошло событие, ничего хорошего не предвещающее. У Донца воины увидели солнечное затмение, что считалось очень плохой приметой. Об этом летопись сообщает так: *«Игорь же воззрев на небо и виде солнце стояще, яко месяц, и рече бояром своим и дружине своей: «видите ли что есть знамение се?» Они же узревше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! Се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «братья и дружино! Тайны Божия никтоже не весть, а знамению творец Бог и всему миру своему; а нам что створит Бог, или на добро, или на наше зло, а то же нам видити». И то рек, перебреде Донец и тако прииде ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода, тот бяше шел инеем путем ис Курьска; и оттуда поидоша к Салнице…»*.

Грозное знамение не остановило Игоря. Возле реки Салница разведчики сообщили, что половцы держатся настороже и надо либо быстро нападать, либо возвращаться обратно *«яко не наше есть время»* (ПСРЛ, т. 2, с. 431). На это Игорь принял решение продолжать поход: *«оже ны будет не бившися возворотитися, то сором ны будет пуще и смерти»*. Вопрос по всей вероятности был не в том, что будет стыдно, а в том, что Игорю просто не хотелось прерывать начатое мероприятие.

Войско шло всю ночь. На следующий день, у реки Сюурлий были встречены полки половецкие, которые выпустивши по стреле и не приняв боя, пустились в бегство. За ними бежали и те половцы, которые находились в стороне от реки. Русскими были захвачены вежи (кибитки), в которых находилась богатая добыча. «Слово» упоминает, что в числе ее были *«красны девки половецкие»*, *«драгие оксамыты»*, *«злато и паволокы»*. Львовская летопись повествует, что русские воины в этих

Вершина кургана у города Дебальцево с лежащим на ней половецким каменным изваянием (2009 г.).

вежах *«множество полона взяша, и жен и детей»* (ПСРЛ т. 20, с. 137). Что происходило дальше, различные источники освещают по-разному. Ипатьевская летопись свидетельствует, что уже на следующий день русские полки хотели начать отступление назад, понимая, что дальше продвигаться опасно, однако были задержаны передовым отрядом, который ушёл в степь и вернулся обратно только ночью. Часть князей возражала против немедленного отступления, так как после гонки за половцами, людям и коням требовался отдых. Львовская летопись даёт несколько иное описание событий. Согласно ей: *«И стояша на вежах 3 дни, веселячися, рекучи: «братия наши ходили со Святославом, великим князем, и билися с ними, и зрящее на Переяславль,и ни пришли сами к ним, а в землю их не смели ити; а мы в землю их есми, а самих есмя избили; а ныне поидем за них за Дон и до конца избьем; аже ны будет победа, идем и в Лукуморя, а возьмем до конца свою славу» и не ведущее Божия строения»* (ПСРЛ, т. 20, с. 137).

Сообщение Львовской летописи представляется более близким к истине. В самом деле, войску после многодневного марша по степям требовался отдых. Кроме этого, лёгкая победа над передовым отрядом половцев и захваченная богатая добыча подняли боевой дух князей. Что

касается добычи, то её надо было поделить, что тоже требовало времени. Да и отпраздновать победу тоже хотелось, чему способствовало наличие среди богатой добычи вина и *«красных»*, то есть красивых, «девок половецких». Таким образом, сообщение Львовской летописи вполне соответствует общему духу этого похода, возглавляемого молодыми, горячими и неопытными князьями. На рассвете русские дружины обнаружили, что они окружены огромным половецким войском. Битва длилась три дня. Половцы отрезали войско северского князя от воды, и воины страдали от жажды. В конце концов, побежали ковуи (торки). Раненый князь Игорь, попытавшийся их остановить, был взят в плен, а войско его потерпело полное поражение. Согласно данным источников пленены были все князья, войско погибло, смогли бежать лишь несколько десятков человек. Сокрушительное поражение русских дружин *«на реке Каяле у Дона великого»* привело к серьёзному обострению отношений с половцами и дало толчок к возобновлению их набегов на русские земли.

Подробности этого, в общем, небольшого похода широко известны, благодаря тому, что он был воспет в бессмертном «Слове о полку Игореве». Список книг и статей, посвящённых событиям 1185 г., огромен. Значительная часть их относится к поиску ответа на вопрос: где же находилась река Каяла, и в каком районе степи происходила битва. По мнению известного исследователя древностей Северского Донца Н.В. Сибилёва, битва произошла в районе Славянских (Торских) соляных озёр. В качестве доказательства приводились смутные, подтверждённые только газетной публикацией, рассказы о находках в конце XIX в. каких-то скелетов и оружия в этом районе, упоминание в источниках озера рядом с местом сражения, а также то, что русские воины, находясь у этого озера, страдали от жажды. Близкой точки зрения придерживались К.В. Кудряшов и М.Ф. Гетманец.

Вопрос о Торских соляных озёрах представлял бы интерес, если бы мы знали, когда именно эти озера стали солёными. Известно, что соледобыча всегда являлась исключительно доходным промыслом, и в местах, где она производилась, обычно присутствует большое количество разнообразных находок, утерянных или забытых промысловиками. По ним можно чётко определить, в какой период велась добыча соли на том или ином месторождении. В то же время, раскопки в районе Торских соляных озёр, показали, что вокруг них находится множество поселений XVII-XVIII вв. Никаких следов соледобычи более раннего времени здесь обнаружено не было. Создаётся впечатление, что в продолжение всей эпохи средневековья здесь, близ левого притока Казённого Торца – реки Колонтаевка, были обыкновенные пресные озера. Таковыми они оставались вплоть до XVI в., когда водой были подмыты лежащие ниже соляные пласты. Находки скелетов и предметов вооружения, о которых писалось в дореволюционной прессе, были обнаружены при строительстве ветки

Половецкое каменное изваяние XII-XIII вв. Природный заповедник «Гектова балка» в Добропольском районе.

железной дороги, идущей от Славянского курорта к железнодорожному вокзалу города Славянск. Они тяготеют к месту расположения Торской крепости (XVII-XVIII вв.) и, наиболее вероятно, относятся ко времени её существования.

Некоторые исследователи разыскивали место битвы Игоря с половцами на реках Кальмиус, Калка, Мокрые Ялы. Все эти точки зрения представляются малоубедительными уже хотя бы потому, что судя по летописным сообщениям, войско Игоря двигалось по тому же пути, по которому шли полки Владимира Мономаха в 1111 и 1116 гг., когда направлялись к Дону/Донцу. Если бы Игорь шёл южнее, то использовался бы иной путь, идущий чрез переправу близ острова Хортица на Днепре. Памятник Игорю и его воинству был сооружён и неподалёку от нынешнего населённого пункта Станица Луганская. Таким образом, по имеющимся в нашем распоряжении данным, ныне мы не можем точно определить, где произошла битва 1185 г. Вполне вероятно, что это событие имело место где-то в степях Донецкого края близ реки Северский Донец. Тем не менее, полностью исключить вероятность того, что битва произошла у Дона на этой же широте, мы тоже не можем.

В конце XII и начале XIII вв. после ряда разорительных походов отношения Руси и Половецкой земли стабилизируются. Половцы по-прежнему принимают активное участие в политических конфликтах русских князей, вступая во все более близкие отношения с ними. Частыми становятся династические браки, что способствовало установлению нормальных

отношений между соседями. Часть половцев принимает христианство, о чем свидетельствуют христианские имена некоторых половецких князей. Всё это происходит вплоть до прихода в степь монголов, коренным образом изменивших всю историю края.

Серебряные колт и браслеты из половецких погребений (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Памятники, оставленными половцами в Донецких степях, довольно многочисленны: курганные погребения XI-XIII вв., святилища, связанные с культом предков, каменные изваяния. Кочевья этого времени здесь пока не выявлены, что представляется странным, так как по историческим и археологическим данным известно, что эта территория была густо заселена. По-видимому, это было связано с отсутствием у половцев каких-либо наземных сооружений. В летописях упоминаются передвижные половецкие жилища, называемые «вежами», которые на летописных миниатюрах обычно изображались в виде юрты, установленной на колеса. Подобные жилища видели современники и у монголов более позднего периода (Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло). Вполне вероятно, что отсутствие кочевий (типа мысовых поселений у салтовцев) объясняется иной системой кочевания.

Половецкие захоронения достаточно многочисленны. Они известны практически на всей территории Донецких степей: в Приазовье, донецком Кряже, а также в степях близ Северского Донца. Здесь половецкие захоронения раскапывались в окрестностях Славянска (на горе Карачун), у сёл Сидорово, Хрестыще, Андреевка, Октябрьское и во многих других местах. Половцы хоронили своих покойников под курганами, причём большинство захоронений было впущено в насыпи более раннего времени. Иногда они сооружали и свои собственные курганные насыпи, которые обычно имеют небольшую высоту – до 1 м. Половецкий погребальный обряд достаточно разнообразен. Классический его вариант предусматривал помещение рядом с умершим целой туши взнузданного коня, которая укладывалась на ступеньку, чуть выше захоронения человека. Конь обычно разворачивался головой на запад – к стране предков.

Покойника укладывали в гробовище, головой на восток, лицом кверху. Таким образом, он также должен был смотреть на запад. Достаточно часто

1

2

Половецкие погребения XII в., выявленные при раскопках экспедициями Донецкого краеведческого музея: 1 – в кургане могильника Мариенфельд у села Андреевка Славянского района (2012 г.); 2 – в кургане у села Сидорово Славянского р-на (1936 г.).

встречается и погребение конского чучела (т.е. головы, хвоста и ног коня). И то, и другое является деталями погребального обряда предшествующего печенежско-торческого периода. Являлись ли погребённые потомками печенегов или торков, сказать трудно, тем не менее, такие захоронения встречаются достаточно часто. Вероятно, это является свидетельством, что в своё время значительная часть печенежско-торческого населения влилась в половецкие орды и была ассимилирована половцами.

Половецкие захоронения чётко отражают процесс имущественного расслоения в среде кочевников. Наряду с бедными могилами, в которых практически нет вещей, встречаются очень богатые захоронения, принадлежавшие воинам и степной аристократии. Так, в кургане у села Андреевка Славянского района было выявлено впускное погребение, произведённое в центральной части насыпи кургана эпохи бронзы на небольшой глубине. В нём кроме чучела коня с удилами, характерными для XII в., и деталей одежды ничего обнаружено не было.

Ещё одно такое захоронение было раскопано в 1988 г. у села Татьяновка Славянского района. В разрушенном кургане находилась яма с подбоем под южную стенку. На ступеньке была уложена целая туша коня со стременами, развёрнутая головой на запад, с удилами в зубах. Останки человека находились в подбое, в деревянном гробовище. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на восток. Единственной находкой в этом захоронении была медная оплётка от камчи – плети.

Костяные пуговицы из половецких погребений (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

В курганном погребении, раскопанном в 1936 г. у села Сидорово Славянского района, при покойнице находились костяные бусы, височные кольца и деревянная шкатулка, обтянутая золототканой парчой. Судя по характерным височным кольцам, указанное захоронение было произведено в XII в. Его нельзя отнести к богатым, но факт наличия в нем дорогой привозной ткани свидетельствовал в пользу того, что оно не являлось и бедным. В богатых погребениях присутствуют оружие, кольчуги, шлемы. При умерших иногда встречаются серебряные или позолоченные распрямлённые шейные гривны, которые являлись не просто украшениями, но были символами власти. В некоторых захоронениях, которые, наиболее вероятно, являлись могилами глав родов, наряду с гривнами, встречаются котлы, тиснённые или склёпанные из медного листа. Они несут символическую функцию, поскольку котёл являлся символом рода. Вместе с ними иногда встречаются дорогие привозные украшения и посуда.

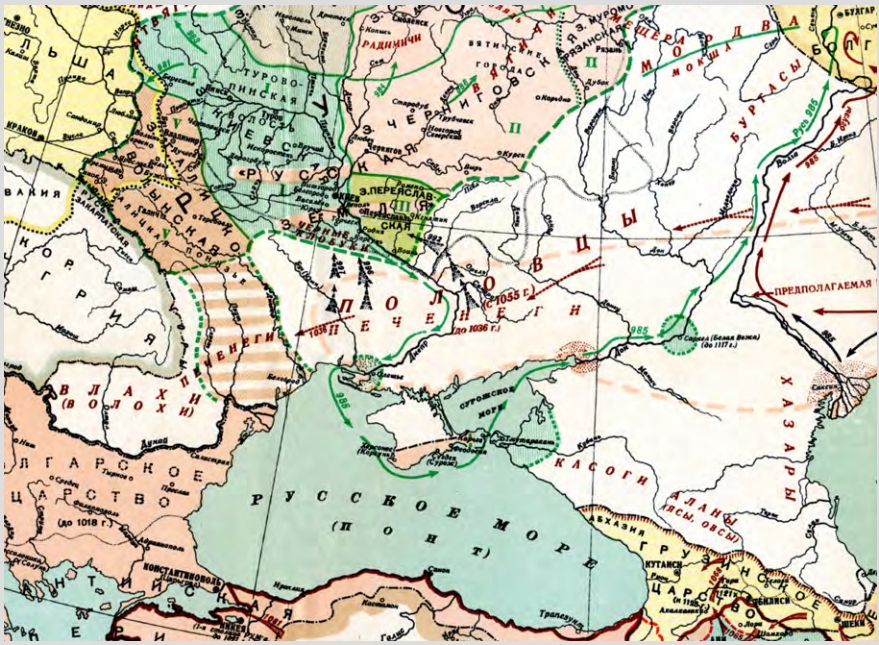
Тем не менее, в это время количество находок импортных изделий на территории региона, по отношению к хазарскому периоду, сильно сокращается. С чем это связано, не совсем ясно. Возможно, здесь сыграла роль общая нестабильность обстановки в Степи. С полной уверенностью этого нельзя утверждать в отношении импорта оружия. Из позднекочевнических захоронений, раскопанных на территории Донецких степей, происходит достаточное количество предметов вооружения, большинство которых дошло в таком состоянии, что делать какие-либо выводы об их происхождении или месте производства затруднительно.

Характерными памятниками половецкого времени являются каменные изваяния т.н. «бабы», по количеству находок которых Донецкие степи занимают одно из первых мест. Находки их известны как близ Северского Донца (у сёл Прелестное, Хрестыще), так и в степи. Особенно много изваяний найдено на донецком Кряже и в Приазовье. Одна из крупнейших коллекций их хранится в Донецком республиканском краеведческом музее. Крупные собрания имеются в природных заповедниках Хомутовская степь, Каменные Могилы и в Великоанадольском музее леса. Часть половецких каменных статуй представляет собой грубо вытесанные стелообразные изваяния, у которых достаточно схематически показана голова, а иногда – руки. Некоторые из них имеют более детальную проработку – лиц, рук, иногда ног. При всем этом, по своему общему виду они продолжают напоминать стелы. Этот тип изваяний С.А. Плетнёва

Головы половецких каменных изваяний второй половины XII в. – середины XIII вв. (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

относила к раннему периоду проживания половцев в степи – серед. XI – серед. XII вв. Позже появляются высокохудожественные скульптуры с проработанными деталями тела, костюма, лица, которые датируются 2-й пол. XII в. – серед. XIII века. На территории Донецких степей широко представлены изваяния обеих видов, что свидетельствует о том, что эти земли были заселены половцами очень рано. Абсолютное большинство половецких статуй имеет достаточно однообразную иконографию. Это стоящие или, чаще, сидящие фигуры, которые держат перед пупком чашу. На задней части сидящих изваяний иногда видны детали невысокого трона или скамейки. Мужские статуи обычно имеют воинское убранство. На голове находится шлем, из-под которого виднеется характерная деталь причёски – три косы, сплетённые в одну. Уникальным является изваяние из Великоанадольского музея леса, где на голове изображено какое-то подобие плоского головного убора, напоминающего тюбетейку. При этом лицевая часть не изображена фронтально, а несколько вздёрнута кверху. Создаётся впечатление, что человек молится, обративши своё лицо к небу. На хорошо сохранившихся изваяниях, особенно на поздних, бывают видны детали разделки одежд, подсумки, предметы воинской амуниции. Некоторые статуи имеют достаточно хорошо проработанные лица, на которых изображены усы, борода и иногда даже читается монголоидность. Женские изваяния обычно имеют чётко проработанные большие груди и характерный головной убор, напоминающий кокошник – символ замужней женщины. На тыльной стороне этих изваяний видна накидка, которая иногда имеет фигурную форму. Обычно на женских изваяниях подчёркивались детали костюма и изображались украшения – шейные гривны, серьги, височные кольца, наголовный обруч, украшенный поперечными пластинами – т.н. «рога», которые достаточно часто встречают в женских захоронениях. Как и на мужских изваяниях, у пояса иногда изображены подсумки.

Характерной деталью половецких изваяний является то, что все они держат в руках перед пупком чашу, символ того, что перед нами не просто человек, а обожествлённый предок, который после смерти, становился духом, покровителем рода. Недаром, само слово «баба» является переиначенным «бабай» – отец, предок. Изначально для них



Народы на территории Восточной Европы в X – середине XII в.

строились специальные святилища, посвящённые культу предков. О таких святилищах сообщает В. Рубрук, проезжавший через нашу степь в середине XIII в. *«Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращённую лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу»* (Рубрук, 1911, с. 80). Подобные культовые места зафиксированы и археологически изучались как на других территориях, так и в пределах Донецких степей. Они представляли собой каменную выкладку с оградкой на кургане, в котором, зачастую, не было захоронений половецкого времени. Внутри оградки стояло одно или несколько изваяний, обращённых лицом к востоку. Такое положение изваяний внутри святилищ прослеживается по источникам XVII в., когда некоторые каменные изваяния ещё стояли на своих прежних местах не потревоженными. Подобное положение было прослежено и у изваяния, лежавшего на уплощённой вершине кургана у города Дебальцево. В момент находки оно лежало на животе головой к востоку. Такое положение изваяния, явно находившегося на своём первоначальном месте, свидетельствовало, что оно было обращено к этой стороне света. Лицом к востоку были направлены изваяния в святилище у села Новосёловка

Тельмановского района, которое также располагалось на кургане эпохи бронзы, и на других известных святилищах, где первоначальное расположение статуй удалось проследить. Обращение каменных изваяний лицевой частью в восточную сторону было связано с представлениями тюркских народов о том, что мир предков находится на западе. Так как изваяния изображали обожествлённых предков, находящихся в далёкой западной стране мёртвых, то они, соответственно должны были общаться с живыми из этой страны, т.е., стоять лицом к востоку, к миру живых. Соответственно, кочевник, приносящий им жертвы, обращался лицом к западу, к стране предков.

Особый интерес представляет святилище, раскопанное в 1975 г. в районе микрорайона Текстильщик на территории нынешнего Донецка. Здесь производились исследования курганной группы, состоявшей из шести насыпей. На двух из них были сооружены каменные выкладки половецкого времени, причём в одном святилище, сооружённом на насыпи кургана 5, находились не только остатки двух каменных изваяний, но и уникальная каменная фигурка медведя. Остатки культового места половецкого времени были зафиксированы в 2011 г. при раскопках курганной группы Попов Яр-II в Добропольском районе. Здесь на кургане эпохи бронзы располагалась средневековая каменная выкладка, а в поздней яме, прорезавшей насыпь данного кургана, была обнаружена нижняя часть половецкого каменного изваяния XII-XIII вв. Среди камней, во многих местах, были отмечены следы кострищ, которые, вероятно, разжигались здесь во время жертвоприношений.

Иногда святилища сооружались и вне курганов. Одна из таких, распаханных ныне каменных выкладок расположена на территории Шиловского сельсовета Добропольского района. Согласно рассказам местного населения, на ней ранее стояла каменная «баба», которая затем была оттуда снята. Вторая выкладка, представляющая остатки распаханного культового места была осмотрена в Володарском районе, неподалёку от Мариуполя. Там тоже не было кургана, зато находилось половецкое изваяние, лежавшее среди разбросанных по пахотному полю камней.

Среднее течение Северского Донца в XI-XIII вв.

В то время, когда в степи сменяли друг друга печенеги, торки и половцы, в среднем течении Северского Донца происходили следующие события. С гибелью Хазарского каганата прекратили существование крупные поселения, являющиеся оплотом хазарской власти на этих землях. С его исчезновением оседлое население оказалось полностью беззащитным перед лицом грозных кочевых соседей. Часть его переместилась в более спокойные регионы. Вполне возможно, какие-то группы могли уйти на север, в лесостепь, где в это время формировалась терри-

тория Древнерусского государства. Здесь проживали племена северян, на землях которых влияние материальной культуры Хазарии ощущалось и ранее. Часть переселенцев (в первую очередь речь идёт о хазарских мусульманах), вероятно, отправилась в район бассейна Средней Волги, где проживало этнически и культурно близкое им население. В это время вокруг крупнейших булгарских городов – Булгара, Биляра, Сувара – появляются поселения, культура которых несёт на себе сильное влияние салтовской культурной традиции. По прибытии в Волжскую Булгарию (921-922 гг.), Ибн-Фадлан застал там отдельные, уже сформировавшиеся мусульманские общины, ислам которых отмечен явным среднеазиатским влиянием, которое было характерно и для ислама поселений, расположенных в среднем течении Северского Донца.

Судьба населения, оставшегося на Донце, прослеживается более чётко. Несмотря на переселения кочевников и разгромы множества поселений, оседлая традиция на данной территории продолжалась. Во 2-й половине X в. здесь появляется ряд небольших поселений, вытянутых цепью вдоль течения реки. Обычным местом их строительства были береговые террасы. Большинство селищ появляется на месте населённых пунктов салтово-маяцкой археологической культуры, что свидетельствовало о культурной преемственности между ними. Показательно, что указанные поселения присутствуют только на Северском Донце, или территориях, непосредственно прилегающих к нему. Так, они встречаются на террасах у старичных озёр, расположенных в пойме, на левом берегу реки. Одно из таких поселений найдено в прилегающей к Северскому Донцу степной зоне (у села Карповка Славянского района). Тем не менее, и оно отстоит от реки на расстоянии не более 3 км. Подобного рода памятники имеются на лесостепной Харьковщине и в Ростовской области. Все эти поселения несут на себе влияние древнерусской культурной традиции, которое особенно чётко прослеживается на их керамическом комплексе.

Вопрос о «древнерусских» поселениях в степи имеет давнюю историю изучения. Ещё в дореволюционное время вышел ряд работ, где рассматривались судьбы населения, формирование которого связывалось с попытками русских князей распространить своё влияние на Степь. Этой же проблематике было уделено внимание в работах советских исследователей, где ставился вопрос о «восточной» политике русских князей, направленной на взятие под контроль крупнейших торговых путей, ранее принадлежавших хазарам.

В самом деле, отрицать факт наличия «восточной» политики в древнерусском государстве мы не можем. Начало её иногда связывают с походами киевского князя Святослава, с чем вряд ли можно согласиться. Несомненно, под его руководством были проведены удачные походы против хазар. Но попыток закрепиться на вновь завоёванных территориях, в период правления этого князя мы не видим. Более того,

не понятно, была ли в результате этих походов какая-либо часть земель Хазарии завоёвана Русью. Деятельность Святослава весьма неоднозначна. Он воюет с вятичами и с хазарами на Дону, с ясами и касогами на Северном Кавказе. Потом – снова с вятичами, а далее – мы его видим в Дунайской Болгарии. Весьма показательно летописное сообщение (968 г.), в котором киевляне упрекают Святослава в том, что он бросил свою столицу: *«ты княже чюжей земли ищеши и блюдешь, а своея ся лишив»*.

Более чётко настроения князя и его отношение к Киеву, да и к Руси в целом, выражены в летописной статье следующего, 969 г.: *«Рече Святослав к матери своей и к бояром своим: «нелюбо ми есть в Киеве жити, хочу жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходяться: от Грек паволокы, золото, вино и овощи разноличьнии, и ис Чехов, и из Угор серебро и комони, из Руси же скора и воск, и мед и челядь»*. Следовательно, после похода в Болгарию Святослав видел себя уже не киевским, а болгарским князем, рассматривая территорию Руси, лишь как часть огромной державы, центр которой должен был находиться на территории Болгарии. В пользу этого свидетельствует и его внешний вид во время похода на Болгарию, описанный у современника событий – византийского историка Льва Диакона. Данный автор не был очевидцем событий, но составлял своё описание со слов людей, присутствовавших при переговорах и лично видевших Святослава: *«Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на вёслах и грёб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны её свисал клок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамлённым двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой»* (Лев Диакон, 1988, с. 82).

Из данного отрывка следует, что перед нами уже не русский, а болгарский князь, принадлежность которого к болгарам подчёркнута его внешним видом, в том числе и гуннской степной причёской. Таким образом, Святослав не смог, да видимо, и не желал, преодолеть в себе варяжского конунга, предводителя военной дружины, ищущего «лучшей» земли. Могла ли в его правление идти речь о какой-то целенаправленной восточной политике Руси, когда князя мало интересовали даже основные её территории?

Иная картина наблюдается у следующих за ним князей – Владимира и Ярослава Мудрого. С самого начала своего правления Владимир уделял

серьёзное внимание восточным территориям своего государства. Его походы на вятичей (981-982 гг.), волжских булгар (985 г.) свидетельствуют о том, что князь старался установить контроль Руси над основными торговыми путями, которыми ранее владели хазары. Показательно, что в походе на булгар он выступает совместно с торками, то есть использует давних союзников, услугами которых пользовался ещё Святослав. Вероятно, в Волжской Булгарии Владимир встретил сильное сопротивление. Согласно сообщению летописи князь: *«…победи Болгары. И рече Добрыня Володимеру: «съглядах колодник, и суть вси в сапозех; сим дани нам не платити, пойдеве искать лапотник». И створи мир Володимир с Болгары, … и реша Болгаре: «толи не буди мира межи нами, оли же камень начнеть плавати а хмель грязнути».*

Мир с булгарами был недолог. В Никоновской летописи засвидетельствовано, что походы на булгар происходили в 994 и 997 гг. Ряд источников свидетельствуют, что поход 985 г. был направлен не только на болгар, но и на хазар. По крайней мере, арабский автор ал-Мукаддаси подтверждает, что где-то в это же время произошло нашествие русов на хазар, причём страна хазарская была сильно разорена. Этому сообщению вторит Иаков Мних, повествуя, о победе Владимира над хазарами и возложении на них дани. Позже восточные источники сообщают о ряде походов дружин русов на Хазарию – в 987 и 989 гг. Трудно сказать, были ли эти походы проведены со стороны Древнерусского государства, или это были набеги отдельных варяжских дружин. По мнению известного исследователя истории Хазарии – М.И. Артамонова, поход Владимира на Корсунь также имел побочную цель – установление контроля Руси за Таманским полуостровом, поскольку расположенная там Тмутаракань, и находящийся на Нижнем Дону Саркел были ключами к господству над Северным Кавказом и Каспием.

Ярослав Мудрый являлся продолжателем курса Владимира на построение мощного древнерусского государства. Не зря, именно эти два князя иногда именуются восточным титулом **«каган»** наряду со славянским титулом – князь. Каганами они являлись для своих подданных на восточных землях, ранее принадлежавших Хазарскому каганату. Именно в этот период на Дону, на месте хазарской крепости Саркел, формируется «русский» город – Белая Вежа. В это же время на месте хазарской Матрахи или Таматархи появляется подчинённая Руси Тмутаракань, территория вокруг которой оформляется в Тмутараканское княжество.

Появление далеко в степи, за пределами ареала проживания русского населения подобных крупных торговых и военных форпостов должно было вызвать необходимость соединения их с землями, непосредственно подчинёнными русским князьям. В строительстве новых поселений на пролегавших через степь торговых путях не было необходимости. Здесь издревле уже существовала цепь населённых пунктов, пролегающая вдоль

Северского Донца – крупной речной артерии, пересекавшей степь с северо-запада на юго-восток, вплоть до низовьев Дона. Оттуда было недалеко и до Тмутаракани. По всей видимости, на эти населённые пункты уже в конце X в. направляется поток переселенцев с русских земель. Особенно интенсивным он становится в начале XI в., когда в результате борьбы между сыновьями Владимира Русское государство оказалось разделённым между Ярославом и Мстиславом Черниговским. М.И. Артамонов рассматривал эти события, как раскол внутри Древней Руси на две ориентации – византийскую и степную. Известно, что Мстислав активно использовал в своих войсках не только северян, но и ясов, хазар, касогов, и тесно был связан со своими владениями в Тмутаракани и на Северном Кавказе. По мнению, М.И. Артамонова, в это время Тмутараканское княжество владело не только территориями в районе Тамани и Керченского полуострова, *«но и было центром обширных русских владений на юго-востоке и контролировало не только Подонье и Кубань, но и Нижнюю Волгу»* (Артамонов, 1962, с. 439-440). В 1022 г. Мстислав, который в это время был Тмутараканским князем, совершает поход на касогов, где в поединке лично убивает их князя Редедю, предложившего не губить дружину, а решить вопрос единоборством. В 1023 г. он начинает борьбу с Ярославом за отцовское наследство. Согласно сообщению летописи: *«Поиде Мьстислав на Ярослава, с Козары и с* ***Касогы****»* (ПСРЛ, т. 2, с. 103), которые являлись его дружиной. Она, вероятно, была весьма значительной, так как в следующем 1024 г. смогла успешно противостоять не только войску Ярослава, но и варягам, возглавляемым конунгом Якуном, которые пришли к нему на помощь. В битве при Листвене войско Ярослава было наголову разгромлено. Показательно, что Мстислав после этой битвы радовался, что основную часть потерь понесли северяне, которых он поставил в центр войска против варягов Якуна, в то время, как его дружина осталась цела.

Пришедшие в степь русские люди оседали на поселениях, ранее принадлежавших Хазарии, где уже проживало местное население, пёстрое по своему этническому составу. Они приносили в материальную культуру этих поселений свои характерные черты. Именно в этот период на степных поселениях начинает формироваться своеобразное гончарное производство, включающее в себя элементы, как древнерусского, так и салтовского гончарного дела. Тогда же это население, которое и ранее было хорошо знакомо с христианством греческого обряда, подвергается сплошной христианизации. На степных поселениях появляются предметы культа, происходящие с Руси, распространяются некоторые традиции древнерусской материальной культуры. Находки предметов христианского культа известны на городище у с. Маяки в Славянском районе. При раскопках слоя этого времени на поселении Нижнетёплое М.Н. Ключневым был обнаружен каменный нательный крест, близкий находкам такого рода на русских землях. Показательно, что и в летописном рассказе, повествующем

Территория поселения XI-XIV вв. на археологическом комплексе у села Маяки. На переднем плане место ведения раскопок экспедицией Донецкого краеведческого музея в 2005 году.

о битве на донецкой реке Калке, фигурирует атаман «бродников», имеющий славянское имя Плоскиня, который в подтверждение своей клятвы целовал крест, что также свидетельствовало о том, что он являлся христианином.

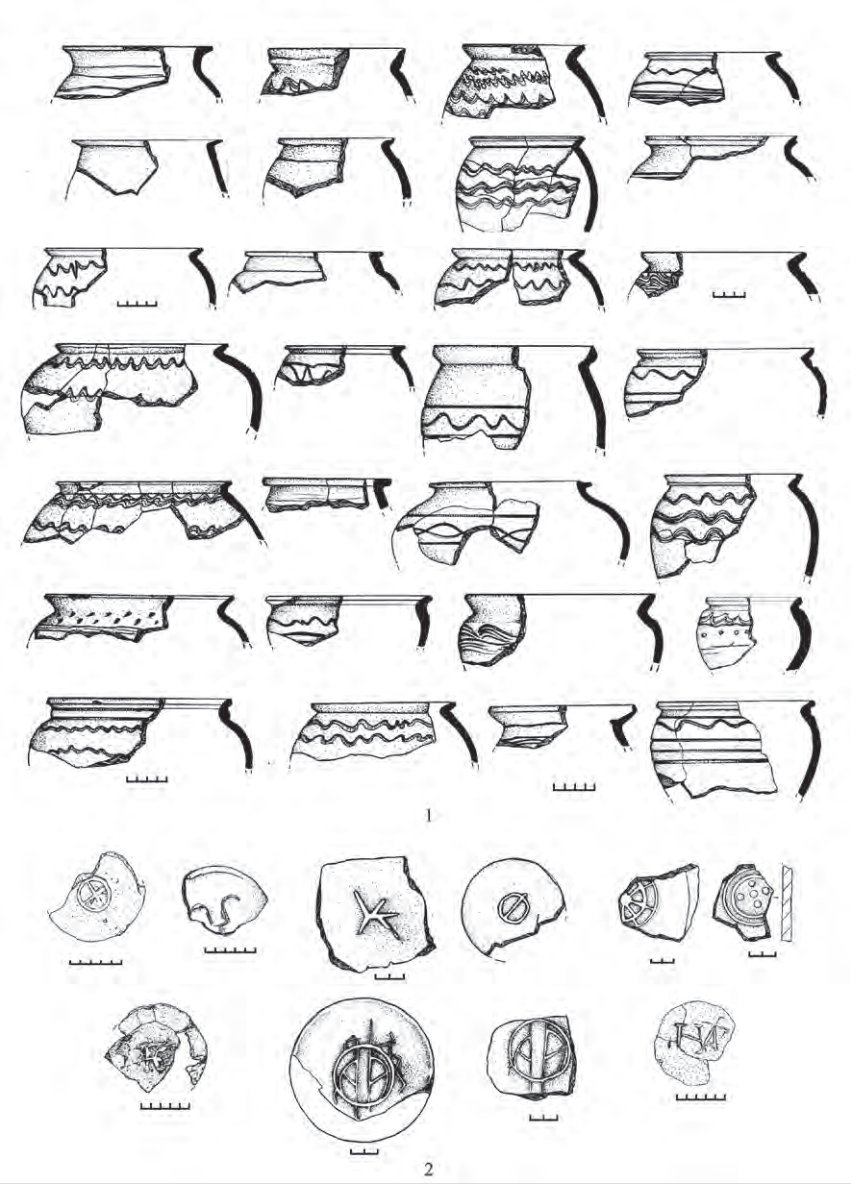
Распад Древнерусского государства на ряд княжеств, который совпал с приходом в степь мощного половецкого союза привёл к ослаблению, а затем и потере влияния Руси на Степь. Тмутаракань и торговые пути, идущие к ней, попадают под контроль кочевников. И всё же старые связи с Тмутараканью у степного населения, по всей видимости, сохраняются, чем и можно объяснить присутствие на памятниках предметов византийского импорта. Так, близ хутора Зливки Краснолиманского района, где был обнаружен протоболгарский могильник, в 80-х гг. XX в. М.Л. Швецовым было выявлено ещё одно кладбище, которое относилось к позднему периоду существования этого поселения. Погребения на нем были произведены по христианскому обряду. Среди прочих находок, в двух могилах были выявлены парчовые воротники византийского производства.

По всей видимости, заключительным аккордом восточной политики Древней Руси были сражение печенегов и торков с половцами хана Атрака, которое произошло в 1117 г. у стен Белой Вежи (бывшего хазарского Саркела). Вероятно, что торки и печенеги до последнего обороняли расположенные в степи городки и поселения, которые формально принадлежали

Руси. Или у кочевников был какой-то договор с русскими князьями, или они имели прибыль от этих поселений – не совсем ясно. Тем не менее, весь печенежско-торческий период активное общение с Белой Вежей и Тмутараканью, расположенной на далёкой Тамани, не вызывало проблем у русских князей. Оно производилось благодаря наличию древнего торгового пути, идущего по Северскому Донцу, на котором располагалась сеть поселений, заселённых полиэтничным алано-болгаро-славянским населением. В 1117 г. Белая Вежа была оставлена русскими и занята половцами. Её население переселилось в южнорусские земли. Согласно сообщению летописи под 1117 г.: *«Том же лете придоша Беловежьци на Русь»* (ПСРЛ, т. 2, с. 205). Таким образом, кочевники навсегда отрезали от Руси Тмутаракань, которая отныне превратилась для русских князей в *«землю незнаему»*.

Население, проживающее на степных поселениях, теряет связь с русскими землями и продолжает существовать уже под властью новых хозяев. В этот период сюда продолжается приток переселенцев. Наряду с обедневшими и вынужденными осесть кочевниками (печенегами, торками), на степные поселения приходят выходцы с Руси, которым пришлось покинуть свою землю в результате всевозможных политических или социальных катаклизмов. Вполне вероятно, что в этих же селениях половцы поселяли и часть пленных, добытых в результате походов на русские земли, которые также влились в состав их полиэтничного населения. По всей видимости, для половцев указанные поселения не были помехой – иначе они просто были бы уничтожены. Более того, степняки извлекали из их существования максимальную выгоду. Наряду с тем, что жители этих населённых пунктов платили какие-то подати, поселения, вытянутые цепью вдоль достаточно крупной реки, служили перевалочными пунктами, расположенными близ речных переправ, вдоль крупного торгового пути, ведущего в русские земли. А этот путь, вне всяких сомнений, функционировал, по крайней мере, в тот период, когда военное противостояние сменялось мирным временем. Вполне вероятно, что именно это пёстрое в этническом плане оседлое население, проживающее в степях в XI-XIII вв., известно в русских летописях под именем **«бродников».** Такое имя оно могло получить из-за того, что большинство поселений, на которых они проживали, располагались при бродах. Как выше указывалось, это население, в основе которого находились жители поселений салтово-маяцкой археологической культуры, благополучно пережило многочисленные политические катаклизмы, которые происходили в степи: приход к власти печенегов, затем – русских князей, потом – половцев. В дальнейшем, они пережили монгольское нашествие и в течение всего золотоордынского времени продолжали жить в среднем течении Северского Донца, составляя коренную часть населения этих земель.

В отличие от половецких городов, известных только по летописным свидетельствам, остатки поселений, расположенных на пути, соединяющем



Фрагменты керамических горшков (1) и клейма на их днищах (2). Археологический комплекс у села Маяки.

Чернигово-Северщину и Тмутараканское княжество, были обнаружены и на них проводились археологические раскопки. В настоящее время из этих поселений, расположенных в среднем течении Северского Донца, наиболее изученным является селище на территории археологического комплекса у села Маяки. Оно занимало высокую террасу правого берега реки у места впадения в него глубокой обводнённой балки – Ложникова Яра. Широкий плёс, образовавшийся у места впадения балки в реку, служил прекрасным местом для ловли рыбы. Неподалёку располагался брод, хорошо известный по данным источников эпохи позднего средневековья и Нового времени. Заливные луга, на противоположном берегу, а также наличие неподалёку древнего лиственного леса создавало возможности для занятия скотоводством и охотой.

Небольшое поселение было вытянуто вдоль берега реки на 250 м. Богатый материал, обнаруженный при его раскопках, даёт представление о материальной культуре и хозяйственной деятельности его жителей. Немногочисленные изделия из цветных металлов и железные вещи (ножи, гвозди, шилья, мотыжка, пилка для обработки кости, швейная игла) не отличаются особым разнообразием. Показательным является, что на памятнике полностью отсутствуют какие-либо следы того, что население занималось обработкой земли. Все это свидетельствует, что земледелие, столь характерное для хозяйства славян, в жизни населения степных поселений играло очень небольшую роль. Об этом же говорят и находки предметов из камня. Так, найденные на поселении крупные фрагменты жерновов хазарского времени, использовались не по прямому назначению, а в качестве камней для заточки ножей. При этом очень чётко видно, какое внимание жители памятника уделяли рыбной ловле. Многочисленные находки крупных рыболовных крючков, керамических грузил для сетей, блесны, мергелевой формочки для отливки блесен и огромного количества рыбьих костей и чешуи однозначно свидетельствуют о ведущей роли рыболовства в хозяйственной жизни поселения, расположенного на берегу большой реки. Более того, жители его придавали этим предметам магическое значение, в пользу чего говорит факт находки закладной жертвы. Под обмазкой очага одной из построек была выявлена группа из четырёх сложенных в кучку крючков и оселок для их заточки. Указанные предметы, вмазанные в очаг, который представлял собой святая святых каждого жилища, должны были обеспечить благополучие и процветание проживавшей здесь семье.

Керамические сосуды имеют определённое сходство с древнерусскими горшками. Тем не менее, ряд черт (более грубое тесто, иная техника формовки) отличает их от высококачественной посуды Древней Руси. Значительная часть выявленных на поселении горшков имеет достаточно толстые стенки (до 1 см) и грубую обработку внешней поверхности, где зачастую не убирались даже следы от ножа, оставленные при выравнива-

нии поверхности сосуда. При этом, наряду с очень грубо исполненными, почти лепными горшками встречается высококачественная гончарная посуда с тонкими стенками и хорошим обжигом. Показательно, что эти сосуды иногда, имеют большее сходство не с древнерусской керамикой, а с горшками салтово-маяцкой археологической культуры. Всё это, вероятно, свидетельствует о влиянии на керамическое производство указанных поселений различных традиций изготовления керамики, в том числе и древнерусской. В целом же, находки, обнаруженные при раскопках поселения Маяки, как и материалы прочих близких ему поселений, доказывают близость этих населённых пунктов поселениям Нижнего Дона.

Особый интерес представляют жилые и хозяйственные сооружения, раскопанные на поселении Маяки. Здесь была расчищена серия хозяйственных ям различных конструкций. Основная часть их первоначально использовалась в качестве погребов, а в дальнейшем, когда их стенки обваливались, эти ямы служили для сброса мусора. Некоторые из ям достигали значительной глубины – до 2,5 м. Близкого типа ямы (колбообразной формы с узким горлышком и полукруглым дном) находят аналогии на поселениях Нижнего Поднепровья и на Нижнем Дону.

На поселении было расчищено одиннадцать котлованов углублённых в грунт построек, девять из которых имели отопительные сооружения и были жилыми. Постройки отличались разнообразием, что свидетельствовало о наличии у населения, которое проживало на данном поселении, разных строительных традиций. Раскопки показали, что котлованы построек относились, как минимум, к трём хронологическим горизонтам, что свидетельствует о продолжительном периоде существования поселения на этом месте. Часть выявленных построек была наземными строениями. Их котлованы слегка углублены в грунт (не более 0,5 м) и отличаются друг от друга формой и размерами. На полу некоторых из них зафиксированы остатки белой глинистой обмазки, обвалившейся со стен, свидетельствующей о том, что постройки были близки хатам-мазанкам более позднего времени. Отопительными сооружениями в этих строениях являлись открытые очаги, располагавшиеся у стены, в углу, либо в центральной части сооружения. Найдена и глинобитная печь, а одна из построек вместо обычных печей имела два тандыра. В целом же в описанных выше сооружениях чувствуется сильное влияние степной строительной традиции.

В таком виде памятник у села Маяки существовал в течение всего позднекочевнического времени. Изменения в жизни его населения, вероятно, произошли после того, как эти поселения были окончательно отрезаны от Руси. Выражались они в дальнейшем внедрении степных традиций в домостроительстве, а также в том, что практически полностью затухает земледелие, всегда являвшееся основой хозяйства славян. На смену ему приходит рыбная ловля, скотоводство и охота. В таком виде эти поселения встречают монгольское нашествие.

Глава 7. Монголо-татарское нашествие и Золотая Орда

Битва на Калке

Мало политических событий, произошедших на территории наших степей, сравнится по своему значению со сражением, которое случилось в 1223 г. на донецкой реке Калке. О Калкинском побоище, намного превосходившем битву Игоря с половцами, как по масштабам, так и по последствиям, никаких художественных произведений не писалось. Летописные рассказы о страшном поражении от *«безбожных **моавитян**»*, неизвестно откуда пришедших и неведомо куда девшихся, пропитаны горечью и ужасом. По словам Новгородской I летописи под 1224 г.: *«Того же лета (1223) по грехом нашим, приидоша языци незнаеме, ихь же добре никто же ясно весть, кто суть, отколе изидоша, и что язык их. И коего племени суть, и что вера их; и зовут их Татары, а инии глаголють Таурмене…яко сии суть вышле из пустыни Етривьскыя, сущее междю въстоком и севером.…Слышахом бо, яко многы страны попленища Ясы, Обезы, Касогы и Половець безбожных множество избиша…»* (Нов. 1, с. 264). Судя по этому сообщению, летописец имел какие-то представления о монголах и масштабах монгольских завоеваний, однако эти представления были смутными и неопределёнными.

Рассказ о битве на Калке содержится во многих русских летописях. Он отличается в деталях, но в целом основной ход событий вполне ясен. После сражения на Северном Кавказе между татарами, половцами и аланами были разгромлены половецкие кочевья. Одними из первых приняли на себя удар донские половцы, которых в это время возглавлял сын хана Кончака – Юрий, имевший огромное влияние в степи. Согласно сообщению Ипатьевской летописи: *«Половцем же ставшим, Юрьгий Кончакович бе болийши всих Половець, не може стати противу лицю их; бегающее же ему, и мнози избьени быша до рекы Днепра; Татарове же возвратишася, идоша в вежа своя»* (ПСРЛ, т. 2, с. 495). Половцы были разгромлены и обратились за помощью к своим соседям и родственникам – русским князьям. Хан Котян, прибывший с иными половецкими князьями к своему зятю галицкому князю Мстиславу Удатному, попросил его оказать помощь в борьбе с новым опасным врагом. *«И приде с поклоном с князи Половечскыми к зятю своему в Галиць, ко Мьстиславу и ко всем князем рускым, и дары принесе многы: кони и велъблуды и буволы и девкы и одарише князей рускых»* (Новг. 1, с. 265). Обращение Котяна цитируемое летописями весьма показательно. Половецкий хан понимал, что аппетиты у новых завоевателей велики и одной Половецкой

землёй они не ограничатся, в чем старался убедить и русского князя: *«… аще не поможете нам, мы ныне изсечени быхом, а вы наутрее изсечени будете»* – сказал он. На съезде, который собрал Мстислав в Киеве, было принято решение о совместном походе с половцами против монголов: *«луче ны бы есть приятi я на чюжей земле, нежели на своей»*. Решение встретить монголов за пределами Руси, на территории земли Половецкой, было принято, и русская земля начала собирать войско. В походе решили принять участие многие русские князья, крупнейшими из которых были: Мстислав Романович киевский, Мстислав Мстиславович галицкий, Мстислав Святославович черниговский, Даниил Романович волынский. Тем не менее, представители многих русских земель принять участие в походе отказались, сославшись на различные причины. Так, не было Владимиро-Суздальского князя, обладавшего большой и сильной дружиной. Он согласился послать вместо себя Василька Константиновича с ростовцами, но тот вовремя не явился, и в битве участие не принимал.

Когда объединённое русско-половецкое войско находилось у г. Заруба, монголы прислали послов. Целью их было натравить русских князей на половецких ханов и вызвать раскол у союзников. Подобный приём неоднократно применялся ими ранее. Тем не менее, князья не поддались на обман. Монгольские послы были убиты и войско пошло дальше. Близ Олешья на Днепре к ним было отправлено ещё одно посольство, которое также не достигло своих целей. *«И прислаша к ним Татарове второе послы, ркуще тако: «аще есте послушали Половець, а послы наши есте избиле, а идете противу нас, то вы поидите; а мы вас не заняхом ничим, да всем есть бог и правда»; и отпустиша послы их»*. Здесь же Мстислав Мстиславович переправился через Днепр и с ходу вступил в бой с татарскими передовыми отрядами, которые были разбиты и обратились в бегство. Согласно русским летописям, восемь или девять дней русско-половецкое войско преследовало отступавших татар, пока 31 мая 1223 г. не подошло к донецкой реке Калке. По словам арабского автора Ибн-ал-Асира, преследование длилось 12 дней. Таким образом, монголы с самого начала заставили противников играть по своим правилам. Войско союзников было приведено на заранее выбранное место, удобное для манёвров конницы, которая составляла основную силу монголов. Кроме того, на этой территории имелись скрытые от обзора участки местности, что давало монголам возможность устроить засаду. Именно там и ждало русских и половцев войско татар.

Вопрос о том, где именно произошло сражение, до сих пор актуален. В 1998 г. на территории заповедника Каменные Могилы, которую местное «казачество» определило, как место сражения, был установлен памятный крест. Реально же, место битвы и ныне остаётся неизвестным. Это не удивляет, поскольку поиски таких местонахождений вообще представляют непростую задачу. Как правило, на них нет большого количества

(а зачастую, и вообще какого-либо) археологических находок. Ярким примером являются раскопки на месте знаменитой Куликовской битвы 1380 г., где было обнаружено мало предметов. Связано это с тем, что после любой битвы шёл сбор трофеев, причём, иногда он был столь основательным, что на поле боя оставались только полураздетые трупы убитых противников. Зачастую их также хоронили или сжигали, благодаря чему, место, где произошла трагедия, через небольшой промежуток времени выглядело вполне мирным участком степи. Редким исключением является место сражения под Берестечком (1651 г.), при раскопках которого был найден многочисленный археологический материал, представленный оружием, амуницией, личными вещами людей, погибших на поле боя. Находки здесь сохранились благодаря тому, что битва происходила на заболоченной местности и многие убитые были поглощены болотом, что исключило возможность ограбления трупов победителями.

Поискам места Калкинского сражения посвящён целый ряд работ историко-краеведческого характера, но ни одна из них не имеет серьёзной аргументации. По нашему мнению, битва произошла на крупном степном пути, который шёл от низовьев Днепра. Далее он пролегал по степям Приазовья параллельно (или под небольшим углом) к побережью Азовского моря. Вне сомнений, этот путь находился достаточно далеко от морского побережья, что связано с сильной изрезанностью прибрежной равнины глубокими балками, сложными погодными условиями на морском берегу, а также частыми и сильными гололёдами в зимнее время. По нашему мнению, данный путь пролегал близ южной границы Донецкого Кряжа, на расстоянии 10-20 км от берега Азовского моря. Именно здесь, на трассе крупной степной магистрали, происходило сражение 1223 г., а также встреча войск двух золотоордынских правителей – Мамая и Токтамыша 1380 г. Возможным районом, где происходила битва, являются окрестности с. Кремнёвка Тельмановского района, неподалёку от которой имеются речки, именуемые местным населением Калками.

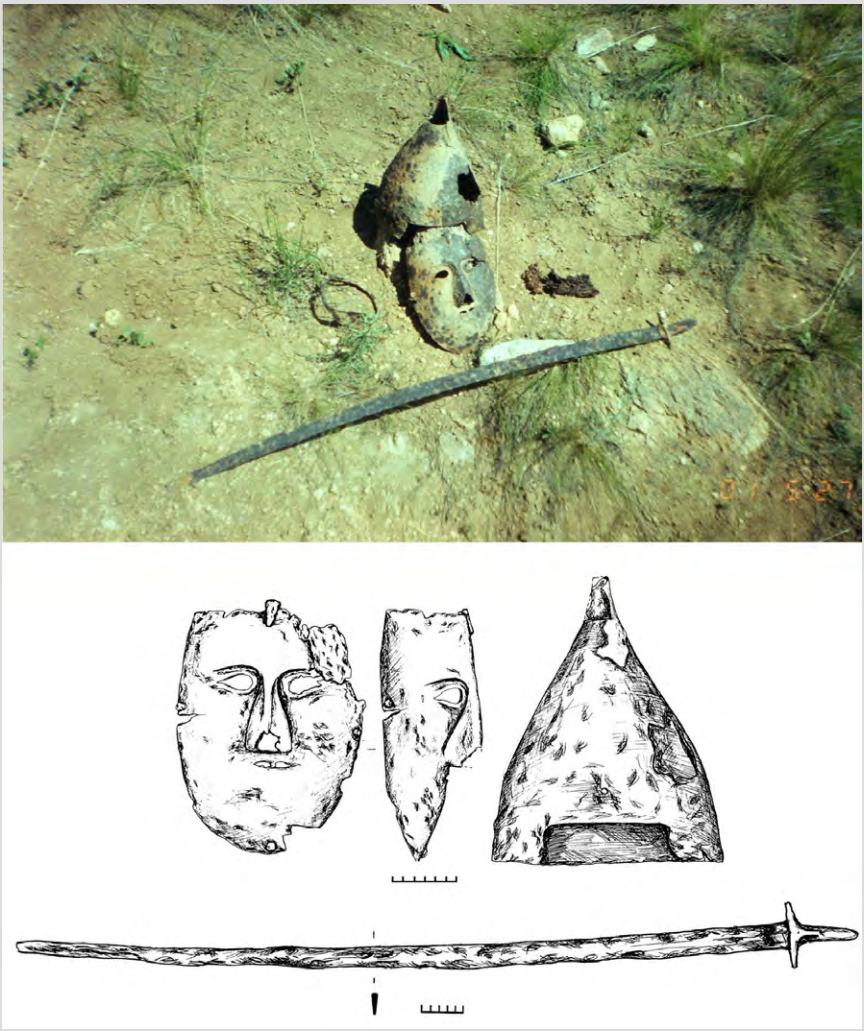
Когда русско-половецкое войско увидело поле, где должно было состояться сражение, сразу же проявились все противоречия между князьями, усугублённые отсутствием единого руководства. Мстислав Киевский отказался переходить реку, и, укрепивши большой высокий холм возле неё, решил вместе со своим войском отсидеться в лагере. Мстислав Мстиславович Галицкий и Даниил Волынский, перейдя Калку, ринулись в бой. При этом галицкий князь не сообщил другим князьям о том, что решил наступать, желая всю славу победителя взять себе. *«Мьстиславу же и другому Мьстиславу, сидящему во стану, не ведущема; Мстислав же не поведа има, зависти ради: бе бо котора (ссора) велика межю има»* (ПСРЛ т. 2, с. 496).

Даниил с Симеоном Олюевичем и Васильком Гавриловичем столкнулись с полками татарскими: Василько был убит, а Даниил ранен в грудь,

но продолжал бой, не чувствуя раны *«младства ради и буести не чуюше ран бывших на телеси его; бе бо возрастом 18 лет, бе бо силен»* (ПСРЛ, т. 2, с. 497). Половцы во главе со своим воеводой Яруном также бросились в бой. По всей видимости, конные кочевники первыми увидели, что войско движется в засаду, и побежали назад. Так, как сзади их подпирали полки русских князей, то они бежали прямо через них, благодаря чему ряды воинов были расстроены и потоптаны отступающими половцами. Всё это вызвало всеобщее смятение *«и бысть сеча зла и люта»*, которая окончилась отступлением русских дружин, вскоре превратившимся в бегство. Основная часть татар отправилась вслед за ними, добивая отступающих русских и половецких воинов вплоть до Днепра. Мстислав же киевский, который стоял на высокой горе над Калкой всё это видел, но не двинулся с места *«бе бо место то каменисто, и ту угоши город около себе в кольих и бися с ними из города того по три дни»* (Новг. 1, с. 266). Киевский князь понадеялся на укрепления, за которыми думал отсидеться. Татары под руководством воевод Чыгыркана и Тешюкана осадили его лагерь и через некоторое время киевляне стали ощущать недостаток воды. Киевский князь отважился на переговоры, посредником в которых выступил воевода бродников – Плоскиня. Он клялся в верности князю, *«целова крест честный ко Мьстиславу»* и уговорил его сдаться за выкуп. Плоскиня обманул киевлян: *«и солгал оканный, сице связав, предаст их Татаром своим; а город взяша, а люди иссекоша и ту костью падоша; а двоих князей яша и издавиша их, подкладе под доскы, а саме верху седоша обедати, и тако живот их конца»* (Новг. 1, с. 267). Трудно сказать, в самом ли деле монголы пировали на лежащими под досками князьях. Вполне вероятно, что князей просто казнили по монгольскому обычаю, особой казнью, без пролития крови. Такая смерть у монголов считалась почётной и применялась только к представителям верхушки общества. Обычно в этих случаях осуждённому на смерть подтягивали пятки к затылку и ломали позвоночник. Тем не менее, применялись и иные виды почётной «бескровной» казни. Так, багдадского халифа ал-Мустасима (1242-1258), который считался в мусульманском мире священной персоной, монголы замотали в ковёр и трясли до тех пор, пока он не умер.

Битва на Калке окончилась страшным, не виданным ранее поражением русско-половецкого войска. Только во время бегства с поля боя пало шесть князей. Киевлян погибло не менее 10 тысяч. Из остальных воинов вернулась только десятая часть. О количестве погибших половцев судить трудно, тем не менее, вероятно, и оно было значительным. Поражения такого масштаба Русь ещё не знала. *«И бысть вопль и плачь и печаль по градом по всем и по селом»* (Новг. 1, с. 267).

В работах историков, писавших о битве на Калке, во главу угла обычно ставился вопрос о причинах поражения объединённого русско-половецкого



Предметы из погребения у с. Кировское Волновахского района. Фото с места находки. Прорисовка шлема с портретной маской и сабли из захоронения (частное собрание).

войска. Они были очевидны: войско не имело единого командования, среди князей, руководящих походом, процветали зависть и раздоры. Многие военачальники, обладавшие значительными воинскими силами и игравшие ведущую роль в войске, просто недооценивали противни-

ка. Куда реже пишется о том, что же представляло войско монголов, пришедшее в 1223 г. в степи Восточной Европы. Тем не менее, такие факторы, как боевые качества монгольского корпуса и полководческий талант его предводителей, по всей видимости, сыграли решающую роль в исходе Калкинского сражения.

По словам Марко Поло монголы были очень послушны своему повелителю «в труде и лишениях они более выносливы, чем кто-либо». Основную ударную силу монголов составляла конница. Имелись, как легковооружённые, так и тяжеловооруженные всадники, способные нанести таранный удар по строю противника. В доспехи были облачены не только сами монголы, но и их кони. Детальное описание конского доспеха содержится у Плано Карпини. *«Прикрытие для лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, а на грудь кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами»* (Карпини, 1911, с. 28). В целом же, тяжёлая конница монголов представляла внушительную силу, особенно в сражении на открытом месте, где она мощным натиском разрушала боевой порядок противника.

Тактические приёмы монголов были чрезвычайно разнообразными. Среди них – ложное отступление, с целью заманить противника в засаду, постепенный ввод в бой резервов, нахождение в засаде резервного полка, который можно было использовать в нужный момент, построение лучников в бесконечно вертящийся круг, из которого вёлся непрерывный обстрел строя противника. Применялись атаки, как сомкнутым строем тяжёлой конницы, так и рассыпным строем. В принципе, монголами было взято всё самое лучшее, что имелось в боевом искусстве кочевых народов. Плано Карпини о приёмах, применяемых монголами, повествует следующее: *«Вожди и начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов, и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Перед лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары. Другие отряды храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены,*

Конская маска с территории Северного Приазовья (собрание Мариупольского краеведческого музея)

воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и сразу, как те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне» (Карпини 1911, с. 31).

Кроме этого, в отличие от большинства кочевников, монголы прекрасно владели техникой осады городов, которую они освоили во время многолетних войн в Китае и Средней Азии. При войске находились специалисты из числа покорённых народов, первоклассные, по тому времени, стенобитные машины, многочисленные катапульты и прочая техника, необходимая для ведения осадных работ.

Монгольское войско было организовано по десятеричному принципу. Основную тактическую единицу его составлял десяток воинов, во главе которого стоял десятник. Десятки объединялись в сотни, руководимые сотниками. Десять сотен составляли тысячу, которую возглавлял тысячник. Самой крупной единицей являлся тумен (в русских летописях «тьма»). Она составляла десять тысяч воинов, которыми руководил темник (нойон).

Воины были спаяны железной дисциплиной и круговой порукой. Они беспрекословно подчинялись своему командиру, а командиры – единому командованию, которое планировало проведение военных мероприятий. Любая провинность в походе каралась смертью. Если с поля боя бежал один человек, могли казнить весь десяток, к которому он принадлежал. Если бежал десяток – сотню. Воины обладали разнообразным вооружением, как защитным, так и наступательным.

Как и прочие кочевники, они были прекрасными лучниками. Монголами был принесён в Европу сложносоставной лук, который являлся более совершенным оружием, чем луки прежнего времени. Этот лук имел достаточно большие размеры, около 1,5 м в длину, и обладал силой натяжения от 40 до 80 кг. Благодаря всему этому стрелы, выпущенные из него, обладали огромной пробивной силой. Сложносоставной лук мог бросать стрелы с крупными, тяжёлыми наконечниками на большое расстояние. Так, средневековая надпись свидетельствует, что внук Чингис-хана, принц Есункэ, метнул из лука стрелу на 536 м. Чуть позже, в XIV в. этот лук был заменён на несколько более короткий, но не менее мощный, сложносоставной лук, заимствованный у народов Передней Азии. Монгольские стрелы имели древки длиной 70-80 см. Для увеличения точности и дальности полёта древко стрелы снабжалось оперением. Иногда стрела имела оперение с трёх или четырёх сторон. Стрелы были снабжены наконечниками различных типов (в зависимости от необходимости). Существовали специальные наконечники для стрельбы по крупному зверю, по человеку, защищённому доспехом, для пробития кольчуги и т.д. В целом же, типологический их набор весьма велик, что свидетельствовало о том, какое большое внимание уделяли монголы своим стрелкам.

Кроме лука монгольские воины в бою активно применяли копья, игравшие огромную роль при ударе тяжёлой конницы. У некоторых копий на втулке находился крюк, служивший для стягивания всадника с коня. Применялись и копья меньших размеров. Достаточно часто воины были вооружены булавами и боевыми топорами, необходимыми в ближнем бою. Оружием ближнего боя являлось и клинковое оружие, которое у монголов было достаточно разнообразным. Наряду с двусторонними мечами, применялись односторонние мечи – палаши, а также – сабли. Таким образом, монгольское войско представляло собой передовую армию того времени, способную воевать в различных условиях и выполнять те задачи, которые были не под силу армиям большинства стран этого времени.

Особое внимание следует обратить на руководителей Западного похода 1221-1224 гг. Монгольским отрядом руководили полководцы Чингис-хана Джэбэ и Субэдэй-баатур, которые являлись видными фигурами в монгольском обществе XIII в.

Субэдэй был младшим братом Джэлмэ – одного из первых нукеров (офицеров) и присоединился к Чингису задолго до знаменитого курултая (съезда), состоявшегося в 1206 г. на реке Онон, на котором **Тэмучжин** был провозглашён Чингис-ханом. Влияние Джэлмэ было очень велико. Монгольская летопись сообщает об этом следующее *«…когда Чингис-хаган стал хаганом, он сказал Богурчи и Джэлмэ: «Вы двое, когда у меня не было [иного] друга, кроме тени, стали [моей] тенью. … И теперь вы в моем*

сердце. Помню об этом, потому, что вы оба еще прежде были [вместе со мной], и поэтому разве вы не должны быть выше всех?» (Лубсан Данзан, 1973, с. 102). Быстрый рост влияния Субэдэй-баатура был связан не только его родственными связями с Джэлмэ. При дворе Чингис-хана даже его кровные родственники, если они вели себя неподобающим образом, могли попасть в опалу или быть казнены. Ярким примером является отношение Чингис-хана к его брату Хасару, а также загадочная гибель его старшего сына Джучи, который посмел противоречить своему отцу. К последнему, по мнению современников, Чингис-хан послал убийц, подозревая его в заговоре. Значительную роль в стремительном росте Субэдэя сыграла его преданность Чингис-хану, личная храбрость и полководческий талант.

Другим путём пришёл к Чингис-хану Джэбэ. Во время битвы с монгольским племенем тайджиутов он убил стрелой коня под Чингис-ханом. В дальнейшем, перейдя к Чингису, Джэбэ признался ему в этом. Монгольская летопись приводит слова Чингис-хана по этому случаю: *«Если человек пришёл к врагу, то разве он не таится, разве не удерживает свой язык, разве он признается, что убил, действуя, как враг? Раз он, не скрываясь, говорит всю правду о том, что убил коня, действуя, как враг, и сам на это указывает, то такой человек может быть товарищем. Ты назывался прежде Джирхугадай. Но так, как ты выстрелил в … моего беломордого саврасого, то впредь называйся ты Джэбэ (наконечник стрелы), и пусть тебе дадут оружие. Будешь ходить около меня!».* Дальнейшее продвижение Джэбэ по службе, как и у Субэдэя, было связано с его преданностью, боевыми качествами и полководческим талантом. Как и Субэдэй, он командовал тысячей, затем туменом, участвовал в бесчисленных военных походах Чингис-хана, направленных на объединение монгольских племён, затем воевал против найманов и кара-хитаев. В 1212 г. он руководил восточным крылом войск, вторгшихся в Северо-Восточный Китай. Во время завоевания Средней Азии Джэбэ и Субэдэй командовали авангардом войск Чингис-хана.

Знаменитые монгольские полководцы воспеты в сказаниях XIII в., как образцы нукеров, слепо преданных своему хану. Автор «Сокровенного сказания» – монгольского эпического произведения XIII в., даёт их яркую характеристику, вкладывая её в уста врага Чингис-хана. Когда Джамуху спросили: *«Кто эти, преследующие наших, как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой овчарни?», он ответил. «Это четыре пса моего Тэмучжина, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плётки у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру; в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюни; они радуются. Эти четыре пса: Джэбэ, Хубилай, Джэлмэ и Субэдэй»* (Козин, 1941, с. 147).

Не удивляет, что именно Джэбэ и Субэдэю во время войны в Средней Азии Чингис-хан поручил очень ответственное задание: захватить и привести к нему хорезмшаха Ала-ад-Дин Мухаммада. Хорезмшах не был пойман, но монголы, преследуя, проводили его, в буквальном смысле слова, до могилы. Согласно восточным источникам, уже в это время полководцы, находящиеся в Северном Иране, начали вести с Чингис-ханом переговоры о походе на запад. По сообщению Рашид-ад-Дина: *«Когда султан Джалал-ад-Дин (сын хорезмшаха) бежал из Нишапура в Газни, то Джэбэ и Субэдэй отправили посла к Чингис-хану (с такой вестью): «Султана Мухаммада не стало, а его сын Джалал ад-Дин бежал и ушёл в ту сторону; в настоящее время мы, освободив сердце от их дел, в силу подлежащего исполнению указа Чингис-хана, по мере возможности, постараемся в один – два года завоевать страны, которые находятся впереди нас, и через Дербент Кыпчакский можем прийти в Монголию к сроку, назначенному указом Чингис-хана…»* (Тизенгаузен, т. 2, с. 31).

Судя по приведённому тексту, идея похода на Запад не была самодеятельностью Джэбэ и Субэдэя, а представляла часть обширной программы завоеваний самого Чингис-хана. Грандиозный, не имеющий аналогов Западный поход (1221-1224 гг.) носил не столько завоевательный, сколько разведывательный характер. Не случайно, в походе на Запад (1236-1241 гг.) вместе с Бату (Батыем русских летописей) отправился и старый полководец Субэдэй. Как и в прежние времена, он командовал авангардом войска, показывая чудеса полководческого искусства. Так, во время боев в Венгрии, он и его авангард за три дня прошли 290 км, в то время, как обычные дневной переход конного войска не превышал 50 км.

Поход планировалось окончить за три года. По словам источника: *«С Чингис-ханом было условлено, что они закончат это дело в продолжение трёх лет; оно было завершено за два с половиной года»* (Тизенгаузен, т. 2, с. 31). В поход 1221-1224 гг. были отправлены два тумена (20000 всадников) под руководством Джэбэ и Субэдэя. По мнению ряда авторов, монголов было больше – в состав корпуса входило 30000 всадников. По всей видимости, здесь имели в виду тумен Тохучара, которого Чингис-хан за нарушение дисциплины отстранил от командования и чуть не казнил. Скорее всего, было именно два тумена. Так, в мусульманских исторических сочинениях, повествующих о событиях XIII в., в качестве руководителей похода упоминаются лишь Джэбэ и Субэдэй.

В 1220 г. авангард монгольского войска воевал в Северном Иране, где взял ряд городов: Хор, Семнан, Рей, Кум. Оттуда монголы пошли на Хамадан, правитель которого сумел откупиться. Далее путь завоевателей лежал на Зенджан и Казвин, который был взят в жестоком бою. Резня продолжалась и тогда, когда монголы вступили в город. По свидетельству Ибн-ал-Асира: *«Казвинцы, по обыкновению, дрались внутри города*

на ножах, пока не было убито до 50000 человек». Очень холодная зима заставила монголов уйти к юго-западному берегу Каспийского моря, на территорию области Арран. Этот берег был *«менее холоден для зимовки и там много пастбищ для скота».* Войска шли мимо столицы Азербайджана – города Тебриза, правитель которого – Узбек, сын Джахан-Пехлевана откупился от монголов данью. О бездарности его сообщают мусульманские источники этого времени. *«Был он (Узбек) эмир беспечный, страстно предававшийся пьянству и днём и ночью; он не показывался по месяцу и по два месяца и, как услышит шум, стремглав убегал от него»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 22).

Дальнейший путь монгольского корпуса пролёг через окраину грузинских земель. Здесь навстречу им вышло войско из 10000 человек, которое было разбито наголову. Большинство воинов погибло. Похоже, именно с этой битвой связано интересное сообщение, содержавшееся в труде арабского автора – Ибн-ал-Асира. Он повествует, что к монголам присоединился тюркский невольник – Акуш, *«который собрал жителей этих гор и степей, туркменов, курдов и др.».* Именно эти войска монголы выставили впереди себя. Из сторонников Акуша *«погибло много народу»*, но от боя грузины устали. Тогда свежее монгольское войско ударило по ним и довершило полный разгром грузинской армии. Ибн-ал-Асир относит эти события к зиме 1220-1221 гг. Приведённый факт очень интересен, так как в битве на Калке мы также видим вместе с монголами представителей местного населения – бродников, которые представляли собой зависимое от половцев, пёстрое в этническом плане степное оседлое население. Учитывая, что среди них были люди, вынужденные, в силу различных причин, бежать с Руси, а также то, что это население находилось под непосредственным контролем половцев, бродники имели все основания быть недовольными, как русскими князьями, так и половецкими ханами. По всей видимости, при помощи именно таких групп населения, ущемлённых в этническом и социальном плане, монголы регулярно пополняли свои войска, редеющие во время непрерывных военных столкновений, происходивших на протяжении похода.

Далее войска монголов снова направились в сторону Азербайджана. Вновь они подошли к его столице – Тебризу. Несмотря на то, что Узбека уже оттуда изгнали, наместник его – Шамс-ад-Дин Туграи в отношениях с монголами пошёл по прежнему пути: завоеватели ушли, получив большую сумму денег, много скота и прочего имущества. Путь их лежал к Мераге, во главе которой стояла женщина. Город был взят штурмом, причём здесь монголы послали впереди себя на городские стены мусульманских пленников. Это была известная тактика, применяемая ими и раньше. При взятии городов в Китае и Средней Азии, впереди войска гнали набранную в ранее взятых городах толпу – «хашар», которая при штурмах посылалась вперёд и несла самые большие потери. В дальнейшем этот же

приём применялся и на русских землях. От Мераги монголы двинулись к Диярбекру и Ирбилю, однако, *«услышав молву о многочисленности войск Музаффар-ад-Дина Кубури, ушли назад»* (Тизенгаузен, т. 2, с. 32).

В это время к кочевникам пришло известие об убийстве монгольского шихне (наместника) Хамадана. В сентябре-октябре 1221 г. всё войско, или часть его во главе с Джэбэ, как это повествуется у персидского историка Джувейни, вернулось к Хамадану. Его правитель Джамаль-ад-Дин Айбе, который явился с изъявлением покорности, был казнён, а город взят штурмом. Хамадан был разрушен, монголы произвели в нём *«всеобщее избиение»* населения и двинулись в Азербайджан и Арран. По пути были взяты и разрушены города Нахичевань, Серав, Ардебиль. В октябре-ноябре 1221 г. монголы взяли город Байлакан и подошли к крупнейшему городу Аррана – Гяндже. По свидетельству Рашид-ад-Дина монголы *«овладели также ею, и совершенно разорили её».* Другую информацию даёт об этом Ибн-ал-Асир. По его сообщению, *«узнав о многочисленности жителей её, о храбрости их, оказанной во многих битвах с грузинами, и об укреплениях её, они не подступили к ней, а послали к её жителям и потребовали денег и одежд. Отнесли им то, что они требовали, и они ушли от них»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 22-23). Дальнейший путь монгольского войска вновь лежал в грузинские земли.

В Грузии навстречу монголам вышло войско, руководимое царём Георгием IV Лашей и атабеком Иване. Рассказы об этой битве у Ибн-ал-Асира, Рашид-ад-Дина и других авторов близки по содержанию Согласно сообщению Рашид-ад-Дина, у которого содержится детальное описание битвы: *«Когда они (грузины и монголы) сошлись друг с другом, Джэбэ с 5000 человек скрылся в засаде, а Субэдэй с войском выступил вперёд. При первом натиске монголы побежали, а грузины пустились в погоню; тогда Джэбэ вышел из засады; они (монголы) окружили их и в один момент убили 30000 грузин»* (Тизенгаузен, т. 2, с. 32). Грузины собрали другое войско, однако монголы, не приняв боя, отступили.

По поводу походов в Грузию существует много неясностей. Сбивчивые сведения исторических источников не позволяют указать, сколько раз монгольские войска Джэбэ и Субэдэя приходили в земли грузин, и сколько здесь произошло сражений. Так, в ряде источников упоминаются два похода (1220 и 1221 гг.) и несколько мест, где происходили битвы. Путаница усугубляется современными историками. Согласно сообщению Ибн-ал-Асира: *«Увидев пред собой страну со множеством теснин и ущелий, они не отважились углубиться в неё и вернулись оттуда»* (Тизенгаузен, т. 1., с. 23). В самом деле, ввязываться в войну в стране с пересечённой местностью, мало пригодной для того, чтобы в ней можно было развернуть действие конницы (основной силы монгольского войска), не входило в планы монгольских полководцев. Как указывалось выше у Джэбэ и Субэдэя были конкретные сроки, установленные Чингис-ханом.

Именно в связи с этим после битвы с грузинами войско монголов ушло в Ширван, по пути разрушило Шемаху и двинулось к Дербенту.

Согласно сообщению современника событий Ибн-ал-Асира: *«Покончив с Шемахою, татары хотели пройти через Дербент, но не смогли и отправили посла к Ширванщаху – Дербентскому правителю, говоря ему, чтобы [он] отправил к ним посла для заключения мира. Он послал десять человек из лучших своих знатных людей, а они взяли одного и убили, остальным же сказали, «если вы укажете нам дорогу, по которой нам пройти, то вам будет пощада, а если не сделаете этого, мы убьём вас»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 25). По какому пути монгольское войско пересекло главный Кавказский хребет достоверно не известно. Согласно мнению авторов «Истории народов Северного Кавказа», монголы прошли через труднопроходимые горные перевалы Внутреннего Дагестана. За своей спиной они оставляли разгромленное Закавказье и дымящиеся руины таких крупных городов, как Гянджа, Ардебиль, Байлакан, Шемаха. Последствия разгрома, произведённого Джэбэ и Субэдэем на этой территории, ярко описаны армянским историком Киракосом Гандзакеци: *«Страна была полна трупами умерших, и не было людей, чтобы похоронить их. Иссякли слезы на глазах любящих, в страхе перед нечестивцами никто не осмеливался оплакивать павших, … как будто мраком был объят весь свет и полюбили ночь люди пуще дня…»* (Киракос Гандзакеци, 1976, с. 239). Война в Закавказье была сопряжена у монголов с большими потерями. Н.П. Шастина, ссылаясь на английский перевод труда Джувейни, предполагает, что зимой 1222 г., во время похода через Кавказ, погиб один из руководителей Западного похода – Джэбэ. Если эти данные верны, то далее на запад войска вёл один Субэдэй.

В горах Кавказа монголы ввязались в боевые действия с горскими народами. Здесь, по словам Рашид-ад-Дина они *«ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих, и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей этих стран»*.

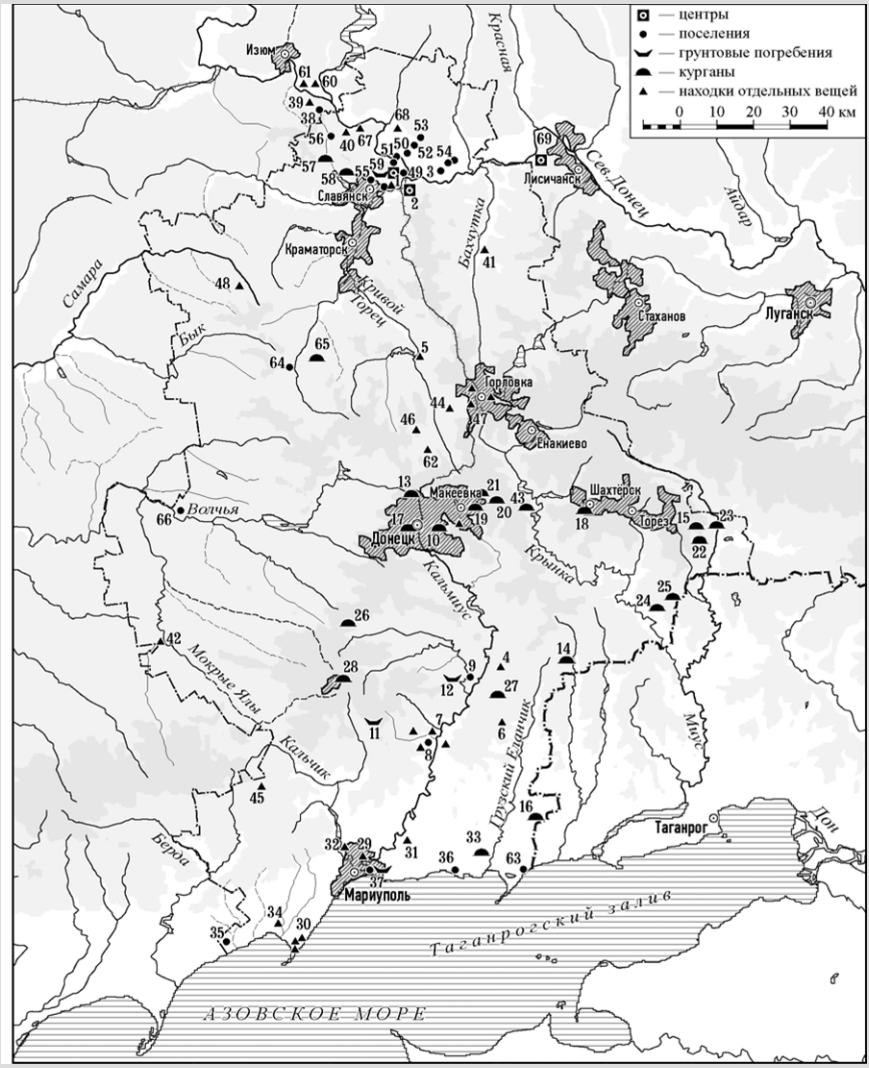
К северу от Кавказа против монголов выступили аланы, которые заключили союз с половцами, кочевавшими на Северо-Кавказской равнине. К ним были посланы парламентёры, предложившие за вознаграждение предать аланов. Подкупив кыпчакских вождей, парламентёры сумели убедить их, что аланы чужды половцам. Средневековые источник вкладывает в уста монгольских послов следующую речь: *«Мы и вы – один народ и из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключаем с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их (аланов) нам»*. В решающий момент половцы оставили аланов, которые были наголову разгромлены монголами. Предательство дорого обошлось кыпчакам, следом за аланами были разорены половецкие кочевья. Преследуя кыпчаков, монгольское войско вторглось в Крым,

где взяло и разграбило Судак, который современники определяли, как «город кыпчаков». Подобное определение не удивляет – Судак, по всей видимости, играл в это время видную роль в торговой жизни степных народов. Оттуда войско монголов вышло в Причерноморские степи.

После разгрома часть половцев бежала к Дербенту и, взявши его, вторглась в Закавказье, где они ещё раз опустошили **Ширван**, **Арран**, Грузию, а затем были перебиты. Другая часть половцев направилась на Русь и вместе с половецкими вождями, кочевавшими близ русских земель, обратились за помощью к русским князьям.

Приведённые выше данные чётко свидетельствуют о характере монгольского войска, которое отправилось в Западный поход в 1222-1224 гг. Идущие с Джэбэ и Субэдэем два тумена представляли мощный корпус, состоящий из отборных воинов, многие из которых провели на войне не один десяток лет. Он представлял собой авангард армии Чингис-хана, где шли лучшие из лучших. Это были прекрасно экипированные воины, привыкшие к войне и презирающие смерть. Характерный случай приводится Ибн-ал-Асиром. Описывая войну в Грузии, этот автор указывает, что после ухода монголов с грузинской территории грузины не чувствовали себя победителями. *«И напал на грузин великий страх перед ними, так что я слышал рассказ одного из старших грузинских, приехавших посланником, как он говорил: «…кто вам сказал, что Татары обратились в бегство или взяты в плен, тому не верьте, а если вам скажут, что они поразили, то поверьте, потому, что этот народ никогда не убегает. Взяли мы в плен одного из них, так ведь он сбросился с коня, и так ударил себя головой о камень, что умер, но не отдался живым в плен…»* (Тизенгаузен, т. 1., с. 23).

За плечами воинского соединения, которое вели Джэбэ и Субэдэй, стояли многие десятки сражений, часть с превосходящими по численности военными силами противника, сотни взятых и разрушенных населённых пунктов. Во главе корпуса находились два великих полководца, равных которым не так уж много известно в средневековой истории. К моменту битвы на Калке на их счету были десятки побед, одержанных на громадных просторах Евразии от Северо-Восточного Китая до Крыма, на фоне которых победа на реке Калке выглядит вполне рядовым фактом. Возможно, в связи с этим монголо-китайские, собственно, монгольские и мусульманские исторические источники уделяют Калкинской битве чрезвычайно мало места. Так, в хронике Юань чао би ши о битве на Калке говорится следующее: *«Субэдэй привёл свои войска к р. А-лиги, где встретился со старшим и младшим Мы-чи-сылао и одним боем заставил их сдаться».* Столь же короткий рассказ о Западном походе содержится и в монгольском источнике: *«Также отправил он (Чингис-хан) Субэдэй-багатура против народа канглы, кипчак, оросат (русских), сансут, асут, хасут, сэркэсут, башмир, булгар, кэрэл – против этих чужих народов*



Памятники золотоордынского времени на территории Донецкого края. 1 – Маяки; 2 – Райгородок; 3 – хут. Зливки; 4 – Новозарьевка; 5 – Дружковка; 6 – Тельманово; 7 – Гранитное; 8 – Ур. Хан-Тарама; 9 – Раздольное; 10 – Донецк; 11 – Кировское; 12 – Ур. Арген-Тарама; 13 – Донецкая фильтровальная станция; 14 – Новоивановка; 15 – Никифорово; 16 – Самойлово; 17 – мрн. Текстильщик; 18 – Шахтерск; 19 – Авиловка; 20 – Ольховатка; 21 – Булавинское; 22 – Зрубное; 23 – Чугунно-Крепинка;

24 – Житенко; 25 – Семеновское; 26 – Полковое; 27 – Мичурино; 28 – Волноваха; 29 – Мариуполь; 30 – Белосарайская коса; 31 – Талаковка; 32 – Старый Крым; 33 – Гусельщиково; 34 – Ялта; 35 – Урзуф; 36 – Безыменное; 37 – Ляпинская балка; 38 – Ур. Выла; 39 – Ерёмовка; 40 – Теплинское городище; 41 – Артёмовск; 42 – Старомлиновка; 43 – Нижняя Крынка; 44 – Червонное; 45 – Новокрасновка; 46 – Степановка; 47 – Часов яр; 48 – Устье Самары; 49 – Ур. Казачья Пристань; 50 – Ур. Правдевшино; 51 – Пришиб; 52 – Ур. Явир; 53 – Дробышево; 54 – Ямполь; 55 – Карповка—5; 56 – Краснополье; 57 – Новониколаевка; 58 – Степной; 59 – Сидорово; 60 – Цареборисовское городище; 61 – Изюм (гора Кремянец); 62 – Новгородское; 63 – Обрыв; 64 – Разино; 65 – Попов Яр; 66 – Зелёный Кут; 67 – Татьяновка; 68 – Щурово; 69 – Шипиловка (по: Э.Е. Кравченко, 2015)

одиннадцати стран, чтобы он переправился через многоводные реки Иджил и Дзайхан (Волга и Яик) и дошёл бы до города Хий-э (Киев), обнесённого стеной» (Лубсан Данзан, 1973, с. 228).

Такое отношение к битве на Калке вполне понятно на фоне предшествующих ей войн в Китае и, особенно в Средней Азии, где отдельные города монгольским войскам приходилось держать в осаде месяцами. Воинский контингент в некоторых из них (например, Самарканде, Бухаре, **Гургандже**) был почти равен по количеству, а иногда и превышал суммарное число воинов, которых в это время могли выставить все русские княжества вместе взятые. Соответственно, и потери у монгольских войск в битве на Калке, учитывая тот факт, что русско-половецкое войско попало в засаду, вряд ли были слишком большими. Вне сомнений, они не шли ни в какое сравнение с потерями, которые понесли монголы в Средней Азии, (например, при взятии Гурганджа) Масштабы военных действий и разрушений, равно, как и количество жертв на этих территориях, несмотря на все преувеличения данных в восточных источниках, были вне сомнений разными и несопоставимыми.

На фоне вышеприведённого трудно сказать, сколь велики были шансы у русско-половецкого войска одержать победу над монгольским корпусом, даже при условии железной дисциплины, чёткого централизованного руководства, и трезвой оценки боевых качеств противника. Несмотря на численное превосходство русских и половцев над монголами, силы были явно неравны. В качественном же отношении, пришедшее на Калку войско монголов превосходило своих противников по всем показателям. При тех же условиях, которые сложились в войске союзников, ни о какой победе не могло быть и речи. Русские и половецкие воины, идущие в мае 1223 г. на донецкую реку Калку, были обречены.

Так или иначе, эта битва стала прелюдией к страшному разгрому 1236-1240 гг., положившему конец Древней Руси и на много столетий вперёд предопределившему историю Восточно-Европейских степей.

Донецкие степи в эпоху Золотой Орды

После битвы на Калке, завоевание монголами Донецких степей было уже вопросом времени. Сразу после сражения половцы были рассеяны по степи. Миссионер Вильгельм Рубрук, побывавшего в степях Северного Причерноморья в 1253 г., описывал эти события следующим образом. *«…когда пришли Татары, Команы (половцы), которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мёртвых, как мне рассказывал видевший это некий купец, живые пожирали и разрывали зубами сырое мясо умерших, как собаки – трупы»* (Рубрук, 1911, с. 68).

В рассказе о битве на Калке русская летопись описывает огромные потери, которые понесла Русь. О том, сколько кочевников полегло на берегах донецкой степной реки, она не сообщает, но, скорее всего, потери половцев также были огромны. Миссионер, Плано Карпини, проезжавший в 1247 г. через Половецкие степи, указывал, что видел там *«многочисленные головы и кости мёртвых людей, лежащие на земле подобно навозу»* (Карпини, 1911, с. 50). Учитывая то, что он ехал от Днепра в сторону Дона и, наиболее вероятно, пересекал Донецкие степи по пути, идущему через Приазовье, вполне возможно, что Карпини мог видеть эти кости на берегах донецкой реки Калки. Тем не менее, прошло время, всё успокоилось, и половцы вернулись обратно, в места своих кочевий.

В это время история шла своим чередом. В 1227 г. умер Чингис-хан и во главе основанной им Империи стал его сын Угедей, который с самого начала своего правления начал готовиться к походу на Запад. Уже в 1228-1229 гг. по его приказу туда отправляется монгольское войско, во главе которого находятся Субэдэй-баатур и царевич Кутай. Основные события этого похода проходили на территории Поволжья, но отдельные отряды проникли в Донские и Донецкие степи. Согласно свидетельству арабского автора Ибн Васыля «В 627 г. Хиджры (1229-1230 гг.) вспыхнуло пламя войны между Татарами и Кыпчаками» (Тизенгаузен, т. 1, с. 73). Спокойная жизнь продолжалась только за Днепром, где половецкий хан Котян продолжал воевать со своими бывшими союзниками – русскими князьями и грабить их города.

На курултае 1235 г. (общем съезде монгольских князей) решение о крупном походе на Запад, том походе, который планировал ещё покойный Чингис-хан, было, наконец, принято. Его возглавил сын Джучи-хана – Бату (Батый русских летописей), во владениях которого, находились западные территории государства. Согласно завету Чингис-хана, границей их являлась та территория, куда ступит копыто монгольского коня. По свидетельству персидского историка Джувейни:

«Когда каан (Угетай) во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных

Погребение половецкого дружинника золотоордынского времени. Добропольский район. Курганная группа Попов Яр 2, курган 3 погребение 3.

непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были ещё окончательно покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угетай) назначил (следующих) царевичей: (сыновей Тулуя) Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату – Хорду и Тангута – и несколько других царевичей, а из знатных эмиров был там Субатай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в своё становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга» (Тизенгаузен, т. 2, с. 22-23).

Таким образом, в помощь Бату были направлены одиннадцать царевичей-чингизидов, которые должны были собрать войска на подвластных им территориях. Подготовленное к походу монгольское войско было огромным (по подсчётам современных авторов численность его составляла около 150-200 тыс. человек). По словам Джувейни, когда они все собрались вместе, *«от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные»* (Тизенгаузен, т. 2, с. 22-23).

Женское погребение золотоордынского времени из кургана (курган 5 погребение 3) группы Попов Яр 2. Добропольский район. Раскопки экспедиции Донецкого краеведческого музея 2011 года.

Первой жертвой монголов пала Волжская Булгария. Далее Бату пришлось потратить какое-то время на покорение Приволжских степей, где вспыхнуло восстание половцев под руководством Бачмана. В конце 1237 г. оно было подавлено и войска вторглись в пределы русских княжеств. В огне пожаров погибли Рязань, Коломна, Владимир, Ростов, Углич, Ярославль, Тверь, Торжок и другие города, в числе которых была и недавно основанная Москва. Сильное сопротивление оказал Козельск, который татары прозвали «злым городом» и сровняли с землёй. Попытка остановить завоевателей в решительном сражении также окончилась неудачей. В битве на реке Сити, 4 марта 1238 г., войско Руси было наголову разгромлено. В битве пал и великий князь Владимирский – Юрий Всеволодович.

Летом 1238 г. монгольское войско ушло в Половецкую степь, чтобы отдохнуть перед продолжением похода. Степным территориям монгольские правители уделяли особое внимание. В книге ал-Джузджани, персидского историка и географа XIII в., говорится о Половецкой степи так: *«во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих»* (Тизенгаузен, т. 2, с. 14). Эти слова он вкладывает в уста Джучи-хана, потомки которого владели Дешт-и-Кыпчаком. Не удивительно, что именно здесь в дальнейшем было основано крупное государство, которое сами монголы называли «Улуг Улус», т.е. «Великое государство». В русских источниках оно получило название «Орда», а в дальнейшем – «Золотая Орда».

Во время пребывания в степи состоялось событие, которое сыграло значительную роль в судьбе всего мероприятия. Давние противоречия

Зеркало и колт из богатого золотоордынского погребения у Донецкой фильтровальной станции (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

между участниками похода вылились в крупную ссору между ханами Бату и Гуюком. Результатом её было то, что в 1239 г. часть царевичей покинула Бату и ушла в Монголию. Далее на запад он отправился только со своими сторонниками – с войском намного меньшим, чем то, что было прежде. Именно этими силами была завоёвана Южная Русь, Венгрия, часть территории Польши, Чехии, Трансильвании. По всей видимости, с недостатком сил было связано то, что города и крепости, которые оказывали упорное сопротивление и которые не было возможности взять сходу, монголы просто обходили. В 1241 г. войско монголов вышло к Адриатическому морю, где его настигла весть о смерти в столице Монгольской империи, городе **Каракоруме**, великого каана Угедея. Для Бату это сообщение представляло серьёзную угрозу: его противник – Гуюк, находившийся у отчего престола, мог стать великим кааном. Поход был остановлен, и войска отправились назад. В пути Бату узнал, что его опасения подтвердились, и престол империи занял Гуюк.

Идти в Монголию не было смысла и Бату, придя на Нижнюю Волгу, обосновался здесь. В дальнейшем, им на этой территории был заложен город **Сарай** Бату (Дворец Бату), который стал центром его улуса (владения). Присягу новому каану он не принял и через некоторое время, в 1248 г., Гуюк решил рассчитаться со своим давним противником. Он с большим войском выдвинулся из Каракорума в сторону Семиречья. Скрывая настоящую цель похода, Гуюк объявил, что отправляется на территорию своего родового владения для восстановления расстроенного здоровья. Как только Бату сообщили об этом, он тоже, с немалым войском, отправился ему навстречу. Но битва не состоялась, так как в местности

Ала-камак, у гор Алатау, Бату получил известие о неожиданной смерти Великого каана. Теперь он становился старшим в роде Чингисовом, а соответственно, имел право заняться вопросами престолонаследия. Решить эту проблему оказалось непросто, но Бату настоял на своём.

В 1251 г. на курултае в Каракоруме Великим кааном был избран его ставленник – Мункэ. Противники этого кандидата, возглавляемые царевичами из рода Угедея, организовали заговор, и пришли на курултай с оружием. Заговор был раскрыт, 77 вельмож казнили, а самих царевичей отправили на окраины, где многих из них тайно умертвили. Таким образом, на имперском престоле Бату посадил своего человека, а сам вернулся на Волгу. С этих пор роль Бату в Монгольской империи возвысилась. Современники говорили, что в ставке Бату о Великом каане отзывались с меньшим уважением, чем в ставке каана о Бату-хане. Так было положено начало Золотой Орде, государству, которое занимало западные территории обширной империи Чингисхана. Уже в это время Бату – правитель этого улуса вёл самостоятельную политику, но формально, ещё в течение некоторого времени признавал над собой власть Каракорума.

Как и прочие степные империи, Золотая Орда с самого своего начала была основана на принципе соединения двух, казалось бы, не соединимых хозяйственных укладов – кочевого и оседлого. Со времени строительства Сарая и серии городов в Поволжье, её ханами проводилась активная градостроительная политика. Это не удивляет, если учесть, какую роль играли города в истории Степи. Они являлись торгово-ремесленными и административными центрами, и именно на них основывалось могущество степных государств. Учёные выделяют два типа городов, на территории Золотой Орды: возникшие на пустом месте, и выросшие на местах ранее существовавших населённых пунктов. Классическим примером городов первого типа является Поволжская зона осёдлости. Здесь, в Низовьях Волги, прежде невозделанная степь была превращена в цветущий сад. Вдоль реки на 70 км тянулась сплошная полоса населённых пунктов, перемежающихся садами. На внешний вид этих городов, их планировку, архитектуру, ремесленное производство значительную, если не основную роль оказали мастера из завоёванных монголами государств, которые в огромном количестве были согнаны на эти земли на постоянное жительство. В связи с этим и культура Золотой Орды, сформировавшаяся в процессе синтеза западных, восточных и степных традиций, имеет синкретический облик, придающий ей неповторимое своеобразие. Формированию восточного облика основных золотоордынских городов способствовало принятие ислама в качестве государственной религии, которое произошло в правление хана Берке (1257-1266). Аппарат административного управления, во главе которого стояли выходцы из восточных государств, также формировался под сильным влиянием традиций мусульманского Востока.

После окончания Западного похода абсолютное большинство монгольских воинов вернулись в Монголию. Согласно сообщению Рашид-ад-Дина, на территории Дешт-и-Кыпчак монголов осталось всего 4000 человек. Таким образом, монгольской была только верхушка государства, которая быстро растворилась в местной среде, основным этническим элементом которой оставались кыпчаки – половцы. По словам арабского историка и географа ал-Омари (жил в 1-й половине XIV в.): *«В древности это государство было страною Кипчаков, но когда ими завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного с ними рода, оттого, что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирождённые черты, согласно её природе…»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 235).

Бронзовая фигурка льва. Деталь алтарного подсвечника западноевропейской работы XII-XIII вв. (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Описанные процессы в короткое время позволили восстановить разрушенную нашествием экономику региона. К концу XIII в. в Золотой Орде наблюдается серьёзный экономический подъём некоторых территорий, а также возвышение отдельных представителей степной аристократии. В дальнейшем это привело к междоусобной войне, события которой происходили в основном на западных землях государства, в том числе и на территории Донских и Донецких степей.

В правление Берке-хана из числа знати выделяется темник (военно-административный руководитель, командующий округом, в котором размещается тумен воинов) **Ногай.** С ним связано большинство событий истории Золотой Орды этого периода. Формально, он управлял западными областями государства. Фактически же, Ногай играл при дворе роль временщика, и все политические дела велись при его участии и под его контролем. В правление хана Туда-Менгу (1280-1287) он заведовал всеми делами при дворе, а хана Тулабуги (1287-1290 гг.) сместил, совершив

Деталь бронзового алтарного подсвечника XII-XIII вв. из села Новозарьевка Старобешевского района (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

государственный переворот. На престол был поставлен хан Токта (1290-1312 гг.), который в благодарность за это подарил Ногаю Крым. Эти события невероятно возвысили темника, который стал претендовать на ведение всех дел в государстве. Власть его была столь велика, что многие современники именовали его ханом, хотя Ногай этим титулом, в силу объективных причин (он относился к боковой ветви Чингизидов), обладать не мог. Тем не менее, всемогущий темник вёл завоевания на западной окраине Орды. Им проводилась самостоятельная политика на Балканах, где в поле влияния Ногая попали Болгария, Сербия, Македония, Фракия. В 1273 г. византийский император Михаил VIII Палеолог выдал за него свою незаконную дочь – Евфросинью, что ещё более укрепило позиции Ногая в регионе. Всемогущий временщик проводил самостоятельную политику и в отношении прилегавших к его владениям русских княжеств. Так, в 1282-83 гг. он выдал ярлык на великое Владимирское княжение Переяславскому князю Дмитрию Александровичу.

Интересное описание Ногая оставил византийский автор Георгий Пахимер. Перед нами предстаёт вчерашний кочевник, не изживший полностью верования и традиции кочевого быта. Григорий указывал, что Ногай с удовольствием принимал подарки, такие, как съестные припасы, напитки, золото и серебро. Когда же ему дарили всевозможные одеяния, он спрашивал у дарителей, чем они полезны: *«полезен ли головной убор для того, чтобы голова не испытывала ничего дурного, и не болела, может ли жемчуг, которым он усыпан, защищать её от молний, отвращает ли камень удары грома…, наконец, способствуют ли драгоценные одежды здоровью. Если*

они отрицали, то он отбрасывал их или, поносив немного, настолько, чтобы соблюсти приличие дружбы, снимал и тотчас одевал обычную собачину или овчину, ношением которой чванился больше, чем драгоценными одеяниями» (Веселовский, 1922, с. 29).

В отличие от своих предшественников, хан Токта обладал достаточно сильным характером, и не собирался делиться властью с Ногаем. Их отношения окончились войной (1298-1300 гг.). Первая битва произошла в 1297/1298 гг. в местности Яса, или Бахтияри, которая находилась где-то близ Дона, между владениями Ногая и Токты. Вполне вероятно, что она могла располагаться на территории Донецких степей. В этой битве войска Токты потерпели поражение и бежали к Дону, при переправе через который часть воинов утонула. Ногай не стал преследовать бегущего противника и ушёл в свои владения. В 1299 г. его армия разгромила Крым, где при сборе податей в Кафе (нынешняя Феодосия), генуэзцами был убит внук Ногая – Актаджи. Уже в это время начинается брожение среди эмиров, недовольных его политикой. Казни не помогли, и часть знати перешла на сторону Токты, в преддверии решающей битвы, которая произошла в 1299/1300 г. у Днестра. Войско Ногая было разгромлено. Сам он бежал в сопровождении всего 17 человек. Темника настиг и убил русский воин, который затем был казнён, так как он не имел права поднимать руку на потомка рода Чингисова.

Первая волна смут была успешно преодолена и в начале XIV в. Золотая Орда входит в период наивысшего своего расцвета. Действия Токты, направленные на укрепление ханской власти, послужили основой для подъёма государства, который произошёл в правление его наследника – хана Узбека (1312-1342 гг.). В это время наблюдается рост городов, развитие торговли и ремёсел. Значительную роль в развитии товарно-денежных отношений сыграла денежная реформа. Полноценная серебряная монета, выпущенная при Узбеке, ходила долго после его смерти. В городах наблюдается расцвет каменного строительства, а сами города увеличиваются в размерах. Этот же расцвет продолжился и в правление наследника Узбека – Джанибек-хана (1342-1357 гг.), монеты которого являются достаточно частыми находками на территории Донецкого края.

Говоря о денежном деле Золотой Орды, следует указать, что оно было достаточно сложным и развитым. В этом государстве выпускались монеты разных номиналов. Основной денежной единицей являлся серебряный дирхем, вес которого при хане Узбеке составлял 1,4-1,5 г. За время существования Золотой Орды на её территории работало около 20 монетных дворов, имевших право чеканки серебряной монеты. За её весом, содержанием серебра, характером надписей, декларировавших власть того или иного правителя, следили сами ханы, прекрасно понимавшие экономическое и агитационное значение своей денежной единицы.

Водолей в виде конных Тристана и Изольды, найденный у с. Ерёмовка Изюмского района. Южная Саксония, XII-XIII вв. (из собрания Славянского краеведческого музея).

Вес и качество дирхемов в правление некоторых ханов, имели существенные колебания, благодаря чему полновесные дирхемы Узбека, сделанные из качественного серебра, ходили очень долго. Среди находок на территории Донецких степей известны полностью истёртые дирхемы Узбека, снабжённые надчеканами (контрамарками) 2-й пол. XIV в., которые свидетельствовали о том, что данная монета разрешена к хождению. Надписи на дирхемах обычно выполнены арабской вязью. Лишь изредка (у ханов Токты, Джанибека) имя правителя бывает начертано уйгурским письмом, которое являлось официальной письменностью в Монгольской империи. Все это объясняется тем, что первые монеты появились на тех территориях Золотой Орды, где уже давно был распространён ислам. В частности, одними из первых монеты начали чеканить на территории Волжской Булгарии и в Крыму.

Кроме дирхема выпускались медные пулы. Выпуск медных пулов, особенно во времена смут, контролировался слабо, благодаря чему их чеканили многие города. Размер и вес отдельных медных монет существенно отличался, что вызывает вопрос о том, не существовали ли фракции пула. Соотношение цены серебра к меди во времена правления Узбек-хана было 1:32 (то есть за один дирхем давалось 32 пула), однако в различные периоды оно варьировало. Зачастую пулы вовсе не имеют надписей. На лицевой стороне таких монет изображалась тамга (символ власти рода, из которого происходили правящие ханы), а на оборотной – фигурная виньетка. Их выпуск производился в тех случаях, когда руководству золотоордынских центров требовалась разменная монета, а ставить имя конкретного хана, в условиях постоянных политических неурядиц, когда правители сменялись на престоле с калейдоскопической скоростью,

они боялись. Некоторые из таких монет могли быть выпущены во 2-й пол. XIV в. на территории Донецких степей.

Серебряные дирхемы ханов Золотой Орды: Токта; Узбек; Джанибек; Бердыбек; Кульна; Науруз; Хызр; Мюрид; Абдаллах; Мухаммед-Булак; Токтамыш.

Вопрос о существовании в Золотой Орде собственной золотой монеты остаётся открытым. В столичных её городах иногда встречаются находки золотых индийских мухров. Некоторые учёные предполагают, что они выпускались на месте по образцу реальной индийской монеты и служили для нужд местного денежного обращения. Если даже это так, всё равно их количество было крайне небольшим и вряд ли играло существенную роль в местном денежном обращении. Вполне вероятно, что описанные выше находки мухров просто представляют вынужденное использование чужой монеты, которое производилось в тех случаях, когда был нужен крупный номинал.

Принятие ислама в качестве государственной религии при Берке-хане не означало, что основная часть населения Золотой Орды сразу же стала мусульманами. В XIII в. язычество прочно держалось даже в верхних слоях золотоордынского общества. Об этом свидетельствуют многочисленные записки послов и путешественников, посетивших степь в это время. Язычниками были Бату-хан и всемогущий темник Ногай. Про погребение Бату, персидский автор Джузджани писал следующее:

«Похоронили его по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землёй устраивают место вроде дома или ниши, согласно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жён и слуг его, да (того) человека, которого любил он более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места (погребения)» (Тизенгаузен, т. 2., с. 16).

Близкие описания погребального обряда оставили миссионеры Плано Карпини и Вильгельм Рубрук.

Золотой перстень с греческой надписью из курганного захоронения у села Новоивановка Амвросиевского района (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Согласно сообщениям источников сын Бату – Сартак был христианином (вполне возможно, несторианином). Это восточное течение христианства, подвергаемое гонениям в Европе, но имело сильное влияние в империи Чингис-хана. В Сугдейском Синаксаре (Сборник кратких житий святых г. Сугдея – современный Судак в Крыму) сообщается, что с 1258 г. в составе полиэтничного городского населения было большое количество православных христиан. Судя по записям, православие приняли многие татары. Кроме этого, завоевав Русь, Золотая Орда получила в качестве подданных огромное количество христиан греческого обряда. Для отправления их духовных потребностей в 1261 г. была создана православная Сарайская епископия, которая руководилась русскими священниками. Кроме этого, на территории Золотой Орды были буддийские кумирни и ряд католических монастырей.

Попытки государственного регулирования в религиозной сфере производились уже при Узбеке, который приказал казнить не только шаманов, но и буддийских священников. Досталось и Сугдейским христианам. Согласно сообщению Сугдейского Синаксаря под 1322 г.: *«В тот же день пришёл Толактемир… и взял Сугдею без войны, и сняли колокола все, и сломали иконы и кресты, и затворили ворота, и была скорбь, каковой не было никогда»*. Через год всё повторилось. Тем не менее, это не помогло. Распространение ислама шло достаточно медленно. Статистика свидетельствует, что в XIV в., в то время, когда ислам должен был проникнуть во все слои общества, на городских золотоордынских кладбищах со строгим исполнением требований мусульманской обрядности было погребено не более 65-70% населения. Остальных хоронили со всевозможными отклонениями от норм, иногда в одежде, или с вещами, что свидетельствовало о том, сколь сильны были языческие традиции в среде горожан. В Степи все было намного сложнее. Там, даже в середине XV в., когда на язычников начались серьёзные гонения, многие кочевники продолжали держаться религии своих предков.

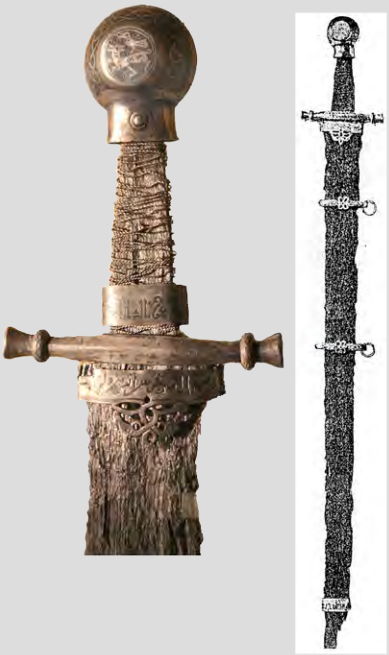
Венецианский дворянин Иосафат Барбаро, шестнадцать лет проживший в венецианской фактории Тана (на территории нынешнего г. Азова), во время посещения ставки хана Кичи-Мухаммада (40-е гг. XV в.),

обратил внимание на перевёрнутую чашку, под которой находилось разваренное зерно. *«Обратившись к находившемуся тут Татарину, я спросил у него: что сие значило, и получил в ответ: «пшено сие оставлено Гибут-Персами, т.е. язычниками». На вопрос мой, каким образом попали сюда язычники, отвечал он мне: «О! о! их много между нами; но они скрываются»* (Барбаро, 1836, с. 28).

Бляха с изображением Святого Николая, найденная на Царином городище (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея)

Что происходило в этот период золотоордынской истории в Донецких степях сказать трудно. Нет сомнений, что здесь шли те же процессы, что и в центральных районах государства. Степные просторы были поделены между монгольской кочевой элитой, в подчинение которой попали ранее жившие на них половцы. Плано Карпини указывал, что степи на Левобережье Днепра, в которые входила западная часть нынешнего Донецкого края, принадлежали Мауци. Это был один из старейших эмиров Золотой Орды, имя которого неоднократно фигурирует в русских летописях. Восточная часть нашего края входила во владения Картана, который по своему влиянию и положению не уступал Мауцы. Этот эмир был женат на чингизидке, сестре самого Бату, и соответственно, его влияние при дворе было огромным.

Жизнь кочевого населения шла своим чередом. Происходило восстановление хозяйства, сильно пострадавшего во время трагических событий XIII в. Постепенно степи вновь заполняются кочевниками. Кроме этого, на Северском Донце продолжали функционировать оседлые поселения, сформировавшиеся после развала Хазарского каганата, на основе селищ хазарского времени. Их полиэтничное население пополнилось обедневшими степняками и выходцами с русских земель. Археологические памятники свидетельствуют, что в это время Донецкие степи были хорошо освоенным регионом. В степной его части имеются многочисленные курганные захоронения, среди которых присутствуют и погребения кочевой элиты. Показательно, что эти захоронения произведены по половецкому обряду, а датировка определяется по содержащимся в могилах предметам золотоордынского времени. Таким образом, это были все те же половцы, у которых сменились хозяева.



Меч, найденный у посёлка Райгородок Славянского района (из собрания Государственного Эрмитажа).

Захоронения кочевников золотоордынского времени были выявлены во многих местах. Известны они на территории нынешнего города Донецка (Текстильщик, Пески). Кроме этого, они раскапывались у г. Шахтерск, сёл Авиловка, Ольховатка, Булавинское, Зрубное Шахтёрского района, Чугуно-Крепинка, Житенко и Семёновское Амвросиевского района, Полковое Волновахского района, Мичурино Тельмановского района, города Волноваха. Бóльшая часть этих захоронений была впущена в насыпи курганов более раннего времени. Тем не менее, погребения, выявленные у сёл Авиловка, Ольховатка, Булавинское, Чугуно-Крепинка, Зрубное, и города Волновахи были основными и единственными под невысокими курганными насыпями. Большинство их являлось могилами рядовых кочевников с относительно небогатым инвентарём.

Захоронения воинов были обнаружены у сел Никифорово (Шахтёрский район Донецкой области) и Самойлово. Особый интерес представляло погребение у села Самойлово (Новоазовский район). Оно было впущено в центральную часть насыпи эпохи бронзы. Погребённый сопровождался богатым и разнообразным инвентарём, среди которого выделяется комплекс вооружения (сабля, кольчуга, шлем, стрелы). Кроме этого, с покойником находились детали повозки, в виде колёс, которыми был закрыт вход в погребальную камеру. В захоронении присутствовали остатки шёлкового халата и золототканого пояска с куфической надписью. Интересен факт наличия в комплексе керамического красноглиняного кувшина, близкого сосудам, с поселений золотоордынского времени.

Элементы повозки были обнаружены в ещё двух погребениях, исследованных в 2011 г. во время раскопок курганной группы Попов Яр 2 в Добропольском районе. Одно из них совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы с подбоем вдоль южной стенки. Подбой был перекрыт поперечными досками, на которые уложили деревянное колесо.

Со взрослой женщиной находились только детали одежды и украшения, в том числе шейная витая железная гривна.

Второе погребение было впущено в центральную часть соседнего кургана. В захоронении этого покойника принимало участие большое количество людей, что свидетельствует о том, что его влияние в обществе было достаточно весомым. Вокруг насыпи кургана была сделана кольцевая выкладка из массивных камней. Показательно, что ближайшие каменные выходы располагаются на расстоянии не менее 12-15 км от места расположения кургана. Погребение было совершено в прямоугольной яме с подбоем под южной стенкой. На ступеньке находилось чучело взнузданного коня, развёрнутое головой на запад. Вход в подбой, где лежал покойник, был перекрыт колёсами от повозки, на которой его вероятно везли в месту погребения. На дне камеры было расчищено гробовище, в котором на спине, головой на запад был уложен погребённый с комплектом вооружения. У пояса его находилась железная сабля. Там же были обнаружены остатки от сложного лука с костяными вставками. На правой руке лежал колчан, украшенный костяными пластинами, внутри которого лежали 3 стрелы. На костях (нижней челюсти и шейных позвонках) сохранились фрагменты златотканой парчи и несколько украшений одежды, выполненных из тонкой золотой и серебряной фольги.

Небольшое количество захоронений было оставлено половецкой элитой золотоордынского времени. Одно из них найдено в 1888 г. при раскопках курганной группы Рясные могилы у села Пески (близ города Донецка). Ещё одно обнаружили при строительстве Донецкой фильтровальной станции. Захоронение было разрушено земляными работами, и основная часть происходящих из него вещей утрачена. Представление о богатстве покойника дают сохранившиеся предметы: два колта и зеркало, близкий аналог которому был найден при раскопках Нового Сарая.

Богатый инвентарь находился и в женском захоронении, выявленном в 1962 г. в кургане у села Новоивановка Амвросиевского района. На голове покойницы присутствовал характерный головной убор с «рогами», близкий изображённым на половецких каменных изваяниях. Высокий социальный статус погребённой подчёркивался наличием в руке распрямлённой серебряной гривны, присутствии в могиле медного котла, а также золотого перстня с вырезанной на щитке греческой надписью. Среди прочих вещей в могиле находились ещё один перстень, металлическое зеркало, две золотые застёжки, орнаментированные сканью, крупный кувшин для вина, броши, со вставками из темно-синего, почти чёрного непрозрачного стекла, стеклянные браслеты, нож с костяной резной рукоятью серебряные витые браслеты, витые кольца, бубенец и линза из горного хрусталя.

Из общей массы захоронений кочевников выделяются погребения, у которых отсутствовали курганные насыпи. Одно из них, было найдено,

у села Кировское Волновахского района. Умерший вместе с конём был погребён на склоне балки. С костями человека и коня были обнаружены фрагменты кольчуги, стремя, медная литая пуговица, фрагмент костяной колчанной петли, сабля и шлем с портретной маской. Отсутствие кургана и нестандартное топографическое расположение, наиболее вероятно, связано с тем, что захоронение было произведено в экстремальной обстановке, на чужой территории, возможно, после сражения.

Все описанные выше захоронения были оставлены кочевниками, которые, по своему мировоззрению, являлись язычниками. Тем не менее, постепенно среди них распространяются и мировые религии. О проникновении ислама в мировоззрение кочевого населения степи свидетельствуют находки на территории Донецкого края погребальных плит с арабскими надписями.

В 1924 г., рядом с этой территорией, на горе Кремянец, возле города Изюм Харьковской области была обнаружена плита с арабской надписью, рисунок которой был опубликовал Н.В. Сибилёвым. Надпись гласила: *«Велел сделать это Ала ад-Дин сын Джамал ад-Дина сына Али Тарази в день шавалля из месяцев 734 г.Х.»* (1334-1335 гг.). Плита, похоже, имела отношение к захоронению, причём, из её текста следует, что предки погребённого происходили из Тараза, который располагался на территории Восточного Туркестана. Ещё одна плита, вероятно, была связана с кочевниками, проживавшими в золотоордынское время в Приазовье. В конце XIX в. её обнаружили на кургане близ посёлка Гусельщиково Новоазовского района, откуда плита была перевезена в город Новочеркасск, где находится и ныне. Текст свидетельствует, что она была установлена на могиле нойона (темника) Али-Бек Тимур-Булака сына Али Той-Тимура в 781 г. Хиджры (1381-1382 гг.). По своему виду плита близка предметам из Крыма, что вполне соответствует месту находки, расположенному близ крупного пути, идущего из Крыма параллельно Азовскому побережью.

С торговыми путями, по всей видимости, были связаны и находки импортных изделий. Среди них выделяется несколько ярких предметов, произведённых в мастерских Южной Саксонии во 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII вв. Один из них – бронзовая человеческая фигура, была обнаружена у села Новозарьевка (Старобешевский район). Ещё одна фигурка, изображающая льва, была найдена где-то в пределах Донецкого Кряжа. Как и статуэтка из Новозарьевки, она являлась деталью алтарного подсвечника.

Уникальная находка такого рода была обнаружена в среднем течении Северского Донца. В нач. XX в., в селе Ерёмовка (ныне Изюмский район Харьковской области, ранее относилось к Донецкой области) при рытье колодца был выявлен бронзовый водолей. Он выполнен в виде фигуры конного рыцаря с девушкой, изображающих героев средневековых рыцарских сказаний – Тристана и Изольду.

Прорисовка погребальной плиты, найденной у посёлка Гусельщиково (Новоазовский район). Хранится в музее донского казачества (город Новочеркасск Ростовской области) (по: Волков И.В., 2008).

Все описанные вещи имеют на поверхности многочисленные повреждения, сильно потёрты, что свидетельствует об очень долгом их использовании. Подсвечники, деталями которых являются описанные предметы, равно, как и водолей, были атрибутом убранства алтарей католических храмов. Попасть в степной регион они могли, как с европейскими послами, направлявшимися в ставку хана, одной из задач которых была миссионерская деятельность, так и быть привезены в качестве военной добычи с территории Крыма, разорённого в 1299 г. войсками Ногая.

Как и в хазарское время, большинство степных поселений представляет собой остатки кочевий. Часть их являлась зимовниками, которые использовались в течение продолжительного времени. Часть же – одноразовыми сезонными стойбищами. Один из зимовников находился на правом берегу реки Кальмиус, близ села Раздольное Старобешевского района. Мыс, на котором располагалось поселение, был обрезан балками со всех сторон. Среди находок в верхнем слое были куски медных пластин, бусина из горного хрусталя, пряслица, выточенные из стенок сосудов, обломок шпоры, железное шило. На западной окраине памятника, на гранитной осыпи, был подобран фрагмент чугунного котла. В целом, указанное поселение, наиболее вероятно, представляло собой кочевье, которое функционировало в кон. XIII или нач. XIV вв.

В центральной его части выявлены остатки двух круглых в плане сооружений, которые фиксировались за счёт того, что были обложены по периметру камнями. В центре каждой такой выкладки располагался открытый очаг. Находки внутри построек представлены фрагментами красноглиняных кувшинов и колотыми костями животных. Трудно ска-

зать, как выглядели указанные постройки. Имеющиеся в распоряжении остатки позволяют предположить, что это были лёгкие наземные строения круглой формы (типа шалашей или юрт), покрытые шкурами или войлоком. Края этого покрытия и были придавлены к земле камнями. Похожие сооружения в виде кругов, выложенных обломками кирпича, были обнаружены на подворье одной из усадеб в столице Золотой Орды – городе Сарае.

Кроме описанных выше построек, которые сооружались на кочевьях, существуют многочисленные сообщения о виде кочевнических жилищ золотоордынского времени, которые встречаются у многих путешественников, посетивших степь в это неспокойное время. Все эти жилища были иного типа, чем описанные выше постройки с поселения Раздольное.

Так, Плано Карпини (XIII в.) писал: *«Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в средине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому, что в средине у них всегда разведён огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, согласно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться и перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре, или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они не шли, на войну ли иль в другое место, они всегда перевозят их с собой»* (Карпини, 1911, с. 6-7). Подобное, несколько более детальное описание имеется и у В. Рубрука: *«Дом, в котором они спят, они ставят на колёсах из плетённых прутьев; брёвнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы; её они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок извёсткой, белой землёй и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они чёрный войлок. Этот войлок вокруг верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что они имеют иногда тридцать футов в ширину. … Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, одиннадцать в один ряд вдоль ширины повозки, и ещё 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке перед входом, погоняя быков»* (Рубрук, 1911, с. 69).

Сходное описание кочевой ставки присутствует и у Марко Поло, который, как и Рубрук сообщал, что когда эти жилища ставят, вход всегда разворачивают к югу. Культ юга был характерен для тюркских и

монгольских кочевых народов, благодаря чему, разворот входа жилища именно в эту сторону должен был обеспечить хозяевам постройки удачу.

Говоря о быте кочевого населения, следует упомянуть что, по крайней мере, в XV в., кочевники для своих нужд даже выращивали хлеб. Процесс этого был детально описан Иосафатом Барбаро. Согласно его сообщению, происходило это следующим образом: *«В исходе Февраля месяца по всей орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно приготовили все, для того нужное; ибо в такой то день Марта предположено отправиться к такому то месту, для посева избранному. В следствие сего объявления, все желающие немедленно делают приготовления свои; насыпают семенной хлеб на повозки и отправляются с рабочим скотом, жёнами и детьми, или только с частью своих семейств, к назначенному месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась орда во время возвещения приказа о посеве. Тут остаются они до тех пор, пока вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы, и потом уже возвращаются назад в орду. Между тем Хан, подобно матери семейства, отпустившей детей своих порезвиться, и непрестанно издали наблюдающий за ними, все кружится около засеянного поля, … никогда не отдаляясь от оного далее 4 дней пути. Когда же хлеб созреет, то все желающие, как сеятели, так равно и покупатели, отправляются туда для жатвы, с повозками, волами, верблюдами, и со всем нужным, как на собственную мызу…. Иногда жатва бывает так обильна, что не знают, куда деваться с хлебом, и часть его по необходимости, оставляют на месте»* (Барбаро, 1836, с. 36-38). Тем не менее, посевы делать они могли далеко не всегда. Так, боясь опасности нападения противников, Улу Мухаммед в течение 11 лет просто запрещал своим людям делать посев, чтобы не распускать орду из-за постоянной угрозы возобновления войны. Писал о зачатках примитивного земледелия и Иоанн Шильтбергер, баварский оруженосец, путешествовавший на рубеже XIV-XV вв. (1394-1427 гг.) по Востоку, в частности и на территории Орды. *«Был я также в Великой Татарии, где жители из хлебных растений сеют одно только просо. Вообще они не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется молоком лошадиным и верблюжьим; также питаются и мясом этих животных. Нужно заметить, что в этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с жёнами, детьми и стадами своими, возя с собой все своё прочее добро, странствуя от одного пастбища к другому …»* (Брун, 1867, с. 55).

Приход монголов в Северное Причерноморье мало повлиял на жизнь оседлого населения среднего течения Северского Донца. Неукреплённые поселения продолжают здесь функционировать на своих прежних местах. Их керамика, как и в предыдущий период, имеет сходство с древнерусской и одновременно сохраняет влияние традиций гончарного

дела давно исчезнувшей салтово-маяцкой культуры. Население, как и прежде, проживало у бродов, ловило рыбу и занималось охотой. Наблюдаются и изменения, вероятно связанные с приходом на эти поселения новых групп населения с Руси. Особенно ярко они видны в жилищном строительстве, где появляются типичные древнерусские жилища полуземляночного типа. На поселении у с. Маяки они представлены достаточно крупными постройками (до 25 кв. м. площадью), углублёнными в грунт на 1-1,2 м. Почти все изученные полуземлянки отапливались при помощи печей, размещённых у одной из стен, или в углу постройки. Печи имели подковообразную форму с небольшой глинобитной площадкой, расположенной перед входом. Материалом для их сооружения служила белая глина, которая добывалась здесь же, у поселения. Такого рода жилища были раскопаны и на поселении Нижнетёплое, расположенном ниже по течению Северского Донца.

Расцвет Золотой Орды был ярким, но коротким. Уже в правление Джанибека (1342-1357 гг.), всячески старавшегося продолжать деятельность своего отца, начали постепенно проявляться признаки новой грядущей смуты. Усиливалась власть отдельных эмиров, процветали интриги при дворе. В 1356-1357 гг. Джанибек отправился воевать со своими соседями – потомками Хулагу-хана, за Азербайджан. Государство Хулагуидов в Иране к тому времени находилось в состоянии распада, поэтому поход прошёл удачно и Азербайджан на короткое время был присоединён к Золотой Орде. Во время возвращения из похода Джанибек заболел. Один из главных эмиров при дворе **Тоглу-бай**[1], узнав об этом, написал письмо сыну Джанибека – Бердыбеку, чтобы он срочно отправлялся к отцу, дабы в случае его смерти, вовремя занять престол. Однако, когда Бердыбек прибыл в ханскую ставку, которая располагалась за Дербентом, отцу стало легче. Джанибек был сильно встревожен неожиданным приездом сына, и тогда Тоглу-бай, опасаясь за свою голову, удушил правителя.

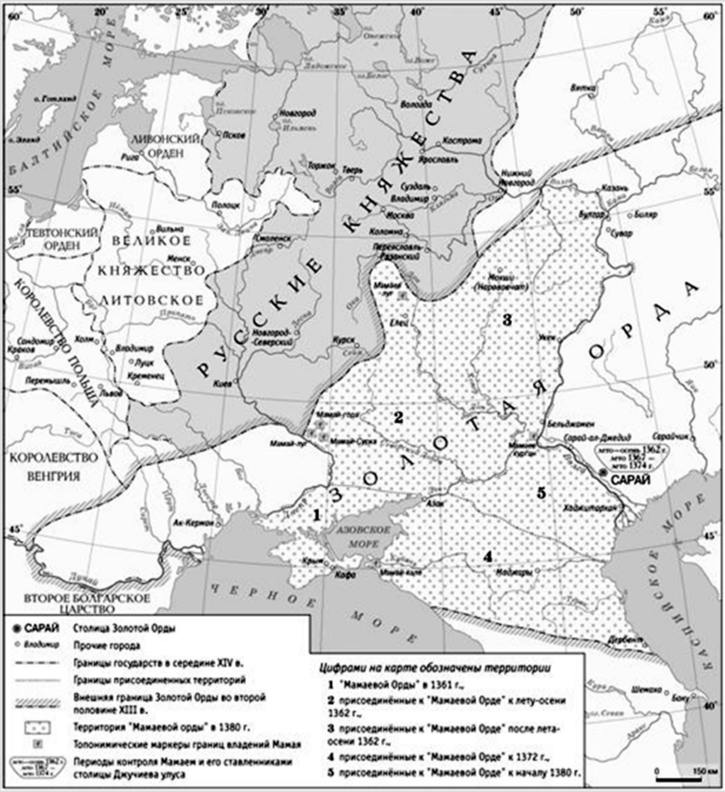
Новым ханом, без согласия со знатью, был объявлен Бердыбек, однако его влияние при дворе не было столь сильным, как представлялось изначально. Казни недовольных эмиров не помогли. Новый правитель сумел продержаться недолго, к 1359 г. он потерял престол, а чуть позже – голову. По сообщению Никоновской летописи *«Сын же его Бердыбек по нем (Джанибеке) сяде на царстве, и уби братов своих 12; окаанным князем, и учителем своим и доброхотом Товлубием наставляем отца своего уби и братью свою поби и помале паки и сам погибе»* (ПСРЛ, т. 10, с. 229). Далее на престоле начала сменяться череда ханов-претендентов, и в Золотой Орде началась **Великая Смута**. Таким термином, образным, но достаточно верным, назвали этот период золотоордынской истории русские летописи.

[1] Имя этого эмира имеет ряд написаний в исторических источниках: Товлу-бай, Товлубий.

Основная борьба развернулась за столичные города – Сарай Бату и Сарай ал-Джедид (Новый Сарай). Под 1360 г. русская летопись с ужасом сообщает о том, как разгоралась страшная междоусобица: *«Того же лета во Орде убиен бысть царь Бердибек, сын Чянибеков, внук Азбяков, и с доброхотом своим окаянным Товлубием, князем темным и силным, и со иными советники его; и испи тую же чашу, ею же напоил отца своего и братью свою. И по нем сяде во Орде на царстве Кульпа (Кульна-хан). И царствие его месяц 6 и дней 5 и много зла сотвори. И тако и сему не стерпе суд Божий, и убиен бысть от Науруса (Науруз-хан) з двема сыны своими, с Михаилом и Иваном»* (ПСРЛ, т. 10, с. 229-230).

Судя по именам, приводимым в летописи, убиенные сыновья Кульны были христианами. Далее русские летописи с точностью счётчика указывают, сколько за тот или иной год было убито ханов, имевших несчастье занять престол великого государства в столь неспокойное время. Иногда при этом они сообщают, сколько тот или иной хан успел сделать добрых или злых дел за короткое время своего нахождения на троне. В целом, за 20 «смутных» лет на престоле Золотой Орды сменилось 25 ханов. Только в 1360 г. на монетах одного и того же города можно было встретить имена целых 5 правителей. Некоторые из них занимали престол по нескольку раз. С приходом каждого нового хана вырезались сторонники прежнего из числа верхушки общества, а от постоянных погромов и грабежей страдало городское население. Борьба за центральные районы государства тяжело отразилась на жизни населения этих земель. Об этом красноречиво свидетельствуют данные раскопок городов Нижнего Поволжья. Раннезолотоордынские города не имели укреплений. Связано это было не с тем, что кочевники должны были контролировать жизнь городского населения, а с тем, что этому населению некого было бояться. Напротив, их все боялись, и города Золотой Орды охраняла сама окружавшая их степь. Так, даже в более позднее время татары относились к укреплениям пренебрежительно. По сообщению Иосафата Барбаро: *«Однажды в бытность мою в Тане, где над городскими воротами возвышается прекрасная башня, спросил я у одного подле меня стоявшего Татарского купца, который со вниманием разглядывал эту башню: нравится ли она тебе? Посмотрев на меня пристально, он с усмешкой отвечал: «эко диво! Башни строит тот, кто трусит». По-моему, ответ его был совершенно справедлив»* (Барбаро, 1836, с. 32).

Тем не менее, именно во время Великой Смуты впервые за всю историю государства, вокруг населённых пунктов начинают появляться неказистые, неумело сооружённые укрепления. Города уменьшаются в размерах. На месте некогда цветущих кварталов появляются кладбища. Смутой в государстве не замедлили воспользоваться и соседи. В 1362 г., в битве при Синих Водах (река Синюха, приток реки Буг) литовское



Карта Мамаева улуса в 60-80-е гг. XIV в. (по: Селезнёв Ю.В., 2009).

войско нанесло сильное поражение татарам, в результате чего часть земель Буджака и Среднего Поднепровья фактически отошли к Великому Княжеству Литовскому.

Именно в это время и наблюдается небывалый ранее расцвет оседлой жизни на территории Донецких степей. Междоусобица, разорившая значительную часть государства, менее всего затронула те его западные области, где уже в 60-х гг. XIV в. власть перешла к Мамаю. Этот правитель фактически единолично правил здесь в течение всего «смутного времени». Он не был чингизидом, что не давало ему права на верховную власть. Однако в подчинении Мамая находился ряд ханов – чингизидов, которых он использовал в качестве своих марионеток. К их числу относятся ханы **Абдаллах** и **Мухаммед-Булак**, монеты которых очень часто встречаются на памятниках нашего края.

Под властью Мамая находились Нижнее Поднепровье, Крым, Донецкие степи. Его столицей, наиболее вероятно, являлся город, расположенный в нижнем течении Днепра, в пределах нынешней Запорожской области. Сейчас это городище носит название «Великие Кучугуры», иногда же его называют «Мамаев городок». Используя принадлежащие ему земли, как плацдарм, Мамай хотел получить большее – власть над всеми территориями Золотой Орды. Перемещение населения с разорённых областей, оседание разорившихся кочевников, равно как и политика Мамая, направленная на захват власти над всем государством, стабилизировали расцвет оседлой жизни в регионе, который ранее находился, в основном, под контролем кочевников. Именно в этот период в степи появляется множество поселений, а на Северском Донце вырастают крупные центры, остатки которых обнаружены у Маяков, Райгородка и Лисичанска. Кроме этого, поселения строятся на пересекающих территорию края торговых путях. Так, в западной части региона, которая издревле была местом обитания кочевого населения, появляется населённый пункт, остатки которого выявлены близ нынешнего села Красный Кут Великоновоселковского района. На памятнике, который располагался на идущей из Крыма Муравской дороге, была собрана значительная коллекция монет, датируемых периодом «смуты».

Несколько иной тип поселения был обнаружен в Ляпинской балке, на восточной окраине Мариуполя. Селище находится неподалёку от моря. При раскопках было установлено, что жители этого памятника селились в лёгких наземных постройках. Большинство находок золотоордынского времени представлено фрагментами неполивной посуды, обломками амфор и небольшим количеством бытовых предметов. В целом, комплекс поселения Ляпинская балка выглядит довольно бедно и по виду своему отличается от современных ему поселений, расположенных на Северском Донце. Среди находок на памятнике было выявлено большое количество костей животных и не встречено ни единого предмета, имеющего отношение к земледелию. Всё это сближает поселение с сезонными кочевническими стойбищами. От последних поселение в Ляпинской балке отличается рядом черт: более богатым и разнообразным материалом, наличием рва, ограждающего обжитую территорию и присутствием неподалёку могильника, который не имел курганных насыпей, что сближает его с кладбищами оседлого населения. При всем этом он имеет много общих черт с курганными погребениями кочевников по обряду. Наиболее вероятно что, он был оставлен недавно осевшими кочевниками, ещё не полностью простившимися с кочевыми традициями.

Особый интерес представляют крупные центры, которые располагались в среднем течении Северского Донца. Два из них находились в Славянском районе. Это группа объектов у посёлка Райгородок и археологический комплекс у села Маяки, который более известен, как Царино городище.

Остатки крупного золотоордынского поселения у Райгородка были обнаружены в начале XX в. Раскопки на нем не производились, и ныне этот памятник полностью затоплен водохранилищем. В.А. Городцов указывал, что *«следов укреплений здесь никаких нет. Во время обработки земли всюду выпахиваются древние кирпичи, какие-то кирпичные фундаменты (?) небольших зданий, изразцы и множество серебряных и медных монет татарских ханов… В южном конце поля «Городка» существует холм довольно значительных размеров. Лет пять тому назад Райгородские крестьяне-кладоискатели раскопали двумя параллельными траншеями средину холма, и нашли в нем сплошную массу цельного и битого кирпича, плитчатый пол какого-то здания, несколько десятков прекрасных изразцов голубого, синего и белого цвета, и, наконец, каменное крыльцо или паперть, ведущую в здание с южной стороны. Холм, заключающий остатки здания, окружается земляным валом, от которого сохранились ясные следы…»* (Городцов, 1905, с. 263).

Материалы, связанные с «Городком», расположенным в долине Казённого Торца, были обнаружены во время раскопок поселения Казачья Пристань, который находился в пойме, в 3-х км к востоку от Райгородка, население которого использовало расположенные неподалёку руины золотоордынского памятника в качестве каменоломни. В конструкции сооружений Казачьей Пристани встречались обломки стенок горнов, довольно много обожжённого кирпича, а также обломки «поливных кирпичей» которые оказались фрагментами изразцов, произведённых в городе Маджары на Северном Кавказе. Внешняя их поверхность имела покрытие непрозрачной бирюзовой глазурью.

Особый интерес вызывает сообщение о находке в районе Райгородка меча с арабской надписью. Он был вымыт весной 1898 г. в урочище Христивская (или Христова) круча. Меч имел серебряный эфес и обвитую серебряными нитями рукоять. Навершие было украшено чернёным изображением соколиной охоты. На скобах от ножен имеется надпись с именем эмира Гийас ад-Дина. Ныне этот меч находится в собрании Государственного Эрмитажа. Таким образом, материалы, происходящие из окрестностей Райгородка, свидетельствуют, что этот памятник представлял собой остатки крупного центра, имеющего среди прочих большую общественную постройку (возможно мечеть или мавзолей).

Значительно больше информации мы имеем о расположенном в 4 км выше по течению реки Северский Донец археологическом комплексе у с. Маяки. Памятник занимает мыс высокого коренного правого берега Северского Донца, у места впадения в реку крупной, заросшей лесом, балки – Ложникова Яра. С западной стороны территория археологического комплекса ограничена ещё одной балкой, в которой находится с. Маяки. В хазарское время была заселена только часть данной площади, ограждённая валом, рвом и эскарпами со стороны реки Северский Донец. В

Фрагменты привозной поливной посуды, найденные на Царином городище у села Маяки Славянского района (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

XIII-XIV вв. площадь памятника увеличилась, как минимум, в 3 раза. Не ясно, имел ли он в это время какие-либо укрепления. В пользу того, что какие-то оборонительные сооружения на золотоордынском населённом пункте всё же были, может свидетельствовать наличие на юго-западной окраине городища слабо выраженного углубления с валообразным возвышением. За ним находки подъёмного материала резко исчезают.

Царино городище выделяется из всех золотоордынских поселений интересующего нас региона как своими размерами (площадь около 70 га), так и многочисленным ярким археологическим материалом. На его южной окраине был обнаружен мусульманский некрополь. Меньше данных имеется об его жилой части. Здесь, на распаханной поверхности, в течение длительного времени производился сбор подъёмного материала. Среди находок: керамика, предметы из чёрных и цветных металлов, бусы, фрагменты зеркал, предметы христианского культа, монеты. Находки свидетельствуют о том, что на территории памятника располагался крупный ремесленный центр. Особый интерес представляют многочисленные находки изделий из чугуна, представленные, в основном, фрагментами чугунных котлов. Кроме них присутствуют чугунные гири, и даже бита, отлитая в виде коро-

Кирпич и украшенные поливой изразцы с территории татарского городка, который располагался у посёлка Райгородок Славянского района (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

вьего астрагала. Многие чугунные предметы имеют необработанные швы, на некоторых встречаются не убранные литки. Среди находок на городище довольно часты всплески металла. Вышеперечисленное свидетельствует, что здесь в золотоордынское время функционировали чугунолитейные мастерские.

Ряд предметов подтверждает существование активной торговли. Среди них монеты, гири. О торговых связях свидетельствуют находки фрагментов привозной керамики и металлической посуды. Среди них выявлено днище бронзовой массивной литой гранёной ступки, аналоги которой известны в древностях Закавказья. Довольно многочисленны обломки металлических зеркал, представленных обычными типами, встречающимися на памятниках золотоордынского времени. Некоторые из них являются продуктом местного производства. То есть из дорогого привозного изделия делался оттиск на глине и уже по этому оттиску отливались предметы, которые шли в продажу. Довольно многочисленные украшения представлены перстнями, обрывками цепочек, нашивными медными и свинцовыми бляхами, деталями поясных наборов, пуговицами, бубенцами. Среди находок присутствуют медные золочёные пластины, украшенные гравированным орнаментом, которые служили обкладками деревянных шкатулок. Небольшая группа представлена медными браслетами, часть которых украшена геометрическим и растительным орнаментом, а также стилизованными арабскими надписями. Особенный интерес имеет находка на городище небольшой овальной серебряной пластины с тамгой на лицевой стороне, которая, вероятно служила для опечатывания грамот или иных документов.

Встречаются предметы христианского культа. Кроме христиан и мусульман на городище жили и язычники.

В пользу их присутствия свидетельствует небольшая фигурка, вырезанная из листа меди, представляющая изображение шаманского **онгона**. В подъёмном материале на памятнике встречено довольно много бусин и всевозможных вставок. Для их изготовления использовались как минералы (янтарь, сердолик, горный хрусталь), так и прозрачное и непрозрачное стекло различных цветов.

С территории Царина городища происходит самая крупная в регионе коллекция поливной посуды, в основном фрагментами красноглиняных сосудов крымского производства. Это обломки кувшинов, чаш, мисок, аптекарских сосудов, туваков, чернильница. Реже встречаются фрагменты полихромных сосудов, произведённых в Поволжье, Иране и далёком Китае.

На памятнике собрана большая коллекция монет, количество которых, судя по всему, исчислялось тысячами. Среди них имеются единичные пулы рубежа XIII-XIV вв., монеты Токты, Узбек-хана. Чаще встречаются монеты Джанибека. Абсолютное же большинство серебряных монет (более 83%) составляют дирхемы, чеканенные в период смуты 60-80-х гг. XIV в. Причём, около 55% из них были выпущены в правление хана Мухаммед-Булака. Этим же временем датируется и абсолютное большинство медных монет (до 90%), среди которых доминируют пулы без надписей и монеты с именем хана Абдаллаха. Таким образом, подавляющее большинство нумизматической коллекции указанного памятника относится к периоду смуты 60-80-х гг. XIV в. в Золотой Орде, что свидетельствует в пользу того, что именно на это время падает период расцвета жизни данного населённого пункта.

На городище имелись и постройки из жжёного кирпича. В нескольких местах в канавах прослеживались фундаменты таких построек. В 1989 г. на памятнике были раскопаны несколько сооружений золотоордынского времени, в конструкции стен которых использовались как саманные блоки, так и жжёный кирпич.

Тем временем, смута в Орде потихоньку подходила к концу. В 1380 г. Мамай потерпел сокрушительное поражение от русских полков на Куликовом поле. Возвратившись в Крым, он начал собирать полки, чтобы взять реванш. Во время подготовки к походу Мамай узнал, что навстречу ему из Поволжья движется хан Токтамыш[2]. Встреча двух татарских войск произошла на донецкой реке Калке, вполне вероятно, в том же месте, где было знаменитое сражение 1223 г. На этот раз битва не состоялась. Эмиры Мамая отказались ему повиноваться, *«сшедше с коней своих и биша челом царю Тахтамышу»* (ПСРЛ, т. 11, с. 69). Брошенный своим войском, Мамай бежал в Крым, где был убит генуэзцами. Золотая Орда была вновь объединена.

[1] В русских летописях и восточных источниках встречаются различные написания имени этого хана: Токтамыш, Тохтамыш, Тахтамыш, Тахтамышь, Тохтамышь и другие.

Трудно сказать, как эти события отразились на жизни оседлого населения рассматриваемого нами региона. Даже если с падением Мамая и приходом к власти Тохтамыша Донецкие степи потеряли своё значение как форпоста борьбы за Сарайский престол, они не запустели. Монеты Токтамыша являются достаточно частой находкой на их территории, что свидетельствует о том, что, как крупные, так и малые поселения продолжали существовать здесь и после гибели Мамая.

Кем же был новый хан – объединитель земель Золотой Орды? Историки по-разному оценивают эту противоречивую но, несомненно, неординарную личность. Будучи молодым человеком, Токтамыш бежал от преследований в Самарканд, ко двору **Тимура**[3], который в это время только начинал свою деятельность по объединению земель Средней Азии. Как талантливый политик, Тимур смотрел далеко вперёд. Помощь и всевозможное содействие, оказанное им Токтамышу, было связано не столько с личными симпатиями грозного азиатского владыки, сколько с тем, что Тимур прекрасно осознавал, сколь опасным соседом для него является сильная Золотая Орда. На её престоле он хотел видеть своего человека, и молодой Токтамыш вполне подходил для этой кандидатуры. Уже первые походы, в которых он принял участие, проявили некоторые качества этого человека. Три раза армия, которой снабдил его Тимур, была наголову разгромлена. Так, в 776 г. Хиджры (1374-1375 гг.) Токтамыш потерпел поражение, несмотря на то, что Кутлуг-Буга, предводитель вражеского войска, был убит. Второе поражение было ещё более позорным – хан бежал от разбитого войска, и при переправе через Сыр Дарью сам чуть не погиб. Идигу Барлас, которого Тимур, зная воинские таланты своего протеже, прислал на помощь, нашёл Токтамыша в кустах, голого, со стрелой, торчащей в руке. Во время третьего похода Токтамыш спасся лишь благодаря подарку Тимура – быстроходному коню. Трудно поверить, что не знавший поражений грозный повелитель Востока, человек, при звуке имени которого трепетали могучие народы, просто так терпел при себе такого человека. Создаётся впечатление, что в Токтамыше Тимура более привлекали не его личные качества, происхождение или красивая внешность, а тот факт, что этот потомок Чингисхана был слабым полководцем. В самом деле, на престоле могучей Золотой Орды Тамерлан желал бы видеть именно такого правителя, который не мог оказать серьёзного противодействия политике завоеваний, проводимой Тимуром.

Тем не менее, вокруг владений Токтамыша также находились бездарные правители, что способствовало его завоеваниям. Слабость Тимур-Мелика, сидевшего на престоле Ак-Орды (восточное крыло государства), позволило Токтамышу без труда вернуть эти владения. В 778 г.

[3] В источниках встречаются варианты имени этого правителя: Тимур, Тамур, Тимур Ленк (дословный перевод железный хромец: у Тимура была повреждена нога, в результате чего он хромал), Тимур Ленг, Тамурбек, Тамерлан и другие..

Хиджры (1376-1377 гг.) он стал правителем Ак-Орды, а на следующий год – вступил на престол в столице Золотой Орды – городе Сарае. После объединения основных территорий под своей властью Токтамыш приступил к решению вопросов внешней политики. Вначале он сумел обезопасить своё государство с севера. В 1382 г. золотоордынское войско сожгло и разграбило Москву, заставив Дмитрия Ивановича, непокорного князя Московского, платить дань. Договор был заключён с литовским князем Ягайло. И вот, после того, как его власть стабилизировалась в северных пределах государства, Токтамыш вспомнил, что Золотой Орде некогда принадлежали территории в Средней Азии, которыми ныне владел Тимур. Политика его в отношении указанных земель проводилась постепенно. В 1383 г. на монетах Хорезма появилось имя Токтамыша. Дальше вмешательства в дела Тимура начались ежегодно. Зимой 1385/1386 гг. золотоордынское войско разгромило столицу Азербайджана – город Тебриз, на который Тимур имел свои планы. Эти действия Токтамыша Тимур также оставил без внимания. Не получив отпора, в 1387 г. Токтамыш ведёт войска на коренные земли своего бывшего благодетеля, в Мавераннахр.

Тимур в это время находился в походе на территории Персии, и соответственно, помешать вторжению не смог. Золотоордынцами были разорены земли до Аму-Дарьи, опустошены окрестности Бухары, и осаждён сам город. Триумфальному шествию армии Токтамыша положило конец возвращение войск Тимура. Вероятно, он уже тогда понял, что за свои действия придётся отвечать. В 1391 г. войско Тимура вторглось в пределы Золотой Орды. Встреча произошла на р. Кундурча, притоке р. Черемшана. Армия Тимура уступала по численности золотоордынскому войску. Не благоприятствовала и погода. Шесть дней шли сильные ливни и, как только они прекратились, Тимур выстроил войска к битве. Сражение было долгим и упорным. Войскам Токтамыша удалось прорвать ряды противника и выйти в тыл Тимура. Перелома в ходе сражения Тамерлан достиг только ценою предельного напряжения сил, что свидетельствовало о том, насколько сильным было золотоордынское войско. Армия Золотой Орды была разгромлена и бежала. По образному сообщению современника событий персидского историка Шереф-ад-Дина Али Йезди: *«у тех несчастных спереди оказалась река Итиль, а сзади губительный меч. И с той стороны нет пути к бегству и убежища и с этой нет отсрочки и пощады»* (Тизенгаузен, т. 2, с. 171).

Видя это, Тимур отказался от празднования победы и войска получили возможность отдохнуть, только после того, как армия ордынцев была сброшена в Волгу. После разгрома вражеской армии, Тимур приступил в разрушению и ограблению территории государства. Разгрому подверглись города Поволжья. Западные территории государства этот поход не затронул. Когда войско Тимура повернуло назад, Токтамыш вновь вернулся на престол Золотой Орды.

Первые шаги Токтамыша были направлены на укрепление своего пошатнувшегося авторитета и заключение союза с противниками Тимура, который отныне стал основным его врагом. До наших дней дошёл знаменитый ярлык, посланный польскому королю Ягелло из г. Азака. В нём золотоордынский хан подаёт события с выгодной для себя точки зрения. Он пишет, что Тимура призвали на помощь его враги, которые в начале войны изменили Токтамышу. Таким образом, своей победой Тимур полностью обязан не своей мощи и полководческому таланту, а всего лишь, счастливому стечению обстоятельств, так как хан узнал о заговоре слишком поздно. Ныне же всё устроилось, и поэтому Ягайло должен выплатить установленную ранее дань, и его купцы могут без препятствий передвигаться в ханских владениях. В 1394 и 1395 гг. отправляются золотоордынские посольства в Египет. Целью их также было заключение союза против Тимура.

В 1394 г., как только Золотая Орда смогла прийти в себя после поражения, Токтамыш вновь ведёт войска на владения Тимура в Азербайджане. Это нападение было без труда отражено, и перед Золотой Ордой явственно встал призрак новой войны с могущественным азиатским владыкой. Весной 1395 г. войско Тимура уже стояло к югу от Дербента. Отсюда Тимур отправил к Токтамышу посольство во главе с Шамс ад-Дином Алмалыги. Токтамыш уже был готов к примирению, но эмиры в ставке хана отговорили его. *«Токтамыш-хан, вследствие речей этих несчастных… в ответе на письмо Тимура написал грубые выражения…. Тимур чрезвычайно разгневался на этот ответ и отдал приказ о смотре войска и приведении в порядок армии»* (Тизенгаузен, т. 2, с. 174).

К середине апреля две враждебных армии стояли друг напротив друга на противоположных берегах реки Терек, где Токтамыш попытался не пустить Тимура на другой берег, поставив охрану у переправы и завалив переправу деревьями. Испанский посол при дворе Тимура, Руи Клавихо де Гонсалес, эти события описывает так: *«когда Тамурбек подошёл и увидел, что Тотамих сторожит переправу через реку, послал сказать ему, что он напрасно это делает, так как он не намерен воевать с ним, а [хочет] быть его другом и сохрани Бог, чтобы он [когда-нибудь] желал ему зла. Но, несмотря на это, император побаивался [Тамурбека], так как знал, что он человек коварный. На другой день Тамурбек [от места переправы] двинулся с войском вверх по реке, а император Тарталии со своим войском [также] продвинулся другим берегом реки; а шли они так: один по одной стороне, другой – по другой и как Тамурбек останавливал своё войско, тотчас останавливался Тотамих на другой стороне [реки]. Таким образом, они двигались три дня, и ни один не перегнал другого. На третью ночь Тамурбек приказал в войске, чтобы женщины надели шлемы [и стали похожи] на мужчин, а всем мужчинам велел скакать как можно скорее [обратно] и каждому взять двух лошадей, на одной ехать [самому], а другую вести на поводу. Оставив свой стан [на месте], то есть женщин,*

Царино городище. Котлован полуземлянки конца XIV в., выявленной в раскопе 29, на посаде памятника. За печью видны скелеты убитых жителей. Раскопки Донецкого экспедиции краеведческого музея 2005 год.

похожих на мужчин, пленников и рабов с ними, сам [Тамурбек] вернулся назад к переправе; и все пройдённое за три дня расстояние он преодолел за одну ночь и переправился через реку. Около трёх часов он сражался в стане императора Тотамиха, разбил его и захватил, что у него было, а вёз он многое, но Тотамих бежал. Это была великая и славная победа, так как Тотамих имел огромное войско, и одна из величайших битв, которые выиграл Тамурбек, даже, говорят, более [важная], чем с Турком (имеется в виду победа Тимура под Анкарой над Баязидом I Йылдырымом (Молниеносным) в 1402 г. – Э.К.)» (Клавихо, 1990, с. 143-144).

Подобным же образом описывает битву при Тереке Шереф-ад-Дин Али Йезди, сообщая об ожесточённости сражения, что свидетельствовало о военной мощи золотоордынской армии.

После поражения в руки Тимура попали огромные сокровища, брошенные в ханской ставке, часть которых была роздана особо отличившимся командирам и воинам. Токтамыш с несколькими преданными ему людьми бежал к городу Булгару, а далее укрылся в густых лесах Волго-Камского междуречья. Далее путь войска Тимура описывается следующим образом. Вначале он, пытаясь найти Токтамыша, разгромил несколько городов в Поволжье. Потеряв его след, Тимур повернул к западу, и направился

к берегам Днепра. Он понимал, что Золотая Орда обладает мощными внутренними ресурсами, и Токтамыш способен вновь восстановить силы и продолжить борьбу. Не имея возможности схватить его, Тимур направил свой удар на западные области, где укрылись некоторые эмиры. Это было страшным потрясением для Золотой Орды, так как цветущие западные территории этого государства были теми регионами, которых менее всего коснулась междоусобица 60-80-х гг. XIV в.

Войска Тимура разорили Левобережье Днепра, оттуда спустились в Крым, разграбив который, вновь повернули на север. Здесь завоеватели дошли до Ельца, разорили город и двинулись на юг. Далее Тимур спустился по Дону, в низовьях которого им был взят город Азак. Город был сожжён, а его немусульманское население было истреблено. С низовьев Дона войско Тимура двинулось на Кубань. Оттуда – в Дагестан, а далее – обратно в Поволжье. Зимой 1395 г. Тимуром были взяты и сожжены Хаджитархан (Астрахань) и одна из столиц Золотой Орды – город Сарай ал-Джедид. Весной 1396 г. армия Тимура отступила через Дербент в Азербайджан, сопровождая свой путь грабежами, погромами и убийствами.

Кампания 1395 г. завершилась. Золотая Орда лежала в руинах. Показательно, что Тимур не только не оставил в завоёванных им золотоордынских городах своих гарнизонов, но даже не поставил марионеточного правителя на престоле этого государства. Собственно его поход преследовал иные цели, которые и были достигнуты. Мощная прежде держава превратилась во второстепенное государство. По свидетельству современника событий, Ибн-Арабшаха: *«Дела племён Дештских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подверглись разъединению и розни…. Большая толпа… ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддаётся ни счету, ни счислению и не может быть определена ни диваном (= палатой), ни дефтерем (= списком); она ушла к Румийцам (Византию) и Русским и, по своей злополучной участи и превратной судьбе своей, очутилась между христианами многобожниками и мусульманами пленниками. … Имя этому отряду – Карабогдан. По этим причинам жившие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскуднения и разорения, до разъединения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения. Они дошли до того, что если бы кто-то поехал по нем (Дешту) без вожака и руководителя, то он…непременно погиб бы при переездах своих. Летом ветры сдувают пески и скрывают да сметают дорогу путнику, а зимою, снег, падающий там, скопляется на ней и покрывает её, так, что вся земля его (Дешта) пустынна и жилища его безлюдны, привалы и водопои покинуты, пути его по всему вероятию, губительны и недоступны»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 470-471).

Лето 1395 г. стало чёрной датой и в жизни населённых пунктов, расположенных на территории Донецких степей. Трудно сказать, когда

1

2

Царино городище. Раскоп 29. 1 – скелеты убитых на полу котлована помещения 2; 2 – след от удара острым предметом на костях убитого из помещения 3.

они были разгромлены, во время движения Тимура в русские земли или на пути обратно – от Ельца к Низовьям Дона. Так или иначе, материалы более позднего времени, чем конец XIV в. обнаружены только на территории крупных центров, расположенных на Северском Донце. Таких находок, вообще, крайне мало встречено на обширных пространствах Донецких степей, что свидетельствует, о катастрофических последствиях разгрома 1395 г. для данной территории.

Материалы, обнаруженные на Царином городище, свидетельствуют, что населённый пункт в конце XIV в. был практически полностью уничтожен. Последние дни его существования связаны с сильным разгромом, после которого жизнь на поселении едва теплилась. Следы этого события фиксируются на всей территории поселения. На площадке городища довольно часто находили скелеты людей, лежащих в верхней части культурного слоя. По всей площади городища встречаются одиночные захоронения с небольшой глубиной залегания. Особенно чётко следы разгрома читаются на поселении с «древнерусской» керамикой, которое прилегало к северной части населённого пункта, составляя с ним единое целое. Здесь в 2005 г. была расчищена группа полуземлянок, относящихся к последнему этапу истории поселения. Все эти строения несли следы сильного пожара. Следы погрома наблюдались и в котлованах построек. В одном из помещений были обнаружены кости двух людей, лежавшие возле очага. Судя по останкам взрослого человека, он был похоронен в постройке. На плечевой кости правой руки его сохранились зарубки, нанесённые острым предметом. В соседней постройке убитые вообще не были погребены. Два скелета лежали за печью в том положении, в котором людей застигла смерть.

Восстанавливать разрушенные населённые пункты не было возможности, разгром 1395 г. на длительное время вверг Донецкие степи в хаос новой междоусобицы.

Глава 8. Распад Золотой Орды. Донецкие Степи под властью Крымского ханства

Последние годы Золотой Орды: борьба потомков Токтамыша и Едигея

Последствия разгрома 1395 г. тяжёлым бременем легли на государство. Все основные города были разграблены и сожжены. Обе столицы (Сарай и Сарай-ал-Джедид) лежали в руинах. Хан Токтамыш, ещё недавно гордившийся тем, что ему удалось объединить Золотую Орду, превратился в беженца, который метался по своей разорённой стране и не имел возможности где-либо надолго задержаться. По образному выражению В.В. Бартольда, он превратился в «искателя приключений». В самом государстве активизировались центробежные тенденции. Представители родовой аристократии, которых едва успели усмирить, вновь подняли голову. Особенно активно это проявилось в Крыму, где уже после первого поражения от Тимура в 793 г. Хиджры (1391/1392 гг.) один из военачальников Токтамыша – Бек-Пулад объявил себя правителем. Не успел Токтамыш навести порядок, как там же объявил себя ханом Таш-Тимур, который являлся потомком прежних эмиров – наместников Крыма, правивших этой территорией со 2-й половины XIII века. В целом, к 1396 г. на территории Золотой Орды было не менее пяти ханов, самостоятельно правивших осколками бывшего великого Улуса Джучи. И как обычно в тяжёлые времена, в государстве появился могучий временщик. Им стал **Идигу** (Идики, в некоторых восточных источниках; в русских летописях он известен, как **Едигей** или **Эдигей**).

Источники сообщают массу противоречивых сведений о событиях этого смутного времени. По всей видимости, Токтамыш на короткое время сумел восстановить свою власть над Поволжьем. В 1396 г. он отправился в Крым, чтобы воевать против владетеля города Кафы (Феодосия), захватившего в свои руки власть над побережьем. Согласно сообщению арабского историка XIV в. аль-Аскалани *«в 799 г. Х. (1396/1397) произошло великое сражение между Токтамыш-ханом, владетелем земли Дештской, и между Генуэзскими Франками»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 454). Вероятно, Токтамыш сумел захватить Кафу. По крайней мере, его сын был изгнан оттуда только в 1404 г. В 1398 г. Токтамыш (который, вполне вероятно, мог находиться в это время на территории Крыма) отправил посольства к князю Рязанскому и *«по всем странам»* с радостной вестью о том, что он, наконец, освободился от своих противников. Тем не менее, его радость оказалась преждевременной. В том же году, согласно сообщению Никоновской летописи, *«и абие внезаапу прииде на него ин*

некий царь, именем Темир-Котлуй, и бысть им бой велик и сеча зла. И одоле царь Темир-Кутлуй царя Тахтамыша и прогна и сяде сам на царстве Воложском» (ПСРЛ, т. 11, с. 167). **Тимур-Кутлуг**[1] (1398-1400) вместе с Идику (Едигеем) упоминаются в числе эмиров, перешедших к Тимуру ещё до похода 1390-1391 гг. против Токтамыша, в котором они принимали деятельное участие. После битвы 1391 г. при Кундузче они ушли от Тимура (или Тимур сам их отпустил). Не совсем ясно, имел ли место какой-то конфликт между ними и великим среднеазиатским владыкой. Так или иначе, эти эмиры, один из которых был Чингизидом, обосновавшимся за Волгой, занялись подготовкой к захвату престола Золотой Орды.

Сабля рубежа XIV-XV вв., найденная неподалёку от посёлка Дробышево Краснолиманского района.

Вначале Тимур-Кутлуг стал правителем Заволжской Орды, а затем захватил и золотоордынский престол. Разгромленный Токтамыш бежал в Литву, где был принят Великим князем Литовским Витовтом, который с его помощью рассчитывал распространить своё влияние не только на Степь, но и на восточнославянские земли. В 1398 г. Витовт с Токтамышем предприняли поход в Дешт-и-Кыпчак. Войска дошли до Дона, разорили Орду, где захватили множество пленных и скота. Понимая потенциальную опасность Токтамыша, Тимур-Кутлуг в следующем 1399 г. отправил посольство в Литву с требованием выдать соперника. Никоновская летопись сообщает об этом так: *«Того же лета царь Темир-Кутлуй присла послы своя к Великому князю Литовскому Витовту Кестутьевичу внуку Гедиманову, глаголя сице: «выдай ми царя беглого Тахтамыша, враг бо ми есть и не могу търпети, слышав его жива суща и у тебе живуща; пременяет бо ся житие сие: днесь царь, а утре беглец; днесь богат, а утре нищь; днесь имеет други, а утре враги; аз же боюся и своих, не токмо чюжих; царь же Тахтамышь чужь ми есть и враг зол, темже выдай ми его, а что около него ни есть то тебе»»* (ПСРЛ, т. 11, с. 172).

[1] В источниках встречаются различные варианты передачи имени этого правителя: Темир-Кутлуй, Темир-Котлуй, Темир-Кутлуг и другие.

Витовт отказал послам, выразив желание встретиться с Тимур-Кутлугом лично, что на дипломатическом языке того времени означало объявление войны. Литовский князь собрал огромное войско, в котором наряду с собственными подданными имелись несколько тысяч татар Токтамыша, а также немцы, которых прислал ему на помощь Тевтонский Орден. Согласно данным летописи у Витовта кроме войск, оснащённых обычным холодным оружием, имелось оружие огнестрельное (пушки и самострелы). Его армия была вооружена по высшим стандартам того времени.

У владыки Великого княжества Литовского были очень серьёзные планы насчёт своего «гостя» – свергнутого золотоордынского хана. Идя в Степь, он рассчитывал на то, что все территории, ранее принадлежавшие золотоордынским правителям, в том числе и Русские земли, окажутся под его властью. Согласно сообщению Никоновской летописи: *«И поиде в землю Татарьскую на Темир-Кутлуя с великою похвалою и гордостью сице хваляшеся глаголя: «поидем пленяти землю Татарьскую, победим царя Темир-Кутлуя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим во Орде на царстве его царя Тохтамышя, и на Кафе и на Озове (Азове), и на Крыму и на Астаракани (Астрахани) и на Заяицкой Орде (Зауральской) и на всем Примории, и на Казани; и то будет все наше и царь наш, и мы не точию Литовскою землею и Полскою владети имамы, и Северою и Великим Новымгородом, и Псковом, и Немцы, но и всеми великими княжениями Русскими, и со всех великих князей Русских учнем дани и оброкы имати а они нам покорятся и служат и волю нашу творят, якоже мы хотим и повелеваем им»»* (ПСРЛ, т. 11, с. 172).

Таким образом, поход Витовта 1399 г. был очередным витком европейской экспансии на восток, основной целью которой был захват территории Восточной Европы, в том числе, русских земель. В своё время сокрушительное поражение на льду Чудского озера (1242 г.), которое нанесли Тевтонскому Ордену войска Новгородского ополчения, поубавило аппетиты европейцев. Тем не менее, после битвы при Синих Водах (1362 г.), когда под контроль Великого княжества Литовского попали западные территории Золотой Орды, в том числе ряд славянских земель с Киевом, а также степных территорий, планы по захвату Восточной Европы возродились с новой силой. В дальнейшем идеи европейской экспансии на Восток будут красной нитью проходить через всю историю Средних веков и Нового времени, то возрождаясь, то затухая вновь.

Войска встретились на р. Ворскла. Согласно летописным данным, вид огромной армии испугал Тимур-Кутлуга, и он начал вести с Витовтом переговоры о мире. Витовт же потребовал от Золотой Орды выплачивать дань Великому княжеству Литовскому. Кроме этого, он поставил условие, чтобы во владениях Тимур-Кутлуга чеканилась монета с именем литовского князя. В противном случае он грозил разгромить все ордынские

Битва на реке Ворскла 1399 г. Миниатюра из Лицевого свода XVI века. (Лицевой свод Ивана Грозного, т. 14, с. 424).

земли. Таким образом, выдвигались абсолютно невыполнимые требования. Тем не менее, хан попросил три дня на обдумывание. Судя по всему, он ожидал подхода Едигея с войсками. Его приход повернул всё вспять. 12 августа 1399 г., около часа дня, татарское войско под руководством Едигея яростно бросилось на литовцев. Огнестрельное оружие не смогло сыграть в этой битве решающей роли, поскольку *«в поле чисте пушки и пищали недействени»*, оно более было пригодно для обороны или взятия крепостей. Татары Едигея, нанеся удар, начали притворно отступать. В тот момент, когда Витовт уже собирался праздновать победу, его войску был нанесён сокрушительный удар с обоих флангов. Кроме этого, войска под руководством Тимур Кутлуга прорвались в тыл. Армия литовцев, стараясь избежать полного окружения, обратилась в бегство.

Потери литовцев были огромны. Летопись приводит внушительный список князей, которые полегли на поле, указывая, что прочих погибших вообще не счесть. *«А се имена убитых князей Литовских: князь великий Андрей Ольгердович Полотский, князь великий Дмитрий Ольгердович Брянский, брат их из двоюродных князь Михайло Евнутьевич, внук Гедиманов, князь Иван Дмитриевич Киндырь, князь Андрей Дмитриев, пасынок, князь Иван Евлашкович, князь Иван Борисович Киевский, князь Глеб Святославович Смоленский, князь Лев Кориадович, князь Михайло Васильевич, да брат его князь Семен Васильевич, князь Михайло Подберезский, да брат его князь Александр, князь Дмитрий Данилович Волынский, князь Федор Патрикеевич Рылский, князь Андрей Дрютский, князь Вспытка Краковский, князь Монт Толунтович, князь Иван Юрьевич Белский, князь Дмитрей Кориадович, князь Ямонт Смоленский наместник, всех князей именитых славных 70 и 4. А иных воевод и бояр великих, и христиан, и Литвы и Руси, Ляхов и Немцев, елико избито многое множество, кто возможет исчести?»* (ПСРЛ, т. 11., с. 174). Сам Витовт чудом спасся от гибели. Его союзник Токтамыш прорвал окружение и также бежал с поля боя с группой своих ближайших соратников.

Тимур-Кутлугом была захвачена огромная добыча, в том числе и огнестрельное оружие. Преследуя отступающих литовцев и разоряя всё на своём пути, его татары дошли до Киева. Город откупился, выдав 3000 рублей (по тем временам это была огромная сумма), и ордынцы отступили в степь. После этого поражения Токтамыш более не делал попыток вернуть себе власть. По мнению М.Г. Сафаргалиева, он бежал в Сибирь (в Тюмень), где в районе трёх рек – Оби, Томи и Чулыма создал себе юрт (владение). Здесь же, в 1405 г. он был убит ханом Шадибеком. По иным данным, он был убит не в Сибири, а на Северном Кавказе, в низовьях Терека. Эта местность также называлась «Тюмень», т.е. «низина».

Тимур-Кутлуг умер летом 1400 г., и на престол Золотой Орды, при помощи Едигея, был поставлен хан Шадибек (1400-1407 гг.). Исторические сочинения сохранили о нём память, как о добродушном человеке,

любителе удовольствий и наслаждений, которого дела государства мало интересовали. Фактическим правителем стал Едигей. Согласно сообщению арабского автора Ибн-Арабшаха, который был современником событий, в это время: *«Устраивалось дело людское по указам Идику: он водворял в султанство кого хотел и смещал его с него; прикажет и никто не противится ему, проведёт грань, и никто не переступит этой черты»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 472).

Предметы вооружения XIV-XV вв. Кольчуга найдена на территории Теплинского городища, близ перелаза (брода) на Новой Посольской дороге (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

Через некоторое время Шадибеку надоело постоянное вмешательство Едигея в его дела, но он уже не мог ничего изменить. В 1407 г. Шадибек был свергнут и бежал в Дербент, где через некоторое время умер. Согласно сообщению И. Шильтбергера, он был убит в стычке с людьми, отправленными Идегеем в погоню за ним. На престол был поставлен сын Тимур-Кутлуга – Пулад (Булат-Султан русских летописей) (1407-1410 гг.). В его правление Едигей пытался поднять престиж Золотой Орды. Он организовал поход в Литву, а также вторгся в русские княжества. Целью походов было вернуть прежнее величие государства и наказать непокорных вассалов. Поход, который произошёл зимой 1408 г. надолго запомнился на Руси, как одно из самых страшных и разрушительных татарских вторжений. Последствия его ощущались в течение последующих двух десятилетий. Тем не менее, Орда была уже не та, что раньше. Поход на Русь пришлось прервать, так как Едигею от Пулад-хана пришло сообщение, что в Орде появился сын Токтамыша, Джелаль-ад-Дин, который претендует на престол. Возвратившиеся войска прогнали Джелаль-ад-Дина. Тем не менее, он при помощи Витовта, обосновался в Крыму и в 1410 г., вновь попытался добиться престола Золотой Орды.

Фактически, все эти события обозначали начало новой междоусобной войны, в которой наследники Токтамыша начали борьбу за власть

Монеты ордынских ханов кон. XIV – нач. XV в. Тимур-Кутлуг (1398-1400 гг.), Шадибек (1400-1407 гг.), Пулад (1407-1410 гг.), Чекре (1414-1416 гг.)

с Едигеем и его ставленниками[2]. Эта война разгоралась быстро и неумолимо. Войско Джалаль-ад-Дина двинулось в сторону Волги. Оно шло через территорию Донецких степей и под Азаком (нынешний город Азов) встретилось с армией Пулада. В состоявшейся здесь битве Пулад потерпел сокрушительное поражение и, вполне вероятно, был убит. Новый правитель Тимур, сын Тимур-Кутлуга (1410-1411 гг.), которого возвёл на трон Едигей, прогнал Джелал-ад-Дина, который бежал в Литву, под защиту Витовта и жестоко разгромил Азак. Тем не менее, ставши у власти, новый хан, равно, как и его окружение, начали сильно тяготиться властью Едигея. Против всесильного временщика был организован заговор, и он бежал в Хорезм, откуда продолжил борьбу за власть. Отправившийся вслед за ним новый хан Тимур вскоре был убит в Хорезме одним из своих военачальников.

Смута в Орде постепенно набирала силу. По отношению к ней даже события 60-80-х гг. XIV в. выглядели блеклыми. Под 1412 г. русская летопись повествует: *«Тое же зимы сяде Зелени-Салтан (так в русских летописях называли Джелаль-ад-Дина) на царстве, а Едигея князя прогна»* (ПСРЛ, т. 11, с. 218). Не успели русские князья выразить своё почтение новому хану, потомку Токтамыша, как в 1412 г. он был убит братом своим Керим-Берды. Через пять месяцев Керим-Берды убил другой его брат – Джеббар-Берды. Место его оспорил Кепек-хан (1413), также из рода Токтамышевичей, однако, вновь вернувшийся Идигу, посадил на ордынском престоле своего ставленника – Чекре-хана (1414-1416). Вместе с Чекре, который находился в это время при дворе Абу-Бекира, в Орду прибыл Иоанн Шильтбергер, который находился в составе этого посольства. Говоря об Едигее, он писал: *«Должно заметить, что в Великой Татарии есть сановник, который назначает и низвергает*

[2] У хана Токтамыша было много сыновей: Байрамбек, Кадир-Берды, Искандер, Кучук, Абу-Саид, Джаббар-Берды, Кепек, Керим-Берды, Джелаль-ад-Дин, Бахтибек-ходжа. Большинство их приняли участие в будущей ордынской смуте, связанной с борьбой за престол, начавшейся после смещения и гибели их отца.

Наконечник стрелы XIV в. Найден в Теплинском лесничестве. Славянский район.

королей от него совершенно зависящих. Эту высокую должность занимал тогда Едигей» (Брун, 1867, с. 34). В 1416-1419 гг. престол Орды также занимает ставленник Идигу – Дервиш-хан, однако в 1419/20 гг. против Едигея вновь выступает Токтамышевич – Кадыр-Берды[3], который встретился с Едигеем в битве на реке Яик (Урал). В этом ожесточённом сражении погибли оба полководца. Кадыр-Берды пал во время сражения. Его противник Едигей был опознан врагами и убит, когда бежал с поля боя. Согласно сообщению Ал-Айни: *«В этом же, т.е. 822 году Кадирберди (снова) пошёл на Идики; а Идики (с своей стороны) выступил против него. Встретились они и произошли между ними бой великий и сражение ожесточённое. С обеих сторон было убито много народу; Кадирберди сам был убит во время схватки и соратники его бежали. Идики также был поражён множеством ран, и войска его также обратились в бегство. Идики бежал, предполагая, что Кадирбирби победил. Покрытый ранами, он прибыл в одно (отдаленное) место, спешившись там, и сказал одному из бывших с ним лиц: «ступай и разведай в чем дело; если найдёшь кого-нибудь из нашего войска, укажи ему путь сюда». Тот отправился, и производя разведки, встретился с одним из эмиров Татарских. Это был один из сторонников Токтамыш-хана, у которого он был старшим эмиром. Поведал ему тот человек про дело Идики; тогда он (эмир Токтамыша) спросил «где он»? Тот указал (ему) путь и он пришёл к нему (Идики). Увидев его, Идики стал поносить и стращать его. Тогда тот сказал ему: «день был в нашу пользу и мы сделали своё дело, (теперь) сделай ты все, что можешь». Затем он приказал бывшим при нем людям своим напасть на него (Идики) с мечами и они разрубили его на куски»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 532-533).

Так ушёл из жизни человек, который в течение длительного времени играл ведущую роль в государстве и сделал всё, чтобы объединить Золотую Орду и восстановить её былое величие. С его именем связано возникновение объединения восточных кыпчаков – **Ногайской орды**, самоназванием которой было Мангытский юрт (Едигей был князем племени мангыт). Видимо в связи с этим его имя было увековечено в эпических произведениях ногайцев и казанских татар, где образ Идигу является примером мужества и благочестия и где его сравнивают с величайшими

[3] Встречается написание его имени: Кадирберды, Кадир-Берды, Кадир Берды.

Монеты времени правления Улу-Мухаммада (20-40-е гг. XV в.)

полководцами и правителями прошлых веков: Искандером (Александром Македонским) и Чингис-ханом.

Так или иначе, это был единственный человек, который мог объединить и излечить смертельно больное государство. Ал-Айни писал: *«Когда случилось все это, то царством Дештским стал править некто из рода Чингисханова, по имени Мухаммедхан, но при нем смуты сделались постоянными и дела расстроились (окончательно)»* (Тизенгаузен, т. 1., с. 533). Таким образом, смерть Едигея не остановила смуту, как произошло со смертью Мамая в XIV в., а дала толчок к новому её витку, который завершился полным распадом Золотой Орды. В татарском эпосе «Идегей» так говорится об этом:

Смута настала в Идиль-стране
Гибли в междоусобной войне
Множество отцов и детей
Как предсказал муж Идегей

Тёмный день на землю пришёл
Сотворённый Чингизом престол
Стал престолом, где кровь лилась
Ханский дворец исчез из глаз

Край разорённый стал пустым
Отошли друг от друга тогда
Аждаркан, Казань и Крым
Золотая распалась Орда

(Идегей, 1990, с. 240)

Как говорилось выше, уже во время первых смут в Золотой Орде особую роль начинает играть Крым. Этот полуостров, узким перешейком отделённый от материка, изначально представлял собой своеобразную крепость. Его портовые города, заселённые полиэтничным населением, были крупными центрами международной торговли и имели обширные торговые и культурные связи. Здесь находились крупнейшие ремеслен-

Золотая Орда и государства, возникшие после её распада.

ные центры, которые обеспечивали высококачественными изделиями Степь. Пошлина, взимаемая с генуэзских торговых факторий, служила существенным подспорьем казне. Таким образом, правитель, владеющий этой территорией, был обеспечен всем необходимым, благодаря чему, земли Крыма всегда держались несколько обособленно. Кроме этого, у многих ханов, боровшихся за власть в Золотой Орде, владение полуостровом представляло как бы промежуточную ступеньку, перед захватом золотоордынского престола в Сарае.

Во время смуты XIV в. на выходцев из Крыма опирался Мамай. Сходная картина наблюдалась и в XV в., когда Крым оказался втянутым в новую междоусобную распрю. При всём этом, если предшествующая междоусобица являлась войной Токтамышевичей против Едигея, то эта – стала войной всех против всех. На престоле Золотой Орды в это время находился потомок Токтамыша – Улу-Мухаммад, который в течение

25 лет боролся за верховную власть в государстве. В 1424/1425 гг. под давлением очередного ставленника Тимуридов – Барака (1425-1428 гг.), он был вынужден бежать в Литву. С претензиями на престол Орды выдвинулся Девлет-Берды, который, после того, как его разбил Барак, ушёл в Крым, наместником которого был в это время Бек-Суфи. Именно в его правление в Кафе (Феодосии) начинается выпуск генуэзско-татарских серебряных монет – аспров, которые, кроме имени генуэзского должностного лица несли на себе имена ордынских наместников.

Согласно сообщению арабского автора Ал-Айни: *«В…марте 1427 г. (в Египет) прибыло письмо от завладевшего Крымом лица, по имени Даулет-бирди, состоящее из прекрасных фраз, которые заключали в себе двустишия и (более длинные) стихотворения и поговорки, переполненные разными риторическими затеями, оборотами и украшениями. Оно было прочтено султану и (ваш) слуга нижайший присутствовал при этом собрании. Но, ни читавший, ни другой кто не понимал содержащихся в нем (письме) тонкостей. Привёзший (это) письмо сообщил, что в землях Дештских большая неурядица и что три царя оспаривают царство друг у друга; один из них по имени Давлетбирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой Мухамметхан (Улу-Мухаммад) завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, по имени Барак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка (Тимура, которыми в это время правил его сын Улугбек – Э.К.)»* (Тизенгаузен, т. 1, с. 533-534).

По всей видимости, Девлет-Берди сумел поставить под свой контроль генуэзские фактории и обладал достаточно сильной властью в Крыму – на монетах генуэзской Кафы (Феодосии), наряду с именем Бек-Суфи начинает появляться и его имя. Так, на полуострове появился сын Таш-Тимура, человека, ранее (в 1395 г.) уже правившего этой территорией. Несмотря на то, что Девлет-Берды задержался в Крыму недолго, его появление здесь было явлением знаменательным. Через несколько десятилетий его родственник – Хаджи Гирей, станет первым правителем Крымского ханства, крупнейшего из государств, возникших на руинах Золотой Орды.

Но это будет позже, а в 1424-1425 гг. борьба за престол в Сарае продолжалась. Города, разрушенные во время многолетней смуты, не успевали отстраиваться. Экономика была полностью разорена. Особенно ярко её упадок виден на изменениях, которые произошли в денежном обращении Орды. Ранее данги имели более или менее стабильный вес, чеканились из высокопробного серебра, на них находились чётко читаемые легенды, повествующие об имени и регалиях выпустившего их правителя. Уже во втором десятилетии XV в. начинает снижаться вес монет, и ухудшается техника их изготовления. А ещё через 10 лет, в правление Улу-Мухаммада и его современников монета уменьшается в весе чуть ли не вдвое. Она чеканилась из серебра крайне низкой пробы; часть монет вообще имела серебряное покрытие. Техника их изготовле-

ния примитивна. Кружки имеют разные размеры, неправильную форму, надписи настолько плохо прочеканены, что иногда трудно определить имя правителя, выпустившего монету.

Смутой была охвачена вся территория государства. По словам Ал-Айни: *«В землях же Дештских, столица которых Сарай, была великая неурядица вследствие отсутствия старшего, который бы взялся за дела; одержало там верх несколько лиц из рода ханского... Каждый из них правил своим краем и ни у одного дело не шло на лад, как бы следовало; но перевес между ними одерживал Мухаммедхан (Улу-Мухаммад)* (Тизенгаузен, т. 1, с. 533). В 1428 г. он ненадолго вернул Сарайский престол, но вскоре вновь был сброшен с него новым претендентом – Кичи-Мухаммадом. В результате ожесточённой борьбы было решено, что Улу-Мухаммад будет править Крымом и западными территориями, а Кичи-Мухаммад заберёт себе Сарай и прилегающие к нему земли. В Крыму Улу-Мухаммаду также не сопутствовала удача. Он не сошёлся с местной знатью, которая пригласила на правление одного потомка Токтамыша – Сейид-Ахмада, сына Керим-Берды. Улу-Мухаммаду пришлось уйти в степь, на просторах которой он вновь столкнулся с Кичи-Мухаммадом.

Военные события происходили, в том числе, и на территории Донецкого края. От Улу-Мухаммада, вследствие разногласий, ушёл его старший эмир – Навруз, сын Едигея, который отправился к его противнику – Кичи-Мухаммаду. Объединив свои силы, хан и эмир двинулись на запад. По сообщению Иосафата Барбаро, венецианского дворянина, длительное время проживавшего в Азаке (Тане) и бывшего современником и свидетелем многих описываемых здесь событий, путь орды лежал *«мимо Цитор-хана (Астрахани), через Тюменские равнины (Калмыцкие степи) около границ Черкессии к берегам Танаиса и Забакского (Азовского моря), которое, как и самый Танаис было в это время покрыто льдом. Ведя за собою многочисленные полчища и множество скота, они вынуждены были разделить их, не отрывая шедших на значительное расстояние один от другого так, чтобы прежде не могли истребить всего корма, и всех жизненных припасов, назначенных для прочих отрядов»* (Барбаро, 1836, с. 14). По мере приближения вражеской орды, Улу-Мухаммад был оставлен своими приближенными и бежал. После долгих мытарств, он обосновался в Казани, где потомки этого правителя возглавили Казанское ханство.

Не смог найти общий язык с крымской верхушкой и Сейид-Ахмад. Он был вытеснен в степи Приднепровья, где стал полноправным господином. В течение длительного времени он пытался бороться за ордынское наследство, как с владыками Крыма, так и с держателями престола в Сарае. Верхушка же крымской знати, уставшая от постоянной смены правителей, которые основной упор в своей внешней политике делали на достижение власти над всей Золотой Ордой, и абсолютно пренебрегали

Серебряные генуэзско-татарские аспры, которые чеканились в Кафе в XV в. (до 1475 г.)

интересами собственно Крыма, решила призвать человека, для которого Крым не будет чужим. Этот человек происходил из рода прежних крымских эмиров, которые с небольшими перерывами правили полуостровом с 1260 г. Он проживал в Литве, куда вынужден был бежать от преследований Сейид-Ахмада. Представители влиятельных крымских родов Ширин и Барын отправили посольство в Великое княжество Литовское, чтобы позвать на правление потомка Таш-Тимура – **Хаджи-Гирея**, предлагая ему власть над владением своих отцов и дедов. В 1441 г. Хаджи-Гирей, отправился из г. Лида в Киев откуда, в сопровождении пышного эскорта, двинулся в Крым. Наряду с представителями крымской знати, его сопровождали и послы Великого княжества Литовского, которые пытались сделать ещё одну попытку получить дивиденды от Великой Ордынской смуты. Тогда они, даже в страшном сне, не могли представить, какие масштабные последствия их действий ожидают Польшу и Литву в самом недалёком будущем.

Пока же всё было хорошо, и вновь поставленный хан отдельным ярлыком подтвердил факт перехода во владение Великого княжества Литовского обширных земель, ранее принадлежавших Золотой Орде. Это были золотоордынские западные владения, захваченные Литвой после битвы при Синих Водах. Реально же, ханским ярлыком было утверждено фактическое положение дел на землях, которыми Орда не владела с 60-х гг. XIV в. Так было положено начало самостоятельному Крымскому ханству, одному из крупнейших и наиболее влиятельных государств, возникших на руинах Золотой Орды.

Донецкие степи в XV в.

Что происходило в это время на территории Донецких степей, сказать сложно. Исторические сочинения умалчивают о событиях на эти землях. Последнее не удивляет, если учесть, что события, происходящие и в центральных районах государства, также освещались плохо. Откуда было взять средневековым историкам сведения с территории, где деся-

тилетиями шли непрекращающиеся военные действия, с земель, которые превратились в «Дар-аль-Харб» (араб. «Дом войны»). Здесь военный быт коснулся даже женщин. Характерный рассказ приводит в своих записках кондотьер Иоанн Шильтбергер, который более 30 лет провёл в Степи, много видел, и оставил интереснейшие описания, характеризующие историю, жизнь и быт степного населения этого непростого и мало известного периода времени: *«В мою бытность при Чекре представилась перед ним и Едигеем одна татарская дама по имени Садур-мелик, со свитою, состоящей из четырёх тысяч девиц. Эта знатная дама, желая отомстить одному татарскому королю за то, что он убил её мужа просила Едигея о том, чтобы он помог ей изгнать того короля. Должно знать, что эта дама, равно, как провожавшие её женщины, ездила верхом и управлялась луком не хуже мужчины, и что она, готовясь к битве, привязывала к каждой стороне (лошади или седла) по мечу и луку. Когда двоюродный брат короля, убившего мужа, будучи взят в плен в сражении с Чекре, был отведён к ней, она приказала ему стать на колени, обнажила меч и одним ударом отсекла ему голову, говоря: «теперь я отомстила себя»»* (Брун, 1867, с. 39).

Даже по скудным имеющимся сведениям видно, что территория нашего края в это время неоднократно пересекалась крупными армиями, которым требовались продовольствие, кони, люди. Каждое такое перемещение войск разоряло местное население. Иосафат Барбаро, который в 1-й пол. XV в. находился в Тане, неподалёку от рассматриваемой нами территории, описывает последствия прохождения не армии, а мирной орды, разграбившей его рыбные промыслы: *«Прибыв уже весною, по вскрытию реки, к месту, именуемому Бозагац, в 40 милях от Таны (Азова)…узнал я от рыбаков, что в течении зимы они наловили и насолили множество всякой рыбы и икры, но Татарские отряды, проходя мимо, забрали всю эту рыбу, (как солёную, так и свежую и даже такую, которую не едят у нас) и пожрали её всю, не исключая и самих голов, а также истребили соль, которой заготовлено было большое количество, так что по отбытии их, не осталось её ни одного зерна. Они также разломали суда и унесли с собою доски, вероятно для починки своих повозок, и даже разрушили три бывшие там соляные мельницы, дабы воспользоваться небольшим количеством связывавшего их железа»* (Барбаро, 1836, с. 21). Его сосед, Джиованни да Валле (он, как и Барбаро, был венецианцем), у которого также была рыбная тоня, тоже пострадал: *«Услышав о приближении Татар, он велел для предосторожности вырыть большую яму, спустить в неё 30 бочек икры и потом, засыпав сверху землёю, сжечь над этим пространством поболее дров, дабы через то скрыть самую яму. Несмотря на все эти предосторожности, они отыскали её и похитили все в ней находящееся»* (Барбаро, 1836, с. 22).

Если же шли боевые действия, всё было намного хуже. Особенно опустошительными были походы плохо организованных полубандитских формирований, наскоро собранных претендентами на престол. Основной целью находившихся в них воинов, в условиях полной анархии и отсутствия центральной власти, был грабёж, от которого страдало, как кочевое, так и оседлое население. Наиболее уязвимыми оказались оседлые поселения. Их жители были вынуждены собирать всё самое необходимое и бежать под защиту городских стен. В противном случае им грозила неминуемая гибель. Учитывая, что города были далеко не везде, начался отток населения в регионы, располагающиеся в стороне от описанных событий, и где имелись длительные традиции осёдлости и крепости, в которых можно было переждать затянувшееся смутное время.

Небольшие поселения на Кряже и в Приазовье вряд ли пережили это безвременье. Эти скромные ростки осёдлости, выросшие посреди степи благодаря целенаправленной политике золотоордынских ханов, первыми были раздавлены беспощадным молохом войны. У населения, проживавшего в степных посёлках, был небогатый выбор: отправиться на запад, в пределы относительно благополучного Крыма, или уйти на восток, где в устье Дона стоял богатый крупный город Азак (нынешний Азов). Не менее тяжело переживало этот период и кочевое население. Часть кочевников влилась в войска, и приняла участие в бесконечных боевых действиях, которые отныне превратились на этой территории в будни. Некоторые из них, потеряв земли, семьи и стада, стали вольными военными людьми, «казаками». Изначально **казаком** считался человек лишённый семьи и имущества. Позже, это понятие стало синонимом воинского человека.

В целом же этот тюркский термин обозначал свободного, не подчинённого никакому господину или роду человека и переводился, как «разбойник», «мятежник», «авантюрист», «вольный человек», «всадник». Казаками становились не только простолюдины. Иногда жизнь «казака» вели претенденты на престол, которые, в отличие от реальных государей, не имели удела или государства и скитались со своими сторонниками по степи в поисках приключений. Этот же термин применялся суммарно и к частям народа, оторвавшимся от своих ханов. Таким образом, стать казаком, или вести жизнь казака, не являлось престижным. Эти люди утрачивали всякую связь со своим привычным окружением и являлись изгоями того государства, территорию которого они были вынуждены покинуть. Они не подчинялись ничьей власти и никаким законам. Соответственно, и сами они находились вне закона, благодаря чему в государствах, граничивших с территорией их проживания, эти люди, зачастую, рассматривались, как преступники. Обычно казаки собирались в орды, промышлявшие в степи охотой, рыбной ловлей и разбоем. Некоторые из вольных степных воинов откочевали на север

к границам Русского государства, или на запад – к границам Великого княжества Литовского, где поступали на службу к местным князьям. От них понятие «казачество» было усвоено русскими людьми, из числа проживавших на пограничье. В дальнейшем выходцы с южных окраин русских земель пополнили ряды вольных всадников и, ставши казаками, написали отдельную яркую страницу в истории Степи. Собственно, в среде казачества на этническую принадлежность обращали мало внимания. Куда более важным представлялись индивидуальные качества того или иного члена казачьего коллектива. Источники XV в. сохранили имя предводителя одной из самых ранних казачьих ватаг, промышлявших на Нижнем Дону. Этого человека звали Сары-Азман (Рыжая Борода), что, вполне вероятно, свидетельствует о его татарском происхождении.

Разгрому подверглись и поселения на Северском Донце. По всей видимости, после нашествия Тимура в 1395 г. они так и не были восстановлены и лежали в руинах. На наиболее крупных из них в начале XV в. всё ещё теплилась жизнь, в пользу чего свидетельствуют единичные находки монет этого смутного времени на территории Царина городища. Тем не менее, к середине XV в. указанные населённые пункты также прекратили своё существование. Куда ушли их жители, точно не известно. Наиболее вероятными местами были Азак и территория Крыма, где проживало этнически и культурно близкое им население.

Отдельный вопрос – судьба поселений, вытянутых цепью вдоль Северского Донца, на которых проживали потомки бродников. Как указывалось в прежних разделах, бродники являлись носителями традиций оседлого населения, жившего на территории Донецкого края чуть ли не с начала нашей эры. После падения Хазарии эти населённые пункты пережили многих хозяев. Ими владели русские князья, печенежские, торческие, половецкие и золотоордынские ханы. Под влиянием условий жизни, а также привнесённой извне тюркской кочевнической традиции быт и нравы этого населения трансформировались. Население изменило свой хозяйственный уклад: вместо занятия земледелием, которое всегда являлось основой жизни славян, жители степных поселений во главу угла ставили охоту, придомное скотоводство и рыбную ловлю. Изменился и их этнический облик, который был достаточно сложным и формировался в продолжение длительного времени на основе ирано-тюркских компонентов, а также славянского. Последний из них, после X в., постепенно становится преобладающим. Со славянским миром население Донца сближали и религиозные воззрения – подавляющее большинство жителей поселений, расположенных на Северском Донце, ещё с X в. исповедовала христианство греческого обряда. Всё это обусловило то, что уже в золотоордынское время население культурно, да и этнически, сблизилось с жителями южных окраин русских земель. При всём этом, в отличие от проживавшего на русских землях населения, жители этих поселений не

боялись степных просторов, и не воспринимали их, как землю «чужую» или «незнаемую». Это население было хорошо приспособлено к жизни в степях, и для него слова «Степь» и «Родина» были идентичными понятиями.

Рассматриваемые нами памятники, как и все прочие населённые пункты на этой территории на рубеже XIV-XV вв., подверглись разгрому, но не тотальному уничтожению. Оставшиеся в живых, похоронив близких, покинули родные места. Наиболее реальным направлением миграционного потока являлась, расположенная к северу от рассматриваемой нами территории, лесостепная Северская земля, которая была заселена славянским населением, культурно и этнически родственным пришедшим из степи переселенцам. Та их часть, которая проживала ближе к Дону, переместилась выше по его течению, в пределы упомянутого средневековыми источниками «**Черлёного Яра**». Пройдёт сто лет, и население, разместившееся на южных окраинах Северских земель, на границах с родной степью, вновь начнёт её активное освоение. Вначале оно будет выражаться в развитии в его среде так называемых «отходных промыслов», походах за зверем, рыбной ловлей в степных реках и т.д. Во время своих походов в степь жители южных окраин русских земель будут вступать в активные контакты со степным населением, в том числе и с казаками. В результате этих контактов часть пограничного со степью населения пополнила ряды казачества и в дальнейшем приняла участие в формировании крупных казачьих объединений, в которых преобладали выходцы с территорий, заселённых славянским населением. Они продолжили освоение степных просторов. Вероятно, именно этим и объясняется наличие у славянского казачества явных следов влияния всевозможных традиций, характерных для кочевников, в том числе и существовавший в их среде запрет обрабатывать землю, «тревожить покой матери-земли».

Близкие процессы происходили, почти в то же время, далеко на востоке, на Средней Волге, в пределах нынешнего Татарстана. Здесь население городов, среди которых находился и Булгар, одна из столиц Золотой Орды, также было вынуждено отступить на север из-за постоянных междоусобиц и военных катаклизмов. Там переселенцы быстро освоились, причём центром их консолидации стал не старый Булгар (который, впрочем, так и остался священным для татар местом), а новая, недавно основанная Казань, превратившаяся в столицу одноименного ханства. Именно с этих территорий, когда боевые действия стихли, началось новое заселение старых земель, которыми прежде владели татары.

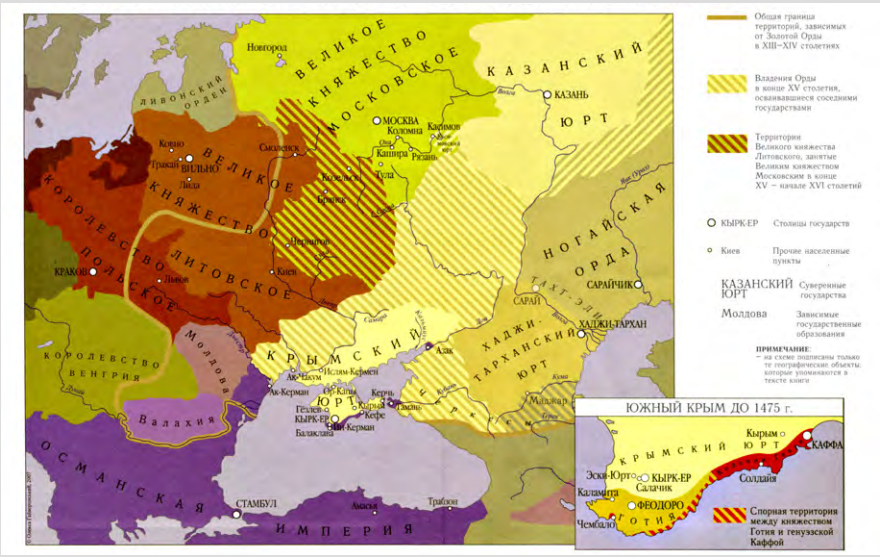
Так или иначе, к середине XV в. просторы Донецких степей постепенно превращаются в территорию, лишённую оседлых поселений, которая посещалась только кочевыми ордами. Яркое описание такой орды, которая двигалась по степи на встречу с ордой Улу-Мухаммада, было оставлено

венецианцем Иосафатом Барбаро, который в 1436-1452 гг. находился в Тане (на территории нынешнего Азова) и был очевидцем этих событий.

Согласно его сообщению, о приближении ханской орды в городе услышали не менее, чем за 4 месяца до её прихода. Сначала в Тане стали появляться молодые люди со сменными лошадьми, пришедшие из степи. Их обычно было по три-четыре человека. На вопросы, кто они такие и куда направляются, спрашивающие получали стандартный ответ, что они, будучи молоды, идут, куда глаза глядят. После одного-двух часов пребывания в городе, эти люди снова уходили в степь. Подобное происходило ежедневно, причём количество степных гостей колебалось от нескольких человек до десятка. Когда хан приблизился к Тане на 5-6 дней пути, в городе стали появляться крупные отряды по 25-50 вооружённых людей. А далее их количество стало исчисляться сотнями. Наконец появилась сама орда во главе с ханом, которая остановилась на расстоянии выстрела от городских ворот Таны. К хану вышли представители магистрата с дарами. После того, как послы поднесли подарки и подтвердили свою верность и приверженность хану, орда двинулись дальше. Шествие её было поистине величественным: *«Вслед за отъездом хана потянулся весь народ его со своими стадами. Сначала появились табуны лошадей, числом до 50, 100, 200 и более; за сим стада верблюдов и быков, а наконец и мелкий скот. Это продолжалось ровно шесть дней, и, в течение этого времени, все пространство степи, какое только можно было окинуть глазом, было усеяно людьми и животными, беспрестанно двигавшимися взад и вперёд. Не надо забывать, что так тянулось одно только крыло орды; из сего можно заключить, какова была средина её. Мы целый день стояли на городских стенах (ибо ворота были заперты), так что к вечеру утомлялись до бессилия от продолжительной стражи. Диаметр пространства, занятого этою многочисленною толпою людей и скота … составлял 120 миль»* (Барбаро, 1836, с. 18-19).

Возвышение Крымского ханства

В это время на территории Крыма произошли события, которые во многом определили дальнейшую историю не только самого полуострова, но и всего обширного причерноморского степного региона. Вступив на престол, Хаджи-Гирей занялся устройством государственных дел. Разобравшись с недовольными внутри своего ханства, он обратил своё внимание на прилегавшие к Крыму с севера южнорусские степи, которые являлись владениями давнего его врага – Сейид-Ахмада. В состав этих владений, раскинувшихся от Днепра до Дона, входила и территория Донецкого края. При этом Сейид Ахмад считал себя законным ханом Золотой Орды и пытался бороться за ордынский престол. Сил для этого у него явно не хватало, благодаря чему при набегах приходилось использовать старый



Восточная Европа в начале XVI столетия (по: Гайворонский О., 2010).

приём кочевников – привязывать к заводным лошадям манекены, чтобы всадников казалось больше. В своей политике по отношению к оседлым соседям Сейид Ахмад продолжал худшие традиции кочевого населения самых неспокойных времён. Опустошительные набеги следовали один за другим. Страшному разгрому подвергались польские и литовские окраинные земли. Ходили слухи, что эти набеги были спровоцированы некоторыми литовскими вельможами, которые не любили князя литовского и короля польского Казимира и были недовольны персональной унией Литвы и Польши.

Один из самых страшных и разрушительных набегов был совершён Сейид-Ахмадом в 1452 г., когда было разорено всё Подолье, вплоть до самого Львова. Вот тогда Хаджи Гирей попытался решить сразу две проблемы: отплатить добром Литве за прежде оказанную ему помощь и избавиться от опасного врага, который, как меч, нависал над его государством, и был способен в любую минуту обрушиться на него. Когда усталая орда Сейид Ахмада переправилась через Днепр на свою территорию и остановилась на отдых, ей неожиданно был нанесён страшный удар со стороны Крыма. Войско было разбито, сам Сейид Ахмад бежал в свою орду. Через некоторое время, собравшись с силами, он отправился в грабительский поход на русские земли. Здесь его войско также разгромили, после чего хан со своим семейством бежал в Литву. Однако литовские вельможи

побоялись скрывать у себя столь одиозную личность. Сейид-Ахмад был схвачен и провёл остаток дней в литовском плену, в крепости Ковно.

Монеты первого крымского хана – Хаджи-Гирея (1441-1466)

Таким образом, Крымское ханство начало борьбу за степные просторы, прилегающие к нему с севера. Реально же, на эти территории претендовали несколько владетелей. Кроме Крыма на них имели виды Большая Орда, Литва с Польшей и степные вольные всадники-казаки. А на северные окраины этих земель поднималось Русское государство, осознавшее свою силу и постепенно набиравшее вес на международной арене.

Первый крымский хан – Хаджи-Гирей умер в 1466 г. и за престол Крыма разгорелась ожесточённая борьба между его сыновьями. Его поочерёдно занимали Менгли-Гирей, Нур-Девлет, Айдер. Борьба приняла очень жёсткий характер. В ней активно участвовала крымская аристократия и генуэзцы, базирующиеся в портовых факториях, расположенных в Кафе и Судаке.

В крымскую междоусобицу оказались втянутыми и соседние государства. Свои претензии на управление полуостровом предъявил хан Большой Орды Ахмат, который послал туда своего ставленника Джанибека. Но наиболее опасным врагом оказались Османы, давно уже поглядывающие на удачно расположенный полуостров. Причём, их интересовала не только территория и торговые города, Крым был необходим Турции для того, чтобы превратить Чёрное море во внутреннее турецкое озеро. Туркам было нужно и татарское войско, которое они хотели использовать в своих далеко идущих планах по завоеванию Европы и всего христианского мира.

В 1475 г. турецкая армия вторглась на территорию Крыма и заняла его города. Крымское ханство сохранило внешний вид государственности, однако фактически перешло под власть Османской Империи. Через несколько лет на его престол был возвращён, находящийся в почётной ссылке, хан Менгли-Гирей. Однако это был уже не тот хан, что правил раньше, да и государство стало совершенно иным. По мнению известного исследователя Крымского ханства В.Д. Смирнова: *«вся дальнейшая политическая история Крымского ханства, со времени утверждения над ним верховенства Оттоманской Порты складывалась и протекала в постоянном действии двух начал – местного, национально-татар-*

Монеты хана Менгли-Гирея (1466-1515).

ского, стремившегося к полной самостоятельности и самобытности и внешнего, постороннего турецко-османского, старавшегося с возможно меньшими для себя хлопотами и затруднениями сохранить за собою верховенство над Крымом в чисто политических видах международного свойства» (Смирнов, 1887, т. 1, с. 307). Отныне вся основная политика Крыма вершилась не в его столичных городах. Ею полностью руководили из Стамбула, столицы Османской Империи. Кроме этого, под контроль Турции перешла крупная крепость в низовьях Дона – Азов (бывший золотоордынский Азак и венецианская Тана). Для соседей такое изменение положения Крымского ханства имело крайне опасные последствия. Османская Империя вплотную подошла к их границам.

Во второй половине XV в. политическая обстановка существенно ухудшилась. Степи, разорённые постоянными перемещениями орд и затянувшейся междоусобной войной, пустеют. Уменьшается количество мирных кочевников, зато увеличивается число вооружённых отрядов, которые занимались разбоем. Прошло всего несколько десятилетий после того, как Иосафат Барбаро наблюдал роскошное движение орды Кичи-Мухаммада, сообщая об огромном количестве татар и обилии дичи в степи.

И вот, в 1476 г., его соотечественник, Амброджио Контарини, направляясь в Россию, пересекает совершенно безлюдные степные просторы. Он едет достаточно далеко от Донецких степей, но нет никаких сомнений, что на их территории обстановка в это время была не лучше описанной. *«Перед нами расстилалась пространная степь, на которой не было даже малейших следов дороги. Татары уверяли, что Тана находится прямо на юг от нас, на расстоянии 15 дней пути, тогда как по моему расчёту, нам уже давно надлежало миновать её. В продолжение нашего странствования мы останавливались только в полдень и перед наступлением ночи, и спали в открытом поле, под покровом небесным, ограждаясь на ночь повозками в виде крепости. Сверх того, находились у нас постоянно на страже трое часовых: один на правой стороне, другой на левой, а третий позади стана. Не редко оставались мы целые сутки без воды, не имея даже чем напоить наших коней. Диких зверей ни разу нам не попадалось; только однажды встретили мы на степи*

Турецкое войско ведет бой. Битва при Мохаче 1526 г. (миниатюра XVI в. Музей дворца Топкапы в Стамбуле).

Мелкие серебряные монеты Османской Империи (акче) периода правления султана Баязида II (1481-1512).

двух верблюдов и до четырёх сот лошадей, оставшихся, как уверяли Татары, ещё от прошлогоднего каравана. Два раза мы ожидали нападения, и уже готовились к обороне; но в первый раз – страх наш был совершенно напрасен, а в другой – поводом к оному послужило появление двадцати повозок и нескольких Татар, от которых мы никак не могли добиться, куда они едут. По причине продолжительности пути и скудности запасов вынужден я был уменьшить дневную порцию нашу» (Контарини, 1836, с. 102-103).

Разорению кочевников и опустению степи способствовали события, положившие конец Большой Орде. После смерти хана Кичи-Мухаммада началась борьба за трон между его сыновьями – Ахматом и Махмудом. Победу одержал Ахмат, и побеждённый Махмуд, уйдя в Астрахань, сел на престол вновь основанного Астраханского ханства. После восхождения на престол Большой Орды перед Ахматом стояла основная задача: попытаться объединить государство или хотя бы сохранить его пошатнувшийся авторитет. Летом 1472 г. его войска вторглись в пределы владений Московского князя. При попытке переправиться через Оку, татары были отброшены московскими войсками. Через несколько дней, в связи с начавшейся в войсках эпидемией, Ахмат столь поспешно отступил обратно, что его отступление напоминало бегство. В 1476 г. его ставленник – Джанибек вторгся в Крым, однако удержаться там он не смог. Потерпев фиаско в Крыму, Ахмад в 1480 г. вновь обратился на север. Тем не менее, здесь его снова ждала неудача. Простоявши два месяца на реке Угре, напротив готовых к бою русских полков, хан не принял боя и повернул обратно, что фактически завершило длительную эпоху властвования татар на Русских землях, и приблизило конец самого Ахмада. Постоянные неудачи вызвали недовольство внутри его орды, а также позволили активизироваться соседям – сибирским татарам и ногайцам. 6 января 1481 г. во время возвращения из похода в пределы Литвы Ахмат был убит ногайскими мурзами в своей ставке, расположенной где-то в низовьях Северского Донца.

Западноевропейская карта Меркатера. Таврика с прилегающими к ней территориями. 1595 год. Граница между двумя «Татариями», одна из которых представляет собой владения Крыма, пролегает по Северскому Донцу.

Об этом событии Устюжский летописец повествует так:

«Тое же зимы слыша царь Ивак Шибанский, что царь Ахмат идет с Руси, а воивал землю Литовскую, полону и богатства бесчисленно, и поиде царь Ивак в Ногаи, а с ним силы 1000 казаков. И взем с собою шурью свою из Ногаи Мусу мырзу да Ямгурчей мырза, а с ними силы пять на десять тысящь казаков и перевезеся Волгу на горную сторону, а уже осень. И поиде на переем на Ахмата царя, и перенял след его за Доном, и поиде после Ахмата по вестем. И как Ахмат разделися своими ити салтаны на зимовище приде и ста зимовати располошася. А царь Ивак приде на него силою своею безвестно с мырзами месяца генваря в 6 день. Приде на него наутре изноровяся, а царь Ахмат еще спит. А царь Ивак сам вскочи в белу вежу Ахъматову и уби его своими руками. И силы межи собою не билися. А шибаны с нагаи начаша ахматову орду

грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял царь Ивак 5 дней на Ахматове орде и поиде прочь и ордобазар (шатер с троном символ власти хана – Э.К.) с собою поведе в Тюмень не грабя, а добра и скота и полону литовскаго бесчисленно поимал и за Волгу перевел» (ПСРЛ, т. 37, с. 95).

Потеря ордо-базара уже сама по себе была очень плохой приметой. Кроме этого, после гибели хана Ахмата в государстве началась ожесточённая борьба между его сыновьями, которая завершилась приходом к власти Шейх-Ахмеда. Этот хан, окончательно запутался во внешней политике, что в немалой степени было связано с бедственным положением его собственной орды.

В 1500 г. он попытался перекочевать на запад в бывшие владения Сейид-Ахмеда. На эти территории, после изгнания их бывшего владыки, имел претензии Крым и его правитель Менгли-Гирей, который отказался пропустить Шейх-Ахмеда на пастбища, расположенные в низовьях Днепра. Не помогло и обращение к турецкому султану Баязиду, который поддержал сторону крымского хана. Отчаявшийся Шейх-Ахмед, позвав на помощь ногайцев, выдвинулся в поход на Крым. По пути он растерял большую часть союзников, и исход битвы был предрешён, ещё до её начала. В июне 1502 г. он был разгромлен у места впадения реки Сулы в Днепр. Попытка вновь собрать ещё одно войско не принесла удачу, и Шейх-Ахмад бежал в Литву, где провёл остаток своих дней в качестве пленника. Остаток его орды Менгли-Гирей вывел в Крым. Таким образом, степные просторы Северного Причерноморья оказались во власти ногайцев и Крымского ханства. Чуть позже, границей между владениями станет Северский Донец, правый берег которого будет обозначаться в документах, как «Крымская сторона», а левый – как «Ногайская сторона».

Глава 9. Степь и Русь. Великий перелом

XVI в. принадлежит исключительно место в истории Донецкого края. В течение столетия в степях Восточной Европы произошли драматические события, кардинально изменившие политическую карту региона и задавшие новый исторический вектор в истории Европы и Азии на многие столетия вперёд. На историческую арену в качестве самостоятельной силы вновь выходит Русь. Первичная консолидация её северо-восточных и юго-восточных земель вокруг Московского княжества, где сохранилась династия Рюриковичей и политическая элита Руси, позволила великому князю московскому уже со второй половины XIV в. начать освобождение от политической зависимости золотоордынских ханов.

Обретя политическую самостоятельность, Московскому государству пришлось вести тяжёлую борьбу на два фронта – отбиваться от нашествий татарских орд с юга и одновременно собирать русские земли, отвоёвывая их у Литвы и Польши. Одним из способов ликвидации угрозы со стороны татар явилось включение татарской военно-политической верхушки в состав русской элиты. Распространённая практика перехода служилой знати под власть сюзерена имела для русской истории куда большие последствия, чем аналогичная практика в той же Западной Европе. Татарские ханы и мурзы непросто переходили на службу Великого князя всея Руси. При таком положении достигалась нейтрализация угрозы со стороны Степи, а также подчинение власти русского князя отдельных татарских владений. Происходило не физическое уничтожение врага, а его привлечение к государевой службе. Первыми в числе перешедших на службу московскому государю были так называемые касимовские татары, затем казанские мурзы, главы небольших орд, кочевавших в восточноевропейских степях. Так Русь начала своё движение на юг.

Территория современного Донбасса со второй половины XVI в. попадает в сферу жизненно важных интересов Русского государства. В борьбе с Крымским ханством при Иване Грозном русские военные отряды впервые появляются на территории Донецкого края. Успешная борьба с крымскими татарами позволила построить в самом конце XVI в. на реке Северский Донец, близ впадения в него реки Оскол, город **Царёв-Борисов**[1]. Именно

[1] В исторических источниках существует множество вариантов написания названия этого населенного пункта: Царев-Борисов, Царёв-Борисов, Царев город, Цареборисов (украинский вариант произношения). По этому последнему варианту, населённый пункт, возникший у руин Царёва-Борисова, перед революцией носил название – Цареборисово (ныне село Красный Оскол Изюмского района Харьковской области).

с этого момента можно говорить о начале нового освоения, а затем и заселения, русским населением Донецких степей.

Обретение политической независимости Российским государством

При московском князе Иване Васильевиче (1462-1505) (Иван III), набиравшая мощь Русь бросила решающий вызов Орде. Где-то в начале 70-х гг. XV в. в окружении великого князя происходит окончательное идеологическое осмысление необходимости освобождения от власти золотоордынских ханов.

Ещё при отце Ивана III, Василии Васильевиче (Василий II), в начале 40-х гг. XV в., к великому князю впервые применяется титул «царь». Столь высокий титул мог относиться к ханам Золотой Орды, которые, в отличие от русского великого князя, являлись верховными правителями, ставившими московских князей у власти. Он был родственен европейскому титулу «император», «цезарь». К изменению титулатуры московского государя подтолкнул конфликт между церковниками вокруг Флорентийской собора, на котором было принято решение об унии Константинопольского православия и Римской католической церкви. В 60-е гг. предпринимаются шаги по формированию идеи о переходе царского достоинства от византийских императоров к московским великим князьям. Флорентийская уния давала основания расценивать Русь и её великого князя как защитника православия. Взятие в 1453 г. турками Константинополя и гибель христианского православного царства ещё сильнее заострила проблему сохранения православной веры. С османским завоеванием Болгарии и Сербии единственным сильным православным государством в тот исторический период осталась Русь, которая была способна стать оплотом христианства греческого обряда. Тогда же русская церковь приобрела статус автокефальной (санкция со стороны константинопольского патриарха более не требовалась). При выборе митрополита теперь всё решала воля великого князя. Верховенство в церковных делах считалось прерогативой только одного светского правителя – императора, царя. Автокефальность приводила к признанию царского титула за великим князем Московским.

Свою роль в ликвидации зависимости от Орды сыграла Софья Палеолог, супруга Ивана Васильевича. Приезд византийской принцессы в Москву 12 ноября 1472 г. сыграл особую роль в противодействии Орде в атрибутах церемониальной зависимости. По прибытию в Москву Софью возмутил обычай встречи ордынских послов московским государем. При появлении ордынских послов великий князь Московский должен был выходить к ним навстречу за город и стоя выслушивать, что скажет посол, который при этом сидел. Предание донесло её слова, что она вышла замуж

за «раба татар». Софья предприняла усилия, чтобы избежать столь явного унижения статуса великого государя. В Москве при её покровительстве резко возросло влияние сторонников активной борьбы с Ордой. Собственно, и новый герб русского государства – двуглавый орёл, принятый вместе с византийской царевной (за основу его был взят родовой герб династии Палеологов), трактовался русским духовенством весьма своеобразно. Во-первых, принятием его обосновывались претензии русского государства на верховенство (после гибели Византии) в православном мире. Во-вторых, так обосновывалась преемственность за Русью традиций Римской Империи (идея Москвы – третьего Рима, из которых два – Рим и Византия, погибли за их грехи, а третий – Москва, будет существовать вечно). Наконец, две головы орла символизировали две ипостаси власти, объединённые под короной русского царя – власть светскую и власть духовную, которые в своём взаимодействии образовывали симфонию (т.е. гармонично сочетались друг с другом). Появление титула «царь» логически подводило к мысли о том, что царь не может подчиняться другому царю – он должен был быть полностью суверенным, точнее, верховным правителем, который повелевает владыками иных стран и считается несравненно выше их. Первоначально формируясь в рамках русской церкви, идеи о самостоятельности, величии и незыблемости Руси начинали проникать в сознание русских людей.

Серебряные полугроши Великого княжества Литовского начала XVI в. Александр I Ягеллон (1501-1506 гг.) и Сигизмунд I Старый (1506-1545 гг.).

В духе того времени оформление идеологического обоснования освобождения Руси от подчинения Орде продолжилось деятелями церкви. Архиепископом Новгородским создаётся «Житие святого Ионы», в котором приводится пророчество Ионы об освобождении Руси от власти ордынских царей. Согласно пророчеству, время освобождения приходилось именно на княжение Ивана Васильевича. Предсказания святых расценивались в качестве провозглашения воли Бога, и таким образом, освобождение Руси несло на себе Божью волю, которой должны были следовать люди.

После формирования идеологической подосновы последовали реальные действия, которые были направлены на освобождение от политической зависимости. С 1472 г. великий князь Московский прекратил выплату

дани в Орду. Чуть позже, в 1480 г., произошло великое стояние на реке Угре, которым формально завершился период зависимости Руси от Орды. Произошло событие огромного исторического значения – началось возвращение государственности славянским народам Восточной Европы, которая была утрачена в результате монголо-татарского нашествия.

Борьба Руси со Степью

С обретением независимости московские великие князья вступили в спор за русские земли, захваченные в XIV в. Великим княжеством Литовским. Если при Иване Васильевиче от Литвы добивались только отказа от прав и претензий на Великий Новгород, Великие Луки и Ржевскую область, то при его сыне Василии III (1505-1533) было заявлено, что Литва *«неправдою»* держит *«отчизну»* – Киев, Полоцк, другие города Русской земли. Здесь московскому правителю вначале сопутствовала удача, и часть земель в результате нескольких войн была отвоёвана у Великого княжества Литовского. В состав Московской Руси вошли Черниговские и Новгород-Северские земли, затем Смоленские, благодаря чему, новая граница с Литвой пролегла всего в 50 км от Киева.

На южных рубежах Руси ситуация приобрела совершенно иной характер. После разгрома Золотой Орды крымские Гиреи попытались подчинить себе все татарские юрты, в том числе и Казанское ханство. Более того, они стремились добиться признания вассальной зависимости великих князей московских от Крымского ханства, которое после победы над Сейид-Ахмадом и захватом его ордо-базара считало себя прямым преемником Золотой Орды. Притязания Гиреев на власть над бывшими золотоордынскими владениями неизбежно вели к конфликту с Русским государством. Степь снова превращалась в фактор угрозы для Руси.

Крымские набеги на Русь начались с 1507 года. Страшное опустошения в 1521 г. московской части Руси татарскими войсками Мухаммед-Гирея I и получениям им от великого князя московского грамоты о признании себя *«вечным данником»* крымского хана со всей очевидностью продемонстрировало, что Степь продолжала быть опасной для русских земель. Ситуация постепенно приобретала угрожающий характер. Так, во время успешной военной компании 1534-1537 гг. на литовских рубежах, Русскому государству приходилось останавливать боевые действия, чтобы защитить свои южные границы от вторжения из Крыма. Перед государем Всея Руси встала необходимость обратить пристальное внимание на свои южные границы.

Решающий удар по государствам, возникшим на руинах Орды, был нанесён Иваном IV Грозным (1533-1584). В 1547 г. Иван Васильевич был венчан на царство и стал первым русским царём. После неудачного

похода на Казань в 1550 г. Иван Грозный и его советники провели основательные преобразования в военной сфере. Произошла реформа войск, направленная на усиление армии новыми видами вооружения и формирования постоянных армейских подразделений, укомплектованных огнестрельным оружием пищалями – **стрельцов**.

Копейки и деньга (1/2 копейки) Ивана IV Грозного великокняжеского (1533-1547 гг.) и царского (1547-1584 гг.) периодов его правления.

Тем не менее, меры по укреплению южного порубежья фортификационными сооружениями, более продуманная система расположения войск и их передислокация, организация системы слежения за ситуацией глубоко в степи – не решали проблему защищённости русских земель. Верная оценка политической ситуации привела к формированию первоочередной задачи: к решительным действиям против татарских ханств, где первым шагом явилось полное подчинение Казанского ханства.

Казань достаточно долго оставалась в сфере влияния Москвы. Большую часть времени ханством правили дружественные правители. Периодически на их место становились кандидаты от крымских Гиреев, но в дальнейшем во главе ханства вновь оказывался ставленник Кремля. Чехарда на Казанском престоле закончилась при Иване Грозном. При молодом царе победила партия, возглавляемая митрополитом Макарием, которая стояла за скорейшее решение этого вопроса силовыми методами.

Осенью 1552 г. Казань была взята русской армией и присоединена к Московскому государству. Развивая успех, в 1554-1556 гг. русские войска завоевали Астраханское ханство. Овладение Астраханью позволило глубоко врезаться в степные просторы, некогда безоговорочно принадлежавшие татарским ордам. Основные земли Золотой Орды, за владение которыми в течение длительного времени вели безуспешную борьбу многие татарские правители, оказались во власти Русского государства. Более того, перед Русью теперь встал вопрос об овладении иными землями, ранее принадлежавшими Орде.

После завоевания Поволжья степной мир оказался разрезанным на две большие части. Восточная часть активно завоёвывалась казаками под предводительством Ермака. Астрахань же превратилась в форпост,

Русское войско в походе (миниатюра из Лицевого свода).

с которого началось активное проникновение Руси на Северный Кавказ и прилегающие к нему просторы степей Предкавказья. Стратегический баланс сил в Степи резко изменился в пользу Руси.

Крымское ханство в конце XV-XVI вв.

В область противостояния Москвы с ханствами, возникшими на руинах Золотой Орды, превратились южнорусские степи. На рубеже XV-XVI вв. на этой территории сложилась следующая военно-политическая ситуация.

Копейки царя Бориса Годунова (1598-1605 гг.)

В южной части региона располагалось Крымское ханство, которое в своей внешней политике руководствовалось указаниями из Османской Империи. Производимые отдельными ханами попытки поставить под свой контроль государства, возникшие на руинах Золотой Орды, не увенчались успехом. К началу XVI в. у ханов Крыма уже не имелось ни сил, ни возможностей для восстановления великого государства. Тем не менее, крымчаки продолжали считать вновь возникшие татарские ханства зоной своего влияния, и всячески старались оказывать воздействие на политические процессы, происходящие на этих территориях.

На северо-западе находились земли Великого княжества Литовского, с которым Крым изначально поддерживал дружеские отношения. Однако в этой дружбе наметились первые трещины, которые в дальнейшем привели к полному разрыву и многолетней вражде.

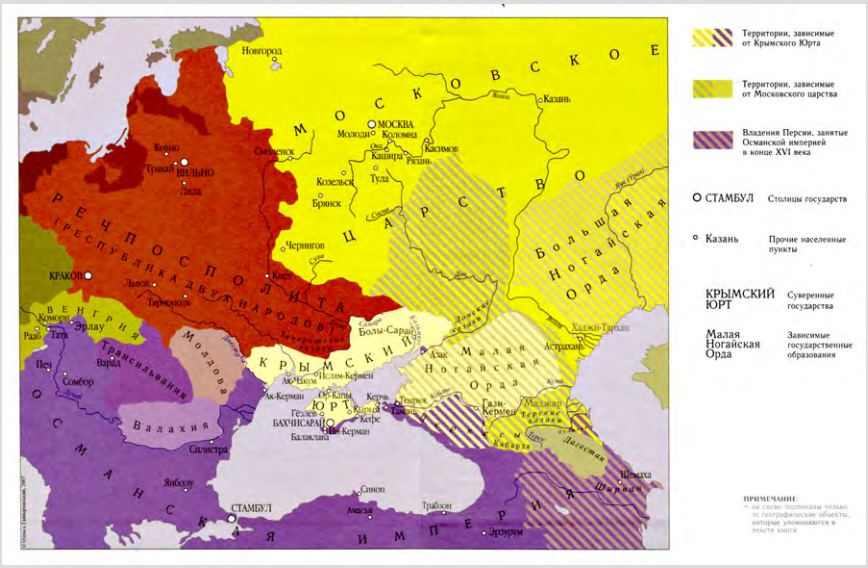
И наконец, к северу от Донецких степей располагалось молодое и сильное Русское государство, активно расширявшее зону своего влияния. С Крымом правители Русских земель старались поддерживать дружественные отношения. Первые дипломатические контакты между ними относятся к 1473 г., когда в Москву прибыл посол хана Менгли-Гирея. В переписке московского князя и Менгли-Гирея отношения изначально строились как *«братские и дружеские»*, т.е. союзнические, а не вассальные. При всем этом крымские ханы продолжали считать себя правителями более высокого ранга. Так они себя оценивали в системе международных отношений того времени.

Русские правители умело использовали противоречия между ханствами, возникшими на руинах Орды. В 1465 г. во время похода хана Большой Орды Махмуда на Русские земли, войска ордынцев были разбиты крымским ханом, что спасло Русь от очередного разорения. Жесточайшие войны между крымчаками и ордынцами приводили к тому, что были периоды, когда крымские ханы терпели сокрушительные поражения. В 1467 г. хан Ахмат захватил Крымское ханство, разбил узбекского хана, привёл в зависимость астраханского хана, и тогда казалось, что Орда вот-вот вновь восстановит своё могущество. В 1476 г. ордынцы вновь вторглись в Крым, однако хан Менгли-Гирей с помощью турок вернул себе власть над полуостровом. Только разгром Большой Орды в 1502 г. положил конец непримиримой борьбе между Крымом и Сараем и привёл к новому соотношению сил в Восточной Европе. С этого времени отношения между Русским государством и Крымским ханством окончательно испортились.

К концу правления Менгли-Гирея и в правление следующего за ним Мухаммед-Гирея I (1515-1523) отношения с Русью постепенно перерастают в конфронтацию, а далее – во вражду. В такой трансформации отношений сыграли роль многие факторы. Прежде всего, великий князь Московский замахнулся на святое для чингизидов – обладание царским титулом. Крымский хан, который считал себя наследником Ордынских ханов-царей и рассматривал Русь, как своё наследственное владение, завоёванное предками *«на коне потном»*, никак не мог этого потерпеть. Периодически им поднимался и вопрос о выплате дани, той, которую прежде выплачивали русские правители Орде. Кроме всего прочего, интересы обоих государств столкнулись в Поволжье, которое было исконной вотчиной и центральным владением золотоордынских ханов. Завоевание этой территории Русским государством вообще не укладывалось в систему мировоззрения правителей Крыма. Благодаря ему, собирание земель Золотой Орды пошло по совершенно иному сценарию, чем желали крымские ханы.

Между тремя крупными государствами: Крымским ханством, Русью и Литвой – располагались обширные степные просторы, в которые входили степи Донецкого края. На владение этими землями претендовало Крымское ханство, которое, тем не менее, полной власти и контроля над ними не имело. Степи регулярно посещались ногайцами, и прочими ордами, приходившими с востока, а также **казаками**. В связи с усложнением обстановки в Степи, время одиночек-всадников ушло в прошлое. В конце XV-нач. XVI вв. возникает примечательное явление – на землях, пограничных с территориями описанных выше государств, по берегам больших рек, пересекающих степные просторы с севера на юг, возникают крупные казачьи анклавы. Ранний этап формирования казачества весьма плохо изучен, в основном из-за отсутствия достаточного количества исторических свидетельств и археологического материала. Учёными выдвигались различные точки зрения относительно истоков казачества, вплоть до формирования казаков на местной, степной основе. Местами образования крупных и наиболее ранних воинских союзов казаков стали район Днепровских порогов, где в дальнейшем было сформировано Войско Запорожское, и Низовья Дона, где в будущем появилось Войско Донское. Появляется казачество и на других крупных реках: Волге, Урале и Тереке.

Своими сюзеренами казачьи союзы объявляли государства, с которыми они граничили. С этих территорий, в основном, шло пополнение казачьих анклавов людьми. Запорожцы подчёркивали над собой власть польского короля, к которому периодически обращались со своими просьбами. Донские казаки называли своим господином русского царя, о приверженности которому никогда не забывали напомнить. Тем не менее, казачьи союзы не были этническими единицами, о чём свидетельствует



Восточная Европа в конце XVI столетия (по: Гайворонский О., 2010).

тот факт, что при приёме в казачество вопрос об этнической принадлежности не был основным: во главу угла ставилась беспрекословное исполнение требований, выдвигаемых товарищами, приверженность человека к вольному образу жизни и в более позднее время – православная вера. Показательно, что проводимая казаками внешняя политика часто была достаточно самостоятельной и весьма часто противоречила политике декларируемых ими «сюзеренов». Ответом на это были различные меры воздействия со стороны прилегающих к степи государств, вплоть до карательных экспедиций. Казачество, как и татары, кочующие к югу от контролируемых казаками земель, постоянно старались расширить сферу своего влияния на степь. В дальнейшем, с постепенным вытеснением из Степи кочевых татар Русским государством, у казаков возникли предпосылки к заселению степей Донецкого края.

Вне всяких сомнений, отрицать роль казачества в процессе заселения и освоения степных просторов нельзя. Но и преувеличивать её (как это иногда делалось в прошлом и делается в настоящее время) также не следует. Известно, что запорожские казаки достаточно неоднозначно относились к городам, расположенным на подконтрольной им территории. Более того, строительство польских или русских крепостей на этих землях они воспринимали, как попытку нарушения вольностей и вмешательства в свои дела, и пытались города-крепости уничтожать.

Строить собственные небольшие крепости запорожские казаки стали только на позднем этапе своей истории, в XVIII в. Исключением являлась их база – Запорожская Сечь, которая укреплена была достаточно слабо. Донские казаки имели целый ряд городков. Однако их было немного, и эти населённые пункты имели небольшие размеры. Благодаря всему этому, роль их в освоении степных просторов была достаточно скромной.

Ещё менее значительной была деятельность Крымского ханства, направленная на освоение Приазовских степей. В настоящее время имеется единственное, весьма туманное сообщение, в книге С. Герберштейна (1526 г.), который указывал о наличии каких-то татарских поселений на Северском Донце – *«Между Казанью и Астраханью, далеко по Волге, до самого Борисфена находятся степи в которых живут татары, не имея никакой осёдлости кроме Азова и города Ахаса, который стоит на Танаисе 12 милями выше Азова; сверх того, татары, живущие по Донцу, обрабатывают землю и имеют постоянные жилища»* (Герберштейн, 1866, с. 153). Где конкретно находились эти поселения, и что они собой представляли, совершенно неясно, так как археологических остатков этих населённых пунктов пока что обнаружено не было. Из находок здесь известны единичные монеты хана Девлет-Гирея I (1551-1577), которые не представляется возможным связать с конкретными археологическими памятниками. Даже, если эти поселения здесь и были, вряд ли они могли существовать долго, поскольку уже в начале XVI в. в степи, прилегающие к территории Крыма, начинается проникновение ногайских орд.

Появление на территории Приазовья восточных кыпчаков, каковыми являлись ногайцы (самоназвание – мангыты), начинается со 2-й пол. XIV в., когда степные просторы между Днепром и Доном входили во владения Мамая. После его гибели в 1380 г. значительная часть мангытов откочевала в низовья Терека, в пределы Кавказской Тюмени, где они пробыли до 90-х гг. XIV в. Часть их осталась в Крыму, где они и обосновались. В дальнейшем во главе этой группы подданных Крымского ханства стал род Мансур, один из наиболее влиятельнейших родов, которые играли ведущую роль в возведении на престол крымских ханов и в политике Крыма.

Судьба Тюменских мангытов сложилась по-иному. Перед самым Тимуровым нашествием, по велению Едигея, они переселились из Предкавказья в междуречье рек Волги и Эмбы. Именно здесь в последней четверти XV в. под руководством Мусы ибн Ваккаса (правнука Едигея) и его брата Ямгурчи-мирзы формируется улус, известный в русских документах того времени, как Большая Ногайская орда. Центром её стал старый золотоордынский город Сарайчук, расположенный на реке Яик (Урал). Муса не был чингизидом и, соответственно, не мог объявить себя ханом. Он принял титул «бий» (князь), что не помешало ему вести

Монеты ханов Крыма XVI века: Сахиб-Гирея I (1532-1550 гг.); Мухаммед-Гирей I (1515-1523 гг.); Ислам-Гирей II (1584-1588 гг.); Гази-Гирей II (1588-1608 гг.)

вполне самостоятельную политику, сделавшую его «хакимом» – владыкой Дешт-и-Кыпчака (точнее – восточной его части). Этому способствовало то, что под его руководством было огромное количество населения, способного выставить не менее 200 тыс. конного войска. Границы владений Ногайской Орды в различные периоды её истории были достаточно размытыми. Во 2-й пол. XV и 1-й пол. XVI вв. основные земли, на которых располагались ногайские кочевья, находились за Волгой. Тем не менее, уже в это время ногайцы производили далёкие степные рейды, ярким примером которых является выше описанный набег 1481 г., стоивший жизни хану Большой Орды – Ахмату. За возвышением Ногайской орды внимательно следили правители Русских земель и ханы Крыма. Как только в среде ногайцев начались разногласия, вызвавшие отток населения за Волгу, они сразу попытались усилить своё государство путём переселения подданных Ногайского улуса на свою территорию. Попытки переселить ногайцев в Крымские владения предпринимались ханами с начала XVI в. Первые мангыты были расселены на территории Крыма, в районе города Гезлёв (ныне город Евпатория). В дальнейшем их селили за Перекопом, между Доном и Днепром. Не все такие попытки были удачными. Так, переселение ногайцев, вытесненных с северного берега Каспийского моря казачьими ордами (казахами) на прилегающие к Крыму земли, произведённое крымским ханом Мухаммед-Гиреем I,

Карта России 1645 г. Граница Крымских владений, как и ранее, пролегает по Северскому Донцу. В Предкавказье обозначены владения ногайцев (Малая Ногайская орда). У места впадения реки Оскол обозначен город Царёв-Борисов.

завершилось трагически. В 1523 г., во время похода на Астрахань, хан был предательски убит своими новыми подданными. Следом за этим, на плечах отступающих ханских войск, ногайцы ворвались в Крым и подвергли территорию полуострова страшному разгрому и опустошению.

Массовое перемещение ногайцев на запад произошло в середине XVI в., и было связано с междоусобицей в среде заволжских кочевников, которая сопровождалась страшным голодом. В результате группа воинов под руководством мирзы Гази ибн-Урака вышла из подчинения бия Большой Ногайской орды и откочевала за Волгу, на Крымскую сторону. Эта орда разместилась в Предкавказье и Восточном Приазовье и получила наименование **Малой Ногайской Орды** или Казыева (Газиева) улуса. Изначально Малые Ногаи выступали союзниками крымских ханов, принимая участие в набегах на русские земли. Однако, политика их была чрезвычайно непостоянной и часто шла вразрез с ханскими требованиями. Они участвовали в борьбе за власть в Крыму, осуществляли самостоятельные грабительские набеги во владения соседей, обращаясь, когда это было им выгодно, то к русскому царю, то к турецкому султану,

то к крымскому хану. Соответственно, к таким «союзникам» у соседей было соответствующее отношение. Весьма показательным является ответ крымского хана Мухаммед-Гирея II ногайскому послу, который прибыл к нему весной 1578 г.: *«Ногаем…верити нечему: что они ни говорят – то лжют!»*. Иногда, для того, чтобы совладать с неспокойными соседями, крымским ханам приходилось посылать в Степь войска.

Со временем ногайцы становятся полновластными хозяевами степей Донецкого края. В 1563 г. крымских мангытов возглавил Дивей-мирза, потомок Едигея. Он был активнейшим участником многочисленных походов на русские земли, благодаря чему хорошо знаком русским летописям. Дивей-мирза стал главой рода Мансур и получил в своё подданство всех ногайцев, кочевавших в пределах территорий, подчинённых Крыму. Влияние этого князя было очень велико. Особенно возросло оно тогда, когда за его сына Арсланая была выдана ханская дочь. Взятие Дивея в плен в битве при Молодях (30 июля 1572 г.) было настолько значимым событием, что сам крымский хан Девлет-Гирей I вёл переписку с Иваном Грозным, пытаясь освободить столь влиятельного и уважаемого пленника. Никакие его предложения Иваном IV приняты не были, и Дивей-мирза так и умер в русском плену (около 1575 г.).

В это время степи между Днепром и Доном именуются не иначе, как Дивеев улус. Он был подчинён Крыму, однако, в русских документах того времени обычно упоминался параллельно с собственно Крымом и Казыевым улусом, т.е. с Малой Ногайской ордой. Все это свидетельствует о том, что ногайские кочевья, расположенные далеко от ханского двора пользовались известной степенью самостоятельности от верховного крымского владыки. Именно на этих территориях находили себе убежище царевичи из рода Гиреев, находящиеся в оппозиции правящему хану. Ярким примером этого является история с возникновением на территории Донецких степей городка – **Болы-Сарая,** который стал первым населённым пунктом, появившимся на этих землях после падения Золотой Орды. О его местонахождении источники ничего конкретного не сообщают. Согласно мнению одного из авторитетных исследователей – А.А. Новосельского, городок находился где-то в низовьях Кальмиуса. Некоторые из современных авторов считают, что вторым названием городка было «Кальмиус». Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби упоминает Балисарский Лиман, находившийся где-то к юго-востоку от Азова. Там же, на берегу Азовского моря, он размещает и замок «Балисыра». Иногда и само Азовское море он называет Балисарским или Балисырским. По мнению некоторых современных исследователей, это название относится только к северной его части, возможно, только к Таганрогскому заливу. К перечисленным точкам зрения следует добавить ещё одну: что Болы-Сарай мог располагаться на Белосарайской косе, которая и получила от этого населённого пункта своё нынешнее название.

Таким образом, вопрос о локализации Болы-Сарая представляется достаточно сложным. Кто прав, по имеющимся данным установить невозможно, поэтому мы остановимся на том, что Болы-Сарай находился где-то на Кальмиусе. Рассматривать его появление, как отправную точку в начале нового заселения Донецких степей, вероятно, нет смысла. Судя по всему, городок не являлся стационарным населённым пунктом. Наиболее вероятно, он представлял собой укрепление (типа раннесредневековых городищ-убежищ), которое использовалось время от времени, по мере надобности. Так или иначе, Болы-Сарай не имел оседлой округи, а представлял собой военный форпост, расположенный вдали от Крыма, посреди кочевой степи. В целом же, говорить об его роли в заселении края можно будет только после обнаружения остатков Болы-Сарая и проведения на нем серьёзных археологических исследований.

С возникновением этого населённого пункта связана интересная история. У крымского хана Девлет-Гирея I было двенадцать сыновей. В последние годы жизни хана между его сыновьями Мухаммедом и **Адиль Гиреем** (Алды-Гиреем), ранее успешно возглавлявшими набеги на русские земли, произошла ссора, точные причины которой не известны. Вполне возможно, здесь сыграли роль разногласия, связанные с правом на власть, которую два брата, имевшие одинаковые амбиции, не хотели делить друг с другом. Из-за этой ссоры Адиль-Гирей покинул пределы полуострова и где-то, к востоку от Ор-Капы (Перекопа), на реке Кальмиус построил городок – Болы-Сарай. Так на территории Донецкого края появился один из первых населённых пунктов, которые предваряли эпоху нового её заселения.

Старый хан старался помирить братьев, что дало весьма кратковременный результат. Летом 1577 г. он умер от чумы, и вражда разгорелась с новой силой. Престол занял Мухаммед-Гирей II (1577-1584), права которого не мог оспорить никто из братьев, так как, после гибели Ахмед-Гирея (1555 г.) он был старшим среди них. После восхождения на престол, Мухаммед-Гирей решил сгладить ссору, объявив Адиль-Гирея **калгой.** Попытка примирения не увенчалась успехом. Более того, она вызвала вражду у другого его брата – Алп-Гирея, претендовавшего на должность калги. Он был старше Адиль-Гирея и имел на это больше прав. Адиль Гирей продолжал находиться в Болы-Сарае, куда он начал приглашать на службу ногайских мурз, которые стали его опорой. Ведущую роль среди ногайцев играли сыновья Дивей-мирзы – Есиней и Арсланай. В тот период это были виднейшие представители ногайской аристократии в степях Северного Причерноморья и Приазовья. Главой их был Есиней-мирза, который после пленения своего отца Дивей-мирзы, занял его место. Он также обладал огромным влиянием и имел под своим руководством значительные воинские силы. Во время похода на русские земли, который состоялся в 1578 г., под его рукой находилось до

12 тысяч сабель. Влиятельным человеком был и младший брат – Арсланай, женатый на дочери Девлет-Гирея. После гибели своего брата в 1584 г. он занял его место. В 1591 г. под его руководством было около 17 тысяч кочевников, которые представляли собой внушительную военную силу. Таким образом, союз ногайских мурз с Адиль-Гиреем был весьма опасен для власти правящего хана, что Мухаммед-Гирей II прекрасно понимал.

Кроме всего этого, в своих неприязненных отношениях к старшему брату Адиль-Гирей нашёл поддержку у некоторых своих родственников, также принявших его сторону. До Мухаммед-Гирея II начали доходить слухи о попытке царевичей заключить союз, не только с ногайцами, но и с казаками, что свидетельствовало о том, что внутрисемейный конфликт зашёл чрезвычайно далеко. В Степи назревало очередное междоусобное столкновение, которое грозило Мухаммед-Гирею II потерей трона. Предотвратить его удалось благодаря умелому использованию международной обстановки. В 1578 г., в связи с началом очередной войны между Турцией и Ираном, султан потребовал от владетеля Крыма войско. Мухаммед-Гирей II вероятно и отказался бы, однако, в данном случае, отправка войск на войну давала реальную возможность без особых затруднений избавиться от мятежных родственников. Таким образом, хан достигал двух целей: выполнял султанскую просьбу, которая была равносильна приказу, и избавлялся от оппозиции, возникшей при дворе.

Во время военных действий, которые шли на территории Закавказья и Северного Кавказа, Адиль-Гирей вместе со своими братьями Мубареком и Гази мужественно сражался с иранцами, проявляя чудеса храбрости. Он принял участие в нескольких победоносных сражениях, однако, на землях Дагестана, в одном из столкновений крымское войско было разгромлено. Причиной послужили погодные условия, выгодно использованные иранцами. Конное татарское войско приняло бой во время дождя на мокрой глинистой почве. Скользящие по мокрой глине и падающие татарские всадники потеряли способность к сопротивлению и были перебиты, а руководивший ими Адиль-Гирей попал в плен. От неминуемой смерти его спасло только высокое происхождение. Крымского царевича поселили при шахском дворе на условиях почётного пленника. Здесь татарский воин приглянулся шахской жене Хайр-ун-Нисе, властной особе, влияние которой при дворе было огромным. А так как она являлась зачинщицей большинства дворцовых интриг, то и врагов у шахини также было предостаточно. Была неравнодушна к пленнику и молодая красавица Шахрияр – жена шахского сына Хамзы-Мирзы. В результате связи с Хайр-ун-Нисой, которая уговаривала шаха отдать за знатного пленника одну из своих дочерей, Адиль-Гирей оказался замешанным в сложных интригах шахского двора. Когда Шахрияр узнала о проделках своего любовника, она донесла, что шахская супруга и царственный пленник готовят заговор. Трудно сказать, так ли это было на самом

деле, однако, как только в придворных кругах стало известно о связи Адиль-Гирея и шахской жены, недоброжелатели сразу воспользовались этим. Хайр-ун-Нису не смогло спасти даже вмешательство её мужа, безвольного иранского шаха Мухаммеда Худабенде. Её задушили в гареме, а Адиль-Гирея попытались схватить. Арест ничего хорошего ему не сулил, и царевич со своими сторонниками принял неравный бой. В сабельной драке крымский пленник зарубил семерых воинов и, вероятно, убил бы ещё многих, если бы не был застрелен. Так окончилась жизнь человека, основавшего первый известный по историческим источникам значительный населённый пункт на территории Донецких степей.

Судьба Болы-Сарая была печальна. Какое-то время городок был опорным пунктом мятежных ногайских мурз. В 1584 г. турецкий султан вновь потребовал крымское войско для похода против Ирана. На этот раз Мухаммед-Гирей II, под давлением влиятельных крымских князей, отказался выполнить султанский приказ. Вероятно, хану надоело истощать и без того подорванную военную мощь Крыма в абсолютно непонятных татарам походах против далёкого Ирана. Кара не замедлила обрушиться на его голову. За неповиновение приказу хан был смещён султаном, а на его место назначен его брат – Ислам-Гирей, находившийся длительное время в Турции. Мухаммед попытался оказать вооружённое сопротивление, но был покинут значительной частью своего войска, испугавшегося гнева всесильного турецкого владыки. Брошенный всеми, хан бежал. Во время бегства он был настигнут и убит калгой Алп-Гиреем, который не мог простить брату пренебрежительного отношения к себе в прошлом. Его сторонники: Сеадет, Мурат и Сафат Гиреи бежали к ногайцам. Собрав войско при поддержке ногайских мурз, возглавляемых потомками Дивей-мурзы, располагавшимися в Болы-Сарае, братья вернулись назад и захватили Крым. Тем не менее, удержаться там им не удалось. В битве на реке Индол (1584 г.), расположенной в Восточном Крыму, армия царевичей была разгромлена Ислам-Гиреем, которому оказали существенную помощь турецкие войска. В этой битве погиб Есиней-мирза, руководивший силами ногайцев, поддержавших крымских царевичей. Выбитые из Крыма братья вновь были вынуждены бежать в ногайские степи. Алп-Гирей преследовал их до Северского Донца, а по пути сжёг Болы-Сарай.

Роль населённого пункта на Кальмиусе для ногайцев, кочевавших в Приазовских степях, вероятно, была большой. В 1589 г. они попросили турок принять их под свою власть и дать им царевича. По-видимому, эта просьба была не главной для них, так как, когда турки потребовали ногайцев принести им присягу, те наотрез отказались. Основной просьбой кочевников было дать им место для жительства на реке Кальмиус и вернуть Болы-Сарай. Вероятно, этот недавно сожжённый городок ногайцы думали восстановить. Всё окончилось кровопролитной схваткой – мирзы были вытеснены на восток, а Болы-Сарай так и не был восстановлен.

Фактически, борьба мятежных крымских царевичей, которую поддержали ногайцы Приазовья, представляла одну из первых попыток спасти Крымское ханство, избавивши его от владычества Османов. Эта попытка, как и многие другие, завершилась неудачно для крымчаков. Неведомо, как бы сложилась история Причерноморских степей, если бы Крым смог в последней четверти XVI в. вырваться из цепких объятий Османской Порты. Вероятно, ханству тогда бы не пришлось принимать участие в бесконечных завоевательных походах Турции, истощавших его материальные и людские ресурсы. Не следует забывать, что всё это происходило в то время, когда турецкие владыки были заняты вопросами завоевания мира. Именно тогда в их горячих головах возникали абсолютно не соответствующие реальности, невыполнимые в то время проекты, типа постройки Волго-Донского канала (чтобы напасть на Иран с моря), или взрыва Днепровских порогов (для атаки турецкого флота на Киев). Так или иначе, история не терпит сослагательного наклонения. Пройдут годы, и многие крымские ханы сложат свои головы в борьбе против вмешательства, а затем и засилья Турецкой империи в Крыму. В целом же, результатом османского владычества явилось втягивание Крымского ханства в агрессивную турецкую политику, благодаря чему Крым превратился в придаток Османской Империи. Отсюда производилась мобилизация воинов для нужд турецкой армии; основой экономики ханства стала работорговля, центры которой находились здесь же, на территории Крыма. В конечном итоге, всё это привело к полному истощению физических и духовных сил населения, полной деградации экономики, что завершилось вполне закономерным итогом – гибелью Крымского ханства.

Параллельно описанным событиям в северной части Донецких степей шли иные процессы. Как указывалось выше, уже в правление хана Девлет-Гирея I постоянные набеги на южные окраины Русских земель переросли в реальные военные действия с Русским государством. Это вынудило Россию всерьёз подумать о защите своих южных границ.

Борьба Руси с Крымским ханством

С середины XVI в. Русским государством предпринимаются первые попытки не только защищаться, но и атаковать крымчаков на их территории. В 1555 г. 13-тысячное русское войско совершило глубокий рейд к берегам реки Ворсклы. Узнав, что крымская орда направилась в поход на Рязань и Тулу, русский отряд развернулся и пошёл на татар. После сражения «на Судьбищах» татары были вынуждены уйти в Крым. В следующем 1556 г. русские войска нанесли ряд чувствительных ударов по крымским юртам. Староста города Канева князь Дмитрий Вишневецкий (истоки рода которого уходят к татарской служилой знати), оста-

вив литовскую службу, попросился под руку государя всея Руси вместе с казачьим поселением на острове Хортица. На Днепр был направлен русский отряд, к которому присоединилось 300 запорожских казаков. Объединившись, они на лёгких кораблях достигли низовий Днепра, разорив окрестности Очакова и турецкую крепость Ислам-Кермен. Одновременно с этим, другой воинский отряд, спустившись по Дону, действовал возле Азова. Донские казаки пересекли на стругах Азовское море и разорили окрестности Керчи.

Крымский хан Девлет-Гирей I был встревожен активностью Руси на своих землях и начал искать возможности возобновить мирные переговоры с Москвой. В 1557 г. татары совершили поход на Хортицу против запорожских казаков. Князю Дмитрию Вишневецкому пришлось очистить остров, передать Черкассы и Канев литовцам и уйти в Москву, где ему пожаловали во владение город Белёв с вотчинами.

Начав войну с Ливонией, Иван Грозный не ожидал нападения крымских татар, тем более, что велись мирные переговоры. В 1558 г. царевич Мухаммед-Гирей совершил набег на Русь. В ответ русский государь предпринял меры. На месте впадения реки Псёл в Днепр начали строить русскую крепость «Псёльский городок». Царь не забыл о Дмитрии Вишневецком и отправил его на Хортицу для строительства новых укреплений и осуществления оттуда походов против татар. Отряд князя усилили московскими стрельцами. Военные действия 1559 г. разворачивались на двух направлениях – по Днепру и Азову. Спустившись по Днепру с Псёльского городка, русское войско достигло Очакова, где удалось захватить большой турецкий корабль. Высадившись на западном побережье Крыма, русская рать разгромила татарский отряд и освободила множество русских и литовских пленников. Другой отряд казаков и русских осуществили глубокий рейд в юрты татар, дойдя почти до Перекопа. Поход на Азов оказался также успешным. Несмотря на столь чувствительные удары, татары не переставали совершать набеги на окраинные города Русского государства. Тяжёлая война в Ливонии вынудила Русь прекратить далёкие экспедиции на юг и перейти на этом участке к пассивной обороне, отступив к традиционной линии пограничья со Степью. Был оставлен даже Псёльский городок. В 1562 г. Дмитрий Вишневецкий, поддавшись уговорам своего брата, вернулся на службу к польскому королю.

Подводя итог, можно констатировать, что в середине XVI в. Руси впервые удалось совершить успешные походы на Крымское ханство. С этого момента начали формироваться и отношения московского государства с запорожскими казаками.

Переход к пассивной обороне привёл к тому, что резко возросла роль **«Засечной черты».** Первые укрепления на ней были построены при Иване III и Василии III. Окончательное же её оформление относит-

Ров и мост на Перекопском перешейке.

ся к 1520-30 гг. Рубеж обороны проходил по реке Оке, где опорными пунктами были города-крепости Козельск, Калуга, Серпухов, Коломна, Муром, Нижний Новгород. Южнее неё возводилась передовая линия, не представлявшая собой сплошную линию засек и городов, которая связывала города Новгород-Северский, Путивль, Мценск, Пронск. При Иване Грозном возникла «Большая Засечная черта», строительство которой было закончено в 1566 г.

Стремясь обезопасить себя от постоянных набегов, московским царём Иваном Грозным организуется сторожевая и станичная служба. Она представляла собой систему постоянно находившихся далеко в степи *«сторожей»*, которые вели наблюдение за основными степными путями. Так же велось строительство постоянных оборонных сооружений – «Засечных черт».

Засечная черта не спасала Русь от масштабных разорительных походов крымских татар. Воспользовавшись тем, что Русское государство было занято войной со своими западными соседями, Девлет-Гирей I совершил в 1571 г. жестокий поход на Москву. Первоначально он думал ограничиться военной кампанией в район Козельска, но появление перебежчика, обещавшего провести татар через неохраняемые рубежи, изменило планы хана. После разгрома опричников на Оке, татарской армии удалось дойти до Москвы, где произошёл бой с земскими войска-

ми. Москва была сожжена. Погибло множество людей. Набрав огромный ясырь и разорив русские земли от Москвы до Рязани, татары ушли в Крым. На следующий год Девлет-Гирей собрал огромное войско в 120 тыс. человек (Новг.2 летопись, ПСРЛ т. 3), в которое входили ногайцы и корпус янычар в 7 тыс. воинов, и вновь двинулся на Москву с желанием покончить с независимостью Руси. В ожесточённой битве при Молодях летом 1572 г. русские войска уничтожили значительную часть армии Девлет Гирея. В Крым вернулось всего около 20 тыс. татар. Эта победа стала решающей в противостоянии с Крымским ханством. Татары и далее продолжали совершать набеги на приграничные земли русского государства, но только с целью грабежа. Однако, по своим масштабам такие набеги не шли ни в какое сравнение с походами прошлых лет. Лишившись большей части мужского населения, Крымское ханство смогло оправиться от последствий битвы при Молодях только через двадцать лет, когда выросло новое поколение воинов. После этих событий на южных рубежах Русского государства произошли серьёзные изменения. Пограничные укрепления были отодвинуты на 300 километров к югу от «Засечной черты». Здесь возникали новые русские поселения и началось освоение богатых чернозёмных земель. Через непродолжительное время, в 1586 г., на Дону был заложен Воронеж и ряд новых крепостей.

В 1576 г. для Руси сложилась благоприятная международная обстановка. Надеясь на союз с Польшей и немецким императором, Иван Грозный совершил массированный поход на Крым, взяв Ислам-Кермен. Однако этот поход пришлось остановить, так как польским королём был избран Стефан Баторий, что обещало новый виток военного противостояния с Речью Посполитой.

Последнее масштабное наступление крымчаки предприняли в 1591 г. Летом хан Гази-Гирей II повёл на Москву 150-ти тысячное войско. Получив сведения о движении огромного числа татар, русское командование приняло решение дать главное сражение под стенами Москвы. Потерпев неудачу под стенами столицы, татары поспешно ушли. Преследование татар велось в «Поле», где в одной из сражений был ранен сам крымский хан. Поражение вынудило крымских татар оставить попытки разгромить Русь и вернуться к практике грабительских наездов на пограничные земли. Начавшаяся война между Турцией и империей Габсбургов в 1593 г. принесла успокоение на границах, поскольку крымские войска ушли на Балканы, бывшие театром военных действий. В 1593-1594 гг. русское правительство предприняло попытку утвердиться на Северном Кавказе, подойдя к Крымскому ханству с восточных рубежей. Просьба о помощи со стороны грузинского царя Александра II в борьбе с горцами привела к походам русских войск в район Северного Кавказа. Продвинувшись по реке Сунже и не дождавшись подхода грузинской армии, русские войска вернулись на Терек.

На сторожевой московской границе (художник С.В. Иванов).

После побед в 1572 и 1591 гг. начинается массированное продвижение Русского государства на Юг. В 1593 г. был основан Белгород, а Старый Оскол, известный ранее как «острожок», превращается в этом же году в крепость. Апогеем движения в южные степные просторы явилось основание в 1599 г. города Царёва-Борисова, выдвинутого в Степь чуть ли не на 300 км от ближайших русских крепостей. Этот крупный населённый пункт, в котором несло службу 1000 стрельцов, был построен прямо на Изюмской дороге (или Изюмском шляхе), который являлся одним из основных путей, идущих из Крыма. Появление крепости, контролировавшей пространство на огромном участке степи, стало серьёзной помехой для татарских вторжений. Кроме всего прочего, появление данной крепости знаменательно тем, что её строительство положило начало новому этапу заселению Донецких степей славянским населением и открыло новую страницу в истории Донецкого края.

Итоги противостояния Руси и Степи

События XVI в. сыграли решающую роль в утверждении вновь обретённого суверенитета Руси. В ходе бесконечных войн на протяжении

всего столетия Русскому государству удалось полностью подчинить своему влиянию татарские ханства, расположенные в Поволжье. При Иване Грозном была осуществлена первая попытка устранить опасность, исходящую со стороны Крымского ханства. Тогда же произошло первое проникновения русских войск далеко на Юг, вплоть до высадки военных десантов непосредственно в Крыму. Ливонская война нарушила планы дальнейшего продвижения в Степь. В 1558 г. русская армия, собранная для похода на Крым, была отправлена в Прибалтику. Во главе войск стояли служившие московскому царю татарские царевичи с касимовскими и казанскими татарам, в том числе Тохтамыш, который претендовал на ханский трон Крыма. Таким образом, все силы и ресурсы Русского государства были перенаправлены на северо-запад на борьбу с Ливонским орденом, а затем с Польшей и Швецией.

За годы войн на Западе русская земля была страшно разорена. Английский посол Джильс Флетчер, проезжая по дороге в Москву, пишет: *« … по дороге между Вологдой и Ярославлем … встречается, по крайней мере, до пятидесяти деревень, иные в полмили, другие в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали в здешней стране … ».*

Разорённое население уходило от непосильных поборов на окраины государства; отдельные из ушедших превращались в казаков. Это была **первая миграционная волна** русских людей, заселявшая степные просторы Восточной Европы и Зауралья. Успехи русского оружия на юге дали толчок к оттоку населения в Степь. Чтобы остановить исход населения, московское правительство начало ограничивать личную свободу сельского населения. В 1592 г. последовал указ о запрете перехода крестьян в Юрьев день, затем был принят указ о сыске и возврате сбежавших на прежние места крестьян.

Драматические события Смутного времени приостановили движение Руси к берегам южных морей. Но уже с 1638 г. предпринимаются крупные работы по восстановлению засечной черты, и возобновляется освоение земель южного порубежья. Задача по ликвидации Крымского ханства и выходу к естественным природным рубежам на юге была решена Россией в последующие два века.

Для Донецких же степей XVI в. важен тем, что именно в это время произошёл выход Русского государства к северным границам территории, на которой находится современный Донбасс. Колонизация и освоение славянским населением степных просторов Донецкого края стала делом недалёкого будущего.

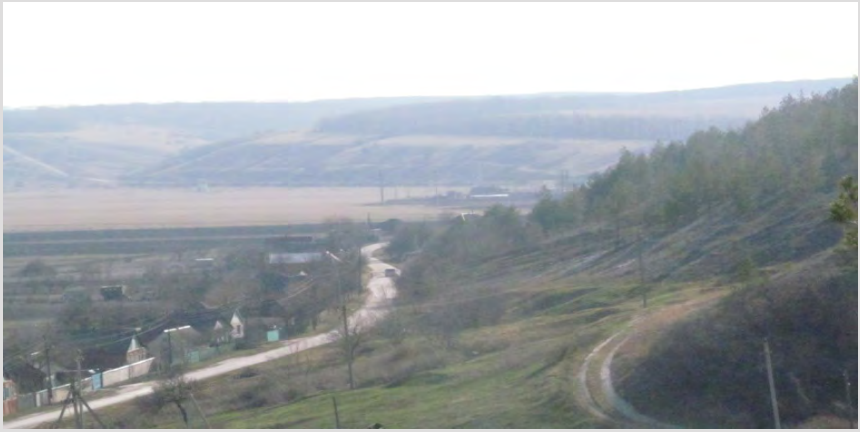
Глава 10. На южной окраине Российского государства. Донбасс в XVI-XVII вв.

На южной окраине России в XVI-XVII вв. степная вольница сочеталась с возведением крепостей, ратной службой, занятиями промыслами. Особенность освоения степного пограничья заключалась в том, что первыми возникали города, и они же становились опорными пунктами для разрастания сельской округи. Колонизация российского порубежья в Среднем Подонцовье привела к созданию первых городов на территории будущего Донбасса. В 1663 г. в официальных бумагах российских приказов появляется упоминание о новой крепости в районе южной границы – города Маяцка. Новый город возник на «Крымской стороне» реки Северский Донец и сразу стал объектом нападений крымских и ногайских орд. Так, началась история современного села Маяки. Это был первый город на территории Донецкого края, чья история не прерывается до настоящего времени.

Поле в XVI в. Экономический и социальный аспекты

Новый город был построен на территории, которую в России называли «Поле». Он находился в местности, издревле принадлежащей евразийским степным империям. В начале XVI в. крымский хан одержал победу над последним владыкой Золотой Орды. Территория Подонцовья, принадлежавшая некогда ханам Золотой Орды, теперь стала местом выпаса скота для ногайских и крымских кочевых орд, а также удобным местом формирования татарских отрядов для нападений на русские поселения.

Именно в это время по отношению к правому и левому берегам Северского Донца начинают применять новые термины – Крымская сторона и Ногайская сторона (позже Московская сторона). Эти понятия просуществовали до самого конца XVIII в. Во второй половине XVIII в. немецкий учёный Тунманн, упоминая Северное Приазовье, отмечал: «*Эта страна имела почти всегда одинаковую судьбу с крымской равниной и жителей одних и тех же племён*» (Тунманн, 1991, с. 45). Что произошло с местным оседлым населением, доподлинно не известно. Вероятнее всего, местное население отошло от занятий земледелием, ремеслом, потеряло свой скот и нашло приют в соседних государствах. Земледельцы отошли на север, жилища кочевников находились ближе к прибрежной полосе на юге. Между территориями постоянного обитания земледельцев и скотоводов сформировались условия, благоприятные для занятий промысловой деятельностью.



Окрестности с. Сидорово в Славянском районе (Среднее Подонцовье). Одно из мест столкновений земледельческих народов и кочевников.

Промыслы традиционно занимали значительное место в экономике населения Подонцовья. Северский Донец с его бассейном был богат разнообразными природными ресурсами. В опасное время они давали пропитание, а складчатый рельеф окраины Донецкого кряжа – укрытие и защиту. Недаром первые упоминания о наличии хозяйственной деятельности в районе Северского Донца постордынского времени – это свидетельства о промысловых владениях (юртах). Использование промысловых угодий носило сезонный характер. Именно с юртов начинается хозяйственное освоение Среднего Подонцовья и Приазовья, зафиксированное в письменных источниках. В связи с изменением политической ситуации в степи и на приграничных просторах, начиная с XVI в., Подонцовью всё больше внимания уделяется в делопроизводстве российских приказов. Для описания событий Раннего Нового времени на территории Донецкого края, как и на других южных окраинах Российского государства, больше подходит понятие «Пограничье» как территории, где влияние одного государства постепенно уменьшалось, одновременно усиливалось влияние другого.

Местность за чертой постоянного проживания земледельческого населения на южных окраинах страны в документах именуется «Поле». На «полевых» окраинах население занималось и сельским хозяйством, и промыслами. Дальше на юг от полевых окраин простиралось собственно «Поле», степная и лесостепная территория в междуречье Дона и Днепра, где не было возможности заниматься земледелием, зато периодически кочевали татарские орды. В широком смысле Поле заканчивалось там, где находились или появлялись постоянные поселения. Термин «Дикое

Поле» для этой территории стали употреблять во второй половине XVI в. западноевропейские дипломаты и наёмники на русской службе, а также историки новейшего времени. Однако в те времена чаще употреблялись всё же другие эпитеты: «безмерные степи» (Скальковский, 1841, с. 8), «огромные пустынные равнины» (Лавассер-де-Боплан, 2004, с. 15), в украинском варианте – «пустоширокие степи», «татарские степи» (Літопис Самовидця, 1971, с. 148). Русские люди для обозначения степных и лесостепных просторов использовали понятие «Поле», а «дикими полями» называли целинные или заброшенные наделы земли, которые давались за службу в придачу к обычным наделам в разных частях государства. «Дикие поля» были даже под Москвой.

Жители пограничных городов уже в первой половине XVI в. начали освоение Поля. В составе населения пограничных городов Юга России отмечено преобладание служилых людей. К служилому сословию относились служилые «по отечеству»: московские чины, городовые дворяне и дети боярские, которые несли личную поземельную повинность и служили за свой счёт. За службу получали поместья. Из них наименее обеспеченными землёй были дети боярские. В прошлом они несли обязательную службу, получая за это от князей, бояр, церкви поместья; в рассматриваемое время служили государству. Гарнизоны крепостей состояли из служилых людей и «по отечеству», и «по прибору».

Служилые «по прибору» формировались по правительственному набору из лично свободных крестьян и горожан. Одной из военно-служилых групп пограничных городов «по прибору» являлись казаки «государевой службы». Кроме них упоминаются стрельцы, пушкари, затинщики. Они получали денежное и хлебное жалованье и освобождались от государственных налогов и повинностей, в свободное время они занимались огородничеством, ремеслом, торговлей, промыслами.

В период Ливонской войны была введена практика расселения приборных служилых людей на вновь присоединённых территориях «на вечное житье». На границах селили «*сведенцев*» из других городов государства, часто уже состоящих на государственной службе, а также переведённых в службу из других категорий населения (из крестьян, детей боярских, иностранцев).

Сочетание промысловой деятельности в юртах со службой государству составляло особенность экономического положения служилого сословия Юга России. Они и составляли группу государевых людей, периодически находящихся в Поле – по служебным обязанностям, либо на промыслах.

По донесению путивльского воеводы Михайла Троекурова от 1546 г., в Поле выходили также жители южной и юго-восточной окраин Речи Посполитой, бывшего Киевского и Переяславского княжеств – «*черкасцы*» и «*кияне*». В польских документах того времени эти территории назывались «Украиной», поселения на них называли украинскими, а проживавшее

население русским, русской же называлась церковь, народ именовали «Русь». Польскую власть местное население просило присылать приказы «*руским писмом*» (Історія України в документах..., т. III, 1941, с. 22). Более далёкие земли от Днепра, как, например, Волынь, «Украиной» не именовались. Правый берег Днепра ещё долго назывался русским в отличие от левого, получившего название «московский». Киевское воеводство быстро заселялось, и полевая окраина всё больше отдалялась от Киева, поэтому жители Киева в дальнейшем пропадают из донесений о событиях в Поле.

Черкасцы (черкасы), жители пограничного со степью города Черкасс на Правобережье Днепра, продолжали активно появляться на Поле. Слово «черкасы» для русских государевых людей в дальнейшем приобрело значение этнонима, так в России стали именовать выходцев из Литовско-Польского государства. В Речи Посполитой, государстве, объединившем в 1569 г. в своём составе Польшу, Литву и юго-западную часть территорий Древнерусского государства, государствообразующее начало принадлежало полякам. Литва имела только элементы автономии, а древнерусские земли попали в прямую зависимость от Польши и Литвы.

Переселение в Российское государство для несения службы групп или отдельных лиц черкас с территории Речи Посполитой было нередким. Фиксируются по документам такие категории черкас: запорожские, «*послушные*» и особая группа «*непослушных*» – воровские черкасы. Послушные черкасы служили на границах Российского государства и получали жалованье, воровские занимались разбоем на степных дорогах.

Донские и запорожские казаки относились к большой группе полуоседлого населения степных рек. На Дону жили донские казаки, в Поднепровье – запорожские, вслед за этими группами славянского промыслового населения появились и другие, они именовались по названию рек, где занимались промыслами. В конце XVI в. известны донецкие и оскольские казаки. Большую роль в освоении Поля сыграли городовые казаки, чьим основным занятием была служба в пограничных городах. Они относились к особому сословию и были иррегулярным войском на службе государства. Это означает, что в мирное время они могли вернуться к своим дворам. Они также были экономически и по роду службы тесно связаны с Полем. Гарнизоны всех пограничных городов имели в своём составе казацкие отряды. Ими часто пополняли отряды пограничников – станицы и сторожи.

В XVI в. контакты служилых людей и разных групп казачества на польских (находящихся на Поле) территориях были достаточно разнообразны и динамичны. Ещё более активными они стали в XVII в. Драматизм жизни на полевых окраинах определялся соседством с кочевыми народами.

Южные соседи России и пограничная служба в XVI в.

Беспокойными соседями Российского государства оставались кочевые орды ногаев и крымских татар – эти разрозненные остатки Большой Орды. Если в отношениях с ногаями российское правительство после взятия Казани и Астрахани имело возможность политического манёвра, то крымские татары были постоянным, непримиримым и безжалостным противником. Политическая стабильность на южных границах России была невозможна: «*Всем ходом истории Московское государство было поставлено перед необходимостью довести до конца борьбу с разрозненными частями «Большой Орды», некогда угнетавшей Русь*» (Новосельский, 1948, с. 10).

После Турецкого завоевания Крым постоянно занимал позицию на стороне противников России. Короткие передышки наступали тогда, когда Турция призывала своих вассалов на другой театр военных действий. Русские вынуждены были выкупать своих людей или «откупаться» от татар. Как пишет Тунманн, русские и поляки отправляли ежегодно подарков на 100 тыс. рейсталеров (германская монета стоила 1,4 рублей золотом), но это мало помогало. Эти подарки назывались «*поминками*». Татары считали эти платежи законной данью. Большие средства шли на выкуп пленных, которых освободить удавалось далеко не всегда. В Москве, несмотря на возрастающий экономический потенциал и политический вес, крымские послы вели себя высокомерно, так как считали себя преемниками Золотой Орды. Между тем, экономическое положение Крымского полуострова ухудшалось: земледелие приживалось очень плохо, частыми были голодовки, прокормить себя государство было не в состоянии, хозяйство оставалось на примитивном уровне. Выгодное политическое положение, благоприятная для грабежей международная обстановка, вековая традиция жизни за счёт продажи полона, скудный экономический быт, эксплуатация местного оседлого нетатарского населения законсервировали общество крымцев, сделали невозможным его развитие. Россия вынуждена была решать свои внешние и внутриполитические задачи на фоне постоянной борьбы с татарами.

Кроме крымских татар постоянной угрозой были ногаи. Отдельные ногайские орды время от времени принимали русское подданство или выходили из него. В этой орде русские посланники имели несравненно большее влияние, чем в Крыму. Другая часть ногайцев имела более тесные связи с Крымом. Отношения Ногая с Крымским ханством за несколько сот лет не менялись: «*Они находятся под властью Крымского хана, но их повиновение очень условно*», следуют за ним в войнах, платят часть добычи, обязаны посылать четырёх мурз на праздник большого байрама, чтобы пожелать хану счастья и привезти подарки; «*часто они соглашаются признать над собой власть назначенных им бегов, кото-*

Поход крымских татар (художник Й. Брандт).

рые принадлежат большей частью к принцам крови. В остальном они делают, что хотят...» (Тунманн, 1991, с. 46).

Под действием внешнеполитических обстоятельств Россия в первой половине XVI в. начала приводить в систему свои оборонительные мероприятия. Начались они с обороны непосредственно центра страны – строительства Заокской (Большой) черты. Засечные линии, или черты, состояли из валов, рвов, крепостей и засек – лесных завалов. Пограничники же базировались в окраинных городах, наиболее древний из них – Путивль. Сторожевые отряды достигли среднего течения Северского Донца уже в начале XVI в.

Немецкий дипломат, посетивший Россию в 1517 и 1526 гг., Сигизмунд Герберштейн тщательно собирал сведения и о самом государстве, и о его географии. В частности, его «Записки о Московии» содержат сведения о Подонье-Подонцовье в современное ему время. Он отмечал: «*О жертвенниках Александра и Цезаря, о существовании которых в этих местах упоминают некоторые писатели, или об их развалинах я не мог узнать ничего верного ни от туземцев, ни от тех людей, которые часто бывали в этих местах. Также воины, которых князь каждый год посылает туда для разведывания и отражения татарских набегов, когда я спрашивал их об этом, отвечали, что они никогда не видали и не слыхали ничего такого. Однако они не отрицали, что около устьев*

Вооружение русской дворянской конницы. 1 – гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о Московитских делах». 1556 г.; 2 – изображения русских воинов из альбома А.В. Висковатова. XIX в.; 3 – рисунок О.Ю. Брандукова.

малого Танаиса (Донца), в четырёх днях от Азова, близ места Великий Перевоз, у Святых гор, они видели статуи и какие-то мраморные и каменные изображения. А малый Танаис берет начало в северском княжестве, от чего называется Северским Донцом и в трёх днях выше Азова впадает в Танаис» (Герберштейн, 1866, с. 103).

Любознательный дипломат оставил сразу несколько сведений о территории будущего Донбасса, относящихся к началу XVI в. Уже в то время существовало название местности – «Святые Горы», отмечен «Великий Перевоз», служивший переправой с Крымского на левый, Московский берег Донца. Также узнаём и о том, что великий князь Московский Василий Иванович в эту местность ежегодно посылал войска. В XVI в. Святые Горы неоднократно упоминаются в качестве сторожевого поста Российского государства на его южных окраинах. В Патриаршей летописи под 1555 г. имеется следующее известие: «*И как воеводы пришли верх Мжа и Коломака, и прибежал к ним сторож из Святых Гор, да станичник Лаврентий Колтовский товарища прислал с тем: царь крымский Донец перелез со многими людьми и идёт к Рязанским или Тульским Украинам*» (ПСРЛ, т. 13, с. 256).

В середине XVI в. к Донцу уже ездят путивльские станичники, в 1571 г. экспедиция Михаила Тюфякина и Матвея Ржевского установила пограничные знаки, выбитые на дубах, на конечных точках русских станичных разъездов. В Поле эти знаки доходили до р. Айдар. Сторожевые оборонительные мероприятия разрабатывались правительством под влиянием сложившихся обстоятельств и зависели от конкретных военно-политических условий.

Татарский набег 1571 г. показал, что татары не ограничиваются разорением окраин, а стремятся захватить Москву. В 1571 г. состоялось

совещание пограничников по поводу организации пограничной станичной и сторожевой охраны. Боярин М. Воротынский по «расспросу» (т.е. опросил знающих людей) составил роспись сторож, семь из которых располагались на Донце. Указывались географические ориентиры и расстояния между ними и сторожами. Для досмотра пунктов стоянки голов и сторожей была послана экспедиция. Она же устанавливала пограничные знаки. Роспись Донецких сторож по дозору М. Тюфякина и М. Ржевского отличается большей точностью, чем роспись М. Воротынского «по расспросу» (например, сторожа Бахмутовская от Святогорской отстоит скорее на полтора днища, чем на полднища, днище – это день пути). Сторожевые заставы посылались ежегодно с 1 апреля до зимы (4-6 человек). Сторожа менялись каждые два месяца. Кроме пограничных застав учреждены были и дозорные подвижные отряды – «станицы». Они отпускались «на Поле» также с 1 апреля. Станицы (отряды 60-100 человек) посылались в дозор поочерёдно сроком на две недели. Они комплектовались из казаков и служилых людей Путивля и Рыльска. Приговоры М. Воротынского стали первым дошедшим до нашего времени воинским уставом в России. Этот устав предписывал станичникам:

«*А стояти сторожем на сторожах, с коней не сседая, перемежаясь, и ездити по урочищам, переменяясь же направо и налево по два человека по наказам, каковы им наказы дадут воеводы. А станов им не делати, а огни класти не в одном месте, не класти дважды, а в коем месте кто полдневал и в том месте не ночевати, а в лесах им не становиться… и того береги накрепко, на которые государевы окраины воинские люди пойдут... а которые сторожи не дождавшися себе отмену, с сторожи сойдут... и тем сторожем быти казненным смертью*» (Акты Московского государства, т. I, с. 2).

Как видно из текста, сказывалась специфика борьбы именно со степным противником. Главной задачей сторожевой службы было оповещение войск, городов и сёл о продвижениях татарской конницы. Сложное время, наступившее для России на рубеже XVI–XVII вв., открыло для татар все пути в глубь Российского государства. Существовавшие на Оке укрепления обветшали, были сожжены многие города. Только в 1623 г. правительство восстановило пограничную службу оповещения, проведя реформу сторожевой и станичной службы.

Нападения татар происходили по древним сакмам (степным дорогам): Изюмской, Муравской, Кальмиусской. Каждая орда использовала свой путь. Муравская дорога проходила по водоразделу Днепра и Северского Донца и вела к Москве. У верховьев Сухого Торца и Самары от неё отделялась Изюмская сакма, которая у Изюмского «*перелаза*», т.е. брода, переходила Северский Донец. Дальше она снова соединялась с Муравской. Кальмиусская сакма, идя вдоль берега Азовского моря, переходила Донец между реками Красной и Айдаром. Кальмиусской дорогой обычно

Города, сторожи, маршруты сторож между городами и в степи, пути татарских набегов (по Л.Г. Бескровный).

пользовались Малые ногаи и азовцы, они же протоптали так называемую «Новую Кальмиусскую дорогу», которая пересекала Донец ближе к Дону.

Был ещё Ногайский путь, по которому ходили на Русь Большие ногаи. В трудное десятилетие 1607-1617 гг. оживлённо функционировали все пути вторжений. Последующие годы также были очень напряжёнными. Служба оповещения могла предупредить людей об опасности, но сами набеги всегда несли с собой горе и страдания. Горели дома и посевы, грабежи сопровождались убийствами и угоном несчастных людей в плен, продажа людей в рабство обогащала даже рядовых кочевников. Крупнейший рынок работорговли на Чёрном море находился в г. Кафе, современной Феодосии. Правительство вынуждено было выделять огромные суммы для выкупа людей из плена. Но вернуться могли не все. Поэтому строительство сплошных засечных черт в дальнейшем продолжилось.

Особенно серьёзную угрозу представляли нападения «*большими людьми*», когда орды вёл сам крымский хан (*царь*) или его дети (*царевичи*). Важными стратегическими центрами явились новые пограничные крепости, построенные в самом конце XVI в.: Воронеж, Курск, Белгород. Эти города могли выдержать многодневную осаду. Они должны были сделать жизнь людей в центральных уездах более безопасной, наладить более эффективную оборону, организовать своевременный отпор против-

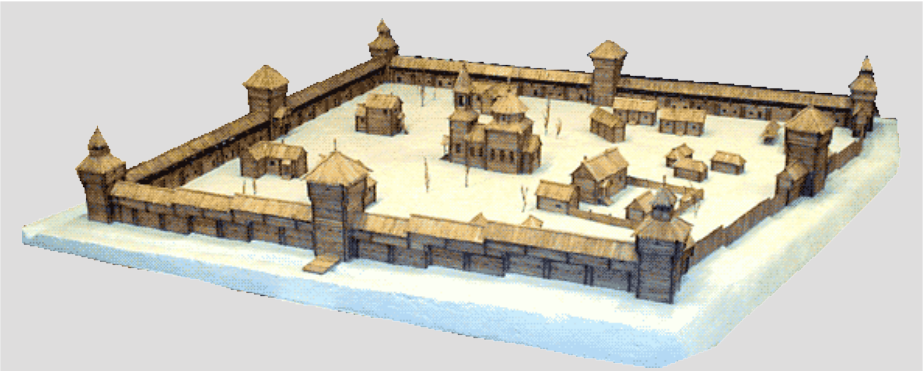
нику. Городскими гарнизонами командовали воеводы, состав служилых людей был очень разнообразен. Значительное место, кроме собственно регулярных вооружённых сил, принадлежало городовым казакам.

Особенно большое значение для будущего Донбасса имело возведение на южной окраине Белгородской крепости. Как сообщалось, в конце 1593 г. царь Фёдор Иоаннович повелел для защиты от постоянных набегов крымских татар строить новые города-крепости на всех татарских путях от Донца до берегов Оки и заселить их людьми ратными, стрельцами и казаками. Белгородская крепость была построена к осени 1596 г. Строителями её были воеводы князья Михаил Ноздреватый и Андрей Волконский. Располагался Белгород на мысе Белой (меловой) горы, на правом берегу Северского Донца, омывающего город с востока. С юго-запада от крепости протекал ручей Ячнев (Ясенев) Колодезь. Белгород сразу стал центром большой округи. Не заселённая южная часть Белгородского уезда, называлась Донецкой волостью и имела юрты. Юрты были тем же, что и уходы (промысловые угодья, куда человек «уходил» на время). Всего в Донецкой волости известно 9 юртов, есть данные об их владельцах. В юртах занимались рыбалкой, охотой, бортничеством. Новопоселенцы изучали недра Донецкого бассейна. С начала XVII в. в районе современного Славянска добывали соль. «*Промышлять*» её в донецкие степи ездили «охочие» люди из Валуек, Оскола, Ельца, Курска и других «*окраинных*» городов России. Логичным продолжением политики укрепления границ крепостями было выдвижение одной из них ещё далее по течению Северского Донца, на самый юг Донецкой волости, где река Оскол впадает в реку Северский Донец. Эта крепость стала настоящими воротами в Среднее Подонцовье.

Первая крепость Среднего Подонцовья: город Царёв-Борисов

Первый город со времён средневековья на Среднем Донце был построен в 1599 г. и назван в честь царя Бориса Годунова. Строительство проходило в условиях отсутствия татарских набегов. С 1594 до 1606 гг. набегов почти не было. Причина заключалась в том, что Турция в это время вела войну с Венгрией, и татары были вынуждены в ней участвовать. Строительство города началось в 1599 г. с большим размахом и было настолько основательным, что главные укрепления города сохранились даже спустя 50 лет.

В то время особое оборонное и колонизационное значение для Российского государства имели Путивль, Воронеж, Белгород, Валуйки. Царёв-Борисов находился на почтительном расстоянии от крайних российских городов – 300 вёрст от Воронежа и 150 вёрст от Белгорода. Город, исходя из своего стратегического положения, мог обеспечить самые



Рубленый русский город (Симбирский кремль, реконструкция Ю.Д. Ефимова).

разные функции – это контроль короткого пути к казачьим городкам на Дону и над продвижениями ногайских орд, которые кочевали к востоку от Донца и в Северном Приазовье, осуществление пограничной службы. Также воеводы должны были вести борьбу с «*черкасским воровством*», т.е. грабительскими нападениями польско-литовских казаков. Основную задачу правительство видело в предотвращении прихода на Русь крымского царя, его царевичей с большими людьми, т.е. большим войском, способным разорить центральные уезды. Для выполнения этой задачи Царёв-Борисов строился с таким расчётом, чтобы его гарнизон мог выдержать длительную осаду «*больших людей*», вовремя предупредить об опасности Москву и Белгород, дождаться подкрепления с южных уездов и Дона. К этому времени донские казаки были уже признаны государством и даже считались у него на службе.

Строительство проходило с таким «*обережением*», учётом всевозможных затруднений, которые ясно показывали хорошее знание центром положения на своих окраинах. После строительства укреплений пригласили местных уходников, держателей юртов и наняли их на службу: в своей грамоте, в 1599 г. Борис Годунов казаков Донца и Оскола «*пожаловал их и велел дать им эти реки, чтобы жили там они по своим юртам и владели всякими угодьями безданно и безоброчно*» (Материалы для истории колонизации…, т. 1, с. 10). Так были признаны и Донецкие казаки на службе российского государя. Этот документ признавал существование юртов в Подонцовье не только в начале XVII в. но и несколько ранее.

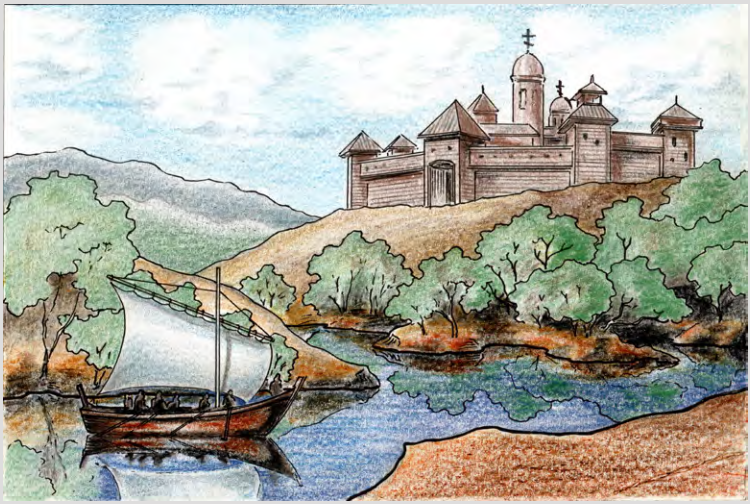
Юрт в понимании русского населения XVI-XVII вв. – это территория, пригодная для занятий каким-либо промыслом. В Донецком крае наиболее популярны были рыбные, охотничьи, бортные промыслы, позже – соледобыча в районах рек Тор и Бахмут. Юрты ограничивались какими-либо нечёткими природными ориентирами в виде балок, буераков, оврагов

и тому подобное. Своеобразное обычное право регулировало взаимоотношения между владельцами юртов, приезжавших в Поле посезонно. В южных уездах России – Воронежском, Белгородском, огромная часть территории была не заселена, а числилась за владельцами юртов. Эту традицию продолжил и Царёв-Борисов. В том же значении слово «юрт» употребляли Донские казаки. У тюркских народов «юрт» означал жилище, однако вторым значением этого слова был улус, как составная часть Орды. В Подонцовье, когда упоминали о передвижении татар в степи, также употребляли это понятие. Крымское ханство даже называли «Крымский юрт». Таким образом, одной из форм землевладения на юге русского государства, в том числе и у донских казаков, был юрт. Юрты цареборисовских жителей располагались вниз по течению Северского Донца, по крайней мере, до реки Бахмут.

Город строился в очень сжатые сроки. Место было выбрано заранее, чертёж будущего строения также изготовили заранее. Строительством руководили воеводы, назначенные лично Б. Годуновым – Богдан Бельский и Семён Алфёров. Кроме них, «*иным из казаков и стрельцов приказано остаться там и на житце*», «*... скоро город отстроен, укреплён и населён разными жителями*» (Филарет (Гумилевский), т. 2, с. 306). В 1600 г. в городе проживало 2955 человек, в том числе 100 черкас, в 1601 г. – 3222 человека. Жители были заняты как на строительстве, так и на службе. Проживание здесь имело характер «командировки». Население чередовалось на праздники Пасхи и Мироносиц, жители продавали свои дворы тем, кто приходил им на смену.

Смута в России, интервенция Польши начала XVII в. изменила судьбу людей и городов Подонцовья. Есть указания на определённую роль цареборисовцев в событиях Смуты. Они поддержали Лжедмитрия и приняли участие в восстании Илейки Муромца (лже-Петра), который во главе отряда казаков участвовал в антиправительственных движениях 1605-1607 гг. Казаки и «царевич» Пётр «*пришли с Донца на украйну во Царев город, а из Царева города пришли в Путивль*» (Смирнов, 1966, с. 66). Далее Илейка принял участие в восстании И. Болотникова и был казнён в 1608 г. Жители Царёва-Борисова вместе с белгородцами и валуйцами отказались присягать новому царю Василию Шуйскому (1606-1610 гг.).

Точных данных о времени прекращения функционирования Царёва-Борисова в письменных источниках не найдено. Исследователи высказывали различные мнения по поводу даты запустения города: 1605, 1607, 1610 гг., большинство из них придерживается даты 1612 г. Известно, что артиллерия города была вывезена, также была перевезена в Валуйки утварь церкви Николы Ратного. Затем цареборисовское «*всякое церковное строение*» этой церкви было перевезено из Валуек в Белгород (Акты Московского государства, т. I, с. 641). В царском наказе воеводам по поводу будущей постройки Царёво-Борисова о церкви Николая Рат-



Так мог выглядеть Царёв-Борисов XVII в. (Рисунок А.В. Вербовского).

ного не упоминается. Предполагалось заложить две церкви: Троицкую и Бориса и Глеба. Однако, как видно из документа, в Царёво-Борисове была и церковь Николая Можайского Ратного. Его образ известен на Руси с XIV в., но особое распространение он получил в середине XVI в. и считался небесным защитником от любого недруга, и особенно от татар. Отличительной особенностью иконографии образа являются поднятые руки святого, в которых он держал меч (или саблю) и крепость с однокупольным храмом внутри. Николай Можайский почитался как защитник городов. В Донбассе и в последующие времена был распространён культ этого святого, о чём говорят находки его изображений на Казачьей Пристани.

После Смуты город Царёв-Борисов упоминается как городище, т.е. был заброшен, а его укрепления не обновлялись. Однако, он был достаточно часто посещаем: в его окрестностях производился обмен дипломатическими документами, поскольку рядом проходила «Посольская дорога». Так условно называли степной путь в Крым, по которому ездили послы из России в Крым и обратно. На Цареборисовском городище стояла застава против чумы. Проезжающие с юга окуривали своё имущество, а послы, сделав списки со своих бумаг, подлинники предавали огню; списки же, подвергнув окурке, передавали на другую сторону заставы для немедленной их отсылки по назначению. Северский Донец продолжал быть условной границей между Российским государством и Крымским

ханством. В непосредственной близости проходила указанная Посольская дорога, потому эта местность привлекала «воровство», как на Руси называли разбойников с большой дороги и вообще всякое преступное дело. Послы, как татарские, так и русские, имели одинаковые шансы быть ограбленными. Лет через 40 городище снова стало городом, были возведены укрепления на прежнем месте, хотя и более скромные, чем в 1599 г., снова охраняла город русская стража, а под городом возникло поселение черкас. Кроме окрестностей города цареборисовцы второго заселения взяли под охрану Торские соляные промыслы. Район Торских озёр (современный Славянск) был крупнейшим промысловым угодьем для всего порубежного населения. Промысловики-уходники рисковали жизнью и свободой, когда шли варить соль на Тор. Это было одно из немногих мест, где свободная деятельность желающего (*охочего*) населения осуществлялась бок о бок с *казённым* (государственным) солеварением и при полном отсутствии феодалов. Соль варили для себя. Соль варили также в казну.

О солеварении на Торе достоверные сведения относятся к началу XVII в. Некоторые исследователи считали, что солеварение развилось в 1599-1600 гг. с построением Царёва-Борисова, потому гарнизон не только пользовался торской солью, но и должен был нести охрану на промыслах. Документально функционирование Торских промыслов прослеживается с 1619 г. Так, рыльский пушкарский сын А. Васильев 27 мая 1622 г. рассказал, что бежал из Рыльска, и вместе с другими казаками занимался бортничеством, охотой и солеварением на Торе в 1619 г. Белгородец «*гулящий*» человек М. Сидоров варил соль в 1621 г., затем с донскими казаками ушёл в Польшу воевать против турок, вернулся на Тор в 1622 г., где был взят под стражу царской сторожей. Он рассказал белгородскому воеводе, что многие белгородцы соль варят на Торе. Стоит вспомнить и рассказ П. Котельникова 1625 г., что на Торе ежегодно варили соль люди с Валуек, Ельца, Курска, Ливен, Воронежа. Со временем отмечается увеличение масштабов производства. Несмотря на татарские нападения, оно не прекращалось.

Продолжали своё существование промысловые угодья – юрты в Подонцовье. Названия юртов передавались из уст в уста, попадали в документы. Уходники продолжали ловить, солить, вялить рыбу, охотиться, несколько позже заводили бортные ухожья. Все юрты, ухожья, закреплённые в своё время правительством за Царёвым-Борисовым, теперь были переданы для кормления Святогорскому монастырю, первое упоминание о котором датируется 1620 г. Монахи стали первыми оседлыми уходниками, держателями огромного юрта на территории современного Донбасса, а монастырь с его округой – первым форпостом осёдлости на Крымском берегу Северского Донца. В строгом смысле слова, Донецкий край начался со Святогорского монастыря.

Сами цареборисовцы были возвращены в города прежнего проживания, но о городе на Осколе не забывали. Так, цареборисовец из Валуек Поминко Котельников заявлял в 1625 г. о желании бывших жителей города вернуться, если город будет отстроен именно из-за хороших уходов. Эти уходы обозначены в документах следующим образом: «*выше монастыря от р. Оскольского устья вниз по Донцу, пониже монастыря по казачьи юрты по Сухарев да по речку Чёрный Жеребец, да с другой стороны Донца по речку Бахмутову*» (Святогорская Успенская общежительная пустынь…, 1880, с. 42).

Известно, что эти же угодья принадлежали монастырю перед разграничением с новым городом Маяцким в 1666 г. В грамоте Петра I в 1704 г. говорится: «*до поселения городов Маяцкого и Тора, вниз по р. Донцу до устья Черного Жеребца лесами и сенными покосы и всякими угодьи владели Святогорского монастыря старцы по даче*». Один из его юртов, Крестовский, находился при впадении реки Тор (современный Казённый Торец) в Северский Донец. Местные (Маяцкие) жители в 1703 г. свидетельствовали, что в древности этими городами ведал Белгородский разряд: «*И изстари де те речки во владетельстве были Белогородцкого Розряду городов, потому что из Белагорода бояря и воеводы для обереженья и осмотру татарских шляхов и бродов Белогородцкой черты посылывали из Белагорода с письмами станичников вниз по реке Донцу до урочища до Сокольих гор, а те Сокольи горы над рекою Донцом ниже речек Багмута и Жеребца и Красной*» (Булавинское восстание, 1935, с. 97). Таким образом, Святогорский монастырь явился правопреемником первого Царёва-Борисова. Монахи, а чаще русский гарнизон, должны были собирать вести, что ранее возлагалось на цареборисовцев. Жалование (ругу) высылали из южных городов, например, в 1624 г. из Белгорода, в 1640 г. из Валуек и т.д. В 1644 г. в Святогорском монастыре дежурили по три человека белгородцев и чугуевцев на протяжении трёх месяцев. Они добирались до монастыря рекой, потом пришла очередь валуйчан, в 1645 г.: «*велено с Оскола, да из Яблонова, служивым людям по 6 человекам, быть на царской службе в Святогорском монастыре с мая месяца 1645 г. на перемену белгородцев и чугуевцев*» (Филарет (Гумилевский), 2004, т. 1, с. 57).

Монастырь неоднократно хотели уничтожить татары, но он восстанавливался. Первые известные иноки, по данным святогорского историка В.Н. Дедова, в 1620 г. основали отдельное общежитие для совместной молитвы. В меловой горе они вырубили кельи и помещения для церкви. Царь Михаил Фёдорович подписал жалованную грамоту от 9 марта 1620 г. о выдаче Святогорского монастыря игумену Ефрему с братией годовой руги – хлеба 12 четвертей ржи и денег 10 рублей. К этому же времени относится свидетельство о проживании в Святых Горах весной 1620 г. жителя Белгорода Андрея Васильева. В 1628 г. все

Пещерная церковь Рождества Иоанна Предтечи Святогорского монастыря (по материалам В. Нестерова).

монахи были взяты в плен, позже выкуплены казной. Вполне вероятно, что жалованье привозили из Белгорода и монахам, и станичникам одним транспортом. Так, оказалось, что Святогорский Успенский монастырь непосредственно служил Богу, царю и Отечеству. Татарские нападения не прекращались, особенно их много было в 1627-1631 гг. Монахов в 1631 г. было 17 человек, позднее их численность также существенно не менялась (в 1679 гг. 15 человек). В течение всего столетия монахи получали хлебное и денежное жалованье, назначенное русскими монархами, молились за государство, царя и всех православных христиан, трудились в своих юртах, обслуживали Посольский перевоз, а их приходом было всё Среднее Подонцовье, прихожанами – промысловики. Приют тут находили бежавшие или выкупленные из плена единоверцы, сторожа и станичники, донские казаки и любой, кто нуждался в помощи.

XVII в. в истории Подонцовья: татарский фактор и ответные меры

Почти все исследователи, изучавшие историю России XVII-XVIII вв., указывают на постоянную борьбу с татарскими, а порой и турецкими нападениями, на тяжёлые потери среди населения приграничья, его военизированный образ жизни. Сосуществование с татарами в Причерноморье и даже в Подонцовье было повседневной реальностью. Например, по сообщению белгородских жителей известно, что в начале апреля 1635 г.

они ходили на Северский Донец для рыбной ловли и видели скопление татар (до 5000 человек) за Донцом по реке Тор (ныне Казённый Торец). Особенно часто татарские отряды появлялись под Валуйкой. Постоянные набеги татар на пограничные местности, объяснялись тем, что татарские кочевья простирались севернее Северского Донца, между Осколом и Доном по рекам Богучар, Айдар и Чир, и из этих своих кочевий татары «*гоняли в разгон*» в «*украинные*» города, оставляя на своих стоянках в Коше людей для охраны. Валуйчане однажды напали на такой кош на реке Калитве.

Для характеристики военно-политической ситуации в Причерноморье приведём часть из имеющихся данных. В начале августа 1644 г. большие силы татар собрались на реках Орели и Самаре, в июне они переправили на разных переправах через реку Ворсклу 10 тыс. человек, а 17 июня они перешли реку Псёл – 17 тыс. человек и пошли на Миргород и дальше. Это происходило в непосредственной близости от российской границы, на территории современной Полтавской области. Через два месяца на Российское государство по Муравскому пути напали 40 тыс. татар, вторгшихся в пределы Путивльского, Рыльского, Севского уездов. В декабре 1645 г. состоялся ещё один большой поход татар. К реке Самаре подошло 50 тыс. татар, но из-за морозов некоторые орды ушли. С весны все степи наполнены были кочевавшими татарами (в Крыму продолжался голод). Они совершали нападения на русское порубежье всё лето и в плен захватили не менее 10 тыс. человек. За рекой Тором большие отряды татар делились на мелкие, чтобы потом, перейдя Тор и Донец, неуловимыми отрядами рассыпаться в разных направлениях. В Книге Большому Чертежу отмечали: «*...на Малом перевозе ниже Оскола верст з 20 лазят татаровя*», т.е. приход татар в эти места был далеко не эпизодичен. После перечисленных событий многих воевод пограничных городов наказали за промедление в организации обороны.

Несмотря на опасности, промысловая деятельность населения из порубежных городов не прекращалась. В 20-х годах XVII столетия на Торские озера приезжают солевары «*ежелет*», т.е. ежегодно. Это же место было очень привлекательным для татар. Тут находился татарский перелаз.

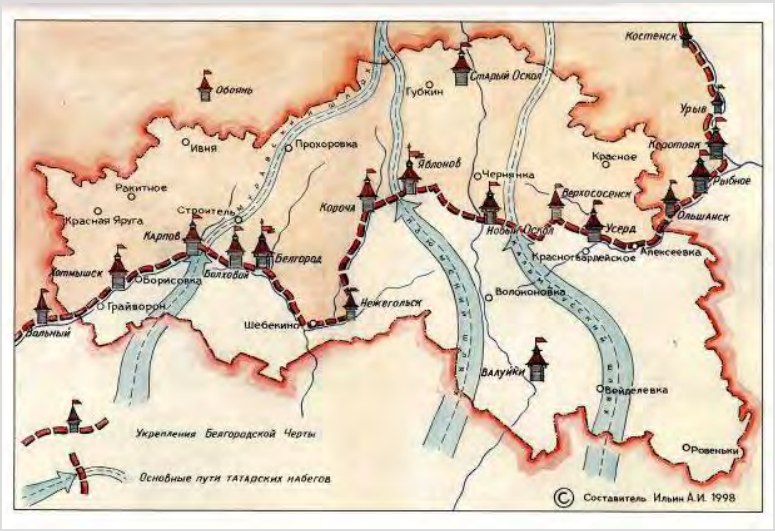
В 30-е гг. XVII в. осуществлялось строительство сплошного защитного сооружения – Белгородской черты. В 1646 г. регулярные полки были приведены на линию: в Белгород, Яблонов. Усиливались гарнизоны в приграничных городах. Во время строительства Белгородской черты татары пользовались для своих набегов в основном Ногайской и Кальмиусской сакмами. В 1644 г. тяжёлое татарское нападение произошло на Муравской дороге: тогда увели в полон около 10 тыс. человек. Но уже в 1646 г. они получили встречный удар. С конца 40-х гг. XVII в. татары ни разу не углублялись в Российские территории. Строительство Белгородской черты привело к созданию нового военно-административ-

Процесс сооружения засеки (художник Ю.Е. Каштанов).

ного округа – Белгородского разряда, в состав которого вошло 68 городов. Гарнизоны крепостей Белгородской черты и формировавшиеся здесь полки «нового строя» составили Белгородский полк, численностью до 23 тыс. человек. К 1653 г. Белгородская черта протяжённостью 798 км была в основном готова, в 1658 г. строительство было окончено. Под защитой Белгородской черты стала активнее проходить колонизация.

Белгородская черта была следующей после Заокской черты полосой укреплений от татарских нападений и располагалась гораздо южнее. Она прикрывала не только самый центр страны, но и южные уезды.

Оборонительная черта представляет собой комплекс острогов, сторожевых постов, засек и лесных завалов, а также водных преград. Все это применялось ещё со времён Древней Руси в борьбе со степными народами. Разница – в масштабе и в непрерывности на всём протяжении южных и восточных границ. Вокруг крепостей, а затем и просто в лесистой части границы, устраивали засеки. Засека – это сложная подрубка деревьев на высоте человеческого роста с наклонной укладкой верхних частей стволов с ветками, без срезания сучьев. Поскольку в лесостепных районах не было таких лесных массивов, как в бассейне р. Оки, где была создана первая засечная черта, при строительстве Белгородской черты засеки не стали основным видом оборонительных сооружений, чаще строились земляной вал, линии рогаток и надолбов, остроги. Рвы и валы применялись до XVIII в. Высота валов обычно составляла 3,2-3,7 м. Валы укрепляли от размывания дубовыми ослонами. Впереди вала обычно устраивали ров шириной до 2 сажень (около 4 м). Рвы без валов обычно не употреблялись. Надолбы – это конструкция из 2-3-х брёвен, вкопанных в землю и соединённых между собой крестом. Употребление тех или иных приёмов зависело от рельефа местности: всегда учитывались его особенности. Важнейшей частью оборонительных линий были новые и старые укреплённые города. Понятие «город» было в то время очень нечётким, в широком смысле это укреплённое место, где жили люди или несли службу караулы. Городом назывались и крепость, и посад. Чаще всего под городом имелось в виду укреплённое поселение, имеющее подчинённую ему округу с приписанным к нему населением. Наиболее распространёнными



Белгородская черта (по А.И. Ильину).

типами укреплений в городах были: земляные, острожные, рубленые. Бревна в остроге обычно вкапывались вглубь на одну сажень, высота над землёй – две сажени. Острожные стены имели большинство городов Белгородской черты (а потом Изюмской).

В комплекс Белгородской черты входили не только города-крепости разных типов, но и сторожевые пункты, вынесенные перед нею или её дополняющие. Таковыми являлись земляные городки, служившие долговременным оборонительным пунктом и обнесённые со всех сторон валом. Острожки укреплялись острожными стенами высотой в две сажени и имели небольшую площадь. Те и другие имели сменные гарнизоны, избы для отдыха караула, хранения продуктов и боевого снаряжения.

Крепости и линии сооружались, в основном, армией с привлечением местного населения. Охрана же крепостей требовала наличия разных категорий служилых. В самих крепостях содержались полки, оттуда выезжали сторожи и станицы. Эти отряды формировались из служилого сословия, к которому относились и городовые казаки. Кроме русских людей, для охраны городов нанимали и приходящих людей из соседних стран.

В литературе есть туманное упоминание об острожке, поставленном в это время около Торского перелаза в 1645 г. Приведём его полностью, заметим при этом, что это единственное известное упоминание о возможном строении в междуречье Тора и Северского Донца в годы строи-

Засечная черта. Южный рубеж (художник М.А. Пресняков).

тельства Белгородской черты: «*7155 Ноября 3 посланы были Чугуевские казаки, Пятидесятник Афонька Карнаухов с товарищами, 20 человек на сторожу на Торское городище в Острожском к Татарскому перелазу – и Казак де Афонька Карнаухов с товарищи, не дождавшися перемены тоя сторожи, покинули Острожек и съехали в Чугуев*» (Филарет (Гумилевский), 2005, т. 2, с. 328). По поводу территории будущего Маяцка тот же автор упоминает только о пребывании там чугуевской сторожи около 1644 г. Таким образом, в указанное время в район солёных озёр посылались сторожа из Чугуева. Вопрос о постройке острожка, как следует из приведённой цитаты, не столь ясен. О тяжелейшем положении на южном Пограничье в эти же годы уже говорилось, это ставит вопрос о постройке острожка на Торе для 20 сторожей под сомнение. В следующем году (1646 г.) служилый казак Протасьев был послан в этот район со специальной целью – сопроводить крымских послов до Торской переправы и поискать подходящее место для будущего города. «Острожек» на переправе не фигурирует ни в его донесениях, ни при последующих мероприятиях правительства. Постоянное население на Торе появилось позднее – в 1676 г., когда была построена Торская крепость.

Миграция черкас и их обустройство в Российском государстве

В середине и во второй половине XVII в. российские источники различают следующие категории людей, с которыми имели дело погра-

ничные воеводы: литвины и поляки, которые смешиваются в документах, но поляки были редкие гости, после литвинов чаще упоминаются черкасы – запорожские и малороссийские (из Киевского воеводства) в равном количестве, затем татары крымские и ногайские, потом славяне и греки, немцы. Всех их направляли сторожами в приграничные города. Выход черкас в первой половине XVII в. происходил в Путивль, Рыльск, Масальский, Мещовск, литвины шли в Севск и Великие Луки. Воевода приводил переселенца к крестному целованию, расспрашивал и под сопровождением отправлял в Москву. Там переселенец рассказывал о себе с большими подробностями, жил на поруках, получал «выходное жалованье» и еду, записывался на службу. «*Так устраивалась «бродячая вольница», дезертиров прощали и отправляли туда же*» (Оглоблин, 1885, кн. 4, с. 370). Сказки проверялись, если была такая возможность. Сказка в понимании русского делопроизводства XVII в. – рассказ человека, прибывшего в пределы страны с подробностями о его пребывании за границей.

Поток переселенцев с территории соседней Речи Посполитой многократно усилился во время гражданской войны середины XVII в., когда казачество поднялось на борьбу за права православного населения и свои сословные привилегии. Руководство восстанием взял на себя казацкий сотник Богдан Хмельницкий, выбранный на Запорожье в январе 1648 г. гетманом. В 1649 г. после ряда кровопролитных и удачных сражений с польскими шляхетскими войсками он добился автономии в составе Речи Посполитой всего Поднепровья, а именно Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств. Это были земли бывших Киевского, Переяславского, части Черниговского княжеств Древней Руси. Так образовался новый политический субъект южнорусского населения – Гетманщина. Резиденцией гетмана стал город Чигирин. Однако противоречия между казаками и поляками зашли так далеко, что вскоре война разгорелась с новой силой, продолжение войны было для поднепровских казаков менее удачным, чем начало.

Российское правительство ожидало переселенцев-мигрантов, по современной терминологии беженцев, отдавая воеводам приказы, как, например, этот: «*Известно нам стало, что поляки черкас побили, и черкасские лагеря распались, и черкасы все разошлись в разные стороны. И как к вам эта наша грамота придет, и как эти черкасы начнут приходить в наши украинные города на наше царское имя с женщинами и с детьми на вечное жительство человек по 20, и по 30, и по 50, и по 100, и по 200 и скажут, что они пришли в нашу страну с женщинами, и с детьми, и с братьями, и с племянниками на вечное жительство от преследования поляков, – то чтобы ты тех черкасов с женщинами и с детьми велел принимать*» (Хрестоматія з історії Української РСР, т. 1, с. 285).

Русские власти шли навстречу беженцам, стремясь заселить районы вокруг Белгородской черты. Желающие переселиться в Россию являлись в Белгород или другой *украинный* город, и воевода назначал им место для поселения. Учитывались и пожелания самих черкас. Одиноких людей расселяли в пограничных городах для службы в гарнизонах, а тех, что приходили семьями, селили слободами. Переселенцы под общим названием черкас оседали в бассейнах рек Псёла, Оскола, Донца и других. Некоторое время селиться на Черте не препятствовали даже беглым русским крестьянам.

Сильнейшим фактором, который вызвал волну черкасской миграции, было поражение казацкой армии под Берестечком в 1651 г. и её последствия. Возвращение шляхты и магнатов в свои поместья, репрессии поляков, прямая месть с их стороны вызвали отток населения в двух направлениях: на восток, в будущую Слобожанщину, и на юг, за пороги Днепра. Кроме эмиграции ради более спокойной жизни вдали от поляков, на окраины уходили оппозиционные Богдану Хмельницкому элементы. В дальнейшем ни жители, ни старшина Слобожанщины не высказывали намерений соединиться с Гетманщиной в одно целое (попытка гетмана И. Самойловича подчинить себе Слобожанщину успеха не имела).

После битвы под Берестечком гетман Богдан Хмельницкий вынужден был заключить с поляками новое соглашение – Белоцерковский договор. Теперь гетманцы имели лишь одно воеводство – Киевское, и польские паны возвращались в свои владения. И тут началось то, что можно назвать местью. Об ужасающем обращении поляков с населением сообщают все летописи и практически все историки, которые глубоко изучали эту тему.

Для гетмана это было тяжёлое время также и потому, что к поражению добавился ещё и голод, и люди в большом количестве шли на Запорожье. В самой Гетманщине население поднимало мятежи, и гетман должен был их усмирять. В поднепровских воеводствах вновь воцарилось крепостничество не только экономически тяжёлое, но и связанное с религиозной ненавистью поляков к православным. Для обновления военных сил Б. Хмельницкий некоторое время придерживался соглашения с поляками, но население Гетманщины не желало понять его политической целесообразности. Многие казаки, посполитые целыми семьями, даже сёлами, направились на восток, в край степей, ближе к Белгородской оборонительной линии, под защиту Российского государства. Очевидец так пишет об этих событиях: «*Казаки, не желающие оставаться с жолнерами и платить им несносные стации, вольно покидали свои города и направлялись к Полтаве, где селились в слободах, а другие основывали слободы на землях московских*» (Страна казаков, 2004, с. 90).

Именно там, в тылу защитной линии, где и в первой половине XVII в. решались бывать наездом только казаки и отчаянные белгородские уходники, начало селиться посполитое (крестьяне) и показаченное население

Поднепровья. Это была первая большая волна черкасской миграции в русские пределы.

Ожидая неминуемые битвы за свою страну, Б. Хмельницкий просил российского царя не принимать переселенцев. Для него это было равно дезертирству. Действительно, некоторым группам переселенцев по просьбе гетмана было отказано в поселении в районе Тора. Впоследствии, когда было заключено в 1654 г. Переяславское соглашение и гетманцы перешли в подданство российскому монарху, черкасы уже не были для Российского государства зарубежным населением – переселенцам активно помогали устроиться, делали их перепись, принимали на службу. Мигранты под руководством российских воевод строили укрепления вокруг своих городков, слобод, получали землю, льготы для занятий торговлей и промыслами. Так, почти одновременно с 1652 г. возникают города Сумы, Острогожск, Харьков, Ахтырка и казацкие слободы. Слободы являлись освобождением от повинностей, существовавших в Российском государстве. Селившиеся на слободу беглецы получали правовые и экономические привилегии (право формирования казацких полков и свободного выбора сословий) взамен на обязательство защиты южных рубежей России от нападений орд крымского хана.

Новопостроенные города привлекли к себе население из Левобережья и Правобережья Днепра и уже через небольшое время появились новые казацкие полки – иррегулярные вооружённые силы российского пограничья. В научной литературе черкасские полки Белгородского разряда часто именуют слободскими, хотя это понятие вошло в употребление несколько позже – в XVIII в.

Город Царёв-Борисов второго заселения стал самым южным городом будущей Слобожанщины, основанным в период Хмельнитчины (в конце 1653 г. – начале 1654 г.). Цареборисовцы претендовали на реки Тор, Бахмут, Жеребец, 7 озёр солёных. Эта колония возникла в результате переселения эмигрантов из Кременчуга, Кобеляк и включила в себя торских уходников. Человеческие потери от татарских нападений случались постоянно: в 1680 г. захвачено в плен 16 человек, через год 24, через месяц ещё 12, в 1682 г. городом потеряно 50 человек.

В 1655 г. прошла перепись новых поселенцев. Смысл переписей хорошо понимало пришлое население. Оно означало легализацию, т. е. признание поселенцами подданства Российскому государству, целование креста (присяга) и принятия на себя определённых обязательств. В 1656 г. в город был назначен воеводой Ф. Сурмин, потом – П. Маканин. Крепость построена в значительной мере силами российского гарнизона, и на её возведение потратили немалые деньги. П. Маканин докладывал 10 сентября 1654 г. о 50 семьях, которые поселились на городище. 19 мая 1656 г. приехал воевода Сурмин, с ним 500 российских служилых людей для строительства крепости, в дальнейшем русский гарнизон на-

Стычка казаков с татарами (художник Й. Брандт).

считывал сначала 50 человек, затем 30 человек. Его обязанностью была также охрана Торских промыслов, гарнизон менялся через 3 месяца. Черкасы поселились в 82 саженях от прежних стен, у реки Оскол. Описание черкасских фортификаций сделал атаман Светличный в 1658 г., а воевода П. Коптев описал отстроенные укрепления старого города. Ежегодно жители получали жалование на своё содержание, которое по сравнению с другими городами, было достаточно большим. По состоянию на 1666 г. в Царёв-Борисове жили донские казаки, русские люди и черкасы, получавшие деньги от государства за службу.

Царёв-Борисов существовал с начала своего возрождения как бревенчатая крепость, восстановленная на месте старого укрепления. Затем были восстановлены острожные стены в их старых границах, а после оборонительные сооружения города не только вернулись на своё место в центре, но и были упрощены от рубленого города к острогу. Наконец, и в этом городке сделали в 1683 г. ещё один «*малой городок*». Всё время рядом функционировал укреплённый городок черкас, который выполнял роль своеобразного посада. После прекращения денежных поступлений и приезда новых людей городок пришёл в упадок и начал превращаться в сельское поселение. В это время правительство особое внимание уделяло обороне соляных промыслов, строительству Торской линии, и не было смысла держать караулы цареборисовцев на Торе. Авангард сторожевой службы продвигался вниз по течению Северского Донца. В системе новой Изюмской черты город также не имел ключе-

вой роли. Эту роль он передал городу Изюму. Без правительственной поддержки Царёв-Борисов потерял и часть своего населения. С этого времени его численность стабилизировалась и начала расти только с первой половины XVIII в.

Правила строительства городов в России и первые города Донбасса

В XVI-XVIII вв. в России уже применялись тщательно обдуманные и твёрдо проводимые в жизнь приёмы строительства новых городов. Во второй половине XVI в. появляется более 50 новых городов, до середины XVII в. – 254 города. Строительство городов в России имело свои традиции, правила строительства были частично позаимствованы из «Византийского закона градского», который был включён в сборник «Мерило праведное». Полный Закон градский соединён в одном сборнике с Соборным уложением 1649 г. Русские, планируя строительство, соблюдали требования, идущие от византийских канонов сохранять «*прозоры*» на природу. Город увязывался с местностью и природным ландшафтом. Города XVII в. в научной литературе получили название «*ландшафтных городов свободной планировки*». Их отличали, в частности: соответствие строений естественному ландшафту, связь с естественными водоёмами, выделение зданий-доминант, видимых из всех точек города. В России были разработаны не только общие принципы постройки городов, но и сам процесс на разных стадиях был типичен (стандартен). Небольшой острог Маяцк, построенный «*за чертой*» (Белгородской) в 1663 г. отвечал многим из этих стандартов. То же можно сказать о других первых поселениях Донбасса – Торе (Славянске) и Райгородке.

Строительство городов начиналось с «*чина благословения*», «*служилый*» священник освящал место и пел молитвы. Освящение имело свой порядок: начиналось с главной площади (будущей), затем крепостных укреплений и т.д. Перед строительством обычно проводился обмер участка специальными верёвками, определялось, сколько человек данная земля может прокормить, тут же составлялась смета: определялось количество служилых людей в городе, указывалось, из каких угодий брать лес на строительство, размер жалованья плотникам. На выбранное место составлялся чертёж, вёлся опрос местных жителей, знающих край. Место оценивалось с позиций обороны и географических факторов. Разные части города закладывали одновременно. В первую очередь возводили стены, «зелейную казну» (помещение для хранения боеприпасов), выкапывали колодцы. Затем определяли места храмов, государственных построек, шла нарезка участков внутри города. В центре устраивали житницу. В каждом городе обязательно делались ворота, выходившие к воде – Водосвятские. Связи между городами продумывались детально и учитывались при закладке го-

Город, ставленый острогом (Умревинский острог, по Е. Ксёнз).

рода. В городах делали ворота, от которых прокладывали дороги в направлении соседних городов. На примере Маяцка можно определить, что одна дорога от проезжей башни вела к Торским озёрам и выходила на юго-запад, вторая дорога из другой башни выходила к реке, где был устроен мост и перевоз, также существовал Маяцкий брод. Дорога через мост по Ногайской стороне вела к Царёво-Борисову. Дворы для служилых людей в самом городе назывались «*осадными*». Кроме того, отмерялись земельные угодья и за городом под пашни, покосы, выгоны. После строительства и в последующие годы довольно часто составлялись чертежи городов, рисованные планы. Масштаб на таких планах был «*зашифрован*». С планами, чертежами отсылали в Москву *росписи*: о размещении служилых людей, географические сведения, описания. Делались также чертежи засек и других укреплений.

Заселение городов проводилось воеводами, которые руководили всеми работами. Жители возводили себе дома самостоятельно. Возможно, поэтому их мнение всегда учитывалось, когда возникали планы переноса города (как было в случае с Маяцким). В этом случае жители сами переносили свои дворы. Города в России XVI-XVII вв. по разным причинам переносились довольно часто. Например, в 1650 г. был перенесён г. Белгород. На всех стадиях строительства шла активная переписка с центром государства – Москвой.

Таким образом, технология строительства укреплений и городов в России в XVII в. была хорошо отработана и показала свою эффективность. В укреплениях 50-х гг. были и слабые места. На их устранение было нацелено строительство Изюмской, затем Торской черт. Таким слабым местом было междуречье Донца и Тора, сюда, несмотря на все опасности, приходило население за солью.

О надёжной защите соляных промыслов правительство задумалось в 40-е гг. XVII в. В 1646 г. казачьему голове Протасьеву было поручено найти место, где можно было бы поставить город для защиты соляных промыслов. Протасьев, осмотрев междуречье Тора и Северского Донца, определил, что наиболее подходящим для этих целей является район Маяцкого озера, близ которого имелись лес и питьевая вода. Но строительство было отложено. В 1660 г. из Белгорода «*сделать крепость*» отправили

Приказ в Москве (художник А.С. Янов).

С. Кошелева с черкасами. Он также нашёл удобным для строительства район Маяцкого озера. Но, пока шла переписка с канцелярией, черкасы разбежались. Очевидно, это были вчерашние крестьяне – посполитые, пришедшие в Россию для поселения.

Следующую экспедицию возглавил Филимонов и также решил строить город в том же районе. Воевода писал тогда: «*Указал ты, государь, для бережения от воинских людей и для соляной промышленности на Тору поставить стоялый острог со всякими крепостьми... чтоб служивым людям ездить было надежно, а служивых людей в том остроге устроить на вечное житье из городов, которые за чертою человек 100, а для острожного дела и для оберегания служивых людей послать из Белгорода рейтер и солдат и черкас человек 600*» (РГАДА. Ф. 210, Белгород. стол., столб. 769 Л. 344-345). Тут указана цель строительства городка, и видно, что в Москве держали под контролем все вопросы, связанные со строительством. Есть указания, что в строительстве городка участвовал с черкасами в будущем харьковский полковник (а тогда сотник) Григорий Донец, и что во время строительства татары нападали три раза.

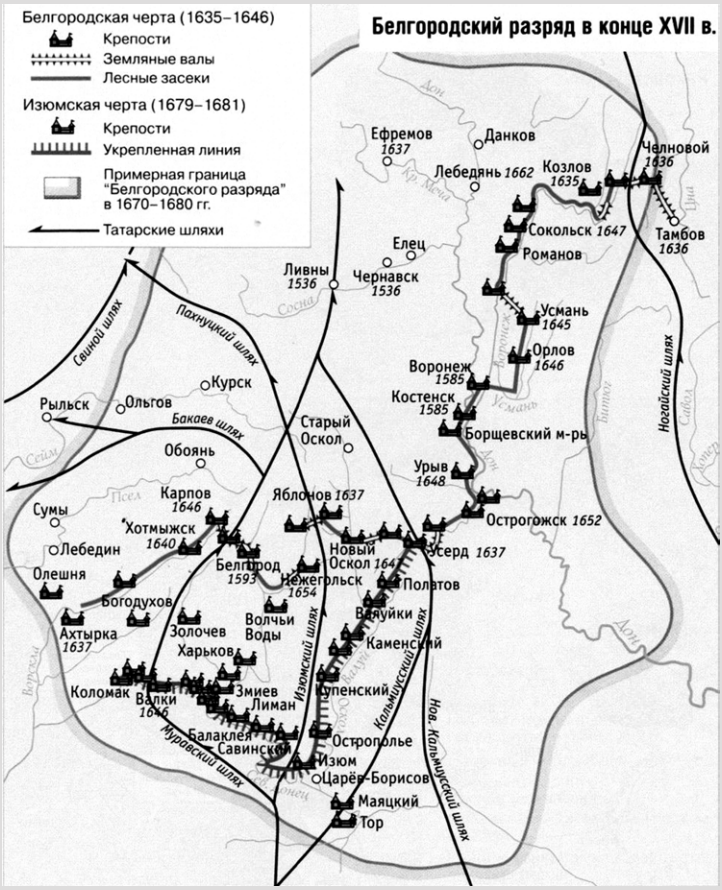
Летом 1663 г. Маяцкий городок был в основном построен. В это же время новому городу отдали часть земель Святогорского монастыря и перевели перевоз под его стены – туда, где раньше был Маяцкий брод. В 1665 г. город достраивался под руководством Титова. Воевода Г. Ромодановский писал в Москву, что в городе Маяцке возведены дома,

«*около посаду ров и надолбы, и для пашни, и для животинного прогону надолбы и всякие крепости построил*» (Пирко В.А., 1986, с. 182). Написание названия городка в источниках было разным: и Маяцк, и Мояк, и Маяцкий. Название он получил от находившегося неподалёку Маяцкого озера и урочища. Возникший позже город Тор также называли иногда иначе – Солёным. После строительства С. Титов составил описание городка: «*Острог ставлен дубовым лесом, мерою всего острогу 185 сажень, в стенах две башни с проезжими вороты, четыре башни глухих. По городовой стене построены обламы и каты. Около острогу ров в глубину полторы сажени, в ширину тож. А на вечном житье в том новом городе Маяцком велено быть сведенцам с Валуйки, с Чугуева по 50 человек, из Салтова – 25 человек, из Харькова – 12 человек. И те сведенцы строятся дворами и на караулах бывают в городе, у проезжих ворот по 12 человек, переменяясь по суткам, да по глухим башням по 5 человек*» (Пирко В.А., 1988, с. 16).

Из ворот вели дороги к Северскому Донцу и Торским озёрам, был «*тайник с выходом*». Тогда же, в 1665 г. через Донец был построен мост, на мосту брали таможенные пошлины, мост сразу же был дан на откуп. После окончания работ в Маяцком в 1666 г. была составлена «строельная книга», где указывалось, что «*Город Мояки... построен близ Торских озер на Мояцком городище...*» (Пирко, 1986, с. 182). Дорога на Тор, которую называли «*Маяцкий шлях*» была определённым образом укреплена надолбами и засекой.

В 1665 г. монахи Святогорского монастыря жаловались: «*Царева-Борисова и Маяка городов жители по обе стороны монастыря завладели: рыбу ловят и лес секут, и сено косят, и им, строителю с братиею, от того стала теснота большая*» (История Святогорской … пустыни, 1884, с. 40). Монахи разыскали воронежца В. Струкова и просили его расспросить знающих людей о монастырских угодьях, чертёж начертить и измерить владения. В. Струков сделал такой чертёж и подал его воеводе в Белгород. По просьбе монастыря земли были размежёваны, владения его были уменьшены, «*А от Климовы поляны и от малого затонца на низ по Донцу рекою и всякими угодьи велели владеть Маяцкого острогу жителям*», взамен – «*велели они, боярин и воеводы, Государева жалованья прибавить годвыя руги к прежней руге, к десяти рублям по пяти рублей*» из валуйских таможенных доходов (Там же, с. 41).

В 1666 г. указом царя угодья монастырю отмежевали и «*столбы*» поставили, «*грани насекли*». Таким образом, монастырь лишился некоторых своих владений (юртов), которые всё равно не контролировал, взамен монахам увеличили жалованье. Так возник на карте Донбасса первый русский город Маяцк, где русские люди, а затем и черкасы совместно несли воинскую службу, одновременно обживая один из лучших уголков Подонцовья.



Карта Белгородского разряда в 1656-1708 гг. (по: Ахметов Р.Б., Бабулин И.Б., 2015).

Новопостроенный город Маяцк сначала не был включён в Белгородский полк, поскольку он находился за Чертой (Белгородской). Но уже по росписи 1677-78 гг. Маяцк входит в общий перечень 61 города Белгородского разряда (военно-территориальный район формирования полка). Это свидетельство того, что Маяцкий входил в систему оборонительных укреплений Белгородской черты. Русская часть населения непосредственно подчинялась Белгороду. Городская администрация помещалась в приказной избе. Черкасское население в 1670 г. было определено в Балаклейский полк с сотенными местечками: Змиевом, Дворичной, Цареборисовым, Маяцком, которые ранее не были вписаны

в полки. В 1677 г. Балаклейский полк был слит с Харьковским. В 1675 г. от Харьковского отделился Изюмский полк. Дальнейшая судьба черкасского населения Маяцка, а позднее, Тора (1676 г.) и Райгородка (1684 г.) была тесно связана с Изюмским полком Белгородского разряда. Таким образом, русское и черкасское население подчинялось военно-административному командованию в Белгороде.

Вторая половина XVII в. «Бунташный» век на южной окраине

Служба в городах на Поле была одной из самых тяжёлых в государстве. Город Маяцк плохо обеспечивал защиту соляных промыслов – татары обходили его стороной, нападая на промысловиков в лесу, у озёр, в поле. В Белгород шли от маячан и торских промысловиков жалобы на «приходы татар». Уже в 1667 г. служилые люди Маяцкого городка просят разрешения продать свои дворы. Они писали: «*Сведены мы, холопи твои, с Чугуева, ис Салтова, ис Харькова, ис Валуйки… в Мояцкой, в украинной и дальной город на вечное житье с женами и детьми… А пахать нам, холопем твоим на Маяцком нельзя, крымские приходы безпристанно*» (Загоровский, 1980, с. 62).

Проверить жалобы был послан известный уже В. Струков. Он должен был измерить и описать места, через которые совершаются нападения извне, определить, какие нужны укрепления. Струков представил в воеводскую канцелярию описание и план таких укреплений. Он указал, что «*Маяцкий острог Торским озёрам и промыслам построен не в защиту*» и предлагал перенести острог к Торскому перелазу, т.е. броду, где речку переходили татары. План Струкова не был воплощён в жизнь. В дальнейшем по этому поводу велась активная переписка. Воевода П.И. Хованский предложил перенести Маяцкий острог в устье Тора. Перенос не состоялся из-за отказа жителей Маяцка, но крепость в устье Тора была возведена в 1684 г. Она получила название Райгородок. Сейчас это одноимённый поселок. Из Маяков туда переселилась одна семья. Жители Маяцкого городка, прося об оставлении города на прежнем месте, противопоставляли себя черкасам, которые селятся слободами и получают от правительства льготы, «*а в Маяцком сведены они на вечное житье, а не на слободу*» (Загоровский, 1980, с. 222).

В 1668 г. Маяцк выглядел внушительно. В Описании Маяцкого городка 1668 г. сказано: «*Город ставлен острогом в дубовом лесу по острогу обламы и катки. По мере около города городовые стены 235 сажень. По городу 2 башни проезжие, 4 башни глухих*» (История Донецкого края в документах…, 1995, с. 6). Здесь же описаны укрепления вокруг города, протянувшиеся на километры: рвы, засеки, линии надолб. Надолбы окружали город на большом расстоянии от него, дополняя рвы и засеки;

1 – костяная вставка из раскопок крепости Тор 2007 г. (из собраний Славянского краеведческого музея). 2 – фигурка святого Николая Ратного, найденная на Казачьей Пристани (из собрания Донецкого республиканского краеведческого музея).

в сумме линии надолб протянулись на 1535 сажень. Населения русского – 100 человек, черкас – 37 человек. Жили здесь дети боярские, стрельцы, пушкари. Все они имели различный социальный статус.

Как видно из челобитной 1667 г., русские не хотели здесь оставаться. Воспользовавшись случаем, они ушли из города: «*Чугуевские сведенцы с женами и детьми, покинув город Маяки, пришли в Чугуев*», где были отданы на поруки. Тем не менее, правительство не оставило регион без внимания. В 1668 г. белгородский воевода писал в Чугуев, что так как русские жильцы Маяков разбежались, то по указу государя посылается для нового заселения Маяцка новооскольский стрелецкий голова Ларион Могильцев. Отмечается, что в 1672 г. служилых в Маяцке было уже 94 человека. В 1674 г. население Маяцкого даже выросло по сравнению с прежним: русских тут 152, черкас 61 человек. В 1678 г. общее количество жителей превышало 350 человек. В данных за 1668 и 1697 гг. имеются сведения о пушкарях: 1668 г. три пищали обслуживали 6 пушкарей, в 1697 г. тут было 8 пушкарей и 5 их помощников (возможно, увеличилось количество пушек). По категориям наличие служилых русских расписано только в 1668 г.: детей боярских 27, стрельцов 45, казаков 22, пушкарей 6 человек. В дальнейшем речь идёт просто о русских служилых людях и черкасах. Восстановленный после разрушения в 1668 г., острог выглядел немного иначе – 7 башен вместо 6.

В описании за 1678 г. имеются дополнительные сведения об охране города: «*На сторожах бывают в двух проезжих воротах по 10 человек, переменяясь по суткам. У надолб из черкас по 10 человек, удаляются от города на 2 версты*» (Дополнения к актам историческим, 1875, т. 9, с. 289).

Пушкарь (реконструкция О.В. Федорова).

Запасы зелья Маяцк получал из Белгорода. К примеру, в 1679 г. из Белгорода прислали ручного зелья 30 пудов, свинцу 9 пудов. Зелье выдавалось «*всяких чинов людям русским и черкасам*». В этот раз выдали 3 пуда 13 гривенок, что было тут же израсходовано «*как приходили под Маяцкой воинские люди татарове*». На 1680 г. «*В казенном погребе Государева зелья ручного и пушечного в остатке на лицо 15 пуд 20 гривенок, а свинцу в остатке 9 пуд без 4 гривенок*» (Филарет (Гумилевский), 2005, т. 2, с. 338).

В том же 1679 г. «*прислан в Маяцкой Велик. Государя из Москвы вестовой колокол с Маяцким челобитчиком, с Федором Ясивым, а по описи на том колоколе 9 пудов 14 гривенок*» (Там же). В том же документе находим и ещё одну любопытную деталь: в Маяцком амбаре брали соль в Белгород «*разным людям на жалованье*» (1668 г.) В описании 1678 г. указано наличие «запасной соли» 511 пудов 12 гривенников, очевидно, предназначавшиеся для передачи в Белгород.

В это же время были описаны соляные промыслы. Описание государственных соляных варниц на Торских озёрах в 1665 г. оставил С. Титов. В его описании упоминается церковь Николая Чудотворца, фортификации вокруг промыслов: «*…да блиско той церкви почав ставлен острог. От степи поставлено тово острогу 22 саженя*» (История Донецкого края в документах, 1995, с. 6), упоминаются кроме того, надолбы между озерами. Озера по-прежнему посещало большое количество самого разного народа.

Как отметил В. Струков, Маяцк не смог защитить Торский промысел, проблема осталась. Маяцкий прикрывал не промыслы, а дорогу к ним и был защитой для его жителей, которые получили возможность зарабатывать торговлей дровами. Маяцк стал административным центром государственного солеварения на Торе, русской таможней и опорой для местных уходников.

XVII в. в России получил название «*бунташного*» из-за большого количества разнообразных народных движений, или бунтов, как их называли власть держащие. Донецкий край принял участие в некоторых из них. В связи с тем, что часть населения составляли черкасы, то Донецкий край оказался задействован в одном из «черкасских» бунтов. Он был обусловлен недавним выходом черкас в Россию и тем, что окрестности Тора по-прежнему привлекали как промысловиков, так и «*воровских*» людей.

После смерти Б. Хмельницкого в 1659 г. для всего населения Поднепровья настали тяжёлые времена. Война поляков с казаками переросла в гражданскую войну уже внутри самих гетманских земель. Старшина не смогла найти взаимопонимания ни с населением Гетманщины, ни между собой. Население по-прежнему желало избавиться от поляков, старшина же тянула его по разные стороны Днепра: в подчинение то России, то Польше, и даже Турции, как было выгодно тому или иному гетману. В результате вместо одного гетмана оказалось двое, которые имели отдельно старшинство на Правобережье и Левобережье Днепра. Они воевали между собой, привлекая татарские орды. Запорожье продолжало воевать с татарами, одновременно активно участвуя в борьбе старшинских группировок на Гетманщине. Россия и Речь Посполитая, находясь в состоянии войны, поддерживали ту часть казачества, которая желала им служить. Это время, длившееся до 1686 г., украинские историки называют точным термином «Руина».

Переход гетмана Левобережья И. Брюховецкого на сторону противников России в 1668 г. был одним из многочисленных эпизодов Руины. Когда в 1668 г. И. Брюховецкий стал «*предпринимать разные злые меры противу московского войска и всей России, чем сердца народные преклонил к смятению*», в это время на Торе так же вспыхнул бунт:

«*Маяцкого приказного человека Василия Рибинина и подьячего Иону Пасина изменники черкасы на Торских озерах убили, и пошли те черкасы с Торских озер обозом, с Цареборисовскими чаркасы, к изменнику Ивашке Серку*» (Филарет (Гумилевский), 2005, т. 2, с. 331).

Перед бунтом черкасы получили «*прелестные воровские листы*» от И. Брюховецкого. Русские маячане ушли в Чугуев, сам Маяцк был разорён и сожжён. Известный удачными походами на татар запорожский казак И. Серко находился где-то неподалёку, и с ним пошли «*воровские*» черкасы воевать слободские города. Однако город Харьков бунт не поддержал, а дал отпор. Пограбив слободские поселения, запорожские казаки вернулись в Чигирин. Следует заметить, что в описываемое время Маяцк не имел отношения к черкасским полкам, его население только формировалось. В следующем году город был восстановлен.

В 1670 г. часть жителей донецких городков поддержала ещё одно «*бунташное*» событие, но уже пришедшее с Дона – казацкую войну С. Разина. Один из сподвижников С. Разина, его названый брат атаман Леско Черкашенин (Л. Хромой) поднял бунт в Подонцовье. Он отправился вверх по Северскому Донцу судами и конницей. В военных действиях участвовали также татары. Известия об этом дошли даже до Германии. Там писали о Разине: «*Его войско состоит из самогитских, ногайских и калмыцких татар, а также из казаков, выведенных из-за Донца*» (Крестьянская война…, 1959, с. 63). Русские источники передавали, что конных у Леско было 1000 человек с татарами, на судах 3000 человек. Восставшие 1 октября

Казак (художник А.О. Орловский).

1670 г. взяли Маяцк, пушкаря валуйчанина Засекина сбросили в воду с башни, приказного Акима Аненкова убили.

После получения известий о взятии Маяцка, Царёво-Борисова, поход верных правительству войск к Тамбову был отменен. Вооружённые силы Белгородского полка соединились с казаками Гетманщины под командованием брата гетмана Многогрешного. Командовал русскими генерал Г. Косагов. 1 ноября они подошли к Маяцку, в час дня Леско Хромой с конным отрядом бежал. Его не догнали. Но большая часть воинов Хромого отходила пешком. Косагов сделал у реки Жеребец засаду. 3 ноября «*воров*» ещё не было. Тогда вверх по Донцу был послан небольшой отряд, произошёл бой, взяли 10 восставших. Остальные во главе с казаком Чертомлыком укрепили шанец на Репнинском юрту. Шанец атаковали с нескольких сторон, бой продолжался часов пять. В результате 100 человек было взято в плен, «*воровские*» суда посекли. 6 ноября полковники и брат гетмана пришли обратно в Маяцк. Началась расправа – начали вешать зачинщиков, донских казаков, вешали также у Красного Пришиба, в том числе повешен был «*сын Лескова хлопец Храмова*». Казнены жители Маяцка: Ивашко Духин, друг вора Леска Храмова, выборный атаман Емелька Субочев, который был выбран по велению Леска, есаулы Томилка Горлов, Богдашка Маслов; пойманного человека Акима Аненкова Андрюшку было велено четвертовать. Оставшихся маяцких жителей снова привели к присяге – 95 человек, их дети – 27 человек. Таким образом, в Маяках после событий, связанных с бунтами, осталось 117 человек. Всё это время «*татаровя являются беспрестанно*», в том числе и на Торских озёрах. В 1671 г. продолжался поиск «*воров*» и казни. Леско так и не был сыскан. Российское правительство вынесло похвалу гетману Д. Многогрешному за помощь в подавлении восстания.

Изюмская черта и Торские укрепления

В 1673 г. началась война России с Турцией. Белгородская черта подвергалась массированным нападениям. На одном из её участков татары

даже «*проломили*» земляной вал. Междуречье Северского Донца и Тора оставалось незащищённым местом. Летом 1676 г. воевода Г. Ромодановский отправил служилых русских людей и переселенцев с Правобережья на Тор под руководством Р. Маслова построить город Соляной или Тор. В начале 1677 г. строительство не было полностью завершено, но в городе поселилось 245 семей переселенцев из Поднепровья. Из описания города Солёного 1684 г. видно, что станичники ездили по дорогам на 20 вёрст по 6 человек. Пути вели на Маяцкий из Московской башни и из Посадской башни в сторону Изюма. В документах упоминаются оба названия этого города, но в официальных бумагах закрепилось название «Тор».

Весной 1678 г. Разрядный приказ отдал распоряжение о начале строительства новой укрепленной линии к югу от Белгородской. Строительство было начато в 1679 г., но немного затянулось во многом из-за вторжения турецкой армии на Гетманщину, затем снова было прервано из-за татарских набегов. Решено было для строительства использовать армию. Временное затишье на границе в 1680 г. позволило дополнительно привлечь для работ 20 тысяч военных. В XVII – XVIII вв. эту укрепленную линию называли «Новая черта», но, как заметил в своё время В.П.Загоровский, её так же называли и «Изюмской».

Особое место в системе обороны принадлежало городу Изюму. Поэтому в трудах историков за Новой чертой закрепилось наименование «Изюмская черта». В 1680 г. у Изюмского перелаза уже существовал городок с 70 казаками на левой стороне Донца. В 1680 г. активно строились в районе Изюмского перелаза укрепления Изюмской черты. В её сооружении принимали участие около 50 тыс. человек. Общее руководство оставалось за Белгородским воеводой, непосредственно на месте работами руководил чугуевский воевода Григорий Косагов. В строительстве Изюмской черты принимали участие войска Белгородского разряда, в том числе и черкасские полки, наиболее активно из последних – Изюмский полк. Весной следующего года, 6 марта 1681 г., Г. Косагов и Г. Донец приступили к строительству города на правом берегу Северского Донца, и завершили его осенью. Г. Косагов со своими людьми построил одну из 23 башен города. Харьковский полковник Г. Донец руководил казаками, он же призвал на поселение черкас своего полка. Город состоял из двух укреплений и связанных друг с другом частей: «*Большой, Меньшой да Замок*», вокруг 23 башни. В 1681 г. ждали прихода татар, но его не было, и армию использовали для достройки Изюмской черты. В 1681 г. в городе поселилось 218 черкас. В этом же году продолжался ремонт валов, рвов, засек. В 1685 г. был сформирован Изюмский полк.

По мнению известного исследователя оборонительных сооружений юга России В.П. Загоровского, первоначального плана по строительству линии у руководства не было, его подсказывала жизнь и логика нападений. Текущие события побуждали к строительству новых участков или

Полевая окраина Российского государства в Среднем Подонцовье (по А.Г. Чепухину).

к ускорению работ. В приказах из центра эта часть предоставляемой на места инициативы звучала так: «*смотря по тамошнему делу как будет пригоже и как Бог вразумит*» (Багалей. Материалы, 1886, т. 1, с. 12).

Григорий Косагов в донесении царю писал: «*… русскими ратными с конными и пешими людьми из Чугуева ходил на Изюм и пришёл в марте в четвёртый день и марта ж шестого числа на новой черте на Изюмском перелазе с крымской стороны р. Северского Донца в самом крепком и пристойном месте город делать почали*» (Дяченко,1970, с. 48). Далее генерал сообщал, что в строительстве принимал участие Харьковский полк казаков во главе с Г. Донцом. В том же году началось заселение г. Изюма, о чём сказано в приказе полковнику Г. Донцу и воеводе П. Хованскому.

Города Царёв-Борисов и Изюм вошли в состав Изюмской черты, в 1683 г. было сделано её описание. Города Тор и Маяцк остались вне её. Фортификации, которые были построены позднее для защиты этих городков, в современной литературе получили название Торской линии (1684 г.). Изюмская черта заметно повлияла на процесс заселения и освоения региона. Длина линии составила 530 км. Большая часть слободских поселений оказалась под защитой. Черкасские полки взяли на себя защиту границы на этом участке, они же, как было указано, совместно с русскими полками принимали участие в строительстве самой линии. Есть указания на то, что существовали планы продолжения возведения

Основание печи и домашняя утварь крепости Тор (раскопки Э.Е. Кравченко в 2006 г.).

Изюмской черты от Донца к Днепру. Тем самым предполагалось защитить левобережные полки Гетманщины. Этот проект составил Г. Косагов. Однако гетман И. Самойлович отказался от воплощения проекта. На этом участке всё же была сооружена линия, но значительно позже, в 1731-1736 гг., и она получила название Украинской линии.

После строительства Изюмской черты города Тор и Маяцк снова остались за пределами оборонительной линии. Их положение ухудшилось. Уже 8 марта 1682 г. татары появились под Маяцком, затем у реки Макатыхи. Они захватили в плен дровяной табор и воеводу Тора М. Мезенцева с охраной – всего 174 человека. Уязвимость соляных промыслов побудила правительство искать пути укрепления этого района. Воевода П.И. Хованский произвёл осмотр местности и наметил меры по защите – возведение системы укреплений по берегам реки Тор, в её устье планировалось перенести Маяцкий город. В 1684 г. вышел соответствующий указ. Но жители Маяцка отказались переселяться в новопостроенный городок, ссылаясь на то, что они живут в основном за счет доставки дров на промыслы. В 1684 г. построили город в устье реки Тор – Казачью пристань или Райгородок. Его заселили семь семей черкас.

Системное строительство оборонных сооружений в Среднем Подонцовье в своих работах описал донецкий исследователь В.А. Пирко. Он отмечал, что 22 марта 1684 г. белгородскому воеводе А. Шеину поступила Царская грамота от Ивана и Петра, где было приказано казакам Харь-

ковского и Ахтырского полков сделать фортификации через Черкасский лес и Голую Долину к верховьям Тора и далее вдоль правого берега Торца к реке Северский Донец. Вследствие этого началось строительство укреплений Торской черты. По берегу Тора был насыпан вал и укреплён надолбами, а у мест переправы татар устроены вал и ров по обоим берегам реки. В Черкасском буераке вырубили засеку, в Черкасском лесу также сделали засеку. Через Теплинский лес и реку Каменку линия шла снова к Северскому Донцу. Часть укреплений осталась незаконченной – указом 23 января 1685 г. достраивать линию было не велено. Торская линия значительно обезопасила район Торско-Донецкого междуречья и способствовала заселению и хозяйственному освоению края. 29 ноября 1684 г. Г. Донец получил благодарность за проделанную работу.

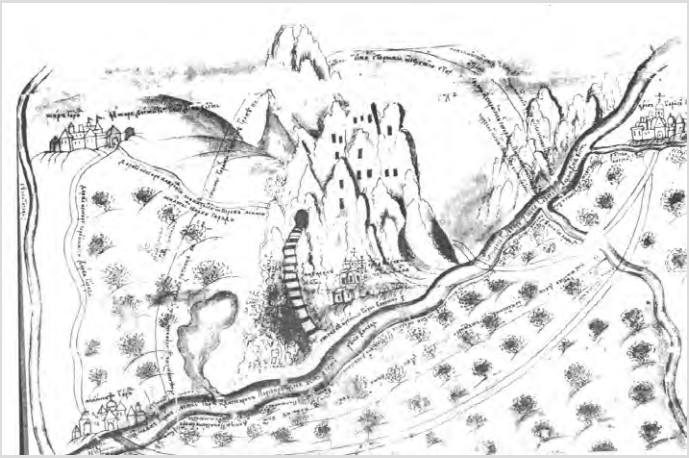
В последующие годы продолжались работы по восстановлению земляных и деревянных сооружений, исправление городских и полевых укреплений. Сил небольшого населения не хватало на возведение столь масштабных укреплений, поэтому работы выполнялись силами армии. Так армия помогала населению выжить и закрепиться, а население выполняло поставленную государством задачу по колонизации и освоению территории.

На данном отрезке истории эти задачи совпали.

Жизнь на границе

Близость к границе сказывалась постоянно. Видимо, много ресурсов было потрачено на возведение Торской линии, так как через 4 года было сообщение, что Маяцкий острог на время «забыли». Крепости острожного типа быстро разрушались, требовали починки, нарушались и земляные укрепления. В 1688 г. воевода писал царю: «*Мояцкий худ во многих местах и ров осыпался и прихода воинских людей в осадное время сидеть не в чем и не с чем*».

1679 г. известен тем, что в ноябре маячане целые две недели были в осаде «*остреливаясь ис пушек и ружей от зливших хищников*». Татары «*Мало успев противу смелых черкасов излили злость на Святогорье*», ограбили монастырь и взяли в плен архимандрита Иоиля и братию (где они пробыли около двух лет). Татары нападали на Маяки также в 1678 г., а в 1679 г. нападения произошли 4 раза. В феврале 1681 г. татары два раза были под Маяками. Во второй раз удалось получить важные сведения – Маяцкий приказной Щеголов писал Косагову: «*Я послал маяцких жителей 47 человек с воинскими людьми в поход, и Божию помощиею взяли трех человек и они сказали: нам в Азове ведомо, что весною Турскому и Крымскому хану с салтанами итти под государевы города, а с Азова за ними вскоре будут воинских людей 4 ватаги*» (Филарет (Гумилевский), 2005, т. 2, с. 340).



Святогорский монастырь и города Тор, Маяцк, Царёв-Брисов (рисунок 1679 г.).

1682 г. выдался особенно трагичным. В январе отряды татар два раза нападали на Маяки и многих взяли в плен. Курский воевода князь Хованский писал по этому поводу: «*писал ко мне Харьковский полковник Григорий Донец, что воровские люди татарове были под Маяцком дважды и многих людей поймали, а на реке Мангут построили себе курени и кочуют третью неделю*» (Там же). Воевода предписывал выслать на помощь войска из Белгорода. В этом же году татары снова под Маяками разгромили дровяной табор и взяли в плен жителей разных городов человек 30. В 1683 г. Белгородский воевода Шеин сообщил царю, что на Торских озёрах «*воинские люди из куреней многих людей в полон поймали и под Маяцким городом табор взяли, а было тех воинских татар тысяч с 3 и больше, и собирались идти воевать под государевы укрепленные города*». В 1689 г. в январе в Чугуев доносили: «*приходили татарове к Маякам и по лесам на дроворубах, также у села маяцких жителей и меж Цареборисова и Маяцкого на дороге проезжих людей били. И у маяцких жителей в лесах и у села проезжих людей на дороге многих в полон побрали. И с теми татары у маяцких жителей был бой под Маяцким, и на том бою взято 2 татарина, которые в распросе сказали, что приходили те татарове из Азова*» (Там же). Осенью того же года татары снова взяли полон. В это время, как говорилось в отписке белгородского воеводы царю (1688 г.), «*Маяцкий худ во многих местах*». В 1690 г. (челобитная о бедственном положении этого же года) из Маяцка доносили: «*января 20 татарове выше Маяцкого броду, в урочище на р.Нетриус, на городовых проезжих людей били и в полон побрали; а сколько*

Городовые стрельцы (реконструкция О.В. Фёдорова).

тех проезжих людей побрали, того не ведомо». Одновременно с этим Кубанская орда сожгла посад у г. Тора, разгромила табор – 400 человек торских и маяцких казаков, позабирала их в неволю. В 1691 г. татары взяли в полон святогорского наместника, чёрного попа (иеромонаха) Паисия. Маяцкий приказной посылал своих людей – русских и черкас – в погоню, но никого не догнали. В ещё одном эпизоде упоминается местный топоним тех лет, дошедший до нашего времени в виде названия соседнего с Маяками села. Изюмский полковник Григорий Донец в 1691 г. в отписке писал, что по донесению маяцкого сотника Ивана Сосницкого «*Декабря 16 припавши татаре безвестно, коней с 50, под Маяки на Сидорову луку взяли одного русского*» (Филарет (Гумилевский), 2005, т. 2, с. 341), казаки их не догнали. Ныне на этом месте находится село Сидорово Славянского района. Орды, нападавшие на Маяцк**,** не могли на своём пути обойти Торские озёра. В истории города Тора также много эпизодов ожесточённой борьбы с татарскими набегами.

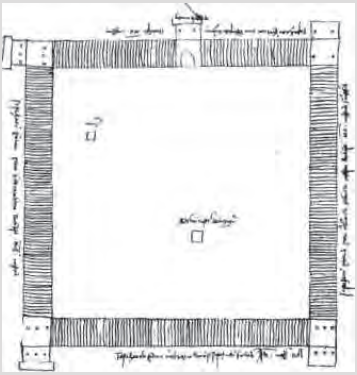
Не удивительно, что население донецких городков во второй половине XVII в. не имело устойчивых тенденций ни к росту, ни к уменьшению численности. Жители пограничных городков часто не досчитывались своих товарищей, на их место прибывали новые. В этот период население было в большинстве русское, поселённое здесь административным путём – «*сведением*». Его положение отличалось от казацкой колонизации слобод отсутствием льгот. Но к концу XVII в. русских в украинные города прибывает всё меньше. Одной из причин это явилось то, что

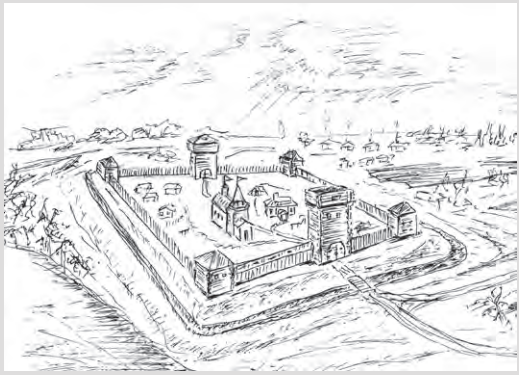
правительство перестаёт смотреть «сквозь пальцы» на появление беглых крестьян на черте. В 1656 г. закончилась пора установленных сроков сыска беглых на черте и крепостях, а к концу XVII в. переселение русских на Изюмскую черту жёстко преследуется. В Маяках, Торе и других городах оставался русский гарнизон, время от времени он пополнялся, но переселенческое движение шло больше с Поднепровья.

Задачей правительственного гарнизона Маяк была охрана людей, идущих на Торские озера. Здесь переправлялись через Северский Донец по мосту солевары и другие люди из южных русских городков – с «Московского» берега реки на «Крымский». Недаром в городе Торе проезжая башня, откуда шла дорога на Маяцкий, называлась Московской. Во многих крепостях на южной окраине России этого времени были Московские башни – ворота, которые выходили на дорогу, ведущую в направлении центра страны. Как видно из карты 1679 г., дорога шла из Тора через мост возле Маяцкого и далее в Царёв-Борисов. В Маяцкую крепость свозили соль для нужд Белгородского управления, здесь же собирали таможенную пошлину русские откупщики. На откупе мост Маяцкий был с 1665 по 1668 гг., затем 4 года был «*впусте*», а с 1672 г. снова «*збирали на вере*». Но на откущиков пошли жалобы: «*эти головы чинят обиды и грабеж и пошлину емлют не с указанных статей, а с них – торских и маяцких, и многие сюда теперь не ездят и продовольствие не возят*» (Филарет (Гумилевский), 2005, т. 2, с. 336).

Собирать проезжую пошлину поручили в 1678 г. чугуевским верным выборным головам и целовальникам. В 1679 г. собрали 297 рублей 28 алтын 4 деньги. С 1681 по 1687 гг. «*проезжей пошлины по челобитью черкас не збирано*». В последующие годы её снова собирали, но редко общая сумма превышала 100 рублей. Недоборы объясняли приходами татар. Люди выбирали более безопасный путь по Донцу и платили пошлину в Изюме. Чугуевским верным головам и целовальникам велено было собирать с воза при въезде 6 денег, при отъезде по 4 деньги, с тех, кто дрова возит – с одного воза по плахе. Полковая изюмская старшина, ссылаясь на злоупотребления чугуевцев, просила отдать проезжую пошлину им в полк. Просьба была удовлетворена, о чём Пётр I писал в своей грамоте в 1699 г. В сентябре каждого года таможенники должны были с отчётом ездить в Москву.

Правительство обычно шло навстречу своему населению на столь опасном участке границы. Жалобы на самоуправство или взяточничество воевод внимательно рассматривались и принимались меры. Так, 30 ноября 1677 г. торяне восстали против своего воеводы Р. Маслова, допускавшего злоупотребления властью. Для усмирения жителей Тора царское правительство направило Чугуевского воеводу с войсками, но приказало ему действовать осторожно, «уговаривать» торян, чтобы те успокоились и выдали зачинщиков, а «*задора никакова того новопо-*





1 – план Торского острога 1696 г. (по: «История родного края (часть первая)»; 2 – Торский острог по описанию 1684 г.

строенного города с черкасы не чинить». Торяне не выдали инициаторов выступления, но по их жалобам правительству пришлось отозвать из воеводства Р. Маслова.

Маячане и торяне занимались солеварением и привозом дров на Соляные озера. К примеру, в 1678 г. дрова на Торе продавались по 5 и 4 алтына. Пашни завести им не удавалось. Поэтому основное занятие местных жителей в XVII в. была промысловая деятельность. Кроме солеварения и поставки дров маячане и торяне занимались и другими промыслами. Промышляли рыбной ловлей, охотой, держали пасеки. Их угодья были разбросаны далеко по течению вверх и вниз по Северскому Донцу, и по обе его стороны. Чутко следили жители за продвижением неприятеля и извещали о нём власти. К примеру, харьковский полковник Г. Донец в 1691 г. писал, что 1 октября получено известие от пасечников, которые сидят на пасеках ниже Маяцка по Донцу, что с Крымской стороны перешло реку Донец татар человек 200. Другой отпиской полковник давал знать в Чугуев, что по известию от 19 октября приехавший в Маяцк из Боровского юрту «*Маячанин, который ездил в юрты за своим промыслом*», сказал, что «*он в Боровском юрту чул, что на днях с Крымской стороны на Ногайскую, ниже Лугана, перешла орда*» (Филарет (Гумилевский), 2005, т. 2, с. 341). Юрты были первой формой заселения Донецкого края. Появившиеся города становились административными центрами для промысловиков-уходников и способствовали дальнейшему перерастанию сезонных станов в постоянные поселения.

Обязанностью поселенцев было строительство собственных домов, участие в сооружении и защите оборонительных строений. Им помогали специально снаряжённые военные. В августе 1686 г. Соляной в очередной раз сгорел, на Тор отправили полк С. Коробьина, к нему присоединились

казаки Харьковского и Изюмского полков во главе с Ф. Шидловским. В 1690 г. жители Маяцка просили царей Ивана и Петра «*…велите государи против нашего холопей ваших челобитья о строении города и крепостей свой вел. гос. указ учинить чтоб нам холопем вашим с женишками и з детишками в осадное время было в чем сидеть…*» (Багалей. Материалы, 1890, т. 2, с. 155). Городские укрепления жители могли ремонтировать и сами, но часто для этого не хватало сил: «*…мы холопи ваши тот город погорелой построили нуждою церковным лесом собою…на Торских озерах в малолюдстве стало не мочно и вашего вел. гос. города держать не скем потому гос. что осталось в Соленом жителей русских и черкас 50 человек не больши…*» (Багалей. Материалы, 1890, т. 2, с. 156).

Снарядить на строительство или исправление укреплений власть могла и черкас, и русских. Например, в 1690 г. на Тор направили отряд М. Измайлова восстановить стену города, по дороге к нему присоединились казаки Ахтырского и Харьковского полков. Они восстановили стены и построили укрепления вокруг промыслов в конце лета 1694 г. То же сделали позже войска В. Ведеревского. В 1697 г. весной посад сожгла орда, пришедшая через Голую Долину, но гарнизон отбился. В июне 1697 г. под Тор пришло большое турецко-татарское войско во главе с Муртазой Кафинским, в составе войска была и артиллерия. Во время нашествия турки и татары разграбили округу, разорили солеварни, увели в плен 450 человек.

Перечисленные эпизоды из этой наполненной драматическими событиями эпохи на основе документальных источников отражают историческую ситуацию начала военно-земледельческого освоения Донецкого края. Характерно, что в документе 1690 г. жители Маяцка, «русские люди и черкасы» просят царей Московских и Всея Руси о помощи для того, чтобы «*от воинскихъ людей вечно не разоритца и розно не розбресца*». Это первое известное упоминание о нарождающемся чувстве единства поселенцев, основанном на совместном труде и защите общей Родины.

Глава 11. От «Поля» к Новороссии. Донбасс в XVIII в.

XVIII в. был решающим для судеб жителей степных и лесостепных регионов Юга России. Всё столетие происходило постоянное изменение южных границ новой Российской империи. Менялось в результате реформ Российское государство, менялись формы военной и гражданской жизни на границе. Правительство предпринимало меры для решения насущных задач, и сама логика развития степного региона привела к концу века к новой реальности, которую ранее трудно было себе представить. На новых землях появился Новороссийский край. К концу века татарские «*приходы*» ушли в историю, и многие крепости Южной России стали обычными городами или сельскими поселениями, но статус их жителей ещё долго напоминал о военном времени – многие из них числились однодворцами и военными поселянами.

Однодворцы

Хозяйственное освоение и заселение южных окраин Российского государства в XVI-XVIII вв. велось силами служилых людей. Условия жизни, несения государевой службы, территориальная обособленность, климатические особенности степного и лесостепного ландшафта – всё это сказывалось на характере служилых людей. В эту особую группу входили, прежде всего, служилые «по отечеству» и «по прибору». Первые занимали самую нижнюю ступень феодальной лестницы, т.е. считались феодалами, вторые – относились к податному сословию, но были освобождены от податей за службу. Обе группы в течение XVII в. сближались по экономическому и правовому положению, образовав группу однодворцев. Однодворцы имели различное социальное происхождение.

В XVII в. сложились два вида феодальной земельной собственности: собственность государства, как верховного собственника земельных владений, и частная собственность. Повсеместно происходило слияние поместной (поместье, данное за службу) и вотчинной (наследственной) собственности на землю. Развитие феодальной собственности сопровождалось сплочением класса феодалов, юридическим оформлением крепостничества, секуляризацией. Правящий класс постепенно ломал сословные перегородки внутри себя, и всё больше обособлялся от неимущих сословий. В XVII в. ещё существовало сословие, относящееся формально к правящему классу, но в основном неимущее – речь идёт о детях боярских. Их юридический статус никак не соответствовал их социально-экономическому положению. Судьба этого сословия окон-

чательно решилась в XVIII в. Как сословие, боярские дети появляются именно на порубежье, больше всего их было на южных границах России. Эти люди получали земельные участки – поместья за службу на границе и считались помещиками. Наравне с другими служилыми сословиями они приняли участие в колонизации степи. К примеру, 27 человек детей боярских было поселено в городе Маяцке в 1668 г.

Заселение южных окраин, в частности, Белгородской черты происходило несколькими путями: благодаря переводу служилых из других уездов, набору охочих людей, а также переводу в драгуны (конные солдаты) крепостных крестьян. Эти группы составляли так называемые приборные чины. Кроме них на черте поселяли детей боярских и их родственников (служилых того же чина). Во второй половине XVII в. при необходимости в эту категорию верстали и служилых по прибору и даже крестьян, что уже в конце XVII в. было строго запрещено. Дети боярские получали землю «по воеводскому отводу» (при строительстве городов), по дачам из Разряда, «по заимке» и т.д. Чтобы получить землю, нужно было находиться на военной службе и не иметь других земель. Эти земли боярским детям приписывали из числа «пустопорожних» на Поле.

В 1672 г. право пожалования земель Поля перестало быть монополией служилых людей окраин и распространилось на всех феодалов. Чаще всего они получали земельные участки в размере около 20 четвертей (мера площади – ½ десятины засеянной земли, примерно 0,5 гектара). Эти поместья иногда приумножались, и тогда был открыт путь в дворяне, но чаще поместья дробились. Когда владелец не мог поселить на своём участке земли крестьян, он обрабатывал его сам и назывался однодворцем. При этом за однодворцами числились пустые крестьянские дворы. Ряд актов начала XVIII в. уравнивает эту категорию населения с тягловыми: в 1712 г. с однодворцев велено было собирать подати (с наличных дворов), в 1722 г. они положены в подушный оклад, в 1724 г. однодворцев причислили к государственным крестьянам. Однако к однодворцам можно было причислить не только детей боярских. По условиям владения землёй с детьми боярскими сближались разные служивые люди по прибору: стрельцы, пушкари, казаки. Все эти категории мы встречаем в описании города Маяцка в 1668 г. Отдельные их представители могли попадать в дети боярские. Приборные жили в основном в городах и землю имели в подгородных полях. В зависимости от чина исчислялось количество земли приборного, причём нормы эти менялись с течением времени. Дети боярские в 40-х гг. XVII в. дачу в 20 четвертей воспринимали как очень маленькую, в 90-х гг. это уже обычный размер дач. В середине XVII в. наделы приборных чинов были в 2-5 раз меньше поместий детей боярских, к концу века количественная разница стала исчезать. Кроме того, происходило и смешение видов службы. Атаманы, сторожевые и полковые казаки, станичники лучше обеспечивались землёй, чем дру-

Рядовой рейтарского полка (художник М. Шишко).

гие приборные. Сторожевые поместные казаки получали значительные угодья: под усадьбу 600-1400 кв. сажень, на пашню 20-50 четвертей. Размеры земли у полковых казаков колебались от 40 до 20 четвертей в зависимости от чина (пятидесятники, десятники, рядовые). Стрельцам под усадьбы отводили 425 кв. сажень, под пашню – 10-8 четвертей (тоже по чину). Пушкари приравнивались обычно к рядовым стрельцам. Выделялись также сенокосные угодья. Большой лес, речные угодья были общими. Приборные чины также стали однодворцами. Самая характерная черта однодворческого землевладения состояла в отводе земли на группу товарищей в долевое владение.

На землях, переданных служилым в коллективное пользование, возникала община. В таких общинах землю делили не поровну, а по дачам (соответственно окладу). После обложения однодворцев налогами и другими видами повинностей, община принимала на себя раскладку налогов, ответственность за отбывание податей и повинностей, поддержание дисциплины. Круговая порука в южной общине возникла под влиянием государства, так как казна устанавливала лишь общий размер податей. Детей боярских (однодворцев), казаков, приборных сближали условия хозяйствования, правовые же различия нивелировались в течение XVIII в. Все эти люди в конце концов пополнили большой разряд государственных крестьян.

На осваиваемых в XVII в. степных территориях долгое время существовали рядом несколько систем землевладения: поместное право, служило-надельное право и захватно-заимочное обычное право. В XVIII в. все эти типы землевладения также постепенно трансформировались, приближаясь к крестьянскому.

В 30-е гг. XVIII в. однодворцы продолжали привлекаться для обороны границ и имели как сословие особый статус. Из однодворческого населения рекрутировалась ландмилиция, которая находилась на их же содержании. Первые попытки создания ландмилиции, т.е. поселенных полков, относятся к 1713 г. К 1731 г. на южных границах служило 20 полков, к 1736 г. они все стали конными. В ландмилицию привлекались члены семей бывших служилых людей Белгородского и Севского разрядов, сама идея была развитием принципов военных формирований предшествующей эпохи. Сословный статус служилых людей во многом был восстановлен. Поселенные полки несли службу на укреплённых линиях. Строительство новых укреплённых линий было также развитием предыдущих традиций на новом уровне. Так, вместо традиционных валов, рогаток и пр. строили валы и крепости бастионного типа.

Фрагмент Генеральной карты Российской империи (по: Атлас Российский …1745 г.).

Однодворцы, русское служилое сословие, являлись опорой Российского государства на всех этапах русской колонизации просторов Среднего Подонцовья, Приазовья и Северного Причерноморья. Они послужили основой для успешного обустройства на степных просторах черкасских мигрантов, иностранных переселенцев, способствовали дальнейшей помещичьей и старшинской колонизации. Во время военной опасности

исчезали из степи всевозможные сезонные стойбища промысловиков или сельские поселения, но городки с русскими гарнизонами, шанцы, крепости должны были стоять против врага, чтобы ни случилось. Они своё предназначение выполнили. Базой героической колонизации степи служили южные уезды Российского государства, которые в случае необходимости пополняли людьми поселенные полки и платили специальные налоги на их содержание. Таким образом, будущие новороссийские губернии были военно-политическим продолжением Юга России.

Черкасы

Кроме служилых русской армии на Полевой окраине в Среднем Подонцовье селились черкасы, принося с собой свою военную организацию. Правительство взяло миграционный процесс под свой контроль. Черкасы «старого» выезда (30-50 гг. XVII в.) наделялись землёй на том же праве, что и русские приборные чины. Дачи сотникам составляли 30 четвертей земли, полковым казакам – 20 и мещанам – 8. Распашные угодья отмерялись на весь коллектив. Многие черкасы, как и русские люди, занимали земли на Поле. Признавая заимочное право (например, указ 1682 г.), правительство констатировало факт существования этих казацких владений. Указы XVIII в. устраняли заимки на будущее.

На картах XIX в. размещено много сёл, обозначенных как хутора. Первоначально хутор – место для осеннего содержания скота или жилой починок, который не сразу разрастался в село, а долго оставался индивидуальным владением. Индивидуальное владение землёй, торговля, владение промысловыми угодьями были негласной привилегией черкас. Черкасские участки сосуществовали с общинными владениями русских однодворцев. После того, как правительство официально признало заимки, на их владельцев были введены повинности и налоги. Происходило сближение казацкого заимочного и служило-надельного землевладений. Заимочное право было отменено в 1735 г., но ранее занятые земли при этом признавались за их владельцами. При Екатерине II (1766 г.) также старые заимочные земли остались за их собственниками. Следует отметить, что правом заимки пользовалась и старшина, занимая большое количество земли. Укрепление самодержавия сопровождалось вымыванием из господствующего класса промежуточных слоёв.

Похожие процессы происходили и в среде казачества. Обеднение казаков вело к их окрестьяниванию (расказачиванию), старшина пополняла ряды дворянства. Но этот процесс некоторое время тормозился из-за потребности в казачьих войсках ввиду постоянной угрозы вторжений татар. В конце XVII в. казачество распадается на группы зажиточных и обедневших. Обедневшие и потерявшие землю казаки в начале XVIII в. ещё имели шанс вернуться обратно в казачество. Социально-экономи-

ческий статус казака предполагал, прежде всего, владение землёй, имелись и другие привилегии (свобода от налогов, повинностей, право заниматься промыслами, торговлей, в том числе торговлей спиртным, особая юрисдикция). Обязанностью считалась служба на собственном содержании. Полноправными казаками считались так называемые «выборные». Выборные имели значительные сенокосные и пашенные земли, промысловые угодья, 2-3 коня, волов, овец. С 1734 г. приём разорившихся казаков обратно в казачество был прекращён. Они становились подпомощниками. В 1735 г. их исключили из казацкого войска. Подпомощники были малоземельными или безземельными, но с собственной хатой и семьёй. Они поставляли в армию провиант, служили сторожами и пр., платили повинности (в 2 раза меньше, чем крестьяне) и обязаны были снабжать казаков амуницией. Подпомощникам необходимо было потратить на покупку коня, оружия, патронов, одежды 21 рубль 22 копейки (по ценам 1735 г.). Но не все казаки имели подпомощников, и только небольшая их часть могла явиться на смотр в полной экипировке. В 1783 г. подпомощники были приравнены к государственным крестьянам. Казацкие военные формирования также неоднократно подвергались преобразованиям.

Белгородская губерния 1727-1779 гг. (http://sh33.oskoluno.ru/blagodejanie/site/2/2_1_12.htm)

Возникнув как русские пограничные военные поселения, первые города Донбасса: Маяцкий, Тор, Райгородок, Бахмут с русским, привлечённым на границу населением, – как уже отмечалось, пополнялись мигрантами с соседних территорий Речи Посполитой и Гетманщины (Малороссии). В документах таких переселенцев называют черкасами, сами себя на территории России они именовали так же. В административную систему России они вошли как отдельное сословие со своими привилегиями. Эти привилегии были законодательно оформлены в жалованных

грамотах, которые выдавались черкасским полкам. Черкасское население севера Донецкого края административно подчинялось Изюмскому черкасскому полку, который, в свою очередь, относился к Белгородскому разряду (позже губернии). Полки делились на сотни. Черкасские полки Белгородского разряда представляли собой своеобразное соединение военной и административной власти. В административном отношении полки XVII – XVIII вв. не являлись территориальной административной единицей в современном понимании этого слова. Власть черкасского полковника распространялась на черкас, не редкой была ситуация, когда в городе черкасским гарнизоном ведал полковник, а русским – воевода, назначенный из Москвы.

В Маяцком и Торе со времени образования в 1685 г. Изюмского полка, кроме русских канцелярий, располагались черкасские сотни. Сотники Маяцка часто фигурируют в различных донесениях. Сотни не были постоянной, численно установленной единицей. Количество людей в сотнях колебалось. На Левобережье в сотнях могло быть и 1000 человек, в черкасских полках их число часто не доходило до 100. То же происходило и с количеством людей в полках. Самый южный Изюмский насчитывал в 1700 г. 250 человек. Очевидно, что Маяцкая и Торская сотни сильно не добирали до 100 человек. Полковые черкасы выполняли и административные функции. С 1699 г. сбор пошлин в Торе и Маяке был отдан в Изюмский полк. Собирали его сами казаки и должны были отчитываться в первых числах сентября в Москве: «*а збирать им за крестным целованием безо всякой в том зборе к приезжим людям прибавки и тягости...*» (Филарет (Гумилевский), 2005, т. II, с. 336).

Изюмский полковник Ф. Шидловский по возвращении из Шведского похода писал царю Петру I: «*Как я, холоп твой, о твоей Великого государя службы с Свейского походу в Изюм пришел: полку моего старшина и казаки мне, холопу твоему, известили, что они Чугуевскую в Маяках и Тору пошлину збирали с того 1700 г. сентября с 1-го числа прошлого 1701 г., сент. по 1-е число и збирали той пошлины 115 руб., 8 ал. 2 д.*» (Там же). Пошлину собирали с приезжающих промысловиков за право вывезти наваренную соль. Времена свободной, ничем не ограниченной промысловой деятельности уходили в прошлое.

По возвращении из похода Ф. Шидловский столкнулся с проблемой: возник спор донских казаков (сухаревских жителей) и торских черкас из-за соляных источников на реке Бахмут. Донские казаки завели солеварные курени на Бахмуте ещё в 80-х гг. XVII в. и бывали на них время от времени, когда позволяла обстановка в степи. Они привлекали народ беспошлинным промыслом. Из-за этого люди за солью стали всё чаще ходить по реке Бахмут, минуя солеварни на Торе. Сами торяне стали селиться на Бахмуте уже в 1701 г. Изюмский полк оказался в убытке. Шидловский жаловался царю: «*А то, Государь, Изюмского полку городу*

Жилище слобожанина (http://www.hllab.dp.ua/Store/texts/jitlo/dom06.jpg).

Маяк жителей владение по строенным книгам 173 (1665 г.) при боярине и воеводе князю Борисе Александровиче Репнине; написано в них по реке Донцу с Нагайской стороны по устье реки Черного Жеребца да по донской городок Сухарев, а с Крымской стороны по речку Бахмут, велено степями и лесами и всякими угодьи владеть новопостроенного городка Маяк жителям... и они, сухарские казаки, тою речкою Бахмутом и лесными угодьи завладели напрасно...» (Там же, с. 337).

По признанию самого Ф. Шидловского, поселение солеваров на реке Бахмут завели сухаревцы (донские казаки) в 1701 г. Донские казаки утверждали, что изюмцы разрушили построенную ими крепость. В 1702 г. положение поселения носит неопределённый характер. В 1703 г. зимой или немного раньше инициатива вполне уже принадлежит изюмским казакам и русским людям, летом 1703 г. построена новая Бахмутская крепость, куда были приписаны русские люди и черкасы. Однако донские казаки также продолжали варить соль на Бахмуте. В город был назначен воевода, одновременно в 1703 г. создан Бахмутский уезд. Черкасы же с 1703 г. имели своего сотника. 14 октября 1704 г. Бахмут получил от Петра I, по выражению луганского историка В.И. Подова, свою метрику – свидетельство о рождении, в котором началом заселения города Бахмут указан 1701 г.

После проведённого на месте расследования о том, кому принадлежали урочища по реке Бахмут и его окрестности, правительство приняло решение о том, чтобы русскими людьми ведала Торская приказная канцелярия, черкасами – Изюмская полковая канцелярия. Промыслы решено

было отписать в казну. Окружающие леса, где располагались засеки, были объявлены заповедными, т.е. не подлежали вырубке. Но местное и пришлое население активно их вырубало для своих потребностей. Потому в 1704 г. Пётр I предписал описать заповедные Маяцкие леса и хранить их в пользу казны «со всем вниманием». Так было положено начало восстановлению сильно поредевших лесов Среднего Подонцовья.

С 1748 по 1764 гг. по решению Сената 27 октября 1748 г. вместо указанных сотен Изюмского полка был сформирован Бахмутский конный казачий полк, состоявший из бахмутских, торских и маяцких казаков, на который возлагалась обязанность защищать пограничные земли. В 1765 г. казацкая служба слободских полков была отменена. Бахмутский казачий полк стал Луганским пикинёрным (в XIX в. – гусарским). Слободские полки были реорганизованы в Слободскую Украинскую губернию, проведено генеральное межевание земель. В документах этого времени Маяцк именуется войсковой слободой. Город Тор стал центром округи (Торского уезда) и сохранил значение города. Бахмут также стал значительным административным и хозяйственным центром.

В связи с земельной реформой 1769 г. в Слободско-Украинской губернии, властями было заявлено, что в губернии имеется много «*пустопорожних*» земель, т.е. занятых, но не обрабатываемых. Если возникали споры между соседями, предписывалось сделать размежевание из расчёта 15 десятин на каждого человека мужского пола, если нет – оставить каждому остаток земель. Земли военных поселенцев обмежёвывались только целиком, без индивидуальных наделов. Казацкая старшина осаживала на своих землях слободки зависимых от неё казаков. В 70-х гг. XVIII в. границы губерний и уездов вновь изменились. Торский (Славянский) уезд был включён в состав Азовской губернии (1775 г.). Эти преобразования определили дальнейшую судьбу черкасского населения Донбасса, некогда прибывшего в Россию для службы, укрытия и мирной жизни.

Донское казачество в истории Донбасса

Если Российское государство передвигало свои границы с севера на юг, и за этими границами шли русские люди и черкасы, то с юга продвигалась вверх по течению Северского Донца донская колонизация. С русско-черкасской она встретилась во второй половине XVII в. в районе города Бахмута по правой стороне реки, и несколько ранее в районе города Царёво-Борисова по левой. Донские казаки известны среди первых жителей Царёво-Борисова. Они же начали разрабатывать соляные источники на реке Бахмут во второй половине XVII в. Ими и была построена первая крепость на месте современного Артёмовска. Городок находился в среднем течении реки Бахмут, которая впадает в Северский Донец с «*польной*» стороны.

Царь Иван IV жалует казаков грамотой на владение рекою Дон (художник Н.Н. Гусаров).

Дальнейшей колонизации донскими казаками Крымской стороны Северского Донца и его левобережья помешало восстание Кондратия Булавина, после которого правительство сочло необходимым ограничить район распространения донской колонизации.

К концу XVII в. на Дону окончательно сложилось казачество как служилое сословие России. Рядом жалованных грамот, данных войску в разное время и закреплённых значительно позже жалованной грамотой Екатерины II (1793 г.), российское государство, как верховный владелец земли, передавало её всему войску Донскому в вечное владение. Войско отдавало землю станицам, от которых казаки получали её по паям. За пользование землёй предписывалась военная служба в полном обмундировании и с конём. Также казаки имели право на безоброчную ловлю рыбы в реках Донского бассейна и в Приазовье, не платить подати и налоги, оставалась привилегия (известна с 1615 г.) на свободную торговлю в украинных городах, право на получение царского жалованья за службу, ношение одежды старого покроя и бороды (при Петре I). Многие из казаков нанимали пришлых людей. Сословные права сплачивали, но имущественное неравенство проступало. Обогатившиеся казаки назывались домовитыми (за счёт военных походов, пастбищ, торговли, ловли рыбы). Таковых больше было внизу Дона. Со второй половины XVII в. казаки всё больше занимались земледелием. К концу XVII в. укрепилось понятие старшинства как отдельной социальной группы. Её представители занимали выборные должности в войске, атаманы всегда прислушивались к мнению бывших атаманов. Старшин отличало большое влияние, даже на казачьем круге всегда прислушивались к их мнению. Кроме старшинской верхушки выделялось среднее казачество, остальные составляли неимущую группу, так называемую «*голытьбу*».

Донское казачество всё больше становилось замкнутым сословием, всё труднее было стать его членом. Тем не менее, желающих получить укрытие на Дону по-прежнему было много. Домовитые казаки использовали беглецов для работы в своих хозяйствах, в свою очередь российское

государство активнее, чем прежде искало убежавших на Дон крестьян. Это обстоятельство, а также покушение помещиков на казацкие земли, настраивало даже богатых казаков против новых порядков. У голытьбы же существовало ещё больше причин для недовольства, так как старые порядки неуклонно сменялись новыми, влияние государства на внутреннюю жизнь казачества усиливалось. Разительные перемены в Российском государстве затронули интересы Дона.

После спора за урочища реки Бахмут между донскими и слободскими казаками в октябре 1704 г. Пётр I передал Бахмутские соляные промыслы в ведение казны, а город Бахмут в подчинение воеводы. В свою очередь, местные донские солевары во главе с их атаманом донским казаком Кондратием Булавиным зимой 1705 г. разрушили Бахмутские соляные промыслы. Поначалу Булавин был лоялен к власти, участвовал в походах против татар, в том числе в Азовском походе 1696 г. Избирался походным атаманом, а в 1705 г. стал атаманом Бахмутских солепромыслов. Изюмский полковник Ф. Шидловский попытался решить проблему с бунтующими, отправив своих казаков во главе с наказным полковником Шустовым на Бахмут. Убедившись, что население Бахмута поддерживает К. Булавина, Шустов вынужден был отступить от города. Для выяснения положения дел на Бахмут был направлен дьяк Адмиралтейского приказа Алексей Горчаков. Однако казаки не дали ему возможности осмотреть промыслы и составить их описание.

В это же время правительство распорядилось разрушить все донские «городки», построенные без разрешения, и не принимать беглых крестьян. Казаки не спешили с выполнением этого распоряжения. Тогда на Дон и Донец были направлены войска для розыска и возвращения беглецов. Этим воспользовался К. Булавин. Он разослал по станицам «*прелестные письма*», призывая казаков выступить против бояр и воевод, и собрал из своих сторонников небольшой отряд. Осенью 1707 г под Шульгинским городком булавинский отряд разгромил силы князя Ю. Долгорукого, направленного правительством на Дон для розыска и возврата на старые места беглецов. Это и стало началом массового выступления не только казацкой голытьбы, но и домовитых казаков, которое охватило Дон и прилегающие южные уезды России.

В конце октября 1707 г. на реке Айдар войска донского атамана Л. Максимова разгромили отряд Булавина, но поймать его самого не удалось. В разгроме отряда Булавина, кроме верных атаману низовых казаков, участвовали и правительственные войска, предоставленные в распоряжение Максимова азовским губернатором. За расправу над восставшими Л. Максимов получил похвалу правительства. Однако популярность Булавина позволила ему уйти от преследователей и скрыться. Некоторое время Булавин провёл на Запорожье, в марте он перебрался на реку Хопёр и с этого времени начинается новый период Булавинского

Донской казак. Рисунок XIX в.

восстания. Была сформулирована программа движения, рассылались «письма» в города и сёла в надежде привлечь население к восстанию.

Эти призывы не остались безрезультатными, и с марта 1708 г. развернулось широкое народное движение в Тамбовском, Козловском, Воронежском, Борисоглебском, Нижне- и Верхнеломовском, Усердском, Белгородском и Пензенском уездах.

Правительство направило на Дон войска. Сам Булавин хотел достичь низовьев Дона и занять Черкасский городок – столицу Дона. 7 апреля 1708 г. основные силы булавинцев заняли выгодную позицию на речке Лисковатке, что впадает в Дон ниже Паншина и выше Голубинского городков. 9 апреля здесь они одержали полную победу над войсками верного правительству атамана Л. Максимова. Остатки войск последнего бежали в Черкасск. После недолгой осады Булавин взял станицу, большинство казаков его поддержало. К этому времени восстали города по Северскому Донцу во главе с атаманом С. Драным. Запорожская голь (неимущая часть запорожцев) откликнулась на призыв донских казаков и приняла участие в действиях отрядов С. Беспалого и Н. Голого на Донце. Бой на реке Уразовой 8 июня 1708 г. против Сумского полка закончился его полным поражением.

Расположение на границе с Войском Донским правительственных войск и ставки карательной экспедиции в Валуйках во главе с Василием, братом убитого булавинцами Ю. Долгорукого, не позволили отряду

Общий вид археологических раскопок на территории Торской крепости и соляных озёр в черте города Славянска.

Голого распространить свои действия на Белгородский уезд и заручиться поддержкой крестьянства.

Разгром восставшими Сумского полка придал им уверенность и одновременно ослабил наступление правительственных войск на Донце. Этим воспользовались С. Драный и его сторонники, развернув активное продвижение на территорию Изюмского полка. В конце июня отряды Драного, Голого, Беспалого и брата Булавина (около 8000 восставших, среди которых насчитывалось до 1500 запорожцев) подошли к Тору и Маяцку. Обращаясь к рядовым казакам, Драный потребовал сдачи городков и выдачи полковника Ф. Шидловского. В случае невыполнения этих условий он угрожал «вырубить» все полки, как Сумской.

Под Маяцк и Тор были направлены регулярные войска, которые не позволили повстанцам овладеть городами и развить наступление на черкасские полки. После подхода подкреплений к правительственным войскам, восставшие сняли осаду Тора и отступили к урочищу Кривая Лука. Здесь в ночь с 1-го на 2 июля состоялся решающий бой между восставшими и правительственными войсками, который закончился поражением восставших. В бою, который продолжался около пяти часов, восставшие потеряли более 1500 человек. Многие при отступлении утонули в Донце, другие бежали под покровом ночи. В бою погиб С. Драный. После победы над восставшими в урочище Кривая Лука правительственные войска направились в Бахмут, где также разбили восставших. Разгром восставших под Тором и Бахмутом открывал правительственным войскам путь на Черкасск, усилив разброд среди повстанцев.

Казацкая старшина, чтобы удержать власть на Дону и не дать повода для ограничения её прав, а также пытаясь избежать репрессий за участие в восстании, решила нейтрализовать самого К. Булавина и его

ближайших сторонников. Когда армия В. Долгорукого 26 июля подошла к Черкасску, старшины согласились выдать ему сына Булавина Никифора, брата Ивана, сына Драного Михаила и 26 казаков, которых затем отправили в Москву. 27 июля войска Долгорукого заняли Черкасск.

Однако восстание не было окончательно подавлено. На Донце продолжал сопротивление правительственным войскам Голый. Несмотря на то, что Голому удалось собрать более 7000 казаков и одержать несколько побед, всё-таки, в решающем бою с войсками Долгорукого у Решетиловского городка в начале ноября 1708 г. восставшие потерпели поражение. М. Голому и М. Колычеву удалось бежать с небольшим отрядом. Но вскоре Колычев, а затем и Голый были схвачены правительственными войсками и отправлены в Преображенский приказ, где после пыток их казнили.

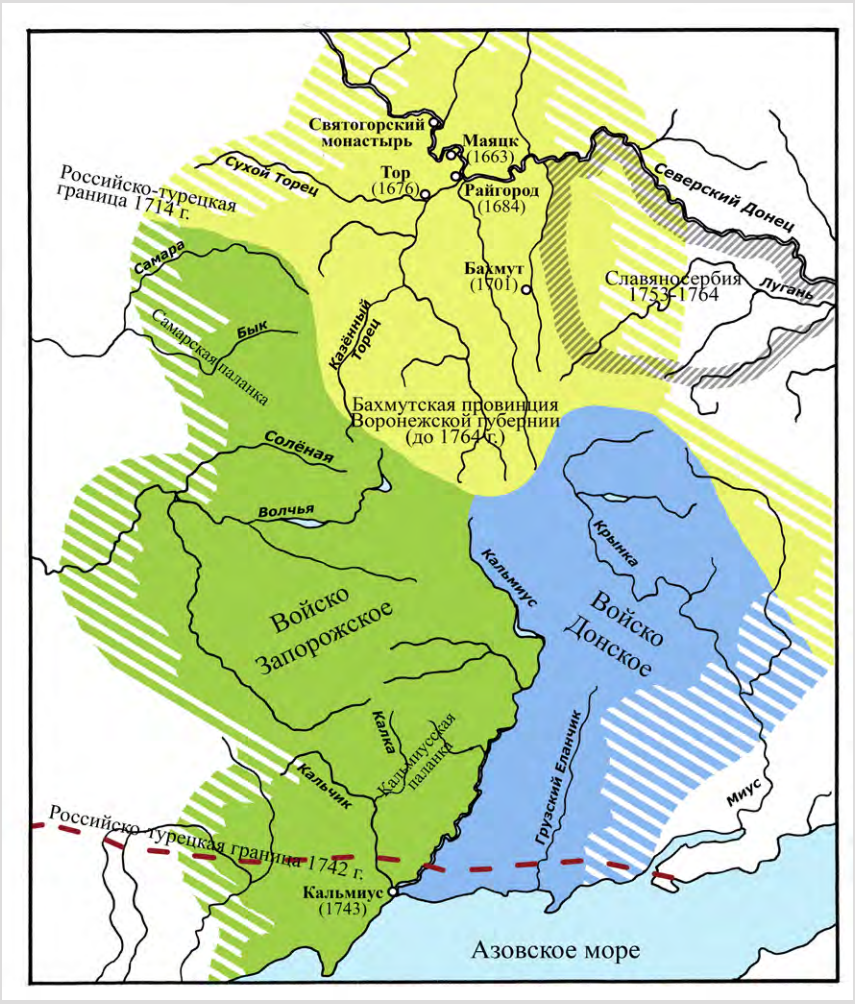
В результате восстания донская колонизация вверх по р. Северский Донец прекратилась, но станицы, существовавшие длительный срок в низовьях реки, а также на реке Лугани и других притоках Северского Донца продолжали развиваться. Также донские казаки продолжали вести промысловую деятельность в Приазовье.

Донецкий край в первой половине XVIII в.

Правобережье Северского Донца в начале XVIII в. оставалось всё ещё слишком опасной территорией для проживания, и это отразилось на его заселённости. В документах 1704 г. отмечалось: «*По осмотру на Крымской стороне р. Сев. Донца городов, кроме Изюма, и Маяцкого, и Тору, и Бахмута, никакого поселения нет*» (Булавинское восстание, 1935, с. 100).

Жители приграничных городов оказались тесно связаны друг с другом. Они были пионерами в освоении Донецкого края. Близость проживания, общая историческая судьба, административное и военное подчинение Белгороду и Изюму, совместное занятие солеварением сплачивало людей.

Обитатели Маяцка и Тора имели право вываривать соль «для себя» беспошлинно – привилегия за охрану промыслов, за опасность, которая им постоянно грозила. Город Бахмут быстро развивался. В 30-е гг. XVIII в. это уже одна из самых значительных крепостей на юге страны. Вырастал и город Тор. Для Тора роль соляных промыслов падала, он рос уже как торгово-посреднический город. Значение Маяцкой крепости с этого времени также начинает ослабевать, поскольку соль и в Россию, и в Гетманщину уже возили другими дорогами – через Бахмут и Тор. Стратегически его роль также падала. Бахмутчане сделали судьбоносное открытие для Донецкого края – они открыли залежи каменного угля. Первооткрывателями каменного угля в Донецком бассейне были бахмутские солевары Никита Вепрейский и Семён Чирков. В 1721 г. они открыли месторождение каменного угля в балке Скелеватой, в 25 верстах



Донецкий край в середине XVIII в.

от города Бахмута. Они же впервые в истории Донбасса начали добычу этого угля и его практическое использование в бахмутских казённых кузницах, обслуживавших солепромысел.

Кроме дел светских, власти волновали дела религиозные. В начале XVIII в. церковь боролась с расколом. Раскольники были выявлены среди русских жителей Маяков. В 1725 г. «*о них происходило дело*»: стало известно, что вокруг Маяков по лесам и лугам живёт до 50 раскольников,

принадлежащих к числу жителей Маяцких. Пока шла переписка церковных властей с Бахмутской канцелярией, раскольники скрылись.

Очередная война с Турцией в 1686-1700 гг. отразилась на судьбе степной территории будущего Донбасса. Под руководством Петра I были осуществлены Азовские походы 1695 и 1696 гг., второй из которых завершился взятием Азова. Азов, находясь в устье Дона, запирал выход к Азовскому морю. Это была мощная крепость с валами и рвами. Взятие Азова было первой крупной победой России над Османской империей. Для успешной осады потребовалось построить флот, что и было сделано в Воронеже. По Константинопольскому мирному договору 1700 г. часть побережья Азовского моря с Азовом перешла к России. Русские получали Азов с прилегающими землями и прекращали традицию посылать подарки крымскому хану. Бóльшая часть донецких степей также впервые в истории оказалась в составе России. Границы Крымского ханства были отодвинуты на юг.

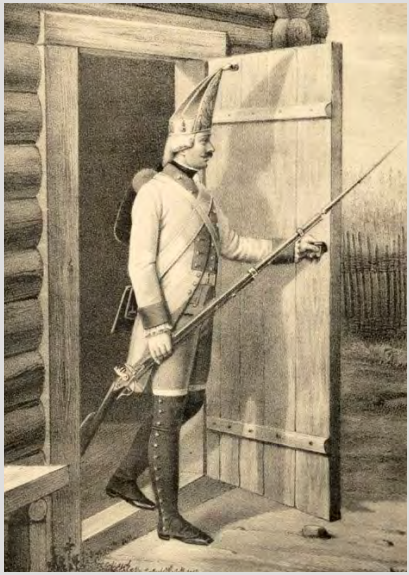
Герб Белгородского полка.

Однако, в 1711 г. Прутский поход Петра I окончился неудачей. Были пересмотрены предыдущие русско-турецкие договорённости 1700 г., и южные границы России вернулись с побережья Азовского моря в верховья Миуса, Лугани, Бахмута, Торца, междуречья Орели и Самары. Потеря Азова привела к административным изменениям. При первом делении России на губернии, 18 декабря 1708 г., была учреждена Первая Азовская губерния с центром в Азове. По росписи от 3 февраля 1709 г. города Тор, Изюм, Маяцкий, Царёво-Борисов значились в её составе. После сдачи Азова в 1712 г. административный центр переместился в Воронеж. Азовская губерния в делопроизводстве всё чаще именовалась Воронежской. Это название закрепилось. Белгородская губерния была создана позже, в 1727 г., и в её состав по-прежнему, как и в Белгородский разряд, входили черкасские полки. В 1712 г. Пётр I издал указ о введении в армии знамён для полков с территориальными эмблемами. Эмблема, выбранная для Белгородского полка, изображала бегущего льва, а над ним – орла. Выбор именно этой эмблемы был обусловлен славным прошлым Белгородского полка, особенно отличившегося в Полтавской

Бастионы Алексеевской крепости Украинской укреплённой линии. (Источник: http://kyltyra.com.ua/alekseevskaya-krepost-ukrainskoj-ukreplennoj-linii-istoriya-i-sovremennost.html)

битве и заслужившего «милостивое слово» государя. Орёл – символ России, он парит над убегающим львом – символом Швеции.

После переноса границы по условиям Прутского договора возникла необходимость усилить крепостные сооружения Тора и Бахмута. Именно они после разорения Азовской и Троицкой (Таганрогской) крепостей оказались рубежом с Крымом. Больше всего уделили внимания Бахмуту, разрушенному в ходе казацкого восстания в начале июля 1708 г. На месте сожжённой деревянной крепости в 1710 г. построили земляную крепость бастионного типа. Посад города и соляные промыслы с трёх сторон были обведены палисадом, а с четвертой – земляным валом. После разорения Азова и Таганрога оттуда в Бахмут перевезли часть пушек и перевели часть гарнизона. На начало 1727 г. гарнизон города насчитывал 503 человека, в том числе 14 штаб- и обер-офицеров, 474 унтер-офицера и рядовых, 15 неслужащих. После административной реформы 1719 г. на месте Бахмутского уезда (1703 г.) создаётся Бахмутская провинция Воронежской губернии. В её составе оказались следующие поселения: Райгородок, Сухарев, Ямполь, Краснянск, Боровск (два последние ныне Харьковской области), Старый и Новый Айдар (ныне Луганщина). Население провинции составляло 5103 мужских души.



Ландмилиционер (изображение из альбома А.В. Висковатова. XIX в.)

За период 1713-1735 гг. состоялось 35 нападений татар. Исторические обстоятельства не способствовали заселению Крымской стороны Северского Донца. Некоторые нападения повлекли особенно большие потери. В 1713 и 1717 гг. татары приходили под город Ливны: в марте 1713 г. было убито 2000 человек, 14340 – оказалось в плену, в 1717 г. в плен забрали 30 тыс. человек. Больше всего нападений испытали Миргородский, Полтавский (на Гетманщине), Ахтырский Харьковский, Изюмский (слободские) полки. Российский сановник граф А.И. Остерман в письме турецкому визирю (1736 г.) напоминал о многочисленных нападениях татар в «мирный период» после 1711 г., которые: *«... в молчание преданы быть не могут, и оные по годам, как происходили, Вашему сиятельству кратко в память привесть долженствуем...* » (Левашов, 1792, с. 103). Кроме ежегодных нападений на город Бахмут и слободские черкасские полки вице-канцлер вспоминал и о нападениях на Гетманщину, в частности, Полтавский и Миргородский полки в 1719, 1720, 1721, 1722, 1723, 1724, 1730 гг.

Во второй половине XVIII в. начался процесс разукрупнения Белгородской губернии. Население Белгородской губернии составляло 1 млн. 100 тыс. человек. В 1764 г. с назначением на пост Малороссийского генерал-губернатора генерал-аншефа графа П.А. Румянцева слободские полки были переданы в его подчинение с образованием из них Слободско-Украинской губернии с центром в городе Харькове. После победоносного завершения войны 1768-1774 гг. с Турцией южная граница Российской империи оказалось отодвинутой далеко на юг. В связи с этим отпала необходимость в содержании подчинённой белгородскому губернатору территории Украинской линии. В 1775 г. она отошла к Азовской губернии.

После разрушения войсками Петра I укреплений Запорожской Сечи за измену в 1709 г. запорожские казаки поселились на территории Крымского ханства в самых низовьях Днепра. Запорожцы, как подданные крымского хана, также участвовали в набегах татар на южные уезды

Герб Бахмутского батальона Воронежской губернии.

и слободские полки. Бахмутчане жаловались на нападения запорожцев даже во время строительства города. Степи южнее Бахмута до 1739 г. официально принадлежали туркам и татарам. Запорожские казаки не могли воспользоваться для хозяйственных нужд или заселения землями Великого Луга в Поднепровье, так как на это не было разрешения хана. Тем более, не было возможности для основания их зимовников в других частях Поля.

Одной из самых опасных дорог в пределах Российской империи, её южных уездов, слободские поселения и Гетманщину, оставалась Муравская дорога. Было принято решение перегородить её укреплённой линией – земляным валом и крепостями, под прикрытием которых разместить ландмилицкие полки. Украинская линия должна была протянуться от Днепра по правому берегу рек Орели, Берестовой до вершин Береки, её левым берегом подойти к Северскому Донцу. Работы начались в 1731 г. с сооружения сплошного земляного вала и крепостей по рекам Береке, Берестовой и Орели. Три года подряд на возведении земляного вала и 17 крепостей летом трудились до 30 тыс. казаков и крестьян с подводами. Украинскую линию в целом закончили к 1736 г. Она прикрыла земледельческие поселения Гетманщины и надёжно защитила их даже во время русско-турецкой войны. Украинская линия стала ещё одним русским военно-земледельческим поселением на границе со степью. Для заселения территории в районе линии и для службы на ней были привлечены ландмилиционеры. Это были поселённые войска, которые формировались из однодворческого населения всё тех же южных уездов России, в которых был введён специальный налог на содержание ландмилиции. Позднее эта линия стала условной границей между Гетманщиной и Запорожьем, под её прикрытием значительно ускорился процесс освоения необжитых территорий.

Фельдмаршал Б. Миних настаивал на продолжении линии и дальше, до Лугани. Он аргументировал это так: «*Оставить линию от Донца до Лугани недоделанною и только по счастливом окончании нынешней войны возобновить работы – это всё равно как если бы корабль во время бури оставить между камнями и в опасности, а после бури в гавань*

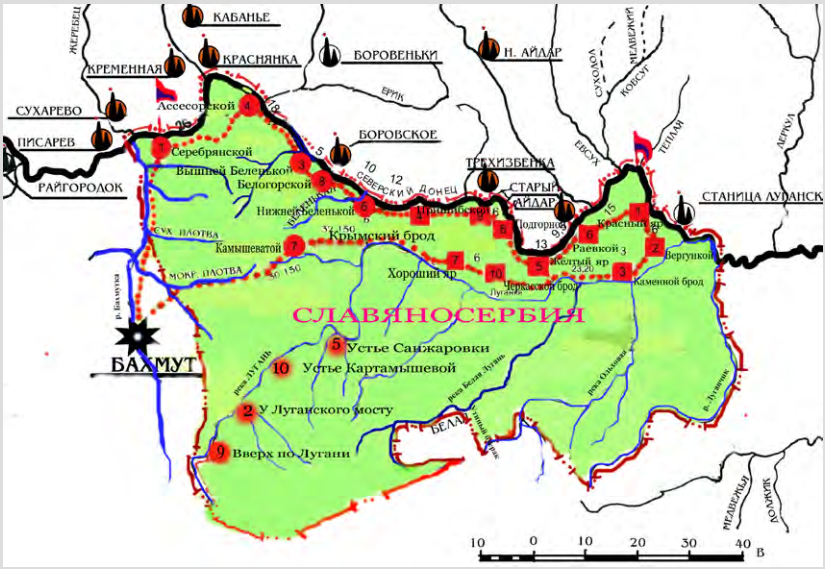
его вводить» (Соловьёв, 1875, т.19-20, с. 405.). Но дело закончилось укреплением Изюмской, Маяцкой, Торской, Райгородской и Бахмутской крепостей по отдельности, без строительства линии между ними.

Бахмутский уезд, единственный на юге, не имел защитных сооружений в виде сплошной линии. Вряд ли можно считать случайным факт отрицательной динамики его заселения в течение XVIII в. Вопрос о его защите стоял неоднократно, особенно в ходе русско-турецкой войны. Во время войны с Турцией (1735-1739 гг.) крепости продолжали укреплять. Бахмутская крепость превратилась в опорную базу 2-й русской армии, большое значение имели Торская и Изюмская крепости. На крепостных стенах в Бахмуте было установлено 56 пушек, а в Торе – 40.

Солеварня. Фрагмент герба Бахмутского батальона.

Русско-турецкая война 1735-1739 гг. негативно сказалась на заселении Бахмутской провинции. В 1736 г. провинция пострадала от татарского набега. Разрушены были целые деревни, а их жители попали в плен, урожай был сожжён, а скот угнан. Крымская орда, перейдя Северский Донец в районе Изюма, нанесла большой урон русским войскам. В феврале 1738 г. хан хотел прорвать Украинскую линию, но уклонился от этого и пошёл на Северский Донец до Изюма, где не было укреплённой линии, и разослал свои отряды во все стороны за ясаком. Но пленных отбили русские войска, находившиеся на зимних квартирах в крепостях Бахмуте, Изюме и других.

К военным опустошениям добавилась эпидемия чумы. Это привело к уменьшению численности населения: русских с 6841 человек мужского пола в 1719 гг. до 6118 лиц в 1736 г., черкас с 3385 человек в 1732 г. до 2586 в 1737 г. Всё население провинции на 1738 г. составило 8809 человек мужского пола. По ревизиям XVIII в. в это время прироста населения или нет вовсе, или он очень небольшой. В известной степени на численности населения негативно сказалась и эпидемия чумы, дважды посетившая этот край – в 1718-1719 и в 1738 гг. Из-за очень тяжёлых условий, связанных с чумой, войнами, опустошительными татарскими набегами, в 1737 г. население было избавлено от податей. Близость границы с Турцией и Крымом, ногайские кочевья поблизости, отсутствие естественных или искусственных препятствий на пути кочевников, эпидемии плохо влияли на заселение степных просторов. Но главным итогом непростого времени первой половины XVIII в. стало то, что уси-



Карта-схема Славяносербии по описанию господ Шевича и Депрерадовича на 1755 г. (по Н. Ломако).

лиями русского государства были созданы предпосылки для дальнейшего освоения края. Оседлое славянское земледельческое население сумело закрепиться в регионе и удержаться в Донецком крае.

Таким образом, в первой половине XVIII в. территория Среднего Подонцовья была пограничным укреплённым районом, который состоял из ряда крепостей: Бахмута, Тора, Маяцкого, Райгородка, Изюма, также определённую роль ещё играл Царёво-Борисов. Правобережье Северского Донца южнее окрестностей города Бахмута оставалось незаселённым.

Славяносербия

Относительная стабилизация военно-политической ситуации на южных границах в период 1739-1768 гг. привела к тому, что правительство Российской империи отказалось от проектов продолжения строительства сплошных укреплённых линий в степи. Планы, которые предусматривали создание линий для прикрытия Бахмутской провинции, так и не были реализованы. Зато проблема слабой заселённости и безопасности южных уездов оставалась. В условиях мира с Турцией российское правительство выбрало компромиссный вариант – заменить практику возведения сплошных линий устройством военных поселений с опорой на неболь-

шие земляные укрепления в виде шанцев. Желание части балканских славян переселиться в Россию ускорило соответствующие решения в правительственных кругах. Так в степном Донбассе возникло сербское административно-территориальное формирование Славяносербия.

Заселение Славяносербии началось в 1754 г. в соответствии с царским указом 1753 г. Иностранным колонистам были отведены земли в междуречье рек Северского Донца и Лугани. В состав формируемых полков принимали не только сербов, но и представителей других православных народов из Балканского полуострова. В дальнейшем состав двух Славяносербских полков пополнялся представителями местного населения.

Воспоминания одного из сербских офицеров о приезде в Россию и жизни в Донецком крае представляют особую ценность. Свою рукопись С. Пишчевич составил на основе собственных ежедневных записей. Симеон Пишчевич описал свой приезд 22 декабря 1753 г. на границу России, уже 24 декабря он был в Киеве, в январе 1754 г. – в Москве. Далее он пишет о своих встречах с российскими чиновниками, приёме у императрицы. В Москве сербские офицеры находились до тех пора, пока не решился вопрос о местах их поселения, после этого они поехали в Киев. В августе 1754 г. инженер и генерал-майор И. Бибиков «*поднял обоих господ генералов Шевича и Прерадовича с их командамы, снабдя их маршрутом и подводамы выпроводил из Киева к Бахмуту*» (Известие о похождении…, 1884, с. 179). Зимой 1754/1755 г. сербы жили в Бахмуте и в его слободах. Весной 1755 г. И. Бибиков с землемерами снимали планы, делили землю на части, обозначали урочища, реки. Затем эти планы отправили в Военную коллегию на апробацию. Так прошли лето и зима 1755/1756 гг. Весной 1756 г. сербы получили возможность начать реальное поселение на месте.

С. Пишчевич рассказал о своих бедствиях на новом месте и историю победы над ними. Из дневника С. Пишчевича:

«*Стоял я долго лагиром имел неболшую палатку, а потом сделал сарай оплетённый из хвороста… Майстеровых людей нигде достать было не можно, хотя селений по ту сторону Донца и есть, но к нам на работу никто ни за какие деньги итыть не хотел, …то потому тогда как мы в ту сторону пришли и нас увиделы что убегивалы от нас как дикие, о чем оны потом как с нами пообзнакомилысь сами нам сказовалы, как мы им страшными показалысь.*

И тако я, построивши тот для своего жилища неболшой сараец, укрепыл его кое как сколко к тому моего знания достигало и вселылся в оной, было в нем два покойка и неболшие сенцы с коморкою, и считал так что лучше на то время и не надобно, однак ета моя резиденция не долго меня веселыла, как там часто бывают ветри, то в одну ночь как пашол дождь с громом преужасным, от коего дождя…вода вовнутрь текла…

Гусар (изображение из альбома А.В. Висковатова. XIX в.)

Я с женою и с маленкимы детмы премоклы так, как бы в воде купалысь, а притом страх от преужасной той блискотни и силных громовых ударов, сидели мы в ожидании последняго конца своего, на последок зделалась буря горазда силнее с ветром превеликим, от чего зачал мой дом ламатца.

По утру кака та буря прошла и день ясной показался и стало солнешко греть, то вышли мы из палатки велели огонь болшой раскласть чтоб скорее могли просушитца, смотрю я на мою резиденцию, которая развалылась до основания, и лежит на земле кучею, и тем болше досадно было, что… всио там в каморке перебыто вдребески.

…и взялся я за новую свою архитектуру, зачал строить такой же сарай, на коем клал уже покрепше дерево…

Едущей из-за Донца аднодворец из слободы Новой Айдары… глядел на мою работу, а потом говорить зачал: господин, мне жаль на тебя смотреть… ваше строение не надёжно, не изволышли купыть у меня есть дом новой рубленой из хорошого лыпового дерева…» (Там же).

Таким образом, первый представитель местного населения, которого увидел Пишчевич на месте и который ему помог, был русский однодворец. Внешний вид у сербов был довольно экзотический, поэтому редкое местное население с левого берега Северского Донца не спешило знакомиться с вновь прибывшими.

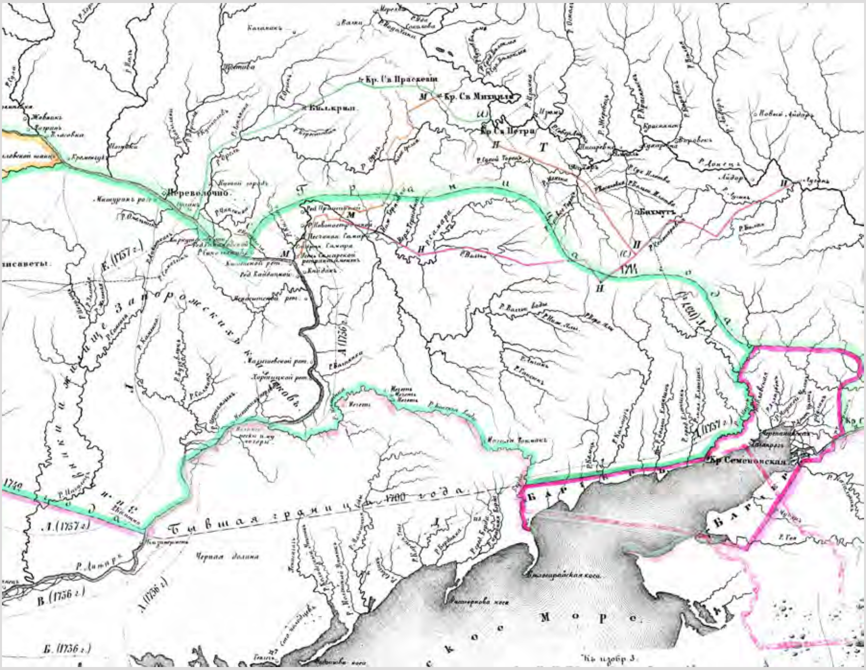
Настроения сербов на новом месте характеризуют слова С. Пишчевича, которые могут раскрыть ведущий мотив поведения сербского офицера: «*Усердие же адно само собою, когда не приносит ны дела ны ползы, есть подобно мертвому телу лежащем без души, для чего и должно, чтоб всяк старался свое усердие подкрепыть доказателством службы, яко оная есть первое человеку основание, чрез кого все следы будут к его благополучию, при чем не упускать восползоватца случаем приносящим честь и славу имены, а сии две вещи раждают ползу и пропитание, то есть по чину жалованные…*» (Там же, с. 203). Малочисленность православного народа с Балкан побудила правительство расширить колонизационную

базу, выдвинув принцип веротерпимости, предложить систему льгот и возможность возвращения обратно на старые места проживания.

Первоначально полк Р. Прерадовича располагался на правом берегу Донца, образовав 8 укреплённых поселений-рот. Восточнее, на границе с землёй Войска Донского, располагались 5 рот полка И. Шевича, а другие 4 находились на Лугани. Часть рот расположилась в существующих поселениях однодворцев и слобожан, часть рот положила начало новым поселениям. Особенно быстро заселялась восточная часть Славяносербии, которая до середины XVIII в. была почти незаселённой. Виднейший исследователь сербской колонизации Н.А. Попов отметил: «*Польза… несомненна: сербские поселения были тем семенем, из которого вырос пышный цветок – Новороссия*» (Попов, 1870). Милитаризация местных жителей и создание полевых укреплений вокруг поселений, где не было природных рубежей, представлялись единственным выходом для организации обороны в условиях степи. Современники отмечали активное участие в русско-турецких войнах гусар и пикинёров поселенческих полков – эти полки в 1768-1774 гг. входили в состав второй армии под командованием П.А. Румянцева, которая одерживала блестящие победы над турецкой армией. Действиями армии П.А. Румянцева и корпуса генерал-поручика М.В. Берга на начальном этапе войны удалось предотвратить вторжение в Новороссийские степи 120-тысячной армии турок.

Кроме полевых укреплений-шанцев, для защиты от кочевников была построена цепь редутов. С течением времени дислокация рот неоднократно менялась в зависимости от степени опасности и необходимости охраны населения. Однако важнейшее значение славяносербских шанцев состояло в том, что в местах рассредоточения военных укреплений возникали сельские поселения. В немалой степени это стимулировало приток населения, размещавшегося в основанных иностранными иммигрантами населённых пунктах. Таким образом в 1754-1756 гг. возникли сёла Серебрянка, Привольное, Верхнее, Нижнее, Крымское, Подгорное, Жёлтое, Раевка, Красный Яр, Вергунка, Каменное (Каменный Брод), Черкасское, Хорошее и Калиново (1754 г.), Троицкое, Белая гора (1755 г.). Все они являлись славяносербскими ротами. В 50-е гг. XVIII в. большой участок территории края активно заселялся в пределах естественного природного ландшафта, ограниченного реками Бахмут, Нижняя Беленькая, Сухая, Ближняя и Дальняя Плотва, Булавин Колодезь, Белая Лугань и Северский Донец.

Различными путями попадали в Россию и представители других народов: кого-то приглашали через специальных представителей правительства, другие спасались от турецкого господства в своих странах, кто-то обнаруживал в этих местах более благоприятные условия жизни, чем у себя на родине. Так, волохи были поселены в ряде сёл: в 1765 г.



Южные границы Российской империи (по: Ласковский Ф., 1866).

Славяносербском и Жёлтом, в 1766 г. в Хорошее и Черкасское, в 70-х гг. в Луганском, Троицком, Государевом Буераке.

Славяносербских колонистов наделяли землёй на тех же условиях, что и другие формирования ландмилиции. Хозяйственное освоение было условием получения земель. Большинство исследователей указывает на позитивную роль колонистов в развитии экономики края, в ускорении его заселения. Первые крупные частные хозяйства в будущей Новороссии были именно сербские. Сербы занимались животноводством и достигли успехов в этом деле, молдаване улучшили агрокультуру, занимаясь разведением кукурузы, болгары положительно повлияли на развитие сельского хозяйства. Рядовые сербы обрабатывали землю сами. Энергию и активность, присущие им, использовали не только на ратном поле, но и в деятельности по освоению земель и благоустройству новых поселений.

Славяносербская автономия просуществовала до 1764 г. В дальнейшем эти земли, как и другие в бывшем «Поле» с поселёнными полками, вошли в состав Новороссийской губернии.

Запорожские вольности на земле Донбасса. 1743-1775 гг.

В период 1711-1739 гг. запорожские казаки были в подданстве турецкого султана и крымского хана. Несмотря на принадлежность нижнего и среднего Поднепровья Турции и Крыму, казакам было запрещено селиться на территории старой Сечи и обживать окрестные земли. Их хозяйственная деятельность и даже свобода передвижения были сильно ограничены. Так, азовские татары взяли в плен несколько десятков запорожцев, которые ходили на реке Кальмиус «*по зверя*», и хотя Кош просил хана освободить их, хан отказался.

Запорожцы в обращениях к русским царям просили разрешения вернуться на свои старые места и принять российское подданство. В 1733 г. запорожцы получили от императрицы Анны Иоанновны грамоту, содержащую прощение их вины и разрешение вернуться. В 1734 г. недалеко от старой Сечи, при впадении реки Подпольной в Днепр, они создали новую Сечь. Вскоре началась русско-турецкая война, которая изменила расстановку сил в степи. После русско-турецкой войны 1736-1739 гг., согласно Белградскому договору 1739 г., российско-турецкая граница была перенесена на побережье Азовского моря, а Азов и Таганрог возвращены России. От Миусского лимана граница шла прямой линией до впадения в реку Берду её левого притока – речки Каратыш.

В 1742 г. на основании трактатов 1739, 1740 и 1741 гг. назначенные комиссары: русский генерал-лейтенант князь Ю.Н. Репнин и турецкий Хаджи-Ибрагим-Каниджи-Баша – торжественно окончили разграничение южной границы со стороны Крыма, определив обоюдную межу от устья реки Конских вод в реки Днепр до устья реки Миус в Азовское море (у Таганрога) и разменялись формальными актами.

Бóльшая часть бывшего «Поля» вошла в состав России на основании межгосударственных документов, и эта часть евразийских степей получила более чёткие границы, чем когда-либо. Поскольку территории Гетманщины, слободских поселений и Бахмутской провинции были более-менее ограничены административными рамками, в основе которых лежали укреплённые линии, города и принадлежащие им поселения с угодьями, степные пространства оказались в распоряжении полуоседлых наследников славянской колонизации – донского и запорожского казачеств. Войско Донское к концу XVII в. всё более напоминало поселенные полки юга России, постепенно меняя формы социальной жизни под действием реформ.

Новая Сечь, в отличие от старой, воссоздавалась не как военный лагерь, а как административный центр, границы которого ещё предстояло определить. Впервые запорожцами в низовьях Днепра была создана административная округа, центром которой была Сечь, а сама военная автономия получила название Войско Запорожское Низовое.

С окончанием русско-турецкой войны запорожцы произвели первую административную реформу – сформировали паланки.

Позже других они учредили Кальмиусскую паланку, первым её полковником был Василь Кишенский. Она была основана как раз во время спора с донскими казаками около 1743 г. В это время запорожцы старались обосноваться в Северном Приазовье. Опасность татарских набегов сохранялась, однако жизнь стала менее опасной, и промысловая деятельность активизировалась. Возникла конкуренция за наиболее богатые угодья. К таковым и относилось устье реки Кальмиус с его рыбными ловлями. Обе группы казачества стали слать жалобы друг на друга правительству, и в 1743 г. по этим жалобам началось разбирательство. Ни те, ни другие не могли представить никаких документов, доказывающих право владения местностью, рассказы свидетелей также были противоречивы. Иначе не могло быть, поскольку данные земли до побед русского оружия были татарскими, а степными богатствами пользовались все, кто имел храбрость, силы и желание. В результате, на основании указа от 30 апреля 1746 г. велено запорожцам владеть за Днепром реками: Самарью, Волчьими водами (ныне река Волчья), Бердою, Калчиком, Калмиусом и прочими впадающими в них речками и надлежащими к тем речкам косами и балками и всякими угодьями по прежнюю 1714 г. границу. Сенат принял решение установить границу между Войском Донским и Запорожским по реке Кальмиус. С того времени левая сторона Кальмиуса считалась донской, а правая – запорожской.

Ногайцы не знали о новых границах, проложенных на бумаге, поэтому у запорожцев возник спор не только с донцами, но и с ногайцами. Аргументы последних были убедительны: «*Вы-де на нашом степу живете и ми в своем степу поволни. И ежели вам какое утеснение ест, то ви-де прежде нас от сего из степу изийдете. А ми имеем по самой Озов за свою отчину*» (Архів Коша …, 1998, т I, с. 423). До полного урегулирования всех споров в степи было далеко.

После основания паланки в устье Кальмиуса на так называемых барьерных (нейтральных) землях было поставлено сторожевое укрепление – Кальмиус. В нём пребывала паланковая старшина с полковником и охраной. По расположению старшины в стратегически важном месте (в устье Кальмиуса) видно, что основной функцией её был контроль за рыбным промыслом.

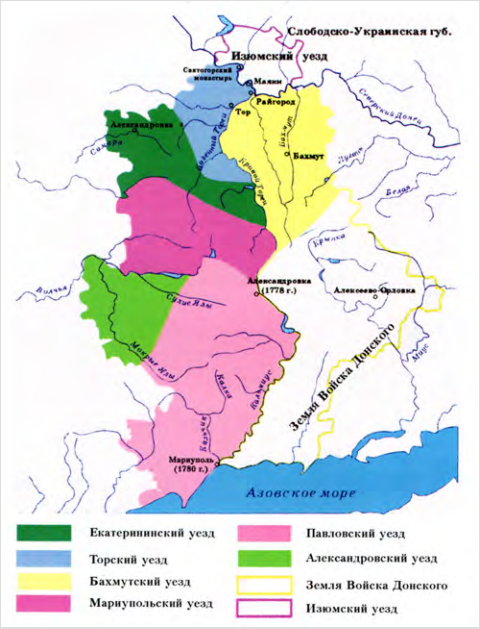
Одновременно с формированием административного устройства Запорожья, возникли территориальные споры казаков со всеми соседями (в Донбассе, в частности, с Бахмутской провинцией, со слободской старшиной, с донским казачеством и с татарами). Запорожская старшина была уверена в том, что ей принадлежит всё татаро-турецкое наследство в отвоёванной Россией степи, с чем соседи Запорожья, а впоследствии и российское правительство, не могли согласиться.

В Донецком крае после размежевания границ с татарами начали появляться казацкие зимовники. К началу очередной русско-турецкой войны их было всё ещё очень мало и в основном на одного хозяина. Кальмиусская паланка была самой малонаселённой – ни сёл, ни хуторов здесь не было совсем. Зимовник – это сезонное жилище казаков для временного пребывания по месту их хозяйственных интересов. В отличие от донецких юртов, представлявших собой территорию с урочищами, удобными для промыслов, запорожский зимовник первоначально представлял из себя скрытое от посторонних глаз сезонное жилище.

Жилища запорожцев в Сечи на Днепре в конце XVI - первой трети XVII вв., которые видели их современники, были наземными и представляли собой шалаши, сплетённые из веток или хвороста и покрытые камышом или «лошадиными кожами», или «хижины, сплетённые из камыша, покрытые корою деревьев». Впоследствии зимовники превращались в хутора, некоторые к 60-ым годам XVIII в. развились до уровня товарных хозяйств. Однако этот процесс был характерен только для Поднепровья. Донецкий край попал в орбиту хозяйственного освоения запорожцев только после размежевания границы с Турцией. В это время в западной части Донбасса начали основываться сезонные зимовники, лет через 20 они имели тенденцию превращаться в хутора на одного хозяина. Крупные зимовничьи хозяйства, способные выращивать скот на продажу, на территории Донбасса так и не появились. Наибольшее число зимовников возникало в бассейнах рек Самара и Кальмиус, а в первую очередь казаки стремились обустроить рыбные промыслы на берегу Азовского моря. Именно там и было создано первое постоянное поселение казаков – Кальмиусская паланка. Так же назывался административный округ, подчинённый Кошу.

Кальмиусское поселение имело очень небольшие размеры и было окружено земляным валом, укреплённым с внутренней стороны брёвнами. Перед валом со стороны степи был вырыт небольшой ров. Внутри находились помещения для людей и лошадей, а также походная церковь с иконостасом, написанном на холсте. Рядом с укреплением находилась сигнальная вышка. Укрепление предназначалось для временного пребывания небольшого отряда, призванного нести сторожевую службу. Прибыв на место, отведённое Кошем для устройства зимовника, казак обязан был сдать паспорт полковнику паланки, в обязанности которого входил контроль за перемещением людей на территории паланки и недопущение самозахватов угодий.

Ещё в 40-х гг. XVIII в. территория Кальмиусской паланки, как это видно из сообщений, не была полностью под властью Коша: в районе современной Ясиноватой упоминается под 1745 г. «*пункт харцызов и характерников для гайдамаков и гайдуков запорожских*». Эти харцызы – казаки, которые не признали власти Коша, подобно тому, как это было в



Наш край в составе Азовской губернии (1776-1780 гг.) (по: Нестерцова С.М., 2012).

Кальмиусе даже 10 лет спустя. В марте 1754 г. в Кальмиусской паланке произошло волнение, поводом послужило прибытие команды, направленной из Сечи для поиска гайдамаков и беспокойных элементов. Такие команды постоянно направлялись на подконтрольную России территорию. Эта команда была подчинена местному паланковому полковнику А. Иванову. Когда команда приступила к поискам и арестам гайдамаков, кальмиусские казаки бросились на старшину. Казаки силой освободили арестованных. 29 марта 1754 г. полковник А. Иванов рапортовал в Кош: «*нашедши в паланку к нам, кидаючись бить, оглашая криком и похвалками нас бить при смене и штрафовать не допущают и освобоняют самовольством*». Старшина обратилась в Кош за помощью: «*Через это мы, нижайшие, в крайней обиде и сумнительстве находимось, дабы через такую их предерзость и заподлинно того нам убивство не учинилось и впредь таковой самовольной упрямости расширять не могли*» (Голобуцький, 2004, с. 372).

О независимых казаках на Кальмиусе есть ещё одно сообщение: «*на древнем казацком пепелище в старинном запорожском займище, называемом Домахою,…сидели куренями и зимовниками зашедшие низовые люди; в весьма отдаленности пребывая и ни к какому ведомству и команде войска запорожского неподлежа, они занимались рыболовством, скотоводством и разными законными торгами с татарами, имели у себя походную церковь несколько каплиц, а теперь устроили уже и деревянную церковь во имя Св. Николая Чудотворца…*» (Феодосий, 1880, с. 95). Домаха, озерцо в районе реки Кальмиус, один из типичных гидронимов, каких немало на территории современной Украины. Один из самых известных находится в пределах города Запорожье. В Донбассе до появления Кальмиусской паланки и несколько десятилетий после, этот

гидроним не был известен. В краеведческой литературе часто ошибочно именуют Кальмиусскую крепость Домахой.

Из-за непосредственной близости Крымского ханства, Приазовье заселялось очень медленно. В 1762 г. во всей паланке находилось 674 казака. По данным исследователя греческой колонизации С.А. Калоерова (перепись населения Азовской губернии), постоянных населённых пунктов ещё в 1775 г. не было во всем Павлоградском уезде, а были зимовники, где жили «*бездомные работники в заброде*» по терминологии документов, то есть неоседлые запорожцы. Указанные типы поселений как проявления запорожской колонизации не принадлежали к прочной осёдлости, что и доказало татаро-турецкое нападение в 1769 г.

В 1769 г., когда шла русско-турецкая война (1768-1774 гг.), крымские татары, совершая свой последний набег на новороссийские земли, вторглись и на территорию Кальмиусской паланки, разрушили все зимовники и сторожевое укрепление Кальмиус. В неравной борьбе с неприятелем погиб весь отряд запорожских казаков во главе с полковником. В результате набега в Северном Приазовье были разрушены почти все зимовники и хутора, вплоть до города Бахмута.

После этих событий российское правительство, не ожидая окончания войны с Турцией, в 1770 г. приняло решение о перемещении части границы с Крымским ханством более чем на двести километров юго-западнее – на берега Берды и Конки, чтобы закрыть проход крымским татарам в Бахмутскую провинцию и в Приазовье. Было начато строительство новой пограничной линии, которая получила название Днепровской. Это должна была быть цепь защитных сооружений из семи крепостей и валов. Но сплошная линия не была построена, не все крепости достроены до конца. Две из них сыграли очень видную роль в последующих военных событиях и в экономике края. Это Александровская крепость, ныне город Запорожье, и Петровская, расположенная недалеко от современного города Бердянска, давшая ему начало. Обе крепости строились на непосредственной границе с Крымским ханством – первая на Днепре, вторая близко от Азовского побережья.

Между крепостями святого Дмитрия Ростовского на Дону (ныне город Ростов-на-Дону) и строящейся Петровской на Берде было налажено почтовое сообщение. По дороге из крепости Святого Дмитрия Ростовского в крепость Петровскую следовали обозы с продовольствием и строительными материалами, которые сплавлялись по Дону из центральных районов России. Запорожцы несли службу по охране этой дороги.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. территория Приазовской части Крымского ханства официально была включена в состав Российской империи. Массовые убийства, ограбления, поджоги степи и домов, угон в рабство перестали угрожать местному населению.

В 1775 г. с расформированием Запорожской Сечи перестала существовать и Кальмиусская паланка. По распоряжению правительства вместо появившихся в годы войны и после неё зимовников на отведённых местах административным путём создаются слободы. Так после 1776 г. начала формироваться в устье Кальмиуса слободка. По переписи на конец 1778 г. (рапорт от 19 января 1779 г.) в слободе Кальмиусской проживало 72 человека. По мартовской переписи 1779 г. (рапорт от 27 апреля) в ней проживало уже 93 человека, из них 77 «*временно пребывающих запорожцев*» и 16 поляков. Женщин среди них не было (Калоеров, 2008, т. I, с. 557). В 1774 г. вся территория Донбасса оказалась в составе не только одной страны, но и одной административной единицы – Азовской губернии. В административном отношении Азовская губерния делилась на провинции, юг губернии занимала Павловская провинция, в её состав входили Консководский, Александровский и Кальмиусский уезды. В 1776 г. название Кальмиусского уезда изменилось на Павловский. После основания Мариуполя он стал Мариупольским.

Греки Приазовья

Уже после создания первой Новороссийской губернии, после решающей для Приазовья победы в 1774 г. над Турцией произошло одно из знаковых событий для Донбасса – в донецких степях появились новые жители с необычной судьбой. Это были греки из Крымского полуострова. Тысячи лет прошли со времён великой греческой колонизации середины I тыс. до н.э. И вот в XVIII в. под покровительством российской императрицы наследники древнекрымской и древнегреческой культур появились в Северном Приазовье.

Образованные люди в России Древнюю Грецию почитали колыбелью культуры и искусств. С воодушевлением они относились и к современным им грекам – наследникам Древней Греции, живым носителям греческого языка и византийской традиции. В связи с наличием на новообретённых землях Новороссии малозаселённого пространства, в военных и правительственных кругах возник грандиозный по масштабам проект переселения крымских христиан в пределы России.

В 1778 г. российские военные чины обсуждали проект переселения с митрополитом Игнатием. В обсуждении и воплощении его в жизнь принимали участие командующий русскими войсками в Крыму генерал-поручик А.А. Прозоровский, резидент при крымском хане А.Д. Константинов, командующий южной русской армией генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев. В дальнейшем консультации с митрополитом были продолжены. Митрополиту идея показалась неожиданной и рискованной, он не знал, какой отклик она найдёт среди его подопечных. В первую очередь необходимо было обеспечить безопасный выезд с полуострова, что в те времена само по

себе было задачей не из простых. Игнатий ставил также условие не смешивать в местах поселений греков с другими народами, освободить от рекрутской повинности, оставить право иметь собственных начальников и прямое подчинение митрополита Святейшему Синоду.

Путь крымских христиан в Приазовье. 1778-1780 гг. (по: Об устройстве христиан-греков).

Сохранились воспоминания сына И.А. Гозадинова, племянника святителя Игнатия, о том, как призывали греков к переселению:

«Дядя налагает на него очень трудную миссию: он должен обойти – тайком, конечно, – города и те сёла Крымского полуострова, в которых жили – разбросанно между татарами – христиане. Таких было семь городов и 25 деревень. Он снабжает племянника воззванием от своего лица к своей духовной пастве, приглашая перейти в подданство России. В этом воззвании он самым наглядным образом объяснял, какое было их тогдашнее положение: постоянная опасность жизни, сомнительность состояния, невозможность открыто исповедовать свою веру. В параллель к этому он указывает на ожидающую их в России благодать: неприкосновенность собственности, полная безопасность жизни и доброго имени, совершеннейшая свобода в отправлении религиозных обрядов – процессий, крестных ходов, благовеста для призыва верующих в церковь.

Отец мой, конечно, не мог собирать людей в церквах, чтобы там познакомить их с воззванием их духовного пастыря: это было слишком рискованно. Он собирал их небольшими группами в каких-нибудь уединённых местах, читал им воззвание и от себя уже дополнял и разъяснял, смотря по степени понимания слушателей. Вероятно, красноречие его было убедительным, так как все вручали ему письменные соглашения на переход в подданство России» (Иеродиакон Тихон (Васильев).

Безопасность выхода обеспечил сменивший Прозоровского командующий русскими войсками в Крыму А.В. Суворов. Основные вопросы подготовки переселения на государственном уровне решались генерал-губерна-

тором Новороссийской и Азовской губерний Г.А. Потёмкиным. Митрополит Игнатий с духовенством провели кропотливую и опасную подвижническую работу по организации переселения греков, армян, молдаван и грузин в Азовскую губернию. Достаточно большое количество народа осталось на своих прежних местах обитания, что говорит о добровольности их выбора.

В начале осени 1778 г. на подводах, доставлявших в Крым провиант и оружие для российских войск, христиане Крыма выехали по направлению к новым местам обитания в Азовскую губернию. По ведомостям А.В. Суворова их должно было быть 31098 человек, реально же пересекло границу несколько меньшее количество. 28 июля 1778 г. из Бахчисарая отправилась первая группа христиан в составе 70 греков и 9 грузин, 7 августа из Крыма уехало 1122 человек, к 18 августа – 3896, 30 августа – ещё 17575. Всего через карантин в городе Александровске прошло 58 партий, последняя 29 октября 1778 г. Общее количество покинувших полуостров составило 30690 человек. Духовные лидеры выехали с последней партией. Среди покидавших Крым, кроме греков и армян, находились также 287 грузин и 161 волох. Бóльшая часть их состояла в рабстве у татар. За них А.В. Суворов выплатил вознаграждения их бывшим владельцам. Погасил А.В. Суворов и все долги между самими христианами.

Спустя многие годы после строительства, Украинская линия снова сослужила добрую службу правительству. В её бывших крепостях и в русских селениях разместились греки до окончательного решения вопроса о месте поселения. Также они поселились и на Днепровской линии – в городе Александровске и вокруг него. Осенью 1779 г. часть греков была направлена в Бахмутский и Торский уезды, а более 12 тыс. армян попросили разрешения поселиться около Ростова, и там они построили город Нахичевань (ныне входит в черту города Ростова).

Греки ещё не были поселены, а Екатерина II предоставила им права на вечное поселение. Этот документ назывался «Жалованная грамота Христианам Греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение (21 мая 1779 г.)». Жалованная грамота подарила грекам те права, о которых они просили. В дальнейшем правительство продлевало действие всех привилегий. Так, решением Сената 1799 г. в очередной раз мариупольским грекам были подтверждены их привилегии. Переселенцам предоставили значительную административную и церковную автономию (Греческий суд в городе Мариуполе, отдельная епархия), освобождение от рекрутской повинности, налоговые льготы на 10 лет. На мигрантов больше не возлагалась военная обязанность по охране границ, как это было с черкасами или сербами.

В организации заселения Донецкого края участвовали выдающиеся государственные и военные деятели России. Активное участие в организации и проведении переселения принимали Г.А. Потёмкин, П.А. Румянцев, А.В. Суворов. За переселением внимательно следила императрица

Екатерина II. Митрополит Игнатий так же был для своего времени человеком выдающимся, о котором помнят в Донбассе. 11 июня 1997 г. решением Священного Синода УПЦ МП Игнатий был причислен к лику местночтимых святых. 15 ноября 1998 г. в соборе во имя св. Николая Чудотворца состоялся чин прославления св. Игнатия Мариупольского, торжество возглавил Предстоятель УПЦ МП, митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан). В 1999 г. часть мощей была перенесена в Бахчисарай. В честь Игнатия освящены престолы нескольких храмов в Мариуполе и Донецке, и храм на территории Донецкого металлургического завода, построенный в 2003 г. В 1998 и 2008 гг. в Мариуполе были установлены памятники митрополиту.

На новых местах переселенцам пришлось преодолеть значительные трудности, близкие тем, с которыми столкнулись сербы в Новороссии. Но сербы прибывали почти без семей, и многие из них обзавелись семьями уже в России. Греки же переселялись семьями и со своим имуществом, им пришлось трудно на новых местах. Окончательно места их расселения были выделены ордером Г.А. Потёмкина в конце 1779 г. Расселение греков, молдаван и грузин в междуречье Кальмиуса, Берды и Волчьей осуществлялось в 1780 г.

В расселении греческого населения и выборе места для постройки города активное участие принимал митрополит Игнатий. Он не только определял места для поселения, но и способствовал постройке церквей. По словам митрополита: «*Через церковь и от церкви нисходит небесное благословение и очевидный успех на всякие человеческие дела, работы и предприятия*». 15 августа 1780 г. греки во главе с митрополитом Игнатием на отведённом под церковь месте отправили молебен. Это событие можно считать началом строительства города Мариуполя. Как начинался город, подробно описано в документах того времени, опубликованных С.А. Калоеровым. В рапорте губернского товарища Гарсеванова губернатору Черткову от 19 августа 1780 г.:

«*У Азовского моря по правой стороне устья реки Калмиуса город Мариуполь по повелению вашего высокопревосходительства расположен и для поселения во оном введением из Крыма греков купцов и мещан дворовые места по плану разделены и переномерены и те номера вынесены на особливые бумажки, сложены в ящик, а из ящика брали купцы и мещане каждый самолично, и кому какой номер достался, всяк по тому дворовое место принял. А 15 числа сего месяца по окончании божественной литургии митрополит Игнатий с духовенством и сего города греки до трёх тысяч душ вошли в город и посредине оного в назначенном для церкви месте отправили молебен, посвятив воду, окропляли все места, причём происходила оружейная пальба полком Войска Донского полковника Харитонова, которой для того нарочито введён; по окончании ж молебствия весь сей греческой народ благодарили её императорского*

Настольная медаль Екатерины II, отчеканенная в память переселения греков-христиан в Россию. Надпись на реверсе гласит: «Здесь пристанище благотишное. 1799 года мая 21 дня».

величества за освобождение от порабощения варварского, за пожалование им сей земли и за доставление к домостроительству потребности: предместья расположены между Калцем и Калмиусом разстоянием от крепостного положения в трёх стах саженях по числу семи сот семей цеховых разбито по плану трёх сот дворовое селение, полагая по две семьи в двор, разделены дворовые места и также по номерам всяк своё место принял и заселяются. Греческих деревень дватцать и одна расположены в Мариупольском уезде по правой стороне реки Калмиуса, по Азовскому морю, по Калце, по левой стороне речки Волчей и по Мокрым Ялам, а в каких именно урочищах и какую каждая деревня в округе своей имеет выгоду и домостроительство особым рапортом донести имею».

Рапорт губернатора Черткова Потемкину от 3 ноября 1780 г. не менее интересен:

«*По прибытии моем 13 сентября в новостроющийся греками город Мариуполь при устье реки Калмиуса нашел: 1-е, что оной город имеет весёлое над Азовским морем и рекою Калмиусом возвышенное и во всем, кроме недостатка лесов, выгодное место положение; 2-е, что поселяющиеся там греки принялись ко обзаведению себя с желаемым усердием и заняли более пяти сот дворов, из коих в каждом располагаясь по данному плану, в том месте, где быть погребу, не могши успеть построением домов, хотя потребной к тому лес из казны доставлен, поделали для прожития в зиму по землянке, некоторые же, кои позажиточнее выстроили, по их обычаю, домы из плиты на глине, кои по осмотру моему оказались совершенно прочными и в построении без убыточными, потому что весь берег реки Калмиуса наполнен таким камнем*».

Так возник один из значимых городов Донбасса. Более ста лет Славянск, Бахмут и Мариуполь оставались экономическими и административными центрами Донецкого края, пока не появились гиганты индустрии в Енакиево, Краматорске, Константиновке, Макеевке, Горловке, Донецке.

В том же 1780 г. греки основали 21 сельское поселение: Бышев (Бешев?), Богатырь, Великая Каракуба, Великая Янисоль, Георгиевка, Камара, Карань, Керменчик, Константинополь, Ласпа, Малый Янисоль, Мангуш, Сартана, Старый Крым, Стыла, Улаклы, Чемрек (его жители

в конце 1781 г. поселились вблизи Малого Янисоля, вместе с которым создали одно поселение), Чердаклы, Чермалык, Урзуф и Ялта.

Лингвистически греки Приазовья разделяются на две группы. В Приазовье из Крыма греки переселились уже с двумя родными языками, и на новых землях тюркоязычные и грекоязычные греки селились отдельно друг от друга, основывая разные посёлки. Часть из них и ныне говорит на урумском (одном из тюркских языков), тогда как родной язык другой части – румейский (греческая группа индоевропейской языковой семьи). Как заметил донецкий учёный Е.С. Отин, отдалённым предком урумского диалекта был язык кыпчаков-половцев. И урумские и румейские говоры испытали сильное влияние турецкого языка из-за проживания крымских греков в условиях этнического двуязычия. После переселения в Приазовье возникло греко-русское и в меньшей степени греко-украинское двуязычие.

Таким образом, греки объединили внутри своего народа и древнегреческое (византийское), и местное половецкое степное наследие. До сегодняшнего дня румеи и урумы включают себя в группу мариупольских греков, осознавая в то же время разделение на тюркофонов и эллинофонов. Этот народ является одним из самых многочисленных на территории Донбасса, его традиционная культура и современная жизнь являются предметом постоянного интереса со стороны жителей Донецкого края и других стран. Греки научились сохранять свою индивидуальность в пёстром море других народов, в то же время, являются частью общей судьбы народа Донбасса.

Донецкий край во второй половине XVIII в. Обретение Родины

Из-за непосредственного соседства Приазовских степей с Крымским ханством территория современного Донбасса по правой стороне Северского Донца ещё долго оставалась малозаселённой и опасной для проживания. Положение не изменилось и после окончания русско-турецкой войны в 1739 г. Однако к середине XVIII в. городок Бахмут стойко держался в степи и не сдавался ни разбойничьим нападениям, ни стихии природных бедствий. Русские люди и черкасы под эгидой Российского государства постепенно начали осваивать непаханые степи Бахмутской провинции.

В правобережных подонцовских городках продолжали проживать две общины: русские (однодворцы) и слободские казаки. Землевладение в крае имело свои особенности: «*Общественно владеемой Бахмутского конного казацкого полку з старшинами, козаками, по малолетию тож Екатерининской провинции Белагородской губернии однодворцами примерно земле распашной длинну и поперечнику по пятнадцать верст*». Подчинение также оставалось разным: русские относились к Белгороду, казаки к Военной коллегии. Об этой чересполосице упоминается и в

План города Бахмута 1742 г. (по: Ласковский Ф., 1866).

конце XVIII в.: «*Слободско-Украинская губерния в 1765 г. при учреждении своем точных пределов не имела, а заключались оные по одному только чересполосному владению смежных слободских и великоросских селений; хотя же после того и учреждено в сей губернии генеральное земель размежевание, но и по оному многие великоросские селения обмеживались общими кругами с селениями слободскими без внутреннего разделения и теперь составляли одни дачи*» (Водарский Я.Е., 1988, с. 182).

Название Слободско-Украинская губерния получила от древнерусского слова «*оукраина*», которое часто встречается в документах применительно к южнорусским уездам. К «окраинным» или «украинным» землям России относились и слободские полки на её же территории.

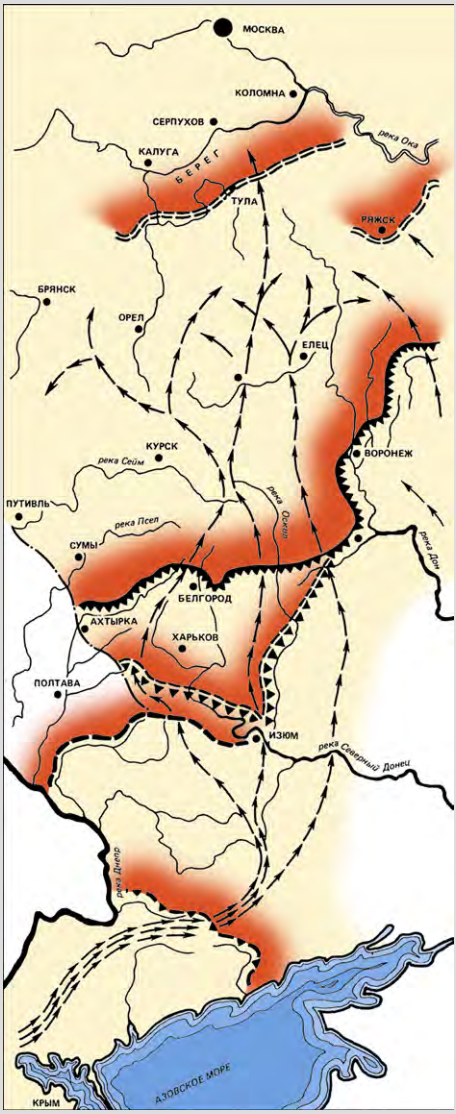
В 60-х гг. XVIII в. в городе Торе и окружающих поселениях уже обрабатывали землю и получали хороший урожай. Есть данные об урожаях за три года (Слюсарский, 1964, с. 205).

	1764				1765				1766			
	Нажато копен с 1 десятины		Намолочено с десятины (четков)		Нажато		Обмолочено		Нажато		Обмолочено	
	Ржи	Пшен.	Ржи	Пшен.	Ржи	Пшен.	Ржи	Пшен.	Ржи	Пшен.	Ржи	Пшен.
Ямполь	6	8	24	16	8	6	32	6	7	8	21	8
Маяк	25	15	175	30	20	15	140	60	35	30	140	60
Славянск	20	20	100	30	15	20	75	40	13	18	120	60

Местные жители изначально занимались разными промыслами. Главным из них оставалось солеварение. Выгодно было заниматься и другими промыслами. Одним из самых популярных являлось пчеловодство. Большая часть угодий от Святогорского монастыря в 60-х гг. XVII в. была передана торским и маяцким жителям. Маяцкие пасеки упоминаются на реках Красной, Жеребце, Бахмуте. Им же были отданы Крестовский, Репин юрты. Очень хорошо знали маячане и торяне рыбные места. В начале XVIII в. местные черкасы пользовались такой привилегией, как винокурение. Позволялось оно до 1737 г., затем было запрещено, вновь разрешено с 1743 по 1750 гг., и снова запрещено, на этот раз окончательно. У непослушных конфисковывали котлы с трубами, в документах встречается выражение, что «*власти в винном курении чинят запрещение*».

Разрастался город Тор. О его значении говорит тот факт, что с 1792 г. тут проходило в год 4 ярмарки по четыре дня, хотя в сотенных местечках ярмарки проходили раз в год. Для Тора роль соляных промыслов постепенно падала, и он рос уже как торгово-посреднический город.

10 февраля 1784 г. вышел указ: укрепления Украинской и Днепровской линии крепостями не почитать, а обратить во внутренние города и посады. На основе этого указа город Маяцк



Продвижение военно-земледельческой колонизации Российского государства XVI-XVIII вв. на юг.

стал слободой Маяки. В этом же году город Тор переименовали в Славянск, сохранив за ним значение города и превратив в уездный центр. После ряда административно-территориальных изменений на юге России в 1797 г. Славянск вместе с уездом был передан из Воронежской в Слободско-Украинскую губернию.

В середине XVIII в. на всей территории России происходили административные, военные и ряд других реформ. Для Донбасса и его жителей эти реформы имели судьбоносное значение. Были расформированы военно-автономные образования, созданные с оборонной целью – Славяносербия и Слободские полки. Поселения, основанные иностранными колонистами и русскими ландмилиционерами, были включены в 1764 г. в новую административную единицу – Новороссийскую губернию. Бахмутскую провинцию из Воронежской губернии передали Новороссийской. Первая Новороссийская губерния, бывшая все ещё военно-поселенческим формированием, уступила место уже собственно территориальному администрированию – Азовской и Новороссийской (на Правобережье Днепра) губерниям, включившим в свой состав всю территорию Северо-Причерноморских евразийских степей. Несколько позже, в 1775 г. потеряли автономию запорожские казаки, изменился правовой статус Войска Донского. В самом конце XVIII в., в 1796 г., этот регион был преобразован во Вторую Новороссийскую губернию. Одновременно Войско Донское получило окончательное оформление в социальной и территориальной структуре Российской империи.

К концу столетия в Донецком крае наиболее заселённым был Славянский уезд (229 селений), а наименее Мариупольский уезд (136 селений). Согласно переписи 1793 г., в этих уездах проживало около 250 тыс. человек, из них душ мужского пола около 142 тыс. В пределах Донецкого края существовало около 500 поселений (городов, сёл, слобод и других поселений). Более 60% населения составляли государственные крестьяне и военные поселяне, иностранные колонисты, около 38% – помещичьи поселяне, среди которых удельный вес крепостных был сравнительно незначительным. На все остальные группы населения приходилось менее 2%. Правительство способствовало распространению в регионе помещичьего служилого землевладения. Согласно плану раздачи земель, землевладельцами могли стать и лица недворянского происхождения, если они служили в армии или в чиновничьем аппарате Новороссии.

Одновременно с основанием новых поселений строились и церкви, в городах упоминается даже по несколько церквей. В 1780 г. в Бахмуте функционировало четыре церкви, среди которых одна была каменной, а три деревянные, в Мариуполе имелось две церкви (каменная и деревянная), в Славянске три (одна каменная и две деревянных). При церквях

организовывались приходские школы, в которых дети учились читать, писать, считать, петь церковные песни, получали знания по религии. В конце XVIII в. в уездных городах появляются двухклассные училища, в которых могли учиться дети всех сословий. В 1772 г. в Бахмуте при Покровской церкви была открыта духовная семинария, готовившая церковнослужителей. Некоторые из её учеников продолжали обучение в других учебных заведениях, в том числе в Харьковском коллегиуме и в Москве.

До 1787 г. важное место в духовной и культурной жизни края занимал пещерный Святогорский монастырь. В XVIII в. в стенах Святогорской обители складывается местная школа иконописи. Имеется упоминание о мастере, авторе ряда иконостасов, Василии Рудецком, долгое время работавшем в Святогорье. В начале XVIII в. монахи уже завели наземные постройки. В 1774 г. академик И. Гильденштедт, посетивший эту местность, сделал следующую запись в своём дневнике: *«...У подножия крутых гор и лежит Святогорский монастырь. Монастырские здания, состоящие из двух церквей и дома, в котором живёт архимандрит, окружены четырёхугольной стеной, каждая из которых имеет шагов шестьдесят»* (ЗООИД, 1879, т. 11, с. 180-228). К 1781 г., по некоторым данным, в Святогорском монастыре было уже шесть церквей.

В конце XVIII в. правительством было принято решение о секуляризации (конфискация государством церковных и монастырских имуществ) некоторых монастырей. Решение коснулось и Святогорского монастыря. Вслед указу об упразднении монастыря в июне 1788 г. вышел указ Белгородской консистории и распоряжение Синода о закрытии монастыря. Его имущество, движимое и недвижимое, было отписано в казну. К этому времени монастырь владел 27 тыс. десятин земли и угодий и без малого 2000 душами крепостных крестьян. По данным Слободско-Украинской губернской канцелярии за 1780 г. Святогорскому монастырю принадлежали: сёла Студенок с 228 крестьянами, Банное с 95 крестьянами, Яровая с 136 крестьянами, Новосёловка с 350 крестьянами, Нижнее и Верхнее Петрищное с 59 крестьянами, Богородичное с 286 крестьянами, Пришибное с 67 крестьянами.

В 1790 г. новым владельцем Святогорья со всеми его землями и крепостными стал князь Таврический – Григорий Потёмкин. В письме к нему Екатерина II написала: «*Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, дав тебе рай земной сегодня, как ты называешь эту дачу, прошу тебя, если вздумаешь оную продать, предпочтительно мне...*».

По указу Святейшего Синода монастырские храмы Успения Божией Матери и святителя Николая на скале были обращены в приходские, а прочие разобраны и увезены. В упразднённом состоянии обитель находилась почти 57 лет. Земли оставались в роду Потёмкиных, потомков знаменитого основателя Новороссии.

* * *

Таким образом, формирование населения и геопространства Донецкого края в XVI-XVIII вв. было обусловлено оборонительной стратегией Российского государства на его южных рубежах. Служилая колонизация Юга России, включив в себя в середине XVII в. черкасских мигрантов, преодолев водную преграду Северского Донца, вышла на степные рубежи Евразии.

«*Представляется правильным говорить о государственной колонизации, понимая под ней процесс, сочетающий в себе деятельность правительства по заселению рассматриваемых земель и вольное переселенческое движение, контролировавшееся российской администрацией и обречённое на провал без поддержки государства*» – это замечание российского исследователя А.И. Папкова непосредственно относится к землям Донецкого края (Папков, 2013, с. 81).

Заселение края проходило разными путями. Для Донецкого региона оно выглядело следующим образом:

- строительство городов с отведением земли под пашни и выгоны;
- раздача земель за военную службу (ранговые дачи);
- заимки с последующим законным оформлением прав;
- наделение землёй под слободы для черкас;
- наделение землёй на общинном праве для русских однодворцев;
- станицы, городки, юрты с хуторами в войске Донском;
- владение землёй слобожанами и греками на основании Жалованных грамот;
- зимовники и хутора запорожцев;
- организация государственных слобод на месте крупных зимовников административным путём;
- наделение землёй иностранных колонистов на особых правах;
- раздача земель помещикам и казацкой старшине с условием заселить их зависимыми людьми (на основе крепостного права).

Со временем к заселению привлекались и добровольцы из других стран. 22 июля 1763 г. был подписан Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах», который предоставлял право переселения в Россию всем желающим иностранцам.

Все мероприятия по колонизации юга были одновременно и проявлением стратегии страны в русле европейского меркантилизма. Развитие событий показало, что в 50-е гг. XVIII в. были заложены такие основы для переселенческого движения из других стран, которые затем существенно не менялись. Эти принципы отрабатывались во время южнославянской колонизации. Необходимо отметить, что сербы внесли свой вклад в популяризацию в Европе идеи переселения в Россию.

Образование в Донбассе в конце XVIII в. не только многонациональной, но и поликонфессиональной среды было связано с государственной политикой императрицы Екатерины II. Политика веротерпимости затронула даже такой болезненный вопрос для Православной церкви, как старообрядчество, о чём свидетельствует легализация старых и основание новых старообрядческих поселений.

Указанные процессы получили развитие и на остальной территории Новороссии. Присоединение Крыма (1783 г.) и результаты русско-турецкой войны (1787-1791 гг.) необратимо изменили геополитическую ситуацию в регионе. Вся территория Северного Причерноморья, благодаря заключению Ясского мира, была закреплена за Россией. Павлу I выпала честь оформить в одно целое приобретение екатерининской эпохи указом от 12 декабря 1796 г.: *«…Новороссийскую губернию составить из всего того, что за возвращением к Малой России отдельных уездов, … також возвращаемых ныне к Слободско-Украинской губернии останется, присоединяя тут и область Таврическую, разделяемую просто на уезды, сообразно количеству жителей и обширности местной»*. В соответствии с указом, старейшая часть Донбасса – Славянский уезд – был передан в Слободско-Украинскую губернию. Граница Новороссийской губернии с землями Войска Донского прошла по реке Кальмиус. Принадлежность к трём административным округам, чьи границы были сформированы волевым решением, не помешала жителям бывшего российского пограничья поддерживать и в течение XIX в. усиливать внутриэкономические и социальные контакты.

В конце XVIII в., в прошлом русский военный городок Маяцк, первое постоянное поселение на территории Донбасса, представлял собой мирную, даже идиллическую, картину:

«*Лежит… между двумя меловыми горами, на ровном и пространственном месте… В нем церковь деревянная одна. Ярмарка бывает в год одна, 1-го октября… Вода в реках пресная, а в озёрах солёная. В округе же оный воздух нарочито здоровый, вода в реках и озёрах довольно хороша, рыбы много, земля плодородная, местами есть там меловые горы и алебастр. Имеются леса: казённого Маяцкого засева, Черкасский лес, да и малых буераков состоит довольное число. Жители, в рассуждении пространных здешних степных мест больше обращаются в скотоводчестве и хлебопашестве*» (История Донецкого края…, 1995, с. 20).

В истории Донецкого края наступил новый этап, связанный с мирным периодом его развития.

Глава 12. Донецкий край в XIX в. Начало эпохи индустриализации

Этнический состав и заселение Донецкого края

Население Донецкого края в XIX в. значительно выросло по сравнению с XVIII в. Рост численности населения шёл не только за счёт естественного прироста, но и вследствие политики Российского правительства по правительственной, помещичьей и народной колонизации этого стратегически важного для России региона.

В начале XX в. в этническом составе обитателей Донецкого края преобладали русские и малорусские православные люди. Переселялись они сюда местными дворянами-землевладельцами. Основными регионами, из которых переселяли помещичьих крестьян, были центральные губернии России, а также Полтавская и Черниговская губернии. Зачастую в Донбасс помещики перевозили крестьян целыми деревнями, создавая на новом месте компактные в национальном отношении поселения. Довольно часто правительство выселяло из великорусских губерний на территорию нашего края религиозных сектантов (старообрядцев, духоборов, молокан) с целью изоляции их от массы православного населения. Эти переселенцы отличались трудолюбием, трезвым образом жизни, сплочённостью и высоким процентом грамотности. Расселение помещичьих крестьян на территории края осуществлялось крайне неравномерно. Например, в Бахмутском уезде помещичьи крестьяне составляли 44% населения, а вот в Мариупольском уезде – 15%. В целом, в Северном Приазовье преобладали государственные крестьяне и иностранные поселенцы.

На севере Донецкого края традиционно проживали потомки слободских казаков, русских служилых людей, однодворцев. Их расселяли в районе современных городов Славянск, Артёмовск, Краматорск. В Приазовье ситуация была несколько иной. В 1817 г. было проведено окончательное размежевание земель греков Приазовья, переселённых в XVIII в. из Крыма, которое закрепило их земельные права на этой территории. Вследствие проведённых мероприятий образовался обширный государственный фонд свободных земель. Данные неосвоенные греками земли были переданы выходцам из Баварии и Пруссии. Идея переселить в Россию немцев принадлежала графу П.А. Румянцеву, который пребывая в Пруссии в годы Семилетней войны 1756-1762 гг., обратил внимание на высокий уровень хозяйствования немецких крестьян. На приглашение русского правительства первыми откликнулись немецкие крестьяне из протестантской секты, последователи Симониса Меннона (1496-1561). В 1788 г. меннониты начали переселяться в пределы Российской империи, где

им гарантировали земельные наделы, свободу вероисповедания, а также освобождение от воинской службы.

В 1822 г. на площади 45 тыс. десятин земли немцами-переселенцами были основаны 24 колонии в Северном Приазовье: сёла Карловка, Мариновка, Александровка, Мемрик и другие. Эти поселения составили Мариупольский меннонитский округ. Каждая семья переселенцев получала земельный надел в размере 65 десятин земли и освобождалась на 10 лет от уплаты налогов, при этом имела право открывать фабрики, заводы, свободно заниматься торговлей. Наряду с меннонитами в Донбасс переселились немцы-лютеране, немцы-католики, которые также основали свои колонии. Своеобразной столицей немецких колонистов стал Остгейм, с 1935 г., переименованный в Тельманово.

Карта немецких колоний (по: Донеччина. Перехрестя цивілізацій).

Немецкие колонии жили на принципах местного самоуправления – общее собрание колонистов избирало сельский приказ в составе старшины, председателя и писаря. Приказ следил за порядком в колонии. Высшая власть принадлежала общему собранию, которое имело право исключать семьи из состава колонистов, назначать общее собрание и т.д. Хозяйство немецких колонистов было многоотраслевым: они выращивали зерновые культуры, занимались огородничеством, овцеводством, птицеводством, разводили фруктовые и тутовые деревья. Почти в каждой колонии была своя пивоварня, кирпичный завод, немцы изготовляли фургоны, которые пользовались большим спросом.

В 1831 г. в Приазовье переселились задунайские казаки. Правительство выделило им 74 тыс. десятин земли. Казаки основали две станицы и 16 хуторов, среди которых был и хутор атамана Иосифа Гладкого, который

Вид немецкой колонии немцев-меннонитов (по: Донеччина. Перехрестя цивілізацій).

со временем переименовали в Кальчик, а в 1855 г. – в село Никольское. В советский период поселение было переименовано в Володарское и стало районным центром (1924 г.). Азовское казачество было ликвидировано в 1865 г., после чего часть казаков переселилась на Кубань, а те, кто остался, перешли в разряд государственных крестьян с наделом земли в 9 десятин, офицеры стали собственниками земель от 200 до 400 десятин. В первой половине XIX столетия северное побережье Азовского моря продолжало заселяться донскими казаками, которые основали здесь в 1849 г. станицу Новониколаевскую (современный город Новоазовск) и несколько хуторов, в частности, Хомутово, где сегодня размещён заповедник «Хомутовская степь». Помимо казачьих поселений, здесь селились крестьяне – выходцы из Харьковской, Полтавской губерний. Эта часть территорий современного Донецкого края входила в состав Миусского округа Области Войска Донского и жила по законам казачьего самоуправления и иногородних поселений.

В 20-е гг. XIX в. в Северном Приазовье появились три земледельческих поселения: Зеленополье, Иванополье и Хлебодаровка, основанные евреями-колонистами. Русское правительство для двух тысяч человек выделило 30 тыс. десятин земли. Однако этот опыт оказался неудачным. Еврейское население этих поселений больше тяготело к торговле, ремеслу, финансовым операциям. Поэтому многие поселенцы продавали

свои земельные наделы и перебирались в города, главным образом, в Мариуполь, Бахмут, Ростов-на-Дону и другие места.

Таким образом, в первой половине XIX в. этнический состав населения Донецкого края был достаточно пёстрым. Здесь проживали как представители великорусской, так и малорусской ветвей русского народа. Они составляли подавляющее большинство населения. Наряду с ними проживали иностранные переселенцы: немцы, греки, сербы, молдаване, валахи, армяне, евреи и другие народы. Длительное совместное проживание, хозяйственные, торговые, культурные контакты, смешанные браки – всё это вело к постепенному сглаживанию местных этнических особенностей. У местного населения вырабатывалось чувство сопричастности общей судьбе. На основе этих контактов складывался донбасский южнорусский диалект русского языка. Было положено начало формированию общности людей, живущих в Донбассе. В середине XIX столетия численность населения Донетчины составляла около 400 тыс. человек.

В XIX столетии сложилась вот такая карта административно-территориального устройства Донецкого края.

Север региона входил в состав Изюмского уезда Харьковской губернии. Значительная часть современного Донбасса относилась к Бахмутскому уезду Екатеринославской губернии. В 1869 г. из Александровского уезда Екатеринославской губернии выделили Мариупольский греческий округ в составе 24 населённых пунктов и преобразовали эту территорию в Мариупольский уезд Екатеринославской губернии. Восточные территории Донбасса входили в состав Области Войска Донского. Такое административное деление просуществовало до 1919 г., когда была образована Донецкая губерния.

Экономика Донецкого края в дореформенный период

Увеличение оседлого населения региона дало мощный толчок развитию экономики края. В XIX столетии ведущую роль продолжало играть сельское хозяйство. Люди, жившие на донецкой земле, расширяли посевные площади, совершенствовали сельскохозяйственные орудия труда, поднимали культуру земледелия в целом, тщательно подбирали те культуры, которые давали бóльшую отдачу в степном, засушливом климате.

Основными культурами, которые выращивались земледельцами, была пшеница, ячмень, просо, бахчевые культуры. Зарождалась и такая важная отрасль сельского хозяйства, как садоводство и виноградарство. В этом отношении выделялось Приазовье. Уже в 1814 г. у жителей Мариуполя насчитывалось 6 садов, в том числе один виноградник, в котором росло 1400 кустов винограда. Особо следует отметить образцовый сад Леонтия Калери. Сады высаживались на окраинах города, в пойме реки Кальчик. В 22 греческих сёлах к этому времени было 40 садов.

Карта 1821 г. административно-территориального деления территории Донецкого края в пределах Войска Донского и Екатеринославской губернии.

Ведущей отраслью сельского хозяйства в южных сёлах Донбасса оставалось скотоводство. В Мариупольском уезде особенно много выращивали овец. Только в греческих сёлах с начала XIX в. резко увеличилось поголовье лошадей и рогатого скота, овец: в 1817 г. в 23 греческих сёлах числилось 55 тысяч 480 голов рогатого скота, 132 тысячи 915 овец и 15 тысяч 600 лошадей.

Располагаясь на берегах Азовского моря, важнейшей отраслью хозяйственной деятельности Донецкого края стало рыболовство. Пользуясь правом беспошлинно заниматься рыболовным промыслом, мариупольские купцы и мещане, а также сельские поселенцы создавали на берегу Азов-

ского моря рыболовные заводы. К 1814 г. таких заводов было 36. Рыбу здесь не только ловили, но и солили, вялили, готовили икру и балыки, вытапливали жир, делали рыбную муку. Вся продукция этих заводов поступала в продажу. Ловили рыбу круглый год, но более всего весной.

Развитию сельского хозяйства способствовали города Донбасса: Бахмут, Славянск, Мариуполь, Старобельск, – жители которых наладили мукомольное производство. В 1830 г. в Мариуполе появилась макаронная фабрика, которая использовала муку местного производства. Её основателем был итальянец Станислав Гальяни. Позже владельцем фабрики стал другой итальянец Сангвинетти. Дело было прибыльным, и в 50-е годы XIX ст. в Италии для фабрики закупили новое оборудование. Большая часть кустарных предприятий города занималась изготовлением продукции животноводства, кожевенные заводы вырабатывали чёрный сафьян, подошвенный материал. Из кожи изготавливали сёдла, конскую сбрую. Широкое распространение получили в Мариуполе салотопенные заводы. В городе и сёлах получали шерсть овец. Только в 1817 г. в Мариуполе и окрестных сёлах настригли 10250 пудов шерсти. Часть такой продукции шла для собственного потребления, а значительная часть поступала в продажу. На нужды строительства работали кирпичные и черепичные заводы. В целом, промышленность городов Донбасса в этот исторический период представляла собой полукустарное, мелкое производство. Многие из них работали сезонно, на предприятиях преобладал ручной труд.

В первой половине XIX столетия сельское хозяйство оставалось главной, ведущей отраслью экономики региона. Её продукция, в том числе и переработанная, шла на экспорт, главным образом, через Мариупольский торговый порт в Италию, Хорватию, на север Африки, а также на внутренний рынок.

Определённые изменения в промышленности Донбасса наметились в 40-50-е гг. XIX в. Запасы угля в Донбассе неизбежно должны были привести к его промышленной добыче. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор светлейший князь М.С. Воронцов хорошо понимал значение добычи местного угля для экономики южных губерний и России в целом. С целью сохранности лесных массивов Новороссии, князь М.С. Воронцов занялся проблемой разведки месторождений запасов угля и его добычи. Так, он предоставил проекты по данному вопросу лично императору Николаю I и в министерство торговли. В 1837 г. было получено разрешение на отправку с Дона в Новороссию 100 тыс. пудов каменного угля по умеренным ценам. Князь М.С. Воронцов подчеркнул: *«Опыт сей будет весьма полезен, и мы уже видим возможность в случае каких-либо затруднений – политических – не быть совершенно в руках англичан, для существования почти всех наших пароходов и чугунных заводов».*

Развитие азово-черноморского торгового парового флота, рост металлообрабатывающих предприятий настоятельно требовали создания надёжной топливной базы. Появлению угольного Донбасса предшествовала поисковая работа геологов. В 1832 г. поисковые работы на Кальмиусе начала экспедиция горного инженера А.Б. Иваницкого, который опубликовал результаты своей работы в «Горном журнале» в 1833 г. На эту работу обратил внимание князь М.С. Воронцов. Он принял на службу в Новороссийское генерал-губернаторство опытного горного инженера А.В. Гурьева и поставил перед ним задачу организовать добычу каменного угля для нужд Черноморского флота и Одессы.

Необходимо особо отметить огромную заслугу в деле геологического изучения недр Донбасса горного инженера Евграфа Петровича Ковалевского, который организовал фундаментальные исследования в области геологии Донбасса. Экспедиция 1827 г. позволила Е.П. Ковалевскому обобщить геологические открытия предшественников в Донецком бассейне с описанием его природных богатств. Е.П. Ковалевский опубликовал две научные работы: «Опыт геогностических исследований в Донецком горном кряже» (1827) и «Геогностическое обозрение Донецкого горного кряжа» (1829). Благодаря этим работам в научный оборот, в общественно-политическую лексику окончательно вошёл термин – **Донецкий бассейн**. Экспедиция Е.П. Ковалевского дала описание залежей каменного угля, железных, свинцовых, серебряно-оловянных и других руд. Результаты работы экспедиции убедили русское правительство в больших перспективах промышленного освоения Донбасса.

А.В. Гурьев, оценив материалы геологических разведок прежних лет, остановил свой выбор на верховьях Кальмиуса. У помещика Шидловского, которому принадлежала слобода Александровка и все окрестные земли, князь М.С. Воронцов арендовал в 1841 г. сроком на 30 лет все подземные богатства на территории 15 тысяч десятин. Первой заложили центральную шахту Александровского рудника – «Гурьевская», а затем две другие – «Михайловская» и «Елизаветинская». «Гурьевскую» шахту ввели в эксплуатацию в 1842 г. Она имела паровую подъёмную машину – первую в Донбассе, а также механические мастерские. Когда ввели в эксплуатацию весь рудник, количество работавших превысило 350 человек. В течение нескольких лет Александровский рудник стал самым крупным на Юге России. Добыча составляла полтора миллиона пудов угля в год.

Угледобычей занимались и местные помещики. Так начал угледобычу в своём имении помещик Карпов (сегодня Петровский район Донецка). Землевладелец Рутченко на своей земле заложил две угольные шахты. Они разрабатывали довольно мощные пласты угля, которые имели значительный подземный комплекс горных выработок, конные или паровые подъёмные устройства. Наряду с крупным государственными

и помещичьими рудниками появляются примитивные крестьянские шахты – «дудки», добыча угля на которых составляла не более 500 пудов в месяц. В данный период времени строятся первые шахты на левом берегу Кальмиуса, на землях Миусского округа Области Войска Донского. Благодаря разработке угольных залежей Донбасс начал постепенно превращаться в промышленный край – развитие угледобычи неизбежно давало толчок появлению металлургической промышленности.

Ещё в 1795 г. (14 ноября) был издан указ императрицы Екатерины II «Об устроении литейного завода в Донецком уезде при реке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля». Директором завода был назначен находившийся на службе в России опытный металлург, шотландец Карл Гаскойн, бывший до этого директором Олонецкого завода в России. Перед ним были поставлены две задачи: освоить производство чугуна из местной железной руды на местном минеральном топливе. Вторая задача не была ограничена только целью добычи угля для нужд завода – она решала проблему распространения угля как основного вида топлива во всём южном крае России, заменив собой дрова, и истребления оставшихся лесов. Уголь для завода давал Лисичанский рудник, основанный в 1796 г. Необходимо отметить, что это была первая угольная шахта Донецкого бассейна. Добычу угля в Донбассе удалось наладить, а вот выплавку чугуна – нет.

К. Гаскойну и его преемникам не удалось наладить на Луганском чугунолитейном заводе доменный процесс на основе местных руд и каменноугольного коксующегося угля. Луганский завод в конечном счёте превратился в *«передельный»* – работал на липецком и уральском чугуне, либо переплавлял старые, вышедшие из строя, пушки, ядра. Завод сумел наладить производство артиллерийских орудий и боеприпасов для всех крепостей Черноморско-Азовского побережья России и военных кораблей Черноморского флота. В годы Крымской войны 1853-1856 гг. резко возросло значение Луганского чугуноплавильного завода. День и ночь для осаждённого Севастополя на нём отливались снаряды из уральского чугуна. Луганский завод «необычайным напряжением своей деятельности, – писал дореволюционный историк металлургической промышленности А.П. Кеппен, – дал возможность славному нашему Севастополю продержаться шесть месяцев лишних, потому что не посылай Луганский завод ежедневно под Севастополь по три тысячи пудов снарядов, крепость пришлось бы сдать на пятый месяц осады».

Экономические потребности развития Юга России требовали создания здесь крупного металлургического производства. Крымская война 1853-1856 гг. наглядно показала необходимость модернизации России. Поэтому русское правительство вернулось к задаче строительства металлургического завода на Юге России. Место, которое было выбрано для строительства завода, находилось возле современного города Енакиево.

В 1858 г. был открыт Софиевский рудник, в этом же году на реке Садки началось строительство казённого опытного чугуноплавильного завода, который вступил в строй в 1861 г. В 1862 г. на Петровском чугунолитейном заводе впервые в Российской империи был получен качественный чугун на минеральном топливе. Пригодность каменного угля Донбасса для металлургического производства была доказана. На этом заводе был опробован уголь Софиевского и Александровского (Донецк) рудников. Руководил работами первый профессор отечественной металлургии А.Ф. Мевиус. Инженер-полковник Летуновский писал: *«Вопрос о железной промышленности на Юге России должны почитать вопросом разрешённым и вышедшим из сферы сомнений и опытов. Руды и уголь Донецкого бассейна годны на дело».*

Однако радость Летуновского оказалась преждевременной. Трудные опыты, неудачи с выжигом кокса, строительством подъездных путей – оказались слишком накладной задачей. В начале 1868 г. министр финансов России упразднил Петровский чугунолитейный завод, а имущество передали на другие казённые заводы страны.

Несмотря на первые неудачи в деле создания металлургической базы на Юге Российской империи, накопленный опыт сыграл позитивную роль в период капиталистической модернизации. В чем же заключался накопленный в Донбассе опыт? Во-первых, Луганский завод стал первой ласточкой металлургии Юга России. Это производство положило начало зарождению тяжёлой промышленности Донбасса. В конце XVIII в. обозначились две ведущие отрасли нашего региона – угольная и металлургическая. Во-вторых, на горнодобывающих предприятиях, Луганском казённом литейном, Петровском казённом чугунолитейном заводах началось формирование рабочих кадров, квалифицированных рабочих-металлургов, горновых, механиков и других специалистов. Все эти предприятия потребовали квалифицированных инженеров-горняков, металлургов. Именно в этот период времени начинает формироваться донецкая научно-техническая интеллигенция.

Следует также отметить, что Луганский посёлок и литейный завод стали первым очагом в Донбассе промышленно-городской субкультуры. Многочисленные выходцы из рабочих и инженеров Луганского завода распространили полученный здесь опыт, научно-технические знания в другие промышленные центры Донбасса, в частности, на Петровском заводе, а в конце 60-х гг. XIX в. и на Юзовском заводе, что способствовало их подъёму.

Завершая характеристику данного исторического периода развития Российской империи и Донбасса как её составной части, следует отметить, что развиваясь в соответствии с законами, установленными центральными органами власти, Донбасс испытывал определённые трудности. Сдерживающим фактором развития были феодально-крепостнические

отношения, которые тормозили развитие государства. Отсутствовала транспортная инфраструктура, что буквально душило промышленность региона. Приведём один пример: в годы Крымской войны артиллерийские орудия, ядра, картечь доставлялись в Севастополь на волах. Негативным фактором являлась острая нехватка в Донбассе квалифицированных рабочих, техников, инженеров. Нужны были вольнонаёмные рабочие, большое количество технически образованных специалистов среднего звена, а также инженеров.

Воинская слава Донбасса, добытая в войнах по защите Отечества в XIX в.

В историю русской императорской армии немало ярких страниц вписал Мариупольский гусарский полк, а также прославленные на всю Европу донские казаки. Предыстория Мариупольского 4-го гусарского полка началась 27 октября 1748 г. под названием Бахмутского казачьего полка. 11 июня 1764 г. Бахмутский полк был переформирован в пикинёрский и назван Луганским, а уже в 1769 г. принял участие в военных действиях против татар в Крыму. Следующая реорганизация части произошла в июне 1783 г., когда Луганский полк и сформированный в 1776 г. Полтавский пикинёрский полк были соединены вместе и образовали Мариупольский легкоконный полк в составе 6-ти эскадронов. Наконец, в годы правления императора Павла I, 29 декабря 1796 г. полк был назван гусарским.

В русской армии гусарские полки – это лёгкая кавалерия, предназначенная для действий в тылу и на флангах противника, разведки в тылу врага и преследования отступающего противника. Следует отметить, что регулярные воинские части русской армии комплектовались по принципу землячества. Поэтому в Мариупольском полку служили выходцы из Мариупольского, Бахмутского, Славяносербского уездов Екатеринославской губернии.

Гусар Мариупольского полка (рис. В. Болтышева).

С начала XIX в. Мариупольские гусары принимали участие во всех кампаниях и сражениях с наполеоновской армией. В Бородинском сражении полк в составе 3-го кавалерийского корпуса под командованием генерал-адъютанта барона Корфа находился в тылу пехотного корпуса генерала Д.С. Дохтурова, напротив села Бородино. Когда в 10 утра войска французского маршала Нея овладели Семёновскими флешами, гусары Мариупольского полка вместе с другими подразделениями русской кавалерии опрокинули французскую пехоту и вытеснили её с занятых позиций. В этот же день мариупольские гусары вместе с донскими казаками атамана М.И. Платова совершили знаменитый рейд-атаку на левый фланг войск неприятеля, после которого Наполеон отказался от мысли вводить в сражение старую гвардию. Во время этой атаки был ранен командир полка князь И.М. Вадбольский.

После Бородинского сражения мариупольский гусарский полк продолжил свой славный боевой путь. Гусары сражались в партизанских отрядах в тылу французской армии, уничтожая отряды фуражиров и отбивая партии оружия и боеприпасов, участвовали в кровопролитных боях под Малоярославцем, Вязьмой и Красным, где покрыли себя воинской славой. В составе русской армии мариупольские гусары приняли участие в заграничном походе 1813-1814 гг. Доблесть и отвагу проявили мариупольские гусары и на полях сражений Европы. Находясь в отряде генерала Винцегероде, полк сражался под Калишем, а также на Канцбахе, где был разгромлен французский корпус Макдональда. За участие в последнем сражении мариупольцы были пожалованы знаками на кивере: «За отличие 14 августа 1813 года». В Лейпцигской битве народов, в которой Наполеон потерпел сокрушительное поражение, лишившее Францию всех завоеваний в Европе, мариупольские гусары лихой атакой обратили в бегство французскую кавалерию и захватили пять орудий противника.

Вместе с русской армией мариупольские гусары победителями вступили в наполеоновскую столицу – Париж. 13 апреля 1813 г. за мужество и храбрость, показанные в Отечественной войне, Мариупольскому гусарскому полку были пожалованы 27 серебряных труб с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года». Когда в возрождённой Москве воздвигли храм Христа Спасителя – памятника Отечественной войне 1812 г. – на 58 стенах храма были начертаны названия воинских частей, принимавших участие и отличившихся во время Отечественной войны и заграничного похода. Название Мариупольского гусарского полка упоминалось 14 раз. Название города Мариуполя ещё раз было начертано на 28 стене храма, где перечислялись пожертвования, сделанные жителями во время войны. В 1812 г. жителями Мариуполя и уезда было собрано в пользу армии 50 тысяч рублей. Так в грозный час участвовали в защите отечества мариу-

польцы – жители города и уезда, и мариупольцы – воины прославленного полка русской армии.

Завершая сюжет об Отечественной войне 1812 г., следует отметить, что с мариупольским гусарским полком связаны выдающиеся личности. Здесь под фамилией «Александров» служила легендарная «гусар-девица» – Надежда Андреевна Дурова. В разные годы полком командовали генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов, дон Хосе де Рибас, который в России стал Осипом Михайловичем Дерибасом, шефом полка был князь П.И. Багратион – герой войны 1812 г.

Д.И. Иловайский (художник Е.В. Копылов).

Неувядаемой славой в войнах против наполеоновской Франции покрыли себя донские казаки. В Войске Донском было много выдающихся воинов. С Донбассом тесным образом связан донской дворянский род Иловайских. В ходе русско-прусско-французской войны 1806-1807 гг. император Александр I при встрече представил своему союзнику королю Пруссии Фридриху Вильгельму III братьев Иловайских. Русский император сказал: *«Вот у меня служат донцы: семь сыновей у отца, и все они здесь налицо».* Речь шла о сыновьях генерала от кавалерии Дмитрия Ивановича Иловайского 1-го – Павле, Иване, Степане, Григории, Тимофее, Василии, Петре.

Все они в ходе наполеоновских войн стали георгиевскими кавалерами. Из славного рода Иловайских в Отечественной войне 1812 г. участвовало 12 человек. В армии их называли по номерам – Иловайский 3, 4, 5, 6, 7 и т.д. Представитель рода – Тимофей Дмитриевич погиб в конце 1812 г. Остальные вернулись живыми с полей сражений. В словаре русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг., указано шесть генералов, носящих фамилию Иловайский: Иловайский Алексей Васильевич (3-й); Иловайский Василий Дмитриевич (12-й); Иловайский Григорий Дмитриевич (9-й); Иван Дми-

триевич (4-й); Иловайский Николай Васильевич (5-й); Иловайский Осип Васильевич (10-й). Портреты всех их, написанные в мастерской английского художника Джорджа Доу, размещены в Военной галерее Зимнего дворца. Условием размещения портрета в Военной галерее было участие в боях против наполеоновских войск 1812-1814 гг. в генеральском чине либо присвоение генеральского звания вскоре после окончания войны за отличия, проявленные в боях. По сложившейся традиции выдающихся представителей рода Иловайских хоронили в Святогорском монастыре (нынешняя Свято-Успенская Святогорская лавра).

Мариупольский гусарский полк участвовал во время русско-турецкой компании 1828-1829 гг. в сражении при Буланлыке и осаде крепости Шумлы. Так что, если в результате победоносного завершения этой войны Греция получила независимость, а Молдова, Валахия и Сербия – автономию, то к этому делу причастны были и мариупольские гусары. Мариупольский гусарский полк принимал участие в Восточной или Крымской войне 1853-1856 гг. Полк сражался на театре военных действий Дунайской армии. Форсировав реку Дунай, он участвовал во взятии турецкой крепости Тульчи.

В годы Крымской войны территория Донбасса стала театром военных действий. Вечером 23 мая 1855 г. англо-французская эскадра, состоящая из 16 вымпелов (кораблей), появилась на мариупольском рейде. Большинство жителей (в тот период в городе проживало около 4600 человек) эвакуировались в Сартану и другие сёла. Гарнизон города состоял из двух сотен казаков 68-го Донского полка под командованием подполковника Кострюкова. Они обороняли город только стрелковым оружием, поскольку артиллерии у них не было. Рано утром 24 мая 1855 г. на мариупольский берег высадился парламентёр, который потребовал, чтобы в город был впущен десант для истребления казённых зданий и имущества. Кострюков ответил отказом. Около 10 часов утра эскадра открыла огонь по мирному городу. Ядро попало в Харлампиевский собор – самое высокое здание города. Бомбы рвались в различных частях беззащитного города. Пока гремела канонада, пять вражеских баркасов с десантом вошли в устье Кальмиуса, в те времена Кальмиус был полноводной рекой с широким лиманом. В этом лимане у казачьего хутора Косоротова укрывалось около 70 каботажных парусных судов. Вражеский десант намеревался их истребить.

Подполковник Кострюков оставил в городе пост для наблюдения, а сам повёл свои две сотни донцов к хутору Косоротову. Он одну сотню спешил, рассыпал по берегу и встретил десант дружным ружейным огнём. Вражеский десант повернул вспять и ушёл в море к своим кораблям. Торговые суда удалось отстоять и спасти от гибели. Но пока донские казаки Кострюкова отбивали этот десант, интервенты под прикрытием артиллерии высадили другой десант в городе. Подожгли биржу, строевой

лес, несколько частных магазинов. Всё это имущество принадлежало братьям Мембели и купцу Деспоту. Вот так себя вели цивилизованные европейцы. Вечером эскадра снялась с якоря и ушла в море.

В сентябре 1855 г. два английских парохода подошли к Белосарайской косе с целью уничтожить рыбные заводы. Донские казаки встретили четыре десантных баркаса ружейным огнём и успешно отбили попытку англичан высадиться на берег. Шесть часов длился неравный бой, но когда со стороны Бердянска подошли ещё два английских парохода, казаки вынуждены были отступить, а заводы были сожжены.

Однако не всегда рейды вражеских кораблей проходили без потерь. В начале июля 1855 г. командующий англо-французской эскадры, крейсировавшей вдоль азовских берегов, направил английскую канонерку «Джаспер» к Таганрогу, чтобы обстрелять город. Целый день команда «цивилизованных» европейцев расстреливала мирный город, безнаказанно выпускала по городским улицам снаряд за снарядом. К вечеру она отошла к Кривой косе, но здесь метрах в 90 от берега села на мель. Сотня 70-го Донского казачьего полка прискакала к берегу моря, спешилась, подобралась на ружейный выстрел и открыла стрельбу по команде канонерской лодки. Из-за сильного крена команда не смогла применить артиллерию. Англичане бежали на шлюпках, бросив флаги. Донские казаки доплыли до канонерской лодки, сняли большой и малый флаги, а когда подошли казачьи баркасы – две медные пушки, много всякого добра, в частности, сигнальные книги; затем облили палубу маслом и подожгли. Утром казаки пожалели, что не сняли с канонерки большое орудие и паровую машину. Снова подошли на баркасах, но ничего сделать уже не смогли: волна засыпала песком внутренность полусгоревшей канонерки, и от тяжести судно ещё глубже погрузилось в морское дно. Англичане не смогли простить казакам гибель «Джаспера». С 14 по 18 июля 1855 г. они ожесточённо обстреливали Кривую косу и сожгли казачий хутор. Донцы проявили стойкость в обороне береговой линии, нанеся ущерб вражескому флоту и уничтожив боевой корабль врага.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Мариупольский гусарский полк принял участие в этой военной кампании. Командовал мариупольскими гусарами полковник Янишевский. Полк входил в состав 4-й кавалерийской дивизии 4-го армейского корпуса. Русское командование направило 4-й корпус под Плевну, где шли жестокие бои с турками. Падение Плевны ускорило вступление в войну армии Сербии. Мариупольским гусарам выпала честь стать той воинской частью русской армии, которая первой установила связь с сербами. Совместно с сербскими войсками Мариупольский полк в составе отряда генерала Гурко занял Софию в декабре 1877 г. За героическое участие в войне мариупольские гусары были удостоены самой высокой и почётной награды: полку вручили Георгиевский штандарт с надпи-

сью: «За отличие в турецкую войну 1877 – 1878 гг.» с Александровской юбилейной лентой.

Будучи частью вооружённых сил Российской империи, мариупольские гусары и казаки Войска Донского принимали участие во всех войнах, которые вела страна в XIX столетии. Наши земляки покрыли свои знамёна воинской славой, добытой в боях с врагами, и внесли свой вклад в летопись побед русского оружия.

Индустриальная революция и Донбасс: 60-е гг. XIX – первая четверть XX вв.

Отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за тем буржуазные реформы 60-70-х годов требовали скорейшего развития экономики. Особенно остро стал вопрос о налаживании надёжных связей Донбасса и Приднепровья с Северо-Западным и Центрально-Промышленным районами, с Поволжьем. Геополитические и военно-стратегические интересы России ставили задачи по развитию южных областей страны и строительству железных дорог.

5 мая 1868 г. началось строительство Курско-Харьково-Азовской железной дороги. Её подрядчиком и концессионером, а затем и владельцем стал С.С. Поляков, олицетворявший собой новый тип капиталиста-предпринимателя, появившегося в России в 60-70 гг. XIX в. в эпоху железнодорожного бума. «Железнодорожные короли» того времени, в число которых, кроме С.С. Полякова, входили П.И. Губонин, С.И. Мамонтов, С.Д. Башмаков, М.А. Варшавский, были тесно связаны с банками, правительственным аппаратом и придворными кругами. Подобные связи позволяли перечисленным предпринимателям распространять своё влияние не только на железнодорожную, но и на другие отрасли промышленности.

23 декабря 1869 г. в торжественной обстановке с оркестрами и молебнами было открыто движение поездов по ветке «Харьков-Славянск-Таганрог» Курско-Харьково-Азовской железной дороги. Железная дорога вызвала грандиозные изменения в Донбассе. Вокруг железнодорожных станций: Славянск, Краматорская, Константиновка, Горловка, Харцызск, Амвросиевка, Иловайск – стали возникать и концентрироваться угольные шахты, заводы и мастерские, вырастали фабрично-заводские посёлки. Строительство дороги дало толчок развитию угольной промышленности. Началась «угольная лихорадка», в которую с головой окунулись местные дворяне-землевладельцы. И.Г. Иловайский, владелец Макеевского рудника, построил подъездной железнодорожный путь от своих 5 шахт до станции Харцызская. Заметными фигурами были братья Рутченко, П.П. Рыковский, П.А. Карпов. Наряду с ними в регионе появился ряд других деятелей, приехавших искать богатства из других частей России.

Следует отметить, что железная дорога не только способствовала выходу донецкого угля на внутренний рынок России, но и сама являлась потребителем каменного угля, который сжигался в топках паровозных котлов. «Железнодорожный бум» и «угольная лихорадка» вдохнули жизнь в степной, в общем, аграрный регион.

С.С. Поляков хорошо осознавал значение собственной угледобычи для железной дороги. Он нанял на работу талантливого горного инженера П.Н. Горлова, которому поручил строительство шахты для снабжения углём паровозов и водокачек. П.Н. Горлов вскоре построил довольно крупную по тем временам шахту, положившую начало знаменитой в будущем шахте «Кочегарка». Одновременно с этим С.С. Поляков выигрывает концессию на строительство Азовского металлургического завода, где предусматривалась премиальная система при достижении производительности 500 тысяч пудов рельсов в год, и получает для его строительства пятьсот десятин земли близ станции Никитовка. Однако, не имея опыта подобного строительства, и подпираемый не менее честолюбивыми конкурентами, он вскоре отказывается от этой затеи.

Идею строительства металлургического завода в Донбассе подхватывает английский предприниматель-металлург Джон Хьюз (Юз). Он в критический момент для русского концессионера князя С.В. Кочубея (истекал срок действия концессии) купил за 24 тыс. фунтов стерлингов концессию. В Лондоне было создано «Новороссийское акционерное общество каменноугольного, железного и рельсового производства» с капиталом в 300 тыс. фунтов стерлингов (три миллиона рублей). Основными акционерами выступили 8 человек, а директорами-распорядителями назначены Джон Юз и Джон Гуч с жалованием 1000 фунтов стерлингов.

Осенью 1869 г. акционеры приступили к созданию металлургического завода в верховьях реки Кальмиус. Опытный металлург Джон Юз, просчитав все технические возможности будущего места строительства, был уверен в успехе. Ещё более в нём был уверен донской казачий генерал Д.А. Пастухов, практически одновременно с Юзом приступивший к строительству другого металлургического завода в городе Сулин области Войска Донского. Многие специалисты были убеждены, что именно он сможет решить проблему производства чугуна на Юге России. Спор между двумя конкурентами, русским и английским, разрешило время.

Сначала неудача постигла обоих предпринимателей. У Пастухова высокая калорийность антрацита расплавила лётку, и домну пришлось затушить, а у Юза доменная печь, пущенная 13 апреля 1871 г., проработав три дня, вышла из строя из-за низкой квалификации обслуживающих её рабочих. Но Юз оказался более упорным и искушённым организатором. Доменную печь тут же разобрали и приступили к строительству новой. 24 января 1872 г. домну задули вторично, теперь уже успешно. Так на Юге России было заложено крупное металлургическое производство,

которое позволило, наконец, наладить выплавку чугуна, стали, производить собственный прокат, рельсы, которые страна закупала за рубежом. Благодаря Юзовскому металлургическому заводу произошло оживление хозяйственной жизни на Юге. В частности, в 70-80-е гг. XIX в. начинают появляться машиностроительные предприятия, которые стали потребителями металла, выплавленного на Юзовском, а с осени 1872 г. и на Сулинском заводах.

Справедливости ради следует признать, что первоначальная производительность Новороссийского общества по производству рельсов была крайне низкой. В 1875 г., например, на заводе было выработано лишь 362,6 тыс. пудов чугунных рельсов, а производство стальных рельсов было налажено только в 1886 г. В 70-е гг. XIX столетия Юзовский металлургический завод производил всего 10% внутреннего производства железнодорожных рельсов. Такая производительность завода объяснялась, с одной стороны, низким качеством местной железной руды, с другой стороны, квотированием производимой продукции, за которую по концессии полагалась премиальная оплата.

Такая ситуация не устраивала Джона Юза. В 1874 г. он выкупает у С.С. Полякова концессию на постройку Азовского металлургического завода, по которой предусматривалась премия при ежегодной производительности 500 тыс. пудов рельсов. В мае 1875 г. император Александр II утвердил сделку, и Юз, таким образом, становится монополистом. Кроме этого, он переходит на снабжение своего завода криворожской рудой, что повысило качество выпускаемой продукции. Также по условиям концессии помимо завода и шахты «Новороссийское общество» построило 85 вёрст Константиновской железной дороги, связавшей Юзовку с Курско-Харьково-Азовской магистралью. Вдоль Константиновской дороги были построены станции: Петровская (Кривой Торец), Железная (Фенольная), Ясиноватая, Юзово (Донецк), Рудничная (Рутченково) и Еленовка.

Интенсивное развитие промышленности потребовало дальнейшего развития железнодорожного транспорта региона. В апреле 1875 г. правительство приняло решение о строительстве Донецкой каменноугольной железной дороги. Обладателем концессии на строительство дороги стал русский промышленник Савва Иванович Мамонтов, организовавший акционерное общество. 1 декабря 1878 г. открылось движение на линиях общей протяжённостью 389 вёрст. В 1879 г. вошли в строй железнодорожные ветки «Попасная – Лисичанск» и «Хацапетовка – Криничная – Ясиноватая». Общая протяжённость Донецкой каменноугольной железной дороги достигла 479 вёрст. Центральной станцией дороги было Дебальцево. Строительство основной части современного вокзала длилось около 14 лет с 1879 по 1893 гг. Здание вокзала построили по проекту архитектора Ю.С. Цауне. В путеводителе «Спутник пассажира» говорится: *«Дебальцево – громадное здание пассажирского вокзала красиво*

Здание вокзала в Дебальцево (открытка нач. XX в.).

выделяется среди пустынной степной местности. Большой зал 1 и 2 классов и отдельно для пассажиров 3 и 4 классов. Прекрасный буфет со всякого рода яствами и напитками, содержимый касимовскими татарами – один из лучших на линии Юго-Восточных дорог».

Донецкая каменноугольная дорога принесла Савве Мамонтову не только хорошие барыши, но и всероссийскую известность. Её строительство завершилось в 1882 г. На Донецкой каменноугольной железной дороге насчитывалось 15 паровозных депо: 3 основных на 56 паровозов (Дебальцево, Ровеньки, Попасная), 2 оборотных на 12 паровозов (Луганск, Краматорск) и 10 резервных на 14 паровозов (Криничная, Зверево, Ступки, Лисичанск, Никитовка, Хацапетовка, Марьевка, Варваропольe). Организация движения поездов, службы пути стали прототипом структурных подразделений современной Донецкой железной дороги. На дороге работало 92 паровоза, 2223 грузовых вагона, десятки тысяч высококвалифицированных специалистов. С.И. Мамонтов был весьма доволен построенной дорогой; когда в Мариуполь-порт в 1889 г. пришёл первый состав с углём, Мамонтов гордо заявил: *«Дорога построена прекрасно, я не Самуил Поляков, я – Савва Мамонтов».* В 1890 г. С.И. Мамонтов продаёт Донецкую каменноугольную дорогу государству. Благодаря активному совершенствованию транспортной инфраструктуры практически все города и многие крупные посёлки Донбасса получили

хорошее сообщение, железная дорога стала важным фактором прихода в регион иностранных инвестиций.

Иностранный капитал, привлечённый природными богатствами Донецко-Криворожского бассейна, дешевизной рабочей силы, покровительством русского правительства, выплачивавшего премии за каждый пуд рельсов, гарантиями сбыта произведённой продукции – за последнюю треть XIX в. совершил подлинный переворот в развитии металлургии на Юге России. Регион пережил «металлургический бум». К началу XX в. в Донбассе были построены 13 больших заводов. В отчёте Славяносербского земства за 1895 г. говорилось: *«За последние пять лет Донецкий бассейн по справедливости можно назвать русской Бельгией не только по характеру промышленности, но и по тому, что она находится в руках иностранцев-бельгийцев». Бельгийские и французские капиталисты построили Енакиевский, Макеевский, Дружковский, два металлургических предприятия в Мариуполе – «Никополь» и «Русский Провиданс».*

В начале XX в. в регионе работало более 300 промышленных предприятий. Заводы Донбасса производили 33% общего производства металла России. Параллельно с металлургией развивались другие отрасли промышленности: соляная, содовая, машиностроение, металлообработка, цементная. В 1895 г. вблизи Никитовки русские инженеры А. Ауэрбах и А. Миненков построили первый в России завод по производству ртути, которая не только использовалась для потребностей страны, но и шла на экспорт.

В этот период в Донбассе сформировалась очень сильная инженерная школа русской инженерии. Современный Донбасс по праву гордится именами инженеров-предпринимателей, организаторов крупного производства: Ф.И. Енакиева, П.Н. Горлова, А.Ф. Мевиуса, Н.С. Авдакова, И.П. Бардина, Л.И. Лутугина, М.К. Курако, А.А. Свицына и других. В их честь названы многие населённые пункты. В 1898 г., в первую годовщину пуска завода, по постановлениям Бахмутского уездного и Екатеринославского губернского земских собраний, населённые пункты, где располагался металлургический завод, рудники и посёлки РБМО, были названы именем одного из основателей этого общества – инженера путей сообщения Фёдора Егоровича Енакиева. Спустя несколько лет Ф.Е. Енакиев писал: *«Заслуги мои как общественного деятеля Юга России запечатлены постановлениями Бахмутского уездного и Екатеринославского губернского земских собраний 1898 г., почтивших меня отличием, редко выпадающим на долю гражданина, связав моё имя с названием той местности, где я трудился над созданием металлургических заводов и угольных копей, столь значительных по своей производительности, что в безводную степь ныне привлечено, нашедшее там средства к существованию, население в 40 тысяч душ».*

Участники Съезда горнопромышленников Юга России 1911 г.

Важно также отметить, что многие инженеры стали инициаторами создания первой в России представительской организации – **«Съезда горнопромышленников Юга России».**

Идеологом создания этой организации выступил талантливый горный инженер Пётр Горлов. Его идею поддержали И.Г. Иловайский, Дж. Юз. Первый съезд и оформление организационной структуры произошли в ноябре 1874 г. в городе Таганроге, где прошёл I съезд горнопромышленников Юга России. Влияние этой организации на правительство России было большим. Для повседневной работы был образован специальный орган: «Совет съезда горнопромышленников Юга России», который с 1878 по 1915 гг. возглавлял Н.С. Авдаков. Это он создал союз, соединивший вместе как богатейших предпринимателей, владельцев шахт, металлургических заводов, так и теоретиков, профессоров, инженеров. Внутри этой организации родилась идея выделения Донбасса и Кривбасса в самостоятельный регион. В это время впервые произошло осмысление Донбасса в качестве самостоятельного и самодостаточного региона. В дальнейшем данная идея получит оформление в период Великой Октябрьской революции, когда будет основана Донецко-Криворожская республика, а затем в 2014 г. с образованием Донецкой народной республики.

Таким образом, с конца 60-х гг. XIX в. и с первой четверти XX в. Донбасс превращался в крупнейший промышленный центр. По темпам экономического роста он обогнал старопромышленный Урал и стал ведущей горно-металлургической базой страны. Согласно Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в границах современного Донецкого

края проживало 775 тыс. человек, а накануне Первой мировой войны 1914 г. – более миллиона человек разных национальностей.

Урбанизация края и формирование городской субкультуры

В стихотворении «Новая Америка» (1913 г.) знаменитый русский поэт Александр Блок описывает территорию Новороссии начала двадцатого века, когда процесс освоения земель разными народами мира сменился быстрой индустриализацией. А. Блок противопоставляет две Руси: Русь крестьянскую и Русь промышленную:

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной – без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, – и вдруг
Многоярусный корпус завода
Города из рабочих лачуг…

Чёрный уголь – подземный мессия,
Чёрный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда…
То над степью пустой загорелось
Мне Америки новой звезда!

В Донбассе начинается новый период исторического развития. С конца XIX в. здесь был востребован не пахарь-земледелец, а механик, слесарь, фрезеровщик, электрик, горновой, вальцовщик, т.е. специалист-рабочий, связанный с техникой, хорошо разбирающийся в законах её действия. Регион нуждался в высших инженерных кадрах. Отныне техника, крупное машинное производство окончательно утвердилось в производственной жизни Донбасса.

В Донецкий бассейн стекались представители различных национальностей, создававших невероятное смешение народов, и он считался у современников «Русской Америкой». Как пишет американский исследователь Уильям Таубман: *«Донбасс был Америкой для бедного человека. Донбасс имел репутацию края возможностей, где смелый, сильный человек мог заработать хорошие деньги».* Американский биограф Н.С. Хрущёва, ставшего в 1953 г. руководителем огромного Советского Союза, так

описывал переезд будущего советского вождя из курской деревушки в Донбасс: *«275-мильный переезд из Калиновки в Юзовку был шагом в новое столетие. В возрасте 14-ти лет Хрущёв навсегда покинул почти средневековую жизнь в русской деревне и въехал в город, который находился в центре российской индустриальной революции».* Здесь, в рабочем посёлке Юзовка, который в советский период преобразится в город-миллионик Донецк, Н.С. Хрущёв приобрёл рабочую профессию слесаря, сначала работая на машиностроительном заводе Боссе, а затем на шахте.

Н.С. Хрущёв со своей первой женой (фото сделано в Юзовке).

Рост населения Донбасса в период индустриализации можно проиллюстрировать на примере посёлка Дмитриевский (нынешний город Макеевка) и посёлка Енакиевский завод. Посёлок Дмитриевский был основан в 1892 г. на землях, принадлежавших Иловайским и названный в честь казачьего генерала от кавалерии Дмитрия Ивановича Иловайского – родоначальника этого многочисленного донского дворянского рода. Именно потребность в постоянных квалифицированных рабочих кадрах, необходимость упрочить оседлый образ жизни населения и создать для него культурный центр, побудили Иловайских основать навое поселение. Развитие посёлка шло быстрыми темпами. Уже через 5 лет после его основания население составило 7 тыс. человек. В 1898 г. на западной окраине посёлка началось строительство сталелитейного завода «Генерального общества чугуноплавильных, железоделательных и сталелитейных заводов России» (в будущем завод «Юнион»). С этого времени «посёлок рос не по дням, а по часам», как отмечают архивные документы. Строятся шикарные магазины, растут торговые обороты, появляются больницы, школы, почта, деревянная церковь Всех святых. Людская молва окрестила посёлок «Донецким Чикаго». В 90-х гг. XIX в. здесь сложился Макеевский промышленный район, где действовало 34 шахты, механический и машиностроительный заводы, железнодорожные мастерские.

В 1912 г. население посёлка составляло более 25 тыс. человек, и это без учёта жителей ближайших заводских и шахтных посёлков, а вместе

с ними в Дмитриевском районе насчитывалось свыше 40 тыс. жителей. Посёлок по своим размерам и торговым оборотам не уступал любому среднему уездному городу. В сознании жителей посёлка происходят глубинные качественные изменения. Меняется психология поселян, их социальное поведение, растёт общественное самосознание, меняется отношение к своему новому дому – как не к месту «временного проживания», а месту постоянного жительства. Посёлок имел два рынка и в 1912 г. открылся третий. В Дмитриевском работало 4 типографии, 420 торговых предприятий, 100 бакалейно-гастрономических лавок, 30 хлебных и мучных, 27 колбасных и мясных, 28 овощных и фруктовых, 58 винно-водочных, 5 книжных, 6 музыкальных и 6 аптечных магазинов. В посёлке была сооружена образцовая скотобойня с ветеринарной станцией. Иметь «своё дело» было модным. Некоторые служащие, построив дом, одну или две комнаты отводили под магазин или лавку. Согласно докладной записки полицейского надзирателя, в 1912 г. в посёлке Дмитриевском насчитывалось 500 приказчиков, 160 ремесленников, 225 извозопромышленников.

Для решения жилищно-коммунальных вопросов посёлка Дмитриевка была введена должность заведующего посёлком. В 1912 г. им стал гражданин Швейцарии Адольф Блу. К 1912 г. в посёлке уже застроено 1817 участков. Жителями посёлка была создана общественная организация Съезд домовладельцев, переименованная в Союз домовладельцев. От 50 домов выбирался уполномоченный. Собрание уполномоченных совместно с администрацией решало вопросы благоустройства, распределения расходов общества «Русский горный и металлургический Унион». В посёлке было два водопровода. Питьевая вода поступала из подземных источников, а также был построен технический водопровод. В 1905 г. посёлок электрифицировали. Центральные улицы посёлка вымостили булыжником, для пешеходов сделали тротуары. Общая длина вымощенных улиц составила 9 вёрст. На улицах установили 23 дуговые лампы.

Грамоте обучали в начальной рудничной школе, где училось 900 детей, и в 2-х классном церковно-приходском училище. Обучение было бесплатным. В 1908 г. открылась женская гимназия, а через несколько лет и мужская гимназия. Эти учебные заведения были частными и платными. Лечили жителей в 3-х больницах: земской, рудничной и заводской. Врачом на Щегловке работал известный доктор Николай Николаевич Любимов, выпускник Военно-медицинской академии в Петербурге.

Отдыхали жители посёлка и приезжие в Общественном саду, а также в садах «Ливадия» и Мурадяна. Синематограф в посёлке был представлен двумя кинотеатрами «Солей» и «Колизей». В посёлке работали 2 гостиницы: «Эрмитаж» и «Европейская», кроме них имелся и постоялый двор. С 1907 г. в Дмитриевске появилась первая русская горноспасательная

станция с рядом научных лабораторий, при которой в сентябре 1909 г. была открыта школа горных десятников имени В.А. Вагнера. Обучение длилось два года и было бесплатным. Сегодня это известный научно-исследовательский институт МакНИИ. Жители посёлка увлекались спортивными играми, в частности, футболом и горячо болели за свою команду. По своему экономическому и культурному потенциалу посёлок перерос свой статус и соответствовал городскому типу поселения.

Учителя начальной школы в Великоанадольском лесу (по В.И. Мозговому, В.Г. Ляшенко).

В 1913 г. учредитель мужской гимназии посёлка, потомственный дворянин А.Н. Муромцев начал борьбу за предоставление Дмитриевскому статуса города и переименование его в Романов-Донбасский. Но ему было отказано *«в виду отсутствия общественной пользы».* Этот вопрос вновь рассматривался на Совете съезда и освещён в отчёте XXXIX Съезда горнопромышленников Юга России, который состоялся в городе Харьков в 1914 г. 3 февраля 1914 г. За Войскового Наказного Атамана Войска Донского генерал-майор Туроверов представил Министерству Внутренних Дел Российской империи ходатайство общества о благоустройстве посёлка Дмитриевского Макеевского горного района, Таганрогского округа. В ходатайстве содержались следующие пожелания: 1) О преобразовании названного посёлка в город с введением в нём упрощённого городского общественного управления. 2) Об отчуждении в пользу будущего города земли, занятой под посёлком. 3) О присвоении новому городу в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, наименования «Романов-Донбасский». 4) О сооружении памятника императору Александру III. 5) О наименовании площади, где будет установлен памятник, «Александровской». Главным мотивом к такому ходатайству была забота о благе 20 тыс. людей, живущих в посёлке Дмитриевском.

Реакции собственников шахт и заводов была резкой. Совет съезда горнопромышленников Юга России расценил такое преобразование как угрожающее интересам того предприятия, на земле которого распола-

гался посёлок Дмитриевский. Была подготовлена докладная записка министру торговли и промышленности с ходатайством об отказе содействия к ограждению законных интересов южной промышленности при решении этого вопроса. Горнопромышленники Юга России оказали противодействие инициативе Екатеринославского губернского по земским и городским делам присутствия, которое уведомило Совет съезда, что оно рассмотрело 1 ноября 1913 г. вопрос о введение в 9-ти посёлках Екатеринославской губернии упрощённого городового положения. В числе этих посёлков были: Юзовка, Енакиево, Гришино (Красноармейск) и другие. Ответ Совета съезда был предсказуем. Преобразование посёлков затрагивало интересы владельцев предприятий горной и горнозаводской промышленности (крупной буржуазии). Большое нежелание объяснялось очень просто – предприниматели не хотели платить налоги в городскую казну и опасались сокращения прибыли. В очередной раз инициатива земства была отвергнута.

Городской образ жизни входил в плоть и кровь жителей центрального Донбасса. Одним из ярких примеров преобразований является история Петровского посёлка, современного города Енакиево. С вводом в действие в 1897 г. Русско-Бельгийским металлургическим общество РБМО завода, ставшим одним из крупнейших предприятий Юга Российской империи, ожила вся округа. Уголь для завода добывался на рудниках Софиевском, Веровском, Нарьевском, Бунге. Вокруг завода рос посёлок, который стал центром агломерации. Население посёлка росло быстрыми темпами. В 1912 г. Екатеринославская земская управа сообщала, что численность работников Петровского завода составляла более 7 тысяч человек. По статистическим данным губернской земской управы за 1915 г., в посёлке Енакиево проживали 16515 человек, в остальных населённых пунктах Еленовской (Воровской) волости 30706 человек. Данные о русском и еврейском населении (русских было 46519, евреев 630), без учёта католиков, протестантов, мусульман, проживавших в Енакиевском промышленном районе. Земские деятели отмечали, что посёлок Енакиево с группой прилегающих поселений является промышленным и культурным центром целого района.

В эти годы шёл активный процесс формирования городской субкультуры, космополитичной по своей сути. Прибывшие в Донбасс бельгийцы и другие иностранные специалисты называли место вокруг Енакиевского посёлка «Российским Сереном» (город в Бельгии). Тоскуя по родине, на новом месте жизни и работы, иностранные специалисты стремились перенести образ городской жизни в степи Донбасса. Администрация завода создала клуб. В здании был зрительский зал, имелся так же танцевальный зал, казино, теннисный и крикетный корты, бильярд. Ежегодно бельгийцы отмечали День Бельгии 21 июля. В этот день в посёлке объявлялся выходной день, вывешивались бельгийские флаги,

проводились народные гуляния. Несомненно, Енакиевский посёлок нёс на себе отпечаток бельгийского колорита.

До 1917 г. в посёлках при Петровских заводах было несколько культурных центров. Одним из таких центров являлся кинотеатр (или как тогда говорили, синематограф) «Иллюзион» на 200 зрительских мест, который построил купец Н.Н. Жив. Часть улицы к «Иллюзиону» Н.Н. Жив вымостил булыжником, где публика совершала променад. Открылись Летний театр в Александровском парке, залы Коммерческого клуба в посёлке Александро-Полонском, Енакиевское восьмиклассное коммерческое училище, общество потребителей служащих, мастеровых и рабочих РБМО, Народный дом Общества попечительства о народной трезвости, располагавшийся в Енакиево. На Базарной площади построили стационарный цирк. На его арене выступали силачи Иван Поддубный, Иван Заикин, известный дрессировщик Владимир Дуров.

Самым крупным фабрично-заводским посёлком Донбасса являлась Юзовка, которая формировалась под очень сильным воздействием «Новороссийского общества железоделательного и рельсового производства», принадлежавшего английскому капиталу. Посёлок Юзовка делился на две части: южную и северную. В южной части размещались завод, депо, телеграф, больница и школа. Недалеко от завода располагалась «английская колония», в которой жили квалифицированные рабочие, инженеры и управленцы. Здесь находилась резиденция Джона Юза и комплекс домов для иностранных специалистов. Здания были построены в английском стиле. В них использовались прямоугольные фронтоны на четырёхскатных крышах зелёного цвета, большие окна с белым обрамлением, которые занимали значительную часть кирпичных стен домов, веранды были остеклены. В этой части Юзовки тротуары были мощёные. Большое влияние на формирование архитектурного стиля оказал официальный архитектор «Новороссийского общества» Молдингауэр. До наших дней сохранились дом Джона Юза, дом Нестерова, дом братьев Рутченко, школа для детей английской администрации.

В северной части посёлка Юзовки («Новом Свете») проживали торговцы, ремесленники и чиновники. Здесь размещался базар с трактирами, полицейское управление, пожарное отделение, казачьи казармы, Спасо-Преображенский собор. Центральная улица Нового Света – Первая линия и прилегающие к ней улицы застраивались 1-3-этажными жилыми домами, магазинами, ресторанами, гостиницами, кинотеатрами (которых было 5), конторами различных фирм и офисами банков. Одно из сохранившихся зданий этой части города – здание гостиницы «Великобритания», построенное в 1891 г.

Рабочие Юзовского завода проживали не только в благоустроенных квартирах и домах, но и в казармах, и в саманных мазанках. Строительство жилья отставало от темпов роста численности населения. Если

в 1870 г. в посёлке проживало всего 164 человека, то в 1897 г. – 29 тыс. человек. В 1917 г. численность населения Юзовки достигла отметки 70 тыс. жителей. В мае 1917 г. посёлок Юзовка получил статус города.

В Донбассе получает активное развитие спорт и физкультура. Игру в футбол завезли англичане в начале 70-х гг. XIX в. Можно с уверенностью говорить, что футбол зародился в России именно в Донбассе. Первоначально англичане Юзовского завода играли между собой, а рабочие завода, наблюдая за игрой, стали подражать англичанам. А через некоторое время на регулярной основе начали проводиться традиционные матчи между инженерно-техническим персоналом завода и рабочими этого же завода. Игра в футбол набирала популярность, распространяясь по всему краю. В апреле 1913 г. произошло важное событие в Донбассе – впервые оформилась региональная футбольная лига. Её учредителями стали: «Юзовское спортивное общество» (ЮСО), которое образовалось в сентябре 1911 г. под председательством британского подданного Дисан Генри Изли (начальник рельсопрокатного цеха металлургического завода), «Клуб любителей футбольный игры» из Дружковки, основанный в 1911 г., Краматорское спортивное общество, возникшее в 1912 г. (председатель Вюрфель), а так же Константиновское общество «Спорт», образованное в 1913 г., которое возглавлял бельгийский подданный Франсуа Людвигович Гомон. 28 апреля 1913 г. стартовал первый кубок Футбол-лиги Донбасса. ЮСО приняло на своём поле представителей Дружковки и выиграло со счётом 2:1. «Английская команда» Юзовки выиграла первый Кубок 1913 г.

Таким образом, в первой четверти XX в. Донбасс стал не только промышленным, но и культурным центром, который уже имел свою историю, традиции и культуру. В культурном ландшафте преобладала городская, главным образом, русская субкультура, в него вписали свои страницы англичане, валлийцы, французы, бельгийцы, которые работали на предприятиях региона.

Земские органы самоуправления Донбасса (1866-1917 гг.)

Отмена крепостного права в Российской империи в 1861 г. вызвала необходимость проведения целой череды реформ. 1 января 1864 г. было опубликовано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», вводившее всесословные выборные органы местного самоуправления – земства. Они избирались всеми сословиями на трёхлетний срок и состояли из распорядительных органов (уездных и губернских земских собраний) и исполнительных органов (уездных и губернских управ). Выборы в земские собрания проводились на трёх избирательных съездах (по куриям). Депутаты земских собраний назывались гласными (имевшими право голоса). Гласные собирались на сессии для рассмотрения годовых

отчётов, утверждения сметы доходов и расходов. Никакого вознаграждения за службу гласные не получали.

Члены земских управ работали постоянно и получали жалование. Кроме того, земство содержало на своём жаловании по найму земских врачей, ветеринаров, агрономов, учителей, статистов и прочих служащих, которые составляли так называемый третий элемент в земстве (первым считались гласные, вторым – члены земских управ).

На содержание земства собирались сборы с населения. В течение 1866-1875 гг. объектом обложения служила земля. Она давала до 85% общего земского сбора. Помимо земли земским налогом облагались: городское недвижимое имущество, а также свидетельства на право ведения промыслов и торговли. С 1881 г. земские сборы стали взиматься с фабрично-заводского и горнопромышленного промыслов. Эти меры значительно расширили возможности земских бюджетов и расширили круг решаемых задач.

Согласно закону 1864 г. земства вводились в 34 губерниях. Одной из них была Екатеринославская, в состав которой входили Бахмутский и Мариупольский уезды. В Донбассе в Бахмутском уезде земство было учреждено 5 апреля 1866 г., а в Мариупольском уезде – в январе 1869 г.

Механизм работы земских управ был следующим. В 1913 г. сельский сход Старомихайловки обратился в земскую управу с ходатайством о строительстве в селе больницы. Съезд врачей уезда высказался за постройку амбулатории, а не больницы. Очередное земское собрание сессии 1913 г. поручило управе войти в соглашение со Старомихайловским сельским обществом об отводе земельного участка под амбулаторию. А разницу между стоимостью амбулатории и больницы было предложено доассигновать из собственных средств. По приговору сельского схода из собственных средств было выделено 25 тыс. рублей на постройку больницы.

В 1907 г. в Бахмутском уезде насчитывалось 257 сельских обществ, в которых проживало 259 тыс. человек. 141 сельское общество пользовалось в широких размерах дополнительными заработками на железной дороге, на заводах, рудниках, получали арендную плату за недра, которые использовали горнопромышленники. Дополнительные заработки обществ расширяли финансовые возможности и позволяли успешно решать текущие проблемы социального развития. Так, «Народная газета Бахмутского земства» от 15 января 1914 г. опубликовала статью Н. Кириченко, посвящённую 50-летнему юбилею деятельности земских учреждений в уезде. Автор статьи привёл данные о состоянии дел в здравоохранении и образовании. В дореформенную эпоху в уезде была 1 больница в городе Бахмуте, которая обслуживала лишь больных военного ведомства. Благодаря настойчивости земских гласных, сельских обществ к 1914 г. количество больниц увеличилось до 14, помимо них в сфере медицинского обслуживания населения уезда работало 12

амбулаторий, 10 фельдшерских пунктов и 1 санаторий. Все медицинские учреждения размещались в специально построенных зданиях и были укомплектованы врачебным и вспомогательным персоналом.

Земские доктора и медработники получали достойную зарплату. Об этом красноречиво говорят исторические документы. Например, в журнале Мариупольской уездной земской управы за 1891 г. содержится информация о слушании личного заявления Г.К. Тохтамышева, состоявшего в должности земско-общественного врача села Старого Керменчика. Этот документ проливает свет на уровень заработной платы. Врач получал жалование от сельского общества 900 рублей в год, а со стороны земства – медикаменты. Как правило, общество строило дом для врача, а поскольку продукты питания в селе стоили копейки, такое жалование гарантировало земскому доктору достойную жизнь. То же самое мы видим и в деле народного образования. До реформы 1864 г. в Бахмутском уезде насчитывалось всего 8 школ, в которых обучалось около 1300 учеников. Совсем иную картину представляла система земского образования в 1914 г. В это время насчитывалась 191 школа, где обучались 17 тыс. учащихся. Земский учитель получал хорошую зарплату за свой труд, бесплатно учебники и пособия, а также дополнительное вознаграждение за работу по ликвидации неграмотности взрослого населения в размере 40-60 руб. в год, а за руководство хором учеников 20 руб. и т.д.

Таким образом, за годы своей работы земским органам самоуправления удалось существенно улучшить положение дел на местах, ускорить темпы экономического развития, улучшить местную инфраструктуру и многое другое. Деятельность земства была достаточно успешной и плодотворной. Благодаря земству в обществе укрепились традиции гражданского самоуправления, сформировался уникальный социальный феномен земского третьего элемента. Опыт работы земства достоин изучения, обобщения и использования в современных условиях строительства ДНР.

Общественное и революционное движение в Донбассе

Наиболее массовым в Донбассе и самым первым общественным движением, заявившем о себе как о самостоятельной силе, было рабочее движение. Тяжёлые условия труда, низкая заработная плата, высокий уровень травматизма, зависимость от предпринимателей, полнейшее политическое бесправие – всё это вместе взятое поднимало рабочих Донбасса на борьбу за свои права.

Вот несколько характерных цифр. Рабочий день на шахтах Донбасса составлял 12 часов в сутки, зарплата не более 12-13 рублей в месяц, что составляло 140-160 рублей в год. Правда, с 1885 по 1900 г. среднегодовой заработок шахтёров увеличился до 343 рублей, а у забойщиков до 425 рублей. Дневной заработок детей и женщин в угольной промышленности

не превышал 30-50 копеек в день. Горнопромышленники Донбасса мало заботились о безопасности труда, что приводило к массовому травматизму и гибели рабочих. В 1908 г. на Рыковской шахте во время взрыва газа погибло 274 шахтёра, а на шахте «Итальянка» в марте 1912 г. 118 человек.

Не лучше обстояли дела в металлургической промышленности. Хотя в этой отрасли был резкий разрыв в оплате между квалифицированными рабочими и основной рабочей массой. Если англичане получали у Хьюза 3-4 рубля в день (до 100 рублей в месяц), то обычные заработки русских рабочих не превышали 1 рубля (или 20-25 рублей в месяц). На Юзовском металлургическом заводе к тому же заработок выплачивали 2-3 раза в год. По бюджету рабочих больно били штрафы: за опоздание на пять минут вычитывали из зарплаты 5 копеек, на пятнадцать минут 15 копеек, а свыше пятнадцати минут – вычиталась из зарплаты дневная ставка целиком. Накладными для рабочих были обычные в Донбассе вычеты из зарплаты за доставку угля и воды (1 рубль с человека в месяц), 1% с заработка на содержание церквей и т.д. Юзовка представляла собой в дореволюционный период ужасное зрение, которое Таубман описывает так: *«В 1910 году жители Юзовки набирали воду из 27 разбросанных по городу колодцев: единственный водопровод обслуживал только иностранцев. Рабочие жили в бараках, по пятьдесят – семьдесят человек в комнате. Никакой мебели в бараках не было, если не считать расположенные рядами нары и верёвку под потолком, на которой шахтёры сушили мокрую одежду и портянки. В шахту они спускались в обычной повседневной одежде, а поднимаясь на поверхность, лишь ополаскивали лицо. Каждая кровать служила пристанищем двоим; работали в шахте в две смены, спали по очереди».*

Такие условия существования были питательной средой для распространения среди рабочих протестных и революционный идей. Первыми выступили в защиту своих интересов шахтёры Юзовки. В 1874 г. они организовали забастовку, добиваясь повышения зарплаты. Через год стачка повторилась. В мае 1887 г. шахтёры Юзовского района добились незначительного повышения расценок и ежемесячной выдачи зарплаты. Одним из наиболее сильных выступлений рабочих этого района были августовские волнения 1892 г., которые имели широкий резонанс не только в Донецком бассейне, но и по всей стране. В этих волнениях, которые вошли в историю под названием «холерного бунта», приняли участие 15 тыс. рабочих.

Со второй половины 90-х гг. XIX в. рабочее движение усилилось. Ведущие позиции в нём принадлежали металлистам и машиностроителям. Например, в июне 1899 г. произошла стачка рабочих обоих мариупольских заводов, которая была самой крупной на Юге России. Следует иметь в виду, что на рубеже XIX-XX вв. в Донбассе возникли социал-демократические кружки и группы. Они появились в Горловке, Краматорске, Макеевке,

Бахмуте, Славянске, Мариуполе, на многих заводах и шахтах. В начале XX столетия под влиянием ленинской «Искры» социал-демократическое движение усилилось. В 1901-1902 гг. Г.И. Петровский и П.О. Моисеенко создали рабочие кружки на Щербиновском, Неленовском и Никитовском рудниках. В январе 1902 г. социал-демократы в Донбассе организовали «Социал-демократический союз горнозаводских рабочих Юга России» (с декабря 1903 г. – Донецкий союз РСДРП), который объединял организации Бахмута, Мариуполя, Щербиновки, Юзовки. После II съезда РСДРП руководство «Союза» перешло на позиции меньшевизма.

Под влиянием социал-демократов рабочее движение начинает выдвигать политические требования. Во время первомайских манифестаций и забастовок 1903 г. на заводах «Российский Провиданс» и «Никополь-Мариупольский», а также на некоторых шахтах Юзовки вместе с экономическими требованиями были выдвинуты политические лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!».

Ещё больший размах приобрело рабочее и крестьянское движение в Донбассе в годы Первой русской революции 1905-1907 гг. Уже в январе 1905 г. рабочие многих заводов и шахт откликнулись стачками протеста на события кровавого воскресенья в Петербурге. 17 января 1905 г. остановили работу металлисты Юзовского завода, а 25 января остановились многие предприятия региона. Бастовали 15 тыс. рабочих, которые требовали введения 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы. Летом 1905 г. политические стачки прошли в Мариуполе, Горловке, а также на рудниках в районе Юзовки и Бахмуте. Во время всероссийской октябрьской политической стачки и в начале декабря 1905 г. рабочие Юзовки, Мариуполя, Енакиево создали Советы рабочих депутатов и приступили к формированию боевых дружин. Одновременно возникли профсоюзные организации, которые под влиянием социал-демократов встают на путь революционной борьбы. Первые вооружённые выступления боевых дружин Донбасса против царских войск произошли на станциях Авдеевке, Ясиноватая 13 декабря 1905 г.

Центром вооружённого восстания рабочих Донбасса в ходе Первой русской революции 1905 г. против царизма стала Горловка. 16 декабря днём в Горловке в контору машиностроительного завода пришла масса рабочих количеством около 300 человек. Начался митинг, на котором ораторы произносили речи политического характера. К зданию конторы прибыли войска. Произошло столкновение, причём со стороны рабочих было убито 3 и ранено 15 человек. В Горловке рабочие организовали вооружённую самооборону. Они обратились за помощью к рабочим других центров Донбасса. В Горловку прибыли рабочие дружины из Авдеевки, Дебальцево, Енакиево, Харцызска, Ясиноватой, которые уже контролировались восставшими. Например, в Дебальцево рабочие депо и механического завода обезоружили полицейских чинов и жандармов,

отобрав в канцелярии надзирателя 35 винтовок. В субботу 17 декабря рабочие дружины Донбасса атаковали казармы, в которых находились 3 роты пехоты и 1 эскадрон драгун. С 8 часов утра начался настоящий бой, который продолжался 4 часа. К полудню подошла сотня казаков из Волынцева и рабочие оказались под перекрёстным огнём. Восстание было подавлено. Правительственные войска захватили станции Авдеевка, Дебальцево и другие.

Карта революционных выступлений в 1905-1907 гг.

Революционные выступления проходили и в других городах. Например, в Бахмуте во время Горловского восстания в городе полиция была обезоружена и ранен околоточный надзиратель Шкультецкий и 1 городовой. Рабочее движение оказало решающее воздействие на революционную борьбу крестьян, которая развернулась под лозунгами немедленного раздела помещичьей земли, уменьшения арендной платы, ликвидации отработок. Крестьянские боевые дружины зачастую вместе с рабочими охраняли станции, рудники. Так, крестьяне сёл Ильинки, Васильевки, Георгиевки присоединились в декабре 1905 г. к дебальцевскому забастовочному комитету и отправили своих дружинников охранять общественный порядок в Дебальцево.

Декабрьское вооружённое восстание было наивысшей точкой революции. После поражения революция пошла на спад. Однако борьба против царского самодержавия продолжалась. В 1906 г. массовые и продолжительные выступления прошли на шахтах Рутченковского района, где в июле бастовало более 6 тыс. шахтёров, на станции Рутченково произошли столкновения с драгунами.

В годы революции в Донбассе, как и во всей стране, шёл процесс формирования местных отделений политических партий. Известно, что «Союз 17 октября» образовался в ноябре 1905 г. Социальной базой партии были помещики, перестроившие своё хозяйство на капиталистический лад и верхи торгово-промышленной буржуазии. В Донбассе «октябрьские» организации оформились в январе 1906 г. В Мариуполе, например, организация состояла из 152 человек. Среди служащих земского и городского самоуправления, значительной части интеллигенции большой популярностью пользовались «кадеты» (конституционные демократы). Численность кадетских организаций в Донбассе установить трудно, но

архивные документы, периодическая печать свидетельствует о том, что они существовали в Бахмуте, Мариуполе, Юзовке.

В городах и посёлках края были организованы отдельные монархические организации. В 1907 г. насчитывались следующие организации «Союза русского народа»: в Енакиево – 800 человек, в Мариуполе – 1200 человек. Данные о численности в Бахмуте отсутствуют, зато известно, что в Луганском уезде в организации состояло 900 человек. Помимо отделений «Союза русского народа» в Донбассе существовала одна монархическая организация «Союз русских рабочих» на рудниках Ауэрбаха численностью 300 человек. Эти цифры говорят о том, что монархические организации не имели широкой социальной базы и не пользовались широкой поддержкой народа. Тем не менее, «черносотенцы» организовали в октябре 1905 г. еврейские погромы в Бахмуте, Юзовке и пытались влиять на общественно-политическую жизнь Донбасса.

Наиболее массовыми комитетами и организациями в регионе были партии социал-демократов и эсеров. Весной 1906 г. создаются Юзовско-Петровский, Константиновско-Горловский, Мариупольский комитеты РСДРП. Социал-демократические организации больших станций Дебальцево, Харцызск, Гришино вошли в состав узлового комитета РСДРП. Только в Юзовско-Петровском комитете РСДРП насчитывалось 3 тыс. человек. Эсеровские организации имелись в Бахмутском и Мариупольском уездах. В 1905-1907 гг. в некоторых городах Донбасса действовали организации Бунда и сионистов. Это было характерно для тех городов и местечек, где доля еврейского населения была значительной, в частности, Бахмуте, Мариуполе, Юзовке.

В феврале-марте 1906 г. по всей стране прошли выборы в **I Государственную Думу**. Они состоялись в условиях правительственных репрессий. Все политические партии, за исключением большевиков, бойкотировавших выборы, приняли в них активное участие. Борьба за голоса избирателей развернулась на митингах, страницах газет. В Донецком крае наиболее активно действовала кадетская организация Мариуполя. В 1906 г. ей удалось выпустить несколько номеров газеты «Вестник Мариуполя» и обеспечить победу на выборах в I Думу лидера местных кадетов Митрофана Ивановича Михайличенко, который по своим взглядам был близок к социал-демократам.

Однако больше всего депутатов в I Государственную Думу было избранно от крестьян Донбасса. Все они входили в трудовую группу Думы. От Мариупольского уезда был избран 30-летний крестьянин Алексей Никитович Возовик, волостной писарь, гласный мариупольского земского собрания, попечитель земской школы; Иван Ильич Лысенко, 36-летний крестьянин и Дмитрий Илларионович Назаренко, 45-летний крестьянин хутора Мелового Старобельского уезда, окончивший учительскую семинарию и служивший лесничим.

Известно, что I Дума просуществовала 72 дня, а затем была распущена. Своеобразно на это событие отреагировали рабочие Юзовки. Очень популярными стали демонстрации с проходом на железнодорожную станцию толпами тысяч по 8-10, в этих случаях на станцию посылалась охрана, которую встречали криками «Ура!», на что охрана отвечала иногда тем же. После роспуска Думы, когда повсюду царила тишина, юзовцы собирались на митинги, скрывали от полиции своего любимого оратора, бывшего депутата Думы М.И. Михайличенко.

М.И. Михайличенко, депутат I Думы 1906 г.

В острой политической борьбе проходили выборы во II Государственную Думу. Во время выборов уполномоченных и выборщиков, которые проходили в 1907 г. от всех заводов и шахт Юзовского района было избрано 50 человек, из которых большинство являлись членами РСДРП. За кандидатов РСДРП проголосовало около 90% рабочих.

Третьеиюньский государственный переворот 1907 г. означал наступление властей на революционные элементы. В первую очередь репрессии обрушились на рабочий класс, профсоюзы, социал-демократические и эсеровские организации. Летом 1906 г. в Юзовке были учреждены временное генерал-губернаторство Южного государственного района и охранное жандармское отделение. За участие в Горловском вооружённом восстании был осуждён 131 человек, 32 человека были приговорены к смертной казни. Казнено в Екатеринославе 8 человек: А.М. Кузнецов-Зубарев, Г.Ф. Ткаченко-Петренко, А.И. Григоращенко, П.Л. Бабич, В.В. Шмуйлович, И.Д. Митусов. Остальным смертная казнь была заменена пожизненной каторгой.

Преследования со стороны властей подверглись профсоюзы и рабочие кооперативы, образованные в годы революции. Власти закрыли крупные профсоюзы металлистов в Дружковке, Алчевске, Енакиево. В 1910 г. из 11 союзов горняков уцелел лишь нелегальный профсоюз на Жиловском руднике. Резко сократилась численность членов профсоюза металлистов в Луганске, Константиновке и других городах.

Массовые аресты резко ослабили организации социал-демократов. За вторую половину 1907 г. число членов самой крупной в Донбассе Юзовско-Петровской организации уменьшилось с 2000 до 500, а в начале 1909 г. в ней осталось 100 человек. Резко сократилась числен-

ность организаций в Луганске, Мариуполе, Константиновке, Таганроге, Александро-Грушевском районе. В этот период времени в социал-демократических организациях произошли изменения во внутрипартийной жизни – в Донбассе значительно усилились позиции меньшевиков. Это выразилось и в том, что в III Государственную Думу от рабочей курии Екатеринославской губернии был избран меньшевик Г.С. Кузнецов. Он выступил от имени социал-демократической фракции с запросами о причинах взрыва на Рыковском руднике, о репрессиях против профсоюзов.

Несмотря на преследования, царской администрации не удалось остановить развитие революционного движения. Уже в середине 1910 г. в Донбассе наблюдается оживление рабочего движения. Весной 1912 г. тысячи донецких шахтёров приняли участие в движении солидарности с бастующими шахтёрами Англии. Большой размах забастовочная борьба приобрела после известия о расстреле рабочих на Ленских золотых приисках. Особенно сильным было выступление рабочих на константиновских заводах – бутылочном и железнопрокатном. Тут забастовка продолжалась с 21 мая по 12 июня 1912 г.

Важную роль в политическом просвещении трудящихся, в первую очередь рабочих, сыграла деятельность большевистских организаций Донбасса во время избирательной кампании в IV Государственную Думу осенью 1912 г. Так, от социал-демократической организации Мариуполя уполномоченным и выборщиком в Думу был избран Г.И. Петровский – работавший на заводе «Русский Провиданс». На губернском собрании выборщиков его избрали депутатом Думы.

Тяжёлым испытанием для рабочих и крестьян Донбасса, как и всей страны, стала первая мировая война. Она временно задержала нарастание революционного движения. Однако со второй половины 1915 г. рабочие усиливают свою борьбу. Стачки донецких рабочих приняли массовый характер. В 1915-1917 годах по сравнению с предвоенными годами число стачек в Донбассе и количество участников в них увеличилось, тогда как по всей стране – уменьшилось. Это объяснялось тем, что в годы войны в стачечную борьбу были вовлечены широкие массы шахтёров. Политическая борьба становится всё более напряжённой, о чём свидетельствует стачка рабочих Горловско-Щербиновского района, в которой участвовали около 40 тыс. человек. Забастовочным комитетом руководили большевики С.И. Лапин, Н.М. Голдобин, П.А. Моисеенко, И.Е. Юрченко. Стачечники потребовали повышения заработной платы на 50%, отмены сверхурочных работ, улучшения жилищно-бытовых условий. Администрация заводов и рудников отклонила эти требования. Грань между экономическими и политическими забастовками стала условной. Промышленные предприятия работали на войну, и перерывы в работе рассматривались царскими властями как подрыв обороны страны. Забастовки военных лет отличались упорством. Их средняя

продолжительность в 1915-1916 гг. (4,8 и 5,5 дня) превысила уровень 1914 г. В военный период не прекращалась деятельность легальных организаций, профсоюзов, кооперативов. Вот в таких условиях проходила революционная работа будущего лидера Донбасса Артёма (Сергеева), основателя Донецко-Криворожской республики.

Донбасс, как и вся Россия, переживал процесс социально-политического брожения. С революциями 1917 г., сначала февральской, а затем октябрьской, начинается новый этап в истории Донбасса. Октябрьская социалистическая революция кардинальным образом изменила всю страну и Донбасс.

Заключение

«Очерки истории Донецкого края» охватывают собой огромный хронологический период истории, начиная с появления первых людей в Донбассе и заканчивая февральской революцией 1917 г. Главным итогом проделанной работы коллективом авторов является не просто иллюстрация, а доказательство на основе фактологического материала, что история нашего края проходила в общем русле всемирно-исторического развития. С самых древних времён Донбасс и Донецкий край, как часть Большого Донбасса, был включён в русло всемирной истории.

Первые главы книги посвящены событиям, относящимся к доисторическому периоду. Из-за отсутствия исторических письменных источников, сведения о прошлом нашего края на протяжении долгого времени во многом реконструируются на основе материалов археологии. Так получилось, что древняя история Донецкого края до недавнего времени была представлена последовательной сменой череды археологических культур и, таким образом, история подменялась археологией. В настоящий момент, благодаря развитию многих наук, в той или иной степени связанных с историей, далёкое прошлое нашего края всё больше приобретает облик Истории в её истинном понимании. Успехи в области сравнительного языкознания, филологии, антропологии, генетики позволяют довольно полно представить себе историческую картину отдалённого прошлого степного и лесостепного пояса Северной Евразии, частью которого был Донбасс.

С глубокой древности степи Восточной Европы и примыкающие к ней Балканы являлись прародиной многих индоевропейских народов. С опорой на новейшие достижения археологии, лингвистики и ряда смежных научных дисциплин, разворачивается эпическая картина первых периодов истории индоевропейцев. Археологические материалы, оставаясь важным источником, позволяют проследить раннюю историю индоевропейцев на уровне материальной культуры и в опосредственном виде – области духовной культуры. В настоящее время история раннего металла и эпохи бронзы степной Евразии активно изучается, поэтому в будущем возможна некоторая корреляция изложенной исторической картины.

Сохранившиеся письменные источники древних греков и ряда азиатских народов позволяют восстановить отдельные страницы истории отдельной группы индоевропейцев. Речь идёт в первую очередь об иранских народах. Киммерийцы, скифы и сарматы были теми первыми народами, о которых известно, что они обитали в наших местах. Эпоха раннего железного века юга Восточной Европы обладает видимым

своеобразием. Это совершенно иной исторический период, резко контрастирующий с эпохой бронзы и раннего металла. В раннем железном веке в степях Восточной Европы возникает первое государственное образование в виде царства скифов. Появляются первые правители со статусом царей, первые столицы, первые общественные классы, яркое искусство, отдельные образцы которого попадают в ряды мировых шедевров. Античные авторы сохранили для нас фрагменты мифологии иранских народов Восточной Европы, их легенд и эпоса.

Великое переселение народов в раннем средневековье меняет этнический состав и историю восточноевропейских степей. Кочевые тюркские племена, пришедшие с далёкого востока, расселяются на обширных степных просторах вплоть до Дуная. Смена населения степной части Восточной Европы в раннем средневековье произошла не сразу и не кардинально – на протяжении сотен лет иранцы и тюркские народы жили бок обок. Археологические памятники бассейна Северского Донца достаточно зримо доказывают этнический симбиоз перечисленных народов в наших краях. На долгое время салтово-маяцкая археологическая культура стала примером такого симбиоза. Новые волны тюркских, а затем и монгольских народов несколько изменили этническую картину степной части, после этого доминирование тюрок на юге Восточной Европы стало безусловным.

Таким образом, древняя и средневековая история Донбасса предстаёт чередой крупных миграционных волн индоевропейских, тюркских, а затем и славянских народов. Начавшийся под эгидой великих московских князей в XIV в. этап объединения земель Руси завершился свержением монголо-татарского ига при Иване III. Дальнейшее укрепление Руси при Иване IV сопровождалось включением татарских ханств в русское государство и проникновением славян далеко на юг. Так начиналась славянская экспансия в южные степи Восточной Европы.

XVII в. принадлежит исключительное место в закреплении славянского православного населения на территории современного Донбасса. Успешная борьба России с Крымским ханством и Турцией во второй половине XVIII в. закончилась образованием Новороссии. Именно с этого времени начинается колонизация степных просторов, в которой наряду со славянами приняли участие иные народы Российской империи, иноземцы с Балкан, Германии. Со второй половины XIX в. происходит бурное промышленное развитие Донбасса, что привело к новой мощной миграционной волне из многих регионов Российской империи. Начался качественно новый этап колонизации степных просторов. Особая роль в становление индустрии края сыграл английский, бельгийский, французский капитал и специалисты из Западной Европы.

Всё, что мы видим сейчас в Донецком крае, построено и создано руками переселенцев на протяжении более чем 200-летнего периода.

Величие подвига народа Донбасса состоит в создании в глухой степи крупнейшего промышленного центра Европы, самой крупной европейской агломерации. В Донбассе сложился особый народ, со своим характером и традициями. Народ-труженик не раз поднимался на борьбу с захватчиками и угнетателями, и в тяжелейших условиях одерживал победы. Вся новая и новейшая история нашего края неразрывно связана с Россией. И события «донецкой весны» 2014 г. явились для Донбасса началом восстановление прерванного единства со своей Родиной.

Словарь имён

Аббасиды – арабская династия (656-1258). Пришла к власти в результате восстания против правящей династии Омеййадов. Центр восстания находился в Средней Азии. Столицей халифата в правление Аббасидов стал г. Багдад. Династия была уничтожена монголами в 1258 г.

Абдаллах (?-1370) **–** хан Золотой Орды (правил 1364-1370). Ставленник Мамая. Столицу Золотой Орды город Сарай захватил в 1367 г., однако удержался там недолго. В 1370 г. русские летописи сообщают о том, что Мамай поставил на трон Мухаммед-хана. Обстоятельства смерти Абдаллаха неизвестны.

Авдаков Николай Степанович (1847-1915) – русский горный инженер, предприниматель. С 70-х годов XIX ст. до 1912 г. служил во французском Рутченковском горнопромышленном обществе. В 1913 г. Н.С. Авдаков также был председателем правления Брянских каменноугольных копей и рудников, председателем совета «Продугля» и «Продамета». Участвовал в создании и деятельности съездов горнопромышленников Юга России (председатель Совета с 1900 по 1905 г).

Адиль-Гирей (Алды-Гирей) – сын крымского хана Девлет-Гирея I. После смерти отца из-за вражды с братьями покинул Крым и откочевал в Донецкие степи, где построил на реке Кальмиус городок под названием «Болы-Сарай», один из первых укреплённых населённых пунктов на территории Донецкого края в период позднего средневековья. Был захвачен в плен во время войны с Ираном и убит персами.

Ал-Айни – Бадр-ад-дин Мухаммад ибн Ахмад (1361-1451). Арабский историк. Проживал в Сирии и Египте. Автор летописного труда «Связки жемчужин».

Актаджи (?-1298/99) – внук Нагая (сын его дочери). Был убит при попытке собрать дань с города Кафы, куда прибыл вместе с эмиром Эльтабарсом и 4 тысячами воинов.

Ал-Мустасим (правил 1242-1258) – аббасидский халиф. По мнению исследователей, имел прямое отношение к подстрекательству монголов совершить поход в Среднюю Азию. В результате этого похода (1219-1224) было уничтожено государство Хорезмшахов. Им в это время правил ярый противник багдадского халифа – Ала-ад-Дин Мухаммад ибн-Текиш. Ал-Мустасим был убит монголами при взятии Багдада в 1258 году.

Александр I Ягеллончик (правил 1501-1506) – великий князь Литовский (с 1492 г.) и король Польши (с 1501 г.). В его правление был ряд войн с русским государством, крымским ханом, молдавским господарем. Был женат на дочери Великого князя Московского Ивана III.

Амаги – легендарная сарматская царица, супруга Медосакка, упоминается в новелле греческого автора Полиена. Известна тем, что совершила поход против скифов, притеснявших жителей греческого города Херсонес.

Анахарсис – скифский царь, правивший в Скифии VI в. до н.э., прославился у греков своей мудростью и тем, что был убит своим братом из-за совершения иноземных религиозных обрядов.

Атей – скифский царь, правивший в Скифии IV в. до н.э., погиб в 339 г. до н.э. во время битвы с македонцами; при нём Скифия достигла зенита своего могущества.

Арес – скифское божество в облике акинака (меча).

Арсланай (?-1594/95) – ногайский мирза. Сын Дивея. Был женат на дочери крымского хана Девлет-Гирея I. После смерти своего брата Есинея-мирзы (1584) бежал из Крыма в Большую Ногайскую орду. После смерти хана Ислам-Гирея (1588), вернулся обратно и стал во главе рода Мансур. Погиб в 1595 г. во время венгерского похода.

Артём (1883-1921) – Сергеев Фёдор Андреевич, основатель Донецко-Криворожской Республики в 1918 г. Российский революционер, член РСДРП(б) с 1902 г., советский политический деятель. В 1903 г. начинает нелегальную революционную деятельность в Донбассе, ведёт пропагандистскую работу среди рабочих железной дороги и горняков на Берестово-Богодуховском руднике возле Юзовки. Не единожды арестовывался, был приговорён к пожизненной ссылке в Сибири, откуда бежал за границу. В июле 1917 г. прибыл в Харьков, где возглавил большевистскую фракцию Харьковского совета. В октябре 1917 г. вместе с товарищами организовал вооружённое восстание в Харькове и Донбассе. Активный проводник идеи Донецкой автономии, в 1918 г. основал и возглавил Донецко-Криворожскую советскую республику. В апреле 1920 г. избран председателем Донецкого губисполкома, занимался восстановлением угольных шахт. Погиб в 1921 г. в железнодорожной катастрофе.

Ауэрбах Александр Андреевич (1844-1916) – русский горный инженер, адьюнкт-профессор Петербургского Горного института по кафедре минералогии. С 1871 г. занимался разработкой каменноугольных шахт для французской компании в Донбассе. Инициатор и один из

организаторов первого Съезда горнопромышленников Юга России в 1874 г., активный участник последующих съездов. Открыватель Никитовского месторождения ртути, организовал первое в России промышленное производство ртути.

Афродита-Апатура («обманщица») – божество в Боспорском царстве. Её святилище располагалось на Тамани в местечке Апатуры, в местах, где обитало сарматское племя сираков, сооружение имело форму круга.

Ахмат (правил 1460-1481) – хан Большой Орды. Проводил активную политику, направленную на возрождение Золотой Орды и восстановление её былого могущества. Вёл войны с Крымским ханством и Русским государством. В 1480 г. предпринял поход на Москву, который завершился неудачно, великим стоянием на реке Угре. Был убит в 1481 г. ногайцами в низовьях Северского Донца.

Бату (1209-1256) – внук Чингис-хана. Основатель Золотой Орды. Правил Улусом Джучи после смерти своего отца с 1227 г. Участвовал в курултае 1228 г., на котором Великим кааном был избран Угедей. В 1236-1242 гг. руководил Западным походом, во время которого были завоёваны Волжская Булгария, Русские княжества, Венгрия, части Польши, Болгарии и другие территории. После возвращения с похода Бату обосновался в низовьях Волги, где был построен город Сарай, в котором он правил в 1243-1256 гг. В 1251 г. сыграл решающую роль в восхождении на престол Мункэ – четвёртого великого хана Монгольской Империи (1251-1259). Способствовал установлению отношений с ближневосточными государствами и Западной Европой. Умер на территории своего улуса. После смерти получил почётное прозвище «Саин-хан» – «Счастливый хан».

Барбаро Иосафат (1413-1494) – венецианский дипломат и государственный деятель. В 1436 г. отправился в Тану (нынешний город Азов), где прожил 16 лет. Оставил описание своих путешествий, которое является важнейшим источником по истории Нижнего Подонья XV в. Умер в Венеции.

Баязид I Йылдырым (правил 1389-1403) – Баязид Молния (Молниеносный), один из величайших султанов Османской империи, вёл активную завоевательную политику. Потерпев поражение от армии Тимура в битве при Анкаре (1402 г.), где был взят в плен. Его пленение продлило существование Византийской империи, как минимум на полстолетия.

Баязид II (1447-1512) – турецкий султан из династии Османов, сын Мехмеда II, правил 1481-1512 гг. Убит своим сыном Селимом I.

Бек-Пулад (правил 1391-1393) – военачальник Токтамыша, который захватил власть в Крыму, после его первого поражения от Тимура. Судя по тому, что монеты Бек-Пулада чеканились в Крыму, Азаке и Орде, он владел не только Крымом, но и прилегающими к нему степными пространствами между Днепром и Доном. Был свергнут и убит Токтамышем.

Бердыбек (?-1359) – хан Золотой Орды (1357-1359). Попал на престол путём совершения государственного переворота, в результате которого был убит его отец – Джанибек-хан. Следствием этого переворота стала грандиозная междоусобица, известная по источникам, как «Великая замятня» или «Великая смута».

Берке (правил 1258-1266) – хан Золотой Орды. Внук Чингис-хана, третий сын Джучи. Пришёл к власти после Бату в результате ожесточённой междоусобной борьбы. Продолжал градостроительную политику Бату. Вёл войны с Ираном, заключил союз с Египтом. Сам Берке принял ислам, однако не насаждал его среди своих подданных. Покровительствовал русской церкви. У Берке не было потомства, благодаря чему, после его смерти, трон перешёл к внуку Бату – Менгу-Тимуру.

Борак – хан Золотой Орды. Выходец из восточных улусов. Правил в 1425-1428 гг., после того, как сместил с трона Улу-Мухаммада. В 1428 г., после возвращения Улу-Мухаммада на престол Орды, Борак был убит одним из своих эмиров.

Борис Годунов (правил 1598-1605) – российский царь. Происходил из татарской служилой знати. Выдвинулся во время опричнины. После смерти Ивана Грозного некоторое время был регентом при его слабоумном сыне Фёдоре, после смерти которого занял престол. В его правление был построен город Царёв-Борисов. Годунов не являлся Рюриковичем и потому не пользовался должным уважением среди населения и боярской аристократии. Его положение усложнилось вследствие многолетнего неурожая и голода. Преждевременная смерть царя вызвала ожесточённую борьбу за престол между представителями бояр, которая завершилась великой русской смутой начала XVII века.

Боссе Эдуард Теодор (1854-1927) – российский инженер и предприниматель. Вместе с Генефельдом основал завод, известный сейчас как завод «Донецкгормаш». В 1889 г. недалеко от Юзовки компаньоны приобрели участок земли у Н. Рутченко у села Григорьевки для строительства машиностроительного и чугунолитейного завода.

Витовт (правил 1392-1430) – Великий князь Литовский. В годы его правления территория Великого княжества Литовского была существенно расширена; произошла известная битва при Грюнвальде, в которой были повержены войска Тевтонского ордена. Стремился расширить территории своего государства за счёт земель южнорусских княжеств и Золотой Орды.

Воротынский Михаил Иванович (ок. 1510-1573) — крупный полководец, потомок черниговских князей. Участник Казанского похода Ивана IV. Разработал первый устав пограничной сторожевой службы в России (1571 г.). В 1572 г. в нескольких тяжёлых сражениях под Москвой (Серпухов, Молоди около Подольска) разбил войска крымского хана Девлет-Гирея, защитив столицу.

Гази-Гирей II (правил 1588-1608) – крымский хан, за храбрость получил прозвище «Бора» (Гроза). Сын Девлет-Гирея I. С молодых лет принимал участие в турецких походах на Иран. В одном из них был пленён и провёл в плену 7 лет. В 1591 во время набега на Москву был разбит. Принимал участие в походах в Венгрию и Польшу. В 1597 попал в немилость у султана, за что был смещён. Отправившись в Турцию, получил прощение и вновь вернулся на престол Крыма. Вёл самостоятельную политику. Периодически заключал союзы, в том числе с русскими и поляками. В целом, в правление этого хана Крымское ханство переживает период своего расцвета.

Геродот (год рождения между 490 и 480 гг. до н.э., умер между 430-424 гг. до н.э.) – древнегреческий историк, считается «отцом истории». Написанный им труд, условно названный «Историей», был позднее разделён на 9 частей, названных именами греческих муз. Книга 4, «Мельпомена», посвящена народам, жившим на территории Северного Причерноморья.

Герберштейн Сигизмунд (1486-1566) – австрийский дипломат. Дважды (в 1517 и 1526 гг.) побывал в России. Сведения, полученные во время этих поездок, были обобщены в книге «Записки о Московии», которая является ценным источником по истории и географии Российского государства и прилегающих к нему территорий.

Гиреи (Гераи) – династия крымских ханов. Основателем династии считается Хаджи Гирей I, (правил 1441-1466 гг.). Пик могущества Гиреев приходится на XVI в. Наиболее известные представители династии Девлет-Гирей I и Мухаммед-Гирей II, которые вели войны с Российским государством. Последним Гиреем на крымском троне был Шахин-Гирей, который отрёкся от престола в 1783 г., и был казнён в Турции.

Графф фон Виктор Егорович (1819-1867) – русский лесовод, основатель Великоанадольской лесной школы, ныне лесхоз техникума. Пионер степного лесоразведения.

Горлов Пётр Николаевич (1839-1915) – русский инженер-геолог. В Донбассе руководил строительством Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. В ходе строительства им было обнаружено богатое угольное месторождение в районе реки Корсунь; предложил концессионеру С.С. Полякову начать разработку месторождения с целью обеспечения паровозного парка дороги дешёвым углём. Так появилась шахта Корсуньская копь («Кочегарка»). П.Н. Горлов стал одним из инициаторов Съезда горнопромышленников Юга России в 1874 г.

Городцов Василий Алексеевич (1860-1945) – русский археолог, профессор Московского университета. Автор множества научных открытий, в том числе периодизации памятников эпохи меди-бронзы в европейской части России. В общих своих чертах его археологическая периодизация сохранилась до наших дней. В начале XX в. производил раскопки на территории Донецкого края.

Гуюк (1205-1248) – сын Угедей-каана, внук Чингис-хана. Великий хан Монгольской Империи (1246-1248). Покровительствовал христианам. Один из главных врагов Бату. Скончался во время похода против Бату-хана в 1248 году.

Даниил Романович (1201-1264) – русский князь. Князь Галицкий (1205-1206, 1211-1212, 1229-1231, 1233-1235, 1238-1264), Волынский (1215-1229, 1231-1233, 1235-1238), Великий князь Киевский (1240). В поисках союзников в борьбе с монголами он в 1254 г. согласился из рук папы принять королевскую корону и обещал принять католичество. От последнего обещания он уклонился. Принимал участие в битве на Калке в 1223 г.

Дарий I (550-486 гг. до н.э.) – персидский царь, из династии Ахеменидов, восстановил и расширил Персидскую империю, со своими войсками совершил военный поход в северо-причерноморские степи против скифов, где потерпел поражение. При нём начались греко-персидские войны и произошла знаменитая Марафонская битва.

Девлет-Берды – наместник Крыма, хан Золотой Орды. Сын Таш-Тимура, родственник крымских Гиреев. Вначале укрепился в Крыму (1426-1427). В 1427 г. отбил престол Золотой Орды у хана Борака, однако через несколько дней был свергнут. Более о нём упоминаний нет; вполне вероятно, что он тогда же и погиб.

Джанибек – сын хана Узбека, хан Золотой Орды (правил 1342-1357). Его вступление на престол связано с убийством брата Тинибека, которому должна была достаться власть. Вёл активную внешнюю политику, воевал в Азербайджане. Был убит своим сыном – Бердибеком во время нахождения в походе.

Джеббар-Берды – шестой сын Токтамыша. Хан Золотой Орды в 1416/17 гг. Был свергнут Дервиш-ханом.

Джелаль-ад-Дин – старший сын Токтамыша. Долгое время жил в Литве. При содействии Витовта в 1411 г. сверг хана Тимура и сам стал ханом Золотой Орды. В русских летописях известен под именем «Зелени-Салтан». После 14 месяцев правления (в 1412 г.) был убит своим братом Керим-Берды.

Джэбэ (?-1223?) – монгольский военачальник. Один из крупнейших полководцев, которых называли «четырьмя верными псами» Чингис-хана. Принимал участие в походах в Китай, Среднюю Азию. Вместе с Субэдэй-баатуром руководил походом на запад 1221-1223 гг. Есть сведения, что он погиб во время боёв с горцами на перевалах Кавказа.

Джувейни (1226-1283) – государственный деятель. Находился на службе у ильханов Ирана. Автор хроники «История завоевателя мира».

Джузджани (около 1193-после 1260) – современник монгольского нашествия. Автор труда «Насировы разряды».

Дивей-мирза (?-1575) – потомок Едигея. Крупный военачальник и глава ногайцев Крыма. Возглавлял род крымских карачи-беков Мансур с 1542 по 1572 гг. Известен разорительными набегами на русские земли. В битве при Молодях (1572 г.) попал в плен. Крымский хан Девлет-Гирей I вёл переговоры с Иваном Грозным с целью его выкупа. Тем не менее, русский царь отказался и Дивей умер в плену.

Дмитрий Иванович (1350-1389) – московский князь с 1359 г., Великий князь Владимирский с 1363 г. В его правление Владимирское великое княжение стало собственностью московских князей, был отстроен белокаменный Московский Кремль, одержана победа над золотоордынцами на Куликовом поле, после чего князь получил прозвище Донской.

Дмитрий Иванович Вишневецкий (?-1563) – волынский православный магнат. С 1551 г. староста Черкасский и Каневский. В 1555 г. на острове Хортица основал городок. В 1558 г. находился на службе у русского царя Ивана IV. В 1563 был взят в плен молдаванами и выдан туркам. Казнён в Константинополе.

Долгоруков Юрий Владимирович (1664-1707) – имел чин стольника, полковник, во главе небольшого отряда прибыл в 1707 г. на Дон, имея поручение поимки беглых крепостных. Убит 9 октября 1707 г. казаками-булавинцами, устроившими засаду у реки Айдара.

Донец (Донец-Захаржевский) Григорий Ерофеевич (?-1691) – стольник, полковник Харьковского слободского казачьего полка (1668-1691 гг.) и Изюмского слободского казачьего полка. В течение более 20 лет вёл борьбу с татарами, активно занимался строительством оборонных сооружений: городских укреплений и защитных линий.

Едигей (1352-1419) – видный государственный деятель Золотой Орды. Длительное время был фактическим властителем государства. Фактически основал Мангытский улус, известный в более позднее время, как Большая Ногайская орда. В ней правили его потомки.

Есиней-мирза (?-1584) – старший сын Дивей-мирзы. В 1572-1584 гг. был главой рода Мансур. Погиб в битве на реке Индол в Крыму, сражаясь против хана Ислам-Гирея II и турок.

Ибн-ал-Асир (1160-1236) – арабский историк. Состоял на службе атабеков Мосула. Автор сочинения «Совершенство по части летописания», события в котором доведены до 1230/31 года.

Ибн-Арабшах (1388-1450) – арабский историк, автор ряда сочинений. Попал в плен к Тимуру при взятии Дамаска в 12 летнем возрасте. Жил в Самарканде, потом в Каире, где и написал свои основные труды.

Ибн-Фадлан, Ахмед – арабский писатель, автор «записки» (рисале) о посольстве халифа ал-Муктадира к царю волжских булгар в 921-922 гг., в котором он принимал личное участие. В произведении содержатся многочисленные сведения о народах Восточной Европы периода раннего средневековья. О жизни автора сведений нет.

Иван Васильевич (Иван III) (1440-1505) – великий князь московский (1462-1505). В годы его правления была объединена вокруг Москвы основная часть русских земель, возведён нынешний кирпичный Кремль, принят Судебник (свод законов). В 1480 г. произошло Великое стояние на реке Угре, в результате которого была ликвидирована зависимость Руси от Орды. В правление Ивана III был принят новый герб и новая идеологическая доктрина, согласно которой Москва провозглашалась «третьим Римом», т.е. прямой наследницей Византийской Империи.

Иловайский Иван Григорьевич (1831-1883) – происходил из старинного русского казацкого донского дворянского рода, участник Крым-

ской войны (1853-1856 гг.). За отличие в боях получил чин есаула. Вместе с братом Дмитрием основал на своих землях Макеевский каменноугольный рудник (1859-1870 гг.), построил механический завод (1866 г.) в слободе Зуевка, а 1882 г. соединил шахты железнодорожной веткой протяжённостью 14,5 вёрст со станцией Харцызск. Один из организаторов Съезда горнопромышленников Юга России 1874 г. И.Г. Иловайский похоронен в церкви Антония и Феодосия Святогорского монастыря в усыпальнице рода Иловайских.

Ислам-Гирей II (правил 1584-1588) – крымский хан. Брат Гази-Гирея II. Ставленник турок. В стране не пользовался почитанием и удерживался на престоле только благодаря турецкой помощи.

Енакиев Федор Егорович (1852-1915) – русский инженер путей сообщения, статский советник, промышленник, один из основателей Енакиевского металлургического завода.

Кадыр-Берды – сын Токтамыша. В 1420 г. при содействии Витовта он на короткий срок попал на престол Золотой Орды. Умер от ран после сражения с Едигеем на реке Яик, в котором его противник Едигей был убит.

Кичи-Мухаммад – сын Тимура, внук Тимур-Кутлуга. Правил 30-40-х гг. XV в. При нём от Орды окончательно отделились Крым и Казань. Орда превратилась в кочевое государство, и Кичи-Мухаммад стал именоваться ханом Большой Орды. Точная дата смерти этого хана не известна.

Керим-Берды – сын Токтамыша. Правил в 1413 г. Его правление длилось менее полугода, после чего он был свергнут своим братом Кепеком.

Кепек – сын Токтамыша. Правил в 1414 г. после свержения Керим-Берды. Вступил на престол при активной поддержке Витовта.

Колаксай – легендарный скифский царь, от которого вели свой род скифские цари, младший сын Таргитая; благодаря золотым предметам, упавшим с неба, стал царём скифом. Колаксай разделил свои земли на три царства между своими тремя сыновьями, одну часть он сделал самой большой, именно там хранилось золотые предметы, упавшие с неба.

Контарини Амброджио (1429-1499) – знатный венецианец, посланный в 1474 в Персию для заключения союза против Турции. По возвращению из Персии прибыл в Москву, пересёкши при этом просторы степей Восточной Европы. По возвращению в Венецию в 1477 г. оставил свои записки об этом путешествии.

Корф Николай Александрович (1834-1883) – барон, российский педагог, ему принадлежит заслуга устройства в России дешёвой краткосрочной начальной школы, которую вёл один учитель с 3 отделениями в одном классе. Публицист и автор школьных пособий. Активно сотрудничал с Мариупольским земством, где занимался проверкой знаний учащихся в школах. Родовая усадьба барона находилась в селе Нескучном Велико-Новоселковского района. После смерти его усадьба перешла Владимиру Ивановичу Немирович-Данченко, которую посещали многие деятели искусства, в том числе и артисты МХАТа. В 1993 г. здесь был открыт музей Немировича-Данченко.

Косагов Григорий Иванович (? – после 1692), - современник и военный соратник Г. Ромодановского. Заслужил чин стряпчего (1641 г.), затем стольника, за особые заслуги стал генералом, под его началом воевали дворяне, дети боярские, донские казаки, черкасы, рейтары, солдаты, умел сидеть в осаде и наносить стремительные удары, был организатором и непосредственно участвовал в строительстве Изюмской черты.

Котян (?-1241) – половецкий хан. Участник битвы на Калке. После завоевания монголами Причерноморских степей, вместе с 40000 войском бежал в Венгрию, где был милостиво принят королём Белой IV, который дал им земли для поселения. Бывшие с ним половцы обещали принять католичество. Представители венгерской аристократии недоверчиво отнеслись к Котяну и накануне монгольского вторжения убили его и его сыновей. Оставшиеся половцы ушли в Болгарию, где были приняты в подданство болгарским царём Коломаном.

Кульна – хан Золотой Орды (? - 1359/60) Пришёл к власти, сместив и убив хана Бердыбека. Правил 6 месяцев, после чего был убит Наурузом.

Курако Михаил Константинович (1872-1920) – русский металлург, основатель школы российских доменщиков. В 1903 г. стал начальником доменного цеха Краматорского металлургического завода, хотя не имел специального образования. Один из первых русских начальников цеха на заводах Юга России. За активное участие в революционных событиях 1905 г. был сослан полицией в Вологодскую губернию. В 1908 г. вернулся в Донбасс на Юзовский (ныне Донецкий металлургический завод), где работал помощником начальника доменного цеха, а затем до 1913 г. его начальником. На Юзовском заводе создал школу доменщиков – «куракинскую академию», из которой вышли крупные инженеры и учёные. В 1913-1916 гг. работал начальником доменного цеха на Енакиев-

ском металлургическом заводе, а с конца 1916-1917 гг. вновь на Юзовском заводе.

Мамай (?-1380) – темник, бекляри-бек, фактический правитель западных областей Золотой Орды в 1362-1380 гг. Поддерживал ханов из династии Бату. Неоднократно овладевал столицей Золотой Орды – Сараем (1361, 1362, 1364, 1367-1368, 1371-1374, 1375). Правил от имени подставных ханов – чингизидов. Был разгромлен на Куликовом поле в 1380 г. В том же году на реке Калка в Донецких степях он встретился с ханом Токтамышем. Брошенный своими эмирами, Мамай бежал в Крым, где был убит генуэзцами.

Мевиус Апполон Федорович (1820-1898) – русский горный инженер, председатель Совета съезда горнопромышленников Юга России. С 1855 г. занимался разведкой запасов каменного угля и железной руды. Руководил строительством казённого чугуноплавильного Петровского завода на реки Садки. В 1861 г. получил звание полковника корпуса горных инженеров, был назначен начальником Луганского горного округа. Автор более 100 научных трудов, в числе которых «Учебный курс металлургии чугуна, железа и стали» и «Чугунолитейное производство» – первые учебные пособия по металлургии в России.

Морозов Савва Тимофеевич (1862-1905) – российский предприниматель. С 1886 г. директор-распорядитель Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К», с 1890 г. занимался химической промышленностью. В Пермской губернии создал химическое производство, связанное с выпуском древесного спирта, солей уксусной кислоты, метилового спирта. Участвовал в железнодорожных концессиях на юге России. В 1905 г. учредил Акционерное общество соединённых химических заводов «С.Т. Морозов, Крель и Оттман». Возглавлял комитет Нижегородской ярмарки, был членом московского отделения Совета торговли и мануфактур и Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности.

Мстислав Удатный (до 1176 – 1228) – русский князь, сын младшего из Смоленских Ростиславичей – Мстислава Храброго, дед Александра Невского и Льва Галицкого. Участник битвы на Калке 1223 г.

Мстислав Романович Старый (?-1223) – киевский князь. Погиб в битве на Калке.

Мункэ (1208-1259) – четвёртый великий хан Монгольской Империи. Внук Чингис-хана. Участвовал в великом западном походе 1236-1242 гг.

Мухаммед-Булак – хан Золотой Орды (правил 1371-1379). Ставленник Мамая.

Мухаммед-Гирей I – крымский хан (1515-1523). В 1523 г., во время осады Астрахани, был предательски убит ногайскими мирзами. Его смерть дала толчок к страшному ограблению и разорению Крыма ногайцами.

Мухаммед-Гирей II (1532-1584) – крымский хан. Наследник Девлет-Гирея I. Правил 1577-1584 гг.

Ногай (? -1300) – правнук Джучи, старшего сына Чингис-хана. Темник, правитель западных улусов Золотой Орды, игравший большую роль во внутренней и внешней политике этого государства во 2-й пол. XIII в.

Омейяды (661-750) – арабская династия, правившая сразу после четырёх правоверных халифов (632-661). Основал её бывший наместник Сирии Муавийя ибн Абу-Суфьян (661-680). Столицей халифата в правление Омейядов был г. Дамаск.

Плано Карпини (около 1182-1252) – монах-францисканец. Первый из европейцев посетил Монгольскую Империю. Результаты поездки описаны в его «Истории монгалов», которая является первостепенным источником.

Поляков Самуил Соломонович (1837-1888) – российский предприниматель, строитель железных дорог в Российской империи.

Пулад – хан Золотой Орды (правил 1407-1410). Булат-Султан русских летописей.

Рашид-ад-Дин (1247-1318) – персидский учёный. Находясь в чине везира в государстве Хулагуидов при ханах Аргуне, Газане и Улджайту, составил монументальный труд «Сборник летописей», претендующий на роль всемирной истории. Был казнён в 1318 году по обвинению в отравлении Улджайту-хана.

Ромодановский Григорий Григорьевич (?-1682) — российский государственный и военный деятель — князь, боярин, воевода из рода Ромодановских. Участник Переяславской рады 1654 г., русско-польской войны 1654-1667 гг. и прочих событий. Возглавлял Чигиринские походы 1677-78 гг. Белгородский воевода, сыграл выдающуюся роль в организации военного дела на южной границе России.

Рубрук – Вильгельм да-Рубрук (около 1220-около 1293). Монах-францисканец. Совершил путешествие к монголам в 1253-1255 гг. Автор книги «Путешествие в Восточные страны».

Савромат – распространённое имя правителей Боспорского царства, известны, по крайней мере, четыре царя под этим именем в IV-I в. до н.э.

Сайтафарне – царь сарматского племени сайи, время правления относится к III в. до н.э.

Саманиды (819-1005) – династия иранского происхождения, которая правила в Средней Азии. Разгромив соседние кочевые народы и обеспечив безопасность караванных путей, пролегавших через Среднюю Азию, саманидские правители стабилизировали экономику этого региона. С IX в. через территории, принадлежавшие Саманидам, шёл поток тюркских рабов, которых поставляли в армии мусульманских правителей. Столица государства Саманидов находилась в Бухаре, превратившаяся во время правления династии в центр мусульманской учёности и очаг возрождения новоперсидского языка и литературы.

Сартак – сын Бату. Правил Улусом Джучи в 1256 г. Отравлен Берке.

Сасаниды – иранская династия, которая правила в Иране в III-VII вв. При Ардашире в 224 г. после разгрома парфян была воссоздана иранская империя. Победы первых Сасанидов над Римом упрочили их государство. С начала VI в. происходили войны с Византией и Закавказьем, которые велись с переменным успехом. В этот период Сасаниды включили в состав своего государства ряд областей в Афганистане, Средней Азии, завоевали Йемен. Длительные войны с Византией и тюрками привели к истощению материальных ресурсов государства. При Йездигерде III государство Сасанидов было завоёвано арабами, после чего династия прекратила своё существование.

Сахиб-Гирей I – крымский хан (правил 1532-1550).

Сейид-Ахмад – сын Керим-Берды. Орда этого хана кочевала в степях Северного Причерноморья в середине XV века.

Сибилёв Николай Викентьевич (1873-1943) – археолог. Исследователь древностей среднего течения Северского Донца. Основатель Изюмского музея краеведения.

Сигизмунд I Старый – король Польши и Великого княжества Литовского (правил 1506-1545).

Скил – скифский царь, правивший в Скифии V в. до н.э.; прославился тем, что выстроил себе в Ольвии дом, в котором жил во время своих приездов. Возмущённые тем, что их царь исполнял греческие религиозные обряды, скифы его убили.

Смирнов Василий Дмитриевич (1846-1922) – русский востоковед-тюрколог. Автор множества работ, в том числе и по истории Крыма.

Табити – скифское божество, хранительница царского домашнего огня, сопоставлялась Геродотом с греческими Гестиями. Табити занимает главенствующее место в скифском пантеоне, она тесно связана с кругом представлений о царской власти, имела непосредственное влияние на благополучие царского дома.

Танаис – сарматское божество, сын Бероса и амазонки Лисиппы, увязывается с рекой Танаис и местными жителями.

Тагимасад – скифское божество, которому поклонялись лишь царские скифы; сравнивался с греческим богом моря и коней Посейдоном.

Таргитай – легендарный прародитель скифов, по версии греков сын Зевса и дочери реки Борисфен, оставил после себя трёх сыновей Арпоксая, Липоксая, Колаксая.

Таш-Тимур – потомок эмиров, которые правили Крымом с XIII в. Захватил власть в Крыму после второго поражения Токтамыша в 1395 г. Через небольшой промежуток времени был изгнан из Крыма одним из отрядов Тимура.

Тиргатао – сарматская царица (по одной из версий, меотка), возглавляла военные отряды, воевавшие с Боспором.

Тимур, Тамерлан (?-1405) – могущественный среднеазиатский правитель и завоеватель. Основатель династии, которая правила в Самарканде.

Тимур-Кутлуг (?-1400) – хан Золотой Орды, правил в 1398-1400 гг.

Тимур – хан Золотой Орды (правил 1410-1411). Сын Тимур-Кутлуга. Был поставлен Едигеем после смерти хана Пулада. Через некоторое время выступил против Едигея, который бежал в Хорезм. Пока Тимур преследовал временщика Едигея, власть в Орде захватил Джелаль-ад-Дин. В это время, в Хорезме, свергнутый хан был убит своим военачальником.

Темучжин (Темутчин) – первоначальное имя Чингис-хана.

Тоглу-бай (Товлубий) (?-1359) – один из старейших эмиров Улуса Джучи. Организатор покушения, в результате которого был убит хан Джанибек. После этого престол Золотой Орды занял ставленник

Тоглу-бая Бердыбек-хан (1357 г.). Это убийство дало толчок к Великой Смуте в Золотой Орде. Источник «Аноним Искандера» называет Тоглу-бая «одним из столпов державы». Был убит в 1359 г.

Токта – хан Золотой Орды (правил 1291-1312). Сын Менгу-Тимура. К власти пришёл при поддержке Ногая, позднее выступил против него. Правление Токты было в целом мирным. Номинально он признавал власть Великого хана, который в это время находился в Китае. Реально же являлся самостоятельным правителем.

Токтамыш (?-1405) – хан Золотой Орды. Пришёл к власти при содействии Тимура. В дальнейшем выступил против своего покровителя. Война с ним привела к разгрому Золотой Орды. После смещения Токтамыша с престола и его убийства в 1405 г. началась длительная междоусобица, приблизившая конец Золотой Орды.

Туда-Менгу – хан Золотой Орды (правил 1280-1287). Вступил на трон после смерти Менгу-Тимура при содействии Ногая. Проявлял склонность к монашеству, благодаря чему государственные дела его не интересовали. Был смещён и убит своими племянниками, во главе с Тула-Бугой, который стал правителем.

Тула-Буга – хан Золотой Орды (правил 1287-1290). Вступил на трон при содействии Ногая, сместив своего брата Туда-Менгу. Правил совместно со своими родственниками, принимавшими участие в мятеже. Совершил несколько походов на Литву и Польшу. Ссора с Ногаем послужила причиной нового заговора, в результате которого Тула-Буга был убит и на его место был поставлен Токта.

Угедей-каан – великий хан Монгольской Империи (правил 1229-1241). Возведён на трон по завещанию Чингис-хана. Активно продолжал политику завоеваний своего отца. Содействовал развитию торговли.

Узбек (1312-1342) – хан Золотой Орды. Вступил на трон при поддержке мусульманского духовенства. При нём ислам был объявлен государственной религией. Правление Узбека считается временем наивысшего расцвета Золотой Орды.

Улу-Мухаммад – хан из династии Тукайтимуридов. Более 25 лет боролся за власть. На престол Золотой Орды попал при поддержке сыновей Едигея. После того, как был изгнан, бежал в Нижний Новгород, а затем в Казань, где, захватив город, стал основателем Казанского ханства. Правил в Золотой Орде (1419, 1421, 1424-1437), в Нижнем Новгороде (1437-1438), в Казани (1438-1445). Был убит своим сыном Махмудом в 1445 г.

Утофарне – сарматское божество, опекун домашнего очага.

Хаджи-Гирей I – первый хан Крыма (правил 1441-1466), основатель династии крымских ханов - Гиреев. До восхождения на престол проживал в Литве, куда был вынужден бежать от преследований Сейид-Ахмеда. Занял престол при поддержке Великого княжества Литовского. Правление Девлет-Гирея ознаменовалось мирными и даже союзническими отношениями с соседями – Литвой и Русским государством. Крымский хан занимался в основном борьбой с ордами, которые кочевали между Доном и Днепром, в непосредственной близости от полуострова. Умер в 1466 г. Предположительно был отравлен. Смерть Хаджи-Гирея привела к длительной и упорной междоусобной борьбе, в результате которой на престоле Крымского ханства сменилось несколько правителей. Победу одержал Менгли-Гирей, однако, междоусобица существенно облегчила туркам процесс завоевания Крыма в 1475 г.

Хрущёв Никита Сергеевич (1894-1971) – партийный и государственный деятель СССР, с 1953 г. Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 по 1964 гг. Председатель Совета Министров СССР. Его профессиональная, партийная и государственная карьера начиналась в Юзовке. В 1908 г. в возрасте 14 лет переехал с семьёй на Успенский рудник около Юзовки и стал учеником слесаря на Машиностроительном и чугунолитейном заводе Боссе (завод «Донецкгормаш»), с 1912 г. работал слесарем на шахте, принимал участи в революционной деятельности в Юзовке. В период гражданской войны 1918 г. возглавил отряд Красной гвардии в Рутченково, затем воевал на Царицынском фронте. В 1920 г. заместитель управляющего Рутченковского рудника, в июле 1925 г. назначен партийным руководителем Петрово-Марьинского уезда Сталинского округа. В 1929 г. покинул Донбасс, поступив в Промышленную академию в Москве.

Фарсирис – сарматское божество, имя которого в переводе с иранского означает «с блестящим ликом».

Хулагу-хан – хан Ирана (1258-1265). Уничтожил государства Исмаилитов, Багдадский халифат. Воевал с правителями Золотой Орды.

Чекре – хан Золотой Орды (правил 1414-1416). Претендовал на трон государства ещё при Шадибеке. Добился престола уже в зрелом возрасте, и через 2 года был свергнут сыном Токтамыша – Джаббар-Берды

Шадибек – хан Золотой Орды (1400-1407). В его правление был убит Токтамыш. Свергнут с престола Едигеем.

Шереф-ад-Дин Али Йезди (?-1454) – историк Тимуридов. Придворный правителя области Фарс. Автор хроники «Зафар-намэ», которая является одним из основных источников по истории Среднеазиатского региона конца XIV – начала XV вв. Самый полный источник по истории Тимура и его завоеваний.

Шейх-Ахмед (?-1528) – последний хан Большой Орды. Сын Ахмата.

Шильтбергер Иоанн (1381 – около 1440) – немецкий путешественник и кондотьер. В 1396 г. попал в плен к туркам. После разгрома Баязида Тамерланом был в плену у Тимура, а затем у его сына – Шахруха. Провёл на Востоке более 30 лет. Посетил за это время многие страны, в том числе и Золотую Орду. После побега вернулся в Германию, где написал свои воспоминания.

Энареи – у скифов социальная мужская группа. Мужчины переодевались в женскую одежду и выполняли женские работы, представляли собой жреческую касту, пользовавшуюся уважением в скифском обществе, занимались ворожбой, врачеванием.

Юз Джон (1814-1889) – британский предприниматель, валлиец. Один из основателей «Новороссийского общество каменноугольного, железного и рельсового производств», целью которого было промышленное освоение юга России. В 1869 г. начинает строительство металлургического завода в районе села Александровка. Возле завода возникает посёлок, получивший название Юзовка, переименованный в город Сталин (Сталино), а с 1961 г. – Донецк. В 2001 г. в Донецке был установлен памятник Юзу.

Юрий Всеволодович (1188-1238) – Великий князь Владимирский. Погиб в битве на реке Сити.

Юрий Кончакович (?-1223) – сын хана Кончака. Летопись называет его сильнейшим из всех половцев. Был разбит монголами в 1223 г.

Ягайло (около 1362-1464) – Великий князь Литовский в 1377-1381 гг. и 1382-1392 гг. Король Польский с 1386 г. Родоначальник династии Ягеллонов.

Ямгурчи-мирза – брат бия Муссы ибн Ваккаса. Возглавил Большую Ногайскую орду после его смерти. Правил в 1502-1506 гг.

Словарь географических и этнографических названий

Авары – союз племён, переместившийся из Центральной Азии в степи Восточной Европы в VI в. Пройдя через восточноевропейские степи, авары основали на территорию Паннонии Аварский каганат – государственное образование, которое в течение двух столетий играло видную роль в жизни народов Центральной Европы.

Аджджаркан – современный город Астрахань.

Азак – золотоордынский город в устье реки Дон. Нынешний город Азов Ростовской области.

аланы – ираноязычные племена, пришедшие на рубеже нашей эры в Восточную Европу. Дальними потомками аланов являются нынешние осетины.

анты – союз племён Восточной Европы раннего средневековья, упоминаемый византийскими авторами. Происхождение этнонима имеет иранские корни, но большинство исследователей связывают антов со славянами. Вполне вероятно, что данный племенной союз был полиэтничен (как большинство крупных племенных объединений этого периода) и объединял в своём составе народы, относящиеся к славянской, иранской и, возможно, германской языковым семьям. В дальнейшем на основе антов сформировался ряд восточнославянских племён.

аорсы – сарматское племя, обитавшее восточнее реки Дон, на территории, относившейся к «Азиатской Сарматии»; кочевали в степях от Дона до Южного Приуралья и в степях Средней Азии.

Арран – арабское название древней Кавказской Албании. Историческая область на западном берегу Каспийского моря, включала в свой состав земли от берега реки Аракс до реки Куры, центром области являлся город Берда (Партав). Основная часть территории Аррана находится в пределах нынешнего Азербайджана.

ас-сакалиба – этноним, фигурирующий в восточных источниках. В научной литературе достаточно часто идентифицируется с понятием «славянин». Первоначальное его значение – название, которое арабские авторы употребляли по отношению ко многим народам Восточной Европы, как славянским, так и не славянским, например, к тем же волжским булгарам.

Баб-ал-Абваб – «Ворота ворот», средневековое арабское название современного города Дербента.

Белгородская губерния – административная единица Российской империи XVIII в., в пределы которой входила северная часть Донецкого края.

Белгородский разряд – административная единица Российского государства, где находилась Белгородская засечная черта и формировался Белгородский полк. По росписи 1677-1678 гг. в Белгородский разряд входил 61 город, в том числе Маяцкий (село Маяки Славянского района).

Балкано-Карпатская металлургическая провинция – культурно-историческая область V тыс. до н.э. по добыче и производству меди, охватывала собой Среднее Подунавье и север Балканского полуострова.

Белобережье – местность, которая располагалась на берегах Днепровского лимана.

Болы-Сарай – городок, существовавший на территории Донецкого края в XVI в., был основан Алды Гиреем на берегах реки Кальмиус около 1577 г., разрушен во время междоусобицы в Крымском ханстве.

Буджак – степной регион, располагавшийся в Днестро-Дунайском междуречье. В средневековых источниках встречается его иное наименование – «Онгл» (Угол).

Великая Булгария – мощный союз протобулгарских племён, который возник в VII в. в Северо-Восточной Приазовье и Прикубанье. Во главе его стоял Кубрат-хан, после смерти которого союз распался.

Воронежская губерния – административная единица Российской империи XVIII в., в пределы которой входила часть Донецкого края, в том числе, город Бахмут.

гепиды – германское племя, проживавшее в южной части Центральной Европы и на севере Балканского полуострова в эпоху раннего средневековья (IV-V вв.).

Герры – легендарная область в Скифии, в пределах которой хоронили скифских царей.

герулы – германское племя, проживало в пределах Балканского полуострова в IV-V вв., в начале VI в. переместились в Ютландию.

гунны – мощный союз племён, пришедший в IV в. в Восточную Европу из Заволжья. Основу его составляли народы тюркской языковой семьи.

гузы (огузы, узы) – племена тюркской языковой семьи, первоначально обитавшие в Заволжье, называли себя «тюрки» или «турки»; под этим именем их знают после того, как они пришли в Восточную Европу. На Руси эти племена известны под именем **торков**. Движение торков представляло собой северную волну общего движения огузских племён. Южная волна представлена турками-сельджуками, основавших на Ближнем Востоке и в Средней Азии ряд государств.

Гургандж – средневековый Ургенч. Столица государства Хорезмшахов.

Дешт (Дешт-и-Кыпчак) – «Половецкая земля», «Половецкая степь». Название огромных степных просторов от Урала до Дуная, иногда упоминается в исторических источниках под названием «Дешт», «Дештская страна». Восточные авторы имели в виду государственные образования, располагавшиеся на этой территории, название фигурирует в восточных источниках вплоть до XVII в.

Донецкая волость – южная часть Белгородского уезда Российского государства в XVII в., территория которой делилась на юрты.

жужжани – союз кочевых племён, существовавший в Центральной Азии в V-VI вв.; разгромлен тюрками.

Истр – у древних греков название реки Дунай.

кара-хитаи (китаи) – народ тунгусского или монгольского происхождения, упоминаемый китайцами с VIII в. Проживали в южной части Манчжурии. В начале X в. покорили северную часть Китая, где основали своё государство «Ляо» («Железное»); в XII в. были вытеснены из Китая чжурчженями и отправились на запад, где завоевали Кашгар, Хотан, Мавераннахр и Хорезм. В 1141 г. в Катванской степи (к северу от Самарканда) ими был наголову разгромлен могущественный султан Сельджуков – Санджар, что дало кара-хитаям власть над огромными территориями от реки Енисея на севере до города Балх на юге, от Хорезма на западе до уйгуров на востоке. Были разгромлены Чингис-ханом в начале XIII в.

Каракорум – город в Монголии. Столица Монгольской империи Чингис-хана. В настоящее время на месте Каракорума находится буддийский монастырь Эрдени-Дзу.

касоги (зихи) – адыгские племена Северного Кавказа, под именем касоги скрываются средневековые черкесы.

Кафа – генуэзская колония. В средние века крупнейший торговый город Крыма, крупнейший центр работорговли, находилась на месте нынешнего города Феодосия, Крым.

киммерийцы – первый известный исторический народ, обитавший в наших краях в древности, о котором дошли достоверные сведения из древних письменных источников. Киммерийцы были кочевниками, совершавшими дальние военные походы, исчезли под натиском скифов.

Крым – столичный город Крымского ханства, имеется в виду Солхат (Старый Крым). Затем столицей был город Чуфут-Кале (Кырк Иер). В XVIII в. столицей ханства стал город Бахчисарай.

Крымский берег – название правого берега реки Северский Донец по документам Российского государства XVI-XVIII вв.

Мавераннахр – в переводе «то, что за рекой». Историческая область в Средней Азии, расположенная за рекой Аму-Дарьей. Основными городами были город Самарканд и город Бухара.

Маджар – крупный золотоордынский город на Северном Кавказе. Находился у нынешнего города Будённовск Ставропольского края.

Малая Ногайская Орда – возникла в XVI в. на территории Северного Предкавказья после отделения части ногайцев от Ногайской орды.

моавитяне – семитское племя, проживавшее на восточном берегу Мёртвого моря; в древнерусских летописях употребляется в качестве понятия «язычника», «врага».

Московский берег – название левого берега реки Северский Донец по документам Российского государства XVI-XVIII вв.

найманы – одно из крупных монгольских племён. Оказало серьёзное сопротивление Чингиз-хану во время объединения им монголов в единое государство.

Олешье – торговый пункт, существовавший в XII-XIII вв. в низовьях Днепра.

Поле – в российских документах XVI-XVII вв. степные и лесостепные просторы, которые простирались к югу от земледельческих поселений Руси до территории постоянного проживания кочевых народов в Северном Причерноморье.

Польские украйны – территории Российского государства, находившиеся на границе с Полем.

протобулгары – группа племён тюркской языковой семьи, которые проживали в степях Восточной Европы после распада гуннского племенного союза; наиболее вероятно, изначально они входили в его состав. Казанские татары являются потомками населения

средневековой Волжской Булгарии. Перемещение протобулгар на Нижний Дунай, где они смешались со славянским населением, привело к появлению современных славяноязычных болгар.

Речь Посполитая – государство, объединившее в своём составе Польшу, Литву и часть территорий, ранее принадлежавших Древнерусскому государству.

роксоланы – сарматское племя, обитавшее в степях Приазовья, в том числе, на территории Донбасса; союзники язугов в их войнах с Римом.

росомоны – загадочное племя, упоминаемое историком Иорданом, которое проживало в низовьях Дона. Среди учёных ведутся споры об их этнической принадлежности; имеются попытки связать с ираноязычными роксоланами, славянами, германцами (частью племени герулов).

руги – германское племя скандинавского происхождения; в V в. проживало к северу от готов на территории Паннонии, в дальнейшем переместилось в Италию.

русы – группа народов, упоминаемая восточными авторами на территории раннесредневековой Восточной Европы, иногда ассоциировалась историками со славянами. Судя по имеющимся данным, под этнонимом «русы» восточные авторы понимали скандинавские дружины, викингов, мощный выплеск которых на территорию Восточной Европы наблюдается в IX-X вв.

Сарай – «дворец». Слово «сарай» включало в себя наименование крупнейших городов Золотой Орды. Столицами Золотой Орды были Сарай Бату (Дворец Бату), Сарай ал-Джедид (Новый дворец). На реке Яик (Урал) был построен город Сарайчик (или Сарайчук), ставший впоследствии столицей Большой Ногайской Орды.

Сарматия (Sarmatia) – страна, в которой обитали племена сармат, в представлении древнегреческих географов Сарматия делилась на две части по реке Танаис (Дон): Европейскую Сарматию и Азиатскую Сарматию.

сарматы (савроматы) – исторические народы иранской группы языков, занимавшие степи Восточной Европы и частично Северной Азии в эпоху раннего железного века.

свевы – германские племена, проживавшие на северо-востоке нынешней Германии.

сведенцы – русское население, поселённое в пограничных городах административным путем, «сведением», состоящее на государственной службе.

сираки – сарматское племя, обитавшее восточнее Дона в «Азиатской Сарматии», занимало приазовские степи и северокавказскую равнину к северу от реки Кубань.

скифы – исторический народ иранской группы языков, обитавший в Причерноморских и Приазовских степях в VII в. до н.э.-III в. н.э. Одно из племён «скифы-царские» проживало в Приазовье в Донецких степях.

Слобожанщина – термин, применяющийся для обозначения территории размещения черкасских полков на степной окраине Российского государства. Заселялась русскими людьми, а также черкасами, мигрировавшими в Россию из Поднепровья в XVII в.

сюнну – союз племён с территории Северного Китая, относились к тюркской языковой семье.

Табаристан – историческая область на южном берегу Каспийского моря, в настоящем территория Ирана.

Тана – венецианская колония, которая располагалась на месте золотоордынского Азака. Нынешний город Азов Ростовской области.

украинные города – города, располагавшиеся на окраинах Российского государства.

утигуры (утургуры) – наряду с кутригурами (кутургурами) тюркоязычные племена, проживавшие в степях Восточной Европы в постгуннское время.

хазары – тюркоязычный народ, создавший в VII в. Хазарский каганат, одно из крупнейших государственных образований раннесредневековой Восточной Европы.

Царёв-Борисов – город, построенный в 1599 г. у места впадения реки Оскол в Северский Донец. Своё название получил в честь царя Бориса Годунова, по приказу которого он был основан. После 1612 г. упоминается как городище.

Циркумпонтийская металлургическая провинция – культурно-историческая область, расположенная в районах вокруг Чёрного моря в период эпохи ранней и средней бронзы, её формирование относится к IV тыс. до н.э., исчезает во II тыс. до н.э. Возникла в восточных областях Малой Азии, данный район являлся одним из крупнейший металлургическим центром в древности.

черкасы – в российских источниках XVI-XVIII вв. население поднепровских воеводств Речи Посполитой.

Черлёный Яр – область, упоминаемая русскими источниками XIV в. Предположительно, находилась где-то на Среднем Дону; одно из гипотетических мест формирования Донского казачества. Точное его местонахождение является предметом дискуссии.

Ширван – историческая область, расположенная на западном побережье Каспийского моря, к востоку от реки Куры. Первоначально являлся частью древней Албании. Основным городом Ширвана была Шемаха.

юрт – термин использовался русским населением XVI-XVIII вв. для обозначения территории, пригодной для занятий каким-либо промыслом. Территория юрта ограничивались природными ориентирами в виде балок, буераков, оврагов и тому подобное.

языги – сарматское племя, обитавшее в степях Северного Причерноморья, вели постоянные войны на берегах Дуная, в том числе, и с Римом. Обитали в «Европейской Сарматии».

Яик – средневековое название реки Урал.

Словарь понятий и терминов

Ак-Орда – Белая орда, западная часть (правое крыло) монгольского государства. Согласно территориальному делению тюрко-монгольских кочевых народов, орда подразделялась на правое, левое крылья и центр. С правой и левой сторонами в мировоззрении кочевников ассоциировались определённые цвета. Расположение крыльев определялось при ориентировке лицом на юг, почитание которого существовало у тюрко-монгольских народов.

алтын – старинная русская монета в три копейки.

антропоиды – древние человекообразные высшие приматы (Anthropoidea), делятся на две группы: широконосые обезьяны Центральной и Южной Америки, узконосые обезьяны Старого Света.

аспр – серебряная монета, весом 1,1 грамма. Впервые появляется в Трапезундской империи (1204-1461) и у рыцарей ордена госпитальеров (XIV-XV вв.). На интересующей нас территории аспры чеканились в генуэзских колониях Северного Причерноморья. На их лицевой стороне изображался герб Генуи «Портал», буквы, обозначающие латинское название города и инициалы консула. На оборотной стороне аспров находилась татарская тамга и арабоязычная надпись, с именем правящего наместника или хана. Выпускались, вплоть до завоевания Крыма турками в 1475 году. В дальнейшем, им на смену пришли акче (или ахче), которые чеканились турецким султаном и ханами Крыма.

афанасьевская культура – археологическая культура эпохи бронзы III-II тыс. до н. э. Сибири, занимавшая Минусинскую котловину, Алтай, а также примыкающие к нему территории, родственна ямной культуре Поволжья. Представлена могильниками и поселениями, сосудами характерной остродонной формы с ёлочным орнаментом, металлическими изделиями: ножами, шильями, иглами. Основным занятием носителей культуры было скотоводство.

бабинская культура – археологическая культура эпохи бронзы Восточной Европы, второе название «культура многоваликовой культуры» (КМК), применительно к ней употребляется термин «бабинская культурно-историческая общность». С поправкой на постоянное удревнение археологических культур юга Восточной Европы, в настоящий момент время её появления может быть отнесено к XXII-XXI вв. до н.э. по данным углеродного анализа, на территории Донбасса исчезает в XVII в. до н.э. Представлена поселениями и курганными погребениями; отличительной особенностью были

погребения в ямах и посуда, украшенная валиками. Основным занятием носителей культуры являлось скотоводство.

беклярибек – титул у монгольских и тюркских народов Золотой Орды. В переводе на русский язык близко значению «Великий князь». В ведении беклярибека находились внутренняя и внешняя политика государства, а также управление войском.

Белгородский разряд – территория, где находилась Белгородская черта и формировался Белгородский полк. По росписи 1677-1678 гг. в Белгородский разряд входил 61 город, в том числе Маяцкий.

Белгородский полк – военно-территориальный район XVII в. Российского государства, в пределах которого находилась Белгородская черта; численность полка доходила до 23 тыс. человек.

белозерская культура – археологическая культура эпохи позднего бронзового века Восточной Европы XII-X вв. до н.э., ареал распространения относится к Северо-Западному Причерноморью. Культура выделена относительно недавно, в 80-е г. XX в., представлена поселениями, курганными и грунтовыми могильниками, кладами. Отличительной чертой является наличие больших по размерам поселений со строениями с каменной кладкой. Основным видом хозяйства носителей культуры было земледелие.

бродники – группа степного оседлого, вероятно, славяноязычного населения, упоминаемая русскими летописями. Многими исследователями рассматриваются, как предшественники казачества более позднего времени. Относительно названия выдвигались разные точки зрения. Некоторые исследователи предполагали, что термин «бродник» возник от того, что это население бродило по степи. Более вероятной представляется точка зрения, что бродниками назывались жители степных поселений, которые располагались при бродах и речных переправах. По крайней мере, имеющиеся в распоряжении археологические свидетельства о степном оседлом населении позднекочевнического времени подтверждают именно эту точку зрения.

Великая Смута (Великая Замятня) – под этим наименованием в русских летописях фигурируют события 60-80-х гг. XIV в. Они были связаны с ожесточённой междоусобной борьбой за престол, которая происходила на территории Золотой Орды в это время. Подобных «смут» в Золотой Орде было несколько. Причиной их был несовершенный порядок престолонаследования, существовавший в этом государстве и непомерный рост могущества ордынской аристократии.

верста – мера длины, равная 1,06 км.

верхний палеолит – последний из трёх основных периодов палеолита, начинается около 45 тыс. лет назад и заканчивается с началом эпохи голоцена в 12-11 тыс. до н.э. К началу верхнего палеолита появляется человек современного облика (Homo sapiens). Период отличается специфическим набором каменных орудий труда: скребков, резцов, наконечников разных типов, проколок и др., полученных из длинных пластин, скалываемых с нуклеусов; в это время впервые появляются гарпуны, крючки для ловли рыбы, копьеметалки. Важнейшим событием стало возникновение искусства в разнообразных формах.

воевода – начальник войска, а также области, округа. Воеводы на Руси делились на ратных и местных воевод, совмещавших административную и военную функции в административном и военном управлении.

городище – остатки укреплённого поселения. В археологии используется для обозначения поселения, укрепленного валами и рвами; ранее на валах стояли стены.

голоцен – современная геологическая эпоха, в который мы сейчас живём; начало голоцена относится приблизительно к 12-11 тыс. до н.э., когда произошло резкое потепление климата (повышение температуры воды в Атлантике датируется 10700±700 г. до н.э.), в результате чего произошло кардинальное изменения ойкумены в северной части Евразии. В этот период складываются современные географические зоны, очертания водных бассейнов, состав растительного и животного мира. Человек осваивает новые, освободившиеся от ледника территории.

гоминиды – эволюционная линия человекообразных, ведущая к человеку современного облика; охватывает собой ископаемые и современные виды человека (австралопитеки, Homo habilis, Homo erectus, Homo sapiens).

город – укреплённое поселение, имеющее подчинённую ему округу с приписанным к нему населением. Первые города Донецкого края: Маяцк (1663 г), Тор (1676 г.), Райгород (1684 г.), Бахмут (1701 г.), Мариуполь (1780 г.)

дача – участок земли, получаемый служилыми людьми как жалованье за службу и на содержание себя и своей семьи в соответствии с рангом.

демиург – в древней и архаической мифологии существо, сотворившее первый мир, первых животных, растения, предметы.

десятина – мера измерения земли (1,092 га).

дети боярские – служилое сословие, относящееся формально к правящему классу, но в основном неимущее. Эти люди получали земельные участки – поместья за службу на границе и считались помещиками. Они несли обязательную службу, получая за это от князей, бояр, церкви поместья.

дирхам, дирхем – серебряная восточная монета, название произошло от слова «драхма». Первые дирхемы подражали драхмам правителей Сасанидского Ирана. Изготовленные из высококачественного серебра дирхемы Арабского халифата длительное время служили международной денежной единицей. Вес их колебался от 2,7 до 3,4 грамма. К X в., в связи с серебряным кризисом и порчей монеты, они утратили эту роль. В Золотой Орде дирхем являлся основной денежной единицей. Там он носил название «данг», производным от которого является русская «**деньга**» и «**деньги**». Чеканился из высокопробного серебра и имел вес 1,4-1,5 грамма. В XV в. дирхем уменьшается в весе (до 0,6 грамма) и делается из серебра низкой пробы.

днепро-донецкая культура – археологическая культура времён неолита Восточной Европы, начало VI-IV тыс. до н.э., устаревшее название, в настоящем из неё выделен ряд родственных неолитических культур междуречья и бассейнов Днепра и Северского Донца. Данные культуры схожи по близкой форме миниатюрных наконечников стрел, керамических сосудов, следам хозяйственной деятельности (присутствию на стоянках костей как диких, так и домашних животных, отпечатков семян культурных растений на стенках сосудов), обряду захоронения умерших (могильники «мариупольского типа»), контактам с соседней трипольской культурой (фрагменты керамики и т.д.). Наиболее известный памятник «Дериевский Могильник»; в Никольском могильнике найдены медные вещи, золотая подвеска, имеются трипольские предметы. Представители культуры занимались рыболовством, охотой, земледелием (найдены отпечатки зёрен на керамике), скотоводством.

днище – день пути.

донецкая культура – археологическая культура неолита Восточной Европы, V-IV тыс. до н.э., выделена из первоначальной днепро-донецкой культуры, соответственно, обладает рядом признаков днепро-донецкой культуры. На территории Донбасса археологические памятники данной культуры сосредоточены в основном по берегам реки Северский Донец, стоянки: Бондариха, Устье Оскола, Ольхова, Зелёная жильема, Горниця, Петровская 4, Пришиб, Изюм, Шевченково, Пелагеевка, Яремовка и др. Особенность

культуры состоит в преобладании миниатюрных наконечников стрел (преимущественно в форме трапеций, иногда сегментов или острий из пластин), в присутствии крупных изделий из кремня (топоров-резаков, резцов-стругов). Находки керамических сосудов немногочисленные, в сравнении с соседними культурами, преимущественно это фрагменты. Наиболее ранние сосуды имеют остродонную форму, элементы орнаментации: отпечатки гребёнки, наколы, прочерченные линии. Следы хозяйственной деятельности на стоянках восстанавливаются по костям диких и домашних животных, известен случай отпечатка на стенке керамического сосуда семян культурного растения – зерновки пленчатого ячменя. Основным занятием носителей культуры были скотоводство и охота.

Донецкая волость – южная часть Белгородского уезда Российского государства в XVII в., делилась на юрты количеством 9 единиц. После Переяславской рады 1654 г. и воссоединения земель северо-восточной и южной Руси приняла поток переселенцев с Малороссии.

дьяк – государственный служащий, глава органа управления (приказа) в Российском государстве.

индоевропеистика – раздел научного знания, изучающий древнейший период истории народов индоевропейской языковой семьи. Первоначально являлась разделом лингвистики, занимавшейся изучением индоевропейских языков, постепенно к проблематике индоевропеистики подключались представители разных научных дисциплин, в первую очередь археологии и историки, что вело к междисциплинарным исследованиям.

зарубинецкая культура – археологическая культура II в. до н.э. – III-IV вв. н.э. Восточной Европы. Основным ареалом распространения был бассейн Среднего и Верхнего Поднепровья. Входит в круг культур, принимавших участие в сложении восточных славян.

засека – особая подрубка деревьев на высоте человеческого роста с наклонной укладкой верхних частей стволов с ветками, без срезания сучьев.

засечная черта (линия) – представляла собой комплекс острогов, сторожевых постов, засек и лесных завалов, а также водных преград для защиты от нападений конницы противника. От центральных районов Российского государства по направлению к южным рубежам были построены следующие оборонные сооружения: Большая черта (1521-1566), Белгородская черта (1635-1653), Изюмская черта (1679-1680) с ответвлением – Торская чертой (1684), Украинская линия (1731-1736), Днепровская линия (1770-1783). Непосредственно на территории Донецкого края была построена Торская черта.

зелье – боеприпасы (ядра, порох, свинец).

зимовник – сезонное жилище казаков для временного пребывания по месту их хозяйственных интересов.

казачество – для периода XVI-XVII вв. одно из служилых сословий Русского государства и Речи Посполитой.

каган (кан, каан, хакан (арабское написание древнетюркского титула)) – высший титул у степных правителей, который можно перевести, как «хан ханов», «царь царей». Данный титул был известен уже у древних тюрков, которые заимствовали его у жужжаней. Близок по соответствию европейскому титулу – «император». Власть кагана являлась священной, сама личность кагана была сакрализована. В более позднее время, у Османов, этот титул иногда употреблялся вместо титула «халиф» или «султан».

калга – титул наследника престола у крымских татар. Впервые применяется во время правления Менгли-Гирея (1478-1515). Этимология указанного термина не совсем ясна, вполне возможно, что он имеет не тюркское, а монгольское происхождение.

катакомбная культура – иначе катакомбная культурно-историческая общность, состоящая из нескольких археологических культур эпохи средней бронзы Восточной Европы. Время существования в Донбассе, с поправками на удревнение археологических культур юга Восточной Европы, определяется в пределах XXVI/XXV-XXI/XX вв. до н.э. Отличается характерными погребальными курганными сооружениями в виде катакомб, а также своеобразным набором посуды с богатой орнаментацией, выполненной оттисками тесьмы, шнура, верёвочки. Входила в Циркумпонтийскую металлургическую провинцию. Основным занятием носителей культуры было скотоводство.

катафрактарий – первоначально сарматский всадник с тяжёлым удлиненным копьём, закованный в кольчугу. Тяжёлое удлинённое копье, требующее использования обеих рук, позволяло добиться максимального эффекта в бою. Постепенно катафрактарии как особый род войск получил широкое распространение в Азии и Европе.

кельт – один из видов топоров эпохи бронзового века; отличается своеобразным строением: на месте обуха имеется втулка, в которую вставляется рукоять перпендикулярно лезвию.

киевская культура – археологическая культура, ареал распространения которой находится в пределах Днепро-Донского лесостепного междуречья. Формировалась на основе позднезарубинецких памятни-

ков. Существовала параллельно с черняховской культурой. Время существования памятников киевского типа обычно укладывается в рамки II – сер. V в. По мнению исследователей, на её базе произошло формирование славянских древностей более позднего времени.

кобыз – степной смычковый музыкальный инструмент с деревянным корпусом ладьевидной или полушаровидной формы, к верхней части которого крепился гриф. На кобыз ставились струны, свитые из конского волоса. Играли на нём, как на виолончели, при помощи смычка, сжимая в коленях. Украинская кобза более позднего времени (щипковый инструмент) имеет с ним, только близкое название.

Кок-Орда – Синяя Орда, восточная часть (левое крыло) монгольского государства. Обычно считалась более важной, преобладающей, по значимости.

колонизация – процесс заселения и освоения новых территорий.

кремнеобрабатывающие мастерские – особый вид археологических памятников времён каменного века и эпохи бронзы; представляли собой места, на которых происходила первичная обработка кремнёвого сырья. На мастерских обнаруживают скопления расщеплённого кремня близ мест его добычи. Скопления представляют собой отходы от изготовления орудий и их заготовок.

культурно-историческая область (общность) – археологический термин, введённый советским учёным Н.Я. Мерпертом для выделения в рамках одной археологической культуры отельных локальных вариантов. В дальнейшем понятие приобрело более обобщённое значение, как совокупность племён определённой исторической эпохи, объединённых общими элементами материальной и духовной культуры, одним типом хозяйственно-культурной деятельности.

ландмилиция – военные формирования нерегулярной армии, которые создавались из однодворческого населения южных уездов России; в уездах существовал специальный налог на содержание ландмилиции для тех, кто не входил в её состав.

либра – римский фунт. Единица веса, составляющая 327,45 грамма. Делилась на 12 унций.

Мариупольский могильник – археологический памятник времён позднего неолита-начала энеолита (1-я половина IV тыс. до н.э. – конец V тыс. до н.э.), открыт советским археологом Н.Е. Макаренко в 1930 г. на территории металлургического комбината «Азовсталь» г. Мариуполя. Могильник являлся родовой усыпальницей людей, обитавших в низовьях реки Кальмиус. Дал название десяткам

других могильников ряда родственных неолитических и энеолитических культур. В могильнике сохранилось большое количество погребённых (124), а также различные предметы. Археологи относят могильник к различным археологическим культурам; в настоящем превалирует мнение, что большинство погребённых в могильнике относится к нижнедонской культуре. Погребения сопровождаются ножевидными пластинами, скребками, топорами, кремнёвыми наконечниками, каменными булавами, украшениями из клыков кабана и раковин моллюсков. Пять погребённых относятся к раннему энеолиту (последняя треть VI – конец V тыс. до н.э.) и связываются со среднестоговской или новоданиловской культурами. В одном случае использовалось трупосожжение. Энеолитические погребения перекрывались каменными закладками, обкладывались камнями, сопровождались браслетами, предметами из меди, кремнёвыми наконечниками и пластинами, костяными пластинами с нарезками или орнаментом, бусинами из перламутра, кости и меди.

мезолит – переходной период между двумя геологическими эпохами: плейстоценом и голоценом. Начало и время существования мезолитических культур в разных регионах не совпадает, изменяясь в диапазоне от 10 до 5 тыс. до н.э. С мезолитом связано кардинальное изменение климата, растительного и животного мира, условий жизни древних людей, их хозяйственного уклада, социальной организации общества. Характеризуется специфическим набором каменных орудий труда, резко отличающимся от предшествующего времени палеолита в сторону уменьшения размеров и миниатюризации предметов. Появляется лук и стрелы с наконечниками в виде трапеций, сегментов («геометрических микролитов») и других («негеометрических») форм.

менора – церемониальный иудейский светильник, представляющий собой подставку, на которой крепятся семь свечей. Один из священных символов иудаизма.

мирза – сокращенный вариант титула «эмир-заде» – сын эмира. В дальнейшем титул, обозначавший представителей высшей аристократии.

мустье – традиционное название среднего палеолита, см. статью «средний палеолит».

мухр – средневековая золотая индийская монета.

надолбы – конструкция из 2-3 брёвен, вкопанных в землю и соединённых между собой крестом.

неолит – заключительная эпоха каменного века, имеет два периода: докерамический неолит и керамический неолит. Характеризуется

своеобразной техникой обработки камня, а с определённого этапа своего развития – широким использованием керамической посуды. В период неолита люди начинаю переходить к производящему типу хозяйства (так называемая «неолитическая революция»), к строительству крупных поселений, предтечи городских центров. Широкое расселение в пределах Старого Света привело к тому, что на довольно больших территориях люди перешли к земледелию и скотоводству.

нижнедонская культура – археологическая культура позднего неолита-энеолита Северного Приазовья, распространённая между Нижним Доном и рекой Кальмиус, относится к VI-V тыс. до н.э. Входит в группу родственных неолитических и энеолитических культур Юго-Восточной Европы (мариупольская культурно-историческая область). В Донецком крае представлена Мариупольским могильником, нижним слоем поселений Раздольное, Мариуполь. Культуру отличает остродонные и плоскодонные сосуды с «воротничком»; керамика орнаментирована оттисками гребёнки в виде волнистых линий, кремнёвые орудия выполнены в пластинчатой технике.

нуклеус – специфический предмет из кремня, иных пород камня, времён каменного века, который представлял из себя заготовку в виде ядрища для скалывания или отжима с него пластин, служивших для изготовления орудий труда и вооружения.

однодворец – владелец участка земли, полученного за военную службу в Российском государстве, который из-за небольших размеров участка не мог поселить на нём крестьян и поэтому обрабатывал его сам. За ним числились пустые крестьянские дворы. Сословие однодворцев было ликвидировано Павлом I.

онгоны – фигурки, вырезанные из ткани, войлока, дерева или металла, которые изображали духа-покровителя шамана. Являются атрибутами шаманского культа.

орду-базар – богато украшенный шатёр, являлся символом власти хана.

памятники типа Нижней Михайловки – группа археологических памятников эпохи энеолита Восточной Европы, основной массив которых расположен в бассейне Нижнего Днепра, время существования определяется около 3600-3000 гг. до н.э., иногда применительно к ним используется термин «археологическая культура». Получили название от поселения Михайловка I, которое предшествовало ямной культуре.

памятники Новоданиловского облика (новоданиловская культура) – группа археологических памятников эпохи энеолита самого юга

Восточной Европы, время существования определяется по радиоуглеродных датам в пределах 4700-3200 гг. до н.э. Известна только по небольшим могильникам и отдельным кладам. Д.Я. Телегин считал поздним этапом среднестоговской культуры, в дальнейшем археологи стали её определять как особую культуру, более раннюю по времени, чем среднестоговская. Стратиграфическое положение этой культуры определяется тем, что в Мариупольском могильнике погребения новоданиловского типа расположены над неолитическим могильником. Погребения сопровождаются стандартными наборами предметов вооружения, орудий труда и украшений. Орудия и оружие из кремня изготовлены из ножевидных пластин длиной до 20 см, наконечники стрел имеют треугольную форму с выгнутым наружу («выпуклым») основанием, реже – с прямым или вогнутым основанием. Также в погребениях обнаружены топоры, тёсла, долота, скребки, свёрла, очень редко керамика, украшения из меди, раковин моллюсков, перламутра, кости. В погребениях иногда встречаются особые предметы – «скипетры» в форме головы животного. Металл относится к Балкано-Карпатской металлургической провинции. Ю.Я. Рассамакин включает новоданиловские памятники (вместе с суворовскими) в предложенную им «скелянскую культуру».

пеньковская культура – археологическая культура, существовавшая в основном в лесостепной полосе Восточной Европы в V-VII вв. Обычно связывается с антским племенным союзом. Зоной распространения является территория от реки Днестра до среднего течения реки Северского Донца. В Донецком края наиболее изученным памятником этой культуры является поселение «Старица» (Панский Луг), которое находится на левом берегу реки Северский Донец, у села Богородичное Славянского района.

перелаз – брод.

пищаль – лёгкая пушка.

плейстоцен – геологическая эпоха, начавшаяся 2,5 миллиона лет назад и закончившаяся около 12-11 тысячи лет назад, в археологии совпадает со времен верхнего палеолита.

позднебронзовый период – исторический период эпохи бронзы Восточной Европы. Характеризуется появлением целой свиты археологических культур, отличных от предшествующего периода, а также новыми типами металлических орудий труда, вооружения, украшений, керамической посуды, погребальной обрядности. Формируется новый тип общества, получивший название «комплексное общество», экономика которого базируется на развитом скотоводстве и высокой доле

земледелия. На территории Донбасса в данный период существовала срубная культура, сменившаяся памятниками белозерского времени.

поминки – подарки русских властей Крымским ханам и другим влиятельным лицам с целью выкупа пленных или отведения угрозы набега.

понгиды – группа современных человекообразных обезьян.

производящий тип хозяйства – историческое явление, связанное с переходом древних людей от охоты к земледелию и скотоводству. Позволил человеку в меньшей мере зависеть от природы, чем раньше, улучшить своё питание и условия проживания. С производящим хозяйством возросла роль технологических инноваций, люди освоили новые ремёсла, широкое распространение получило гончарство и строительство, постепенно происходило овладение навыками производства металлов и приёмами металлообработки.

промысел – занятие с целью получения выгоды от какого-то дела. В условиях Подонцовья население занималось промыслами, связанными с добычей рыбы, зверя, мёда, соли.

пул – медная монета Золотой Орды и русских удельных княжеств. На памятниках золотоордынского времени встречается большое количество пулов, так как выпуск этой монеты достаточно слабо подвергался контролю.

ранний бронзовый век – исторический период эпохи бронзы Восточной Европы, связанный с ямной культурно-исторической общностью. Характеризуется широким расселением ямных племён на степных просторах Европы и формированием Циркумпонтийской металлургической провинции со своим специфическим набором металлических вещей.

ранний железный век – исторический период Восточной Европы, датируемый IX в. до н.э. – IV в. н.э., своё название получил от освоения железа и его широкого использования. К данному периоду относятся первые известные исторические народы, проживавшие в восточноевропейских степях: киммерийцы, скифы, сарматы.

Разрядный приказ (Разряд) – государственное учреждение в Российском государстве XVI-XVII вв., ведавшее служилыми людьми, военным управлением, а также южными и восточными «украинными» (пограничными) городами Русского царства.

репинская культура – археологическая культура Восточной Европы, по новой хронологии возникает примерно около 3800 г. до н.э., распространена от Подонья до Поднепровья, исчезает с появлением ямной культуры. Представлена группой погребальных памятников

в курганах, с характерными скорченными захоронениями, осыпанными охрой, в отдельных случаях с небольшими кромлехами, оградками, закладами. Керамическая посуда является наиболее показательным признаком культуры, она остродонная с высоким горлом, украшена различным орнаментом в виде горизонтального зигзага, ёлочки из «жемчужин» (выпуклых вдавлений, выступающих наружу сосуда), оттисков гребенчатого штампа, шнура, округлых ямочных вдавлений, наколов или прочерченного орнамента. Характерной чертой культуры является большое содержание костей коня в ритуальной пище. До недавнего времени археологические памятники репинской культуры относили к ямной культуре, её раннему периоду.

ретушь – специфический технический приём обработки рабочей части каменных орудий, представляла собой серию мелких сколов, наносимыми специальными ретушерами или роговыми отжимниками.

сабатиновская культура – археологическая культура эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы в пределах Поднепровья, Крыма, Северо-Западного Причерноморья; выделена из срубной культуры в 60-х годах XX в. Предположительно сформировалась на основе бабинской культуры около XV в. до н.э., исчезает около XII в. до н.э. Особенностью является наличие больших поселений, которые и дают основную информацию о культуре. Подкурганные погребения с трудом выделяются из-за использования чужеродной посуды в качестве сопроводительного инвентаря. Керамические сосуды были простейшей формы в виде горшков и банок, которые орнаментировались вдавлениями и валиками. Металлические изделия типичные для эпохи поздней бронзы, известны клады металлических предметов. Основным занятием её представителей составляло земледелие, с высокой долей скотоводства.

сажень – мера длины (2,13 м).

салтово-маяцкая культура – археологическая культура народов, проживавших на территории Подонья, Приазовья и на Северском Донце в хазарское время (VIII – 1-я пол. X в.). Некоторые учёные относят к зоне её распространения Предкавказье и Крым, что является дискуссионным вопросом. Названа по двум эталонным памятникам: могильнику и городищу у села Верхний Салтов под Харьковом и городище Маяки у места впадения реки Тихая Сосна в Дон (Воронежская область РФ). Основными этническими компонентами, принявшими участие в сложении салтово-маяцкой культуры, были ираноязычные аланы и тюркоязычные булгары.

Кроме них в её формировании участвовали иные народы тюркской и славянской групп.

сакмы – общее направление степных перемещений, степные дороги, наиболее известные из которых: Изюмская, Муравская, Кальмиусская**,** Ногайская. По примятой траве станичники определяли количество коней и направление движения отрядов противника.

сведенцы – русское население, поселённое в пограничных городах административным путём, часто уже состоящее на государственной службе, а также переведённое в службу из других категорий населения (из крестьян, детей боярских, иностранцев).

свидерская культура – археологическая культура финального палеолита, распространена на территории Центральной и Восточной Европы в IX-VIII тыс. до н.э., иногда называется «культурой охотников на северного оленя приледниковой Европы». Поселения в виде временных стоянок располагались на берегах рек и озёр. Кремнёвые изделия представляют собой иволистные и черешковые наконечники, скребки, резцы различных форм.

сказка – в понимании русского делопроизводства XVII в., непринуждённый рассказ человека в государственном учреждении, например, прибывшего в пределы страны о цели въезда (выезда) с подробностями его пребывания за границей или на границе.

средний бронзовый век – исторический период эпохи бронзы Восточной Европы. Характеризуется появлением в степной и лесостепной зоне Восточной Европы целой группы катакомбных археологических культур и ознаменовывается новым этапом Циркумпонтийской металлургической провинции. Отличается новыми типами металлообработки, металлических орудий труда, вооружения, украшений, посуды, погребальной обрядности. На территории Донбасса в данный период существовал целый ряд катакомбных культур: донецкая, ингульская, маныческая, среднедонская.

слободы – поселения лично свободных людей в Московском государстве, освобождённых от налогов и пользующиеся льготами на определённых условиях. Обладали правовыми и экономическими привилегия (правом формирования казацких полков и свободного выбора сословий) взамен на обязательство защиты южных рубежей России от нападений орд крымского хана. Бытовало понятие: «селить на слободу».

слободские полки – нерегулярные черкасские вооружённые силы южного русского пограничья.

служилые «по отечеству» – московские чины, городовые дворяне и дети боярские, которые несли личную поземельную повинность и служили за свой счёт. За службу получали поместья, из наименее обеспеченных землёй были дети боярские.

служилые «по прибору» – иначе «приборные служилые люди», сословное население, которое формировалось по правительственному набору из лично свободных крестьян и горожан.

солид – золотая византийская монета, введённая римским императором Константином I в 314 г. Имел вес 4,55 грамма. В дальнейшем основная счетно-денежная единица Византийской империи. Обычно чеканился из золота высокой пробы.

спафа – двулезвийный длинный меч. Был широко распространен на территориях, подвластных поздней Римской Империи и Византии

средний палеолит (мустье) – второй из трёх основных периодов палеолита, продолжавшийся от 250 до 40 тыс. до н.э. В этот период на территорию Донбасса проникли неандертальцы, класс палеантропов (Homo neandertalensis), ставшие первыми гоминидами на территории Донецкого края. В среднем палеолите усовершенствовалась техника расщепления камня: кремня, обсидиана и близких к ним по свойствам пород. Орудия стали разнообразнее, чем ранее. Рубила (двусторонне обработанные оббивкой орудия из целых желваков или крупных сколов) встречаются намного реже, чем в раннем палеолите. Скрёбла, остроконечники, ножи изготавливались преимущественно из сколов и пластин определённой формы, которую они приобретали благодаря скалыванию со специально подготовленных нуклеусов. Техника обработки камня позволяла получать дисковидные и одноплощадные нуклеусы, от которых отбивали пластины для изготовления скрёбел, остроконечников, ножей. Наиболее выразительной формой орудий среднего палеолита являются остроконечники мустьерского облика.

среднестоговская культура – археологическая культура времён энеолита, распространённая в степном Приднепровье, датируется 4500-3500 гг. до н.э. В развитии культуры выделяется два основных периода: ранний «дошнуровой» и поздний «шнуровой» или «дериевский». Памятники, ранее относимые к позднему (дереивскому) периоду культуры, ныне выделены в дереивскую культуру. Культура представлена помимо могильников поселениями: Молюхов Бугор, Александрийское, Дериевское, в Донецком крае отдельными слоями поселений Раздольное и Зливки, поздними захоронениями Мариупольского могильника. На поселениях встречены кости диких и домашних животных и отпечатки семян культурных растений

на стенках керамических сосудов. Тип захоронения с обрядом трупоположения на спине с подогнутыми ногами. В памятниках среднестоговской культуры найдены остродонные сосуды с высокой шейкой (украшенные гребенчатым и шнуровым орнаментом), боевые молоты из рога оленя, тёсла, мотыги, кремнёвые ножи, наконечники копий, медные украшения. Встречаются глиняные статуэтки человека, фигурки кабана, рыбы, медные украшения. Металл и металлические изделия относятся к Балкано-Карпатской металлургической провинции. Ю.Я. Рассмахин относит отдельные памятники к скелянской культуре. Основным занятием племён среднестоговской культуры было скотоводство.

срубная культура или иначе срубная культурно-историческую область (общность) – археологическая культура времён поздней бронзы, в Донбассе существовала в XVII-XII/XI вв. до н.э. Выделяется три хронологических периода: покровский, развитой, поздний. В.В. Отрощенко выделяет отдельные памятники в бережновско-маёвскую культуру, его построения не приняты отдельными археологами. Культура относится к так называемым «комплексным обществам», характеризующимися сбалансированным типом хозяйства, основанном на скотоводстве и земледелии. Отличается характерным погребальным обрядом в виде ям, нередко со срубами и каменными ящиками, а также набором бронзовых орудий труда, оружия, типами посуды и её орнаментации. Археологические памятники представлены курганными и грунтовыми могильниками, многочисленными стационарными посёлками и стойбищами, а также святилищами, рудниками.

станица – дозорный подвижный отряд. Комплектовались из казаков и служилых людей. Станицы (отряды из 60-100 человек) посылались в дозор поочерёдно, сроком на две недели, начиная с 1 апреля до зимы. Позднее так стали называть свои поселения донские казаки.

станичник – служилый станичной службы в Российском государстве XVI-XIX вв.

сторож – пограничник в Российском государстве XVI-XVII вв.

сторожа – воинский отряд из 4-6 человек времён Российского государства XVI-XVII вв., посылаемый в приграничные районы ежегодно с 1 апреля до зимы. Сторожи менялись каждые два месяца.

сторожевая служба – организация пограничного наблюдения и быстрого реагирования на вторжение противника. «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», разработанный воеводой М.И. Воротынским в 1571 г., стал первым дошедшим до нашего времени воинским уставом в России.

стрельцы – воины, пехотинцы, вооружённые ружьями и бердышами; стрелецкая служба была учреждена в 1550 г. и существовала до начала XVIII в.

сурская культура – археологическая культур неолита, распространённая в Надпорожье и Надазовья, время существования относится к VI-V тыс. до н.э. Особенностью является остродонная керамика с примесью толчёной раковины и линейным прочерченным орнаментом. Известны также каменная посуда, костяные наконечники дротиков, рыболовные крючки, костяные и каменные тёсла, «челноки». Основой хозяйства являлись охота и рыболовство, дополнялись земледелием и скотоводством.

тандыр – печь среднеазиатского типа.

таможенная пошлина – обязательный платёж, взимаемый таможенными органами в связи с перемещением товаров через таможенную границу.

уходники – люди, занимавшиеся промыслами в Поле, «уходившие» на некоторое время.

халколит (синоним энеолита) – эпоха раннего металла (медно-каменный век), относится к 9-8 тыс. до н.э. и связывается с Ближним Востоком, прежде всего, с Малой Азией, где впервые появляется достаточно большая серия металлических вещей.

Хан – тюркский по происхождению титул, обозначающий верховного повелителя. Иногда соотносится с титулом каган.

хвалынская культура – археологическая культура времён энеолита, распространена в степном Поволжье, датируется 1-й половиной V тыс. до н.э. – 2-й половиной IV тыс. до н.э. Близка к среднестоговской, иногда обе культуры объединяют в единую общность. Памятники представлены могильниками и поселениями. Тип захоронения в виде обряда трупоположения на спине с согнутыми ногами. В погребения помещали остродонные сосуды с высокой шейкой (украшенные гребенчатым и шнуровым орнаментом), боевые молоты из рога оленя, тёсла, фигурки лошади, кремнёвые ножи, наконечники копий, медные украшения, «скипетры». Металл относится к Балкано-Карпатской металлургической провинции. Основным занятием представителей культуры было скотоводство.

халцедон – минерал, относится к разновидностям кварца. Полупрозрачный халцедон голубоватого оттенка характерен для месторождений, расположенных на территории Северного Китая.

хиджра – «переселение». Под этим понятием имеется в виду переселение пророка Мухаммада и его сподвижников из Мекки в Медину, которое произошло в 622 г. Это событие, послужившее прелюдией к победе ислама на территории Аравии и его дальнейшему триумфальному шествию, было принято мусульманами за отправную точку, с которой начинается отсчёт летосчисления мусульманской эры. В связи с тем, что в Аравии и большинстве арабских стран употребляется лунный календарь, несовпадающий с принятым в Европе солнечным календарём, перевод дат с летосчисления мусульманского на летосчисление европейское производится по специальной формуле. Исключением является Иран, где не стали ломать старую, устоявшуюся традицию, и отсчёт времени продолжили вести по солнечному году «шамси». При переводе на христианский календарь мусульманская дата и год переселения слагаются, давая в сумме год христианского летосчисления.

черногоровская культура – археологическая культура эпохи раннего железного века IX-VIII вв. до н.э., которая связывается с киммерийцами. Отличается подкурганными могилами со скорченными погребениями, ориентированными в своём большинстве на восток. Сопроводительный инвентарь состоял из характерной конской узды, со «стремячковидными удилами» и псалиями в виде стержня с тремя сквозными отверстиями, а также стрелами, посудой, украшениями.

черняховская культура – археологическая культура, распространённая в лесостепной зоне Восточной Европы во II-V вв. н.э. Связывается с полиэтничным союзом племён, во главе которого стояли готы.

четверть земли – мера площади, составляла 1/2 десятины засеянной земли, примерно 0,5 гектара.

Шавваль – 10-й месяц мусульманского лунного календаря.

шанец – большое земляное четырехугольное полевое укрепление. Использовались, в частности, в Славяносербии для укрепления поселений.

фельс – медная монета Арабского халифата. Название происходит от фоллис.

фибула – фигурная застёжка для одежды. Широко бытовали в римское время и эпоху раннего средневековья, типологически фибулы чрезвычайно разнообразны. Некоторые их разновидности являлись элементами костюма средневековых народов Европы, в частности, готов и славян.

фоллис – крупная медная римская, в дальнейшем, византийская монета. Состоял из 40 нуммиев. В раннесредневековый период в Византии ходили фоллисы – 40 нуммиев и его фракции: 20, 10 и 5 нуммиев.

энеолит – эпоха перехода от каменного века к эре металла, охватывает VII-V тыс. до н.э., на юге Восточной Европы середину VI – конец V тыс. до н.э. Один из важных рубежей в истории человечества, который связан с освоением металлов: меди, свинца, серебра, золота.

Юрт – в понимании русского населения XVI-XVII вв. территория, пригодная для занятий каким-либо промыслом. Юрты ограничивались различными природными ориентирами в виде балок, буераков, оврагов и тому подобное.

юрта – круглое жилище из войлока и шкур животных на каркасе из деревянных жердей.

ямная культура – или иначе ямная культурно-историческую общность, в прошлом иногда называлась «древнеямной культурой». Существовала в раннем бронзовом веке на юге Восточной Европы. Для Донбасса существование ямной культуры определяется в пределах середины IV тыс. до н.э. – середины III тыс. до н.э. Характеризуется своеобразными погребениями в курганах в виде ям. Покойного помещали в яму на спине с подогнутыми ногами, нередко осыпали охрой, погребальный инвентарь был беден и чаще всего состоял из характерной посуды ямного облика, редких изделий из камня, топоров, медных ножей, украшений, в отдельных погребениях встречаются повозки. Входила в Циркумпонтийскую металлургическую провинцию. Основным занятием представителей культуры было скотоводство.

ямочно-гребенчатая культура (культура ямочно-гребенчатой керамики) – археологическая культура времён неолита лесной части Восточной Европы, продвинувшаяся в V – середине IV тыс. до н.э. из лесной полосы в лесостепные районы, в том числе в бассейн реки Северский Донец. Получила наименование по способу орнаментации керамики вдавлениями в виде ямок различной формы и гребенчатых отпечатков. Есть свидетельства появления у носителей культуры домашних животных (до 10% от найденных костей) и знакомства с земледелием (единичные отпечатки культурных злаков на керамике). Основным занятием её представителей была охота.

Ябгу – титул верховного правителя у тюрок эпохи раннего средневековья. Близок по своему значению титулу каган.

Homo sapiens (Человек разумный) – человек современного физического облика, выделенный учеными в особый вид, появился 45 тыс. лет назад. По последним данным вид сформировался 60 тыс. лет назад.

Рекомендуемые источники и литература

Источники

Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Т.1. СПб.: Типография императорской академии наук, 1890.

Аммиан Марцеллин. Римская история. М.: Ладомир, 2005.

Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734-1775. Т.1. К.: ЗАТ ВІПОЛ, 1998.

Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI-XVШ ст. Харьков. Т.1. Харьков: Тип. К.П. Счасни, 1886.

Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Т.2. Харьков: Тип. К.П. Счасни, 1890.

Барбаро И. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, Венецианского дворянина // Семёнов В. Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. СПб., 1836.

Брун Ф. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год // Записки императорского Новороссийского университета. Т.1. Одесса, 1867.

Булавинское восстание. 1707-1708. Труды историко-археографического института АН СССР. Т.XII. М.: Изд-во политкаторжан, 1935.

Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866.

Геродот. История // Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.

Дневник путешествия в Южную Россию академика Гильденштедта // ЗООИД. Т.11. Одесса, 1879.

Документы по истории греков Приазовья. В 4 томах. Т.1: От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). Донецк, 2008.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т.9. СПб.: Тип. АН, 1875.

Ибн-Фадлан. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. И.Ю. Крачковского. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1939.

Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990.

История Донецкого края в документах и материалах. XVII-начало XX века: материалы для учителей истории. Донецк: Леман, 1995.

Історія України в документах і матеріалах. К.: Видавництво Академії наук УРСР. Т.III, 1941.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». СПб.: Алетейя, 1997.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука. 1982.

Калоеров С.А. Документы по истории греков Приазовья // От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). Т.1. Донецк, 2008.

Киракос Гандзакеци. История Армении. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976.

Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990.

Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956.

Козин С.А. Сокровенное сказание. М.: АН СССР, 1941.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд. АН СССР, 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.

Контарини А. Путешествие Амброджио Контарини посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершённое в 1473 году // Семёнов В. Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. СПб., 1836.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Ч.II. Восстание на юге и волнения в других областях русского государства. М.: Изд. АН СССР, 1959.

Лавассер-де-Боплан Г. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании // Страна казаков. К.: Радуга, 2004.

Латышев. В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т.1-2. СПб., 1893-1906.

Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988.

Літопис Самовидця. К.: Наукова думка. 1971.

Лубсан Данзан Алтан Тобчи. М.: Наука, 1973.

Никифор Патриарх. Бревиарий // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М.: Наука, 1980.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950.

Описание гор. Маяцкого. 1668 г. // История Донецкого края в документах и материалах. XVII-начало XX века: материалы для учителей истории. Донецк: Леман, 1995.

Описание соляных варниц на Торских озерах. 1665 г. // История Донецкого края в документах и материалах. XVII-начало XX века: материалы для учителей истории. Донецк: Леман, 1995.

Пишчевич С.С. Известие о жизни и похождении Симеона Степановича Пишчевича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн.4. М., 1881.

Приск Панийский. Сказания Прииска Панийского (пер. Г.С.Дестуниса) // Учёные записки второго отделения Императорской Академии Наук. Кн.VII. Вып.1. Санктпетербург, 1861.

ПВЛ (Повесть временных лет) // Летопись Нестора с поучением Владимира. СПб., 1903.

Полное собрание русских летописей. Т.2. Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

Полное собрание русских летописей. Т.10. VIII летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885.

Полное собрание русских летописей. Т.11. VIII летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897.

Полное Собрание Русских Летописей. Т.13. - СПб., 1904.

Полное собрание русских летописей. Т.20. Львовская летопись. СПб., 1910.

Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л., 1982.

Плано Карпини. История монгалов. СПб., 1911.

Рубрук В. Путешествие в Восточные страны. СПб., 1911.

Списки населённых мест Российской империи. Т.13. Екатеринославская губерния с Таганрогским начальством. СПб., 1863.

Страбон. География // Пер. и прим. Г.А.Стратановского. М.: Ладомир, 1994.

Тизенгаузен В.В. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург. Типография Императорской Академии наук, 1884.

Тизенгаузен В.В. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. Извлечения из сочинений персидских. М.-Л.: АН СССР, 1941.

Тунманн. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991.

Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М.: Наука, 1980.

Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869.

Хрестоматія з історії Української РСР. К.: Радянська школа, Т.1. 1959.

Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). Симферополь: Таврия, 1996.

Литература

Глава 1

Археология Украинской СССР. В 3-х томах. Т.1. К.: Наукова думка, 1985.

Горелик А.Ф., Цыбрий А.В., Цыбрий В.В. О чём поведали череп тура, топор и женские статуэтки? (К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья) // Stratum plus. №2. 2014.

Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. №12. Донецк: Лебедь, 2002.

Колесник А.В. Очерк истории изучения памятников кремнедобычи и кремнеобработки каменного века-эпохи палеометалла Большого Донбасса // Археологический альманах. №30. Донецк, 2013.

Констэбл Д. Неандертальцы. М.: Мир, 1978.

Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. К.: Наукова думка, 1986.

Придо Т. Кроманьонский человек. М.: Мир, 1979.

Глава 2

Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. К.: Наукова думка, 1990.

Горбов В.Н. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны //Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: Східний видавничий дім, 2000.

Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010.

Котова Н.С. Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2006.

Кульбака В., Качур В. Соматичні культи бронзового віку Східної Європи. Маріуполь. 1998.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. Электронный ресурс: http://kladina.narod.ru/kuzmina2/kuzmina2.htm#1a.

Легенди степу. Фотоальбом. Донецьк: ВД «Кальміус», 2004.

Санжаров С.Н., Бритюк А.А., Котова Н.С., Черных Е.А. Поселения неолита-ранней бронзы Северского Донца. Луганск, 2000.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Тарасенко Е.Н. Окрестности Розовки до монгольского нашествия. Исторический очерк. Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/books/rozovka-index.htm

Татаринов С.И., Федяев С.В., Федотов С.А. Археология Бахмутского края. Артёмовск, 2003.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. №2. Донецк, 1993.

Посредников В.А., Зарайская Н.П. Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) // Донецкий археологический сборник. №4. Донецк, 1993.

Привалова О.Я., Привалов А.И. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. К.: УООП, 1988.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т.1-2. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Глава 3

Археология СССР. **Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время**. М., 1989.

Виноградов Ю.Г. Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.

Зарайская Н.П. Погребения раннего железного века на р. Крынка // Донецкий археологический сборник. №1. Донецк, 1992.

Зарайская Н.П., Привалов А.И. Скифские памятники Шевченковского могильника // Донецкий археологический сборник. №2. Донецк, 1992.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия в VII-IV вв. до н.э. К.: Наукова думка, 1983.

Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и алан (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ. Нестор-историк. 2011.

Михлин Б.Ю. Сарматское погребение в Южном Донбассе // Советская археология. №4. 1975.

Михлін Б.Ю. Передскіфське поховання поблизу с. Василівка // Археологія. №30. 1979.

Мозолевський Б.М. Скіфський степ. К.: Наукова думка, 1983.

Моруженко А.А. Скифские памятники Донецкой области // Научно-практический семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Тезисы докладов. Донецк, 1989.

Моруженко А.А. Скіфський курган Передерієва Могила // Археологія. №4. 1992.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004.

Полідович Ю.Б. Нове скіфське поховання з гривною у Донецькій області // Археологический альманах. №7. Донецк, 1998.

Привалова О.Я. Скифское погребение у с. Стыла // Археологический альманах. №2. Донецк, 1993.

Привалова О.Я., Зарайская Н.П., Привалов А.И. Двугорбая Могила // Древности степной Скифии. К., 1982.

Татаринов С.И. Раннескифское погребение из Приазовья // Советская археология. №1, 1982.
Шаповалов Т.А. Сарматские погребения около с. Новолуганское // Археология. №8. 1973.
Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северное Приазовье // Советская археология. №4. 1987,
Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Глава 4-9

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1962.
Археология Української РСР. У 3-х томах. Т.3. К.: Наукова думка, 1971.
Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
Бартольд В.В. Токтамыш // Сочинения. Т.5. М: Наука, 1968.
Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т.1. М., 1963.
Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т. 2, ч.1. М., 1964.
Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. М.: Наука, 1986.
Гайворонский О. Повелители двух материков. Т.1. Крымские ханы XV-XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев-Бахчисарай, 2007.
Гайворонский О. Повелители двух материков. Т.2. Крымские ханы второй половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. Киев-Бахчисарай, 2009.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950.
Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. // Труды XII Археологического съезда. Т.1. М., 1905.
Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда, Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда. Т.1. М., 1905.
Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года //Труды XIII Археологического съезда. Т.1. Москва, 1907.
Даркевич В.П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. Т.15. М.: Наука, 1985.
Дедов В.Н. Святые горы. От забвения к возрождению. Донецк: ООО РА Ваш имидж, 2006.
Егоров В.Л. Историческая география городов Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1985.

Ефремов А.С. История Луганского края. Учебное пособие. Луганск: Альма-матер, 2003.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М.: Наука, 1967.

Кравченко Э.Е. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Вып.3. Донецк: ДонГУ, 2003.

Кравченко Э.Е. Средневековый комплекс поселения Ляпинская Балка в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Донецк: ДонГУ, 2003.

Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца. Хазарский альманах. №3. К.; Харьков, 2004.

Кравченко Э.Е. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции памяти профессора МГУ Г.А.Федорова-Давыдова. Азов, 2009.

Кравченко Э.Е. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, степное Подонцовье) // Археологический альманах. №30. Донецк: Донбасс, 2013.

Кравченко Э.Е. Памятники начала нашей эры в среднем течении р. Северский Донец // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Серия «Археологические источники Восточной Европы». Казань-Симферополь-Кишинев, 2015.

Кудряшов К.В. Половецкая степь. М.: Географгиз, 1948.

Мелихов Г.В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Изд. ХГУ, 1985.

Мухаммадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система. XII-XV вв. М.: Наука, 1983.

Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. СПб., 2004.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. М.: Наука, 1990.

Очерки истории СССР III-IX вв. М.: Изд. АН СССР, 1953.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968.

Пирко В.А. Северное Приазовье в XVI-XVIII вв. К.: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988.

Плетнёва С.А. Половцы. М.: Наука, 1990.
Плетнёва С.А. Хазары. М.: Наука, 1986.
Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974.
Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим, 2000.
Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV-XIII вв. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 2003.
Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1997.
Рансимен С. История первого болгарского царства. СПб.: Евразия, 2009.
Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М., 1976.
Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982.
Селезнёв Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009.
Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982.
Сибилёв Н.В. Древности Изюмщины. Вып.2. Археологические разведки в бассейне Донца в 1920-1926 гг. Изюм, 1926.
Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщини. Вип.3. Ізюм, 1928.
Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщини. Вип.4. Ізюм, 1930.
Сібільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія IV. Київ, 1950.
Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Т.1. СПб., 1887.
Тильман Нагель. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Изд. Восточная литература РАН, 2002.
Третьяков П.Н. По следам древних славянских племён. Л.: Наука, 1982.
Фёдоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. Т.18. Москва: Наука, 1981.
Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд. МГУ, 1966.
Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Наука, 1991.
Черепнин Л.В. Монголо-татарское нашествие на Русь // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977.
Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Глава 10

Алфёрова Г.В. Русские города XVI-XVII веков. М.: Стройиздат, 1989.

Ахметов Р.Б., Бабулин И.Б. Белгородский приказ московских стрельцов в 1658-1680 гг. Очерк полковой истории // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т.VII. Электронный ресурс: <http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babulin> (14.07.2015)

Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. XVI. М.: Тип. университета, 1887.

Беляев И. О сторожевой и станичной службе на польской окраине Московского государства. М.: Тип. университета, 1848.

Бескровный Л.Г. Атлас карт и схем по русской военной истории. М.: Военное издательство Народного комиссариата вооружённых сил, 1946.

Дедов В.Н. Святые горы. От забвения к возрождению. Донецк: РА Ваш имидж, 2006.

Дяченко М.Т. Етапи заселення Слобідської України в XVII-першій половині XVIII ст. // Український історичний журнал. №8. 1970.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1969.

Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1980.

История Святогорской Успенской Общежительной пустуни в Харьковской епархии. Сост. Г. Кулжинский. Харьков, 1884.

Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII – первой половине XIX в. (1719-1858 гг.). М.: Наука, 1976.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII вв. М.-Л.: АН СССР, 1948.

Оглоблин Н. Воеводския «вестовыя Отписки», как материал для истории Малоросии // Киевская старина. Т.12. Кн.4. 1885.

Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: Изд. КОНСТАНТА, 2004.

Пірко В.О. Заселення Донеччини у XVI-XVIII ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел). Донецьк: Східний видавничий дім, 2003.

Пирко В.А. Северное Приазовье в XVI-XVIII вв. Київ: УМК ВО, 1988.

Пирко В.А. Торская укреплённая линия // Вопросы истории. №1. 1986.

Святогорская Успенская общежительная пустынь в Харьковской епархии. Харьков: Тип. Окружного штаба, 1880.

Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1841.

Смирнов И.И. Крестьянская война 1606-1607 гг. // Смирнов И.И. Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. М.-Л.: Наука, 1966.

Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии в 3 томах. Харьков: Райдер-Сага, 2004-2006.

Чепухин А.Г. Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилецких людей XVII века) // История военного дела: исследования и источники. T.V. 2014. Электронный ресурс: http://www.milhist.info/2014/08/04/chepyxin (04.08.2014)

Глава 11

Божко Р.П., Були Т. Ю., Саенко Р. И. и др. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. Мариуполь: Изд. Рената, 2006.

Важинский В.М. Земледелие и складывание общины однодворцев в XVII веке (по материалам южных уездов России). Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1974.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII-начале XVIII ст. М.: Наука, 1977.

Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII-первой половине XIX вв. М.: Наука, 1988.

Голобуцький В.О. Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734-1775 рр.). Дніпропетровськ: Січ, 2004.

Джуха И.Г. Одиссея мариупольских греков: Очерки истории. Вологда: Изд-во ВГПИ, «ЛиС», 1993.

Ефремов А.С. История Луганского края: Учебное пособие (А. С. Ефремов, В. С. Курило , И. Ю. Бровченко и др.). Луганск: Альма-матер, 2003.

Иеродиакон Тихон (Васильев). Святитель Игнатий Мариупольский и переселение крымских греков в Приазовье. Электронный ресурс: http://www.pravoslavie.ru/put/080804111737.htm (16.10.2016).

Нестерцова С.М., Щербініна О.В., Ольхіна Н.І., Рибак І.М. Історія рідного краю (Донеччина з кінця XVIII до кінця XIX ст.). Донецьк, 2012.

Калоеров С.А. Об основании города Мариуполя и первых греческих сёл в Приазовье на основе анализа документов. // От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652-1783). Документы по истории греков Приазовья: В 4-х томах. Донецк: Юго-Восток, ЛТД, 2008.

Комолов Н.А. Азовская губерния (1709-1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2009.

Левашов П. Картина или описание всех нашествий на Россию всех татар и турок. СПб.: Тип. Богдановича, 1792.

Ласковский Ф. Карты, планы и чертежи к 3 части материалов для истории инженерного искусства в России, СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1866.

Отин Е.С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий). Донецк: ДонГУ, 2000.

Папков А.И. Освоение Российским государством российских окраин в XVI веке // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. №1 (144). Выпуск 25. 2013.

Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001.

Пирко В.А. Северное Приазовье в XVI-XVIII вв. К.: УМК ВО, 1988.

Пірко В.О. Заселення Донеччини у XVI-XVIII ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел). Донецьк: Східний видавничий дім, 2003.

Пірко В.О. Соляні промисли Донеччини в XVII-XVIII ст. (історико-економічний нарис і уривки з джерел). Донецьк: Східний видавничий дім, 2005.

Подов В.И. Донбасс. Век XVIII-й. Социально-экономическое развитие Донбасса в 18 веке. Луганск: Світлиця, 1998.

Попов Н. Военные поселения сербов в России // Вестник Европы. №6. 1870.

Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дон: Изд. Ростовского университета, 1961.

Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины в XVII-XVIII вв. Харьков: Обл. кн. изд.,1964.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. В 29-ти томах. М.: Тип. университета, 1851-1879.

Феодосій (Макаревський О.Г.). Матеріали для історико-статистичного опису Катеринославської єпархії. Церкви та приходи минулого XVIII століття. Дніпропетровськ: Дніпрокнига, 2000.

Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Харьковской епархии в 3 томах. Харьков: Райдер-Сага, 2004.

Хайтулов Л.М. Карань. Сімферополь: Таврида, 2012.

Чепіга Г.Г. Розбудова оборонних споруд в Середньому Подінців'ї та обставини заселення регіону в першій половині XVIII ст. на прикладі міста Бахмут // Вісник Черкаського університету. Серія: історичні науки. Вип.202. Черкаси, 2011.

Чепіга Г.Г. «Матеріали для історико-статистичного опису Катеринославської єпархії» Феодосія (О.Г. Макаревського) як історичне та історіографічне джерело // Наука. Релігія. Суспільство. №1. 2014.

Глава 12

Александров В.Е. Лутугин. Донецк: Донбасс, 1971.

Альтер М. Для великой пользы отечеству // РиО. №7. 24 сентября 1993 г.

Бледнов В.П., Завада Л.В. Очерки истории медицины в Бахмуте. Артёмовск, 2000.

Блок А.А. Избранное: Стихотворения и поэмы. К.: Веселка, 1980.

Бугаёв А.С. Усадьба «Нескучное» // Літопис Донбасу: Краєзнавчий збірник. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас,1994.

Бунин И.А. Стихотворения. Сост. и автор вступ. ст. В.А. Приходько. Петрозаводск: Карелия, 1978.

Вересаев В.В. Сочинения в 4-х томах. М.: Правда, 1990.

Гайдук В.А., Ляшенко В.Г., Мозговой В.И., Навка И.П. Юз и Юзовка. Донецк: Кардинал, 2000.

Гармаш Л.Н. К вопросу о религиозных конфессиях на территории Донецкой области // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

Гонимов И.А. Старая Юзовка. 1869-1905. Сталинский металлургический завод. М.-К.: ОГИЗ, 1937.

Данилевский Г.П. Беглые в Новороссии. К.: Дніпро, 1988.

Джуха И.Г. Милар (Мельница). Роман-хроника 1914-1930 гг.: Донецк: КП Регион, 2000.

Донеччина. Перехрестя цивілізацій. Книга перша. Донецьк. 2007.

История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область. К.: Институт истории Академии Наук УССР, 1970.

История технического развития угольной промышленности Донбасса. К. Т.1-2. 1999.

Капелюшный Л. Немцы в степях Украины // Известия. 1 февраля. 1992.

Копыл А.Г. Бахмутские городские гербы // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

Крыжная Ж.П. Развитие науки в Донбассе в конце XIX-начале XX вв. // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

Куприн А.И. Собрание сочинений в 9-ти томах. М.: Худож. Лит., 1971-1973.

Лисяк-Рудницький И. Історичні есе. У 2-х томах. Т.1. К.: Основи, 1994.

Ляшенко В.Г. Предприниматель Иван Григорьевич Иловайский // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

Мамутов В.К. Украинское Приморье и Донбасс: из прошлого в будущее. Донецк, 1995.

Мозговой В.И., Ляшенко В.Г. Там, где было Дикое поле…Очерки истории Донецкого края. Донецк, 2001.

Мевиус А. Будущность горнозаводского промысла на Юге России. СПб., 1867.

Нестерцова С.М. Низшее пофессионально-техническое образование Донбасса в конце XIX-нач. XX вв. // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

Отин Е.С. Избранные работы. Т.I-II. Донецк: Донеччина, 1997.

Отин Е.С. Топонимия приазовских греков. Донецк: ДонГУ, 2000.

Паустовский К. Собрание сочинений. Т.5. М.: Худ. лит., 1968.

Перина К.В. Из историй названий пунктов Донбасса // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

Пирко В.А. Города Донеччини в конце XVIII века (по материалам описания Азовской губернии) // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

По Екатерининской железной дороге. Издание управления Екатерининской железной дороги. Вып.II. Екатеринослав: типолитография Екатерининской железной дороги. 1912.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Т.14: Новороссия и Крым. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1910.

Серафимович А.С. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Правда, 1987.

Сковорода Г.С. Літературні твори. К.: Наукова думка, 1972.

Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1977.

Тарнавский И.С. Первая горноспасательная станция Донбасса // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

Тимофеев П.Т. Добрые дела не исчезают. Фольклорный сборник. М.: Молодая гвардия, 1987.

Тимофеев П.Т. Пісенний фольклор робітничого середовища Донбасу (на матеріалі записів 20-х рр.). Донецьк: Юго-Восток, 1997.

У истоков города Донецка. Материалы научно-практической конференции. Донецк, 1999.

Фомин П.И. Горная и заводская промышленность Юга России. Т.1. Харьков, 1915.

Черкасенко С.Ф. Твори. У 2-х томах. К.: Дніпро, 1991.

Шевченко А.В. Петро Перший і Донбас // Літопис Донбасу. Вип.II. Ювілейний. Донецьк: Донбас, 1994.

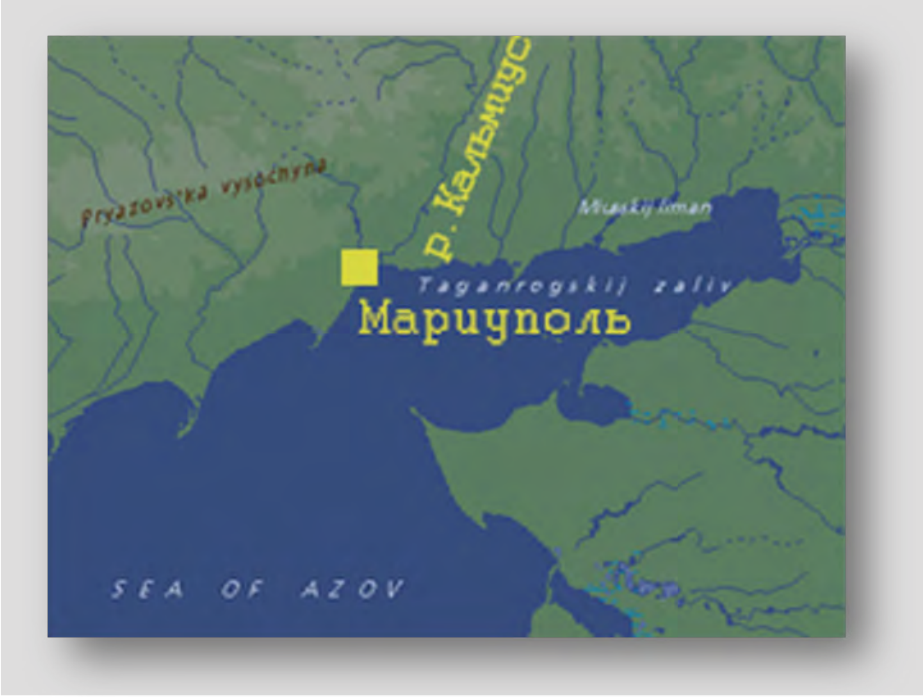
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

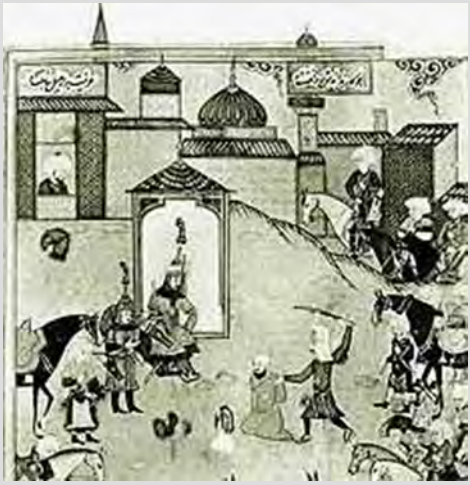
Двухвековое противостояние: татарско-казацкие времена на нижнем Кальмиусе

LV

Устье Кальмиуса во все времена привлекало к себе людей. Нередко люди, жившие здесь, и происходившие поблизости события оказывали большое влияние на жизнь всего степного коридора между Доном и Днепром. И поэтому они часто оказывались зафиксированными в исторических документах. В настоящее время история данной местности (пусть с некоторыми лакунами и неясностями) документально прослежена вплоть до 1570-х гг. И это, похоже, ещё не предел…

Одним из первых лиц, жизнь которого мы можем достаточно уверенно связать с Северным Приазовьем (в широком смысле), был Дивей-мурза. Это был один из наиболее ярких предводителей сильного крымско-ногайского рода Мангыт (Мансур) [40, с.305-306, 360-362 и др.]. Человек необычайно энергичный и воинственный, в середине XVI в. он был





Казнь Адиль Гирея персами. Миниатюра из «Шахиншах-наме» Локмана бен Хусайн аль-Ашури (1581 г.) [19]

широко известен всем соседям Крымского ханства. Значительные массы подчиненных ему ногайцев жили в том числе и в Северном Приазовье. Дивей регулярно участвовал в нападениях крымцев на Московское царство [42]. Его пленение стало одним из переломных моментов многодневной битвы при Молодях во время большого похода Гази Гирея на Москву в 1572 г. [24, с.225; 13, с.179-180].

К концу правления крымского хана Девлет Гирея, между двумя его старшими сыновьями разгорелась вражда. Один из них – Адиль Гирей – «блюдясь брата своего» перебрался в Северное Приазовье, где нашел пристанище у сыновей Дивея-мурзы – Есинея и Араслана Дивеевых. На тот момент они контролировали территорию между реками Миус, Молочная, Волчьи Воды и верховьями Самары [40, с.362; 21]. Где-то на территории будущей Мариупольщины Адиль Гирей основал в 1577 г. собственный город Калмиюс. Но вскоре Адиль примирился с братом Мехметом (ставшим следующим крымским ханом) и отправился в поход 1578 г. на персидские владения, из которого не вернулся [26, с.31, 33]. А романтическая история его гибели стала весьма популярной в турецкой литературе.

Примерно в это же время московской сторожевой службой в Придонцовье было зафиксировано новое направление татарских нападений. Появилась Калмиюская дорога, ведшая к устью реки Ливны. Из-за этого пришлось даже спешно переставлять некоторые сторóжи, расположение которых до этого мало менялось с самого 1571 г. [2, с.50-51]. Вскоре выяснилась и исходная точка этих нападений – «из нового города из Калмиюса». Несколько позже появится и «новая Калмиюская дорога», шедшая по водоразделу Дона и Донца. Отмечается большая активность татарских нападений по ней, в том числе и с участием дивеевских татар [2, с.57-61].

По мнению историка А.А. Новосельского, первым рассказавшего об основании Адиль Гиреем нового города в Северном Приазовье, он назывался Балысарай и располагался на реке Кальмиус [26, с.33]. Автору статьи удалось добраться до оригиналов документов, на которые ссылается

в данном месте Новосельский, это начало 15-й книги Крымского двора Посольского приказа. Интересно, что в самых ранних записях московских дипломатов об основании этого города он упоминается как «новый город», «город <…> на Калмиюсе», «в Калмиюсе <…> в новом городе» [34, с. 5 об., 20 об., 25 об.], но не Балысарай. Такое название, похоже, появляется чуть позже. В дальнейшем, вплоть до конца XVI века в документах встречаются оба эти названия, но все-таки более распространено было название «Калмиюс». Вероятнее всего, Балысарай и Калмиюс – это два названия одного и того же поселения. Но пока этот вопрос еще нуждается в изучении. Как и вопрос о месте расположения этого города (городов?).

В конце 1583 г. был отстранен от власти и убит крымский хан Мухаммед Гирей. Новым ханом стал Ислам Гирей. Но в конце лета 1584 г. сын убитого хана, нуреддин Сеадет Гирей поднял восстание и на некоторое время захватил Крым. Одними из наиболее сильных его сторонников были дивеевцы: «Приходили на Крым царевичи Саадет-Кирей з братьею да Есиней князь Дивеев, да Арасланай мурза и многие мирзы ногайски, а с ними было нагайских людей пятнатцать тысеч» [26, с.34; 7, с.281].

Воспользовавшись уходом основных военных сил Дивеева улуса в сторону Крыма, примерно в конце июля – начале августа того же года донские казаки совершили набег «под Калмиюс» [33, с.3].

Осенью 1584 г. восстание Сеадета было подавлено. При этом погиб и Есиней Дивеев [39, с.65; 27]. Уцелевшие сторонники Сеадета бежали через Северное Приазовье за Дон. Новому главе дивеевцев – Араслану удалось вывести значительную часть своих улусных людей за Дон. Оттуда, из Казыева улуса он предпринял попытку замириться с ханом Ислам Гиреем. Послание было подписано: «от Аросланая мирзы Дивеева и ото всех мирз, которые жили в Калмиюсе» [7, с.283]. Но эта попытка не удалась, и Араслан-мурза перешёл под московскую власть, обосновавшись под Астраханью.

Беглецов преследовал крымский калга Алп Гирей. Он занял и несколько позже сжёг центр дивеевцев Балысарай [7, с.283]. Но полностью уничтожить город он все-таки не сумел. Зимой 1587 г. в Крым направлялся московский посланник Иван Судаков-Мясной. 15 февраля он приехал в «Калмиюс» и имел здесь встречу и разговор с возвращавшимся из Азова Асаном-чаушем [39, с.8, 9].

В апреле 1588 г. умершего Ислам Гирея заменил Гази Гирей. Так совпало, что в том же месяце в Северное Приазовье пришло множество беглецов из волжских ногайцев. 16 тыс. человек (только воины, без жен и детей) расположились между Молочными Водами и Азовом. Они хотели «турскому [султану – LV] бить челом, штобы турской пожаловал, велел нам быти в своем имени, дал бы нам Балысарай да царевича». Т.е., они пытались занять земли и место в крымской иерархии, которые до того принадлежали изгнанным дивеевцам. Но у них ничего не вышло. Уже в

мае в ханство вернулись «по амнистии» уцелевшие Гиреи-изгнанники, а вместе с ними и Араслан Дивеев. По дороге в Крым они сразу заняли и Балысарай. Статус-кво был восстановлен [39, с.49-51, 58-61].

В 1591 году Московское царство пыталось заключить с Крымским ханством военный союз против Польши. За это хан Гази Гирей затребовал с Москвы 50 тыс. рублей. В обосновании своего запроса он, среди прочего, указал на необходимость восстановления Балысарая и строительства крепостей на Днепре [38, с.193] В итоге стороны переговоров сошлись на сумме в 30 тыс. рублей и заключили договор. Оговоренные деньги были переданы в Бахчисарай, но пошли ли они на оговоренные цели или были распределены на текущие нужды – пока выяснить не удалось.

Уже вскоре после своего возвращения в Северное Приазовье дивеевцы начали вновь активно беспокоить московские окраины. В 1593 г. московское правительство пыталось организовать силами донцов поход на «Араслана Дивеева улус, что на Калмиусе» [36]. Здесь в качестве привязки использовано, видимо, название реки. Состоялся ли этот поход и существовал ли еще на тот момент «город Калмиюс» – пока неизвестно.

Последнее известное на сегодня сообщение о Балысарае относится к июлю 1600 г. В письме запорожцев Яну Замойскому описываются «новости земли Татарской». Среди прочего там сообщается следующее: «<…> А ещё до нас дошли сведения от пленных, что [Царь Крымский] пошлет мурзу своего Ногайского Сабаш-мурзу [Sabas Murza], который, якобы, имеет от него приказ заселить [osadzac] Осламгородки [Oslamhorodki] и Очаков. А также делать замок [zamek] возле Балысарая [u Balysaraya]. <…>» [44, с.106]. Но добрался ли Сабаш-мурза до наших краёв и чем закончилась его попытка – нам также не известно.

Вероятно, татарский городок (городки?) в пределах нынешней Мариупольщины прекратил своё существование не позже конца XVI в., просуществовав всего около 10-20 лет. Более поздних известий о татарских городах в наших краях найти пока не удается. Не упоминаются они и в описании Калмиусской дороги из единственной сохранившейся редакции 1627 г. «Книги Большому Чертежу» [18, с.68].

Тем не менее, Дивеев улус и после утраты своей «столицы» ещё долго был надежным щитом Крыма со стороны Северного Приазовья. Он обладал некоторой долей автономности, и в шертных (договорных, клятвенных) записях конца XVI – первой трети XVII в. обычно указывался отдельно. Например, в шерти 1593 г. писалось: «за государя своего Казы Гирея царя и калгу Фети Гирея царевича, и за все царевичи, и за весь Крым, и за Арасланаев улус Дивеева» [40, с.362-363].

Но постоянные войны и набеги подрывали военные силы Дивеева улуса. С целью его поддержания уже начиная с конца 1580-х крымские ханы стали предпринимать целенаправленные усилия по переводу в Северное Приазовье части Казыевских мурз с улусами из Прикубанья

[41], а также по приему беглецов из числа Большого Ногая. Это помогало лишь частично и в 1630-х годах Дивеев улус окончательно исчезает из документов…

Переход при Кантемире Дивееве остатков дивеевцев на запад – поближе к Перекопу и в Буджак (1620-е – 1630-е гг.) привел к запустению значительной части Северного Приазовья [2, с.210-211; 9, с.289-290]. С этого времени здесь становятся обычными упоминания часто сменяющихся переселенцев и беглецов из Большого и Малого Ногаев с хаотичными перемещениями их по степи. Так, например, по Кальмиусу в 1637 г. кочевали Кимбет мурза и Чубан мурза Иштерековы [23, с.19-20], в 1646 – Бий-мурза [35, с.1062]. Известен также случай поспешного бегства ногайцев из Подонцовья к устьям Кальмиуса и Еланчика (Грузского?) в 1660 г. Здесь их 20 июня того же года и догнал карательный поход слобожан под командованием Изосимы Маслова. Были разорены улусы пяти мирз – Казы, Салтобебета, Кана, Желбебета и Калтимира. При этом освобождено «полону русскаго и волосскаго» около 700 человек [3, с.112-113; 30, с.514-518]. В целом, почти до конца XVII в. всё Северное Приазовье продолжает оставаться территорией Крымского ханства. Но присутствие какого-либо стационарного поселения в устье Кальмиуса на протяжении XVII в. по документам не прослеживается.

Что касается запорожцев, то в XVII в. этот район уже не являлся для них terra incognita. Например, в 1626 г. запорожец А. Шафран упоминает «шлях из Волчьих Вод, которым возят липы казаки в Калмиюс, которые ходят на море» [8, с.71]. К чуть более поздним временам относятся и данные Боплана о запасном речном пути из Днепра. Тем не менее, использование пути по Кальмиусу, видимо, широкого распространения не получило. И для запорожских казаков, особенно активных на Азовском море в 20-х – 30-х гг. XVII в. [6], и для донцов – основные маршруты выхода в море и возвращения из него проходили всё-таки через дельту Дона и, как правильно отмечает Боплан, по Миусу. Успешность использования для прорывов степных рек типа Миуса и Кальмиуса объяснялась не наличием на них казацких крепостей и поселений, а слабой заселённостью кочевниками Северо-Восточного Приазовья в этот период, хорошей разведкой у казаков, а также редкостью, непериодичностью и непредсказуемостью казацких рейдов.

Значительно увеличивается количество упоминаний в документах появлений в Северном Приазовье малороссийских черкас и запорожских казаков в первой половине 1690-х гг. Но и эти документы говорят лишь об установлении хозяйственных связей Малороссии с крымским Приазовьем в условиях тогдашнего мирного времени.

После завоевания Петром I в 1696 г. Азова, кочевники с северного побережья Азовского моря ушли на запад, поближе к Перекопу и Днепру. Обширные районы степи опять обезлюдели. В этих условиях сильно

Изображение заброшенного укрепления на плане устья Кальмиуса Питера Бергмана 1702 г. [28]

облегчился доступ запорожских и донских казаков, а также калмыков в Северо-Восточное Приазовье. Но социально-экономическое развитие перечисленных сообществ на тот момент было еще достаточно низким. Интереса к интенсивному хозяйственному освоению и колонизации указанного региона ни донцы, ни запорожцы тогда не проявили. Их появления и хозяйственная деятельность здесь носили эпизодический и случайный характер. Даже на официальном разборе территориальных споров в 1745 г. ни те, ни другие не смогли привести **конкретных** доказательств своего былого владения степями между Доном и Бердой. Были упомянуты только «Григорий Шавырев с товарищами», добывавшие зверя в верховьях Волновахи – с донской стороны, и полковник Иван Белошапка, пребывавший с 300 казаками в Семёновской крепости (один из городков Таганрогского «укрепрайона») – с запорожской [43, с.37-38]. Что явно не свидетельствует о широком присутствии казаков в этих краях. Северное Приазовье осталось тогда «невостребованным» [20].

В русле петровской политики, устье Кальмиуса неоднократно тайно осматривалось на предмет возможности строительства здесь нового порта. В октябре 1702 г. здесь с такой целью побывал Ф.М. Апраксин [14, Часть I, с.507-508]. По некоторым данным, в 1699 г. Христиан Ругаль, составил первый картографический план устья Кальмиуса [5, с.317], но

эти сведения ещё нуждаются в проверке. От 1702 г. сохранилось два варианта подобных планов другого морского офицера на русской службе – Питера Бергмана. На этих планах не имеется никакого существующего поселения. Зато на правобережном холме при устье (несколько восточнее современной высотки ДОСААФа) показаны развалины какого-то старого безымянного укрепления. Они подписаны «De geweesene Stadt» («бывший город») в немецком варианте [28] и «ruines d`une ville» («развалины города») во французском [29]. Видимо, это как раз то, что позже станут называть «древним городом Домахой». Это старое укрепление не имело никакого отношения к казакам. Теоретически, это наиболее логичный претендент на роль остатков татарского Балысарая/Калмиюса конца XVI в. По результатам раскопок 2010-2015 гг. под руководством В.Н. Горбова данное место неоднократно облюбовывалось людьми для поселения, начиная с энеолита. Здесь есть также слои бронзового века, хазарского периода, запорожцев времён Новой Сечи, а также отдельные артефакты скифского и золотоордынского времени. Но вот материалы XVI-XVII вв. на раскопе не зафиксированы. Так что, вероятно, увиденные здесь Бергманом развалины относятся к значительно более раннему времени.

После Прутского поражения, уже в 1712 г. Азов и Таганрог вернулись к Турции. В 1714 г. было произведено размежевание русско-турецкой границы в междуречье Днепра и Дона [31, с.119-121]. Северное Приазовье снова стало турецкой территорией, сюда вернулись крымские кочевники. Запорожцы, бывшие в этот период под рукой крымского хана, могли достаточно свободно перемещаться по территории ханства. Появлялись они иногда и в Северном Приазовье. Известно по крайней мере два таких случая [22, с.300-301; 4, с.67, 72]. Но назвать это колонизацией также не получается. По информации С. Мышецкого, запорожцы того времени «на Крымской стороне [левый берег Днепра – LV] хуторов и зимовников не имели, а рыбы не лавливали, токмо что за звериною охотою езживали» [25, с.43]. Мнение Д.И. Яворницкого о наличии тогда запорожских зимовников и «от реки Самары до Азовского моря» является искажением данных Мышецкого, на которого он и ссылается в этом месте [43, с.32]. Ни татарских, ни казацких поселений в устье Кальмиуса в этот период не появилось.

Не подтверждается документами и мнение о возникновении запорожской Кальмиусской паланки в 1734 г. Более того – и позже, во времена хорошо задокументированных походов армии Ласси и флотилии Бредаля через Северное Приазовье (1736 – 1738 г.), какое-либо участие или присутствие запорожцев в этих краях не наблюдается [20, с.19].

В октябре 1742 г. происходит демаркация российско-турецкой границы по Конке и Берде [32, с.671-672]. К Российской империи окончательно отходит значительный участок Северного Приазовья. А уже в 1743 г. запорожцы, не согласовав свои действия с центральными

властями, предпринимают целенаправленную попытку включить все вновь присоединенные территории в свои Вольности. Они посылают для этого в сторону Дона команду во главе с полковником Кишинским, который пытается установить административный контроль над этими землями, причём действует крайне грубо и оскорбительно по отношению к донцам. Это вызвало естественное противодействие Войска Донского. В результате этого реальная граница запорожской «сферы влияния» не дотянулась до нижнего Дона, а заканчивалась на Миусе. Её «держали» полковники Еланчикской паланки [43, с.31-40; 16; 20, с.21-27]. Существование тогда параллельно и второй паланки – Кальмиусской – пока представляется сомнительным. 1743 год – это не продолжение давнего спора запорожцев с донцами по поводу границы между ними, как полагал А.А. Скальковский, а только его самое начало...

Попытки правительства решить территориальный конфликт между донскими и запорожскими казаками «полюбовно» не удались. И по Указу от 12 мая 1746 г. новые территории были разделены между двумя казачьими Войсками примерно пополам, границей между донцами и запорожцами был объявлен Кальмиус [23, с.382-389; 16]. Запорожцы с территории к востоку от Кальмиуса ушли за реку. Была эвакуирована на запад и администрация Еланчикской паланки. Вероятно, примерно этим же временем нужно датировать и возникновение Калмиусской паланки. По крайней мере, в 1747 г. должность кальмиусского полковника уже существует.

Кальмиусская паланка стала центром приморской территории между Кальмиусом и Бердой. Насколько далеко на север распространялся её действенный контроль – пока сказать сложно. Поначалу паланка, видимо, была сезонной – только на тёплое время года. Но, по крайней мере, уже в 1760-х гг. в её переписке встречаются и зимние даты. Вероятно, на каком-то этапе она стала постоянной, круглогодичной.

Основные занятия постоянного и сезонного населения ведомства Кальмусской паланки хорошо прослеживаются, например, по документам пограничного инцидента с ногайцами 1747 г. [12]. Это, в первую очередь, рыбная ловля – наиболее интересный для тогдашних казаков способ заработка. Кроме того, в небольших объемах фиксируется звероловство и выпас скота. Незадолго до начала русско-турецкой войны 1768-1774 годов неподалёку от паланки отмечается и мельница, так что, видимо, начало развиваться и земледелие. Сама паланка, помимо административных и военных функций, была также ремесленным и торговым центром. В 1754 г. кальмиусский полковник А. Порохня на основе уже существовавшей какое-то время часовни устроил новую церковь. Это была походная церковь св. Николая [4, с.121-125].

Вопрос о том, где располагалась сама запорожская паланка – пока ещё не закрыт. Примерно в том же месте, где Бергман в 1702 г. видел

Кальмиусская паланка на карте Ригельмана (1768) [17].

заброшенные развалины, на планах конца XVIII – начала XIX в. показан старый земляной редут. Он типичен для степных укреплений XVIII в., но время и обстоятельства его сооружения пока не установлены. Этот редут был срыт в 1845 г. Традиционно именно он считается остатками Кальмиусской паланки, но прямых указаний на это современников пока нет. Раскоп 2010-2015 гг. был заложен в районе восточной куртины редута и уже дал массу материалов предположительно середины – второй половины XVIII в.

Но недавно была обнаружена карта барьерных земель вокруг Азовского моря 1768 года, принадлежавшая известному военному инженеру и историку А.И. Ригельману, который на тот момент служил начальником инженерной команды в крепости св. Димитрия Ростовского (нынешний Ростов-на-Дону). На данной карте показана и «Калмиуская поланка войска Запороскаго». Причём она изображена не на холме, а в низине у Кальмиуса – между устьем реки и озером «Адамаха» и частично на нынешнем «Горострове». Паланка изображена в виде хаотичного скопления домов. Укрепления вокруг неё не показаны. Если информация о таком расположении подтвердится независимыми источниками – это заставит переосмыслить весь казацкий период Мариупольщины…

К тому же самому автору и времени, что и данная карта, принадлежит и ещё один документ, составленный по запросу Коллегии иностран-

Примерное наложение данных Бергмана и Ригельмана на современную карту Мариуполя.

ных дел и отправленный из крепости св. Дмитрия в январе 1768 г. Это «Описание, учиненное селениям и рыбным ватагам ведомства Войска Донскаго и Запорожскаго в бариерных местах от реки Берды до Калмиуса и даже до Таган рога, а чье оное именно и где зимовники и ватаги находятца, о том явствует ниже». Данные «Описания…» и карты в основном сходятся. А вот как здесь описывается Кальмиусская паланка: «При устье реки Калмиуса ведомства того же войска Запорожскаго поселение, называемое полковая поланка, в которой церковь деревянная в столбах, забрата досками и оставлена вокруг оградою тынником – 1, рубленых жилых куреней или изб – 8, землянок – 8, погребов в земле выратых – 2» [1]. То есть в планке было всего 19 строений, включая церковь.

Кальмиусская паланка межвоенного периода просуществовала чуть более 20 лет. Осенью 1768 г., в ожидании начала боевых действий очередной русско-турецкой войны, ведомство этой паланки было централизованно эвакуировано запорожцами в более безопасные места. Была вывезена и Николаевская церковь. Вот как это изложено в письме генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского к графу Чернышёву от 25 июня 1770 г.: «селение Усть-Калмиуса, где было дворов до пя-

тисот и церковь, сожгли, а жителей всех согнали к устью Самары и к Сечи запорожской» [15, с.353]. Версия о героической гибели паланки во время январского набега крымцев на Бахмут пока не подтверждается документально. Скорей всего она возникла из неправильно понятого рассказа историка А.А. Скальковского о действиях запорожцев по защите северной части своих Вольностей летом 1769 г., где действовали и отряды эвакуированных из Приазовья казаков, а общее руководство обороной этого региона осуществлял бывший кальмиусский полковник Андрей Порохня [37, с.24-26]. В отношении разницы в показаниях о размерах паланки – данные Ригельмана, вероятно, гораздо более близки к реальности, чем то, что запомнил с чужих слов Прозоровский…

На первом этапе войны в наших краях активно действуют армейские соединения из корпуса Берга. Со временем возвращаются и запорожцы. Так, когда в начале октября 1773 г. через территорию нынешнего Ильичевского района Мариуполя проезжал академик Гильденштедт, то здесь, в междуречье Кальмиуса и Кальчика (на территории современного Ильичевского района Мариуполя), он приехал «к форпосту, занимаемому Запорожским полковником с двумя стами человек». Это не район устья Кальмиуса, и, видимо, Кальмиусская паланка на тот момент все ещё не существовала. Ещё в окрестностях Таганрога академику пришлось запастись «предварительно говядиной, хлебом, колёсами и осями, так как отсюда до Бердянской крепости, на разстоянии более двух сот вёрст, нет ни одной деревни» [11, с.218, 222; 10, с.14, 17-21].

Успела ли восстановиться ещё раз наша паланка до ликвидации Запорожской Сечи – пока точно не известно. По некоторым данным, запорожцы тогда опять отобрали у донцов земли до Миуса и вновь устроили паланку на Еланчике. Но с этим ещё нужно разбираться…

Недостаточно изучен пока и период 1775-1779 гг., во многом связанный с деятельностью Азовского губернатора Черткова. Именно он основал Павловск и вернул сюда Николаевскую церковь. Но масштабы и успешность его действий до сих пор остаются дискуссионными. В этот период среди жителей Павловского уезда встречаются многие из лиц, действовавших здесь ещё при Запорожье. Но вскоре все – и старые, и новые жители этого уезда – будут переселены в Присамарье, чтобы освободить место для греков-переселенцев. Начиналась новая эпоха, эпоха собственно Мариуполя…

Таким образом, из всех районов Северного Приазовья устье Кальмиуса оказалось одним из наиболее хорошо представленных в документах XVI-XVIII вв. Что даёт большие перспективы в изучении его прошлого. Но и, одновременно, налагает на занимающихся этой темой и серьёзную ответственность. Обнаруженные документы позволяют исправить некоторые ошибки, встречающиеся в работах предшествующих историков. И это, безусловно, положительный (и бесконечный) процесс…

Литература

1. Аваков П.А. Описание рыболовецких селений и ватаг донских и запорожских казаков в Северном Приазовье 1768 г. / Січеславський альманах, №7, 2014 г. Электронный ресурс: http://sa.nmu.org.ua/pdf/2014/Avakov.pdf
2. Акты московского государства, изданные Императорской академией наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571-1634. СПб. 1890. Электронный ресурс: http://runivers.ru/lib/book3031/
3. Акты Московского государства, изданные императорской академией наук. т.3. Разрядный приказ Московский стол 1660-64. – Санкт-Петербург, 1901. Электронный ресурс: http://runivers.ru/lib/book3031/
4. Архів Коша Нової Запорозької Січі: Корпус документів / упор. Л.З. Гіщова, Д.Л. Автономов то ін., т. 1. К., 1998.
5. Багров Л. История Русской картографии. М., Центрполиграф, 2005. 523 с.
6. Брехуненко В.А. Стосунки запорозького козацтва з Азовом у першій половині XVII ст. Электронный ресурс: http://www.ukrterra.com.ua/developments/history/su/brehunenko_azov.htm
7. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 1570-1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев / Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 2. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. – 328 с. Электронный ресурс: http://www.tataroved.ru/sttgon/sttgv2/
8. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М. 1953. Т. I.
9. Грибовський В. Формування локальної групи причорноморських ногайців у XVI – XVII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. — № 4. Київ, 2004. Электронный ресурс: http://www.history.org.ua/JournALL/uacenter/4/14.pdf
10. Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // Археологический альманах №14 – Донецк: ООО «Лебедь», 2004.
11. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-1774 г. (Перевод с Немецкого) // Записки императорского одесскаго общества истории и древностей (ЗООИД). Т.11, Одесса, 1879. Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/articles/hildenstedt2.htm
12. Документы из Архива Новой Сечи, касающиеся пограничного инцидента 1747 г. с ногайцами. Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/articles/border_1747.htm

13. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив, № 4. 1959. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Schlacht_Molodi/frametext.htm
14. Елагин С. История Русского флота. Период Азовский. Приложения. Часть 1, 2.
15. Журнал генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского. 1769-1776. Электронный ресурс: http://feb-web.ru/feb/rosarc/zgp/zgp-177-.htm
16. Запорожско-донские территориальные претензии середины XVIII в. и раздел земель по Кальмиусу в 1746 г. Документы. Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/articles/border_1746.htm
17. «Карта лежащим местам окол крепости святаго Димитрия Ростовскаго споказанием Российской Империи границ» (1768). Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/maps/rigelman_barier_1768.htm
18. Книга Большому Чертежу. Под ред. К.Н. Сербиной. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
19. Крымские ханы: портреты и жизнь. Электронный ресурс: http://podrobnosti.ua/114277-krymskie-hany-portrety-i-zhizn.html
20. LV. Кальмиусская паланка. Ревизия начал. Тезисы к докладу // Мариупольский краеведческий сборник / ред. кол. Р.П. Божко, С.Д. Буров, В.Н. Вереникин и др. – Мариуполь: Изд-во «Рената», 2010. – 84 с.
21. LV. К вопросу об «Овечьих Водах» в Приднепровье. Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/articles/ovechyi_vody.htm
22. Лишин А.А. Акты, относящиеся к истории Войска Донского / собранные генерал-майором А.А.Лишиным, Т.1, – Новочеркасск, 1891. Электронный ресурс: http://dspl.ru/elib/Pages/Collections/details.aspx?id=5
23. Лишин А.А. Акты, относящиеся к истории Войска Донского / собранные генерал-майором А.А. Лишиным, Т.2, Ч.1, Ч.2 – Новочеркасск, 1894. Электронный ресурс: http://dspl.ru/elib/Pages/Collections/details.aspx?id=5
24. Московский летописец / Полное собрание русских летописей, т. 34, М., 1978. Электронный ресурс: http://www.russiancity.ru/books/b60.htm
25. Мышецкий С. История о казаках Запорожских // Запорожская Сечь. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. – 608 с.
26. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1948. 450 с.
27. Песнь о Кафе // Записки Одесского общества истории и древностей, Том IX. 1875. Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Pesn_Kaffa/text.phtml?id=8209
28. План устья Кальмиуса Питера Бергмана 1702 г. (немецкий вариант). Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/maps/kalmius_1702.htm
29. План устья Кальмиуса Питера Бергмана 1702 г. (французский вариант). Электронный ресурс: http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=IFN-55003076&I=1&M=chemindefer

30. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том 1. 1649-1675. Спб, 1830. Электронный ресурс: http://runivers.ru/lib/book3130/
31. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том 5. 1713-1719. Спб, 1830. Электронный ресурс: http://runivers.ru/lib/book3130/
32. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том 11. 1740-1743. Спб, 1830. Электронный ресурс: http://runivers.ru/lib/book3130/
33. Прянишников И. Материалы для истории войска Донского: Грамоты. Новочеркасск, 1864. Электронный ресурс: http://dspl.ru/elib/Pages/Collections/details.aspx?id=5
34. РГАДА, ф.123, оп.1, кн.15
35. Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографическою комиссиею. Т.XXIV (Донские дела), СПб, 1906. Электронный ресурс: http://www.remezovi.ru/biblio/history/history.htm
36. Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) / Донские областные ведомости № 132/19.06.1913 г. стр. 2-3-4. Электронный ресурс: http://www.passion-don.org/tribes/tribes_7.html
37. Скальковский Л.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. – Ч. 3. – Одесса, 1846
38. Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 232 с.
39. Статейный список московского посланника в Крыму Ивана Судакова в 1587 – 1588 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Том 14. 1891. Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Iv_Sudakov_SS_1587_88/text.phtml?id=5442
40. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.
41. Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории / Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 273–311. Электронный ресурс: http://www.kyrgyz.ru/?page=298].
42. Шокарев С.Ю. Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI в. / Историко-публицистический альманах «Москва-Крым» №1, Москва 2000. Электронный ресурс: http://krotov.info/acts/16/3/krym.htm
43. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків: У 3 т./ Редкол.: П.С. Сохань (відп. ред.) та ін. – К.; Наук. думка, 1990-1991. Том 1
44. Listy Stanislawa Zolkiewskiego 1584 – 1620. Краков, 1868. Электронный ресурс: http://books.google.ru

Вопрос гуманизации в исторической науке на примере древней истории Донбасса

Бахмутский С.Ф.

Опираясь на археологические находки, письменные источники, учёные скрупулёзно воссоздают историческое прошлое Донецкого края. Очень много «белых пятен» в жизни нашего региона, который в старину нередко именовался «Диким полем», были устранены благодаря деятельности таких исследователей как Д.И. Багалей, Н.Е. Бранденбург, В.А. Городцов, Н.Е. Макаренко, В.А. Харламов и многих другие.

Вместе с тем, изложение древнейшей истории Донбасса не избежало тех крайностей, которые свойственны современной историографии. Эти крайности продиктованы порой недостаточно бережным, а порой чересчур взыскательным отношением к духовному богатству человечества вообще и духовному богатству жителей Донецкого региона в частности.

В литературе сложился определённый стереотип в изложении древней истории Донетчины. Несмотря на то, что археологические находки убедительно свидетельствуют об интенсивном заселении Донецкой земли 40 тысячелетий тому назад (Д.И. Багалей ещё в 1890 г. пришёл к выводу, что среднее течение Северского Донца было заселено в эпоху камня и бронзы), тем не менее, нередко отмечается, что наш регион, вплоть до появления здесь оседлого населения, был территорией, которую постепенно сменяли поколения кочевников. Распространёнными являются названия культур, но не названия племён, живших здесь до 1 тысячелетия до н.э. О них, как правило, говорят как о представителях древнеямной, катакомбной, срубной культур, положив в основу такой классификации способ захоронения ими покойников. Начиная с 1 тысячелетия до н.э. племена получают собственные имена: киммерийцы, скифы, готы, гунны, сарматы.

Такой подход к историческому прошлому необходим, хотя он не является полным, несмотря на свою углублённую детализацию. В нем ускользает главное – мировоззрение людей той эпохи, их духовная жизнь, т.е. во многом отсутствует признание человека как личности, проявляющей определённые способности, имеющей определённые этические и эстетические воззрения и психологию.

На этот недостаток в исторической науке указывают сами историки. Так, одна из блестящих знатоков старины А.Я. Ефименко в работе «История украинского народа» ещё в начале XX ст. отмечала: «Кочевые орды, перекатывавшиеся по нашим степям, представляются нам теперь в виде каких-то серых туч саранчи, несущих только истребление и уничтожение. Но такое представление очень одностороннее».

Тем не менее, изложение древнего периода жизни людей на территории нашего края, собственно, как и изложение исторических событий вообще, происходит таким образом, что основное внимание уделяется социально-политическому аспекту. В отношении к древней истории на первый план выходят такие вопросы: война, описание жизни царей, полководцев, образование военной знати, социальное неравенство и т.п.

Иными словами, историки занимаются не столько описанием реального исторического процесса, сколько социально-политической картиной мира, в которой чрезвычайно много политических нюансов, но в которой реально действующий человек выведен за рамки истории. Лишь отдельными штрихами исследователи рисуют быт древних жителей нашего края, их культуру. Повседневная жизнь древних замалчивается или же воспроизводится односторонне. А ведь они внесли немалый вклад в прогресс человечества. Вот только несколько примеров.

Под Луганском были найдены каменные орудия культуры неандертальцев (100-40 тысяч лет тому назад). Близ села Зелёный Гай Тельмановского района Донецкой области на стоянке древнего человека найдены кремнёвые орудия, изготовленные 300-140 тысяч лет тому назад. При раскопках недалеко от Донецка найден остродонный горшок, изготовленный в III тысячелетии до н.э., на нём загадочные знаки. Исследователи не исключают того, что это образцы древней письменности.

Во II – начале I тысячелетия до н.э. древние жители Донецкого региона вели меднорудные разработки, в частности под Артёмовском, научились изготавливать бронзовые изделия, освоили сверление и полировку кремнёвых и каменных изделий. В I тысячелетии до н.э. организовали добычу железа и его обработку. В этот период развивается земледелие.

О жизни племён, населяющих в этот период Донецкий край, упоминается во многих древних источниках, в частности, у древнегреческого историка Геродота (V век до н.э.). Скифы занимались выплавкой и обработкой железа, земледелием. Сарматы вытеснили скифов, известных золотыми и серебряными изделиями. Именно в их эпоху в районе Никитовки Донецкой области добывалась киноварь и отправлялась в Грецию для приготовления красной краски. Издавна в Донбассе использовался мел и каолин для приготовления белой краски, а бурый железняк – для жёлтой. Не исключено, что в древности добывали в Донецком регионе и золото.

Многое сделано нашими далёкими предками в земледелии, животноводстве, искусстве выделки кож, изготовлении домашней утвари. Знакомы они были и с судоходством.

В целом ряде публикаций, исследователи, ссылаясь на те или иные литературные источники, изображали приходивших на территорию Донецкого края из Азии кочевников односторонне и упрощённо, как врага. Однако нельзя забывать о том, что кочевники не просто двига-

лись с Востока па Запад и с Запада на Восток по территории Донецкого края, а оседали здесь на столетия, оказывая значительное влияние на культуру и быт коренного населения.

Анализ фольклорных памятников Киевской Руси позволяет утверждать, что произошёл целый ряд заимствований славянами многих достижений духовной культуры кочевников-азиатов.

Таким образом, реальный исторический процесс имеет массу различных проявлений, которые официальная историческая наука не только не в состоянии более или менее полно отразить, но нередко и не пытается это сделать.

Для изменения сложившегося положения необходима принципиально иная интерпретация не только вновь собираемого материала, но и уже добытых исторической наукой фактов. Однако это возможно осуществить лишь путём изменения общей концепции анализа исторического материала, выработки новой методологии. Такая необходимость диктуется закономерностями восприятия новых научных идей и представлений, логикой и психологией научного познания. Дело в том, что информация о новых явлениях и фактах как бы фильтруется различными исследователями в соответствии с выработанным стилем мышления, с устоявшейся логикой интерпретации материала, с определённой ментальностью и пониманием понятий «научное» и «ненаучное».

Конечно, воспроизведение древней и древнейшей истории, в том числе и Донбасса, имеет немало объективных трудностей и непреодолимых преград. Однако необходимость гуманизации становится все более необходимой для исторической науки. Без истории культуры, науки, повседневной жизни людей, быта история представляет собой унылое черно-белое полотно. Только изображая реальный исторический процесс, история может перейти от схем и упрощений, заиграть всеми цветами радуги.

И какими бы не были актуальными подходы исследователей, человеческая жизнь должна рассматриваться как единственная ценность общественной жизни в историческом контексте. Такой подход, несомненно, позволит сделать немало открытий и в истории Донбасса.

Сведения об авторах

Бахмутский Сергей Фёдорович	**Авдеевка.** Независимый исследователь
Кравченко Эдуард Евгеньевич	**Донецк.** Старший научный сотрудник научно-методического отдела археологии ДРКМ
Кузин Валерий Иванович	**Донецк.** Старший научный сотрудник научно-методического отдела археологии ДРКМ
Ляшенко Валерий Георгиевич	**Донецк.** Кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Донецкой музыкальной академии им. С.С. Прокофьева
Чепига Галина Геннадиевна	**Донецк.** Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методического отдела археологии ДРКМ
LV	**Мариуполь.** Независимый исследователь

Научное издание

МУЗЕЙНЫЙ ВЕСТНИК РЕСПУБЛИКИ

№ 1

2017

Главный редактор: Дедкова Е.Н.

Ответственный за выпуск: Пысина А.Н.
Технический редактор: Пилипенко Д.В.
Дизайн: Вербовский А.В.
Компьютерная вёрстка: Пилипенко Д.В.

Адрес типографии: 83017, г.Донецк, ул.Овнатаняна, 16А

Подписано в печать 31.07.2017 г.
Объём 28,83 усл. печ. л.
Формат 60×84/16

Бумага офсетная
Тираж 300 экз.
Заказ № 167/1